

ДРЕВНИЕ НЕКРОПОЛИ:

ПОГРЕБАЛЬНО-
ПОМИНАЛЬНАЯ
ОБРЯДНОСТЬ,
ПОГРЕБАЛЬНАЯ
АРХИТЕКТУРА
И ПЛАНИРОВКА
НЕКРОПОЛЕЙ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUT FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
THE STATE HERMITAGE MUSEUM
PROCEEDINGS. VOL. 47

**ANCIENT NECROPOLISES —
FUNERAL AND MEMORIAL RITUALISM, ARCHITECTURE
AND PLANNING OF NECROPOLISES**

St. Petersburg

2018

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
ТРУДЫ ИИМК РАН. ТОМ 47

**ДРЕВНИЕ НЕКРОПОЛИ —
ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ,
ПОГРЕБАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА
И ПЛАНИРОВКА НЕКРОПОЛЕЙ**

Санкт-Петербург

2018

УДК 902/904

ББК 63,4

Древние некрополи — погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей. Труды ИИМК РАН. Т. 47. — Санкт-Петербург, ИИМК РАН, Гос. Эрмитаж. — 256 с., ил.

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН
Approved for publication by the Academic Board of IHMK RAS

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (отв. ред.), М. Е. Килуновская, Н. А. Лазаревская, С. А. Яценко
Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), M. E. Kilunovskaya, N. A. Lazarevskaya, S. A. Yatsenko

Перевод на английский язык А. В. Семёнов
English translation: A. V. Semenov

Рецензенты: доктор исторических наук В. А. Лапшин, доктор исторических наук А. Ю. Алексеев, кандидат исторических наук В. А. Алёкшин
Reviewers: Doctor of Historical Sciences V. A. Lapshin, Doctor of Historical Sciences A. U. Alekseev, Candidate of Historical Sciences V. A. Alekshin

Предлагаемый читателю сборник является публикацией материалов представительного международного Круглого стола «Древние некрополи: погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей», проведенного в Петербурге в ноябре 2016 г. Он является второй из задуманной серии подобных встреч, посвященных малоисследованным аспектам погребальной обрядности, отражению в материалах археологии ментальности и субкультурной специфики. В публикуемых текстах особое внимание уделяется закономерностям внутренней планировки некрополей и святилищ, междисциплинарному исследованию памятников такого рода, редким формам погребальных и надмогильных сооружений, обрядам обезвреживания умерших, в том числе с их черепами, человеческих жертвоприношений, реконструкции средневековых наземных склепов (выглядеющих сейчас как курганы) и т.п. Тексты размещены в хронологической последовательности от неолита к позднему средневековью. Сборник будет полезен археологам, религиоведам, этнографам, историкам и всем интересующимся древней религией и культурными корнями ряда современных традиций.

We are glad to offer this digest to the readers. This is the publication of the materials of representative international Round table «Ancient necropolises: funeral and memorial ritualism, architecture and planning of necropolises», which took part in St.-Petersburg, November 2016. It is second in series of similar meetings, dedicated to the little-explored aspects of funeral ritualism. One of those aspects is the reflection of mentality and sub-cultural specifics in archaeological materials. In the published texts special attention is paid to the regularities of internal planning of necropolises and sanctuaries, interdisciplinary research of this type of sites, rare forms of burial constructions, "disarming" rituals with bodies and skulls, human sacrifices, reconstruction of the medieval land crypts (which now look like barrows), etc. Texts are arranged in chronological sequence from Neolithic to Late medieval. Digest would be useful for archaeologists, ethnologists, religious scholars, historians and everyone who wish to study ancient religions and cultural roots of some modern traditions.

На лицевой стороне обложки: могильник Эки-Оттуг 2, курган 1, Тыва

ISBN 978-5-93572-816-8

© Институт истории материальной культуры РАН /
Institute for History of Material Culture RAS, 2018

© Государственный Эрмитаж /
The State Hermitage Museum, 2018

© Авторы статей / Authors of papers, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	9
Перцева М. А. Ямы с фигурными выемками — особый вид погребений среднего бронзового века	10
Ковалев А. А. Могильные ямы, моделированные по форме повозки, в Синьцзяне и Восточном Казахстане: их датировка и происхождение	25
Куприянова Е. В., Кириллов А. К. Роль и функции рва в погребальных комплексах эпохи бронзы Южного Зауралья	34
Рафикова Я. В. Антропоморфные стелы в погребальной обрядности эпохи поздней бронзы Южного Зауралья	40
Лазаретов И. П., Морозов С. В., Поляков А. В. Новые данные о манипуляциях с черепами в погребальном обряде окуневской культуры	51
Усманова Э. Р. Кефалотафия по-андроновски (по материалам погребений Лисаковской округи II тыс. до н. э.)	57
Боковенко Н. А. Вход в погребальное сакральное пространство у древних народов Среднего Енисея IV—I тыс. до н. э.	63
Ташбаева К. И. К семантике входов и дромосов в срубных конструкциях ранних кочевников Внутреннего Тянь-Шаня	71
Агульников С. М. О топографии и планировке могильника белозерской культуры Причерноморья	79
Малюкевич А. Е., Агульников С. М. Курганные некрополи Днестровского Правобережья	86
Килуновская М. Е. Погребальные памятники Тувы от древности до средневековья	92
Кисель В. А. Человеческие жертвоприношения могильника Догээ-Баары в Туве	106
Семенов Вл. А. Планиграфия могильников Суглуг-Хем I и Суглуг-Хем II в Туве (III—II вв. до н. э.)	113
Бородовский А. П. Погребальное пространство в контексте политкультурности (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа на Верхней Оби)	123
Шишкин А. С., Волков П. В., Зубова А. В., Кишкурно М. С. Выставление голов у носителей каменной культуры Верхнего Приобья (по материалам Быстровского некрополя)	134
Субботин А. В. Курганные некрополи тагарской культуры на юге Назаровской котловины ..	144
Акулов А. Г. «Время котов». Великолепные полтора века мемориалов тагарских нобилей ...	149
Вадецкая Э. Б. Отражение в коллективных могилах Енисея представлений о смерти индивида и возрождении социума	164
Козленко Р. А. Обряд обезвреживания погребенных в Нижнем Побужье в античный период	174
Федоров В. К. Вторжения в могилы единоплеменников при совершении новых захоронений у ранних кочевников Южного Урала VI—I вв. до н. э.	181
Сиротин С. В. Планиграфическое отражение основных этапов сооружения курганного могильника Переволочан I в Зауральской Башкирии	192
Ивченко А. В. Постпогребальная обрядность на некрополе Ольвии	201
Полин С. В. Об ограблении скифских курганов в Северном Причерноморье	206
Симонян А. Е., Атоянц Е. А. Некрополь Тейшебаини	216
Яценко С. А. Возможности анализа планиграфии малых сарматских некрополей	224

Андрух С. И., Тоцев Г. Н. Археологические культуры Северного Причерноморья в фокусе Мамай-Горы	232
Смагулов Е. А. Место наземных склепов в погребальном обряде раннесредневековой Сред- ней Азии	241
Список сокращений	251
Сведения об авторах	253

CONTENTS

Introduction	9
Pertseva M. A. Pits with figured recesses — special type of burial constructions of middle Bronze Age	10
Kovalev A. A. Grave pits modelled by the shape of cart in Xinjiang and Eastern Kazakstan: dating and origins	25
Kupriyanova E. V., Kirillov A. K. Role and functions of a moat in burial complexes of Bronze Age of Southern Trans-Urals.	34
Rafikova Ya. V. Stone anthropomorphic steles in the funeral rites of late Bronze age of Southern Trans-Urals	40
Lazaretov I. P., Morozov S. V., Polyakov A. V. New data on manipulations with skulls in the funeral rite of Okunevo culture	51
Usmanova E. R. Kefalotaphy in Andronovo culture (by the materials from burials of Lisakovskaya okrug of 2 nd millenium B. C.)	57
Bokovenko N. A. Entrance into the sacred funeral space among the ancient peoples of Middle Yenisei IV–I millenium B. C.	63
Tashbaeva K. I. To the semantics of dromoses and entrances in the timber constructions of Inner Tien-Shan early nomads	71
Agulnikov S. M. About topography and planning of Belozerskaya culture cemeteries	79
Malyukevitch A. E., Agulnikov S. M. Barrow necropolis of the Dniester Right Bank	86
Kilunovskaya M. E. Burial sites of Tuva from primeval to medieval ages	92
Kisel V. A. Human sacrifices on Dogae-Baary cemetery in Tuva	106
Semenov VI. A. Planigraphy of Suglug-Khem I and Suglug-Khem II cemeteries in Tuva (III–II centuries B. C.)	113
Borodovskiy A. P. Funeral space in the context of polyculturalism (on materials from Bystrovsky necropolis of early Iron Age on Upper Ob)	123
Shishkin A. S., Volkov P. V., Zubova A. V., Kishurko M. S. Exposing of heads among the bringers of Kamenskaya culture of Upper Ob (on materials from Bystrovsky necropolis)	134
Subbotin A. V. Barrow fields of tagarskaya culture in the south of the Nazarovo basin	144
Akulov A. G. «Time of cats». Amazing century of Tagarskaya noble monuments	149
Vadetskaya E. B. Death of an individual and revival of society reflected in collective graves of Yenisei basin	164
Kozlenko R. A. Rite of disarming of the buried bodies among population of Lower Pobuzhue ...	174
Fedorov V. K. Encroaching of tribe-mate graves during the creation of new burials among nomads of Southern Urals at VI–I centuries B. C.	181
Sirotnin S. V. Planigraphic reflection of the main constructional stages of Perevolochan barrow cemetery in Trans-Ural Bashkiria	192
Ivchenko A. V. After-funeral rituals on Olbia necropolis	201
Polin S. V. About the despoilment of Scythian mounds in Northern Black Sea Coast	206
Simonyan H. E., Atoyantz E. L. Necropolis Teyshebaini	216

Yatsenko S. A. Possibilities of minor sarmatian necropolises planographic analysis	224
Andruh S. I., Tosheev G. N. Archaeological cultures of Northern Black Sea Coast in focus of Mamai-Gora	232
Smagulov E. A. Place of surface crypts in the funeral rite of early-medieval Central Asia	241
List of abbreviations	251
List of contributors	253

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Перед вами – сборник, составленный на основе докладов международного круглого стола «Древние некрополи – погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей», организованного на базе Института истории материальной культуры РАН в Петербурге 28–30 ноября 2016 г. В нем приняли участие археологи из России, Германии, Казахстана, Украины, Молдовы и Армении. Это мероприятие задумывалось как не вполне обычное, хотя конференции, посвященные преимущественно раскопкам могильников, давно стали чем-то привычным. Традиционно интерес к некрополям объясняется довольно высокой информативностью не разрушенных погребений, а также тем, что некоторые культуры прошлого, например – степных кочевников, сегодня представлены почти исключительно их могилами. Как правило, коллег на таких научных мероприятиях интересуют датировка древнего кладбища, хронология отдельных категорий артефактов, основные формы могильных конструкций, размещение сопутствующих вещей и самого умершего в могиле.

В нашем случае внимание участников было сфокусировано на разных аспектах планиграфии могильников, на деталях как погребальной обрядности (кремация, изготовление погребальных кукол, человеческие жертвоприношения и др.), так и обрядности постпогребальной (в том числе – на обряды с головой/черепом, ритуальное обезвреживание умерших), на разнотипных деталях погребальных сооружений (каменные оградки, «подкурганые» мавзолеи, кольцевые рвы в курганах, статуи, эпитафии) и отчасти – на ограблениях. Как видим, акценты были смещены с привычных систематизации, датировок и наиболее очевидных проявлений погребально-поминальной обрядности (форм ям, размещения в них умерших и их вещей) в сторону религиозно-символической и конструктивно-пространственной составляющих некротопос. Предпочтение Оргкомитета во многих случаях отдавалось нестандартным трактовкам следов обрядности.

Петербургская встреча была, в свою очередь, продолжением круглого стола в Челябинском университете «Археология древних ограждений и символических захоронений» в январе 2015 г., посвященный разным трактовкам потревоженных в древности погребений. Третий круглый стол по кругу названных проблем решено провести в 2018 году в г. Уфа. Мы будем рады встретиться там с Вами.

М. Е. Килуновская, С. А. Яценко

М. А. Перцева

ЯМЫ С ФИГУРНЫМИ ВЫЕМКАМИ — ОСОБЫЙ ВИД ПОГРЕБЕНИЙ СРЕДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА

Число находок ям и катакомб, стенки и дно которых фигурно оформлены выемками, составляет в Азово-Каспийских степях уже более полусотни. В статье впервые представлен обзор таких памятников. Захоронения в фигурных ямах совершались в позднекатакомбное время, однако истоки этого обряда связаны с поздненовотиторовской и раннекатакомбной культурами. Моделирование формы погребальных сооружений производилось для размещения повозки или ее символического обозначения внутри погребального сооружения. На это указывает наличие фигурных ям с выемками в дне: как с повозками, поставленными колесами в эти выемки, так и без повозок. Также о символическом обозначении повозки в погребении может свидетельствовать положение погребенных выше уровня плоского дна или дна, оформленного выступами-перемычками. Кроме того, идея приподнятого над землей кузова повозки, стоящей на колесах, могла реализовываться посредством не только выступов-перемычек в центре ямы, но и столбовых конструкций. В то же время положение погребенного и инвентаря выше уровня дна может указывать и на изначальное присутствие повозки в погребении, остатки которой не сохранились.

Ключевые слова: бронзовый век, маньчская культура, фигурные ямы, деревянные повозки, Азово-Каспийские степи

К настоящему времени в результате археологических исследований в Нижнем Поволжье, Приазовье и Степном Предкавказье получена серия своеобразных погребальных памятников среднего бронзового века. Все они имеют схожие конструктивные особенности: выемки подовальной, округлой или прямоугольной формы в дне и дугообразные выступы стенок.

Впервые такие погребения были открыты на территории республики Калмыкия в 1964–1965 гг. экспедицией под руководством профессора И. В. Синицына близ южной окраины города Элиста и при проведении спасательных раскопок, предварявших строительство Чограйского водохранилища (*Синицын, Эрдниев, 1971. Рис. 23; Синицын, 1978. Табл. 33, 9; 37, 4; 86, 4; 90, 5*). К сожалению, тогда многие особенности погребальных конструкций и элементы погребального обряда не были зафиксированы, но дальнейшее накопление материала позволяло совершенствовать методику его полевого изучения.

Исследователи уделяли внимание погребениям с фигурными стенками из-за их неординарной формы и зачастую наличия богатого随покойного инвентаря. Были предложены интерпретации данных погребений, согласно одной из которых, конструкция ямы, имитируя погребальное ложе, повторяла форму растянутой шкуры животного, в то время как наличие повозки непосредственно в могиле никак не сказывалось на конструкции погребального сооружения (*Избищев, 1996. С. 76–78*).

Согласно другой интерпретации, специальное оформление ямы или шахты связано с помещением в могилу повозки. А. А. Калмыковым была высказана точка зрения, согласно которой различные виды фигурных выемок связаны с практическими потребностями размещения в погребении повозки в собранном или разобранном виде и помещении колес горизонтально или вертикально. Углубления в дне, выгнутые внутрь стенки и положение погребенных выше уровня дна являются маркерами изначального присутствия повозки в погребении (*Калмыков, 2016. С. 28–29*). Могильные конструкции восточноманьчской культуры М.В. Андреева связала с архитектурной моделью повозки. При этом она отметила, что в материале культуры в половине погребений с повозками входные шахты катакомб или погребальные ямы были фигурно оформлены (*Андреева, 1996. С. 542–543; 2014. С. 39–40*). В целом же, проблемы истоков подобного обряда, территории его распространения и времени бытования остались вне поля внимания исследователей.

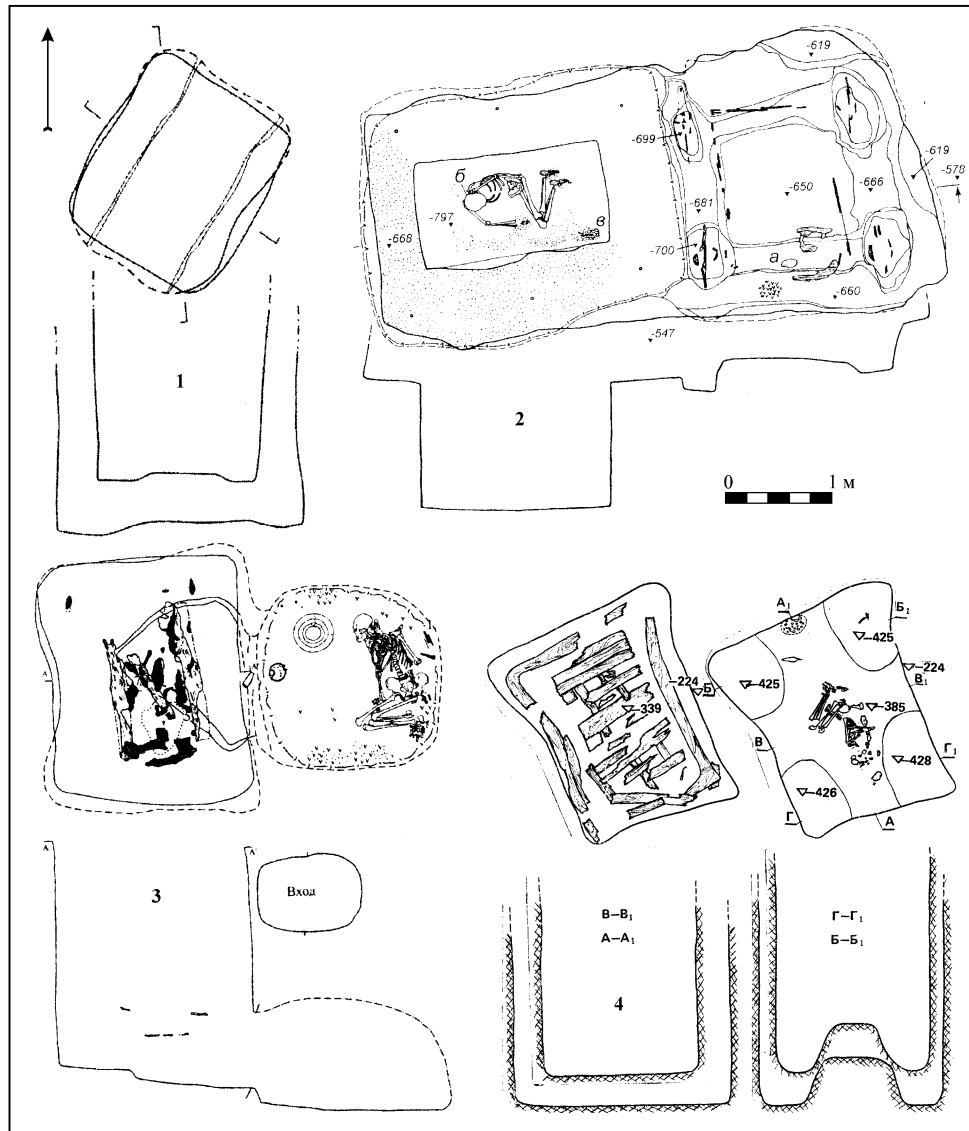

Рис. 1. Погребения с повозками, поставленными колесами в углубления дна:
1 — Буденновск-IV 12/3; 2 — Малан-I 9/25; 3 — Бережной-VI 2/6; 4 — Чограй-VIII 5/3.

Сейчас нам известно о 62 погребениях (38 ям и 24 катакомбы), происходящих из памятников Ставропольского края, Волгоградской и Ростовской областей, Республик Калмыкии, Крыма и Северной Осетии¹. Сведения о погребениях, вошедших в выборку, представлены в виде таблицы (см. Табл. 1). Все они относятся к позднекатакомбному времени, то есть, по данным радиоуглеродного датирования приблизительно к XXV–XXIII вв. до н. э. (Шишлина, 2007. С. 390–393; Андреева, 2014. С. 13). Наибольшая их концентрация отмечается на территории Калмыкии.

В четырнадцать из этих погребений (семь входных шахт катакомб и семь ям) были зафиксированы остатки четырехколесных повозок, в восьми случаях поставленных в углубления дна: Бережной-VI 1/9, 2/6; Буденновск-IV 12/3; Буденновск-X 7/9; Веселая Роща 16/5; Малан 9/25; Чограй-VIII 5/3; Шахаевская-II 2/8 (рис. 1). Схожие углубления дна встречены и в четырнадцати входных шахтах и погребальных ямах, где остатков транспортных средств выявлено не было: Ближнероссошский 17/1; Ергенинский 6/2, 6/5; Заканальный 3/1, 5/1; Первомайский-VII 36/11; Раздольное (Шалфейное) 1/25; Ростовские курганы 11/12; Спасское 1/12; Танькин 1/4; Цаган-Усн-VII 4/16; Цаган-Усн-VIII 1/3; Чограй-IX 9/4; Эвдык-I-83 12/1 (рис. 2).

¹ В настоящей работе не учитывались находки фигурных ям, сделанные на севере Ставропольского края и не опубликованные до настоящего времени.

Табл. 1. Данные о погребениях с фигурными выемками позднекатакомбного времени Азово-Каспийских степей²

№ п/п	Памятник/год раскопок	Курган/погребение	Остатки повозки	Форма погребального сооружения				Положение погребенного и инвентаря				Источник	
				Тип конст-рукции	Фигурные выемки			Ко-во погребенных	По-за	Ориентировка	Погребенный и инвентарь выше уровня ана (м)		
Яма	Вх. шахт. катак.	В дне	Овальн. прямоуг.	В стенках	сп, скорч	в	-					М.І. Вязьмітца, В.А. Ілїнська, Ф.Ф. Покровська, О.І. Тереножан, Г.Т. Ков-паненко. Кургани біля с. Ново-Пилипівки і радюсту «Алкермень» // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. VIII. Київ, 1960. С. 91-95.	
1	Алкермень-І 1952	1/6	-	-	+	-	-	+	1	сп, скорч	в	-	М.І. Вязьмітца, В.А. Ілїнська, Ф.Ф. Покровська, О.І. Тереножан, Г.Т. Ков-паненко. Кургани біля с. Ново-Пилипівки і радюсту «Алкермень» // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. VIII. Київ, 1960. С. 91-95.
2	Бережній-VI 2001	1/9	кузов 1,7×0,7; колеса 0,55-0,6	-	+	-	+	+	1	прав. б, скорч.	з	+	Бласкін Н.М., Петров В.П. Погребения с повозками эпохи средней бронзы из могильника «Бережній-VI» // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. Вып. 18. Азов, 2002. С. 261-273.
3		2/6	кузов 0,85×1,5; колеса	-	+	-	+	+	1	прав. б, скорч.	ссз	+	
4	Ближнерос-сошский-І 1988	17/4	-	+	-	-	+	-	1	прав. б, скорч.	з	-	Файферт А.В. (сост.). Курганные погребения раннего бронзового века Нижнего Подонья (свод археологических источников). Ростов-на-Дону, 2014. С. 187-188.

² «+» — наличие признака

«-» — отсутствие признака

«вх. шахт. катак.» — входная шахта катакомбы

«лев. б, сп.» — на левом боку, с завалом на спину

«нижк.» — нижком

«прав. б, гр.» — на правом боку, скорчено, с завалом на грудь

«прав.б, скорч./лев. б, скорч.» — на правом или левом боку скорчено

«сп., скорч.» — погребенный на спине с подогнутыми ногами

«столб. конструкц.» — столбовая конструкция

ЛБ — лесобережная группа курганов могильника Восточный Манчж

ПБ — правобережная группа курганов могильника Восточный Манчж

5	Буденновск-IV	12/3	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	0,1–0,2	Камыков А.А. Об использовании повозок в погребальном ритуале восточнокавказской катакомбной культуры // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX. Крупновские чтения. Материалы междунар. научн. конференц. Грозный, 19-21 апреля 2016 г. Грозный, 2016. С. 27, 29.
6		7/2	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	0,3–0,4	
7	Буденновск-Х	7/9	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
8	Веселая Гоцца 1979	16/5	кузов; колеса 0,6	–	+	–	–	–	–	–	–	–	?	Гомановская М.А. Находки повозок эпохи бронзы в Ставрополье // КСИИА. Вып. 169. 1982. С. 102-108.
9	Веселая Гоцца 1980	21/15	дерево настилы	+	–	–	–	–	–	–	–	–	0,1–0,25	Державин В.Л. Погребения эпохи бронзы из курганов у хутор. Веселая Гоцца (по материалам экспедиции 1980 г.) // Мунцаев Р.М. (отв. ред.) Древности Ставрополья. М., 1989. С. 125-194.
10	Восточный Маньч-I-ЛБ 1965	23/4	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–	Синицын И.В. Древние памятники Восточного Маньча. Саратов, 1978. Т. I. С. 34; Т. II. Таб. 33, 9.
11		24/6	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–	Синицын И.В. Древние памятники Восточного Маньча. Саратов, 1978. Т. I. С. 35; Т. II. Таб. 37, 4.
12	Восточный Маньч -I-ЛБ 1966	28/7	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	Синицын И.В., Эраниев У.Э. Древности Восточного Маньча // Эраниев У.Э. (отв. ред.) Археологические памятники Каамыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста, 1981. С. 34-35; рис. 3, 6.
13		43/12	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–	Синицын И.В., Эраниев У.Э. Древности Восточного Маньча // Эраниев У.Э. (отв. ред.) Археологические памятники Каамыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста, 1981. С. 58; рис. 14, 3.
14		11/3	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	Синицын И.В., Эраниев У.Э. Древности Восточного Маньча. Элиста, 1987. С. 45; рис. 21, 1.
15	Восточный Маньч-III-ЛБ 1966	16/9	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	Синицын И.В., Эраниев У.Э. Древности Восточного Маньча. Элиста, 1987. С. 61.
16		29/9	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–	Синицын И.В., Эраниев У.Э. Древности Восточного Маньча. Элиста, 1987. С. 90-91; рис. 45, 4.
17	Восточный Маньч-IV 1965	4/9	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	Синицын И.В. Древние памятники Восточного Маньча. Саратов, 1978. Т. I. С. 108; Т. II. Таб. 90, 5.
18		5/5	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	Синицын И.В. Древние памятники Восточного Маньча. Саратов, 1978. Т. I. С. 110-111; Т. II. Таб. 86, 4.

34	Овата-V 1992	1/4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	лев. б.	взв	-	Аралов С.В. Отчет об археологических исследованиях у поселка Овата Цемлинного района Республики Кабарды в 1992 г. // НА ИА РАН. Р.-1. № 17070. 17071.
35	Первомайский-VII 1990	36/ 11	-	+	-	-	-	-	-	-	+	1	лев. б. (сп.)	в	-	Мамонтов В.И. Древнее население левобережья Дона (по материалам курганного могильника Первомайский VII). Волгоград, 2000. С. 38-39, рис. 4, б.
36	Перекопка-V 2007	1/7	колеса 0,65-0,7	+	-	-	-	-	-	-	+	1	прав. б.	сз	0,22- 0,27	Сергачков И.В. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства ЛЭП 500 Кв у села Перекопка Клетского района Волгоградской области в 2007 г. // Фонды ВСКМ
37	Раздольное (Шадфейное) 1991-92	1/25	-	+	-	-	-	-	-	-	+	3	лев. б., сп., скорч. ?; лев. б.	св; з	+	Колтухов С.Г., Кислый А.Б., Тошев Г.Н. Курганные древности Крама. Запорожье, 1994. С. 34-37.
38	Ростовские курганы 1967-68	11/12	-	+	-	-	-	-	-	-	+	?	?	?	?	Файферт А.В. (сост.). Курганные погребения раннего бронзового века Нижнего Подонья (своа археологических источников). Ростов-на-Дону, 2014. С. 23-24.
39	Спасское 1988	1/12	-	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	Андреева М.В., Новикова Л.А. Курганы у села Спасское Ставропольского края // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь, М., 2001. Вып. 2. С. 5-51.
40	Старца 1961	12/2	-	+	-	-	-	-	-	-	+	1	лев. б.	св	+	Шилва В.П. Отчет о раскопках Астраханской экспедиции 1961 г. Ч. 1-2 // НА ИА РАН. Р.-1. 2308, 2308 б.
41	Танькин 1984	1/4	-	+	-	-	-	-	-	-	+	?	?	?	?	Файферт А.В. (сост.). Курганные погребения раннего бронзового века Нижнего Подонья (своа археологических источников). Ростов-на-Дону, 2014. С. 190-191.
42	Троицкое 1983	3/6	-	+	-	-	-	-	-	-	+	1	лев. б.	ю	+	Наглер А.О., Антипина Е.Е. О хронологическом месте восьмеркообразных ям эпохи средней бронзы моздокской степи // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Сб. науч. трудов. Оражониктазе, 1988. С. 68-77.
43	Хар-Зуха-I 1991	4/2	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	0,18	Очир-Горяева М.А. Отчет об исследовании курганного могильника Хар-Зуха в Икль-Бурульском районе Кабарды АССР в 1991 г. // НА ИА РАН. Р.-1. 17579, 17580.

44	Цаган-Нур 1989	3/1	-	-	+	-	-	+	-	+	-	лев. б.	юз	1,10	Очир-Горьева М.А. Отчет об исследовании курганного могильника Цаган-Нур Октябрьского района Калмыцкой АССР в 1989 г. // НА ИА РАН. Р.-1. № 13445, 13446.
45		4/5	-	-	+	-	-	+	-	+	-	лев. б.	ююз и юв	-	
46	Цаган-Нур 1989	7/1	-	+	-	-	-	-	-	+	-	лев. б., прав. б.	ююз и юз	+	Мычко Н.В. Отчет о раскопках двух курганов в зоне орошаемого участка совхоза Цаган-Нур, Октябрьского района, Калмыцкой АССР // НА ИА РАН. Р.-1. № 14133, 14134.
47		8/3	-	+	-	-	+	+	-	+	-	лев. б.	ю	?	
48	Цаган-Усн- VIII 1987	4/16	-	+	-	-	-	-	-	+	-	лев. б.	ююз и св	+	Шилов В.П. Отчет об исследованиях Волго-Донской археологической экспедиции ИА АН СССР и КНИИ ИФЭ в Яшкульском районе Калмыцкой АССР // НА ИА РАН. Р.-1. № 12351
49	Цаган-Усн- VIII 1987	1/3?	-	+	-	-	+	-	+	-	сп, скорч ?	ю	0,3	Шишлина Н.И. О социальной дифференциации населения в калмыцкой степи в эпоху средней бронзы // Материалы по археологии Калмыкии. Элиста, 1991. С. 121-130.	
50	Черноярское 1983	1/9	-	+	-	-	-	-	-	+	лев. б.	ю	0,58 столб. конст- руиц.	Наглер А.О., Антипина Е.Е. О хронологическом месте восьмеркообразных юв эпохи средней бронзы моздокской степи // Потребительский обзор археологии и средневекового населения Северного Кавказа. Сб. науч. трудов. Орджоникидзе, 1988. С. 68-77.	
51	Цограй-VIII 1979	4/4	-	-	+	-	-	-	-	+	-	лев. б.	в	-	Андреева М.В. Курганы Уцограйского водохранилища (материалы раскопок экспедиции 1979 г.) // Мунчаев Р.М (отв. ред.) Древности Ставрополья. М., 1989. С. 24-124
52		5/3	кузов, 2х1,3; колеса	+	-	-	+	-	-	+	-	лев. б.	ююз на повозк.	+	
53		18/4	-	-	+	-	-	-	-	+	-	лев. б.	юв	-	
54		18/5	-	-	+	-	-	-	-	+	-	лев. б.	юв	-	
55	Цограй-VII 1986	1/3	-	-	+	-	-	-	-	+	-	лев. б.	в; ююз	-	Николаев Н.А. Отчет о раскопках курганов в зоне орошаемого участка совхоза «Цограйский» (600 га/ Калмыцкой АССР в 1986 году // НА ИА РАН. Р.-1. № 11627, 11627 а.

56		3/17	-	-	+	-	-	+	1	лев. б.	юв	?	Андреева М.В. Восточноманьчская катакомбная культура. Анализ материалов погребальных памятников. М., 2014. Илл. 10, 6; илл. 11, 5.
57	Чограй-IX 1986	9/4	-	+	-	-	+	+	1	лев. б.	ю	?	Андреева М.В., Ульянова О.А. Отчет о работах Арзгирского отряда Ставропольской экспедиции в 1986 году // ИА ИА РАН. Р-1. № 11910.
58	Шахаевская- II 1972	2/8	кузов 1,05×1,4; колеса 0,7	-	-	+	-	+	2	прав. б. вторичн.	юв	+	Федорова-Давыдова Э.А. Раскопки курганной группы Шахаевская-II на р. Маныче // Древности Дона. С. 35-87.
59		12/1	-	+	-	+	-	+	1	лев. б.	ююз	+	Шпилов В.П. Отчет о раскопках Волго-Донской археологической экспедиции в 1983 г. (могильник Эвады) // ИА ИА РАН. Р-1. № 9589.
60	Эвады I 1983	17/5	-	+	-	-	+	+	?	?	?	?	
61		18/1	-	+	-	-	+	+	1	лев. б.	юз	-	
62	Элиста 1964	5/9	кузов 2×1,30; колеса 0,7	-	+	-	-	+	1	лев. б.	в	+	Синицын И.В., Эраниев У.Э. Элистинский курганный могильник (по раскопкам 1964 года). Элиста, 1971. С. 68-71; рис. 23.
63		2/2	кузов?; колеса 0,6- 0,63	-	+	-	-	+	2	ниж. прав. б.	в	+	Николаева Н.А. Отчет о раскопках курганов на трассе дороги Волга-Чограй (Яшкульский район) в 1986 г. // ИА ИА РАН. Р-1. № 14263, 14264.
64	Яшкуль-I (Волга- Чограй) 1986	2/7	-	+	-	-	-	+	-	-	-	?	
65		2/15	-	+	-	-	+	+	2	лев. б., сп., скрч.	ю	?	

Описание погребений с фигурными выемками произведено по пяти наиболее важным для исследования признакам и комплексным характеристикам (местонахождение погребения и год раскопок, наличие или отсутствие остатков транспортных средств в погребении, форма погребального сооружения, положение погребенного и инвентаря).

В столбце «Остатки повозки» условными знаками отражено наличие или отсутствие в погребении, также внесены в этот раздел. В столбце «Форма погребального сооружения» содержатся сведения о кузове и колесах повозки, если они были получены во время полевого изучения памятника, также внесены в этот раздел. В столбце «Форма погребального сооружения» содержатся сведения о комплексе признаков: тип погребального сооружения и особенностях конструкции фигурных выемок. Выемки конструировались как в стенках и дне ям, так и во входных шахтах катакомб, поэтому в таблице в подразделении столбца «Тип конструкции» каждый раз оговаривается наличие одного из двух признаков (яма/входная шахта катакомбы) и отсутствие другого. В подразделении столбца «Фигурные выемки» указано, где были сооружены выемки (дно или стенки) и какую они имели форму. Форма, в свою очередь, может быть связана с размещением колес повозки горизонтально (соответственно, выемки округлые) или вертикально (выемки прямоугольные или овальные). «Положение погребенного и инвентаря» — вторая комплексная характеристика. Здесь отражены сведения о том, были ли найдены фрагменты скелета и инвентаря выше уровня ана или центральной переемычки, а также приведены данные о количестве погребенных, позах и ориентировке умершего. Случай, когда погребенные в фигурных ямах были уложены в деревянные коробки, подбитые над уровнем ана с помощью столбовых конструкций, обозначены в столбце «Погребенный и инвентарь выше уровня ана» пометкой «столб. конструкц.»

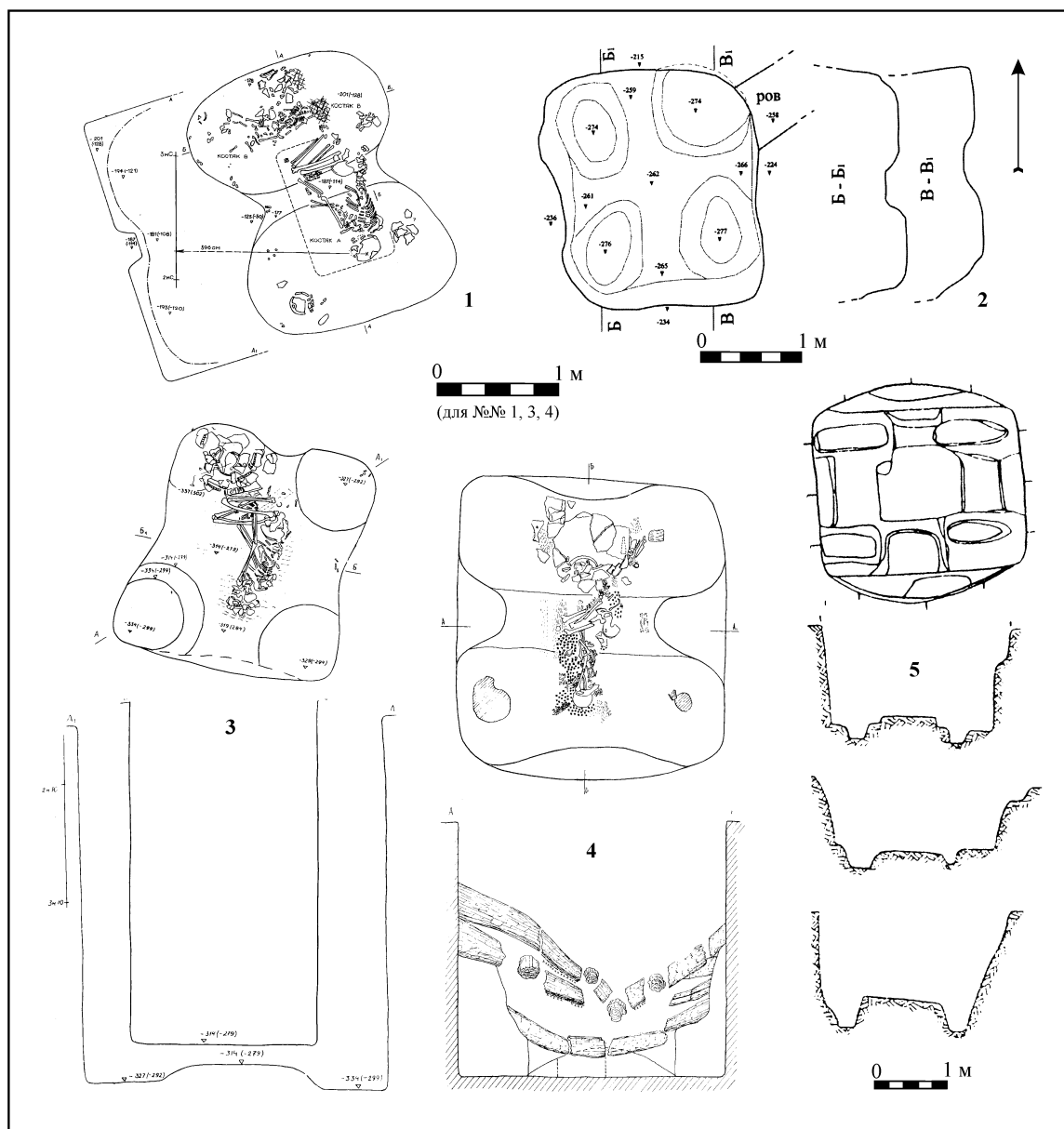

Рис. 2. Погребальные конструкции с углублениями в дне и без остатков транспортных средств: 1 – Цаган-Усн-VII 4/16; 2 – Спасское 1/12; 3 – Эвдык-I 12/1; 4 – Ергенинский 6/2; 5 – Раздольное (Шалфейное) 1/25

Выступы в дне могли иметь овальную форму, либо они устраивались в виде желобов параллельно продольным стенкам; реже выемки были округлыми. Последний вид выемок, возможно, использовался в случае размещения колес в яме горизонтально. Но с уверенностью пока можно говорить только об одной находке разобранной повозки с горизонтально положенными колесами в яме с округлыми выемками дна (Табл. 1, 5). Удлиненные желоба в дне, сооруженные параллельно продольным стенкам, иногда могли заходить и в поперечные стенки. Также у дна в наиболее узком месте ямы могла устраиваться только одна поперечная перемычка-возвышение, в которую плавно переходили вдающиеся внутрь могилы выступы стенок (рис. 2, 1).

При проведении тщательной зачистки и детальной фиксации исследователями, как правило, отмечалось, что в ямах с фигурными выемками в стенках и дне остатки погребенного и инвентаря находились на 10–40 см выше дна или перемычки. Аналогичная ситуация отмечена и для некоторых ям с фигурными стенками и плоским дном, таких как Веселая Роща 21/15; Ергенинский 6/3; Буденновск-X 7/2; Овата 1/4; Перекопка-V 1/7; Цаган-Нур 3/1, 7/1; Хар-Зуха 4/2, Эвдык-I 17/5 (рис. 3). Это может косвенно указывать на то, что первоначально погребенные были уложены на повозки или помосты, их имитирующие.

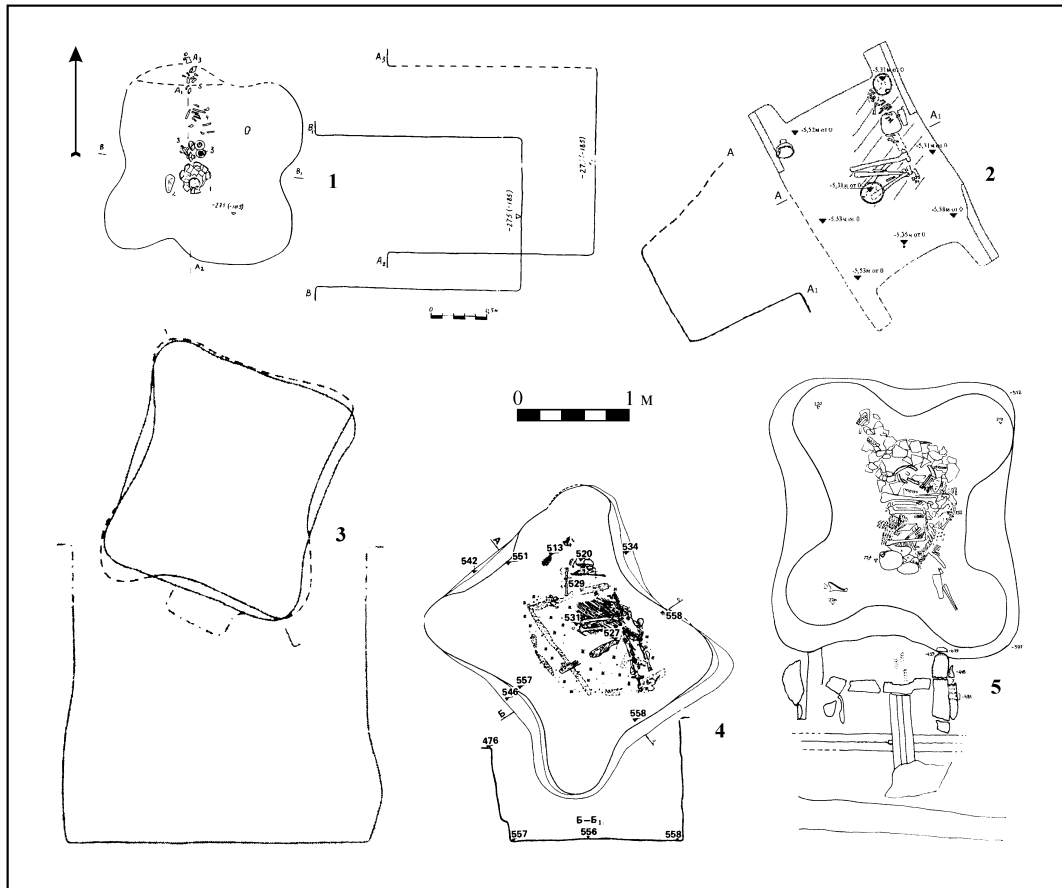

Рис. 3. Остатки погребенных и инвентаря зафиксированы выше уровня плоского дна:
1 — Эвдык-I 17/5; 2 — Перекопка-V 1/7; 3 — Буденновск-X 7/2; 4 — Веселая Роща 21/15; 5 — Ергенинский 6/3

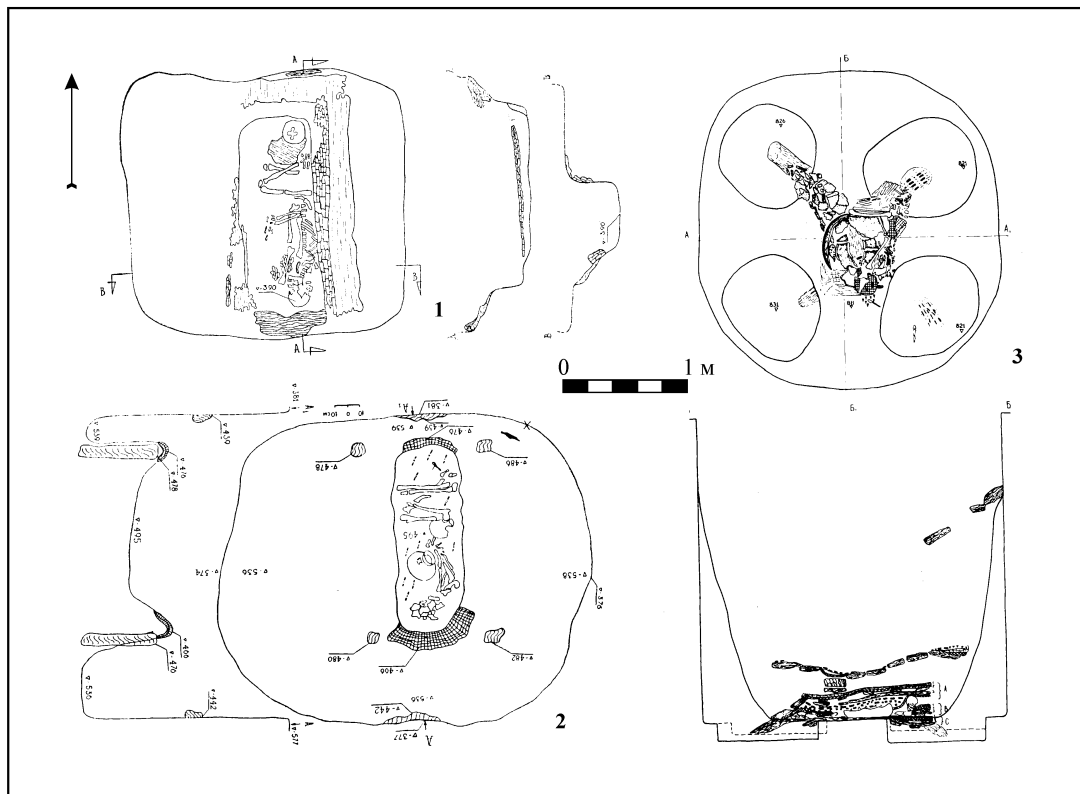

Рис. 4. Деревянные кофа и столбовые конструкции в фигурных ямах:
1 — Комарово 7/12; 2 — Троицкое 3/6; 3 — Ергенинский 6/5

В трех фигурных «восьмеркообразных» ямах (Комарово 7/12; Троицкое 3/6; Черноярская 1/9), открытых в Моздокском районе республики Северная Осетия, погребенные были уложены в деревянные короба (кузова повозок?), два из которых находились в грунтовом заполнении на высоте 58 см от дна (рис. 4, 1, 2). По углам этих коробов были прослежены деревянные столбы, на которые короба опирались (Наглер, Антипина, 1988. С. 68–77). Схожая конструкция выявлена и в погребении № 5 кургана № 6 могильника Ергенинский (рис. 4, 3), в каждом из четырех углублений дна которого были расчищены остатки деревянных столбиков (Шилов, 1982). Они, вероятно, служили опоркой для деревянного щита, на который был уложен погребенный.

Характерный для погребений в фигурных ямах керамический инвентарь представлен, в первую очередь, реповидными сосудами, различными видами кружек и курильницами. Сосуды с невыделенной шейкой и плоским отогнутым венчиком (так называемые реповидные) либо украшены наклепными рассеченными валиками и маленькими ручками-петельками (рис. 5, 1, 5, 7), либо не имеют дополнительных элементов декора (рис. 5, 8). Практически всегда это — крупные приземистые сосуды, диаметр которых может достигать более 50 см (например, рис. 5, 8), но есть также и формы небольшого размера (рис. 5, 1), схожие с некоторыми чугуновидными сосудами по значению максимального диаметра тулова. В памятниках восточноманьчжурской культуры реповидные сосуды встречаются довольно редко (15% от всего числа погребений с посудой: Андреева, 2014. С. 26), но в фигурных ямах они обнаружены почти в половине случаев.

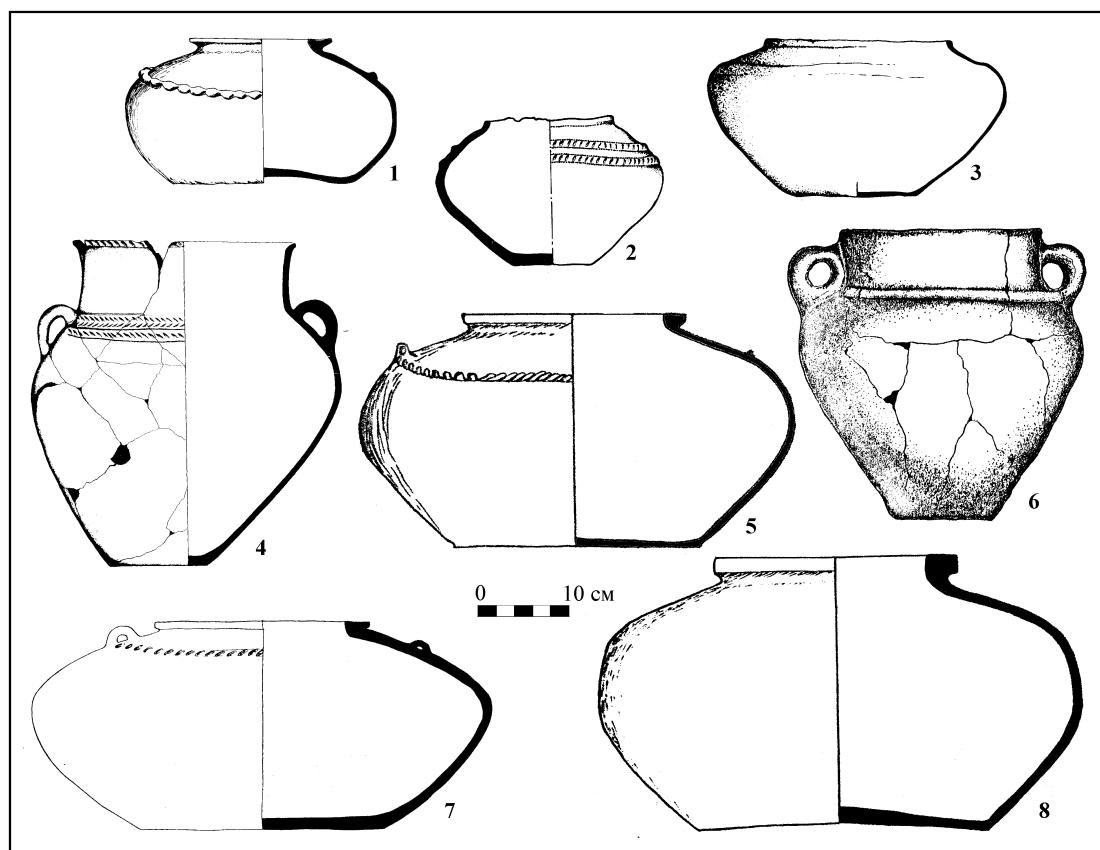

Рис. 5. Керамические сосуды из погребений в фигурных ямах: Ергенинский: 1 — 9/1; 5 — 8/3; 8 — 10/4; 2 — Чограй-VIII 4/4; 3 — Цаган-Усн-VIII 1/3; 4 — Овата-V 1/4; 6 — Цаган-Нур 7/1; 7 — Эвдык 12/1

Реповидные сосуды, кружки и курильницы часто встречаются вместе в одной фигурной яме. Курильницы представляют собой неглубокие с широким венчиком чаши на крестовидных ножках: как монолитных, так и с отверстиями. Некоторые курильницы не имеют орнамента (Табл. 1, 10, 60), другие покрыты узорами, выполненными оттисками шнура (рис. 6, 9), наколами палочки, либо украшены прореченными линиями (Табл. 1, 44). Кружки имеют большое количество вариантов, что обусловлено различными высотой и изгибом шейки, наличием или отсутствием уступа при переходе от тулова к шейке,

параметрами ручек и формой венчика (рис. 6, 3, 4). Петлевидные ручки иногда оформлены в местах прикрепления пальцевыми вдавлениями (Табл. 1, 5f). Встречаются кружки с ручками «шаровидной формы» (Табл. 1, 62), характерной для сосудов из памятников раннего бронзового века Закавказья (*Sagona*, 1984. Fig. 20, 2; 71, 3, 4).

Для фигурных ям также характерны чугуновидные горшки с уступом при переходе от тулова к короткому горлу (рис. 5, 3; Табл. 1, 59, 61) и без уступа (рис. 5, 2; 6, 6, 7), двуручные сосуды (рис. 5, 4, 6; 6, 8), а также воронки (рис. 6, 2) и сосудик с четырьмя ручками-ушками (т. наз. амфорка: Табл. 1, 60). Внешняя поверхность некоторых чугунков с уступом обильно окрашена охрой (рис. 5, 3). Поверхность большого сосуда с двумя ручками из катакомбы с фигурными стенками № 4 могильника Овата-V (рис. 5, 4; Табл. 1, 34) окрашена в черный цвет и тщательно залощена. Внутренняя поверхность его имеет светло-коричневый цвет, тесто хорошо отмучено, черепок тонкий, орнаментальный пояс состоит из насечек и прочерченных линий. Ближайшие аналогии этому сосуду можно найти в материалах поздней группы катакомб центральных и западных областей степного Прикубанья — батуринской культуры (*Трифонов*, 1991. С. 103, 109). Возможно, сосуд из могильника Овата — единственная находка батуринской керамики на территории Калмыкии.

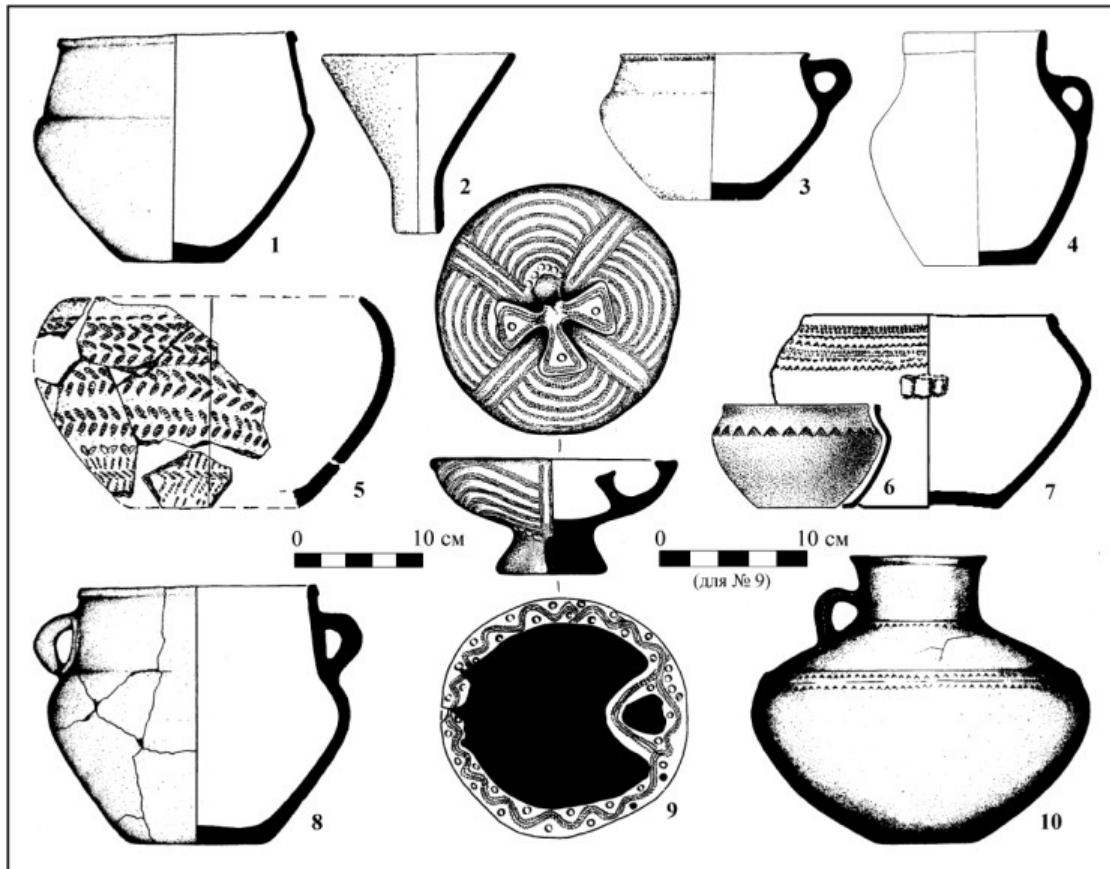

Рис. 6. Керамические сосуды из погребений в фигурных ямах: 1, 8 — Овата-V 1/4; 2, 3 — Канал Волга-Чограй-37 14/2; 4 — Ергенинский 10/4; 5 — Перекопка-V 1/7; Веселая Ропа: 6 — 21/15; 7 — 16/5; Цаган-Vсн: 9 — VII гр. 4/16; 10 — VIII гр. 1/3

В целом, керамические сосуды в фигурных ямах не были встречены только в девяти погребениях, включая один кенотаф (Табл. 1, 1, 4, 11, 32, 36–39, 52). Формы посуды, наиболее характерные для этих памятников (реповидные сосуды, кружки, курильницы, чугунки), являются маркерами маньчского типа позднекатакомбного горизонта памятников (*Державин*, 1991. С. 89–97; *Арапов*, 1992. С. 12; *Власкин*, 2010. С. 90). В то же время в двух фигурных ямах Центрального Ставрополя и в самом северном погребении выборки (район Большой излучины Дона) были встречены сосуды, не типичные для маньчского круга древностей.

Так, в погребении № 7 кургана № 1 могильника Перекопка-V (Табл. 1, 3б) была обнаружена лепная миска со стянутым венчиком и орнаментированная горизонтальными рядами прочерченной и выполненной оттисками зубчатого штампа «ёлочки» (рис. 6, 5). В материалах восточноманьчской культуры сосуды схожей формы очень редки и не имеют орнамента (Архара 1963 28/4, Лола-2-1963 13/4), в то же время орнаментированные горшки с аналогичным профилем типичны для волго-донской и среднедонской культур (Кияшко, 2002. С. 135; рис. 101, 5, 8, 10, 13, 15; Синюк, Матвеев, 2007. С. 154, рис. 92, 4; с. 213, рис. 151, 6; Сухорукова, 2008. С. 225, рис. 58, 1–3, 5).

Чутунковидные сосуды из фигурных ям могильника Веселая Роща (рис. 6, 6, 7; Табл. 1, 8, 9) представлены наиболее распространенными в Центральном Ставрополье формами (Державин, 1991. С. 94–95: керамика пятой группы), в то время как в материалах восточноманьчской культуры Калмыкии такой тип сосудов довольно редок. Находки в фигурных ямах керамических изделий разных традиций могут свидетельствовать о надкультурном характере обычая сооружать фигурные выемки.

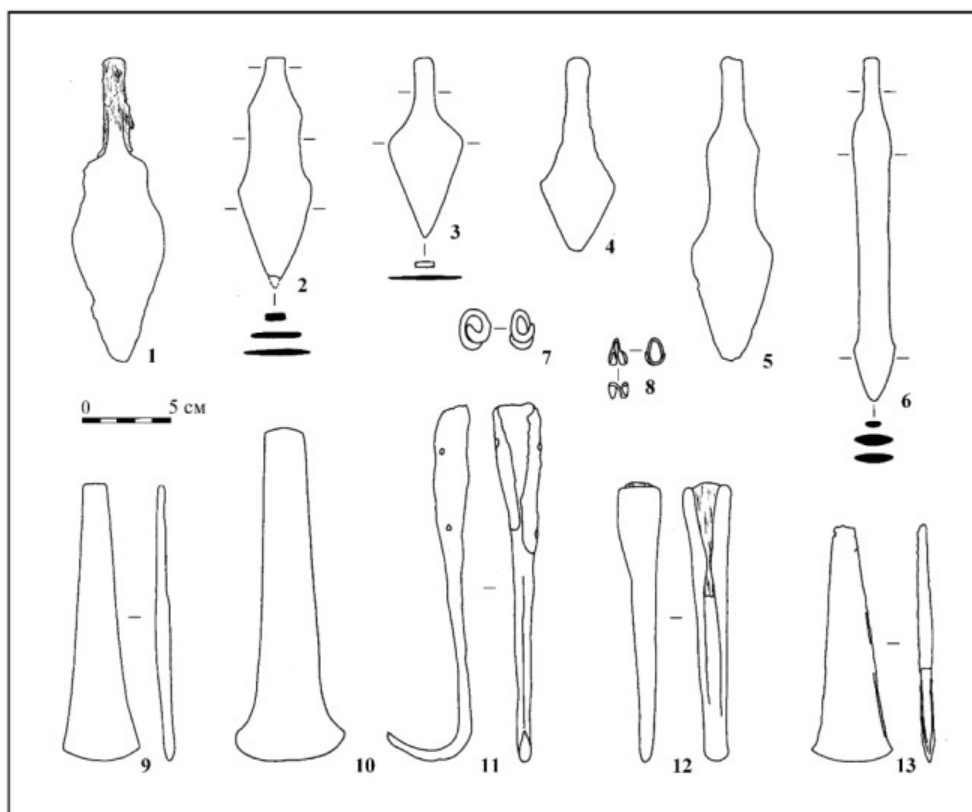

Рис. 7. Изделия из металла: Ергенинский: 1, 13 — 11/1; 2, 8, 12 — 10/2; 9 — 9/1; 10, 11 — 6/3; 3 — Эвдык 18/1, Восточный Маньч (1966 г.) 4, 7 — III гр. 16/9; 5 — I гр. 28/7; 6 — Овата-V ¼. 1 — лагунь; 2–6, 9–13 — бронза; 7 — сурьма; 8 — золото

Морфологические характеристики находимых в фигурных ямах изделий из металла соответствуют стереотипам металлообработки позднекатакомбного времени. Бронзовые ножи представлены пятью разновидностями: с рельефной расковкой нижней части лезвия; с широким треугольным клинком, лезвия которого образуют острый угол; с пятиугольным клинком и максимальным расширением клинка в нижней трети его длины; с удлиненным клинком, стороны которого сужаются к основанию (рис. 7, 1–6). Такие ножи (соответствуют типам V–IX, по классификации Е. И. Гака) были распространены в круге маньчских культур в позднекатакомбное время (Гак, 2005. С. 139; Андреева, 2014. С. 30).

Бронзовые тесла, встреченные в фигурных ямах, можно отнести к постпиривольненским комаровскому, скакунскому и кнышевскому типам (Гак, 2005. С. 140; Андреева, 2014. С. 32) (рис. 7, 9, 10, 13). Также характерны для погребений в ямах с выемками бронзовые долота с желобчатым лезвием и раскованной втулкой, втульчатые крюки, овальные височные кольца с раскованными, заходящими один за другой концами, изготовленные из бронзы или серебра (рис. 7, 7, 8, 11, 12).

Самая большая серия хорошо задокументированных и детально изученных фигурных ям (восемь погребений) происходит из могильника Ергенинский Кетченеровского района Республики Калмыкия. В этих же комплексах были найдены древнейшие латунные изделия, редко встречаемые на территории Степного Предкавказья и юга Волго-Донского междуречья, но многочисленные в синхронных памятниках Закавказья (Гак, Егоров, 2010. С. 57–62).

Богатый набор и разнообразие форм сопровождающих погребенного вещей (керамические сосуды, в том числе чернолощеный, изделия из латуни, серебра и золота), деревянные повозки, большие трудовые затраты на сооружение могил сложных форм, — все это может свидетельствовать об особой роли обряда захоронения в ямах и катакомбах с выемками среди носителей позднекатакомбных культур.

Исходя из особенностей инвентаря и радиоуглеродных датировок памятников лопатинской и маньчжурской культур (Шишлина, 2007. С. 390–393; Милоход, 2012. С. 285; Андреева, 2014. С. 13), практически все погребения в фигурных ямах можно отнести к XXV–XIII вв. до н. э.

Три погребения в ямах с фигурными выемками, вошедшие в нашу выборку, были совершены еще в докатакомбное и раннекатакомбное время. Коллективное погребение, отнесенное авторами раскопок к ямной культуре, было открыто в северо-западной части Крыма в могильнике у с. Раздольное (Колтухов и др., 1994 С. 34–37) (рис. 2, 5). К позднему периоду новотиторовской культуры относится погребение в катакомбе с повозкой могильника Малаи, поставленной в углубления дна входной шахты с фигурными стенками (Гей, 2000. С. 56–59) (рис. 1, 2). Катакомба с приталенными стенками из могильника Аккермень Запорожской области Украины, вероятно, также датируется более ранним временем в сравнении с фигурными ямами маньчжурского круга памятников. В катакомбе в позе скорченно на спине была погребена женщина, в могилу также были положены костяные булавка и пронизка (Вязьмитина и др., 1960. С. 91–95) (Табл. 1, 1). Находки ям с фигурными выемками в поздненовотиторовских и раннекатакомбных памятниках могут свидетельствовать об истоках обряда позднекатакомбного времени в традициях более ранних культур региона.

Особенности фигурных могильных ям позднекатакомбного времени (выемки в стенках, фигурно смоделированное выступами и желобами дно, лежащие выше дна кости погребенных) характерны и для погребений XXII–XX вв. до н. э. могильника Саэньсай, исследованных несколько лет назад экспедицией Института культурного наследия и археологии Синьцзян-Уйгурского автономного района в уезде Урумчи. А. А. Ковалев выдвинул предположение о появлении традиции сооружения фигурных ям в Восточном Тянь-Шане в результате миграции носителей этой культуры с территории Северо-Западного Прикаспия (Ковалев, 2015. С. 293–306).

Таким образом, можно предположить, что рассмотренный нами обряд моделирования формы погребальных ям производился для размещения повозки или ее символического обозначения внутри погребального сооружения. Идея приподнятого над землей кузова повозки, стоящей на колесах, могла реализовываться посредством не только выступов-перемычек в центре ямы, но и столбовых конструкций.

К сожалению, исследователям не всегда удавалось фиксировать фрагменты конструкций повозок, что связано с очень плохой сохранностью дерева в погребениях. К тому же, в связи с краткостью описаний погребальных комплексов и отсутствием нивелировочных данных, не всегда удастся понять, на каком уровне от дна в яме были зафиксированы кости скелета и инвентарь. Расширение источниковой базы и более тщательная фиксация всех деталей обряда при полевых исследованиях поможет прояснить особенности этой погребальной традиции.

Андреева М. В. К вопросу о роли повозки в погребальном обряде восточноманьчжурской катакомбной культуры // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX Крупновские чтения): Тез. докл. М., 1996.

Андреева М. В. Восточноманьчжурская катакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников. М., 2014.

Арапов С. В. Культура Северо-Западного Прикаспия в эпоху средней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.

Власкин Н. М. Сравнительная характеристика катакомбных культур маньчжурского типа эпохи средней бронзы: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010.

- Вязьмитина М. І., Іллінська В. А., Покровська Є. Ф., Тереножкін О. І., Ковпащенко Г. Т. Кургани біля с. Ново-Підліпівки і радгоспу «Аккермень» // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1960. Т. VIII.
- Гак Е. П. Металлообрабатывающее производство катакомбных племен Степного Предкавказья, Нижнего Дона и Северского Донца: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.
- Гак Е. П., Езгорьков А. Н. Латунь Ергенинского могильника и ее историко-металлургический контекст // АВ. СПб., 2010. Вып. 16.
- Гей А. Н. Новотиторовская культура. М., 2000.
- Державин В. А. Степное Ставрополье в эпоху ранней бронзы. М., 1991.
- Избицер Е. В. К вопросу о форме погребальных ям в культурах эпохи средней бронзы Предкавказья // Древности Волго-Донских степей восточноевропейского бронзового века. Материалы Междунар. конф. (Волгоград, 15–17 апреля 1996 г.). Волгоград, 1996.
- Калмыков А. А. Об использовании повозок в погребальном ритуале восточноманычской катакомбной культуры // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа (XXIX Крупновские чтения). Грозный, 2016.
- Кияшко А. В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград, 2002.
- Ковалев А. А. Сазньсаи — новая культура бронзового века восточноевропейского происхождения на Тянь-Шане // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чеченский культурный феномен. Ч. II: Результаты исследований в центральной части Монгольского Алтая и в истоках Кобдо; памятники Синьцзяна и окраинных земель / Сост. и науч. ред. А. А. Ковалев. СПб., 2015.
- Колтухов С. Г., Кислый А. Е., Тоцев Г. Н. Курганные древности Крыма. Запорожье, 1994.
- Мимоход Р. А. Лолинская культура. Северо-Западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. М., 2012.
- Наглер А. О., Антипина Е. Е. О хронологическом месте восьмеркообразных ям эпохи средней бронзы Моздокской степи // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа: Сб. науч. трудов. Орджоникидзе, 1988.
- Синицын П. В. Древности Восточного Маныча. Саратов, 1978. Т. I, II.
- Синицын П. В., Эрднеев У. Э. Элистинский курганный могильник (по раскопкам 1964 года). Элиста, 1971.
- Синюк А. Т., Матвеев Ю. П. Среднедонская катакомбная культура эпохи бронзы (по данным курганных могильников). Воронеж, 2007.
- Сухорукова Е. П. Полтавкинская и волго-донская культуры эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья (по материалам погребальных памятников): Дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2008.
- Трифонов В. А. Батуринский вариант предкавказской катакомбной культуры // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. Источники. Проблемы. Исследования (Сб. науч. трудов). Киев, 1991.
- Шилов В. П. Отчет об исследованиях Волго-Донской археологической экспедиции в 1982 году // НА ИА РАН. Р-1. № 9516.
- Шишлина Н. П. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тысячелетия до н. э.). М., 2007.
- Sagona A. G. The Caucasian region in the Early Bronze age. British Archaeological Reports. Oxford. 1984. Part I–III.

А. А. Ковалев

МОГИЛЬНЫЕ ЯМЫ, МОДЕЛИРОВАННЫЕ ПО ФОРМЕ ПОВОЗКИ, В СИНЬЦЗЯНЕ И ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ: ИХ ДАТИРОВКА И ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Статья посвящена особым формам могильных сооружений конца III — начала II тыс. до н. э., обнаруженным китайскими археологами при раскопках в урочище Саэньсаи (Синьцзян, городской округ Урумчи). По мнению автора, погребальный обряд этой ранее неизвестной «культуры Саэньсаи» (захоронение в четырехколесной повозке, установленной в фигурную яму) является развитием погребального обряда (восточно)маньчжской катакомбной культуры. Такие же фигурные ямы были исследованы в чемурчекских курганах Восточного Казахстана (курганы Копа 1, 2), датирующихся рубежом III–II тыс. до н. э. Здесь эта форма погребения, скорее всего, появилась в результате контактов с культурой Саэньсаи. Вероятно, носители культуры Саэньсаи мигрировали из Северо-Западного Прикаспия в Восточный Тянь-Шань через Среднюю Азию, сохранив на новом месте жительства приобретённые связи с развитыми культурами Бактрии и Маргианы.

Ключевые слова: бронзовый век, катакомбные культуры, Синьцзян, чемурчекский феномен, колесный транспорт, Гонур-депе, БМАК.

В 2006–2008 гг. Институт культурного наследия и археологии Синьцзян-Уйгурского автономного района провел масштабные раскопки могильного поля Саэньсаи, находящегося на землях волости Баньфангоу в уезде Урумчи городского округа Урумчи (Синьцзян вэньбу..., 2010; 2012; Синьцзян Саэньсаи..., 2013). Могильник Саэньсаи располагался на северном склоне Тянь-Шаня на правом берегу р. Урумчи (в верховьях — р. Дасигоу), на высоте 1800 м над уровнем моря, в 20 км к юго-западу от г. Урумчи, и был исследован в связи с планируемым устройством здесь водохранилища. В общей сложности в Саэньсаи было раскопано 180 курганов, относящихся в том числе к андроновской культурно-исторической общности, раннему железному веку и средневековью. Особое место среди исследованных памятников занимают тринадцать курганов доандроновского времени (конца III — начала II тыс. до н. э.), представляющих новую культуру, по всей видимости, восточноевропейского происхождения. В статье, опубликованной в 2015 г. (Ковалев, 2015), я привел практически весь иллюстративный материал, касающийся погребальных сооружений и инвентаря указанных курганов бронзового века, включенный в итоговую монографическую публикацию Института культурного наследия и археологии Синьцзяна (Синьцзян Саэньсаи..., 2013. С. 50–68).

Эти памятники располагались в северо-западной части могильника двумя цепочками, протянувшись с северо-запада на юго-восток (Синьцзян Саэньсаи..., 2013. Рис. 4). Внешне все они представляли невысокие округлые земляные насыпи, имеющие каменную облицовку по краю. Погребальная камера всех курганов, кроме одного (М62), представляла обширную земляную яму, подквадратную в плане, размерами до 2,8 × 2,25 м, с вогнутыми в нижней части стенками, дно которой было фигурно моделировано выступами и желобами (рис. 1, 1, 2). В дне выкапывались два параллельных желоба, в плане расширявшиеся к торцам. Дно желобов имело продольный профиль в форме двух дуг, соединяющихся в середине желоба, торцы желобов обычно заглублялись в поперечные стенки ямы. Продольный выступ дна между желобами соединял два выступа посередине поперечных стенок, в ряде случаев этот продольный выступ еще и повышался в средней части. Таким образом образовывалась полость, позволявшая установить (или реконструировать в разобранный вид, расставив ее части в надлежащем порядке) в камере повозку с выступающими ступицами; центральная часть — выступ дна — могла служить для размещения кузова повозки, зажатого между выступами поперечных стенок. Форма поперечных стенок, в которых вырезались вогнутые желоба для установки колес, наглядно свидетельствует о том, что кузов повозки был короче всей ее длины, и колеса выступали вперед и назад. Изучение размеров ям и желобов показывает, что диаметр колес не превышал 1–1,2 м, минимальная длина кузова по-

возки составляла 1,5–1,7 м (в ряде случаев для кузова как будто оставалась более длинная площадка, однако это может быть следствием некачественной зачистки или осыпания стенки ямы). Ориентация продольной оси ям и, соответственно, предполагаемых повозок в одиннадцати случаях северо-запад – юго-восток, в одном случае — юго-запад – северо-восток.

Обнаруженные в Саяньсаи ямы в форме повозок китайские ученые, не знакомые с археологическими культурами бронзового века европейских степей, называют только лишь описательно, сравнивая их планиграфические особенности с формой иероглифов. Фиксация особенностей этих погребальных сооружений на планах и разрезах совершенно недостаточна. В то же время качество зачистки дна и стенок ям, судя по фотографиям, весьма удовлетворительное, так что о форме ямы лучше судить по опубликованным фотоизображениям.

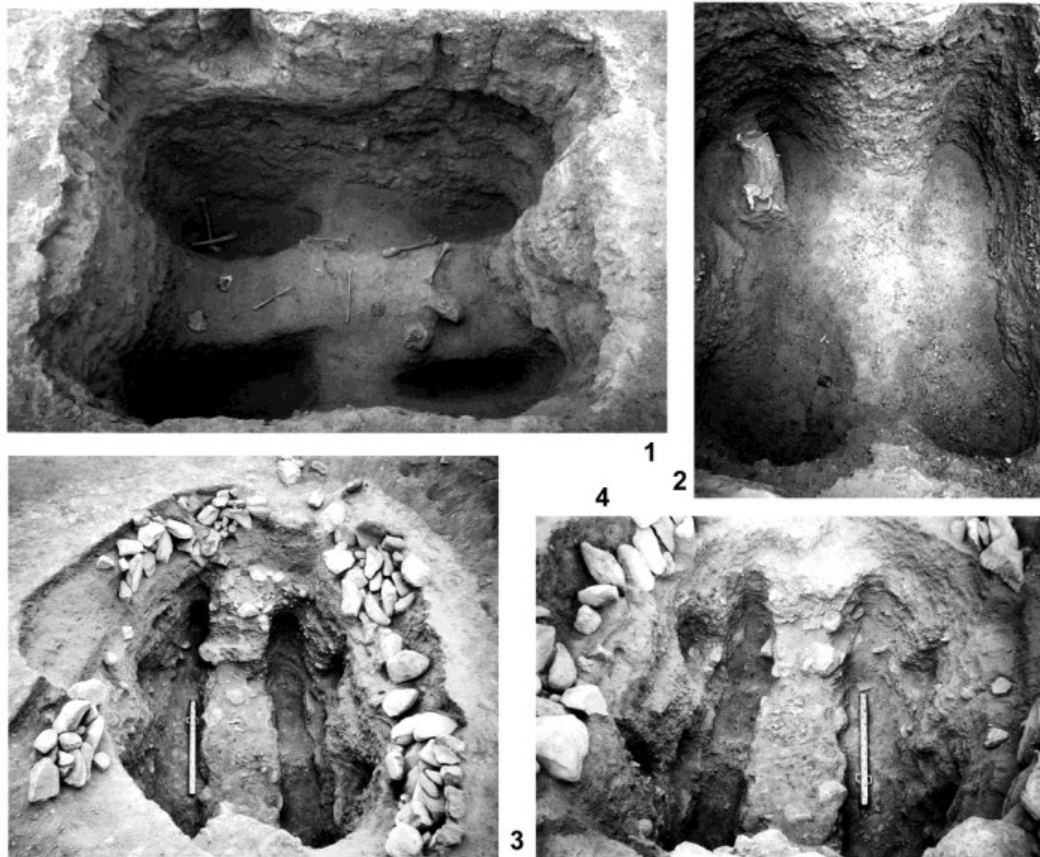

Рис. 1. Ямы в форме повозки Тянь-Шаня и Джунгарии: 1 — Саяньсаи М37; 2 — Саяньсаи М41; 3 — Копа 2, вид с западо-северо-запада; 4 — Копа 2, вид с востоко-юго-востока. 1, 2 — Синьцзян Саяньсаи..., 2013; 3, 4 — Ковалев и др., 2014

В одиннадцати из тринадцати курганов были обнаружены фрагменты человеческих скелетов. Поскольку все эти обнаруженные кости располагались выше дна ям, китайские археологи сочли их остатками «впускных погребений». Однако представляется маловероятным, чтобы все найденные человеческие кости относились к впускным погребениям, а от «первоначальных» захоронений ровным счетом ничего не осталось (!). Детальное изучение текста публикации и, особенно, фотографий зачищенных могильных ям дает основания для иных выводов. Обряд погребения, скорее всего, предполагал размещение тела человека на дне кузова (или имитации кузова) повозки. Кости всех погребенных, в том числе сочлененные, найдены выше дна, в основном над продольным выступом, смещение костей в желоба для установки колес могло происходить из-за сползания дна повозки.

Курган М37 (рис. 1, 1). Здесь были обнаружены кости скелета взрослого мужчины. Судя по фотографии, сохранившиеся *in situ* кости стоп размещались над северным краем продольного выступа, причем стопа правой ноги была установлена плашмя, а длинные кости левой ноги, стоявшей ранее, видимо, коленом вверх, завалились влево; также в сочленении сохранились и кости предплечья левой

руки, уложенной к юго-востоку от левой ноги, а также находившиеся рядом ребра левой стороны. Таким образом, погребенный был уложен над центральным выступом, головой на юго-восток, с ногами, поднятыми коленями вверх. Кости черепа найдены не были. Часть костей была собрана выше центрального выступа в грабительской яме.

Курган М41. Над юго-западным желобом выше уровня продольного выступа на одном уровне (уровень залегания скелета?) зачищены перемещенные кости скелета взрослой женщины (на плане кости не отмечены).

Курган М42. Кости погребенного — взрослой женщины — были собраны над продольным выступом, кости головы отсутствовали.

Курган М43. Над северным желобом зачищены в сочленении кости туловища взрослого мужчины (рис. 1, 2): позвоночный столб, ребра, лопатки, таз. Этот фрагмент туловища лежал спиной вверх, что может говорить о постдепозиционном перемещении фрагмента тела (уложенного головой в восточный сектор над центральным выступом на помост из органического материала).

Курган М45. Погребенный — взрослая женщина, была уложена несколько выше уровня продольного выступа, головой на востоко-юго-восток, вытянуто на спине (по мнению раскопщиков, выдвинутому на основании положения костей ног). На выступе под костями ног погребенной, а также в южном желобе сохранился большой объем деревянного тлена, из него были взяты пробы на радиоуглерод (см. ниже).

Курган М47. Кости погребенного — взрослого мужчины — собраны выше продольного выступа.

Курган М54. Над северо-восточным желобом были зачищены кости двух погребенных (в том числе взрослой женщины). Судя по фотографии (см. *Ковалев, 2015. Рис. 3, 3*), кости их нижних конечностей в сочленении лежали коленями на север рядом с продольным выступом на 5–10 см ниже его уровня, а черепа погребенных — около северо-восточной стенки ямы еще на 5–10 см ниже. Остальные кости выброшены грабителями.

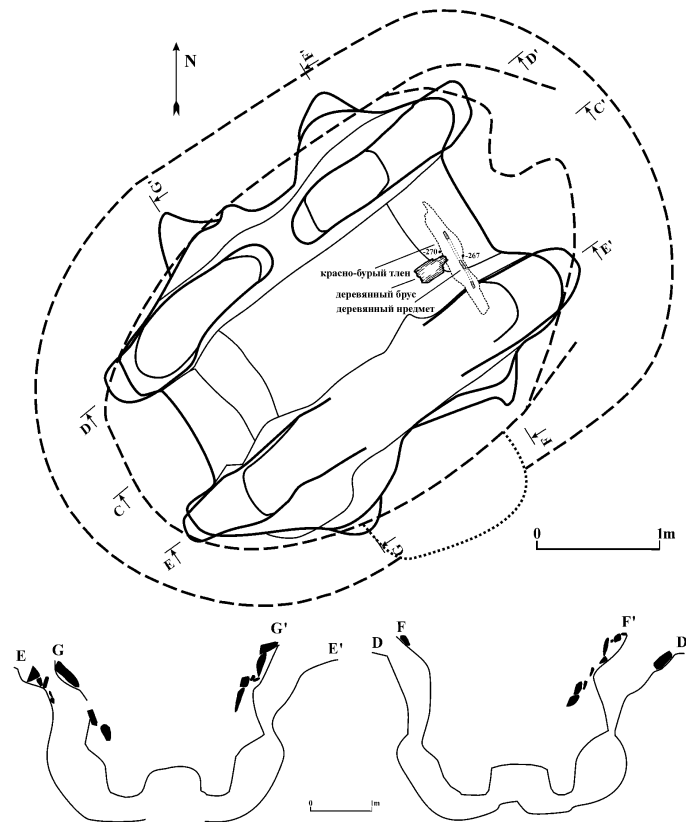

Рис. 2. Яма в форме повозки в кургане Копа 2 (Курчумский район Восточно-Казахстанской обл.). План, разрезы (*Ковалев и др., 2014*)

Курган М58. В нижней части ямы, на уровне центрального выступа, видно большое количество истлевшего дерева, на котором, в том числе над выемками-желобами, залегают разрозненные человеческие кости. Погребенный — взрослая женщина.

За десять лет до раскопок в Сэньсаи Международная Центральноазиатская археологическая экспедиция под руководством А. А. Ковалева и З. Самашева исследовала два кургана с могильными ямами аналогичной конфигурации в Курчумском районе Восточно-Казахстанской области (Копы 1, 2) (*Ковалев и др.*, 2014. С. 74–109), в 400 км к северу от Урумчи. Эти курганы представляли собой площадки, окруженные подквадратной оградой из каменных плит и глыб, поставленных на ребро. Ограда ориентирована сторонами по сторонам света с некоторым смещением против часовой стрелки. Насыпь в пределах ограды отсутствовала. К средней части востоко-северо-восточной стенки ограды примыкал ритуальный коридор, образованный двумя рядами камней, уложенных на уровень древней дневной поверхности. Коридор вел к могильной яме, смещенной от центра кургана к востоку. Исходя из этих признаков, исследованные курганы относятся к кругу памятников, связанных с чемурчекским культурным феноменом (*Ковалев*, 2016). В то же время могилы в указанных оградах имеют точно такое же устройство, как и могилы в Сэньсаи. Могильная яма в кургане № 1 была сильно разрушена грабителями, однако нам удалось проследить центральный выступ и желоба для колес, врезанные в поперечные стенки и дно.

В кургане № 2, ограда которого имела размеры 16 × 17 м, конфигурацию могильной ямы удалось проследить детальнее (рис. 1, 3, 4; 2). В плане яма имела эллипсоидную форму, размеры по продольной оси 5,5 м, по поперечной оси — около 3,7 м, наибольшая глубина ямы 2,7 м. На стенках ямы были устроены заплечики шириной до 0,5 м, глубиной около 0,6 м. На заплечиках были первоначально установлены крупные уплощенные округлые камни вертикально в один-три ряда, на которые сверху были уложены плашмя в один слой подобные же камни, так что каменный заклад доходил до уровня древнего горизонта. С востоко-северо-восточной стороны заплечики переходили в пологий пандус без каменной кладки. В центральной части заплечики оползли вниз на глубину более 1,5 м. Каменная конструкция на заплечиках была сильно повреждена с юго-восточной и, вероятно, западной сторон грабительским ходом.

После снятия оползших камней заплечиков удалось проследить форму ямы. От середины западо-юго-западной и востоко-северо-восточной стенок ямы по ее дну был устроен выступ шириной 0,9 м. Высота его в средней части, на протяжении 1,6 м, составляла 0,4 м. Близ востоко-северо-восточной стенки могилы выступ образует три ступеньки, нижняя из которых поднимается на высоту около 15 см, средняя — на 80 см, а верхняя — еще на 40 см. С западо-юго-западной стороны на тех же уровнях были устроены также три ступеньки высотой, соответственно, 50, 50 и 70 см. Образовавшиеся по обеим сторонам выступа желоба имели длину около 3,5–3,7 м, заходя в поперечные стенки ямы. С северо-северо-западной стороны удалось полностью проследить поверхность дна желоба, которая в продольном сечении имела форму двух дуг, соединяющихся в середине желоба. С западо-юго-западной и востоко-северо-восточной сторон поверхность этого желоба, заглубленного в стенку могильной ямы, имела также дугообразную форму. Аналогичным образом выглядел и второй желоб, однако при зачистке не удалось полностью проследить форму поверхности его дна, в середине нарушенного грабительской ямой. В северо-северо-западной и юго-юго-восточной стенках могильной ямы на уровне 80–90 см от дна в соответствующем желобе были устроены друг напротив друга по два симметричных углубления в плане и в разрезе треугольной формы, глубиной около 0,4 м.

Исходя из формы ямы, можно сделать вывод, что в ней была установлена деревянная повозка с кузовом размером в плане 2,3 × 1 м, колесами диаметром до 2 м, ступицы которых выступали наружу на расстояние 0,4–0,5 м. Кузов повозки был намного короче ее общей длины, колеса выступали на метр вперед и назад. Повозка, скорее всего, была собрана в самой яме, для чего и понадобились соответствующие желоба и пазы. Над нижней востоко-северо-восточной ступенькой был зачищен фрагмент бруса шириной 13 см, толщиной около 2 см, уложенного продольно по оси могилы. На продолжении оси этого бруса на краю второй ступеньки были выявлены фрагменты, возможно, того же деревянного предмета. Вполне возможно, что это были остатки дышла повозки. Под нижним фрагментом «дышла» были прослежены фрагменты деревянной планки шириной около 2 см, уложенной поперек могилы

и перекрытой органическим тленом красного цвета. Вполне возможно, что это были остатки борта повозки, что и позволяет более точно определить длину ее кузова. В заполнении могилы, особенно желобов и пазов, были обнаружены многочисленные фрагменты древесного тлена.

Над центральным выступом и в районе середины юго-юго-восточного желоба в заполнении могилы были собраны разрозненные кости посткраниального скелета мужчины возрастом около 40–50 лет (погребение № 1), также обнаружены три мелких фрагмента несросшихся эпифизов индивидуума подросткового или юношеского возраста (определение к. и. н. С. С. Тур). Погребение, судя по найденным здесь же костям животных, сопровождалось передними конечностями как минимум от пяти туш овец и одной туши козы, а также тушами (?) двух лошадей (определение д-ра биол. наук П. А. Косинцева). Кости человека и животных были затронуты грабительским ходом. Поскольку ни одна из костей не была обнаружена на дне ямы, можно предположить, что погребение было устроено на поверхности повозки. Исходя из того, что в районе «дышла» была обнаружена левая ключица человека и шейные позвонки, погребенный, вероятно, был уложен головой в восточном направлении.

По фрагментам дерева от «дышла», собранным в могильной яме кургана Копа 2, была получена радиоуглеродная дата Le-5879 — 3690 ± 50 BP (2210–1930 calBC с вероятностью 95,4%). По костям человека из погребения получены радиоуглеродные даты СОАН-4374 — 3595 ± 50 BP (2140–1770 calBC с вероятностью 95,4%), СОАН-4858 — 4130 ± 65 BP (2890–2490 calBC с вероятностью 95,4%). По костям животных из погребения получена радиоуглеродная дата СОАН-5340 — 3200 ± 45 BP (1610–1390 calBC с вероятностью 95,4%). Последние две даты вызывают сомнение с археологической точки зрения. Полученные данные соответствуют выводам о принадлежности указанных курганов к кругу чемурчекских памятников. Известные погребальные конструкции такого типа из Восточного Казахстана относятся ко второй трети III — началу II тыс. до н. э. (Ковалев и др., 2014).

Единственная радиоуглеродная дата, полученная по материалам рассматриваемой выше группы курганов в Саэньсаи (по деревянному тлену со дна могилы в кургане М45, образец ВА071283), — 3890 ± 35 лет назад, что с учетом калибровки составляет 2470–2340 лет до н. э. с вероятностью 68,2% и 2480–2230 лет до н. э. с вероятностью 95,4% (Синьцзян Саэньсаи..., 2013. С. 195).

Ряд медных или бронзовых предметов, обнаруженных в «фигурных могилах» Саэньсаи (Ковалев, 2015), находит убедительные аналогии в среднеазиатских материалах конца III — начала II тыс. до н. э. В этих комплексах найдены плоское дисковидное зеркало (курган М35), косметический стержень с ромбовидным навершием (курган М58), фрагменты изогнутых стержней с утолщением на конце (М57), бронзовая миска с завернутым внутрь краем (М58), фрагмент застежки или украшения, составленного из пяти стерженьков (М59), полое шарообразное навершие (М45). Плоские дисковидные зеркала без рукоятки и бортика, в отличие от выпуклых изделий такого рода, найдены в немногих комплексах: Заманбаба, разрушенная могила и могила № 17 (Гулямов и др., 1966. Табл. XVI, 7, 9); некрополь Гонура (находка в ирригационном канале (Salvatori, 1993. Fig. 8); могила № 36 (Salvatori, 1994. Fig. 11, 8); погребение № 1 «могильника теменоса» (Дубова, Мурадова, 2008. Рис. 3); погребение № 2900 (Sarianidi, 2007. С. 150); Джаркутан, могила № 400, Сапаллитепа, погребение № 117а (Kamintsh, 2006. S. 73); Гелот, погребение № 2 (Виноградова, Кутимов, 2009. Рис. 4, 2); Тигровая балка, курган № 10 (Пьянкова, 1974. Рис. 5, 2). Косметические стержни с «копьевидным» навершием обнаружены в нескольких захоронениях поселения Алтын-депе времени позднего Намазга IV и позднего Намазга V (Кирчо и др., 2005. С. 405). Такие же стержни найдены в некрополе Гонура (Sarianidi, 2002. С. 108), в том числе в упомянутой могиле № 36 вместе с плоским зеркалом (Salvatori, 1994. Fig. 11, 6). Навершие стержня из Саэньсаи строго ромбическое и плоское, что объединяет его с экземплярами из могилы № 36 Гонура и погребения № 252 Алтын-депе периода позднего Намазга V (Кирчо и др., 2005. Рис. 21, 13) и отличает от остальных указанных изделий, имеющих неравные стороны и линзовидное сечение. Наиболее раннее металлическое полое шарообразное навершие найдено в так называемой «могиле агнца», устроенной на развалинах дворца Гонур-депе (Sarianidi, 1998. P. 74–75; Sarianidi, 2002. С. 229–230; Дубова, 2012. С. 116–117), оно являлось завершением каменного жезла длиной более метра; подобные каменные жезлы были найдены и в могильнике Гонура (Sarianidi, 2007. P. 108–109). Изогнутые в двух плоскостях металлические стерженьки с утолщением на одном из концов находят толь-

ко одну аналогично: это рукоятки косметических лопаточек типа найденных в Гонуре (*Sarianidi*, 2007. P. 87–88); как отмечал В. И. Сарияниди, эти предметы, в свою очередь, находят аналогии в материале Тепе-Гиссар (Гиссар III) (*Schmidt*, 1937. Pl. XXXV; LVI). Одна из гонурских «лопаточек», найденная в престижной гробнице № 3200, имеет выраженное эллипсоидное утолщение на конце дважды изогнутой рукоятки (*Сарияниди*, 2008. Ил. 93). Изделия из витого бронзового стержня известны уже в могильнике Заманбаба (*Гулямов и др.*, 1966. Табл. XVI), в Гонуре (*Sarianidi*, 2007. P. 87–88), на Сапаллитепе таким образом оформлены металлические браслеты (*Аскаров*, 1977. Табл. XXXVIII, 15; XXXIX, 4–6). Бронзовые миски с прямыми расходящимися стенками и плоским дном известны, в том числе, из Джаркутана, Сапаллитепа и Гонура (*Kaniuth*, 2006. S. 82; *Рузанов*, 2013. С. 171–172). Обращает внимание, что миска из погребения № 82 в Сапаллитепе (*Kaniuth*, 2006. S. 82, № 47) имеет «завернутый» внутрь край, как и находка из Саэньсай М58.

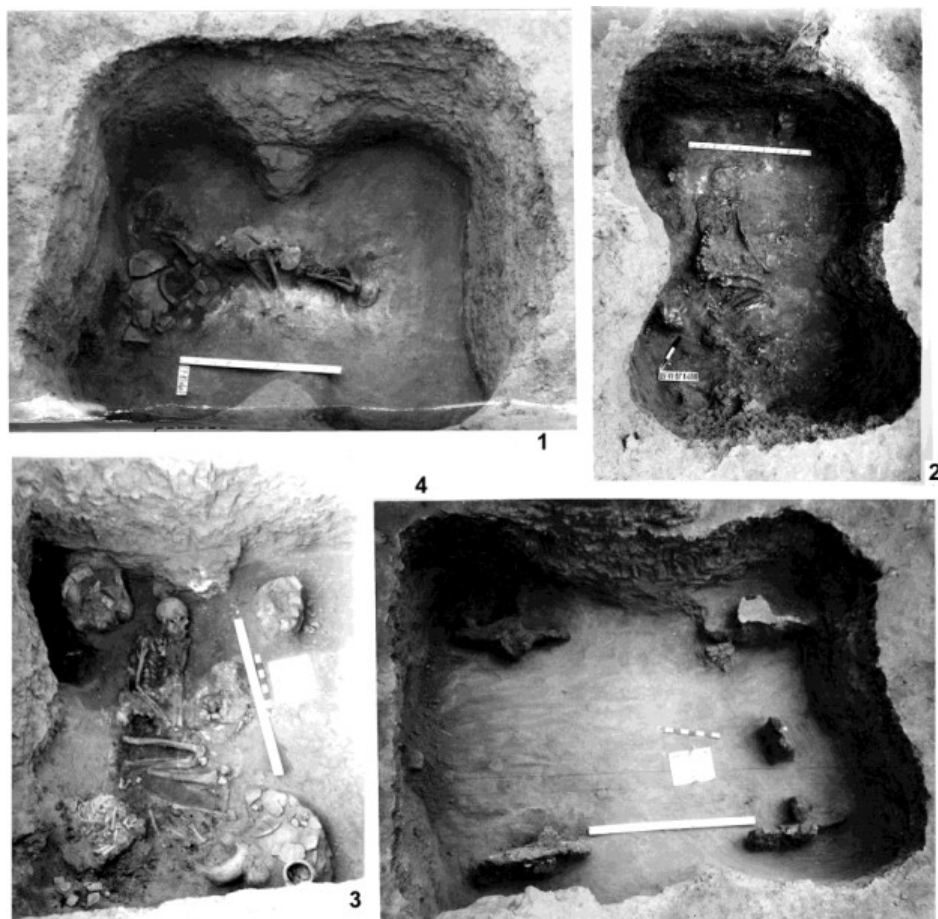

Рис. 3. Ямы в форме повозки Калмыкии: 1 — Ергенинский, курган № 6, погребение № 2; 2 — Цаган-Усн VII/1987, курган № 4, погребение № 16; 3 — Яшкуль (Канал Волга–Чограй), 1986 г., курган № 2, погребение № 15; 4 — Яшкуль (Канал Волга–Чограй), 1986 г., курган № 2, погребение № 2. 1 — *Шилов*, 1982; 2 — *Шилов*, 1987; 3, 4 — *Николаева*, 1986

Культура Заманбаба может быть отнесена к XXIII–XXI вв. до н. э. (*Kaniuth*, 2006. S. 41); я не могу согласиться с существенным удревнением этих памятников на основе далеких аналогий в ямном материале (см. *Кутимов*, 2005) при наличии здесь же аналогий в позднекатакомбном контексте (плоскодонные лепные горшки, «курильницы» с отделением). Сапалли и Джаркутан I относятся приблизительно к XX–XVIII вв. до н. э. (*Kaniuth*, 2006. S. 158–160). Погребение в Гелоте авторы публикации относят к тому же «сапалли-джаркутанскому этапу сапаллинской культуры» (*Виноградова, Кутимов*, 2009. С. 108). Гонурский некрополь по данным радиоуглеродного датирования относится к 2200–1800 гг. до н. э. (*Зайцева и др.*, 2008: С. 170–171). «Могила агнца» была устроена на развалинах дворца Гонура, то есть относится к финальному периоду существования гонурского комплекса памятников, в пределах 1700–1500 гг. до н. э. (*Сарияниди*, 2002. С. 229–230; *Зайцева и др.*, 2008. С. 179); найденная здесь «булавка», изображающая женщину, играющую на арфе, может относиться к рубежу III–II тыс. до н. э. (*Бороффа*,

2010). Позднейшей из приведенных нами аналогий является, вероятно, находка плоского зеркала в могиле № 10 Тигровой балки (вахшская культура). Наиболее схожий с Саэньсаи по формам и составу металлических изделий богатый комплекс могилы № 36 из Гонура отнесен исследователем к позднему периоду Намазги V, то есть к началу II тыс. до н. э. (*Salvatori, 1994; Kaniuth, 2006. P. 159*).

В комплекс погребения в кургане Саэньсаи М37 входила глиняная банка, орнаментированная рядами параллельных наклонных отгисков гребенчатого штампа (*Ковалев, 2015. С. 298–299*); этот сосуд находит ближайšie аналогии в материалах исследованных нами восточно-казахстанских курганов чемурчекского круга с коридорами, относящихся, как уже говорилось выше, ко второй трети III — началу II тыс. до н. э. (*Ковалев и др., 2014. Рис. 21, 2; 63, 64*).

Таким образом, на основании данных радиоуглеродного датирования и археологической датировки найденных предметов, можно отнести курганы с «фигурными» ямами могильника Саэньсаи, так же, как и чемурчекские курганы с фигурной ямой Копа 1 и 2 в Восточном Казахстане, к рубежу III–II тыс. до н. э.

Общие параметры ям и параметры предполагаемых к размещению повозок Саэньсаи совпадают с параметрами «фигурных ям» позднекатакомбного времени Северо-Западного Прикаспия и фрагментов повозок, иногда находимых в этих ямах; к настоящему времени в этом регионе известно около сотни таких памятников (см. статью М. А. Перцевой в настоящем сборнике) (рис. 3). Исходя из особенностей инвентаря и радиоуглеродных датировок памятников лолинской и маньчской культур (*Шишлина, 2007. С. 390–393; Мимоход, 2013. С. 285; Андреева, 2014. С. 13*), практически все погребения в фигурных ямах можно отнести к XXV–XXXIII вв. до н. э., то есть периодом, непосредственно предшествующим появлению фигурных ям на Тянь-Шане и в Джунгарии. Это позволило мне выдвинуть предположение о миграции носителей маньчской культуры на Восточный Тянь-Шань через Среднюю Азию приблизительно в XXIII в. до н. э. (*Ковалев, 2015*).

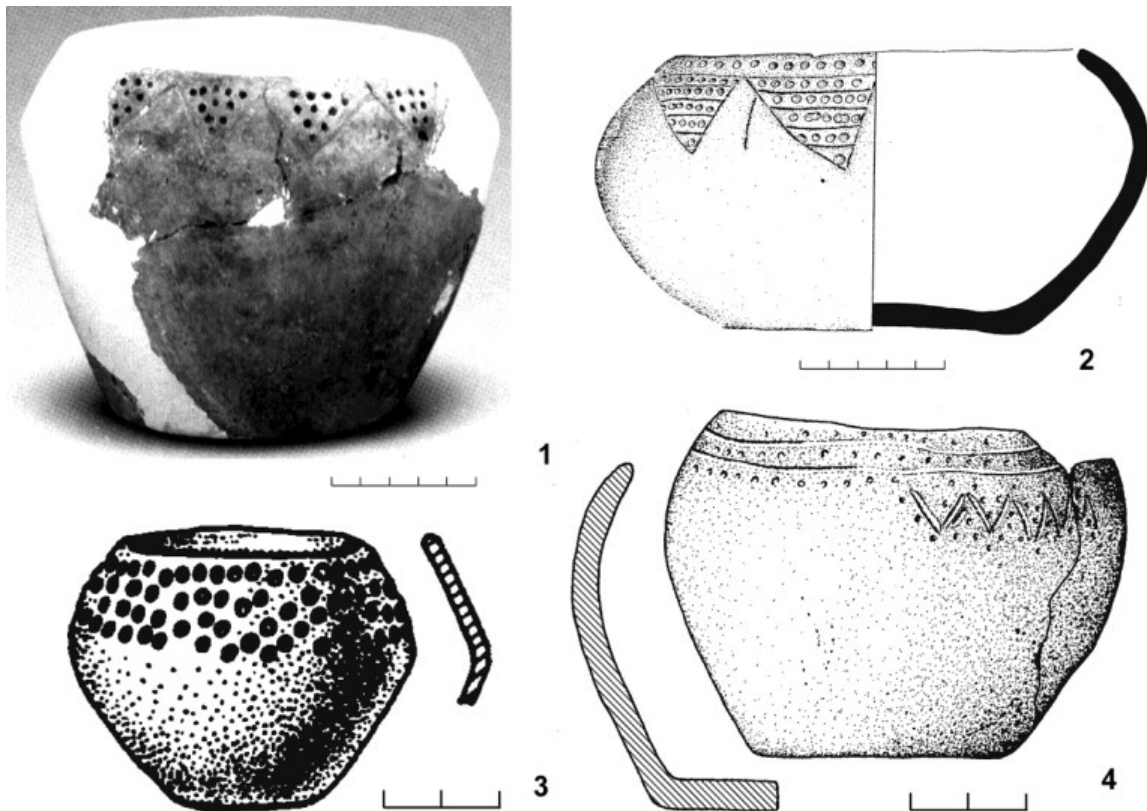

Рис. 4. Керамика из погребений культуры Саэньсаи и маньчской катакомбной культуры. 1 — Саэньсаи М47; 2 — Хар Зуха I, курган № 4, погребение № 2; 3 — Шахаевская II, курган № 2, погребение № 8; 4 — Восточный Маньч III/66, курган № 13, погребение № 1. 1 — Синьцзян Саэньсаи..., 2013; 2 — Очир-Горяева, Андреева, 2016; 3 — Федорова-Давыдова, 1983; 4 — Синецян, Эрдниев, 1987

Инвентарь «фигурных» погребений Саэньсаи также находит некоторые аналогии в материалах маньчжских катакомбных культур. Так, в могиле Саэньсаи М47 был обнаружен чугуноквидный сосуд с орнаментом в виде треугольных фестонов, заполненных точками (рис. 4, 1). Точки нанесены глубокими вдавлениями круглой в сечении палочки. Схожие и по форме, и по орнаментации сосуды найдены как минимум в четырех позднекатакомбных комплексах: Хар Зуха I, курган № 4, погребение № 2, Восточный Маньч III/66, курган № 13, погребение № 1, Шахаевская II, курган № 2, погребение № 8, Орешкин-I, курган № 11, погр. 2 (рис. 4, 2–4) (Очир-Горяева, Андреева, 2016. С. 357–361, рис. 3, 6; Федорова-Давыдова, 1983. С. 40–42; Синицын, Эрдниев, 1987. С. 49, рис. 24, 2; Дьяченко, 1997. С. 12, рис. 5, 6). Из этих погребений наиболее схоже с могилами Саэньсаи погребение № 8 кургана № 2 группы Шахаевская II (Федорова-Давыдова, 1983. С. 40–42, рис. 6). Входная шахта катакомбы этого погребения размерами около 2,1 × 1,55 м имела вогнутые продольные стенки, а в местах расширения этих стенок дно могилы было понижено на 10–33 см. В этих выемках стояли четыре сплошных колеса диаметром около 70 см. Кузов повозки, поставленный на дно между колесами, имел размеры 1,05 × 1,4 м. На кузове было произведено «пакетное» захоронение взрослого человека. На дне этой шахты вместе с костями ребенка и был обнаружен, в частности, вышеуказанный сосуд чугуноквидной формы с пояском из округлых вдавлений под устьем (Федорова-Давыдова, 1983. Рис. 19, 2)

Можно заключить, что на могильнике Саэньсаи обнаружены могильные сооружения неизвестной ранее культуры конца III — начала II тыс. до н. э., погребальный обряд которой (захоронение в повозке, установленной в фигурную яму особой формы) является развитием погребального обряда (восточно)маньчжской катакомбной культуры. Вероятно, носители культуры Саэньсаи мигрировали из Северо-Западного Прикаспия в Восточный Тянь-Шань через Среднюю Азию, сохранив на новом месте жительства приобретенные связи с развитыми культурами Бактрии и Маргианы. Интересно, что к настоящему времени в Зарафшане зафиксированы единичные находки собственно катакомбной керамики, включая фрагмент сосуда с пояском отпечатков веревочного штампа (Аванесова, 2012. С. 25–27).

- Аванесова Н. А. Древние горняки Зарафшана // Археология Узбекистана. Самарканд, 2012. № 1 (4)
- Андреева М. В. Восточноманьчжская катакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников. М., 2014.
- Аскарлов А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
- Борофобка Н. Серебряная фигурная булавка из «робины ягненка» (18/1994) в Гонуре (некоторые соображения о музыке в ритуале) // На пути открытия цивилизации: Сб. ст. к 80-летию В. И. Сарияниди. Тр. Маргианской археологической экспедиции / Ред. П. М. Кожин, М. Ф. Косарев, Н. А. Дубова. СПб., 2010.
- Виноградова Н. М., Кутимов Ю. Г. Богатое земледельческое погребение в Гелоте // Проблемы культурогенеза и культурного наследия: Сб. ст. к 80-летию Вадима Михайловича Массона / Сост. В. М. Массон, ред. С. В. Белецкий, Л. Б. Кирчо. СПб., 2009.
- Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зерафшана. Ташкент, 1966.
- Дубова Н. А. Погребения животных в стране Маргуш // Тр. Маргианской археологической экспедиции. Т. 4: Исследования Гонур Деле в 2008–2011 гг. / Гл. ред. В. И. Сарияниди. М., 2012.
- Дубова Н. А., Мурадова Э. А. «Могильник теменоса» Гонура // Тр. Маргианской археологической экспедиции: Т. 2. М., 2008.
- Дьяченко А. Н. Памятники катакомбной культуры на Медведнице // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Вып. 2. / Отв. ред. Б. Ф. Железчиков. Волгоград, 1997. С. 4–59.
- Зайцева Г. П., Дубова Н. А., Семенов А. А., Реймар П., Мэллори Дж., Юнгнер Х. Радиоуглеродная хронология памятника Гонур Деле // Тр. Маргианской археологической экспедиции: Т. 2. М., 2008.
- Кирчо Л. Б., Алекшин В. А. Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-деле). СПб., 2005. (Тр. ИИМК РАН; Т. XVI).
- Ковалев А. А. Саэньсаи — новая культура бронзового века восточноевропейского происхождения на Тянь-Шане // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чумурчекский культурный феномен. Ч. II: Результаты исследований в центральной части Монгольского Алтая и в истоках Кобдо; памятники Синьцзяна и окраинных земель / Сост. и науч. ред. А. А. Ковалев. СПб., 2015.
- Ковалев А. А. Чумурчекский культурный феномен // История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. Т. 1. Древнейшая и древняя история (по археологическим данным): от палеолита до V в. до н. э. / Отв. ред. А. П. Деревянко. М.: Наука, 2016.
- Ковалев А. А., Самашев З. С., Сунгатай С. Исследования археологических памятников раннего периода бронзового века в Восточном Казахстане (1998–2000 годы) // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чумурчекский культурный феномен. Ч. I: Результаты исследований в Восточном Казахстане, на севере и юге Монгольского Алтая. СПб., 2014.
- Кутимов Ю. Г. Степные элементы в погребальном обряде могильника Заманбаба (к вопросу о происхождении и хронологии заманбабинской культуры эпохи бронзы Средней Азии) // АВ. СПб., 2005. № 12.0

- Мимоход Р. А.* Лолинская культура. Северо-Западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. М., 2013. (Материалы охраняемых археологических исследований; Т. 16).
- Николаева Н. А.* Отчет о раскопках курганов на трассе дороги Волга-Чограй (Яшкульский район) в 1986 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 14263, 14264.
- Оцир-Горяева М. А., Андреева М. А.* Кенотаф позднекатакомбного времени из могильника Хар Зуха I в Калмыкии // КСИА. М., 2016. Вып. 244.
- Пьянкова А. Т.* Могильник эпохи бронзы Тигровая Балка // СА. 1974. № 3.
- Рузанов В. Д.* Металлообработка на юге Средней Азии в эпоху бронзы. Самарканд, 2013.
- Сарианиди В. П.* Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашхабад, 2002.
- Сарианиди В. П.* Маргуш. Тайна и правда великой культуры. Ашхабад, 2008
- Синьцын П. В., Эрдниев У. Э.* Древности Восточного Мангыча. Элиста, 1987.
- Синьцзян вэньбу..., 2010 – Синьцзян вэньбу каогу яньцзюсо, Улумуци ши вэньбу гунаисо (Институт культурного наследия и археологии Синьцзяна, Управление культурного наследия городского округа Урумчи). Улумуци ши Саэньсаи муди фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках могильника Саэньсаи в городском округе Урумчи) // Синьцзян вэньбу. 2010. № 2. (На кит. яз.).
- Синьцзян вэньбу каогу яньцзюсо, Улумуци ши вэньбу гунаисо (Институт культурного наследия и археологии Синьцзяна, Управление культурного наследия городского округа Урумчи). Улумуци ши Саэньсаи муди фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках могильника Саэньсаи в городском округе Урумчи) // Вэньбу. 2012. № 5. (На кит. яз.).
- Синьцзян Саэньсаи муди (Могильник Саэньсаи в Синьцзяне) / Синьцзян вэньбу каогу яньцзюсо (Институт культурного наследия и археологии Синьцзяна) – сост. Пекин, 2013. (На кит. яз.).
- Федорова-Давыдова Э. А.* Раскопки курганной группы Шахаевская II на р. Мангыч // Древности Дона: Материалы работ Донской экспедиции. М., 1983.
- Шилов В. П.* Отчет об исследованиях Волго-Донской археологической экспедиции в 1982 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 9516.
- Шилов В. П.* Отчет об исследованиях Волго-Донской археологической экспедиции ИА АН СССР и КНИИ ИФЭ в Яшкульском районе Калмыцкой АССР // НА ИА РАН. Р-1. № 12351.
- Шишлина Н. П.* Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тысячелетия до н. э.). М., 2007.
- Kaniuth K.* Metallobjekte der Bronzezeit aus Nordbaktrien. Mainz: P. von Zabern, 2006. (Archäologie in Iran und Turan; Bd. 6).
- Salvatori S.* The discovery of the graveyard of Gonur-depe 1 (Murghab delta, Turkmenistan): 1992 campaign, preliminary report // Rivista di Archeologia. 1993. Anno XVII.
- Salvatori S.* Excavations at the Namazga V Late graveyard of Gonur 1 (Murghab delta, Turkmenistan). Preliminary report on the 1993 field season // Rivista di Archeologia. 1994. Anno XVIII.
- Sarianidi V. I.* Margiana and Protozoroastrizm. Athens, 1998.
- Sarianidi V.* Necropolis of Gonur. Athens, 2007.
- Schmidt E. F.* Excavations at Tepe Hissar, Damghan: with an additional chapter on the Sasanian Building at Tepe Hissar. Philadelphia, 1937. (Publications of the Iranian Section of the University Museum).

Е. В. Куприянова, А. К. Кириллов

РОЛЬ И ФУНКЦИИ РВА В ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСАХ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

Кольцевые рвы являются одним из важнейших элементов погребальной архитектуры эпохи бронзы. В пространстве могильника ров обладает множеством функций. Системообразующая функция заключается в определении символической границы между пространством живых и миром мертвых, между группой людей, похороненных в одном комплексе, и остальными комплексами и пр. Утилитарное значение проявляется в получении из рва грунта для строительства надмогильных сооружений, отведении от площадки комплекса сточных и паводковых вод. К ряду символических функций рва относится проведение в нем различных ритуалов. Археoaстрономические исследования выявили отражение в планировке рвов эпохи бронзы значимых астрономических событий и наличие у населения бронзового века представлений о примитивном зодиаке.

Ключевые слова: археология, Южное Зауралье, эпоха бронзы, алакульская культура, петровская культура, синташтинская культура, могильник, ров, астрономия, погребальный обряд

Кольцевой ров является практически неизменной архитектурной деталью отдельных погребальных комплексов (курганов) синташтинской и петровской археологических культур. Рвы имели различную глубину и ширину, пропорциональные размерам кургана. Даже в тех случаях, когда ров не фиксируется в материке, можно предполагать его наличие по кольцевому расположению периферийных погребений, отдельным углублениям. Ров как один из важнейших элементов погребальной архитектуры эпохи бронзы, обладает множеством функций:

1) *Системообразующая функция* рва проявляется в том, что он является символической границей, отделяющей пространство отдельно взятого комплекса от пространства некрополя в целом, мир мертвых от мира живых. Наличие кругового рва структурирует планировку комплекса и подчиняет ее определенной схеме. Погребенные, захороненные в отдельно взятом комплексе, ограниченном рвом, явно принадлежат к общей социальной группе — роду, семье, страте и общим местом захоронения позиционируются от других членов коллектива. Погребения, совершаемые во рву, позиционируются как менее престижные по отношению к центральным; таким образом, ров отделяет не только группу индивидов внутри комплекса от остальных, но и стратифицирует ее внутри себя.

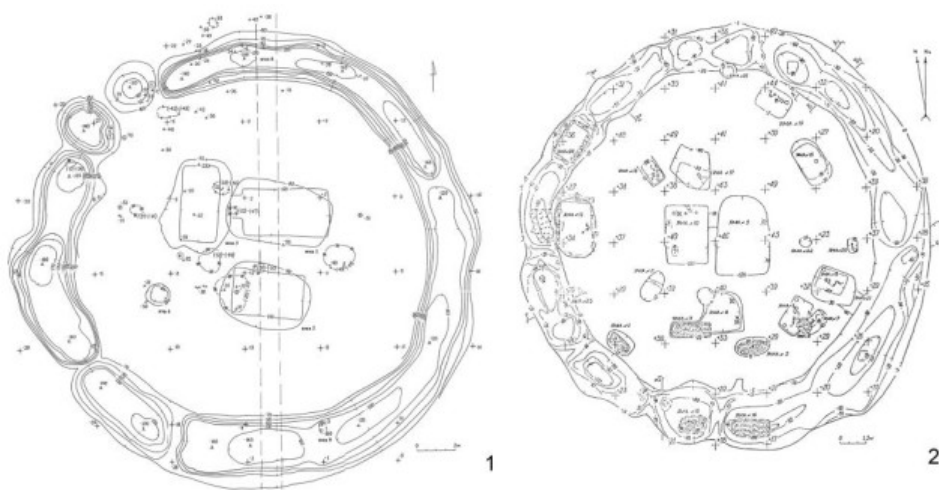

Рис. 1. Погребальные комплексы эпохи бронзы Южного Зауралья с кольцевыми рвами:
1 — могильник Степное-1, курган № 1; 2 — могильник Большекараганский, курган № 25

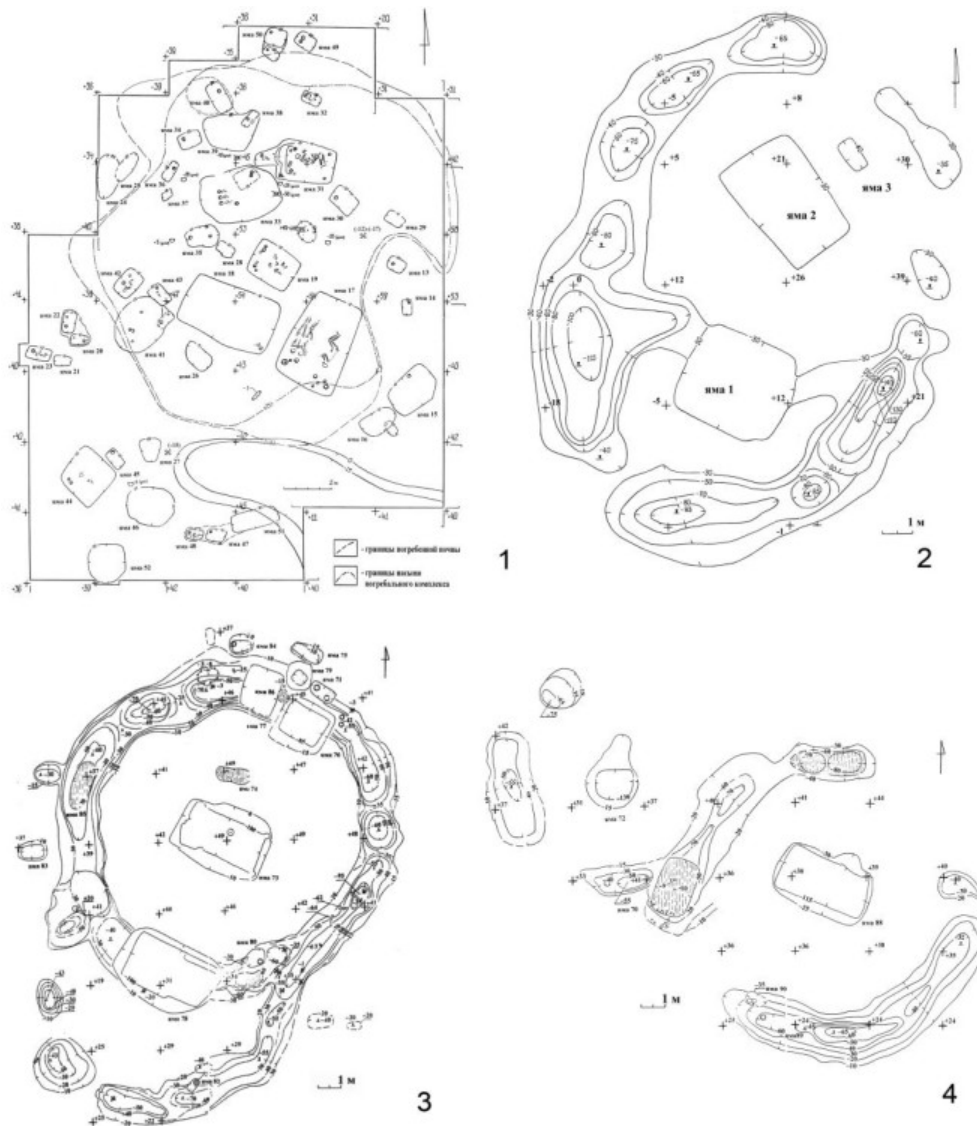

Рис. 2. Могильник Степное VII, восьмеркообразные погребальные комплексы:
1 — комплекс № 4; 2 — комплекс № 8; 3 — комплекс № 7; 4 — комплекс № 6

Интересный пример использования рва в качестве признака самоидентификации представляют собой погребальные комплексы могильника Степное VII. Из семи исследованных комплексов четыре представляют собой не стандартные круглые могильные поля, а восьмеркообразные сооружения, где к первоначально построенному комплексу с круглой планировкой спустя какое-то время пристраивался полукруглый дополнительный сектор. В комплексе № 4 подобная конструкция выражена расположенными по кругу детскими погребениями вокруг трех центральных коллективных ям №№ 17–19 и пристроенной с севера крупной ямой № 31, насыпь над которой смещена к северу, но перекрывает и ранние погребения №№ 17–19 и позднюю яму № 31 (рис. 2, 1). В погребальных комплексах №№ 6–8 к построенному изначально круглому рву пристраивались полукруглые вторичные рвы с дополнительной центральной ямой, либо вписанной в основной ров, либо пристроенной в центре дополнительного полукольца (рис. 2, 2–4). Особенно важным представляется, что из четырех изученных восьмеркообразных комплексов два содержат погребения, принадлежащие к разным культурам. Построенные первыми ров и центральные погребения относятся к петровской культуре, а пристроенные дополнительные комплексы — к алакульской культуре. Таким образом, представители алакульского населения, жившего на 100–200 лет позднее, пристраивая к комплексу дополнительные сооружения, пытались идентифицировать себя с группой представителей петровской культуры, построившей первоначальный комплекс. Пристроенные позднее погребения не уступают по богатству инвентаря и сложности архитектуры ранним

захоронениям, а часто и превосходят их. Пристроенные комплексы по трудозатратам на их постройку равносильны самостоятельным сооружениям. Таким образом, присоединение к ранним погребениям не было обусловлено стремлением сэкономить ресурсы, но продиктовано целью продемонстрировать единство с предками, свою принадлежность к определенному коллективу.

2) Указывалось и на *утилитарное значение* рва: получение грунта для создания насыпи и надмогильных сооружений (Усманова, 2013. С. 93). Надмогильные сооружения, остатки которых в виде песчаных слоев фиксируются над погребальными камерами и внутрикурганном пространством, складывались, очевидно, не только из грунта, вынутого из ям, но и грунта из рва. Утилитарная функция рва как водоотвода также присутствовала: рвы во время дождей и паводков заполнялись водой, о чем свидетельствуют слоистые напластования на дне.

3) Не менее важной представляется ряд *символических функций* рва как места проведения определенных ритуалов. В частности, нередко фиксируются набросы костей, относящиеся к серии поминальных ритуалов, а также единовременные жертвоприношения животных в отдельных ямах, прокалы и другие следы ритуальной активности.

Одной из характерных особенностей обводных рвов на курганах синташтинской и петровской культур является их деление на сектора с углублениями/секциями, что предполагает наличие определенной логики в их планировке (рис. 1–2). Вполне вероятно, что каждый сектор имел свое назначение для выполнения определенных обрядов (погребений, жертвоприношений и пр.) и связывался с пространственным расположением комплекса, ориентацией на значимые точки ландшафта (горы, поселение), астрономические события (положение луны, солнца, звезд). Многие крупные погребальные комплексы имеют ров, разделенный на двенадцать секций. Высказывалось предположение, что подобная структура рва связана с солнечной эклиптической и зодиакальной символикой (Зданович, Кириллов, 2002). Проведенные на могильниках у с. Степное археоастрономические исследования с достаточной степенью достоверности подтверждают наличие представлений в обществе эпохи бронзы о примитивном зодиаке, отраженное в погребальных комплексах. Рвы погребальных комплексов были проанализированы с точки зрения отражения в их конструкции различных астрономических событий, вплетавшихся в мифологическую картину мира древнего населения степей.

Цикличность времени в представлении архаичных цивилизаций в первую очередь была связана с Луной, изменением ее фаз. «Фазы луны — появление, рост, убыль, исчезновение, за которым следует новое появление через три темные ночи, — сыграли неизмеримую роль в выработке циклических концепций. Аналогичные концепции мы обнаруживаем, прежде всего, в архаичных апокалипсисах и антропогониях (мифах о происхождении человека) ...», — писал М. Элиаде (*Элиаде*, 1987. С. 90). Наличие азимутов в конструкциях курганов, связанных с Луной, дает указание на связь погребальных обрядов с культом мертвых и на достаточно древние жреческие традиции.

Азимуты восходов и заходов Солнца в ключевые даты календарного солнечного года свидетельствуют о развитии земледелия и пастушества, которые определяются сезонными изменениями в природе. Особенно важно выделить «солнечные» азимуты для дней летнего и зимнего солнцестояния, которые традиционно у индоевропейских народов были связаны с Новым годом. Празднование этого события символизирует акт возрождения, переход от хаоса к порядку, и по смыслу коллективного действия носит космогонический характер (Там же, 1987. С. 89).

Наличие у древнего населения неких общих астрономических знаний и представлений об их месте в идеологии подтверждается сходностью архитектурных деталей рвов. В конструкциях рвов некоторых крупных комплексов были обнаружены общие закономерности. В первую очередь, это относится к комплексам с кольцевыми рвами с перемычками, обнаруженными в Большепараганском кургане № 25, комплексах №№ 6–8 могильника Степное-VII и кургане № 1 могильника Степное-1.

Погребальные комплексы № 7 и 8 могильника Степное VII являются одними из самых интересных сооружений (рис. 3, 4). Комплекс № 6 напоминает комплекс № 7, хотя является более простым по конструкции (рис. 4, 2). В его конструкции фиксируется только азимут захода солнца в день зимнего солнцестояния, совпадающий с ямой № 72.

Мы попытались повести процедуру датировки комплекса № 6 по методике, предложенной для кургана № 25 могильника Большекараганский (Зданович, Кириллов, 2002). Предполагалось, что точки «восток» и «запад» в кольцевом рве фиксируют точки весеннего и осеннего равноденствия, а радиальные перемычки в кольцевой конструкции привязаны к наиболее ярким звездам неба той эпохи, когда сооружался комплекс. Для кургана № 25 такой подход позволил предположить датировку кургана — 2080 г. до н. э. В комплексе № 7 могильника Степное VII удалось выделить перемычки рва только для пяти звезд: α Орла (Альтаир), α Девы (Спика), α Льва (Регул), α Тельца (Альдебаран) и α Скорпиона (Антарес). По смещению этих азимутов относительно подобных для кургана № 25 была получена датировка комплекса 1630±80 лет до н. э. При этом принималось, что смещение точки весеннего равноденствия в результате прецессии проходило на 1 градус за 72 года.

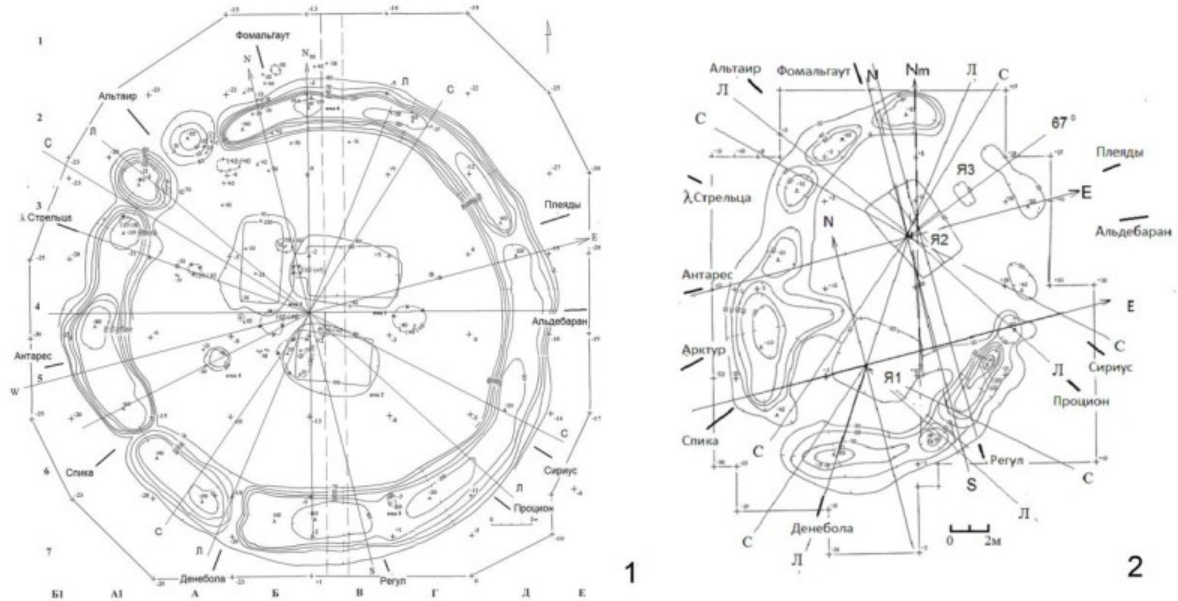

Рис. 3. Кольцевые рвы погребальных комплексов в могильниках у с. Степное с нанесенными астрономическими азимутами: 1 — могильник Степное-1, курган № 1; 2 — могильник Степное VII, комплекс № 8

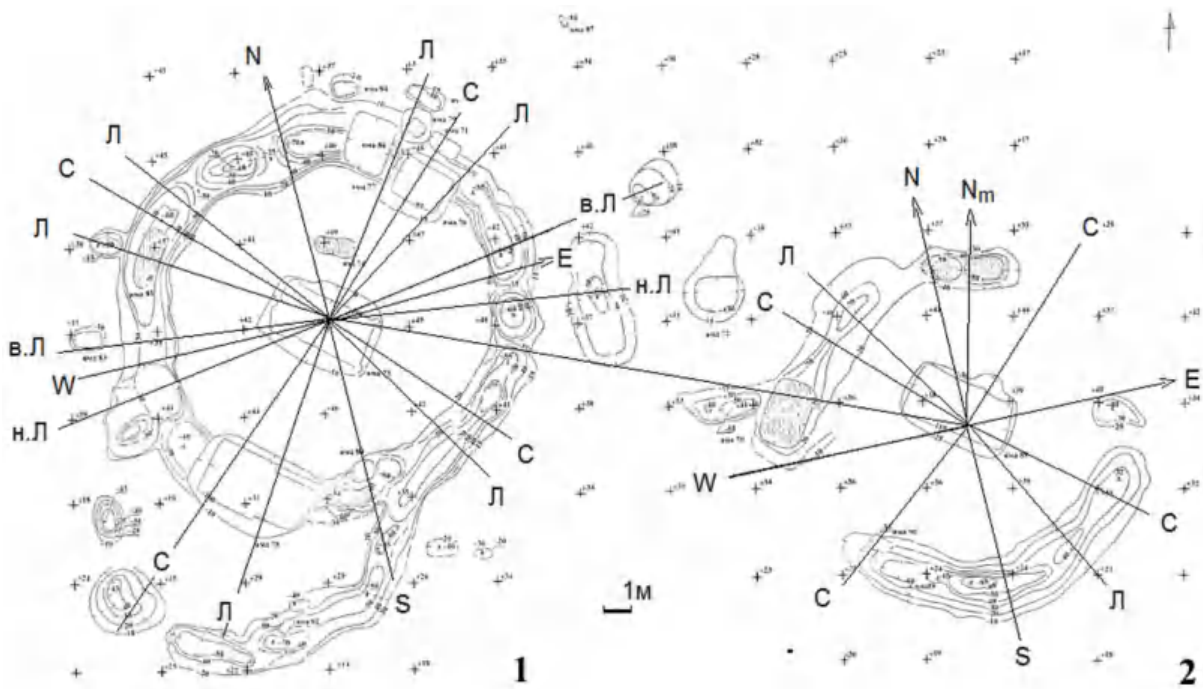

Рис. 4. Кольцевые рвы погребальных комплексов в могильниках у с. Степное с нанесенными астрономическими азимутами: 1 — могильник Степное VII, комплекс № 7; 2 — могильник Степное VII, комплекс № 6

В комплексе № 8 перемычки на кольцевом рве удалось отождествить с такими звездами как Фомальгаут, Альтаир, Антарес, Регул, Процион, Сириус, Альдебаран, а также Лямбда Стрельца — центр этого созвездия. По семи перечисленным объектам (кроме Фомальгаута) вычислено смещение положения скопления Плеяды относительно эпохи измерения для кургана № 25 могильника Большекараганский. В результате расчётов получена дата 1576 г. до н. э.

Три погребальных комплекса могильника Степное-VII (№№ 6–8) располагаются на одной прямой с азимутом 68 градусов относительно меридиана. Можно сделать вывод о том, что эти сооружения являются единым ансамблем, отображающим представления их создателей о цикличности сезонов, связанных с периодичностью движения наиболее ярких небесных светил — Солнца и Луны. Каждый из комплексов отражает три части этих представлений, выраженных в планировке. В комплексе № 6 отражена ориентация на восходы Солнца в дни солнцестояний, в первую очередь, — летнее солнцестояние. В комплексе № 7 подчеркнута ориентация на предельные азимуты восхода Луны относительно меридиана («высокая» Луна). В комплексе № 8 ярко выражена ориентация ям № 2 и № 3 по азимуту 68 градусов, связанного с понятием «золотого сечения», но фактически отражающего даты годового сезонного цикла, являющиеся промежуточными между днями солнцестояний и равноденствий.

В кургане № 1 могильника Степное 1 перемычки кольцевого рва, соответствующие наиболее ярким звездам, обозначены на рис. 3, 1. В восточной части рва указаны положения таких звезд как Альдебаран (α Тельца); в юго-восточной — Сириус (α Большого Пса) и Процион (α Малого Пса). В южной части рва можно выделить перемычки, соответствующие созвездию Лев и его наиболее ярким звездам Регул и Денебола. В юго-западном секторе одну из перемычек можно поставить в соответствие звезде Спика (α Девы). В данной конфигурации направление на Антарес (α Скорпиона) практически совпадает с направлением на точку запад, хотя перемычка здесь не выделена. Однако такой характерной детали созвездия, как хвост Стрельца, можно поставить в соответствие углубление на участке A1/3. Тогда звезде Альтаир (α Орла) будет соответствовать перемычка в северо-западной части рва. Направление на Фомальгаут практически совпадает с направлением на точку N меридиана, проходящего через центр кольцевого рва. Следует отметить, что в предлагаемой схеме расположения созвездий вдоль окружности рва имеется перемычка и для Плеяд, звездного скопления в созвездии Телец, которое особо почитали многие народы архаических и более поздних культур. Эта перемычка близка к направлению на точку горизонта Восток (E на рис. 3, 1).

Традиционно конструкции курганов эпохи бронзы приписывают календарный смысл. В данном кургане были выделены направления, соответствующие восходам и заходам Солнца в ключевые дни календарного года — дни летнего и зимнего солнцестояния. На рис. 3, 1 зимнему солнцестоянию соответствуют радиальные линии к югу, а к восходам и заходам в день летнего солнцестояния относятся радиальные линии, расположенные к северу от широтной линии «WE», и обозначенные буквой «С». Буквами «Л» отмечены азимуты восходов и заходов «высокой северной» и «высокой южной» Луны, являющиеся ближайшими к точкам N и S возможными направлениями восхода и захода Луны в течение периода в 18,6 лет, через который узлы лунной орбиты совершают полный оборот вдоль эклиптики. По археологическим данным, в конструкции рва эти направления наиболее ярко выражены и определяют азимуты захода Солнца в день летнего солнцестояния, захода «высокой северной» Луны (северо-западный сектор) и захода «высокой южной» Луны (юго-западный сектор). В последнем случае этот азимут совпадает с перемычкой, фиксирующей направление на Денеболу, вторую по блеску звезду в созвездии Лев.

Представленные результаты археоастрономических исследований рвов погребальных комплексов могильников Степное-VII и Степное-1 свидетельствуют о наличии общих закономерностей в погребальной практике синташтинских, петровских и алакульских племен, населявших территорию Южного Зауралья в эпоху средней и поздней бронзы. Рассмотрение перемычек кольцевых рвов крупных комплексов позволило датировать данные сооружения. Полученные датировки указывают на существование устойчивых традиций на протяжении нескольких веков. В ряде комплексов зафиксировано наличие в планировке солнечных азимутов, которые связаны с ключевыми датами солнечного календа-

ря и отражают потребности измерения цикличности временных событий для сезонной хозяйственной деятельности, т. е. имеют как ритуальный, так и утилитарный характер. Вполне вероятно совершение ритуалов жертвоприношений в избранные даты, что подтверждается расположением артефактов на астрономически значимых азимутах.

Было бы неверно утверждать, что погребальные комплексы служили площадками для проведения наблюдений за небесными светилами. Курганы бронзового века следует рассматривать как концентрированное выражение представлений древних народов об устройстве окружающего мира, включающего и Небо (то есть всю Вселенную). Рвы отдельных комплексов, являясь одной из основных системообразующих архитектурных деталей, совмещающей сакральные и профанные функции, представляли собой космогоническую границу, отделяя комплекс, как от других погребальных сооружений могильника, так и от «мира живых», превращая его в замкнутый микрокосм.

Аванесова Н. А. Древние горняки Зарафшана // Зданович, Кириллов, 2002 — Зданович Д. Г., Кириллов А. К. Данные археоастрономии к реконструкции пространственно-временной модели, обряда и абсолютных дат кургана № 25 Большекараганского могильника // Аркаим: Некрополь (по материалам

кургана № 25 Большекараганского могильника). Челябинск, 2002.

Усманова Э. Р. Погребальный обряд: позиция и символика // Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты. Караганда; Лисаковск, 2013.

Элиаде М. Космос и история. М., 1987.

Я. В. Рафикова

АНТРОПОМОРФНЫЕ СТЕЛЫ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ¹

В статье рассматриваются антропоморфные стелы, происходящие из погребальных комплексов эпохи поздней бронзы Южного Зауралья. На сегодняшний день к таковым относятся три — из кургана № 7 могильника Каменный Амбар-5, погребения № 4 кургана № 1 могильника Ишкиновка III и кургана № 5 Селивановского II могильника. Последняя стела входила в состав каменной композиции и целого ансамбля, образованного каменными плитами и погребением. Исследование этого комплекса позволило выяснить, что основные принципы его создания идентичны принципам сооружения «аллей» менгиров Южного Зауралья — обозначение сторон света и особое выделение пиротного направления. Таким образом, получено еще одно свидетельство связи мегалитических традиций Южного Урала с погребальным обрядом эпохи поздней бронзы.

Ключевые слова: эпоха бронзы, Южное Зауралье, срубно-алакульская контактная зона, погребально-поминальная обрядность, антропоморфная стела, мегалитические традиции

Очень интересный вид мегалитических памятников эпохи палеометалла — антропоморфные стелы были открыты в Южном Зауралье совсем недавно — в конце 1990-х — начале 2000-х гг. В отличие от массового характера таких находок в Западной Европе, Северном Причерноморье, Восточной Сибири и Северной Монголии, их количество здесь пока ограничивается всего лишь тремя экземплярами. Отметим, что в Южном Зауралье имеются и стелы этого времени без признаков антропоморфности, которые известны также пока в сравнительно небольшом количестве (Кузьмина, 1963. С. 105; Рафикова, Федоров, 1997. С. 275; Костюков, Епимахов, 2005. С. 70–77; Курьянова, 2014. С. 35–39; Петров, Курьянова, 2016. С. 129, 134).

Все находки антропоморфных стел Южного Зауралья происходят из погребальных комплексов эпохи поздней бронзы. Данные о двух стелах опубликованы. Первая из них обнаружена в могильнике Каменный Амбар-5 в насыпи кургана № 7, атрибутированного как раннесрубный с некоторыми алакульскими чертами (Епимахов, Епимахова, 2003. С. 85) (рис. 1, 1). Отметим, что авторы публикации не называют стелу антропоморфной, однако описывают ее как имеющую «лицевую» сторону и «головной» выступ (Епимахов, Епимахова, 2003. С. 84). Вторая обнаружена в погребении № 4 кургана № 1 кожумбердынского могильника Ишкиновка III (Ткачев, 2012. С. 54, рис. 3, 3а) (рис. 1, 2). Здесь автор прямо называет ее антропоморфной, хотя и оговаривает, что «трактовка антропоморфных черт весьма условна» (Ткачев, 2012. С. 54). Находка третьей связана со срубно-алакульским курганом № 5 могильника Селивановский II. Изготовители этой стелы, несомненно, стремились придать ей антропоморфные черты. Чрезвычайно интересным является контекст находки этой стелы, свидетельствующий о связи традиции сооружения «аллей» менгиров с погребально-поминальной обрядностью древнего населения Южного Зауралья. Рассмотрим комплекс подробнее.

Курган № 5 со стелой входит в состав Селивановского II могильника, расположенного на северо-западной окраине пос. Селивановский в Абзелюловском районе Республики Башкортостан, в 15 км западнее г. Магнитогорска. Центральная группа могильника, состоящая из девяти курганов, вытянута по широтной линии вдоль низкого северо-восточного берега оз. Чебаркуль. Всего археологической экспедицией Национального музея Республики Башкортостан было исследовано три кургана: в 1999 г. курган № 6 позднесарматского времени (Федоров, 2011), в 2000 г. курганы № 1 (Рафикова, 2008) и № 5 эпохи поздней бронзы, причем последний является самым восточным в этой цепи (рис. 2).

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ в рамках научного проекта № 16-11-02008/16 «Курганы Южного Зауралья»

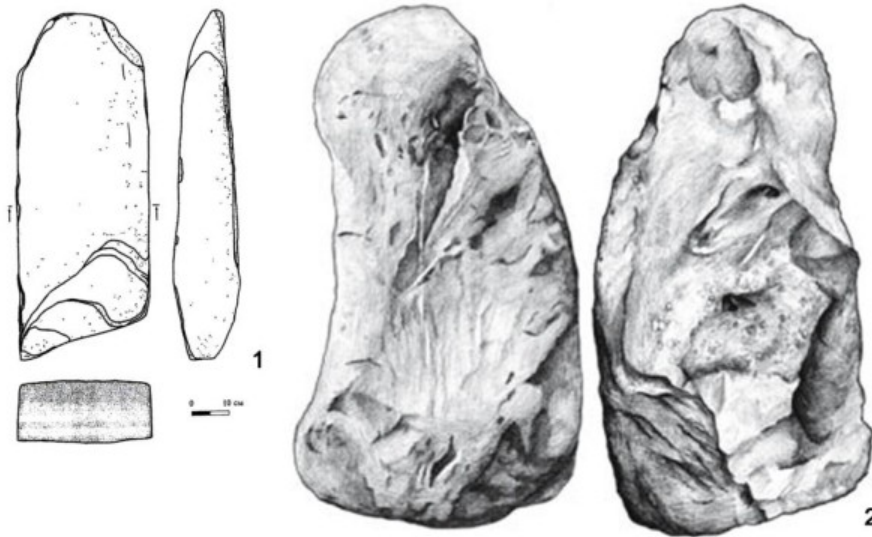

Рис. 1. Антропоморфные стелы Южного Зауралья: 1 — курган № 7 могильника Каменный Амбар-5, 2 — погребение № 4 кургана № 1 могильника Ишкиновка III

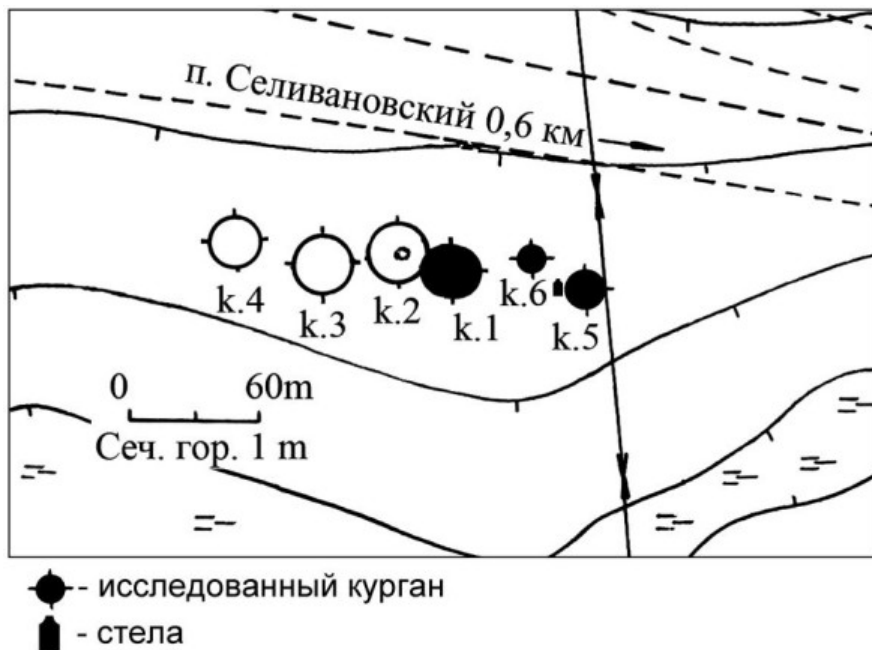

Рис. 2. Селивановский II могильник. План центральной группы курганов

Насыпь кургана земляная, уплотненная, сильно расплывшаяся, слегка вытянута по линии запад–восток, край северо-восточного участка ее поля нарушен при установке опорного столба ЛЭП. Размер насыпи $18,5 \times 6,5$ м, высота до 0,4 м (рис. 3, 1). Курган исследовался вручную в пределах визуально фиксируемых границ методом кольцевых траншей с оставлением двух взаимоперпендикулярных бровок шириной 0,6 м, ориентированных по сторонам света.

Профиль широтной бровки (рис. 3, 4):

- 1) дерн — 0,05 м, подстилаемый гумусом;
- 2) гумус — 0,15–0,3 м прослежен на всем протяжении профиля, в центральной части подстилается слоем гумуса, перемешанного с материковым суглинком, только на западном и восточном участках профиля подстилается погребенной почвой;
- 3) гумус, смешанный с материковым суглинком — 0,15–0,65 м зафиксирован в центральной части профиля, где лежит непосредственно на материке, является заполнением чашеобразного углубления, о котором подробно будет сказано ниже;

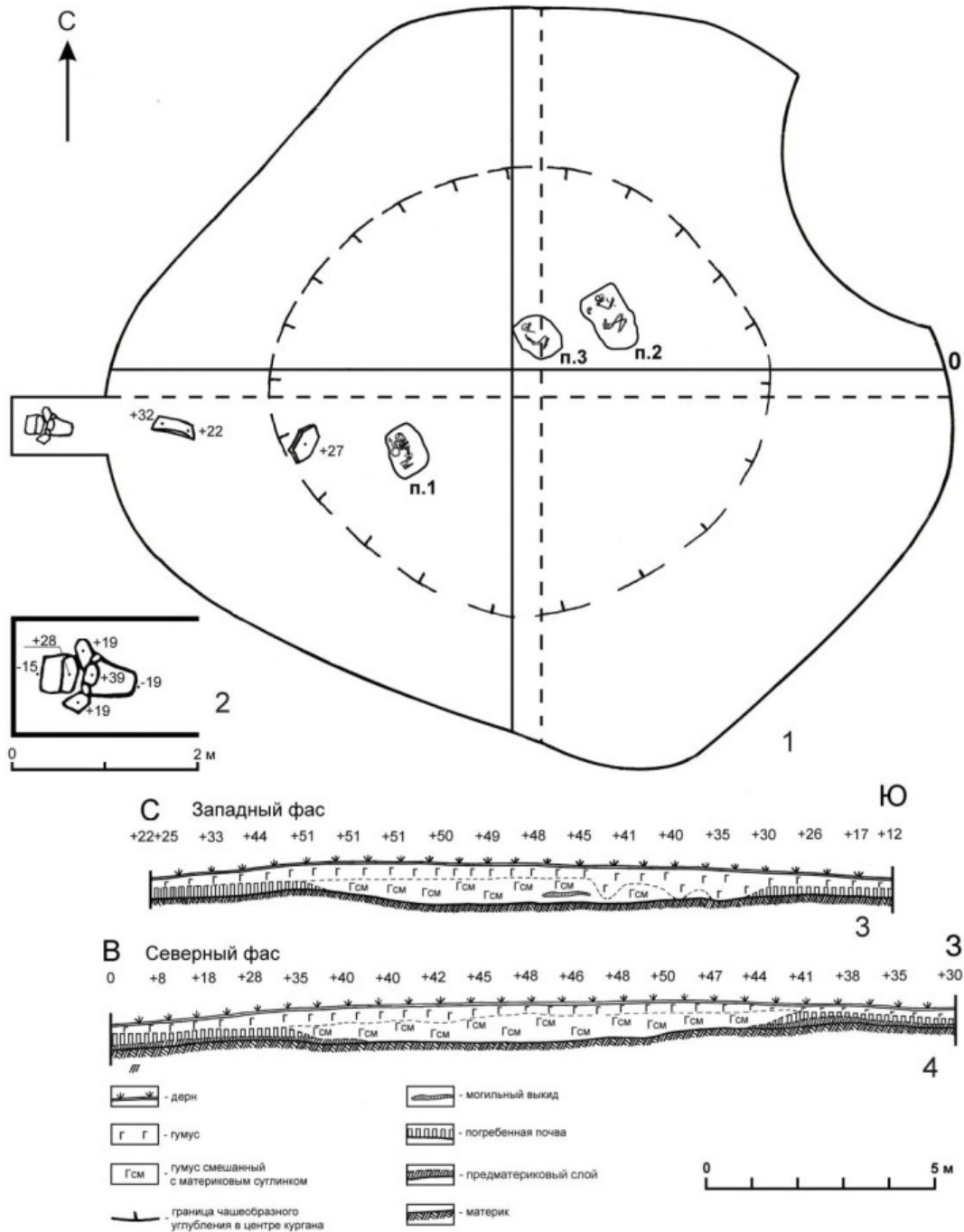

Рис. 3. Селивановский II могильник, курган № 5: 1 — план, 2 — композиция с каменной стелой, 3 — профиль меридиональной бровки, 4 — профиль широтной бровки

4) погребенная почва — слой плотного темного гумуса — 0,1–0,25 м, фиксировалась только на периферийных участках в виде полос со скошенными к центру краями, подстилается предматериковым слоем;

5) предматериковый слой — 0,1–0,15 м; собственно, это верхний слой материка с затеками гумуса, отмечается только на периферийных участках — с восточной и западной стороны в виде тонких полос;

6) материк — глина.

Профиль меридиональной бровки (рис. 3, 3):

1) дерн — 0,05 м, подстилаемый гумусом;

2) гумус — 0,15–0,65 м, прослежен на всем протяжении профиля, подстилается смешанным слоем гумуса с материковым суглинком, на периферийных участках — с северной и южной стороны лежит на погребенной почве;

3) гумус, смешанный с материковым суглинком — до 0,55 м в центральной части профиля, является заполнением чашевидного углубления, подстиляется материком, в слое зафиксирован могильный выкид от погребения № 3 — линза материковой глины мощностью до 0,1 м выше материка на 0,15 м, протяженностью 1 м;

4) погребенная почва — до 0,25 м прослежена только с западного и восточного края профиля в виде полос со скошенными к центру краями;

5) материк — глина.

В пределах внешней кольцевой траншеи, в западной поле кургана в слое гумуса были выявлены две плиты на глубине 0,1–0,17 м от поверхности. Плита, расположенная ближе к краю поля, имеет трапециевидную форму, вогнутая, размером $1,0 \times 0,45$ м, длинными сторонами ориентирована по линии запад–восток. На расстоянии 2 м к востоку от нее находилась плита таких же размеров, длинными сторонами ориентированная меридионально с небольшим отклонением к востоку. После расчистки каменных плит было обращено внимание на то, что на одной широтной линии с ними, в 2 м от крайней западной плиты, за пределами раскопа на поверхность земли на высоту не более 8 см выступает камень. Чтобы исследовать участок с выступающим на поверхность камнем, после доведения внешней траншеи до материка с западной стороны к ней была сделана прирезка прямоугольной формы размером $2 \times 1,3$ м (рис. 4). Как выяснилось, торчащий из земли камень — это верхушка стелы, которая является одной из четырех частей целой каменной композиции, скрытой под землей (рис. 3, 2; 6).

Рис. 4. Селивановский II могильник, курган № 5, западная поля кургана с прирезкой. Каменные плиты и композиция с антропоморфной стелой: 1 — вид с востока, 2 — вид с запада

Стела представляет собой базальтовую² плиту подпрямоугольной формы размером $0,7 \times 0,47$ м, боковые грани ее практически параллельны друг другу, толщина плиты 15–20 см. Верхняя часть плиты обработана с обеих сторон, а обе боковые части только с лицевой стороны. Наиболее грубой обработке подвергнута левая боковая грань. Плита здесь была значительно толще, чем справа, и с лицевой стороны несколькими крупными сколами «излишняя» толщина была убрана. Верхняя грань была сначала

² Определение к. г.-м. наук В. М. Горожанина.

выровнена, а затем на ней крупными сколами были оформлены скосы на лицевую и тыльную сторону. Головной выступ и плечи оформлены сбиванием углов плиты крупными сколами. Левое плечо получено в результате двух крупных сколов — по одному с лицевой и тыльной стороны. Правое плечо с тыльной стороны оформлено также одним крупным сколом, а с лицевой стороны после снесения угла одним крупным сколом потребовалась подтеска более мелкими сколами, причем они захватили также правую сторону плиты ниже «плеча». Головной выступ с лицевой стороны также был подтесан: был подровнен выступающий край, образовавшийся при оформлении скоса. В целом, приемы обработки являются достаточно грубыми, тем не менее, желаемый результат был достигнут — плите придана форма примитивной человеческой фигуры с головой и плечами (рис. 5).

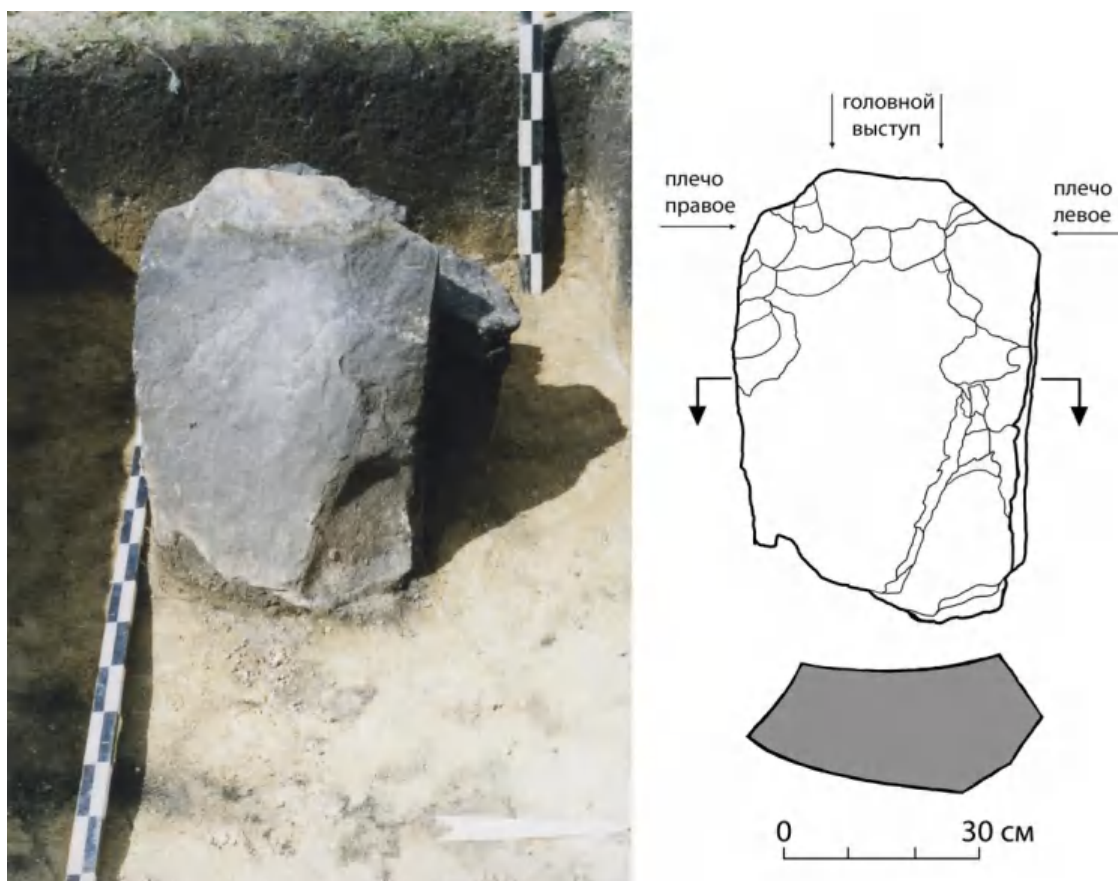

Рис. 5. Селивановский II могильник, курган № 5. Антропоморфная стела. Фото и прорисовка. Вид с востока

Стела находилась в наклонном положении — под углом 55–60° «спиной назад» к западу, а передней частью была обращена на восток. С западной стороны ровно напротив, наклонно к ней — на расстоянии 0,6 м у основания и 0,1 м сверху располагалась еще одна каменная плита размером 0,55 × 0,45 м, образуя со стелой нечто вроде «домика» (рис. 6, 1, 3). Между ними находились два камня меньших размеров — с севера и юга, — немного выступающая из-за их боков (рис. 6, 2). Стела и плита, расположенная позади нее, были вкопаны в грунт чуть ниже уровня материка, а боковые камни были расположены выше материка на 0,15 см. Видимо, боковые камни изначально располагались также наклонно друг к другу, и композиция имела форму четырехгранной пирамиды.

Несомненно, эта композиция со стелой составляла единый комплекс с одиночными каменными плитами (рис. 4), обнаруженными под насыпью, а также с погребением № 1, замыкающим этот ансамбль с востока (см. рис. 3, 1). Укладка (установка?) одиночных плит и создание композиции со стелой осуществлены после оформления погребальной площадки и совершения захоронений. Причем, как мы предполагаем, одиночные плиты первоначально располагались выше дневной поверхности, только спустя некоторое время, в результате естественных процессов, они оказались в толще грунта.

Рис. 6. Селивановский II могильник, курган № 5.
Композиция с антропоморфной стелой: 1 — вид с юга, 2 — вид с запада, 3 — вид с севера

Композиция со стелой первоначально, вероятно, возвышалась над дневной поверхностью до уровня «груди» стелы — так, что были видны все четыре камня, ориентированные по сторонам света. Не исключено, что погребение № 1 на поверхности тоже было как-то обозначено (возможно, конструкцией из дерева или грунта — из того материала, который не сохранился до наших дней), таким образом, что все четыре элемента ансамбля, вытянутые по линии запад-восток, были видны на поверхности. Интересно отметить, что в погребении № 1, замыкавшем ансамбль, в отличие от остальных двух захоронений кургана, в которых покойники находились на левом боку и сопровождалась маленькими неорнаментированными сосудами, покойный был положен на правый бок и сопровождался сосудом больших размеров и с орнаментом (рис. 7, 1, 1а). Стела и погребенный как бы «смотрят» друг на друга.

Стратиграфические и планиграфические наблюдения позволяют предполагать, что при устройстве погребальной площадки до совершения погребений почвенный слой, а также материк в центральной части были подрезаны в радиусе 5–5,5 м на глубину до 0,3 м в форме чапеобразного углубления-котлована. После совершения погребений, углубление было заполнено вынутым при его же сооружении грунтом — перемешанным с материковой глиной гумусом. Выкид от погребения № 3, обнаруженный в толще этого слоя, может свидетельствовать о том, что заполнение котлована производилось в два этапа. На первом этапе, после совершения погребений №№ 1 и 2, котлован был заполнен частично — уровень его поверхности, видимо, и маркирует выкид из погребения № 3, зафиксированный на 0,15 м выше материка. На втором этапе после свершения погребения № 3, произошло окончательное формирование кургана — заполнение котлована и сооружение насыпи.

Погребение № 1 выявлено по темному гумусному пятну подпрямоугольной формы с нечеткими границами в юго-западном секторе кургана. Находится на одной широтной линии с каменной композицией со стелой и двумя отдельно расположенными каменными плитами, замыкая эту цепочку с восточной стороны (см. рис. 3, 1). Яма размером 1,1 × 0,6–0,8 м, глубиной в материк 0,1–0,19 м, длинными сторонами ориентирована по линии север–юг с небольшим отклонением к западу. Заполнение ямы испещрено норными ходами. Единичные вкрапления древесного тлена, зафиксированные в верхней части заполнения, вероятно, остатки деревянного перекрытия. Стенки могилы отвесные, дно относительно ровное. На дне могилы, в центре ее находился костяк ребенка 7–8 лет³ в скорченном положении на правом боку, головой ориентирован на север (рис. 7, 1). Руки согнуты в локтях, кости ладоней, так же

³ Автор выражает благодарность антропологу В. В. Куфтерину за профессиональные определения.

как и стоп не сохранились. У локтей ребенка располагался сосуд очень плохой сохранности, два фрагмента от которого находились перед лицом ребенка, перемещенные сюда, очевидно, нормными животными. Графически удалось реконструировать форму плоскодонного сосуда — горшечная с уступом, венчик прямой конфигурации с прямым срезом. Внешняя поверхность сосуда практически вся выкрошена, по сохранившимся участкам видно, что она была очень хорошо заглажена, цвет — оранжевый с серыми пятнами. Орнамент, нанесенный зубчатым штампом, полностью не восстанавливается, можно сказать только, что он состоял из чередования горизонтальных прямых и зигзаговых линий и наносился на нижнюю часть венчика и верхнюю часть тулова. В глиняном тесте примесь толченой дресвы. Высота сосуда — 15,5 см, диаметр устья — 13,3 см, тулова — 15 см, дна — 9,5 см, толщина стенок — 0,5 см (рис. 7, 1а).

Погребение № 2 расположено в северо-восточном секторе подкурганной площадки. Могильная яма подпрямоугольной в плане конфигурации размером 1,4 × 0,9 м, длинными сторонами ориентирована по линии северо-запад — юго-восток, глубина в материк 0,2 м. В верхней части заполнения могилы зафиксирован крупный фрагмент древесного тлена, представляющего, скорее всего, остатки деревянного перекрытия. Стенки ямы отвесные, дно ровное. На дне ямы находился костяк подростка на левом боку в скорченном положении, головой ориентированный на северо-запад (рис. 7, 2). Костяк плохой сохранности, многие кости скелета, видимо, истлели — от позвоночника остались только позвонки нижнего отдела; нет ребер, костей ладоней и стоп, а также костей левой руки. За спиной погребенного, на уровне лопаток, ближе к стенке могилы располагался сосуд очень плохой сохранности, который был реконструирован графически. Сосуд горшечной формы с плоским дном и отогнутым венчиком, край которого слегка закруглен, тулово плавно профилировано. Не орнаментирован. В глиняном тесте примесь толченой дресвы. Внешняя поверхность заглажена, оранжевого цвета. Высота сосуда — 9 см, диаметр устья — 9,3 см, тулова — 10,3 см, дна — 6,3 см, толщина стенок — 0,3–0,4 см (рис. 7, 2а).

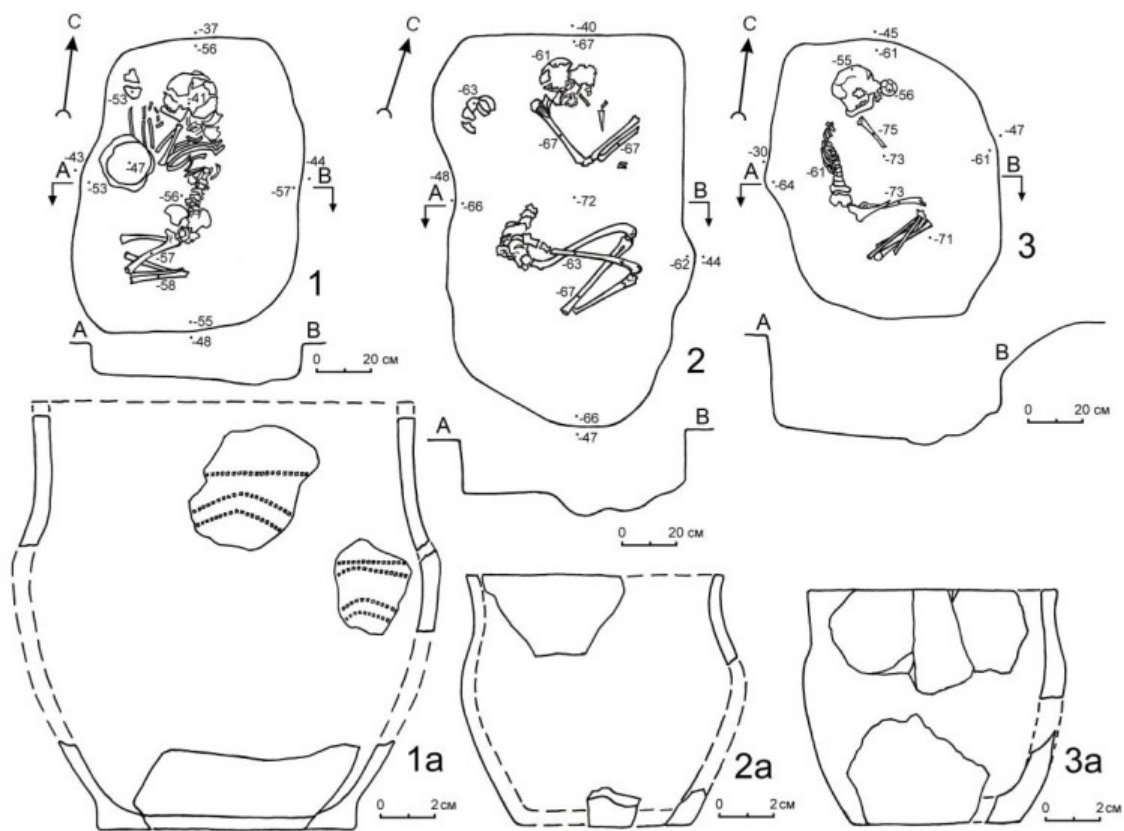

Рис. 7. Селивановский II могильник, курган № 5.
Планы погребений и керамические сосуды: 1, 1а — погребение № 1; 2, 2а — погребение № 2; 3, 3а — погребение № 3

Погребение № 3 расположено в центре подкурганной площадки. Могильная яма длинными сторонами ориентирована по линии северо-запад — юго-восток, подпрямоугольно-овальной в плане конфигурации. Стенки и дно ямы частично пострадали в результате деятельности норных животных. Судя по относительно сохранившимся участкам юго-западной стенки и дна, первоначально стенки могилы были отвесными, а дно ровным. Размеры ямы 1,0 × 0,75–0,8 м, глубина в материк 0,32 м. В верхней части заполнения могилы зафиксирован фрагмент древесного тлена. На дне ямы, в центре находился костяк ребенка на левом боку в скорченном положении, головой ориентированный на северо-запад (рис. 7, 3). Костяк плохой сохранности, зафиксированы только длинные кости ног, таз, частично позвоночник с ребрами, черепа в плохом состоянии, кости рук представлены только одной плечевой костью, остальные части скелета истлели. Перед лицом ребенка, у лба впритык был поставлен плоскодонный сосуд, который очень плохо сохранился. В его тесте примесь тальковой дресвы. Сосуд горшечной формы с намеченным уступом, оформленным перегибом, венчик его слегка отогнут с уплощенным краем. Не орнаментирован. Высота сосуда — 8,5 см, диаметр устья — 9 см, тулова — 9,5 см, дна — 6 см, толщина стенок — 0,4–0,6 см (рис. 7, 3а).

Параметры, форма и устройство могил, скорченное положение погребенных, уложенных как на левом, так и на правом боку, ориентировка их головой в северных румбах, скромный погребальный инвентарь, представленный исключительно глиняными сосудами, их форма и примеси в глиняном тесте — все это находит соответствия в соседнем кургане 1, что позволяет предполагать единовременное формирование обоих комплексов. Нужно сказать, что перечисленные признаки являются общими для срубно-алакульских погребальных памятников развитого этапа. Достаточно редко отмечается исследователями особое устройство погребальной площадки — подрезка грунта и частично материка в центре, подобное оформление нам известно только в кургане № 4 могильника Степное 25 раннего этапа срубной культуры (Кутриянова, 2014. С. 37).

Композиция с антропоморфной стелой и ансамбль, в состав которого она входит не имеет аналогий. Что касается самой стелы — из стел Южного Зауралья наиболее близкой ей является каменноамбарская. Близость их отмечается не только в схожести формы и размеров, а также в том, что каменноамбарская стела, как и селивановская, вероятно, являлась частью композиции. Об этом свидетельствует ее нахождение в яме, локализованной в юго-юго-западном секторе кургана, вместе с двумя плитами. Из описания известно, что все плиты, находившиеся в районе юго-восточного угла ямы, располагались наклонно к центру ямы (Епимахов, Епимахова, 2003. С. 85). Ишкиновская стела по размерам, форме и условиям местонахождения (в могиле) обнаруживает гораздо меньше сходства с селивановской. Интерпретация этого комплекса, являющегося, по мнению автора, кенотафом с захоронением стелы вместо тела покойного — «архаического лидера» (Ткачев, 2012. С. 55), также не подходит для объяснения семантики селивановской стелы.

В качестве наиболее близкого сравнительного материала для антропоморфных стел Южного Зауралья можно привести стелы эпохи палеометалла Северного Причерноморья. Оговорим, что речь здесь может идти только о частично совпадающих приемах изготовления, результатом которых явилось сходство внешнего облика верхней части стел. Так же как в селивановской и каменноамбарской, в них скупо переданы черты антропоморфности — чуть обозначенные подтесыванием плечи и головной выступ (Формозов, 1969. Рис. 62, 1–3; Шапошникова и др., 1986. С. 25–36). Подобным стелам Е. В. Яровой дает следующие характеристики: «... примитивная антропоморфная стела», «обобщенное изображение человеческой фигуры...» (Яровой, 2005. С. 134, 135). По классификации антропоморфных стел из ямных комплексов, предложенной О. Г. Шапошниковой, В. Н. Фоменко, Н. Д. Довженко, наиболее сопоставимы с селивановской стелы типа 8 (Шапошникова и др., 1986. Рис. 31). Однако в отличие от ямных стел у которых выступ-голова и плечи тщательно обрабатывались, у южноуральских они оформлены довольно грубыми сколами.

В ямных захоронениях стелы использовались в качестве перекрытий, однако, как показали исследования, это вторичное их применение. Появление стел в Северном Причерноморье связывается с доямным населением, устанавливавшим их вертикально на культовых площадках (Гелегин, 1971;

Щепинский, 1973; *Клейн*, 2010. С. 296, 297). В первоначальном положении сохранились, видимо, лишь единицы из них. В связи с этим интересна параллель, обнаруживаемая ориентации селивановской стелы — лицевой частью на восток. Так же была ориентирована стела, вкопанная в землю на возвышенности левого берега р. Ингулец на окраине г. Александрии Кировоградской области Украины (*Гелегин*, 1971. С. 3; *Клейн*, 2010. С. 297). Еще одна аналогия, но из другой зоны Евразии — стела из кургана Хар Хошуу (Кара Тумсик) чемурчекской культуры ранней бронзы Монгольского Алтая, лицевая часть которой также обращена к востоку (*Древнейшие европейцы...*, 2014. С. 216, рис. 75, 76). Интересно, что, А. А. Ковалев, усматривая аналогии чемурчекской стеле в стелах из позднеэнеолитических могильников южно-французских департаментов, отмечает, что последние располагались около могил на краю насыпи с запада (*Ковалев*, 2010. С. 102). Напомним, что так же с западной стороны насыпи кургана располагалась и селивановская стела.

При всех приведенных аналогиях, по нашему мнению, говорить о том, что антропоморфные стелы на Южном Урале могли появиться в результате миграций или заимствований, не приходится. Выявленные сходства, скорее всего, обусловлены общими элементами мировоззрения древнего населения и основаны на каких-то универсальных явлениях — таких как человеческий образ, небесная сфера с движением дневного светила. Так же универсален и камень в качестве долговечного материала для воплощения этих идей.

В срубно-алакульское время в Южном Зауралье получают широкое распространение другие мегалитические памятники — одиночные менгиры, ряды («аллеи») менгиров и кромлехи (*Петров*, 2002, 2003а, 2003б; *Петров, Кириллов*, 2007; *Полякова*, 2002а; 2002б; 2004; 2006; *Марков*, 2003). Исследователи в некоторых случаях предполагают связь данных мегалитических памятников с погребальными ритуалами (*Петров, Курьянова*, 2016. С. 129, 138), что подтверждается расположением некоторых из них на площадках могильников — «аллеи» Песчаная и Наровчатская, а также Утяганский комплекс менгиров (*Марков*, 2003; *Гаврилюк и др.*, 2006. С. 145–146; *Петров, Курьянова*, 2016. С. 135), и выявлением неординарного погребения под одиночным менгиром Лисьи горы (*Петров*, 2003а).

Стилистическая близость менгирам каменноамбарской стелы отмечалась ее публикаторами (*Епимахов, Епимахова*, 2003. С. 86). У селивановского ансамбля сходство с рядами («аллеями») менгиров имеет, на наш взгляд, системный характер — все ряды менгиров вытянуты цепочкой по линии запад-восток (*Петров*, 2002. С. 125; *Полякова*, 2002а. С. 94; 2002б. С. 51–53; *Потемкина*, 2011. С. 24), так же как и элементы селивановского ансамбля. Можно даже предположить, что продолговатые плиты, найденные в насыпи кургана, являются поваленными менгирами, но доказать это невозможно.

Отмеченное сходство позволяет предполагать и близость их семантики, которая, конечно же, не может быть абсолютной, но должна отражать какие-то общие принципы. На сегодняшний день объяснения семантики «аллей» менгиров сводятся, в основном, к трем гипотезам. Во-первых, «аллеи» менгиров отождествляются с границей, отделяющей одну часть пространства от другой: приуроченные к поселениям — освоенное пространство от неосвоенного; приуроченные к могильникам — мир живых от мира мертвых (*Полякова*, 2002а. С. 95; *Марков*, 2003. С. 81–82). Во-вторых, их связывают с культом солнца, гор, а также степных (ландшафтных) духов (*Петров*, 2002. С. 125; 2003б. С. 75; *Гаврилюк и др.*, 2006. С. 146; *Петров, Курьянова*, 2016. С. 129, 138). В-третьих, их четкая привязка к направлениям, соответствующим сторонам света, «а также важным солнечным и лунным азимутам, отмечающим суточные и сезонные изменения», позволила предположить, что они являлись древними инструментами для астрономических наблюдений, совмещающими вместе с тем также и функции святилищ (*Потемкина*, 2011. С. 18).

Рассмотрим возможности применения высказанных гипотез к семантике селивановского ансамбля. Трудно предположить, что он мог исполнять роль какой-либо границы — расположение ансамбля таково, что он не разделяет, а скорее соединяет внекурганное и погребальное пространство. Обращение селивановской стелы лицевой частью на восток, как будто допускает предположение о возможном почитании дневного светила. Однако нужно учитывать, что селивановский ансамбль возник в результате погребально-поминальных действий, которые, несомненно, отражали систему религиозных представлений, имевшую более сложный многокомпонентный характер, нежели чем один только культ солнца.

В то же время весьма вероятно, что эта система могла содержать элементы солнечного культа (идеи умирания и возрождения, связанные с восходом и заходом солнца). Относительно культа гор и степных духов — вообще судить не беремся, заметим только, что селивановский ансамбль не обнаруживает привязки к вершинам близлежащих возвышенностей. Вряд ли он выполнял и функции святилища (нами не зафиксировано никаких материальных проявлений обрядовых действий), а также использовался как инструмент для астрономических наблюдений, однако, главные его параметры — обозначение сторон света и особое выделение широтного направления — частично совпадают с теми, что легли в основу третьей гипотезы. Очевидно, что рассматриваемый ансамбль создан с применением знаний, полученных в наблюдениях за небесной сферой. При расшифровке семантики селивановской композиции со стелой и всего ансамбля в целом, необходимо также иметь в виду, что для их создателей, видимо, особо значимым было число «четыре» — четыре камня композиции со стелой, ориентированные на четыре стороны света; четыре объекта, составляющие ансамбль.

Ранее исследователями отмечалась связь антропоморфных стел эпохи бронзы Южного Зауралья с мегалитическими памятниками этой территории, основанная, прежде всего, на внешнем сходстве (Епимахов, Епимахова, 2003. С. 86; Ткачев, 2012. С. 56). Исследование селивановского комплекса показывает, что сходство не ограничивается внешними характеристиками, а имеет системный характер, обусловленный общими аспектами семантики «аллей» менгиров и антропоморфных стел в погребальном обряде.

Гаврилюк А. Г., Григорьев С. А., Марков С. С. Могильники Акмулла I, Городищенское IX, Наровчатский II // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза) / Отв. ред. С. Г. Боталов. Челябинск, 2006.

Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Ч. I: Результаты исследований в Восточном Казахстане, на севере и юге Монгольского Алтая / Сост. и науч. ред. А. А. Ковалев. СПб., 2014.

Епимахов А. В., Епимахова М. Г. О мегалитических традициях эпохи бронзы // Человек в пространстве древних культур: Материалы Всерос. науч. конф. / Науч. ред. Д. Г. Зданович. Челябинск, 2003.

Клейн А. С. Время кентавров. СПб., 2010.

Ковалев А. А. Полевые исследования чемурчекских памятников Монголии и Казахстана как основа для разрешения проблемы происхождения чемурчекского культурного феномена // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул, 2010. № 4–2 (68).

Костюков В. П., Епимахов А. В. Хронология и культурная интерпретация памятников финальной бронзы Южного Зауралья // Вопросы археологии Западного Казахстана. Алматы, 2005. Вып. 2.

Кузьмина Е. Е. Купухта — могильник андроновской знати // КСИА. 1963. Вып. 93: Исследование памятников эпохи энеолита и бронзы.

Куприянова Е. В. Могильник эпохи бронзы Степное 25 (результаты исследований) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2014. № 2 (25).

Марков С. С. Песчаная аллея менгиров: к проблеме интерпретации аллей менгиров Южного Зауралья // Человек в пространстве древних культур: Материалы Всерос. науч. конф. / Науч. ред. Д. Г. Зданович. Челябинск, 2003.

Петров Ф. Н. Раскопки культовых памятников на горе Чека // Вестник общества открытых исследований древности: Вып. 2 / Гл. ред. Ф. Н. Петров. Челябинск, 2002.

Петров Ф. Н. Исследования одиночного менгира Лисьи горы в степном Зауралье // Международный XVI Ураль-

ское археолог. совещание: Материалы Междунар. науч. конф. / Отв. ред. А. Ф. Мельничук. Пермь, 2003а.

Петров Ф. Н. Ритуальное взаимодействие человека и мира: на материале археологических памятников степного Зауралья // Человек в пространстве древних культур: Материалы Всерос. науч. конф. / Науч. ред. Д. Г. Зданович. Челябинск, 2003б.

Петров Ф. Н., Кириллов А. К. Исследования мегалитического комплекса Ахуново в 2003 г. // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2007. Вып. 6–7.

Петров Ф. Н., Курьянова Е. В. Поселения эпохи бронзы в Арканской долине: по результатам разведочных исследований 1997–2015 гг. Челябинск, 2016.

Полякова Е. А. Мегалиты Южного Зауралья // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Тез. докл. III регион. науч.-практ. конф. Челябинск, 2002.

Полякова Е. А. Мегалиты Южного Зауралья: атрибуты и акцидентии // Вестник общества открытых исследований древности / Гл. ред. Ф. Н. Петров. Челябинск, 2002. Вып. 2.

Полякова Е. А. Аллея менгиров в историческом парке музея-заповедника Аркан и другие памятники мегалитического культа Южного Зауралья // Аркан: По страницам древней истории Южного Урала / Науч. ред. Г. Б. Зданович. Челябинск, 2004.

Полякова Е. А. История изучения мегалитических памятников Южного Зауралья // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы III регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Челябинск. 2006.

Потемкина Т. М. Мегалитические сооружения Урала: структура сакрального пространства // Вестник археологии, антропологии, и этнографии. Тюмень, 2011. №2 (15).

Рафикова, 2008 — Рафикова Я. В. Срубно-алакульский курган Селивановского II могильника из Южного Зауралья и проблема парных погребений эпохи бронзы // РА. 2008. № 4.

Рафикова Я. В., Федоров В. К. Разведки и охранные раскопки в Башкирии // Археологические открытия 1996 года. М., 1997.

Телегін Д. Я. Енеолітичні стели і пам'ятки нижньоміхайлівського типу // Археологія. Київ, 1971. № 4.

Ткачев В. В. Погребально-культовий комплекс алакульської культури в Східному Оренбуржжі // Археологія, етнографія і антропологія Євразії. Новосибірськ, 2012. № 1 (49).

Федоров В. К. Колінопріклоненні: неабичне пізньосарматське погребення із Южного Зауралля // Погребальний обряд раних кочевників Євразії: Матеріали VII Міжнарод. науч. конф. «Проблеми

сарматської археології і історії» / Отв. ред. Л. Т. Яблонський, С. І. Лук'яшко. Ростов на-Д., 2011.

Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству. М., 1969.

Шапошникова О. А., Фоменко В. Н., Довженко Н. А. Ямная культурно-історическая область (южнобугський варіант). Київ, 1986 (САИ; Вып. В1-3).

Щепинський А. О. Антропоморфні стели Північного Причорномор'я // Археологія. Київ, 1979. № 9.

Яровой Е. В. Мистика древних курганов. М., 2005.

И. П. Лазаретов, С. В. Морозов, А. В. Поляков

НОВЫЕ ДАННЫЕ О МАНИПУЛЯЦИЯХ С ЧЕРЕПАМИ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена деталям погребального обряда окуневской культуры, представленной в эпоху ранней бронзы (XXV–XVIII вв. до н. э.) на территории Среднего Енисея. Рассматриваются редкие случаи помещения в могилу отдельных черепов людей. В научный оборот вводятся новые данные из раскопок последних лет. На основании суммы материалов сделаны выводы о том, что эти черепа тоже принадлежат представителям окуневской культуры, вероятно, родственникам. Предположительно, они извлекались из могил для повторного погребения. Этот обряд является частью более широкой практики по перемещению тел погребенных. Пока все известные случаи относятся исключительно к черновскому этапу окуневской культуры.

Ключевые слова: эпоха ранней бронзы, окуневская культура, погребения, манипуляции с черепами, Минусинские котловины

Исследователи неоднократно обращали внимание, что в погребальном обряде окуневской культуры (Минусинские котловины) известны случаи манипуляций с черепами (*Вадецкая*, 1980; 1986. С. 37–39, № 5, 18, 20, 21; 2003–2004. С. 16; *Максименков*, 1980. С. 10). В нескольких погребениях, кроме останков самих погребенных, были найдены дополнительные черепа, с которыми не были связаны какие-либо кости посткраниального скелета. На этом основании Э. Б. Вадецкой была выдвинута гипотеза о существовании у древнего населения окуневской культуры культа головы (*Вадецкая*, 1980).

Ранее было известно пять подобных случаев: Абакан у церкви; Черновая VIII, курган № 2, могила № 3; Черновая VIII, курган № 3, могила № 4; Сыда V, ограда № 3, могила № 1 и Лебяжье (1975), могила № 3 (*Левашева*, 1975. С. 99; *Максименков*, 1980. С. 5, табл. II, 9; IV, 9, 10; *Грязнов, Комарова*, 2006. С. 55, табл. 7; *Вадецкая*, 2003–2004. С. 16, рис. V). Только последний из них можно считать закрытым комплексом, в который не проникали после акта погребения. Остальные четыре были в различной степени потревожены, что значительно снижает ценность полученной информации. Дополнительные черепа могли не находиться в погребении изначально, а попасть в могилу при позднейшем проникновении в нее. Тем более, что во всех этих случаях дополнительные черепа находились в верхней части заполнения могилы, а не на дне.

Есть все основания полагать, что в окуневской культуре Минусинских котловин существовала развитая традиция позднейших подзахоронений в уже существующие могилы. При этом останки ранее погребенных людей могли сдвигаться в сторону или же извлекаться из могилы и переноситься в другую. Перемещение отдельных черепов было лишь частным проявлением данной традиции. Известны уникальные случаи. Например, в потревоженной могиле № 1а кургана № 1 могильника Итколь I (каменный ящик 175 × 100 × 70 см) обнаружены полные костяки, отдельные кости и черепа от двадцати двух скелетов (восемь взрослых, а также четырнадцать новорожденных и детей). На дне, в положении «in situ», зафиксированы кости таза, рук и ног подростка 14–15 лет. Останки других скелетов абсолютно хаотично располагались в заполнении могилы. Причем в верхней части ее заполнения была устроена еще одна могила № 1б, в которой находился практически не потревоженный костяк, также датирующийся окуневской культурой.

Следовательно, все действия по подзахоронению и перемещению костей в этой могиле совершались на протяжении окуневской культуры. Все скелеты имеют разную степень сохранности. Есть полные костяки, и есть случаи, когда в них отсутствует по одной-две кости. Обнаружены череп с нижней челюстью и череп, с которым соотносятся кости только одного предплечья. К сожалению, пока нельзя установить, помещали в могилу уже части тел, или отсутствие некоторых костей объясняется тем, что при позднейших подзахоронениях из могилы извлекались кости ранее погребенных людей.

Похожая ситуация отмечена для могилы № 1 кургана № 13 могильника Итколь II, где практически полные посткраниальные скелеты трех взрослых человек и новорожденного находились в заполнении могилы (Поляков, 2014. С. 339, 342–343). В этом же погребении был обнаружен череп (В) без нижней челюсти, с которым не удалось соотнести никаких иных частей скелета. В могиле № 2 кургана № 22 могильника Итколь II, кроме останков скелетов трех взрослых людей, был обнаружен отдельный череп ребенка восьми лет. К сожалению, подобные случаи не позволяют установить, был положен дополнительный череп изначально, или же он попал в могилу при позднеjších проникновениях.

Значительно информативнее и важнее, для понимания сути проводимых обрядов, дополнительные черепа, обнаруженные в закрытых комплексах. Ранее был известен только один такой случай — Лебяжье (1975), могила № 3. В каменном ящике 140 × 90 × 55 см из вертикально поставленных плит, лежали «валетом» два скелета взрослых людей (рис. 1). Оба на спине с согнутыми и поднятыми коленями вверх ногами. На стопах одного из них располагался сосуд и три человеческих черепа без нижних челюстей. Э. Б. Вадецкая отмечает, что «...они были положены только одному из скелетов, как вещи, лично ему принадлежащие» (Вадецкая, 1980. С. 110).

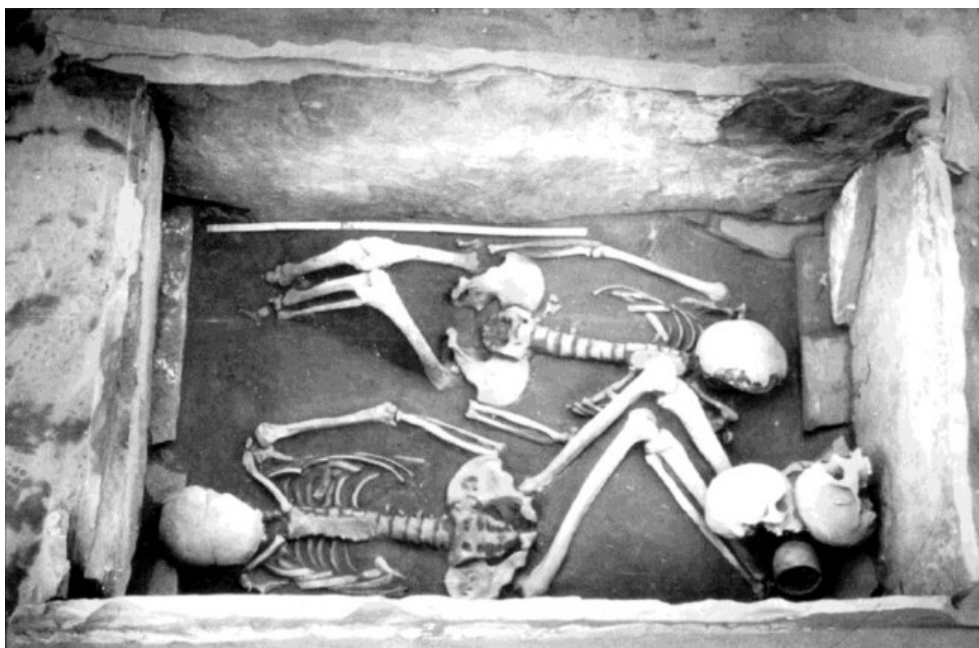

Рис. 1. Могильник Лебяжье, могила № 3, раскопки 1975 г. Вид с юго-юго-запада

В ходе исследований последних лет было зафиксировано еще два случая присутствия дополнительных черепов в непо потревоженных могилах. В могиле № 6 кургана № 3 могильника Итколь I (раскопки С. В. Морозова, 2007 г.) было обнаружено парное погребение мужчины 25–30 лет и женщины 30–40 лет (здесь и далее определения Н. И. Лазаретовой), положенных головой на юго-запад. Они располагались в традиционной позе: на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями ногами (рис. 2, 1, 2; 3). За головой у мужчины находился сопроводительный инвентарь: двусоставной роговой гарпун, оселок в виде плитки и «утожок». В районе головы женщины найдены три заполированные слуховые кости животного, игравших роль украшения, а в заполнении могилы — фрагмент сосуда. Поверх ее стоп были уложены череп мужчины 35–55 лет без нижней челюсти и кости подростка 13–14 лет. Интересно отметить, что скелет подростка представлен только черепом с нижней челюстью, тазом и длинными костями рук и ног, которые были сложены аккуратной стопкой, исключая их сочленение. Позвонок, ребра, кости кистей и стоп, а также другие мелкие кости отсутствовали. Можно предположить, что они находились в каком-то мешке, который и был помещен в могилу.

Все четыре черепа, находящиеся в могиле, имеют следы затылочно-теменной деформации, характерной только для представителей окуневской культуры (Боневоленская, Громов, 1997). Вслед за Э. Б. Вадецкой можно отметить, что череп мужчины и кости подростка предназначались только одно-

му погребенному. Теоретически можно предположить, что они приходятся погребенной женщине родственниками. Подросток может быть ее ранее умершим сыном, которого извлекли из могилы и перезахоронили к матери, а череп мужчины 35–55 лет может представлять кого-либо из старшего поколения этой семьи (отца, деда?).

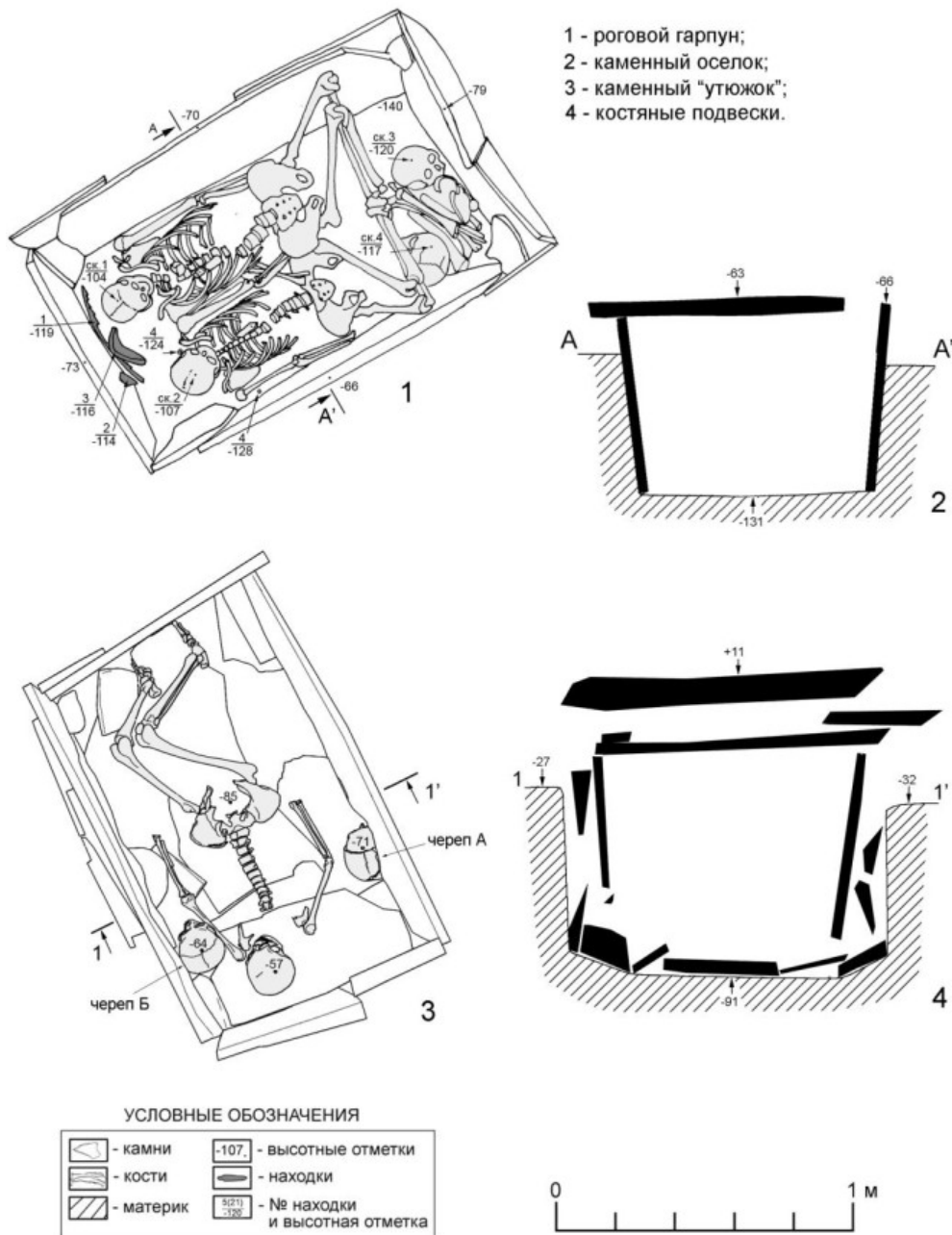

Рис. 2. Планы и профили могилы № 6 кургана № 3 могильника Итколь I (1, 2) и могилы № 7 кургана № 22 могильника Итколь II

Наиболее интересен, в данном случае, факт перемещения не только одного черепа подростка, а практического полного посткраниального скелета. Из этого следует, что перенос из могилы в могилу черепов является лишь частным моментом более широкой традиции перезахоронения покойных. Возможно, реальный процент таких перемещений гораздо больше, чем нам представляется. В случаях с потревоженными могилами, которые в окуневской культуре заметно преобладают, невозможно уверенно установить, находился перемещенный скелет на дне могилы или был перенесен из другого места.

Рис. 3. Могильник Итколь I, курган № 3, могила № 6. Вид с юго-востока

Рис. 4. Могильник Итколь II, курган № 22, могила № 7. Вид с северо-запада

Наконец, третий случай закрытого комплекса с дополнительными черепами был зафиксирован в могиле № 7 кургана № 21 могильника Итколь II (раскопки А. В. Полякова, 2016 г.). В каменном ящике (135 × 85 × 80 см) с не потревоженным перекрытием было обнаружено погребение женщины 30 лет (рис. 2, 3, 4; 4). Ее грудная клетка и верхняя часть позвоночника полностью уничтожены в результате

деятельности норных животных. Женщина была уложена по центру ящика на спину с согнутыми и поднятыми вверх коленями ногами. Из сопроводительного инвентаря в могиле обнаружена только подвеска из просверленного левого верхнего второго резца волка (определение А. К. Каспарова).

В могиле на уровне плеч погребенной справа и слева были установлены на основания два дополнительных черепа. У правого плеча погребенной стоял череп женщины 20–25 лет без нижней челюсти (череп А). Он располагался в небольшой нише, частично заходя под стенку ящика. При просадке плита опустилась прямо на него. У правого плеча погребенной стоял череп с нижней челюстью женщины 18–20 лет (череп Б). Все три черепа, обнаруженные в могиле, имели характерную для окуневской культуры затылочно-теменную деформацию. Наиболее интересным в данном случае является расположение дополнительных черепов. В отличие от остальных погребений, где черепа и перемещенные кости находились в ногах, на месте, где обычно помещается инвентарь, здесь они расположены рядом с погребенной женщиной. Возможно, это подразумевает их равноправное положение в могиле.

Следует отметить, что в одной из соседних могил этого кургана (Итколь II, курган № 22, могила № 3) были обнаружены сильно потревоженные, но практически полные скелеты трех взрослых людей. У них отсутствовали черепа, но в могиле были обнаружены все три нижние челюсти. Объяснить это случайностью едва ли возможно. Черепа были намерено извлечены. Сопоставление с черепом А (без нижней челюсти) из могилы № 7 не позволило выявить их связь.

Фото 4. Могильник Итколь I, курган № 1, могила № 1-а. Череп со следами краски

Проникновение в могилы окуневской культуры с целью извлечения черепа неоднократно фиксировались археологами. Например, Г. А. Максименков при раскопках могилы № 12 кургана № 3 могильника Черновая VIII обнаружил, что перекрытие могилы частично разрушено в южной части, а из могилы извлечен только череп. Остальная часть посткраниального скелета осталась непо потревоженной (Максименков, 1980. С. 6). Еще более яркий случай отмечен И. П. Лазаретовым при раскопках могилы № 1 кургана № 4 могильника Уйбат V (Лазаретов, 1997. С. 27). Кости посткраниального скелета женщины остались не потревоженными, а череп был извлечен настолько аккуратно, что расположенные слева и справа от него височные кольца сохранили свое первоначальное вертикальное положение.

Известны случаи и полного извлечения останков человека из погребения. В могиле № 3 кургана № 1 могильника Итколь I, несмотря на полностью разрушенное перекрытие, было обнаружено значительное число предметов сопроводительного инвентаря, расположенных на своих местах в соответствии с традицией. В юго-западной части (в головах) — два височных кольца, в северо-восточной (в ногах) — сосуд, бронзовые игольник, нож и шило. Однако костей самого погребенного в могиле нет. Возможно, его останки были извлечены из могилы с целью перезахоронения.

Отдельно необходимо остановиться на случаях обнаружения следов раскраски охрой на черепах из погребений окуневской культуры. Они немногочисленны и слабо изучены. Основной вопрос, который стоит перед исследователями: наносилась краска непосредственно на череп или это следы раскраски лиц погребенных (Миклашевич, 2003–2004. С. 23–23). На сегодняшний день можно констатировать, что нет ни одного случая обнаружения дополнительных черепов со следами охры. Хотя, например, в уже отмеченной могиле № 1-а кургана № 1 могильника Итколь I было обнаружено сразу три черепа со следами раскраски, но все они имели посткраниальные части скелета (фото 4). На этом основании, версия о раскраске лиц погребенных, выглядит предпочтительней.

Таким образом, на основании имеющихся данных можно сделать следующие выводы:

- 1) Действительно, в окуневской культуре существовала традиция помещения дополнительных черепов в могилы. Это может происходить на различных этапах: либо при совершении погребения, либо позднее при подзахоронениях или иных ритуальных действиях, связанных с проникновением в могилу.
- 2) Помещение в могилу дополнительных черепов является частным случаем более обширной традиции перемещения костей погребенных из одной могилы в другую. Возможно, отдельные черепа перекладывались в тех случаях, когда перенести тело целиком уже не представлялось возможным.
- 3) В большинстве случаев черепа перемещались без нижней челюсти, то есть на довольно поздней стадии разложения связок. Следовательно, для повторного захоронения в могилу переносились именно черепа, а не головы.
- 4) На основании наличия характерной затылочно-теменной деформации можно утверждать, что эти дополнительные черепа принадлежат представителям окуневской культуры.
- 5) Следов раскраски охрой на дополнительных черепах на данный момент не обнаружено.
- 6) Все зафиксированные на данный момент погребения с дополнительными черепами датируются черновским этапом окуневской культуры. Для более ранних уйбатских памятников эта традиция пока не отмечена.
- 7) Если в могиле погребено два человека и более, дополнительные черепа планиграфически связаны только с одним из покойников.

На основании перечисленных фактов, можно предположить, что эти действия связаны с попытками «воссоединения» в потустороннем мире близких людей, вероятно, родственников. Учитывая общую немногочисленность известных случаев (около 1% от общего числа могил) эту практику стоит рассматривать как исключительную. Она, по-видимому, не носила массового характера.

Боневоленская Ю. А., Громов А. В. Морфология затылочно-теменной области черепов окуневской культуры // Окуневский сборник: Культура, искусство, антропология. СПб., 1997.

Вадецкая Э. Б. О культе головы по древним погребениям Минусинских степей // Духовная культура народов Сибири. Томск, 1980.

Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986.

Вадецкая Э. Б. Рисунки на плитах окуневского могильника у с. Лебяжье, на правом берегу Енисея // Вестник САИПИ. Кемерово, 2003–2004. Вып. 6–7.

Грязнов М. П., Комарова М. Н. Сыда V — могильник окуневской культуры // Окуневский сборник. СПб., 2006. Вып. 2: Культура и ее окружение.

Лазаретов И. П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник: Культура, искусство, антропология. СПб., 1997.

Левашева В. П. Раскопки могильника окуневской культуры в Абакане в 1945 г. // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975.

Максименков Г. А. Могильник Черновая VIII – эталонный памятник окуневской культуры // Э. Б. Вадецкая, Н. В. Леонтьев, Г. А. Максименков. Памятники окуневской культуры. Л., 1980.

Миклашевич Е. А. Некоторые дополнительные материалы в связи с публикацией плит из могильника Лебяжье // Вестник САИПИ. Кемерово, 2003–2003. Вып. 6–7.

Поляков А. В. К вопросу о необходимости раскопок курганов окуневской культуры широкими площадями (на примере кургана 13 могильника Итколь II) // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. СПб., 2014.

Э. Р. Усманова

КЕФАЛОТАФИЯ ПО-АНДРОНОВСКИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБЕНИЙ ЛИСАКОВСКОЙ ОКРУГИ II ТЫС. ДО Н. Э.)

Рассматриваются разные проявления обрядов головными уборами и черепами у 11 % женщин и детей из алакульских некрополей андроновской общности у г. Лисаковск. Выявлены несколько типов культовых действий через некоторое время после похорон: 1) изъятие из могилы парадного головного убора и костюмных аксессуаров (для дальнейшего использования в семье), иногда вместе с черепом (последний мог использоваться в родовых святынях или изредка, возможно, для колдовства или обезвреживания); 2) последующая специальная инсталляция головного убора с черепом (это делалось для социально значимых женщин, похороненных в центральной части могильников); 3) последующая инсталляция отдельного черепа или его части (челюсти). Это позволяет уточнить статус женщин, значение их головных уборов, ритуальный статус головы.

Ключевые слова: женский головной убор, «культ черепа», алакульские некрополи, ритуальные проникновения, статус.

Общие сведения. Памятники эпохи бронзы Лисаковской округи — это, прежде всего, комплекс из поселения Лисаковское и семи могильников андроновской культурной общности, расположенный на обоих берегах реки Тобол (г. Лисаковск, Костанайская обл., Республика Казахстан). На погребальных полях были раскопаны 233 погребения этого времени (Усманова, 2013. С. 22). Четыре некрополя — Лисаковский II, III, IV, V (29 сооружений, 51 погребение) находятся на левом берегу, три других некрополя — Лисаковский I, VI, VII — на правом берегу (82 сооружения, 182 погребения). Погребения шести могильников (II, III, IV, V, VI, VII) совершены в традиции алакульского погребального обряда. На самом большом некрополе Лисаковский I сосуществовали федоровская и алакульская погребальные традиции андроновской общности в период 1780–1660 гг. до н. э. Погребальные поля использовались для захоронений в течение, как минимум, 120 лет (Панюшкина, 2013. С. 203–204).

Всего раскопано 127 алакульских погребений: 71 погребение — на погребальном поле могильника Лисаковский I, 56 — на остальных шести могильниках. Из них 60% разрушено проникновениями. Способ обращения с умершим в алакульской традиции — это труположение (случаи трупосождения единичны — около 2%). Федоровские погребения по обряду кремации расположены только на правом берегу (Лисаковский I — 78 федоровских погребений, 28 смешанного облика, сочетающих федоровскую и алакульскую керамику). Процент разрушенных федоровских погребений сравнительно мал по сравнению с алакульскими и составляет около 5%.

Кроме этого, в число андроновских «памятников Лисаковской округи» можно включить, с учетом культурной и природно-географической и культурной специфики, еще одно погребальное поле, которое начало исследоваться с 2007 г. Это некрополь Новоильиновский, расположенный на правом берегу в 25 км ниже по течению реки Тобол от поселения Лисаковское. Состоял из тридцати погребальных сооружений, которые имеют отношение к началу формирования алакульской общности. Раскопано шесть погребальных построек и четырнадцать погребений. Погребения совершены по обряду труположения (алакульские), лишь одно является кремацией (федоровское).

Погребальный обряд как текст. Более тридцати лет работы на могильниках эпохи бронзы одного культурного микрорайона подвели меня к пониманию тесного переплетения символического и предметного в погребальной обрядности как археологически хорошо фиксируемого явления. Тезис Ю. М. Лотмана о знаковом характере культуры можно считать применимым и для осмысления деталей, интерпретации ситуаций в погребальных ритуалах. «Знаковый характер культуры — это способность аккумулировать и передавать информацию при помощи специальных кодов, которые ее выражают в определенных знаках, делая достоянием тех или иных коллективов» (Лотман, 1967. С. 30–31). Этот те-

зис — ключ к осмыслению внутренних семиотических ресурсов, скрытых в предметном содержании погребального обряда, который, как информационная система, обладает знаковостью и может рассматриваться как текст. Применение знаковых категорий вместе с традиционными методами изучения культуры позволяет глубже понять механизм функционирования погребального обряда как системы, призванной не только контролировать поведение, но и быть информационным звеном в цепи знаний о социуме, своего рода знаковым посланием другим поколениям. Знаки же, в свою очередь, являются средством управления человеческим поведением (*Выготский*, 1986. С. 352).

Выясняется, что иногда за расхожей фразой в археологическом отчете «погребение ограблено в древности» *de facto* скрывается обрядовый сюжет с оригинальной цитатой из погребального «текста». Понимание культурного феномена погребального обряда как «текста» позволяет предложить интерпретацию погребения в символическом ключе выражения культов, которые были приняты в андроновском социуме эпохи бронзы. Знаки-предметы выстраиваются в целые цитаты из «текстов» погребальных ритуалов, которые предполагали адекватное прочтение.

Реконструкция цитаты по артефактам. Для постижения смысла того, что подчас происходило в обрядовом пространстве могильников эпохи бронзы Лисаковской округи, предлагается реконструкция цитаты «*манипуляция с черепом*», которая выражена разными знаковыми способами в предметной материальности погребального обряда. Предварительно, основываясь на корреляции признаков погребального обряда алакульской традиции, можно предполагать следующие основные действия-признаки, совершенные по отношению к черепу:

— изначальное захоронение только головы/ черепа (или с некоторыми частями костяка) (шесть случаев: могильники Лисаковский I, III, V);

— выставление черепа отдельно после проникновения (три случая: могильники Лисаковский III, Новоильиновский 2);

— выставление нижней челюсти отдельно после проникновения (три случая: могильники Лисаковский I, III);

— отделение черепа (головы) от тела погребенного и его вынос из погребения вскоре после похорон (два случая: этот обряд выявлен только в могильнике Лисаковский V);

В целом на весь массив алакульских погребений приходится около 11% из них, в ритуальных «текстах» которых в том или ином знаковом образе представлена информация о «культе черепа». Федоровские погребения были совершены по способу кремации, из-за которой эта культовая особенность в них не может быть прослежена.

Кефалотафия (в переводе с греческого — похороны головы/ черепа) (*Смирнов*, 1997. С. 176) в алакульской погребальной традиции лисаковских памятников совершалась обычно в женских и детских погребениях.

Женские погребения с отдельными черепами. Случаи проникновения и разрушения в них отсутствуют. Череп (или его часть) помещались в могилу вместе с набором такого важного элемента костюма, как головной убор (от него сохраняются металлические наконечники, бронзовые и золотые подвески, височные кольца) и костюмных аксессуаров (браслеты и др.) (рис. 1, 2).

Женские погребения с отдельными черепами и комплектом престижных для эпохи бронзы украшений были целыми, не нарушенными. Важно, что все они находились в центральной части погребального поля, и видимо, принадлежали элите данного андроновского сообщества. Возможно, что женскому черепу приписывались магические свойства оберега — защитника в символическом образе «матери-прародительницы». Поэтому погребения с отдельными черепами занимали центральные участки в погребальном поле. Проникновение в них, вероятно, было табуировано.

Ритуальные проникновения в погребения. В андроновской ритуальной сфере в отношении части могил умерших женщин и детей существовала необходимость проникновения для важных манипуляций с черепом. Во время раскопок было отмечено, что из некоторых женских погребений забирались головные уборы и другие украшения. Создавалось впечатление, что головной убор срывался с головы; иногда вместе с ним и выносилась голова — поистине «голова с плеч». Проникновение происходило, видимо,

спустя некоторое время, спустя короткое время после похорон, когда мышечные связки еще были целыми и головной убор не подвергся деформации. При этом другая часть костяка в погребении оставалась лежать «обезглавленной» *in situ* (могильник Лисаковский V).

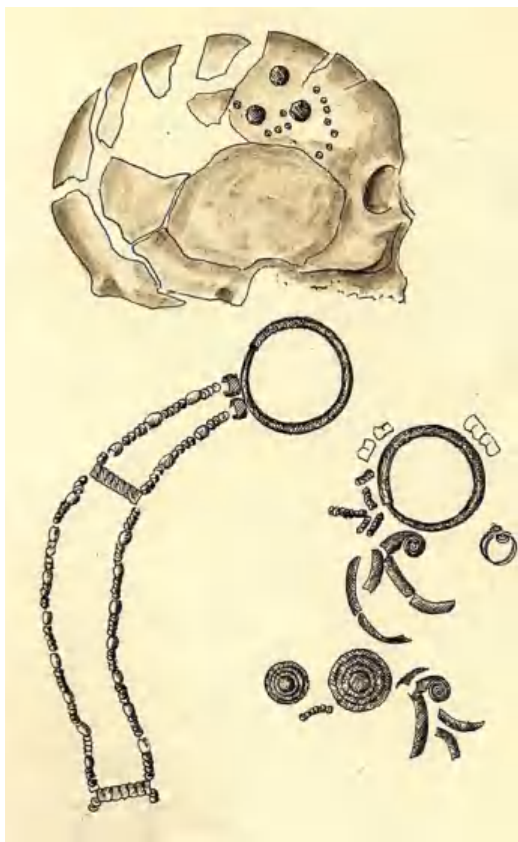

Рис. 1. Могила Лисаковский I.
Погребение отделенной головы/ черепа
с украшениями: накосник, бляшки, браслеты
(бронза), височные кольца (золото)

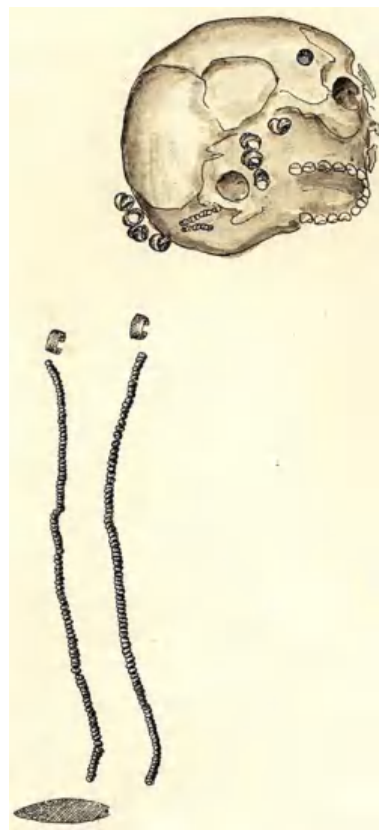

Рис. 2. Могила Лисаковский I.
Погребение отделенной головы/ черепа
с украшениями: накосник (бронза),
височные подвески (золото)

Проникновение в погребение, возможно, было одним из поздних этапов погребального обряда или годовичного поминального цикла. Вероятно, уже во время похорон умершего участники церемонии имели представление о том, в какое погребение допускается проникновение, а в какое — нет. Таким образом, из одного погребения можно было вынести предписанную ритуалом вещь, а для другого подобные действия не были необходимыми. Здесь мы ограничиваемся фактами, указывающими на намеренные проникновения в андроновскую погребальную среду современниками. Кроме них, известны ситуации иного типа — проникновения в андроновские погребения в более позднее время с целью ограбления или осквернения.

В полевых условиях удалось зафиксировать некоторые этапы погребального обряда, связанные как с захоронением головы и надетого на нее головного убора, так и с проникновением для их удаления из могилы головного убора и/или головы. В некрополе Новоильиновский было вскрыто погребение кургана № 4, которое демонстрирует намеренное проникновение с целью изъятия у трупа женского головного убора. При этом весь богатый для этой культуры погребальный инвентарь остался целым, не тронутым. Голова/черепа после снятия головного убора была водружена на место, но уже без нижней челюсти. Руки и верхняя часть тулова (до тазовых костей) отсутствовали. Иными словами, *in situ* оставили только нижнюю часть скелета от таза (рис. 3). Фиксировался фрагмент декора платья (?) в виде нашитых бляшек (рис. 4). Инвентарь этой могилы может быть обозначен как *набор ткачихи-вязальщицы*: это костяной вязальный крючок, бронзовые шило и игла в костяном футляре, пряслице, точильный камень (который лежал ниже костей ног, вдоль стенки погребальной камеры). В другой части могилы, которая явно была заготовлена для второго погребенного, на его предполагаемом месте находился нож-кинжал (мужской атрибут?).

Рис. 3. Могильник Новоильинский. Курган № 4: общий вид женского погребения со столбовыми ямками

Рис. 4. Могильник Новоильинский. Курган № 4: деталь погребения (разрушенный костяк)

Скорее всего, погребение стояло открытым некоторое время под навесом со столбами, то есть его не закидывали грунтом. По сторонам, в дне могилы были шесть столбовых ямок: по три на равном расстоянии друг от друга вдоль восточной и западной стенок. Реконструируется схема погребального обряда с тремя главными элементами: сооружение погребальной постройки; помещение тела умершей женщины в могилу; намеренное проникновение и снятие украшений, головного убора. При этом часть тела умершей была вынесена из места погребения: нижняя челюсть от черепа/головы, верхняя часть тулова и руки (рис. 5). После завершения ритуала, связанного с проникновением, столбы и навес были убраны, а могила была засыпана грунтом.

Головной убор имел символическое значение в традиционном костюме и представлял собой немалую ценность не только из-за дороговизны его декора, но и ввиду его знаковых особенностей в костюмном комплекте. Он маркировал верх, венчал голову (вместилище души) и был обращен к верховному, небесному, а также являлся магической защитой живой хозяйки. Его детали были наделены особой знаковостью, которая обозначала различные ритуальные ситуации, связанные с головой и во-

лосами (Усманова, 2010. С. 73–74). Алакульскому головному убору была присуща серия главных статусных позиций и, по семиотической сути, он являлся символом социального престижа в андроновском женском костюме. Сшитый из плетеной шерстяной тесьмы красного цвета, украшенный ювелирным комплектом из бронзы и золота (футляр-косник, подвески, кольца, нашивные бляшки, бусины), он был эстетически эффективным, сочетал в себе религиозно-магические, половозрастные и социальные знаки. Эксперимент в ходе создания реплики-реконструкции головного убора из погребения могильника Лисаковский I показал, что на изготовление подобного головного убора затрачивалось около 80 рабочих часов (Усманова, 2010. С. 107–108). Возможно, что головной убор изымался из погребений для его вторичного использования в обрядах из-за его семантической ценности. Не

исключено, что он, как семейно-родовая реликвия, передавался от поколения к поколению и затем окончательно, без последующего изъятия, помещался в могилу с одной из женщин семьи на «вечное хранение».

В свадебной традиционной обрядности головной убор являлся одним из главных знаковых объектов, который фиксирует статусное изменение: незамужняя девушка — замужняя женщина. Иными словами, он символизировал социальное взросление и переход в новую возрастную группу. Особая роль убора — маркировать статус невесты и замужней женщины — в основе архетипична. Так, нередко свадебный убор хранился в семье и передавался по женской линии из поколения в поколение, надевая магической силой оберега женской фертильности (см. подробнее: *Гаген-Торн*, 1933. С. 76–88). Не с этой ли способностью и социальной значимостью андроновского головного убора связано проникновение в погребения и изъятие с целью продолжения его ритуальных функций?

Детские погребения.

Отдельное захоронение черепов. Две детских могилы с отдельными черепами и инвентарем *in situ* принадлежали подросткам (10–12 лет). В одной находилось два черепа, две берцовых кости, игральные кости (аст-рагалы крупного рогатого скота), в другом — череп, браслеты, серьга (Лисаковский III, сооружение 4). Скорее это стоит воспринимать как захоронение, в первую очередь, черепов. Куда менее вероятно, что такой скелетный набор в этих погребениях определялся сезонным характером смерти, когда ребенок умирал зимой и была возможность захоронения только весной–летом. (В последнем случае тело могло содержаться в схроне, и к моменту похорон от него могли оставаться лишь основные части тела. Но при такой трактовке непонятно, почему отсутствуют самые крупные и весьма крепкие бедренные кости и т.п.).

Инсталляции отдельных черепов после их изъятия. Иногда проникновения совершались с целью основного разрушения трупа умершего (нарушения порядка скелетизированных остатков?) и сопровождалась изъятием черепа или только его нижней челюсти, в том числе для последующей их инсталляции в могильном пространстве. В могильнике Лисаковский III в одном случае череп принадлежал ребенку.

Инсталляции нижней челюсти. Нижняя челюсть выставлялась как отдельный элемент в яме (три случая: могильники Лисаковский I, III). Считать это захоронением человека, даже символическим, рискованно. Скорее всего, это жертвенный элемент поминального цикла, действие по принципу «часть вместо целого».

Смысл цитаты «манипуляция с черепом». Существование нескольких вариантов обращения с черепом указывает на разные способы знакового оформления «культа черепа», с нюансами, смысл которых, думаю, окончательно восстановить не удастся. В литературе довольно часто используется термин «культ черепа», обозначающий некоторые обряды, связанные с культом плодородия и почитанием предков (*Дмитриев*, 1997. С. 215). Проявившееся еще в мустьерскую эпоху особое отношение к черепу стало впоследствии непременным атрибутом многих обрядов, и не только погребальных. Голова человека представлялась как основной мыслительный орган и вместилище души. Ее исключительный статус отразился в различных ритуалах, связанных со знаковыми идеями общества.

Значимость «культа черепа» подтверждается многочисленными этнографическими и археологическими свидетельствами (*Иванова*, 1980. С. 117–143). Нарцательное имя «охотники за черепами», данное племенам Новой Гвиней, может быть отнесено в какой-то степени и к племенам андроновской куль-

Рис. 5. Могильник Новоильиновский. Курган № 4: отдельная инсталляция черепа без нижней челюсти

турной общности. Мы точно не знаем, какого рода «охота за черепами» могла быть организована у андроновцев, каковы ее причины, какими ритуальными действиями она сопровождалась, как в этом случае поступали с черепом/головой. Только ли культ предков, а также ритуальные потребности обеспечения плодородия требовали подобного отношения к умершим, или же иногда это был результат враждебного отношения к живым хозяйкам этих голов? Почему черепа только определенных людей (впрочем, как взрослых, так и детей) требовали к себе подобного внимания? Какого рода частные случаи, какие причины смерти или какое поведение при жизни скрывались за подобным отношением к черепу/голове погребенного? Почему в одних ситуациях надо было удалить череп из погребения, в других — только отсечь и уложить его отдельно от других костей? К сожалению, нехватка антропологов и особенно — их обычное отсутствие во время проведения полевых работ затрудняет ответы на ряд вопросов, предоставляя пока только возможность визуального наблюдения и поверхностной фиксации подобных ритуалов.

В приведенных материалах из погребений в некрополях Лисаковской округи цитата «манипуляция с черепом» в «тексте» андроновского погребального обряда можно предполагать три различных действия по отношению к женскому погребению: 1) проникновение с целью изъятия парадного головного убора и костюмных аксессуаров для дальнейшего использования в семье; 2) изъятие магически значимого черепа для использования в родовых святынях или изредка, возможно, для колдовства или обезвреживания; 3) изначальное или вторичное захоронение отделенного черепа/головы или его части (челюсти). В целом многообразие ритуальных действий по отношению к черепу/голове, как мне кажется, не сводится только к презентации идей обеспечения плодородия или почитания предков в погребальном обряде. Палитра культов, принятых в андроновском социуме, была разнообразной и яркой, и мотивы многих ритуальных действий еще предстоит выявить.

Выготский А. С. Психология искусства. М., 1986.

Гаген-Торн Н. П. Магическое значение волос и головного убора в свадебных обрядах Восточной Европы // СЭ. 1933. № 5–6. С. 76–88.

Амтриев С. В. Тема отрубленной головы и политическая структура народов Центральной Азии (общезападный контекст) // Stratum: Структуры и катастрофы. Сб. символической индоевропейской истории / Под ред. М. Е. Ткачук и др. СПб., Кишинев, 1997.

Иванова Л. А. Охота за головами у маринд-аним и время ее возникновения // Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии / Отв. ред. Н. Л. Жуковская, Г. Г. Стратанович. М., 1980.

Лотман Ю. М. К проблеме типологии культуры. // Уч.

зап. Тартусского гос. ун-та: Вып. 198. Тарту, 1967. (Труды по знаковым системам; Т. 3).

Панюшкина И. П. Возраст могильников эпохи бронзы Лисаковской округи // Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты / Отв. ред. Э. Р. Усманова. Караганда; Лисаковск, 2013.

Смирнов Ю. А. Лабиринт. Морфология преднамеренного погребения. М., 1997.

Усманова Э. Р. Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкций. Караганда; Лисаковск, 2010.

Усманова Э. Р. Могильники эпохи бронзы Лисаковской округи // Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты / Отв. ред. Э. Р. Усманова. Караганда; Лисаковск, 2013.

Н. А. Боковенко

ВХОД В ПОГРЕБАЛЬНОЕ САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО У ДРЕВНИХ НАРОДОВ СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ IV–I ТЫС. ДО Н. Э.

Начиная с IV тыс. до н. э. на Среднем Енисее прослеживаются скотоводческие культуры, погребальный обряд которых предусматривал захоронение усопших в различные каменные сооружения. В соответствии с их системой миропонимания и сложившимися обрядами, важная роль в погребальных конструкциях отводится организации входа в сакральное пространство «мира мертвых». В каждой из археологических культур IV–I тыс. до н. э. (афанасьевской, андроновской, карасукской и тагарской) каменные погребальные сооружения (круглые и подквадратные) имели свою специфику, и вход в них был организован по-разному. Общая тенденция во времени — усложнение конструкции входа.

Ключевые слова: Средний Енисей, вход, погребальные сооружения, афанасьевская культура, андроновская культура, карасукская культура, тагарская культура

Важным элементом погребальной сакральной деятельности во многих культурах является организация входа в погребальное пространство. Разнообразные варианты входа значительно варьируют в зависимости от места, времени и религиозных представлений, но, по-видимому, были всегда обязательными. В различных культурах Среднего Енисея организация входа в погребальное сооружение прослеживается не всегда так определенно, как, например, в тагарской культуре, но все же отдельные элементы этого явления удастся выявить. М. П. Грязнов убедительно показал, что курган, как архитектурное сооружение, изначально планировался под определенную идею (Грязнов, 1961).

Первые каменные реальные конструкции для погребения усопших пока относятся к афанасьевской энеолитической культуре (IV–III тыс. до н. э.), которая прослежена в степной зоне горной системы Саяно-Алтая. Это первая курганная культура этого региона с древнейшим европеоидным населением, которая являлась самой восточной в системе скотоводческих культур Евразии; за горами Восточного Саяна жили монголоиды.

В районе Среднего Енисея небольшие курганные могильники афанасьевской культуры встречаются как в глубинных районах степи, так и по берегам рек. Курганы представляют собой небольшие земляные холмы с выложенными под ними каменными кольцами оградок из валунов, крупного галечника, или чаще из плит, уложенных горизонтально. Иногда встречаются ограды из вертикально врытых плит. Первоначально высота оград достигала 1 м, диаметр 5–20 м. В центре ограды находились обычно одна или две могилы, в редких случаях три. Форма могилы близка к квадрату (со стороной от 2 до 4 м). Могилы перекрывали бревенчатым накатом, затем сооружали небольшую насыпь и иногда ее обкладывали плитами. Помимо этих основных могил, в той же ограде, или с внешней стороны, устраивали дополнительные могилы, в которых хоронили преимущественно детей. В могилах хоронили от одного до восьми человек. Погребенные лежат либо на спине с согнутыми в коленях ногами, либо на боку в скорченном положении.

Ограды тщательно сооружались, внешняя сторона ограды всегда аккуратно выравнивалась или даже подрабатывалась. С внешней стороны оград также, в западной и южных частях, фиксируются места начала и окончания сооружения круговой кладки, особенно это хорошо видно на примере ограды № 3 (могильник Малиновый Лог) (рис. 1, 4), где это место стыковки заложено плитами (Боковенко, Митяев, 2010). Но не исключено, что это место является входом в погребальное пространство, которое затем аккуратно закладывалось. Серия таких входов в восточных и западных секторах ограды осталась не заложеной или развалилась в результате слабой закладки (Кор-Кабы-1, курган № 1; Карасук III, ограда № 9; Карасук III, ограда № 13; Красный Яр 1, курган № 15; Красный Яр 1, курган № 7; Малиновый Лог, ограда № 5; Малые Копены III, ограда № 3; Нумахыр 1, ограда № 1 (Вадецкая и др., 2014. Рис. 40 и сл.) (рис. 1).

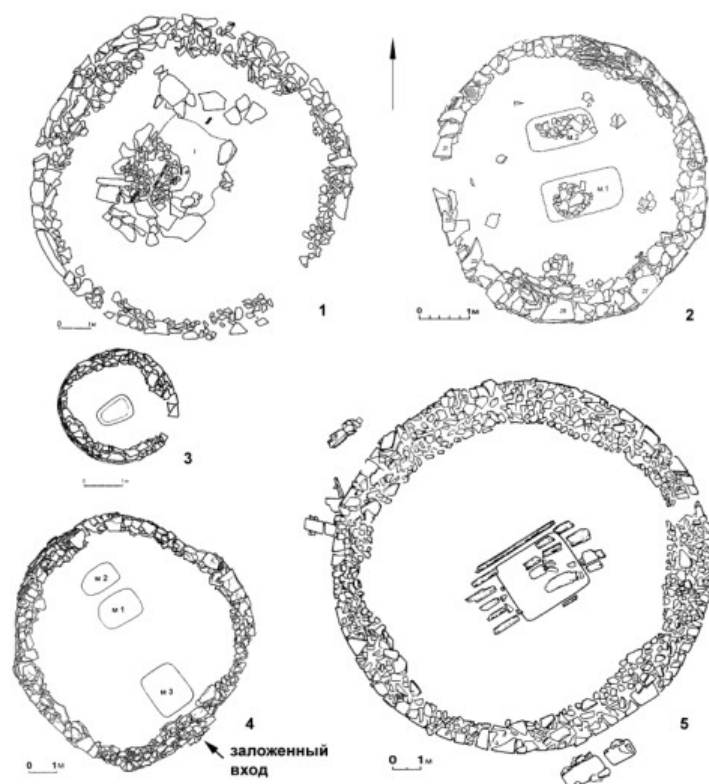

Рис. 1. Входы в ограды на могильниках афанасьевской культуры: 1 — Карасук III, ограда № 6 (по: Грязнов, 1999); 2 — Нумахыр, ограда № 1 (раскопки Н. А. Бокovenко); 3 — Малиновый Лог, ограда № 2 (раскопки Н. А. Бокovenко); 4 — Малиновый Лог, ограда № 3 (раскопки Н. А. Бокovenко); 5 — Малиновый Лог, ограда № 5 (раскопки Н. А. Бокovenко)

Окуневская культура (конец III – первая половина II тыс. до н. э.) в основном сосредоточена в этом же регионе, но, видимо, генетически с афанасьевской не была связана. Погребенные в окуневских могилах принадлежали иному расовому типу (европеоидному с примесью монголоидности), чем афанасьевцы, и генетические связи обеих групп, по-видимому, различны.

Усопших в этой культуре хоронили в каменных ящиках или грунтовых могилах, как правило, в одной большой каменной ограде (квадратной, прямоугольной и реже круглой) из вертикальных плит, часто небрежно сделанных и, видимо, формальных. Могильники представляют собой небольшие кладбища (Уйбат III–V, Черновая, Верхн. Аскиз и др.), состоящие из нескольких курганов или больших квадратных оград из вертикальных плит (до 40×40 м), в которых встречается до двух десятков могил: грунтовых, каменных ящиков и, очень редко, в виде катакомб. В основном, это индивидуальные захоронения взрослых и детей, коллективных могил мало. Поскольку подзахоронения были редки, то, видимо, и не выработалась традиция сооружения специального входа.

Андроновские могильники (середина II тыс. до н. э.) не очень многочисленны и состоят из десятка или нескольких десятков (до 60) оград. Погребальные сооружения в виде круглых и квадратных оград, сделанных из вертикально вкопанных или горизонтально уложенных плит. Хоронили в больших каменных ящиках, цистах или деревянных срубках по обряду труположения, на левом боку, головой на запад или юго-запад. Обряд трупосожжения представлен в меньшей степени (Максименков, 1978. С. 82). И хотя в регионе Среднего Енисея явных входов в ограду не прослежено, можно лишь отметить разрывы оград и квадратные каменные ящички в восточной и южной частях оград (рис. 2). Зато на территории Казахстана, откуда, по мнению многих авторов, пришло это население, таких оград со специально оформленным входом достаточно много в памятниках типа Бегазы (Маргулан, 1998. С. 155 и др.).

Археологические памятники карасукской культуры (конец II тыс. до н. э.) представлены как могильниками (более 150), насчитывающие более одной-двух тысяч в могильнике (более трех тысяч могил уже исследованы), так и поселениями.

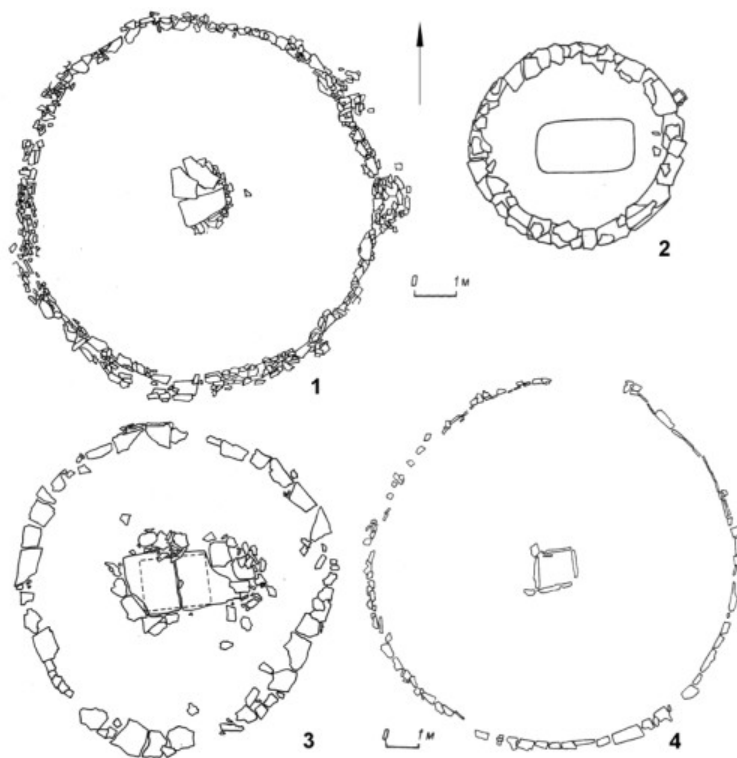

Рис. 2. Входы в ограды на могильниках андроновской культуры: 1 — Сухое озеро 1, ограда № 7 (Максименков, 1978); 2 — Сухое озеро 1, ограда № 16 (Максименков, 1978); 3 — Сухое озеро 1, ограда № 29 (Максименков, 1978); 4 — Новая Черная, ограда № 8 (Максименков, 1978)

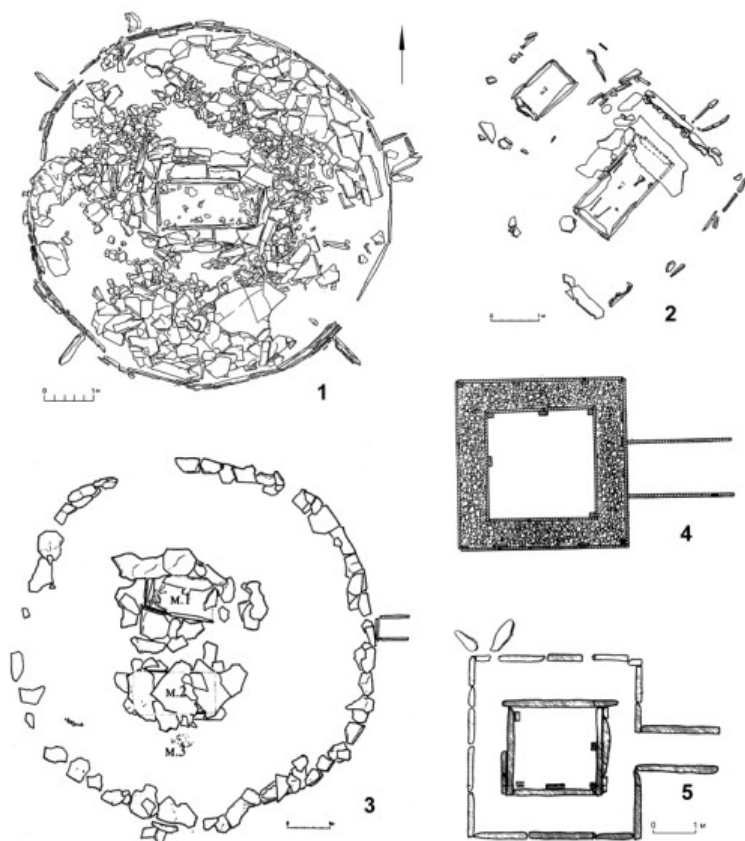

Рис. 3. Входы в ограды на могильниках карасукской культуры: Анчил чон, ограда № 5 (раскопки Н. А. Боковенко); 2 — Игос, ограда № 4 (раскопки Н. А. Боковенко); 3 — Мара, ограда № 1 (Паульс, 2000); 4 — Бегазы, мавзолей 2, Казахстан (Маргулан, 1998); 5 — Бегазы, мавзолей 6, Казахстан (Маргулан, 1998)

Могильники расположены в удобных котловинах, часто недалеко от воды и бывают разные: небольшие, состоящие из десятка или нескольких десятков оград, и несколько сотен и тысяч каменных оград (*Грязнов и др., 1968*). Погребальный обряд в классических карасукских могильниках однообразен. В небольшой каменной ограде — одна-две могилы. В основном это индивидуальные захоронения, редко захоронено больше двух человек. Явных входов в ограду в этой культуре не встречено, но с внешней восточной стороны ограды встречаются либо две вкопанные параллельные плитки (*Июс, курган № 1; Мара, ограда № 1*) (рис. 3, 2–3), либо пристроен небольшой каменный ящик, через который могли входить в сакральное пространство кургана, как, например, на могильнике Анчил чон 1, в курганах № 2 и 4 (рис. 3, 1) (*Vokovenko, Legrand, 2000; Паульс, 2001*). Могильники позднего этапа значительно меньше, и погребальные сооружения выполнены менее тщательно. По углам ограды имеют угловые камни, как в последующую тагарскую эпоху.

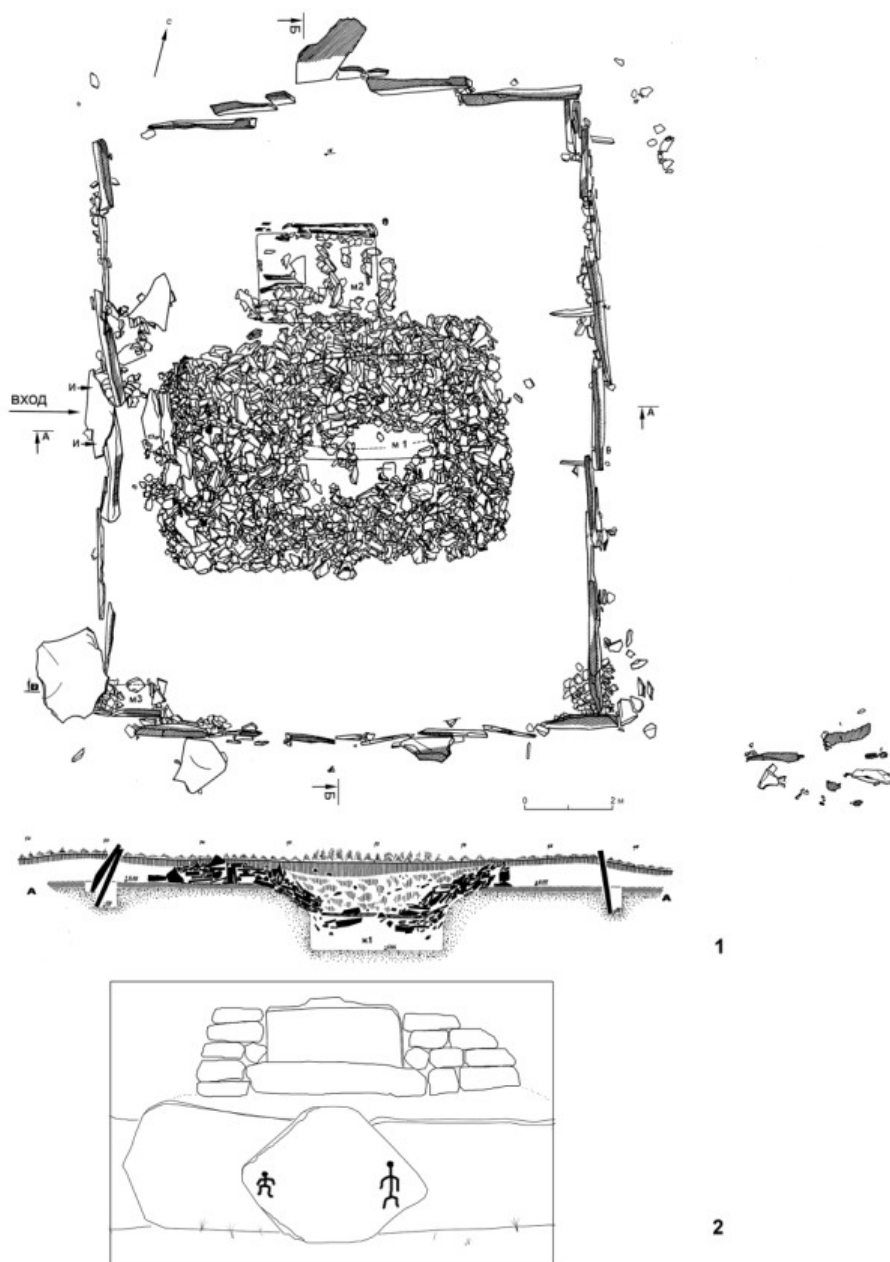

Рис. 4. Входы в ограды на могильниках тагарской культуры: Есино 16, курган № 1, могила № 1: 1 — план и разрез ограды; 2 — фрагмент западной фронтальной части ограды и входа в могилу (раскопки Н. А. Бокovenko)

Могильники тагарской культуры (I тыс. до н. э.) встречаются практически по всей территории юга Красноярского края и Республики Хакасия и благодаря наличию высоких вертикальных каменных стел по периметру плиточной ограды достаточно хорошо видны и сейчас. Наиболее ранние могильники небольшие и однотипны по конструкциям оград, более поздние насчитывают сотни курганов и представляют скопление разнообразных погребальных памятников. Характерной особенностью тагарской погребальной традиции является захоронение погребенных в квадратной или прямоугольной ограде из вертикально вкопанных (иногда горизонтально сложенных) плит, по углам которой и по периметру ограды устанавливались вертикальные стелы.

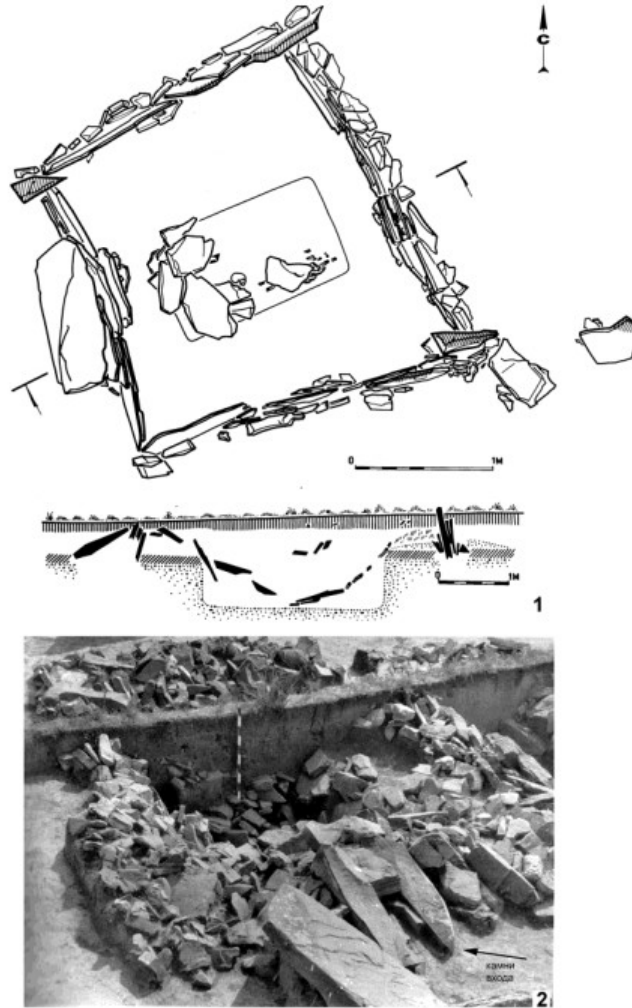

Рис. 5. Входы в ограды на могильниках тагарской культуры. Есино 17, курган № 2, могила № 1:
1 — план и разрез ограды, 2 — камни входа в могилу (по: Савинов, 2012)

В раннетагарское время (IX–VI вв. до н. э.) ограды по размерам и пропорциям близки карасукским и не всегда имели по углам высокие стелы, хотя сами ограды достигали 1 м высоты. Часто ограды пристраивались друг к другу, сами плиты оград укреплялись контрфорсами, в ограде появляются вертикальные стелы, число которых достигает восьми. Внутри ограды обычно одна-две могилы, последняя, как правило, пристроена позже. Основной тип погребального сооружения — каменный ящик, в котором погребен один, реже — два человека. Общая тенденция тагарской погребальной обрядности — увеличение размеров могил, постепенная замена ящиков на деревянные срубы с мощным деревянным перекрытием в несколько накатов и увеличение числа погребенных, превращение больших могил в коллективные склепы. Если вначале погребенные, уложенные на спину в вытянутом положении, имели устойчивую ориентировку головой на юго-запад (реже на северо-восток), то в коллективных захоронениях она варьирует.

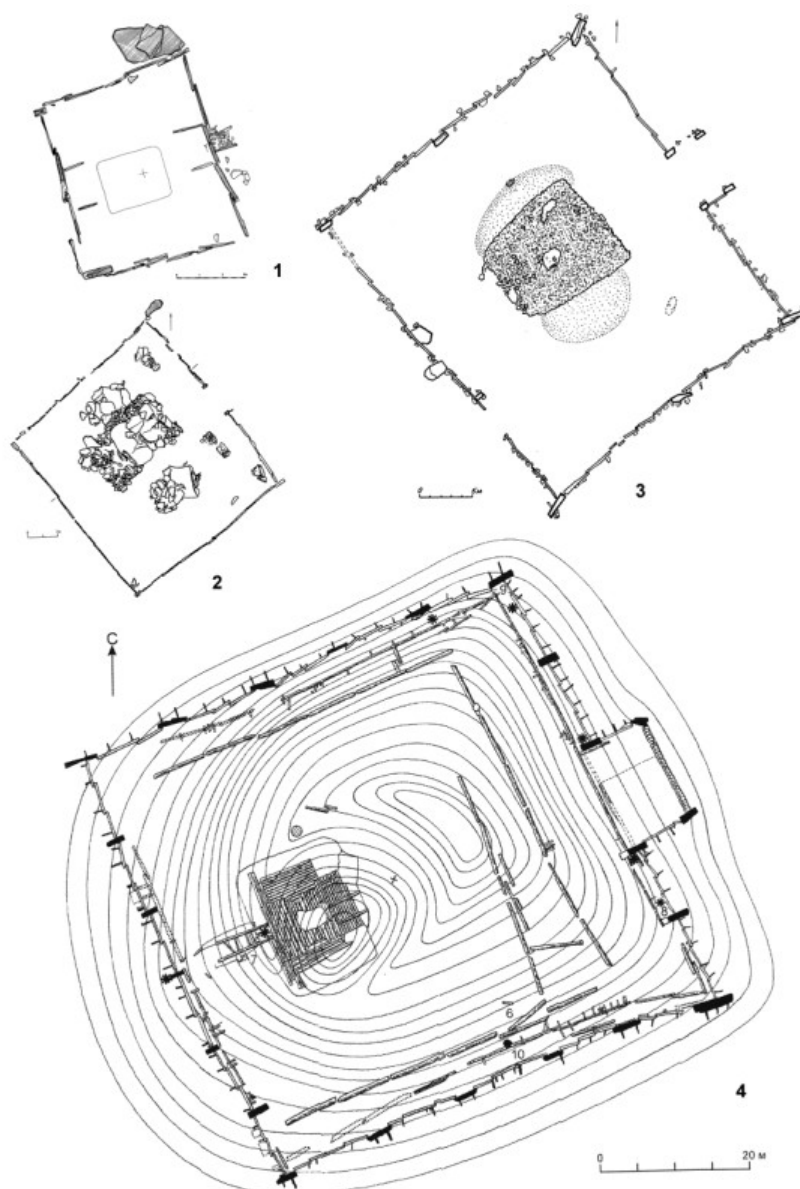

Рис. 6. Входы в ограды на могильниках тагарской культуры: 1 — Верх. Аскиз, курган № 12 (раскопки Н. Ю. Кузьмина); 2 — Туран 2, курган № 3 (раскопки А. Д. Грача); 3 — Тигей (по: Паульс и др., 1985); 4 — Большой Салбыкский курган (по: Марсидолов, 2015)

На байновском этапе захоронения одноактные, но с подгорновского этапа встречаются вторичные подхоронения, и в этом случае формируется с западной стороны вход в могилу (Паульс, Подольский, Седых, 1985). Остатки таких входов достаточно хорошо прослежены на могильниках Есино 16, курган № 1 (рис. 4) (раскопки Н. А. Боковенко) и Есино 17, курган № 1 (рис. 5) (Савинов, 2012. Фото 11). Они представляли собой большие каменные блоки с западной стороны на краю могилы, уложенные параллельно, перекрытые плитами и с установленной вертикальной плитой-запором перед спуском в могилу. Позднее, на сарагашенском этапе, когда коллективные могилы становятся нормой, входы весьма варьируют и развиваются в конструктивном плане в зависимости от величины кургана и могилы, которая формируется в виде деревянных склепов с перекрытием (рис. 6). Вход в могилу, как правило, расположен с западной стороны, а в ограду — с восточной. В ограде из вертикальных плит формируется вход-ворота (Александров и др., 2014). Они оформлены по углам вертикальными стелами, перекрытыми также вертикальной плитой или заложены горизонтальными плитами (Салбык).

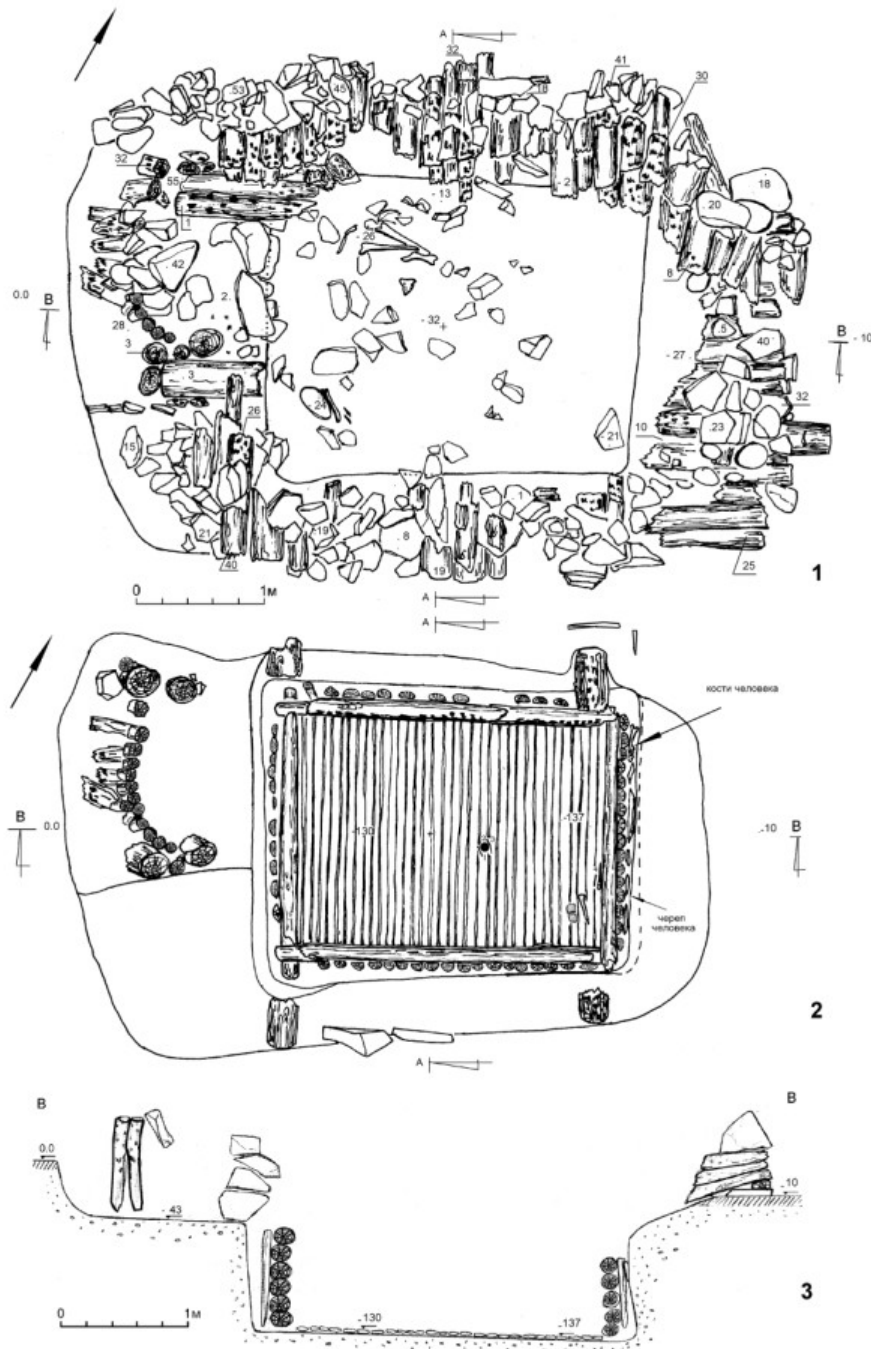

Рис. 7. Входы в ограды на могильниках тагарской культуры: Шалгинов 2, курган № 1, могила № 2 (1 — план могилы, 2 — план деревянных конструкций, 3 — разрез (раскопки Н. А. Бокоренко)

Основная тенденция развития входа — усложнение конструкций входа. В могиле он формируется в виде деревянного тоннеля из горизонтальных и вертикальных бревен на борту и затем в виде лестницы до пола (Медведка 1). Иногда деревянный вход перекрывает каменная плита, ряд больших камней или деревянный частокол (рис. 7). Через него и осуществлялся занос тел в коллективные склепы по мере необходимости. Наиболее развитые формы входа встречены в позднеатагарское время, например, на таких погребальных памятниках как Новые Мочаги, Барсучий Лог и др. (рис. 8) (Parzinger et al., 2007; Кузьмин, 2008. С. 191–193) и в таптыкской культуре (Тепсей III, склеп № 2) (Грязнов, 1979). Таким образом, идея входа, как генерирующее явление «перехода», начала формироваться с энеолита, но особенно она развилась и многопланово оформилась в тагарской погребальной традиции Среднего Енисея и дожила вплоть до раннего средневековья.

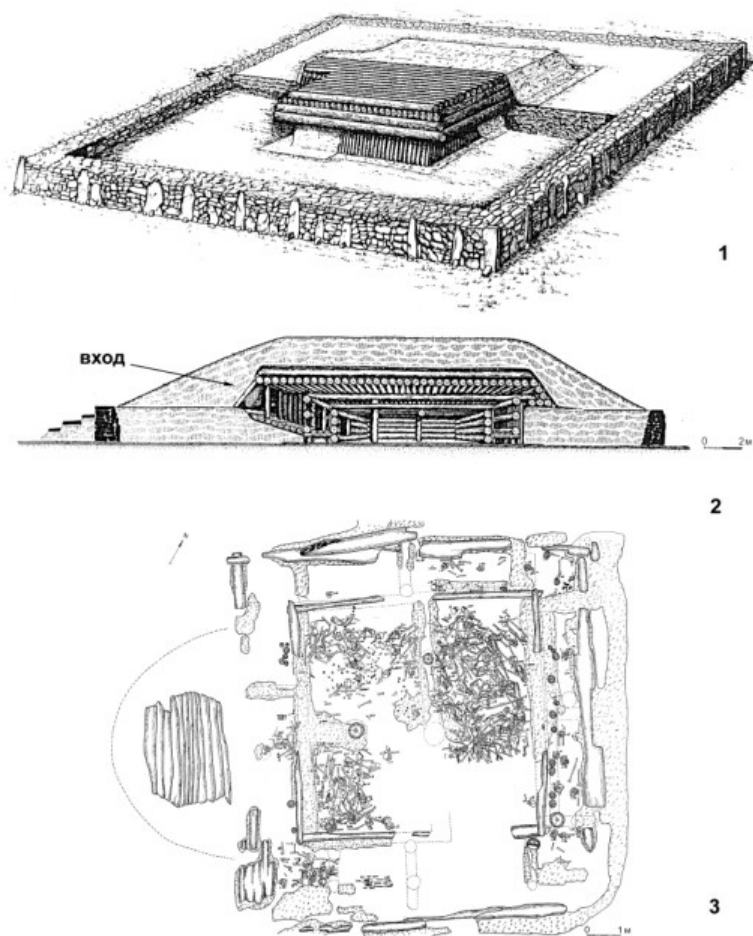

Рис. 8. Входы в ограды на могильниках тесинской культуры.
Новые Мочаги: 1–2 — реконструкция кургана, 3 — план могилы (по: Кузьмин, 2011)

Александров С. В., Бокovenко Н. А., Смирнов Ю. А. Археологические памятники долины Черного Июса на севере Хакасии. СПб., 2014.

Бокovenко Н. А., Митяев П. Е. Афанасьевский могильник Малиновый Лог на Енисее // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. Вып. 1.

Грязнов М. П. Курганы как архитектурные памятники // Тез. докл. на заседаниях, посвящ. итогам полевых исследований в 1960 г. М., 1961.

Грязнов М. П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979.

Грязнов М. П. Афанасьевская культура на Енисее. СПб., 1999.

Грязнов М. П., Максименков Г. А., Пяткин Б. Н. Карасукская культура // История Сибири. Л., 1968. Т. 1.

Вадецкая Э. Б., Поляков А. В., Степанова Н. Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул, 2014.

Кузьмин Н. Ю. Этапы сложения и развития тесинской культуры (по погребальным памятникам степей Минусинской котловины) // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. Сб. материалов Междунар. науч. конф. Астана, 2008.

Кузьмин Н. Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбинского времени в степях Среднего Енисея. Тесинская культура. СПб., 2011.

Максименков Г. А. Андроновская культура на Енисее. Л., 1978.

Маргулан А. Х. Бегазы-Дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алматы, 1998.

Марсадолов А. С. Отчет об исследовании Большого Салбыкского кургана и его окружения. / Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. 2015. Вып. 6.

Паульс Е. А. Курганы тагарской культуры со входами // Евразия сквозь века. СПб., 2001.

Паульс Е. А., Подольский М. А., Седых В. Н. Курганы раннетагарского времени у села Тигей // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск, 1985.

Савинов Д. Г. Памятники тагарской культуры Могильной степи (по результатам археологических исследований 1986–1989 гг.). СПб., 2012.

Bokovenko N. A., Legrand S. Das karasukzeitliche Grüberfeld Anchil Chon in Chakassien // Eurasian Antiqua. Berlin, 2000. Bd. 6.

Parzinger H., Nagler A., Gotlib A. Die Fürstengräber der Tagar-Kultur // Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. München; Berlin; London; Neu York, 2007.

К. И. Тапбаева

К СЕМАНТИКЕ ВХОДОВ И ДРОМОСОВ В СРУБНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ВНУТРЕННЕГО ТЯНЬ-ШАНЯ

Статья посвящена некоторым особенностям погребального обряда отдельных племен ранних кочевников Внутреннего Тянь-Шаня, выраженных в конструкциях погребальных срубов могильника Кеден. Делается попытка семантического объяснения этих конструктивных особенностей в виде обозначенных входов и дромосов, хотя таковыми они не являются. Дается несколько вариантов их возможного назначения и объяснения.

Ключевые слова: Внутренний Тянь-Шань, могильник Кеден, ранние кочевники, саки, срубы, входы, дромосы, Пазырыкский, Бападарский, Туэктинский могильники Алтая, Беспатырский, Чиликтинский могильники Казахстана, обряд «протаскивания» и др.

В районе Внутреннего Тянь-Шаня Кыргызской Республики, в Нарынском р-не, на территории бывшего совхоза «8 марта», в течении трех полевых сезонов 1984, 1988, 1989 г. был исследован раннекочевнический могильник Кеден. Могильник располагался на второй надпойменной террасе правобережья р. Нарын, в 8–9 км юго-западнее от центральной усадьбы совхоза, в южной части широкой ровной террасы.

Могильник насчитывал около сотни курганов, расположенных по южному краю террасы, отдельными компактными группами (рис. 1). В центральной части могильника выделялась цепочка, вытянутая по линии север-юг из восьми крупных курганов, высотой до 2–2,5 м, диаметром 22–30 м.

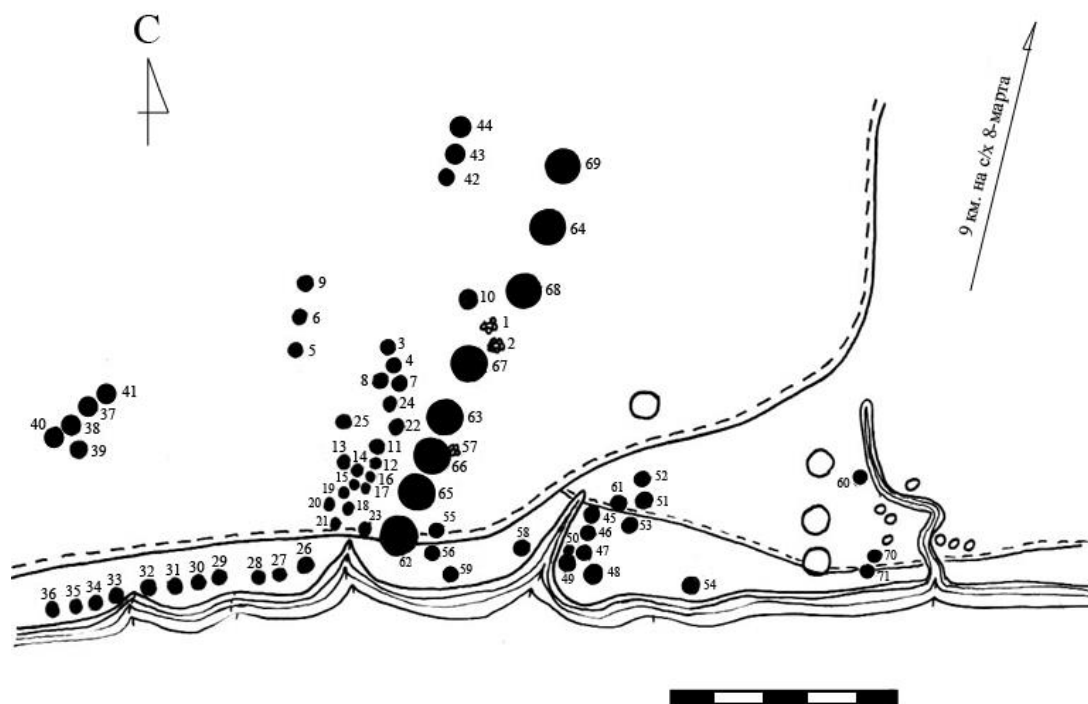

Рис. 1. План могильника Кеден

В могильнике за три сезона были раскопаны 71 курган, в том числе и восемь крупных, расположенных цепочкой. В основной массе захоронения в курганах совершались в грунтовой могильной яме, вытянутой по линии запад-восток, перекрытых деревянным накатом или каменными плитами.

Рис. 2. Могильник Кеден, курган 66. Разрез насыпи и часть каменной выкладки над срубом

В данной статье мы остановимся на материалах, полученных в результате исследований восьми крупных курганов, так как захоронения в них были совершены в деревянных срубах, что было обнаружено впервые на территории Кыргызстана. Но и в последующие времена, вплоть до сегодняшних дней, срубы могильника Кеден остаются пока единственными деревянными погребальными сооружениями для эпохи ранних кочевников в Кыргызстане, и им нет точных аналогий среди погребальных памятников Центральной Азии.

Во всех восьми курганах деревянные срубы из арчовых бревен были опущены в могильную яму. Могильные ямы были не глубокими, и, соответственно, срубы были невысокими (высота 1–1,2 м, в двух случаях — до 2 м), но просторными (длина 2,8–3,7 м, ширина 2–3,5 м) и имели перекрытия из таких же бревен, что и стены. Погребения были ограблены еще в древности, поэтому в срубах сохранились только части скелетов погребенных, фрагменты разбитых, иногда раздавленных керамических сосудов и незначительные предметы погребального инвентаря. Иногда по сохранившимся *in situ* костям ног и других частей скелета можно было определить, что погребенные традиционно были положены вытянуто, на спине, головой на запад (Ташбаева, 1995; 1996).

Расположение курганов в цепочке в центре могильника, крупные размеры их насыпей и просторные срубы в ямах свидетельствуют об особом статусе погребенных в этих восьми курганах, а также сохранившиеся фрагменты золотых нашпанных бляшек на одежду, наличие более многочисленных керамических сосудов говорит о богатстве погребального инвентаря в них, к сожалению, ограбленных почти дочи́ста еще в древности.

Об особом статусе погребенных свидетельствуют и конструктивные особенности насыпей курганов в отличие от рядовых захоронений. Если попытаться реконструировать процесс захоронения, то это выглядит следующим образом. Выкапывалась просторная могильная яма, в которую опускали деревянный сруб. Затем на пол сруба, без деревянного настила, помещали умершего (одного), раскладывали обязательный сопроводительный инвентарь и перекрывали потолок сруба деревянными бревнами. Поверх перекрытия набрасывали плотным слоем уплощенные камни или валуны высотой до 1–2 м, диаметром, превышающим размеры могильной ямы. Затем, поверх каменной наброски, насыпали слой земли в 1–1,5 м. Получившуюся таким образом небольшую насыпь плотно обкладывали камнями в один-два или три слоя, называемую нами каменным панцирем. Поверх панциря вновь насыпали земляной слой высотой до 1–1,2 м и также укрепляли его панцирным слоем (рис. 2; 3, 1). От второго панциря в настоящее время сохранились только боковые части, что, естественно, произошло из-за постепенного оплыва верхушки насыпи и в результате уменьшения высоты кургана за прошедшие 2,5–2,7 тысячи лет.

Возможно, такие насыпи возводились не одномоментно, в период захоронения умерших, а в течение более длительного времени, когда совершались обязательные поминальные обряды. Таким образом, насыпи были укреплены каменными панцирными кладками в два, возможно и в три слоя при очень больших размерах курганов, что хорошо прослеживается по их разрезам (рис. 2 и 3, 1). Благодаря такой прочной конструкции насыпей сохранились их внушительные размеры в течение длительного периода времени, а также она препятствовала проникновению влаги во внутрь, что способствовало сохранению деревянных внутримогильных сооружений.

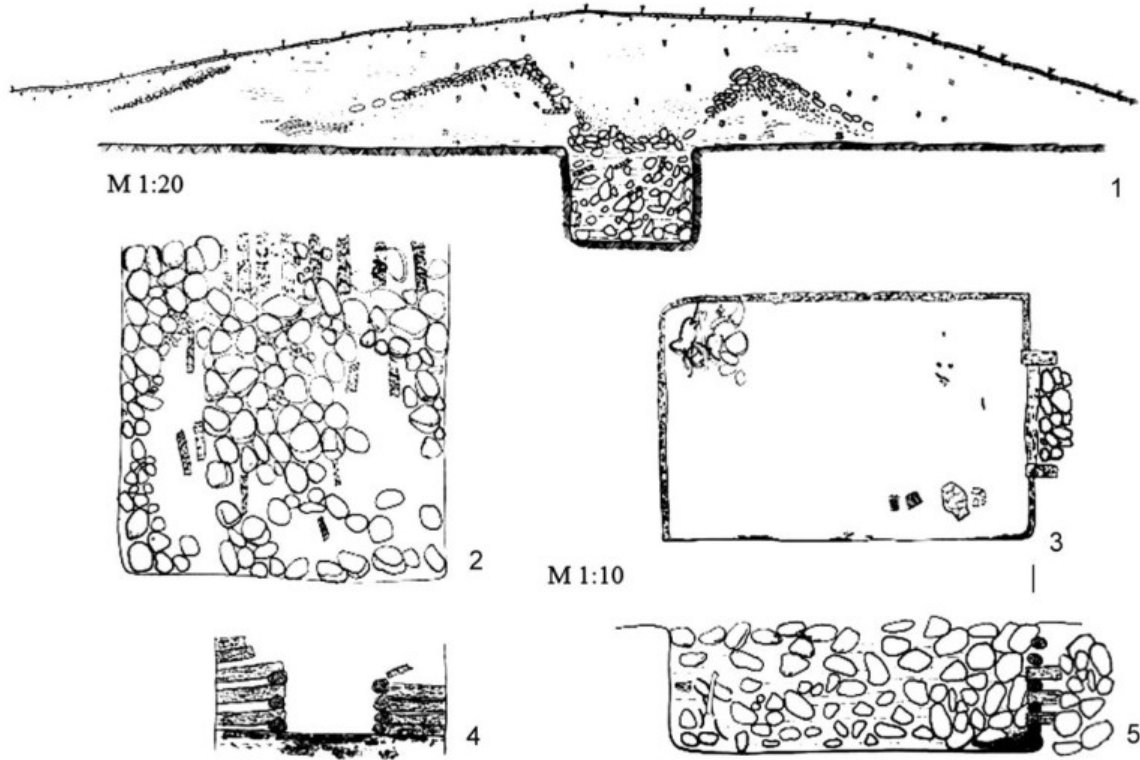

Рис. 3. Могильник Кеден, курган 62: 1 — разрез; 2 — каменная выкладка над срубом; 3 — план сруба; 4 — вход-проем в восточной стене; 5 — разрез ямы со срубом

В данной работе мы хотим обратить внимание на наличие в срубных конструкциях могильника Кеден входов и дромосов, обозначенных в восточной стене срубов. Судя по разрезам насыпей, где хорошо просматривались каменные забутовки дромосов, входы были во всех курганах. Но по сохранности стен срубов нам удалось четко проследить входы только в трех случаях из восьми (курганы №№ 62, 65 и 66). Так, в кургане № 62 вход был четко обозначен. Он находился в восточной стене и был шириной 0,85–1 м. Вход имел порог, образованный самым нижним бревном. Порог от дна ямы находился на высоте 0,20 м, то есть на толщину бревна. Края проема-входа были хорошо обработаны: небольшие обрубки бревен были положены между бревнами стен и перпендикулярно им в три-четыре ряда и выступали за пределы стены на 0,20 м (рис. 3, 3–5). За пределами сруба вход-проем был забутован крупными валунами.

В двух других курганах (курганы №№ 65 и 66) эти входы располагались в верхней части стены, ближе к потолку — перекрытию сруба. Они были шириной 0,60–0,75 м. и от них шел коридорчик типа дромоса, длиной около 4–6 м (рис. 4). Все дромосы были плотно забутованы камнями, также как и небольшие пространства между срубами и стенами. Входы-дромосы полностью оставались под насыпью кургана и не выходили за пределы насыпи.

Принято считать, что погребальные сооружения чаще всего имитировали жилища людей. В данном случае срубы тоже могли быть моделями жилищ, скорее всего, богатого сословия определенной части общества ранних кочевников. Вполне возможно, что высшее сословие общества ранних кочев-

ников имело не только юрты в качестве своих жилищ, но и дома в виде срубов, если они знали такую конструкцию для погребального обряда. Но надо иметь в виду, что такие деревянные конструкции возможны были только в местах, где имелись лесные массивы, или, по крайней мере, леса находились на более или менее доступных расстояниях.

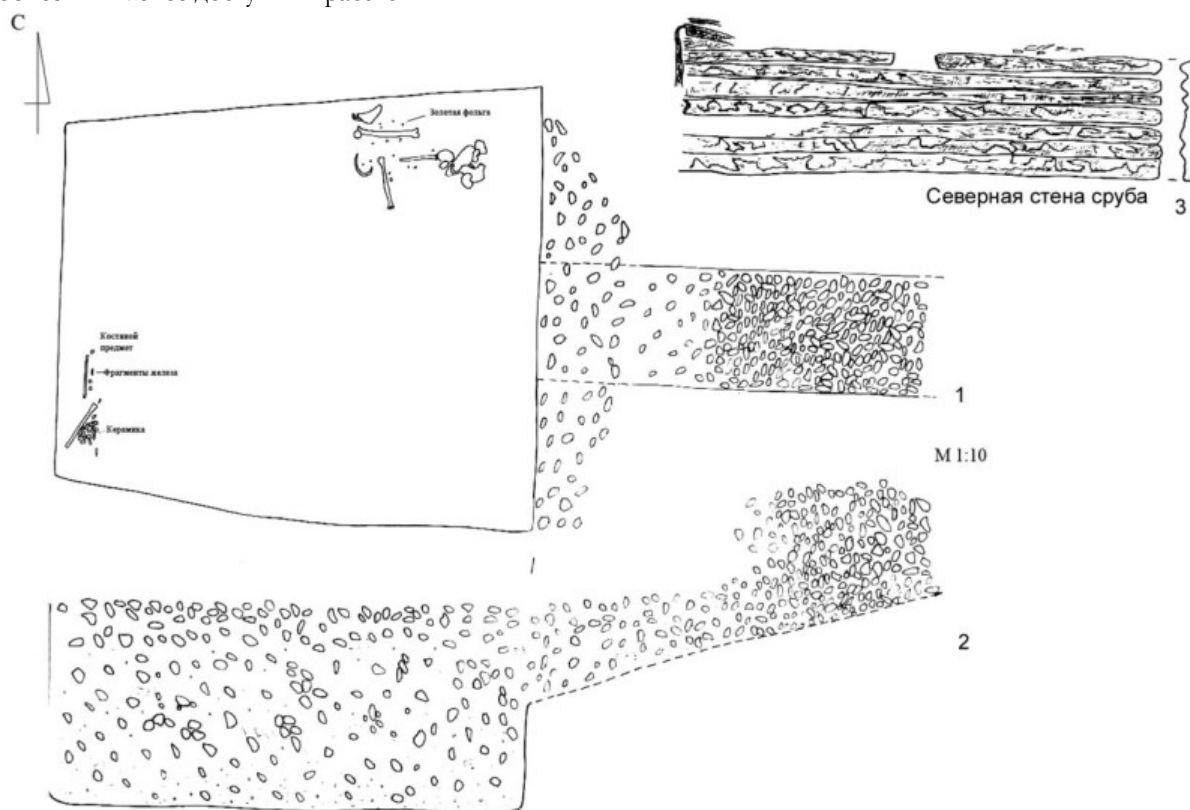

Рис. 4. Могильник Кеден, курган 66: 1 — план сруба и дромоса; 2 — разрез сруба и дромоса; 3 — северная стена сруба

В могильнике Кеден срубы были не наземными конструкциями, а опущенными в неглубокую яму, и умершего с сопроводительным инвентарем, без сомнения, помещали в погребальное место через верх. И в этом случае такой вход, как в кургане № 62, был явной имитацией двери, и вход выступал за стену сруба лишь на 0,20 м и упирался в грунт. Но в двух других случаях (курганы №№ 63 и 66), эти входы располагались высоко от пола сруба и за пределами сруба, они наклонно поднимались выше, имея ложе на древнем горизонте глубиной всего лишь 0,15–0,30 м. Видимо, когда сооружали насыпь, то в насыпи прокладывали и ложе дромоса, сразу плотно забутовывая его камнями. Считать их грабительскими лазами у нас нет оснований. Грабители прорубали свои лазы прямо сверху, в то время как все входы и дромосы могильника Кеден располагались строго в восточной части, имели прямые линии форм, были выложены плоскими или уплощенными камнями. Это были дромосы, вернее, их имитации, проложенные специально в соответствии с принятым обрядом захоронения определенной категории людей общества ранних кочевников.

Наличие этих входов в срубах, опущенных в яму, и их расположение не совсем понятны. Выполнять роль входов, через которые совершали погребения умерших, они не могли, каковыми, например, являлись дромосы в катакомбных сооружениях гуннской эпохи. Им явно отводилось другое назначение. Естественно, возникает вопрос, для чего они предназначались?

Захоронения в срубах на территории Кыргызстана не встречались ранее, если не считать Соколовского и Джергесского курганов в Иссык-Кульской котловине, раскопанных экспедицией А. Н. Бернштама еще в 1949 г., где, судя по многочисленным остаткам деревянных фрагментов, возможно, была срубная конструкция, но четко проследить ее во время раскопок не удалось (Бернштам, 1952. С. 50–57). В основном же в могильниках Кыргызстана эпохи ранних кочевников захоронения совершались в грунтовых могильных ямах, перекрытых деревянным накатом или каменными плитами.

В долине Кетмень-Тюбе, где было раскопано около 400 курганов в пятнадцати могильниках этого времени не встречена ни одна погребальная конструкция со срубом. Точно такая же картина наблюдается и в Алайской долине, где в свое время А. Н. Бернштамом и Ю. Д. Баруздиным было раскопано большое количество погребений саков (*Бернштам*, 1952; *Таибаева*, 1987; 2011. С. 36–53, 121–136). В Таласской и Чуйской долинах в курганах эпохи ранних кочевников также не встречена срубная конструкция внутримогильных сооружений.

При этом необходимо учитывать то, что раскопки курганов в Алайской, Таласской и Чуйской долинах проводились выборочно, по два-три или несколько рядовых захоронений некрупных размеров из могильников, в которых были иногда до нескольких десятков курганов. А в Чуйской долине и особенно в Иссык-Кульской котловине раскопки крупных элитарных курганов не производились вообще, и здесь не исключена вероятность наличия срубных конструкций. В этом плане отличны исследования, проведенные в долине Кетмень-Тюбе И. Кожомбердиевым в 60–80-х гг., в которых принимала участие и автор данной статьи, когда раскопкам подвергалась большая часть курганов могильника или же исследовался целиком весь могильник (*Кожомбердиев*, 1973; 1975; 1986; *Таибаева*, 1987; 2011). Однако, как было отмечено выше, в Кетмень-Тюбинской долине даже под большими насыпями крупных курганов, захоронения были совершены только в грунтовых ямах, перекрытых деревянным накатом.

Исследования во Внутреннем Тянь-Шане, проведенные под руководством К. Таибаевой в 80–90 гг. XX в. также отличались от предыдущих исследований А. Н. Бернштама и А. Кибирова тем, что раскопкам подвергались почти все курганы могильников, несмотря на их размеры и внешние данные насыпей. Только в результате таких исследований нам удалось получить более полную картину о погребальном обряде, материальной и духовной культуре ранних кочевников Тянь-Шаня, а также существенно новые данные в целом по культуре саков, населявших территорию Кыргызстана в I тыс. до н. э. (*Таибаева*, 1987; 1995; 1996; 2011; и др.). Эти данные позволяют также говорить об историко-культурных, а возможно, и этногенетических связях ранних кочевников Кыргызстана с населением сопредельных территорий, но более конкретно — Южной Сибири, Саяно-Алтая и даже Монголии.

Если обратимся к аналогиям за пределами Кыргызстана, то, в первую очередь, можно рассматривать погребальные конструкции могильника Беспатыр в Илийской долине на территории Казахстана. При этом надо отметить, что деревянные конструкции могильника Беспатыр являются наземными постройками, в отличие от других срубных конструкций времени ранних кочевников Центральной Азии, опущенных в яму. Беспатырские деревянные конструкции еще и не являлись срубами в классическом понимании их сооружения, как отмечал К. Акишев, автор раскопок. Боковые стены камер Беспатырского могильника были укреплены вертикально врытыми зажимающими столбами. Длинные коридоры-дромосы, по высоте на 1–2 м превышающие высоту камер, состоящие из двух отсеков, были также наземными. Наземным расположением деревянной конструкции погребальных камер и необычно высоких дромосов погребальные сооружения Беспатыра вообще отличаются от всех остальных синхронных памятников Центральной Азии (*Акишев, Кушаев*, 1963. С. 27–87) и до сих пор не имеют аналогий. Однако назначение дромосов здесь как входов в погребальную камеру очевидно. Хотя, конечно, возникает вопрос, к чему надо было возводить такие высокие и длинные коридорообразные сложные входы? Но это вопрос погребального обряда данной группы сакских племен, который, без сомнения, требует углубленного изучения.

Интересны срубные конструкции с дромосами-входами, обнаруженные в элитных захоронениях Чиликтинских курганов Восточного Казахстана, где дромосы также были проложены в восточной стороне и не очень заглублены в землю, были невысокими, длинными, но имели деревянное перекрытие. Автор раскопок считает, что они имели как практическое значение, так и ритуально-мировоззренческое. К сожалению, отсутствие в публикациях чертежей элитарных погребальных сооружений и особенно их разрезов (*Талеубаев*, 2013. С. 204–207 и др.) затрудняет понимание конструктивных особенностей этих сооружений.

Основная же территория, где распространены захоронения в срубках в эпоху ранних кочевников — это Южная Сибирь, Алтай и Монголия. В элитных курганах пазырыкской культуры также наличествует сруб, опущенный в глубокую могильную яму, но здесь отсутствуют входы и дромосы, что было прослежено по материалам Пазырыкского, Башадарского, Туэктинского и других могильников Алтая и сопредельных территорий (Грязнов, 1950; Руденко, 1953; 1960; Грач, 1980; Палосьмак, 1994; Кирюшин и др., 2003; и др.). Однако наше внимание привлекло то, что в Пятом Пазырыкском кургане на Алтае в южных стенах сруба (срубы были двойными) был прорублен проем размером 0,70–0,60 м, куда были вставлены семь бревен, заклиненных в стенке камеры таким образом, чтобы они придавливали крышку саркофага-колоды (Руденко, 1953. С. 54–56).

Таким образом, срубные конструкции могильника Кеден Внутреннего Тянь-Шаня наличием имитированных входов и входов-дромосов являются весьма своеобразными и на сегодняшний день не имеют точных аналогий в срубных погребальных конструкциях синхронного времени. Входы-дромосы могильника Кеден наводят нас на мысль, что элитные погребальные сооружения имели сложную конструкцию и внушительные размеры, а также укреплялись так прочно не только для того, чтобы сохранить их от грабителей и увековечить гробницы усопших вождей родов и племен, но еще и для иных целей.

В поисках разгадки этой конструктивной особенности курганов могильника Кеден мы натолкнулись на информацию, что древние египтяне на плоскости стены своих гробниц обязательно высекали рельеф, изображающий дверь. Это было просто изображение двери, которую невозможно было открыть, но по поверьям египтян, именно через нее душа покойного должна была попасть в коридор, называемый Ра Сетау, по которому душа усопшего выходила в потусторонний мир — Дуат. По представлениям древних египтян, дорога в иной мир начиналась с тоннеля, коридора — Ра Сетау (Двери Протаскивания), который соединял мир живых с миром мертвых.

По-видимому, известный в этнографии с обозримого прошлого обряд «протаскивания» умершего имел архаичные корни, уходящие во времена фараонов, который имел место и у других древних народов и племен, в частности, у некоторых сакских племен, проживавших в древности на территории Кыргызстана. Суть этого обряда заключалась в вере и ритуале символического пропускания или продевания человека через какое-либо сквозное отверстие, проем или просвет, в результате чего происходило его «перерождение и очищение от всего отрицательного». В похоронном же обряде подразумевалось, что душа умершего должна была пройти через символическую Дверь, что давало ему очищение от всего земного и возможность перехода в иной потусторонний мир.

Возможно, ложные входы и дромосы в срубных конструкциях могильника Кеден можно объяснить этим древним представлением и считать их своеобразным указателем пути в иной мир. Иначе невозможно объяснить наличие входа-двери, ведущего в никуда, то есть упирающегося просто в грунт и который невозможно было использовать как вход при совершении захоронения, то есть при помещении умершего на его погребальное место, также как ложные входы-дромосы, которые фактически не могли быть использованы как входы. Скорее всего, как и в гробницах древних египтян, они являлись символическими входами и дорогой в потусторонний мир. По представлениям людей, проживавших в этой местности в середине I тыс. до н. э. и похоронивших своих богатых сородичей особым способом — в срубках с ложными входами согласно принятому ритуалу, — проход в потусторонний мир находился строго на Востоке, судя по расположению входов и направлению дромосов.

В этнографической литературе известен обычай, распространенный у многих славянских народов, в том числе и у русских, как вынос умершего не через входную дверь, а через окно или специально проделанное отверстие в жилище¹. Считалось, что дверь служит живым, а окно или отверстие — мертвым. В этом случае обряд «протаскивания» имел несколько иное назначение или объяснение, а именно обмануть покойника, «запутать его след». Согласно верованиям, мертвец мог вернуться в дом только известным ему при жизни путем. Хотя одновременно с таким похоронным обрядом, в это же время существовало представление, что обряд «протаскивания» или «пронимания» мог исцелить больного чело-

¹ Выражаю большую благодарность своей коллеге Л. Ведутовой за информацию об этом обряде.

века, чаще всего детей. В таких случаях больного пропускали через какое-то отверстие, развилку, специально изготовленный венок и т. д., что символизировало очищение его от всего негативного и постепенное исцеление, что фактически значит переход в иное состояние. Возможно, вынос, то есть «протаскивание» умершего через окно, первоначально мог, как и в древности, иметь такой же очищающий смысл и означать переход умершего в иное состояние.

По прохождении тысячелетий, вероятно, смысл и назначение этого погребального обряда несколько изменились. Из назначения, указующего и, соответственно, облегчающего душе умершего путь в Царство мертвых, очищающего его от земных грехов, обряд «протаскивания» стал иметь иное назначение, и он продолжал бытовать в среде населения на широкой территории. Первоначальное особое отношение к смерти, как к своеобразному путешествию души человека в иной мир, где он продолжал свое бытие; естественно связанный с ним культ предков; похоронному обряду, выражавшееся в возведении таких сложных, внушительных размеров внутримогильных и наземных частей погребальных конструкций, какие мы наблюдаем повсеместно для периода ранних кочевников; а также снабжение умершего пищей и всеми необходимыми предметами для жизни в другом мире, чаще всего дорогих, изготовленных из золота и украшенных мастерски, ювелирно, видимо, постепенно перерождается в представление как о враждебной силе, роковом неизбежном зле, могущем принести вред оставшимся живым родственникам.

Смерть человека всегда была загадочна, необъяснима и потому сильно мифологизирована, главным мифом из которых было бессмертие души и вера в потустороннюю жизнь. Одновременно смерть пугала живущих. И если ранее обряд «протаскивания» имел цель очищения умершего от земных грехов и облегчения его пути в иной мир, то позднее он предназначался для обмана души умершего, для его запутывания, чтобы он не нашел обратной дороги в свой дом и не навредил родственникам.

Возможно, и это назначение обряда «протаскивания», как запутывания, обмана покойного, также могло иметь архаичные корни. Например, ложные входы и дромосы могильника Кеден могли служить не только как указатели и проходы в иной мир, но также и для запутывания и обмана умершего. Ведь ему точно указывалось, куда нужно идти, то есть в никуда, туда, где дальше дороги нет и где дромос также не имел выхода. Не зря дверной проем в кургане № 62 и дромосы в других курганах были не просто обозначены, но и плотно забутованы многослойными камнями, сильно затруднявшими любой проход через них, даже душе умершего.

В связи с этим вспомним, что в Пятом Пазырыкском кургане крышка саркофага-колоды была прижата семью бревнами, не просто положенными поверх крышки, а сложным путем заклиненных прочно через специальный проем, вырезанный в стенках двойного сруба. И это было сделано, вероятно, не столько с целью сохранения от грабителей, которые проникнув в погребальную камеру, могли устранить такую преграду (что и было сделано), сколько для погребенного внутри колоды, чтобы он не мог выйти из нее и навредить живущим родственникам или сородичам. Снабдив покойного погребальной пищей и необходимыми предметами обихода, обеспечивали ему своеобразную «жизнь в достатке» в погребальной камере.

Возможно, отмечаемые исследователями сложные катакомбы и длинные коридоры, проложенные под некоторыми погребальными камерами элитных захоронений в Бешатырском, Чиликтинском могильниках, в Пазырыкских курганах и др. (Руденко, 1953; Акишев, Кушаев, 1963; Толубаев, 2013), имели такой же смысл и назначение, как запутывание покойного, а не как место поминальных тризнов по прошествии времени.

У кыргызов, оказывается, также имел место обряд «протаскивания» через окно², правда, встречающийся очень редко, и только у тех, кто проживал в оседло-земледельческих районах, то есть в домах, а не в юртах. В юртах не возможно было прорубить окно или отверстие в стене. В настоящее время этот обряд почти не встречается, и потому не привлек внимания этнографов. Скорее всего, это делалось в тех случаях, когда семью посещали частые смерти близких родственников, и чтобы умерший не «унес»

² Выражаю большую благодарность коллеге Т. Арзыбаеву, поделившемуся своими наблюдениями.

с собой еще кого-нибудь, чаще всего детей, его пытались обмануть таким образом. Этот обряд мог иметь место и тогда, когда умерший при жизни обладал какими-то особыми способностями, как, например, шаманскими, «черным глазом», «ведьминскими», не всегда добрыми, приносящими вред окружающим, и такой человек внушал страх окружающим, а его смерть усугубляла негативное отношение к нему.

Вполне возможно, что издавна известный у кыргызов и у других кочевых народов обряд помещения умершего в отдельную, специально поставленную для этого юрту, и вынос покойного из этой юрты, кроме практических привилегий, изначально преследовал ту же цель — оградить живущих от мертвеца и проводить его в последний путь из жилища, которого он не знал при жизни. Скорее всего, этот обряд также мог уходить корнями в эпоху ранних кочевников. Ведь ограниченное жизненное пространство юрты противоречило элементарным этическим нормам людей: питаться, спать, детям находиться здесь же, пока в течение определенного времени покойник готовился к погребению. Поэтому помещение покойника в отдельную юрту могло практиковаться еще с очень ранних времен, с эпохи раннего железа, а возможно и ранее, когда основным жилищем была юрта или подобная ей конструкция.

Таким образом, рассмотренные срубные конструкции могильника Кеден со своеобразными имитациями входов и дромосов являются в некотором роде уникальными. Они позволяют проследить интересные элементы погребального обряда определенного рода или племени общества ранних кочевников, которые проживали в данной местности достаточно длительное время, судя по количеству курганов. Их верования и обряд погребения отличались от обряда и верований основной массы кочевого общества I тыс. до н. э., населявших не только территорию Кыргызстана, но и всей Центральной Азии. Они, как и все другие племена, верили в потустороннюю жизнь и в своих погребальных сооружениях устраивали ложные двери и проходы, указывающие путь в иной мир. Одновременно с указанием душе покойного пути, куда следует идти, они ограждали его семью и сородичей от возможного его возвращения и нанесения вреда живущим. И этот обряд был известен с глубокой древности, еще со времен египетских фараонов, затем центральноазиатских ранних кочевников и сохранился вплоть до современности, закономерно в течении такого длительного времени несколько трансформируясь, изменяясь, обрастая разными ритуалами и поверьями в соответствии с реальными условиями жизни людей в определенные исторические периоды.

Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963.

Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрально-Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М., 1952. МПА; № 26.

Греч А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.

Грязнов М. П. Первый Пазырыкский курган. А., 1950.

Кирюшин Ю. Ф., Степанов Н. Ф., Тишкин А. А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул, 2003.

Кожомбердиев П. Новые данные о сакском периоде в долине Кетмень-Тюбе // АО 1973 года. М., 1973.

Кожомбердиев П. Саки Кетмень-Тюбе // Страницы истории и материальной культуры Кыргызстана. Фрунзе, 1975.

Кожомбердиев П. Культура ранних кочевников Западного Тянь-Шаня (по материалам курганных могильников VI в. до н. э. – VII в. н. э.): дис. ... канд. ист. наук в форме науч. доклада. А., 1986.

Полосьмак Н. В. Стережущие золото грифы. Новосибирск, 1994.

Руденко С. П. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; А., 1953.

Руденко С. П. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; А., 1960.

Ташбаева К. П. Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая (вопросы хронологии и локальных вариантов): дис. ... канд. ист. наук. А., 1987.

Ташбаева К. П. Новые аспекты в культуре ранних кочевников Тянь-Шаня // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. Бишкек, 1995.

Ташбаева К. П. Археологические комплексы ранних кочевников Тянь-Шаня // Древний и средневековый Кыргызстан. Бишкек, 1996.

Ташбаева К. П. Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая (I тыс. до н. э.). Бишкек, 2011.

Толубаев А. Т. Проблемы эпохи бронзы и раннего железного века Казахстана. Изб. труды и статьи: Т. 1. Алматы, 2013.

С. М. Агульников

О ТОПОГРАФИИ И ПЛАНИРОВКЕ МОГИЛЬНИКОВ БЕЛОЗЕРСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Топография белозерских могильников предполагала их расположение на плато и водоразделах степных рек и лиманов Причерноморья. Как правило, они формировались возле одного или нескольких курганов более древних культур. Характерной чертой белозерских могильников является их широтная ориентировка, при преобладающей меридиональной ориентировке курганных могильников предшествующих эпох. Наиболее крупными могильниками Дунай-Днестровского региона являются Казаклийский, Кочковатовский, Будуржель, Василевский, Тараклийский. В Нижнеднепровском регионе это могильники Брилевский, Широчанский, Первомаевский, Степной (Заповитное) и ряд др. Период формирования крупных могильников Белозерской культуры в Причерноморье XI - I пол.X вв. до н.э. Отмечается, что во всех случаях формирование могильника происходит вокруг одного или нескольких захоронений, относящихся к категории «богатых».

Ключевые слова: топография, плато, курганы, могильники, формирование

Белозерская культура является заключительным образованием финала Бронзового века в степном Причерноморье. Период существования белозерской культуры укладывается в XII–X вв. до н. э. (Агульников, 2005. С. 77–92). В значительной степени памятники белозерской культуры стали известны благодаря материалам могильников, особенностью которых явилось сочетание курганного с бескурганном обрядом захоронения. Наиболее крупные могильники этой культуры располагаются на территориях, примыкающих к низовьям Днепра (Первомаевка, Широкое, Чернянка, Степное-Заповитное, Брилевка и др.) и Днестра-Дуная (Кочковатое, Будуржель, Васильевка, Казаклия, Тараклия, Хаджиллар и др.). Объединяющим моментом для всех белозерских погребальных комплексов Причерноморья является преобладающая южная ориентировка захоронений.

Топография белозерских могильников предполагала их расположение на плато и водоразделах степных рек и лиманов Причерноморья. Как правило, они формировались возле одного или нескольких курганов более древних культур. Характерной чертой белозерских могильников является их широтная ориентировка при преобладающей меридиональной ориентировке курганных могильников предшествующих эпох. Наиболее крупными могильниками Дунай-Днестровского региона являются Казаклийский, Кочковатовский, Будуржель, Василевский, Тараклийский (рис. 1), количество захоронений, в которых варьирует от 28 (Кочковатое, Васильевка) до 80 (Казаклия). Ряд отдельных белозерских курганов, входили в состав более древних курганных могильников — Струмок, Кальчево, Банновка, Балабан, Хаджиллар, Олэнешть, Алкалия, Погребя. Два белозерских кургана, исследованных у с. Хаджиллар, меридионально группировались с курганом № 3 периода ранней бронзы, в поле которого также имелись впускные погребения белозерского времени (Агульников и др., 2001. С. 95–114; Агульников, 2008. Р. 33–84). Следует отметить, что впускные погребения белозерского времени располагались в насыпях курганов предыдущих эпох, которые также имели меридиональное расположение, что отмечается в курганных могильниках бассейна реки Ялпуг (Тараклия, Казаклия, Балабаны) (Агульников, 1999. С. 7–10).

Высота курганных насыпей белозерского времени составляет от 0,1 до 2,5 м, диаметр варьирует от 10 до 50 м. Но большинство белозерских курганов фиксировалось в виде пятен более светлого грунта на окружающей пахотной поверхности. Реже встречались одиночные курганы, либо небольшие курганные группы, такие как Глинное, Хаджиллар, Струмок, Калчево. Зачастую одиночные белозерские курганы имели высоту, превышавшую 1 м, а диаметр свыше 40 м. В свою очередь эти курганы входили в состав курганных групп более раннего времени. Такая же картина наблюдается в курганных группах Дивизия и Алкалия на юге Одесской области (Vančurov, Subbotin, 2000. Р. 175–183).

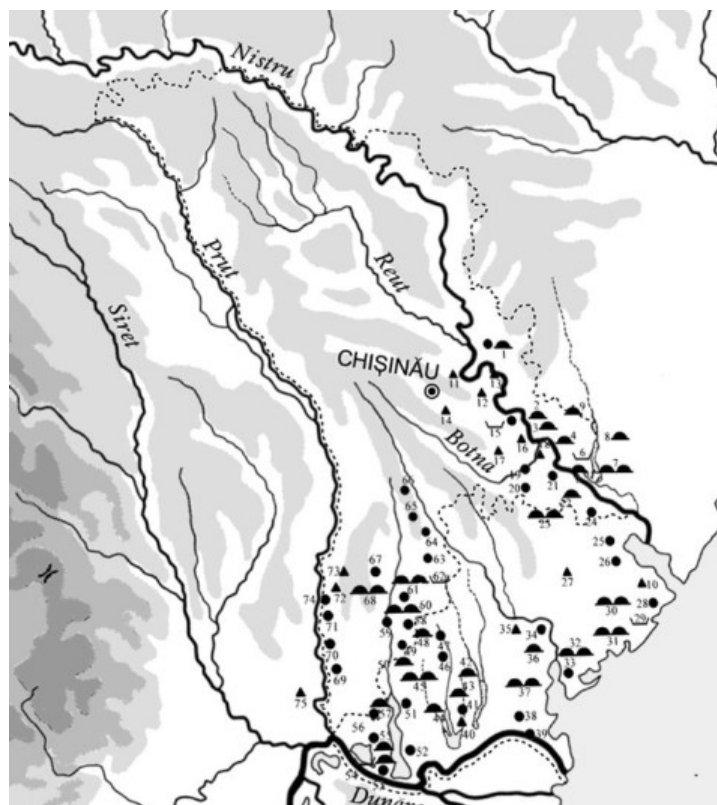

Рис. 1. Карта памятников Белозерской культуры степной зоны Днестро-Дунайского междуречья

Два наиболее крупных по количеству захоронений могильника — Казаклийский и Будуржель — сочетали признаки как курганного, так и бескурганного погребального обряда. В данных случаях ряды грунтовых погребений примыкали к курганным насыпям этой же культуры, имея при этом широтную планировку.

Развитие белозерских могильников происходило следующим образом. Первоначально над достаточно «богатым» захоронением, как правило, совершенным в погребальной камере крупных размеров и с достаточно неординарным инвентарем, сооружалась курганная насыпь. Далее, с соблюдением линейной широтной ориентировки совершались грунтовые погребения, расположенные в один ряд с основными в курганах. Если в Казаклийском могильнике в основном кургане № 7 имелось лишь одно основное погребение, то в Широчанском могильнике в двух курганах крупных размеров, составлявших «ядро» некрополя, имелось от трех до пяти основных подкурганных захоронений (рис. 3, 2). Далее от них находились грунтовые захоронения, сгруппированные в четыре ряда к северу и два ряда к западу от кургана № 1 и в один ряд к востоку от кургана № 2. Для Казаклийского могильника отмечается еще одна особенность. Наиболее крупные погребальные камеры, а также могилы, наиболее богатые инвентарем, концентрировались в одном ряду с основным погребением кургана № 7 (Агульников, 2003. С. 139–154). Условно, еще одно «ядро» состояло из группы погребений №№ 31, 34–35, 39 с камерами крупных размеров и с богатым инвентарем, сконцентрированных в восточном секторе могильника. Погребения, расположенные в небольших курганных насыпях — «пятнах» к югу от основного «ядра» Казаклийского могильника, образовывали своеобразный четвертый ряд, ориентированный по линии юго-запад-северо-восток (рис. 2, 2). Всего в семи курганах-пятнах было выявлено двадцать белозерских захоронений. Пятно (курган № 6) находилось на некотором отдалении от основной площади могильника. Возможно, захоронения, выявленные в этом пятне (№№ 53–56), были совершены несколько позже остальных в могильнике. Об этом косвенно свидетельствуют находки в них железных изделий — ножа и фибулы, отсутствующие в прочих погребениях Казаклийского могильника. Там же отмечено и применение огня в погребальном обряде, перекрытия погребальных камер обожжены, прожоги доходят до дна могильных ям. Благодаря исследованиям последнего времени, при помощи программы Geoportall

МД, установлено, что к северо-западу от вскрытой в 1984–1985 гг. площади Казакийского могильника имеется не менее двенадцати пятен распаханых курганов, расположенных тремя, относительно равными широтными рядами; еще два пятна фиксируются к юго-востоку от основной площади могильника. Диаметр пятен составляет не менее 15–25 м (рис. 2, 1).

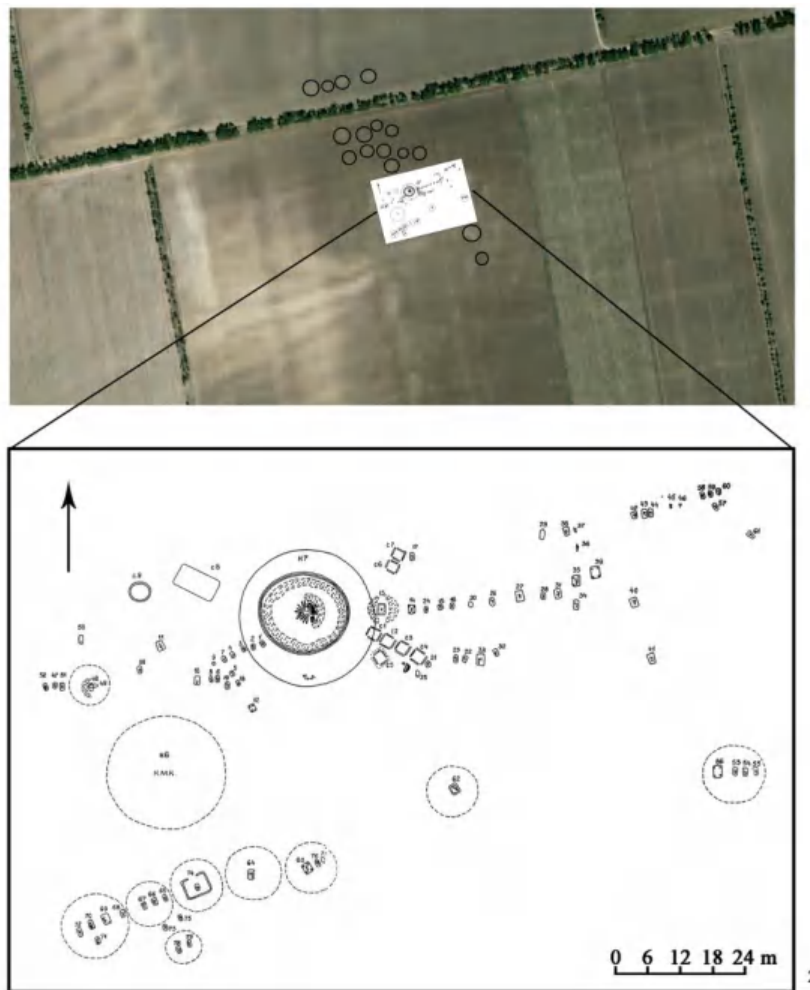

Рис. 2. 1 — ортофото Казакийского могильника; 2 — общий план Казакийского могильника Белозерской культуры. Раскопки 1984–1985

В курганном могильнике Кочковатое, Татарбунарского р-на Одесской области (рис. 4, 1) (Ванчугов и др., 1992) имелось своеобразное ядро из трех слившихся распаханых курганных насыпей (курганы №№ 42, 49, 50), в каждой из которых имелось по три захоронения, от которых в дальнейшем развивался могильник (Там же. С. 4, рис. 1). Здесь следует отметить еще одну особенность: в каждом из трех центральных Кочковатовских курганов, в свою очередь, имелось по одному захоронению в камере больших размеров, сопровождавшимся двумя другими меньшими. Все девять захоронений составляли один ряд. Далее белозерские курганные погребения формировались в группы, ориентированные в широтном направлении. В девятнадцати курганах открыто 28 основных захоронений, в том числе в тринадцати курганах по одному захоронению, в трех — по два и в трех — по три могилы. При этом в курганах № 42 и 50 периферийные погребения отстоят на равном расстоянии от центральных. Ряды не идеально ровные, но позволяют определить их количество. В Кочковатовском могильнике прослеживаются три ряда курганных захоронений, расположенные по оси восток-запад с определенными отклонениями. Наибольшие по размерам центральные погребальные камеры в курганах сопровождались богатыми наборами инвентаря, включающего керамику, изделия из золота, бронзы, железа (Ванчугов, 1990. С. 42). Одна из радиоуглеродных дат Кочковатовского могильника, представленная образцами из погребения № 1 кургана № 32, составляет 930 ± 45 лет (Там же. С. 119).

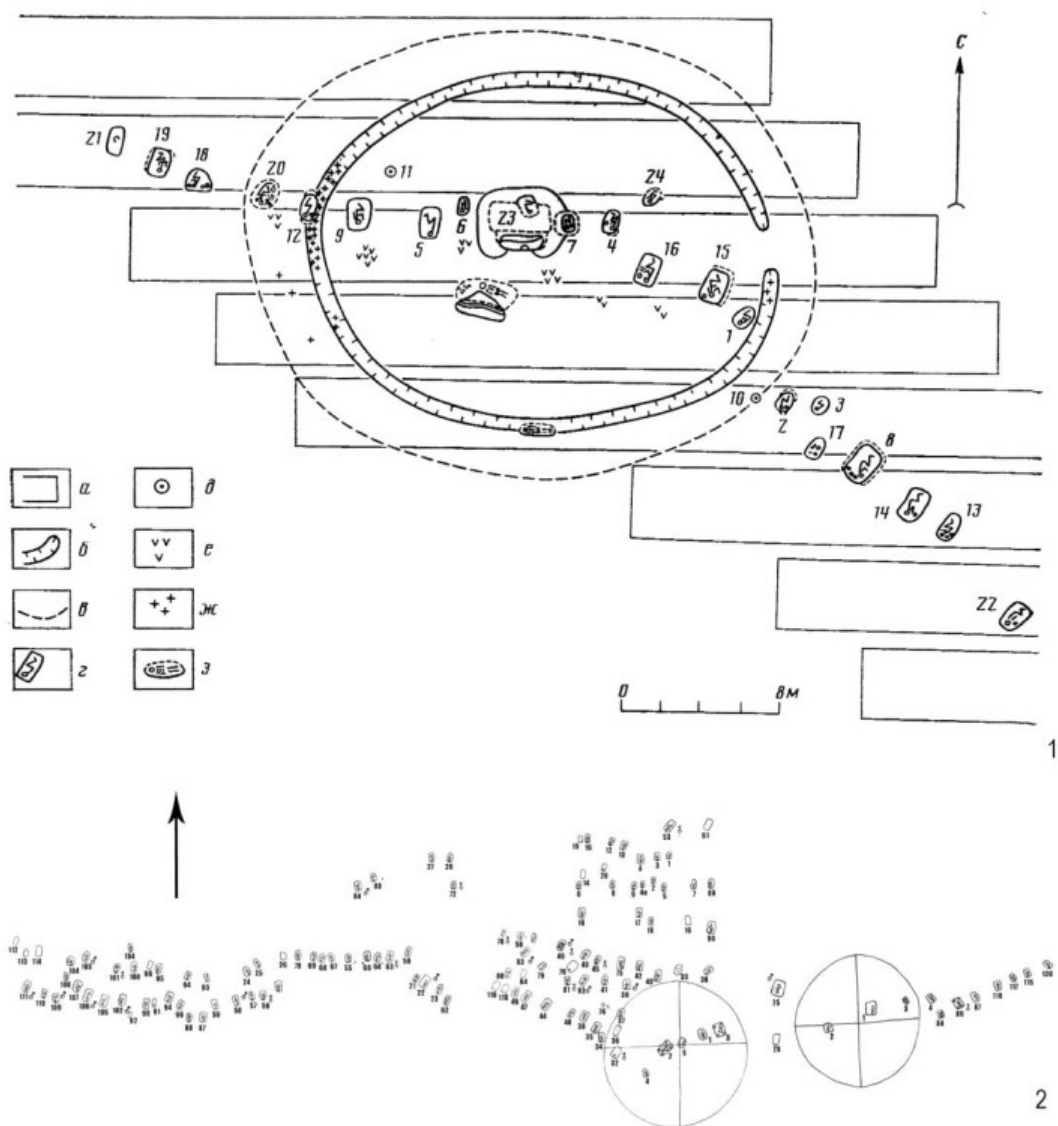

Рис. 3. 1 — общий план могильника Чернянка (по: Черняков, Кубышев, 1986); 2 — общий план могильника Широкое

Что касается Васильевского могильника белозерской культуры, исследованного в Болградском р-не Одесской области, расположенного на водоразделе степных рек Большой и Малый Катлабух, то там погребальные комплексы расположены несколько хаотично, но достаточно компактной группой, к югу от центрального крупного кургана (предположительно периода энеолита–ранней бронзы). При этом наиболее крупные белозерские курганы №№ 3, 5 были выделены от основной группы и занимали ближайшее к нему положение. В остальных же прослеживается неравномерная рядная планировка, ориентированная по линии юго-юго-восток – северо-северо-запад (Ванчугов, Субботин, 1989. С. 55, рис. 1). Если в большинстве курганов Васильевского могильника зафиксировано лишь по одному-два захоронения, то в кургане № 8 имелось два ряда погребений, вытянутых по оси юго-юго-запад – северо-северо-восток, и расположенных на расстоянии 7–10 м друг от друга, в одном из которых их было три, а в другом — два (Там же, 1989. С. 56, рис. 2, 1). Что в целом напоминает расположение погребальных комплексов в грунтовых могильниках Широкое, Казакия, Бударжель, где грунтовые захоронения располагались рядами между курганов с основными белозерскими захоронениями. Хотя не исключена вероятность того, что курган № 8 представлял собой небольшой грунтовый некрополь, принявший форму курганной насыпи в результате слившихся выбросов материковой глины. Интенсивная распашка могла сnivelировать малые курганы, но скорее всего, в Васильевке имел место курганно-грунтовый могильник. В ряде курганов Васильевского могильника отмечены сомкнутые и несомкнутые кольцевые рвы.

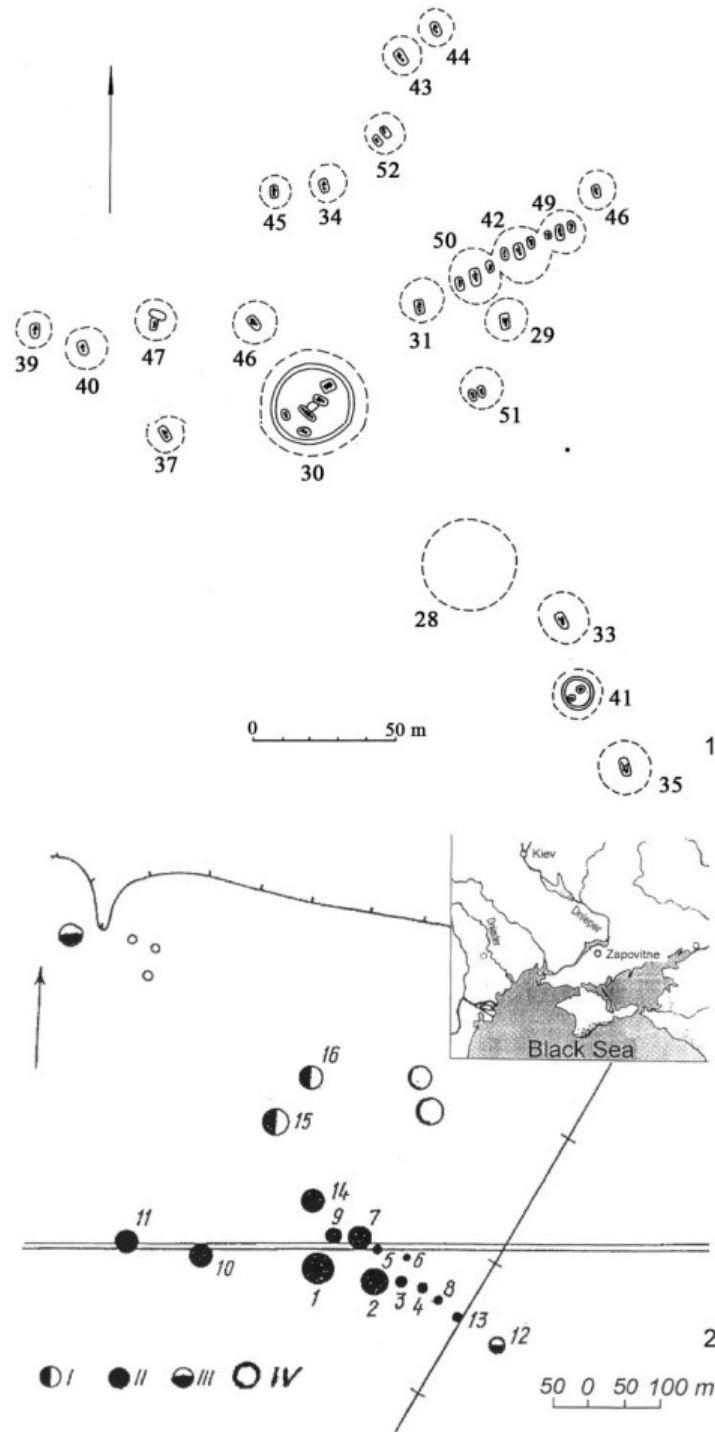

Рис. 4. 1 — общий план Кочковатовского могильника (Ванчугов и др., 1992);
2 — общий план могильника Степной (Заповитне) (Otroshchenko, 2003)

На могильнике Будуржель (Тоцев, 1992. С. 19–30) наблюдается следующая картина. В отличие от серии других белозерских могильников, располагавшихся на водоразделах, он находится на пологой надпойменной террасе левого берега придунайского озера Будуржель. Ряды грунтовых захоронений формируются вокруг пятна № II с одиночным захоронением в центре. Всего на могильнике имелось три подобных пятна, которые даже слегка выделялись в рельефе, образуя некий треугольник с вершинами на западе, юге и севере (Там же. С. 20, рис. 2). Так, в южном пятне диаметром 15 м имелось восемнадцать белозерских погребений, расположенных в один неравномерный широтный ряд. В северном пятне зафиксировано двадцать пять захоронений, расположенных в три неравномерных ряда,

там же имелись остатки тризны в виде скоплений керамики. Также в пространстве между «пятнами» прослеживались скопления лепной керамики бронзового века (Там же. С. 19). В свою очередь, в северном «пятне» наблюдается определенная концентрация захоронений вокруг погребения № 7 в яме больших размеров. А второе скопление отмечается вокруг погребения № 22, также совершенного в камере крупных размеров. В южном пятне определенное скопление могил меньших размеров наблюдается возле погребений №№ 2, 14.

Белозерский могильник у с. Чернянка в Херсонской области, который располагался на плато левого берега Черной долины и находился на юго-восточной окраине курганной группы, производит впечатление грунтового некрополя. Захоронения в Чернянке вытянуты в один широтный ряд (рис. 3, 1). Часть погребений могильника перекрыта курганной насыпью скифского времени (*Кубышев, Черняков, 1986. С. 139, рис. 2*). Ряд захоронений вытянут по оси северо-запад–юго-восток. Довольно крупные размеры, относительно остальных, прослеживаются у камеры погребения № 8. Стоит предположить развитие Чернянского могильника именно от этого захоронения. Следует отметить, что в исследованном комплексе отсутствуют белозерские курганные насыпи. Хотя, возможно, они имелись неподалеку, но не входили в исследуемую зону.

Могильник белозерской культуры Степной (Заповитное) имел преимущественно курганный характер (*Otrshchenko, 2003. Р. 335–365*). Находясь в составе группы разновременных курганов, в том числе и более ранних периодов, он был ориентирован по линии север–юг с небольшими отклонениями (рис. 4, 2). В начале и в продолжении могильника имелись насыпи более раннего (эпоха Средней бронзы) и более позднего (скифского) периодов. Курганы достигали достаточно приличной высоты. Ядро могильника представлено курганом № 9, радиоуглеродная дата которого самая ранняя для всех остальных комплексов и составляет 1100 ± 70 лет (*Ibid. Р. 363*). Так, курган № 2 имел 2,2 м в высоту при диаметре 28 м. Курган № 1 имел в высоту более 1,5 м при диаметре 30 м. Следует отметить, что материалы более крупных курганов датируются более поздним временем (начало – первая половина X в. до н. э.) (*Ibid. Р. 336*). Наиболее поздняя дата могильника отмечена в материалах основного погребения № 1 кургана № 2 — 750 ± 45 лет (*Ibid. Р. 363*). Планировка могильника Степной представляется меридиональной и отличается от широтной ориентировки большинства белозерских могильников.

Наиболее крупный из исследованных в Северном Причерноморье Брилевский белозерский могильник располагался в степи, примыкающей к Алепкинским пескам, специфической зоне на юге Херсонской области. Находился на степной возвышенности и входил в состав группы курганов ямнокатакомбного времени (*Евдокимов, 1999. С. 99*). Всего на площади возвышенности (6 га), выступающей на высоту 1 м от окружающей современной поверхности, было исследовано тридцать шесть разновременных курганов, из которых одиннадцать были белозерскими (Там же. С. 100, рис. 1). В межкурганном пространстве сформировался грунтовый могильник белозерской культуры в количестве 170 погребений. Видимые профилированные курганы были расположены по краям грунтового могильника, как бы «замыкая» с северо-запада и юго-востока группы грунтовых захоронений. Высота этих курганов не превышала 1 м. Они содержали преимущественно по одному основному погребению. Лишь в одном из курганов имелось три погребения, а в двух — по два. В данном случае развитие могильника происходило линейно, но неровными, хаотичными рядами. Грунтовые могилы были «привязаны» к курганным насыпям и развивались в направлении восток–запад. Исключение составлял «курган 20», на самом деле представлявший собой два неровных широтных ряда грунтовых погребений, со слившимися материковыми выкидами, а также несколько погребений на периферии могильника, располагавшихся отдельными небольшими группами.

Резюмируя вышеприведенные данные по топографии белозерских могильников, можно определить следующие особенности расположения погребальных комплексов. Доминирует расположение могильников на плато и водоразделах. Там, где имелись профилированные курганные насыпи (Степное, Первомаевка, Хаджиллар, Олэнешть, Алкалия, Дивизия), белозерские могильники имели меридиональную планировку. В тех случаях, где имели место курганно-грунтовые могильники (Широкое, Брилевка Чернянка, Казакия, Будуржель, Кочковатое (?), Васильевка), преобладает широтная ориенти-

ровка рядов погребальных комплексов. Формирование курганных и бескурганных могильников происходит вокруг наиболее крупного по размерам кургана с погребальными камерами больших размеров. В этом плане во всем ареале белозерской культуры отмечается определенная стабильность. Курганный обряд захоронения чередуется с бескурганным, что, возможно, являлось результатом процесса «галытитизации» белозерской культуры в Причерноморье. Белозерские погребения практически отсутствуют в приморской зоне Северного Причерноморья между Днепром Бугом и Днестром. Вместе с тем, там имеются отдельные впускные в более ранние курганы захоронения, которые по ряду признаков можно отнести к белозерскому времени. Днепровское левобережье и междуречье Днестра-Дуная в свою очередь располагало носителей белозерской культуры к долговременному обитанию, следствием которого являются крупные курганный-грунтовые некрополи, фиксируемые в обоих, достаточно удаленных друг от друга, регионах. К середине X в. до н. э. в степном мире происходят кардинальные изменения, связанные с кризисом ряда позднебронзовых культур, соответственно происходят и определенные изменения в погребальном обряде, связанные с переходом к «всадническому» образу жизнедеятельности.

- Агульников С. М.* Впускные погребения белозерского времени в курганах Пруто-Днестровского междуречья // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1999. Вып. III.
- Агульников С. М.* Погребальный обряд Казаклийского могильника белозерской культуры // *Interferențe cultural-cronologice în spațiul Nord-Pontic*. Chișinău, 2003.
- Агульников С. М.* Хронология и периодизация памятников белозерской культуры // *Revista Arheologica*. Chișinău, 2005. Vol. I, № 1. (Serie Nouă).
- Агульников С. М., Бубулич В. Г., Курчатов С. П.* Курганный могильник у с. Хаджиллар в Нижнем Поднестровье // СППК. Запорожжя, 2001. Вып. IX.
- Ванчугов В. П.* Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1990.
- Ванчугов В.П., Субботин Л.В.* Васильевский курганный могильник белозерской культуры на левобережье Нижнего Дуная // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья, Киев 1989, 54-65.
- Ванчугов В. П., Субботин Л. В., Дзыговский А. Н.* Курганы Приморской части Днестро-Дунайского междуречья. Киев, 1992.
- Евдокимов Г. А.* Некоторые итоги изучения материалов Брилевского могильника // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1999.
- Кубышев А. П., Черняков П. Т.* Грунтовый могильник белозерской культуры у с. Чернянка (Херсонская обл.) // СА. М., 1986. № 3.
- Тоцев Г. Н.* Белозерский могильник Будуржель в Нижнем Подунавье // РА. 1992. № 3.
- Agulnikov S.* Necropolă culturii Belozerka de lângă s. Hadjillar // Omagiului G.Simion la 80-a aniversare. Constanța, 2008.
- Vančugov V., Subbotin L.* Noi complexe ale culturii Belozerka în zona dintre Nistru și Dunărea // *Thraco-Dacia*. București, 2000. T. XXI, № 1-2.
- Otroshchenko V.* Radiocarbon chronology of Belozerka Culture based on barrows near the village Zapovitne (The Stepony cemetery) // *Baltic-Pontic studies*. Poznan, 2003. T. 12.

А. Е. Малюкевич, С. М. Агульников

КУРГАННЫЕ НЕКРОПОЛИ ДНЕСТРОВСКОГО ПРАВОБЕРЕЖЬЯ

Топография белозерских могильников предполагала их расположение на плато и водоразделах степных рек и лиманов Причерноморья. Как правило, они формировались возле одного или нескольких курганов более древних культур. Характерной чертой белозерских могильников является их широтная ориентировка, при преобладающей меридиональной ориентировке курганных могильников предшествующих эпох. Наиболее крупными могильниками Дунай-Днестровского региона являются Казакийский, Кочковатовский, Будуржель, Василевский, Таракийский. В Нижнеднепровском регионе это могильники Брилевский, Широчанский, Первомаевский, Степной (Заповитное) и ряд других. Период формирования крупных могильников Белозерской культуры в Причерноморье XI – первой половине X в. до н. э. Отмечается, что во всех случаях формирование могильника происходит вокруг одного или нескольких захоронений, относящихся к категории «богатых».

Ключевые слова: топография, плато, курганы, могильники, формирование

Прибрежные районы Днестровского Правобережья характеризуются большим количеством археологических памятников различных периодов древней истории Северо-Западного Причерноморья. Наиболее изученными являются памятники античной эпохи, что обусловлено местонахождением античной Тирис и одновременными ей поселениями, свидетельствами греческой цивилизации на территории Северо-Западного Причерноморья. Вместе с тем многочисленные курганные могильники, расположенные на плато правого берега Днестровского лимана, в меньшей степени подвергались планомерным археологическим исследованиям, несмотря на то, что раскопки курганов в указанном регионе начали производиться со второй половины XIX в. (курганы у с. Шаболат). Они, по сути, явились первыми археологическими исследованиями курганных древностей Нижнего Поднестровья (*Уваров*, 1856). В 1906 г. Д. Я. Самоквасов исследовал раскопками двадцать насыпей у с. Шаболат и Катаржа Аккерманского уезда Херсонской губернии. В период после II Мировой войны, в 1959 г., раскопки курганов на правобережье Нижнего Днестра возобновились под руководством А. И. Мелюковой. Был исследован позднедрипопольский курган у с. Тудорово (*Мелюкова*, 1962а. С. 74–83), а в 1960 г. были раскопаны еще четыре кургана различных эпох у с. Оланешты, Суворовского (ныне Штефан-Вода) района Молдавии. Три из них были сооружены в эпоху бронзы, а один возведен племенами сарматской культуры (*Мелюкова*, 1962б. С. 30–37). В 1975–1976 гг. наиболее крупные раскопки курганов провел одесский исследователь Л. В. Субботин, раскопавший Семеновский курганный могильник в окрестностях одноименного села в Белгород-Днестровском р-не Одесской области Украины, где получен материал, характеризующий курганные культуры Северо-Западного Причерноморья от усатовской культуры до скифо-сарматских древностей (*Субботин*, 1985. С. 45–95). Широкие исследования курганных могильников Днестровского правобережья провела Суворовская Новостроечная экспедиция под руководством Е. В. Ярового в 1978–1980 гг. У с. Оланешты, Пуркарь и Новые Раскаецы было исследовано семнадцать курганов различных культурно-исторических эпох, от периода позднего неолита до скифо-сарматского времени (*Яровой*, 1990). Работы по исследованию курганов в зонах новостроек Днестровского Правобережья продолжались вплоть до начала 1990-х гг. XX в. Следует отметить исследования кургана Крестовая Могила у с. Староказачье, в результате которых были найдены уникальные антропоморфные стелы ямной культуры (*Гудкова*, 1993. С. 22–28), а также раскопки курганных могильников на территории р-на Штефан-Вода, продолженные Суворовской новостроечной экспедицией под руководством С. М. Агульникова. Это курганные могильники различных культурно-исторических эпох у с. Чобручи, Талмаза, Фештелица (*Агульников*, 1990; 1999. С. 118–133), Хаджиллар р-на Штефан-Вода Республики Молдавия (*Агульников и др.*, 2001. С. 95–115). В результате этих исследований были введены

в научный оборот новые погребальные комплексы, характеризующие всю гамму курганных культур степной зоны Пруто-Днестровского междуречья, начиная от позднего энеолита, заканчивая белозерскими и киммерийскими древностями (*Агульников и др.*, 2001), а также скифо-сарматскими погребальными комплексами (*Агульников*, 1997. С. 278–282).

Курганные могильники Днестровского Правобережья располагались прерывистой цепочкой по краю водораздельного плато второй террасы возвышенного правого берега реки Днестр. Этот водораздел является магистральным. Курганы различных культур и эпох культур образовывали либо компактные однокультурные группы (например, курганы Усатовской культуры у с. Пуркары (№№ 1–6) или же сарматский могильник у с. Фештелица) (*Яровой*, 1990; *Агульников*, 1997. С. 278), либо располагались со значительным интервалом друг от друга, как в курганном могильнике у с. Оланешты. Курганные группы, находившиеся на краю магистрального водораздела, с незначительными отклонениями были ориентированы по линии север-юг. За пределами водораздела курганы, расположенные по течению малых степных рек (Хаджидер, Алкалия, Каплань), ориентированы также, но с более значительным интервалом между курганными группами и отдельными курганами. По мере удаления от устья реки Днестр и Днестровского лимана интервалы между курганными некрополями более продолжительны. Ряд курганов был исследован в последние годы и по берегам Днестровского лимана.

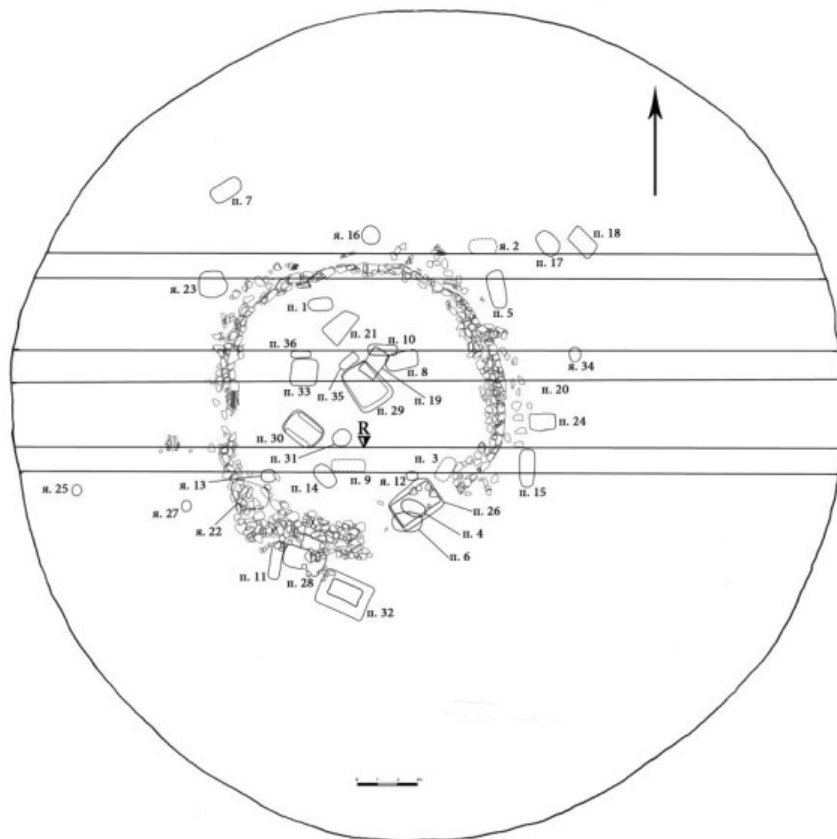

Рис. 1. Общий план кургана 1 у с. Садовое

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. Моложской экспедицией Одесского Археологического музея НАНУ под руководством А. Е. Малокевичча были проведены исследования курганов в окрестностях сел Садовое и Молога, Белгород-Днестровского р-на Одесской области Украины. В результате было раскопано три кургана различных культурно-исторических эпох.

Курган № 1 у с. Садовое (рис.1, 2) исследован в 1990 г. Данный курган входил в группу вытянутых цепочкой курганных насыпей на возвышенном прибрежном плато правого берега Днестровского лимана между селами Молога, Семеновка, Пивденное, на расстоянии 0,5–1 км от линии береговых обрывов. Высота кургана от современной дневной поверхности составляла 3,5 м, диаметр 46 м. В кургане

было обнаружено 35 погребений и пунктов, связанных с поминально-погребальной практикой. Сооружение кургана связано с племенами усатовской культуры, к которой относится десять захоронений данного культурного образования и сложные каменные конструкции в виде кромлеха и крепиды, возведенные в период позднего энеолита. Причем имеются два строительных горизонта, связанных с усатовской культурой. В инвентаре усатовских погребений имелись медные орудия, столовая расписная посуда поздне трипольского типа, украшения в виде бусин и височных колец, антропоморфная пластика, представленная глиняными статуэтками. Следующий горизонт образуют захоронения ямной культуры, представленные ранним и поздним (Буджакским) вариантами. К ямной культуре относятся шесть погребений и с ней связано сооружение двух курганных насыпей. В инвентаре ямной культуры имелась керамика, украшения. Пять впускных захоронений совершены в эпоху средней и поздней бронзы племенами катакомбной культуры и культуры многоваликовой керамики.

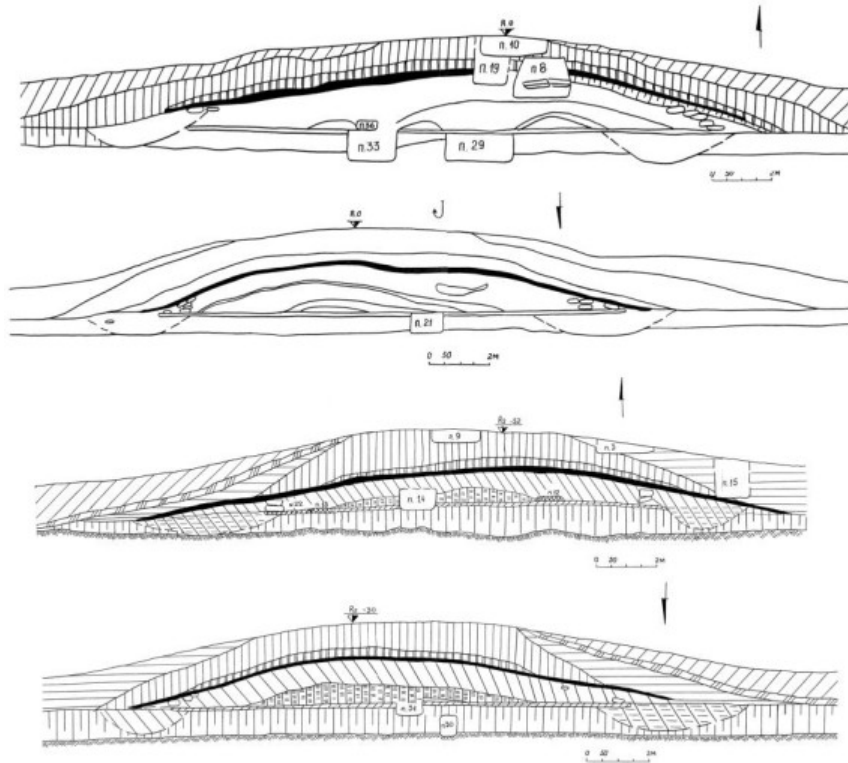

Рис. 2. Профили кургана 1 у с. Саловое

Курган № 1 у с. Молога раскопан в 2000 г. (рис. 3). Высота кургана составляла 0,8 м, насыпь неправильной овальной формы была вытянута по оси север-юг на 26 м, а с запада на восток — на 32 м. В кургане было исследовано 38 погребений различных культурно-исторических эпох. Предварительная информация о данном памятнике была в свое время опубликована (Малюкевич, Субботин, 2002. С. 50–52). Наиболее ранним в кургане № 1 у с. Молога являлось погребение № 35, относимое нами к суворовской культурной группе, которое, по сути, являлось грунтовым (бескурганым). Спустя определенный период на этом же месте были совершены погребения №№ 3а, 16, 32, представляющие культурную группу периода позднего энеолита Хаджидер–Животиловка–Чернавода-I, с которыми связано возведение первоначальной насыпи кургана и сооружение кольцевого рва. Следующий хронологический горизонт представлен усатовскими погребениями №№ 6, 12, 18, 21, 24, 25, 26, 28–30, 33, 34, 36–38. С ними связан кольцевой кромлех, окружавший первоначальную насыпь.

Сооружение III насыпи связано с погребением № 4 ямной культуры. В дальнейшем в эту насыпь были впусканы ямные погребения №№ 1, 5, 9, 27, 31. Далее было совершено погребение № 3 катакомбной культуры. Очередной хронологической группой являлись впускные захоронения позднего бронзо-

вого века №№ 1, 8, 19. Погребения №№ 2, 7, 11, 23 совершены в насыпи кургана в первые века н. э. Наиболее поздними в кургане являются ногайские захоронения №№ 17, 22 и погребение № 20, совершенное по христианскому обряду.

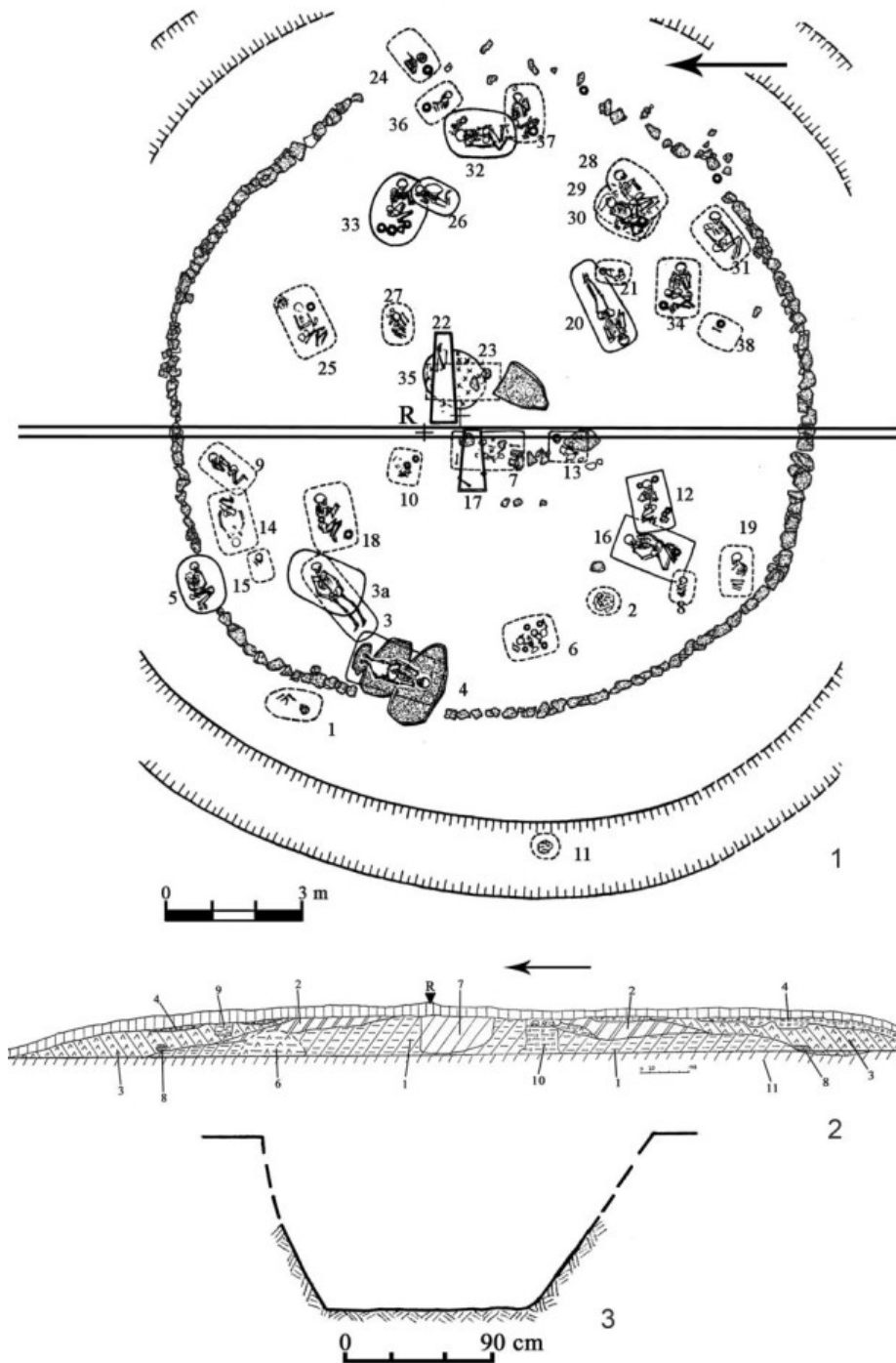

Рис. 3. План и профиль кургана 1 у с. Молога

Курган № 2 у с. Молога (рис. 4) исследован в 2004 г. Высота кургана 0,8 м от уровня древней дневной поверхности и 1,75 м от уровня материка. Диаметр кургана 42 м. В результате раскопок было исследовано 165 захоронений различных культурно-исторических эпох. Курган возведен племенами ямной культуры. Всего в кургане имелось двадцать три захоронения периодов ранней–средней–поздней бронзы и 142 позднекочевнических погребения, связанных с ногайцами (Малюкевич, Агульников, 2005; 2013). В инвентаре ямных погребений имелись сосуды (банки, миниатюрные амфорки, горшки) со

пнуровым орнаментом. Интерес представляет небольшой могильник эпохи поздней бронзы, состоящий из пяти захоронений с материалами переходного этапа от сабастиновской к белозерской культуре, впущенный в юго-восточную полу кургана № 2 у с. Молога. 142 впускных погребения позднего средневековья совершены ногайцами, кочевавшими в XVI–XVII вв. поблизости от Аккерманской крепости. В какой-то степени время функционирования позднесредневекового могильника датирует находка монеты — серебряного денария Максимилиана II (1564–1576 гг.) периода существования Священной Римской империи (Малюкевич, Гизер, 2016. С. 321).

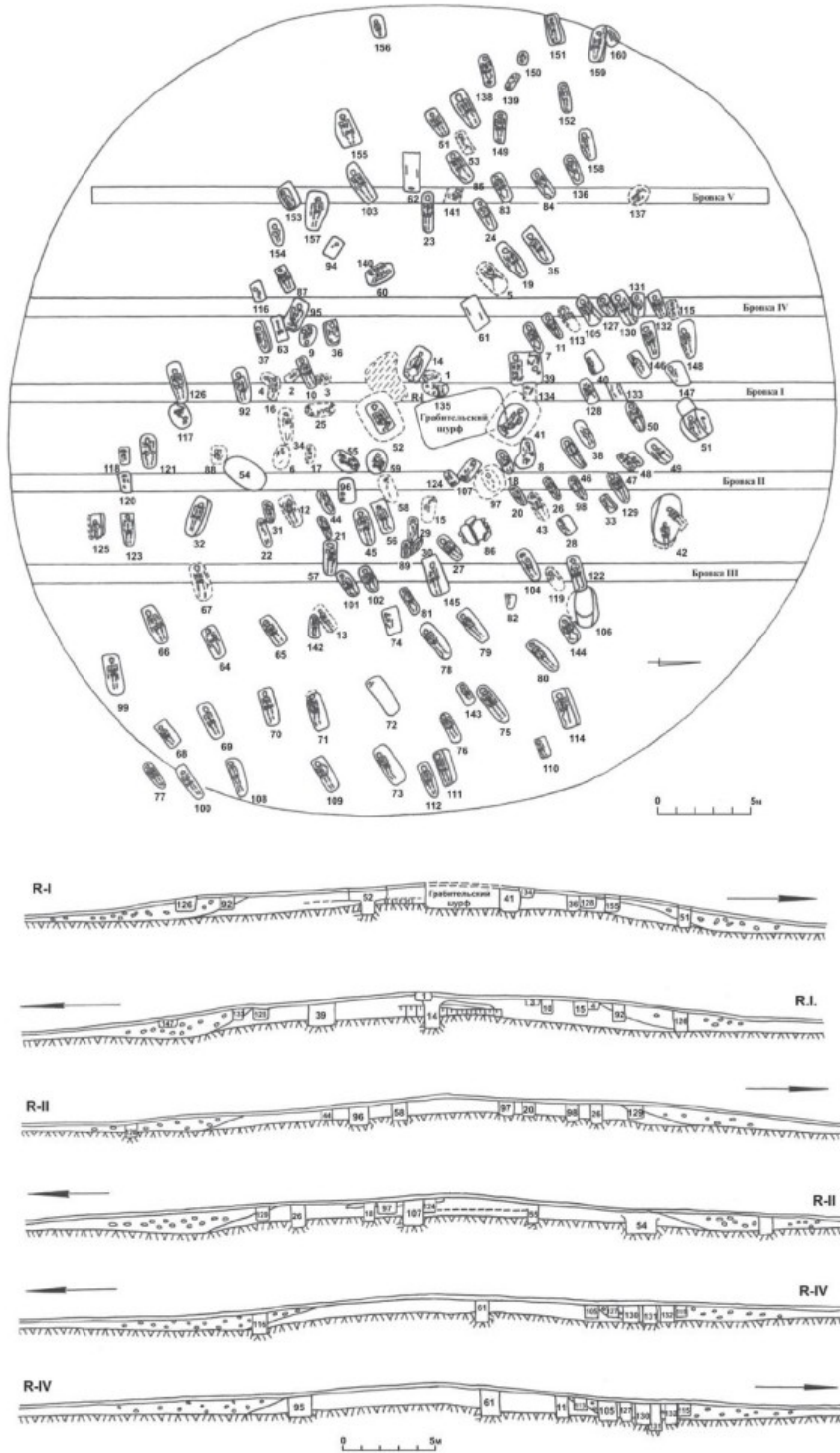

Рис. 4. План и профили кургана 2 у с. Молога

Таким образом, курганы у сел Садовое и Молога на правом берегу Днестровского лимана служили погребальными сооружениями длительный период: с эпохи позднего энеолита — ранней бронзы вплоть до позднего средневековья. Такая же ситуация отмечается и в других курганных могильниках Днестровского Правобережья. В материалах, исследованных в курганах Днестровского правобережья, отражен практически весь диапазон культур древнейших кочевников и скотоводов Северо-Западного Причерноморья.

-
- Агульников С. М.* Отчет о полевых исследованиях Суворовской новостроечной экспедиции в 1989 году // Архив МНАИМ. Кишинев, 1990. № 267.
- Агульников С. М.* Сарматские курганные могильники в Нижнем Поднестровье // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 1997.
- Агульников С. М.* Новые комплексы Катакомбной культуры из Нижнего Поднестровья // ССПК. Запоріжжя, 1999. Т. VII.
- Агульников С. М., Бубулич В. Г., Курчатова С. П.* Курганный могильник у с. Хаджиллар в Нижнем Поднестровье // ССПК. Запоріжжя, 2001. Т. IX.
- Гудкова А. В.* Курган Крестовая Могила // Древности Причерноморских степей. Киев, 1993.
- Мелюкова А. П.* Курган усатовского типа у с. Тудорова // Памятники первобытной культуры. М., 1962. КСИА. Вып. 88.
- Мелюкова А. П.* Курганы эпохи бронзы у с. Оланешты // Северное Причерноморье в скифо-сарматское время. М., 1962. КСИА. Вып. 89.
- Малюкевич А. Е., Агульников С. М.* Раскопки кургана № 2 у с. Молога // Revista Arheologica. Chişinău, 2005. № 1. Serie Nouă.
- Малюкевич А. Е., Гизер С. Н.* Домусульманские черты в погребальном обряде ногайского могильника у с. Молога // Стародавнє Причорномор'я. Одесса, 2016. Т. XI.
- Малюкевич А. Е., Субботин А. В.* Раскопки усатовского кургана № 1 в с. Молога // Археологічні відкриття в Україні в 2000–2001 рр. Киев, 2002.
- Субботин А. В.* Семеновский могильник эпохи энеолита–бронзы // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1985.
- Уваров С. А.* Исследования о древностях Южной России и Черного моря. СПб., 1856. Вып. 2.
- Яровой Е. В.* Курганы энеолита – бронзы Нижнего Поднестровья. Кишинев, 1990.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ТУВЫ ОТ ДРЕВНОСТИ ДО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Погребальные памятники Тувы эпох неолита и ранней бронзы исследованы в недостаточной степени, но даже по имеющимся данным можно говорить о сложении определенных черт погребального обряда, которые находят свое развитие в последующие эпохи. В первую очередь, это наличие каменных наземных сооружений. В эпоху поздней бронзы широкое распространение имеют памятники монгун-тайгинской культуры, на основании которой формируется обряд культур скифского типа — алды-бельской и уюкско-саглынской. В гунно-сарматское время число погребальных памятников уменьшается и практически исчезает четкость в конструкции курганов. Новый всплеск курганной архитектуры наблюдается в эпоху средневековья, когда опять создаются большие некрополи с высокими курганами и различными геометрическими поминальными сооружениями.

Ключевые слова: Тува, курганы, верхнеенисейская неолитическая культура, афанасьевская, окуневская, монгун-тайгинская, алды-бельская, уюкско-саглынская культуры, хунну, кокзальская культура, древние тюрки, кыргызы

Визуально надмогильные сооружения в Туве атрибутировать достаточно трудно. В подавляющем большинстве это каменные наброски, иногда окруженные кольцом или ровиком, иногда нет и таких признаков, что приводит к курьезам, когда за курганы принимаются кучки камней, возникшие на древних полях в результате проведения оросительных каналов. Тем не менее, в некоторых случаях такие невзрачные каменные наброски являются весьма любопытными археологическими объектами. Так, в нижнем неолитическом слое стоянки Тоора-Даш цепочка из каменных сооружений определенно была либо надмогильными сооружениями, либо поминальниками (рис. 1, 1). Под ними в ряде случаев можно было проследить выкопанные ямы и также обнаружить инвентарь — отщепы халцедона, гарпун, фрагменты керамики, из которых удалось отреставрировать целый сосуд. Здесь не было человеческих костей, по-видимому, несохранившихся в пойме Енисея, но аналогичные курганчики, обнаруженные на стоянке Азас 2 в Тодже (рис. 1, 2), принесли очевидные доказательства того, что это погребальные памятники (Семенов, 1992. С. 18–19, рис. 3).

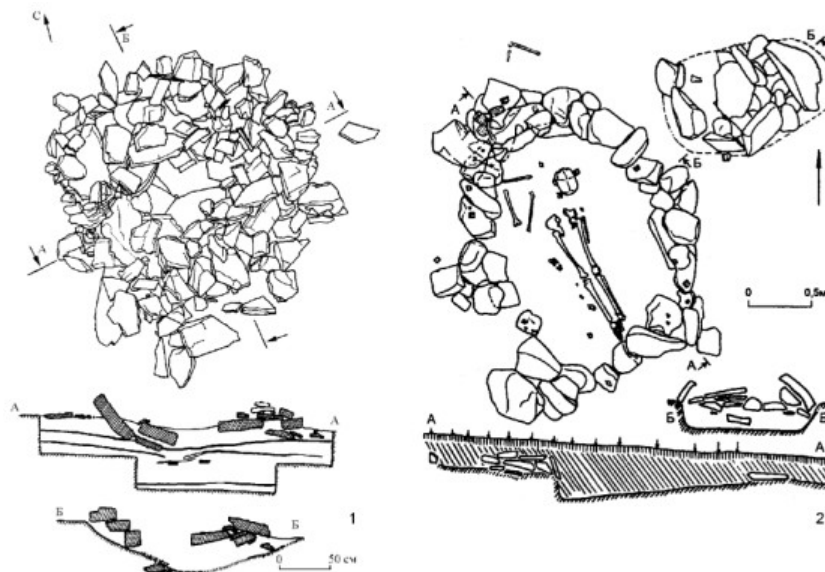

Рис. 1. 1 — сооружение в первом культурном слое стоянки Тоора-Даш (верхнеенисейская неолитическая культура); 2 — погребение на стоянке Азас II (культура окуневского типа)

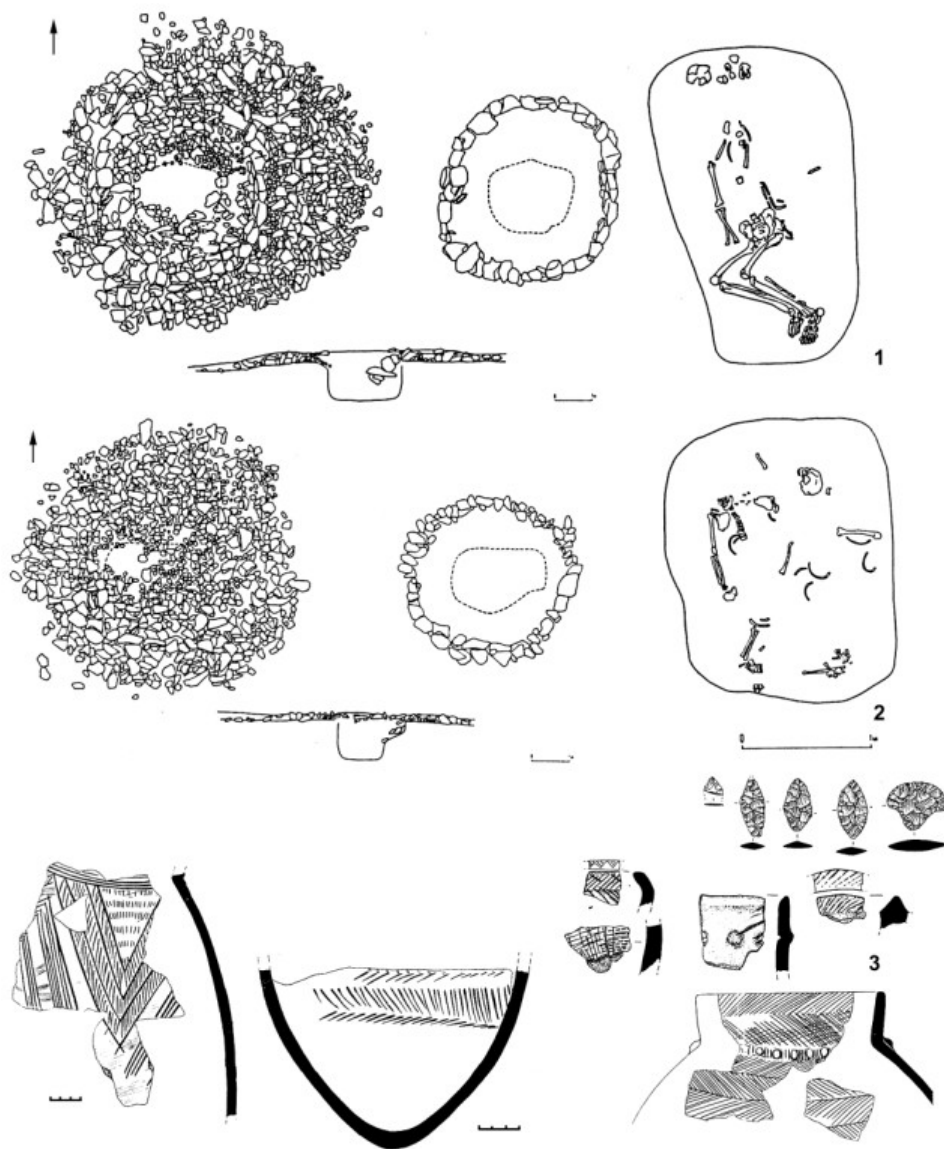

Рис. 2. Могильник Хайыракан 1. Афанасьевская культура

Смена верхнеенисейского неолита произошла в конце III тыс. до н. э. На Тоора-Даше неолитические слои были перекрыты слоем афанасьевской культуры, а у горы Хайыракан раскопаны курганы соответствующего времени (рис. 2) (Рева, 1995. С. 17–22). Признаки этих курганов не отчетливы. Это по сути дела те же каменные наброски над неглубокими грунтовыми могилами, но уже окруженные кольцевой выкладкой. То есть, появляется некоторая погребальная конструкция. В надмогильных сооружениях между камней и под камнями на горизонте обнаружена керамика афанасьевского облика и кремневые наконечники стрел, тогда как сами захоронения оставались безынвентарными. Погребенные лежали скорчено и были засыпаны охрой. Подобные памятники были исследованы В. В. Волковым у Баян-Хонгора в Монголии (Волков, 1980. С. 13–16). По-видимому, в Центральной Азии существовал особый вариант афанасьевской культуры (отличный от минусинского и алтайского), для которого характерно влияние культуры местного этнического субстрата, хоронившего без сопроводительного инвентаря, но оставившего керамику и какие-то иные вещи (кремневые наконечники стрел и т. п.) в каменных надмогильных сооружениях.

Окуневская культура в том виде, в каком она на ранних этапах своего существования выделяется в Туве, может рассматриваться как производное местного неолитического населения, вступающего в более или менее близкие контакты с проникающими за Саяны носителями афанасьевской культуры. Вероятно, ранее всего афанасьевцы появились в Центрально-Тувинской и Уюкской котловинах, тогда как

в Туве их влияние могло быть не столь существенным, о чем свидетельствуют некоторые черты неолитических традиций в погребальном обряде, описанные выше. Но вскоре захоронения в грунтовых ямах и каменных ящиках становятся характерными и для окуневской культуры в Туве. К сожалению, таких погребений известно все еще очень немного. Первое из них раскопано С. И. Вайнштейном на р. Уюк в 1953 г. (*Вайнштейн*, 1954. С. 142). Здесь в грунтовой яме обнаружен глиняный сосуд, соотносимый с керамическим комплексом из седьмого слоя стоянки Тоора-Даш (второй этап культуры окуневского типа в Туве).

Второе погребение подобного рода, со скорченным костяком, открыто М. Х. Маннай-оолом на р. Тарлышкын в бассейне р. Тес-Хем. Костяк ориентирован головой на запад. При погребенном находился бронзовый нож, каменный жезл с головой лося, ковш, вырезанный из бедра крупного животного (*Маннай-оол*, 1963. С. 244–245). Над могилой был сооружен небольшой каменный курганчик. Отсутствие керамики затрудняет определение культурной принадлежности тарлышкынского комплекса. По составу бронзы ножа или кинжала А. Р. Кызласов датировал это погребение серединой — третьей четвертью II тыс. до н. э. и синхронизировал его с андроновской культурой на Енисее (*Кызласов*, 1979. С. 26), что соответствует времени существования второго этапа окуневской культуры в Туве. К окуневской культуре относил тарлышкынский погребение и Н. В. Леонтьев (*Леонтьев*, 1975. С. 63–67).

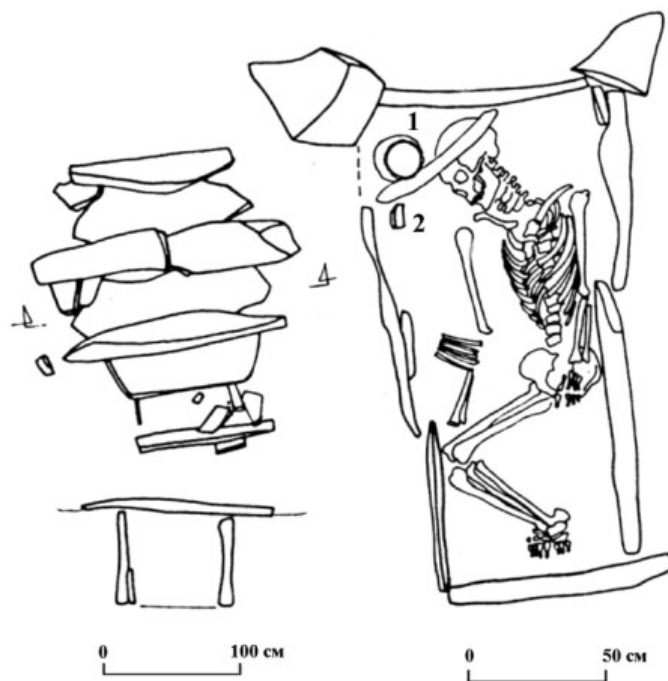

Рис. 3. Могильник Аймырлыг XIII погребение 8 (культура окуневского типа)

Как бы там ни было, но уже на основании только этих двух памятников можно говорить об изменениях в нормах погребального обряда, происшедших в это время в Туве, так как в погребения теперь помещается сопроводительный инвентарь, в том числе и керамика. Еще более отчетливые изменения демонстрируют окуневские некрополи на могильном поле Аймырлыг. Здесь в пунктах XII, XIII и XXVII было раскопано несколько погребений в каменных ящиках (при этом надмогильные сооружения отсутствовали) (рис. 3). Пункты Аймырлыг XII и XIII открыты в 1972 г., пункт Аймырлыг XXVII в 1979 г. Могильники располагались на небольших останцах, прилегающих с запада к террасе реки Чаа-Холь. Судя по отчетам и фотографиям, концы плит каменных ящиков выступали над поверхностью почвы. Другими словами, ящики были впущены в сравнительно неглубокие ямы. Перекрытия ящиков сохранились не во всех случаях. В трех из шести раскопанных могилах костяки были ориентированы головой на северо-восток, в других трех — на северо-запад, все в скорченном положении на правом боку. Погребальный инвентарь включал в себя керамические и каменные сосуды, мелкие изделия из бронзы, украшения (*Стамбульник, Чузунов*, 2006. С. 295–302). Ориентация на северо-восток и северо-

запад в какой-то мере соотносится с подобной биполярностью в ориентации погребенных в афанасьевских могилах Монголии, о которых говорилось выше, где из шести погребений четыре были ориентированы на восток и два — на запад. Учитывая определенный хронологический разрыв и культурные отличия обоих памятников, не следует забывать заключения антропологов, свидетельствующие, что и там, и там похоронены люди афанасьевского антропологического типа (Гожман, 1980; Алексеев и др., 1987).

Открытие погребений в каменных ящиках эпохи бронзы на Аймырлыге позволило А. М. Мандельштаму сделать вывод о длительном переживании погребальных черт окуневской культуры в Туве вплоть до эпохи ранних кочевников. К таким чертам он относил устройство и форму каменных ящиков, расположение скелетов на боку и их ориентировку. На этом основании А. М. Мандельштам говорил о «возможности существования генетических связей между населением “скифского” периода и носителями культуры окуневского типа» (Мандельштам, *Стамбульский*, 1980. С. 53). Этому не противоречат и данные антропологии, согласно которым население скифского времени в Туве является наследником предшествующих ему «окуневцев» (Гожман, 1980). Об этом говорит и тот факт, что курганы алды-бельской культуры также представляют собой своеобразные кладбища, но в отличие от захоронений на Аймырлыге они были окружены каменными оградами и перекрыты каменной наброской.

На этом фоне, наверное, приобретает значение и другие, казалось бы, незначительные свидетельства преемственности между культурами бронзового и раннежелезного периодов в Туве. Построенная на базе данных многослойной стоянки Тоора-Даш колонная секвенция позволяет вычлениить некоторые «сквозные», переходящие из одного периода в другой общие идеи, отраженные в памятниках материальной культуры.

В седьмом слое стоянки (второй этап окуневской культуры, синхронный захоронениям в каменных ящиках Аймырлыга) было выявлено несколько очагов с кольцевым или прямоугольным в плане ограждением из камней, служивших для каких-то культовых целей. Вероятно, очаги использовались эпизодически, так как здесь нет мощных зольных или углистых накоплений, но встречаются мелкие жженные кости и иногда фрагменты керамики. В одном из таких очагов находились фрагменты гладкостенного баночного сосуда, типологически сходного с посудой алды-бельской или тагарской культур. Прямоугольные и круглые в плане ограждения вокруг очагов или просто каких-то мест встречались в девятом культурном слое Тоора-Даша (предскифское время), а затем в десятом слое, который содержал разнообразные находки скифского времени.

Если принять во внимание все эти аргументы, в том числе и происхождение определенных норм погребального обряда, восходящих к окуневской культуре, то следует признать, что параллельно с окуневской традицией существовала другая линия развития, связанная с безынвентарными захоронениями. На каких-то этапах эти линии перекрещивались, но окончательно не сливались. Но прежде следует рассмотреть еще один тип памятников эпохи бронзы — каменные геометрические конструкции, исследованные на могильнике Аргалыкты на Енисее, на могильниках около пос. Усть-Элегест в Центральной Туве, в Уюкской котловине и на крайнем западе Тувы и имеющие аналогии на Восточном Алтае.

Эти конструкции связаны как с окуневской, так и с монгун-тайгинской культурами и в какой-то мере демонстрируют сближение, если не соединение двух культурных традиций в Туве. В долине р. Уюк большие прямоугольные ограды в разных местах исследовались А. В. Адриановым, С. А. Теплоуховым и А. М. Мандельштамом. Подобное описание первых двух было приведено А. Р. Кызласовым (*Кызласов*, 1979. С. 25).

Информация об ограде, раскопанной А. М. Мандельштамом у деревни Малиновки, попала только в сборник «Археологические открытия 1977 года», но она может быть расширена благодаря сохранившимся фотографиям, которые были сделаны автором в процессе раскопок этого памятника. Малиновская ограда расположена у подножия горы Чидаллыг-Тей и имела размеры 17 × 13 м. Она вытянута в направлении восток-запад. С восточной стороны в ограду вел каменный коридор, в котором была захоронена собака. Вся площадь сооружения имела сплошную вымостку из плашмя уложенных плит. После их удаления появились частично сохранившиеся вертикально установленные камни внутренних перемычек. В центре сооружения была локализована линза кальцинированных костей размером приблизительно 1,2 × 0,8 м. Рядом лежала каменная ступка. В разных частях сооружения, но главным образом

около восточной и западной стенок, обнаружены скопления богато декорированной керамики. При раскопках стоянки Тоора-Даш аналогии этой керамики были найдены в седьмом культурном слое, и таким образом удалось установить, что Малиновская ограда и другие подобные ей сооружения появились на втором этапе окуневской культуры в Туве. Чем являлись эти сооружения для их создателей, сказать сейчас трудно. Принимая во внимание видовой состав домашних животных (овца/коза, бык, конь), кости которых обнаружены внутри ограды, раскопанной А. В. Адриановым (1915–1916), можно предположить, что на каких-то этапах своего существования они использовались как культовые площадки для жертвоприношений, и смысл ритуала может быть приоткрыт текстами гимнов Ригvedы (Семенов, 1997. С. 32).

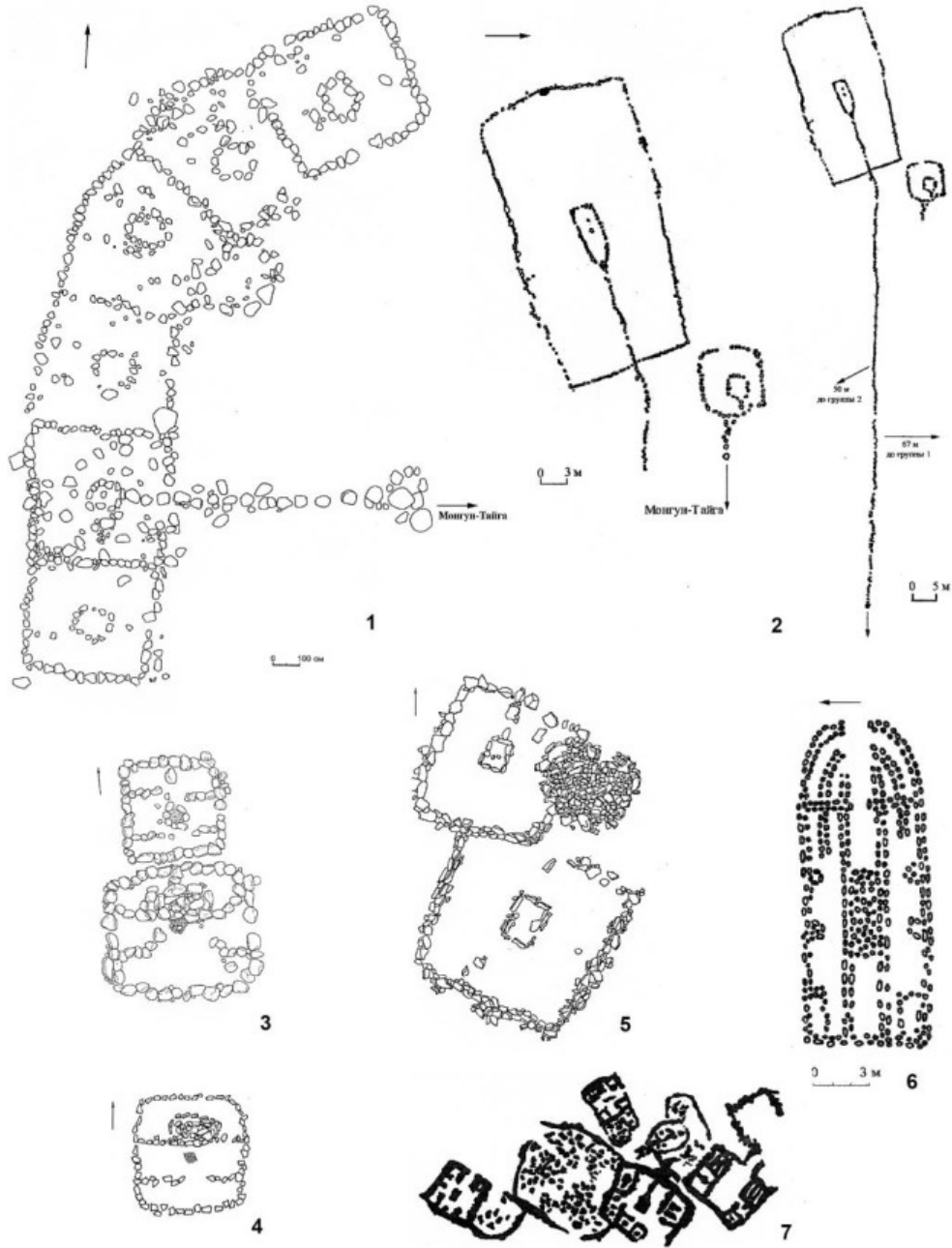

Рис. 4. Геометрические выкладки эпохи бронзы: 1 — Каменные конструкции на излучине Моген-Бурена; 2, 3 — Терге-Кежиг; 4 — Узунтал IV; 5 — Барлык II; 6 — Аргалыкты; 7 — Мугур-Саргол, наскальные изображения геометрических конструкций

Распространение каменных ритуальных выкладок в различных горностепных районах Саяно-Алтая позволяет предположить и столь же широкие хронологические рамки их бытования (рис. 4). Памятники подобного рода в Туве были исследованы Ю. И. Трифионовым у хребта Аргалыкты (Трифионов, 1966.

С. 26), Л. И. Ревой на р. Барлык (*Савинов, Рева, 1993*), Вл. А. Семеновым в долине р. Моген-Бурен (*Семенов, 1997*). По своим конструктивным особенностям они отличаются от Малиновской ограды. Как правило, они выложены из валунов средней величины, иногда имеют трехчастную структуру. В центре оградок выложены имитации очагов или каких-либо других каменных сооружений. Оградки, аналогичные тувинским, были исследованы и на Алтае — в долине р. Елангап (*Окладникова, 1986*), на р. Бугузун (*Савинов, Рева, 1993*), на могильники Ирбисту 1 (*Суразаков, 1988*). Их датировки проблематичны, но в некоторых случаях, например, на р. Барлык, в этих оградах была найдена керамика с гребенчатой орнаментацией, что позволяет синхронизировать эти ограды с Малиновской. На Моген-Бурене и Бугузуне подобные конструкции были пристроены к курганам с погребениями монгун-тайгинского типа. С монгун-тайгинской культурой сопоставляя эти сооружения и К. В. Чугунов, включая сюда и некоторые типы керексурсов (*Чугунов, 1994. С. 43–53*).

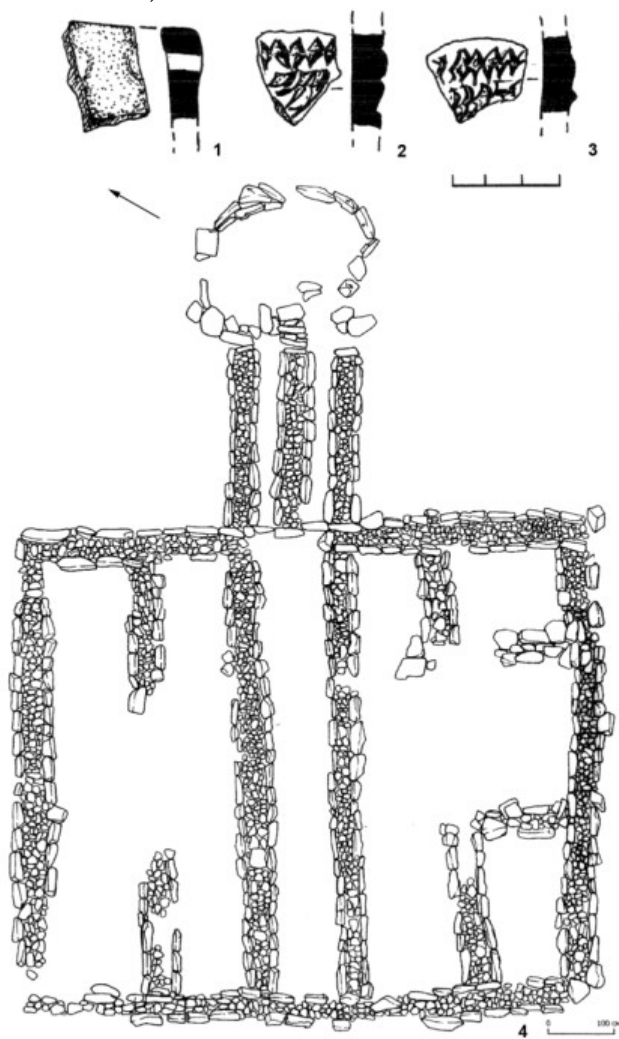

Рис. 5. Выкладка «храм» у горы Шолде-Тей и керамика из этой выкладки

Каменная выкладка была исследована нами у горы Шолде-Тей (рис. 5), где было зафиксировано большое количество петроглифов, которые можно отнести к эпохе бронзы и скифскому времени (около тысячи фигур). Шолде-Тей — это отдельно стоящая гора в центре широкого Куйлухемского плато, со всех сторон окруженная курганными сооружениями различных исторических эпох. Гора образует амфитеатр, обращенный к Енисею. У его подножия сооружен большой керексур, окруженный небольшими кольцевидными выкладками. В 300 м на восток от него стоит вертикальный заостренный камень, по своей форме напоминающий оленные камни, известные в Туве в раннескифское время, но без изображений. Между керексуром и камнем на одной линии находится геометрическая выкладка, которую мы условно назвали «храм». Она сделана на поверхности земли из небольших вертикально

поставленных камней, составляющих прямые дорожки, забутованные мелкими гальками белого цвета. В планиграфии выкладка представляет собой правильный прямоугольник, разделенный дорожками на отсеки; с северо-востока центральная дорожка заканчивается кругом. В заполнении выкладки между камней найдены фрагменты керамики эпохи бронзы и кремневые отщепы. Уникальным является то, что на западной плоскости Шолде-Тея зафиксированы выбитые круглые углубления и геометрические знаки в виде прямоугольника, напоминающие нашу выкладку.

Параллельно ли с окуневской традицией существовала практика сооружения культовых геометрических памятников в монгун-тайгинской культуре или здесь следует видеть культурную преемственность? Почти во всех раскопанных оградках встречаются следы огня, мелкие кальцинированные кости, трехчастное или двухчастное деление, ориентация запад-восток. Восточная сторона является «главной», хотя в некоторых случаях маркируются и противоположные точки на западной «стенке» выкладок. С восточной стороны же устраивались или полукруглые, или прямоугольные «апсиды» (Аргалыкты, Ирбисту 1, Елангащ, Моген-Бурен), вертикальные камни-стелы и каменные дорожки (Моген-Бурен), «коридоры» (Малиновка). Внутри оградок, ближе к северной стенке, встречаются овальные каменные выкладки, в центре — очаги прямоугольной формы или их имитации. На могильнике Красная Горка 3 около пос. Усть-Элегест (Центральная Тува) под курганами монгун-тайгинской культуры и рядом с ними был обнаружен целый комплекс поминальных оградок прямоугольной формы, заполненных мощным слоем пережеванных костей животных. От оград на восток шли длинные дорожки вертикально вкопанных плит. Размеры оград от 15 × 10 м до 1,5 × 1,5 м. От ограды № 30 на восток шла цепочка из 114 камней длиной 80 м.

Культовый характер целого ряда геометрических наземных конструкций дублируется сюжетами петроглифов Мугур-Саргола. Здесь на многих камнях представлены так называемые «дома» и «загоны» (*Дзвлет*, 1976. С. 26, 27), конфигурация которых в ряде случаев соответствует планиграфии рассматриваемых памятников (рис. 4, 7). Такие соответствия не могут быть случайными. Особенный интерес здесь представляет наличие личин, вписанных в композиции, составленные из примыкающих друг к другу изображений «оградок» (Мугур-Саргол, камни №№ 97, 283 и др.). Во-первых, они косвенно датируют подобные конструкции, возведенные на земле из камня, во-вторых, соответствуют действительным реалиям, таким как наличие камня с антропоморфным изображением в «алтарной» нише жилища № 1 на поселении Торгажак (*Савинов*, 1996. С. 29). Учитывая находки декорированных галек на Торгажаке, Тоора-Даше и Этекшиле в Туве, можно представить себе определенное единое мировоззрение, сложившееся на Саяно-Алтае в конце бронзового века и в периоды, непосредственно предшествующие появлению культур скифо-сибирского круга. Торгажакская вапиковая керамика относится, по мнению ее исследователя И. П. Лазаретова, к каменноложскому этапу карасукской культуры (или к лугавской культуре) и ведет свое происхождение «из районов Центральной Азии, лежащих к югу от Саян, включая и Туву» (*Лазаретов*, 1996. С. 33–37), что позволяет нам использовать материалы этого уникального памятника для реконструкции культурных состояний в Туве и на прилегающих территориях, тем более, что, согласно данным антропологии, погребения монгун-тайгинского типа оставлены населением, близким по своему облику карасукской популяции Минусинской котловины.

Настоящие курганные культуры появляются в Туве только в эпоху поздней бронзы. Они представлены безы Inventарными погребениями монгун-тайгинского типа. Курганы монгун-тайгинской культуры возведены по определенному канону. Это уже курганная архитектура, а не каменная наброска. Эта архитектура развивалась длительное время, и курганы монгун-тайгинской культуры трудно спутать с другими, хотя, конечно, встречаются и атипичные конструкции.

Самые ранние курганы этой культуры представлены каменной выкладкой, окруженной оградой с погребением в неглубокой вытянутой грунтовой яме, перекрытой плитами (рис. 6). К ним относятся памятники на могильнике Бай-Даг III, Сут-Холь 59–9 и Сут-Холь 59–15 (сразу надо отметить ориентировку сут-хольских захоронений в юго-западный сектор); Аргалыкты I, II; Урбюн I, II, III; Куйлуг-Хем I–14, 21; Эрзин 1–1, 2 и другие (подробную сводку памятников монгун-тайгинского типа см. в статье *Чугунов*, 1994. С. 43–53). Погребенные лежат на боку с чуть согнутыми в коленях ногами и головой на

запад. Иногда под одним курганом бывают две ямы. Инвентарь отсутствует, но находки кремневых наконечников стрел в костях погребенных на могильнике Бай-Даг III позволяют отнести такие могилы к концу карасукского времени, то есть концу II – началу I тыс. до н. э.

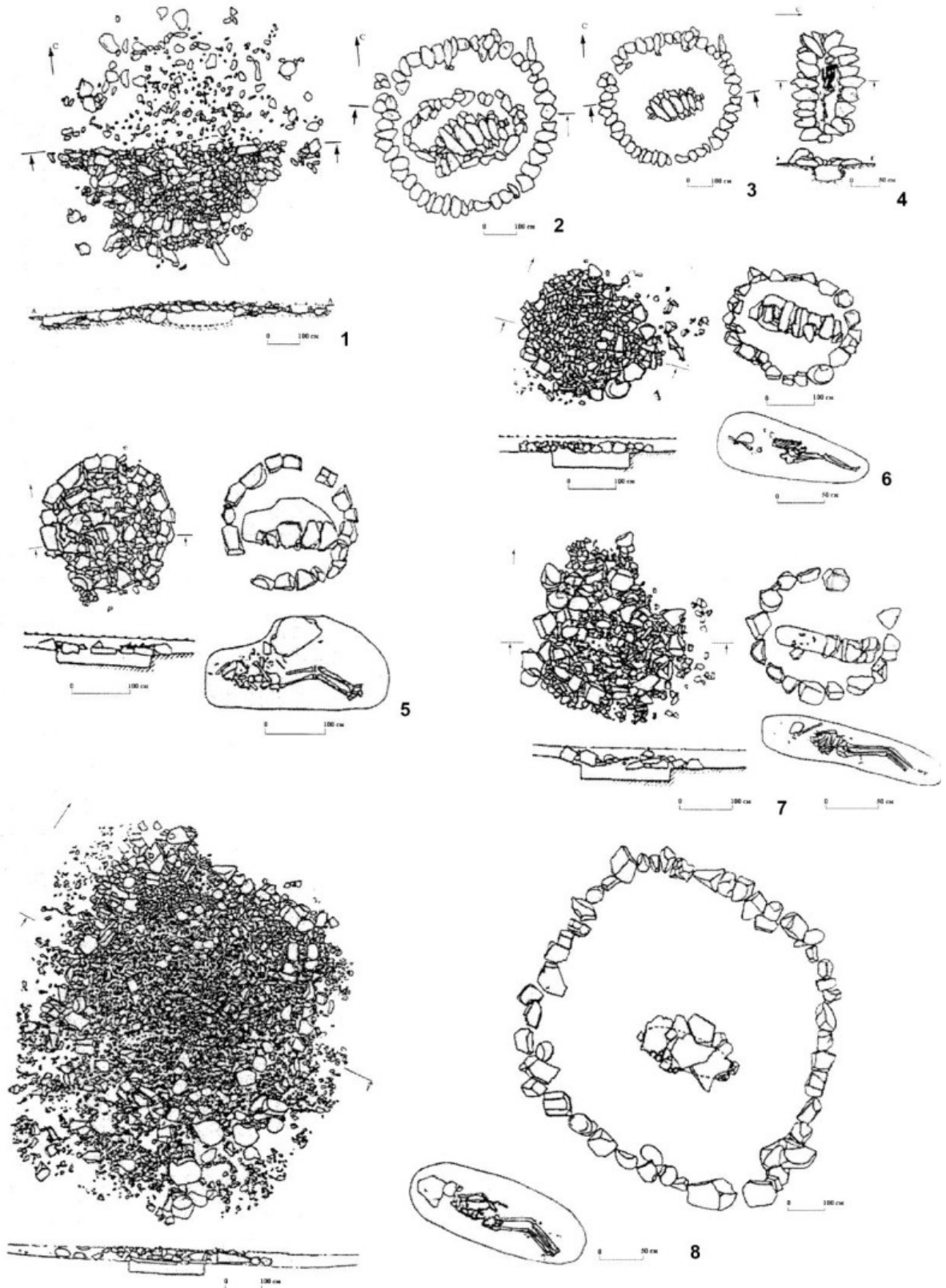

Рис. 6. Курганы монгун-тайгинской культуры на могильниках Торгалык 2 (1–4) и Бай-Даг III (5–12)

Позднее или одновременно с грунтовыми могилами появились ямы, обложенные по периметру плоскими камнями. Подобные погребения были исследованы на могильниках Торгалык 2, Баян-Кол (раскопки Вл. А. Семенова), Сут-Холь (раскопки А. Д. Грача, 1962 г.) и др. Можно допустить, что в ряде случаев на такие особенности исследователи не обращали внимания. Этот тип погребений рассматривается как этапная стадия при переходе от захоронений в неглубоких ямах к захоронениям в невысоких цистах на горизонте. Как вариант можно рассматривать погребение в узкой яме, обставленной внутри плитами на могильнике Аргалыкты (раскопки Вл. А. Семенов, 1991 г.). Такие цисты раскопаны в Монгун-Тайге, на могильнике Торгалык 1, с погребениями на боку со слабо согнутыми ногами, так и на спине, вполоборота. В одной из таких низких цист на Торгалыке 1, курган № 1 было захоронено два человека. Разграбление цисты не позволяет с уверенностью говорить о положении погребенных, но по положению длинных костей ног можно догадаться, что оба они лежали на правом боку с вытянутыми, а не согнутыми в коленях ногами.

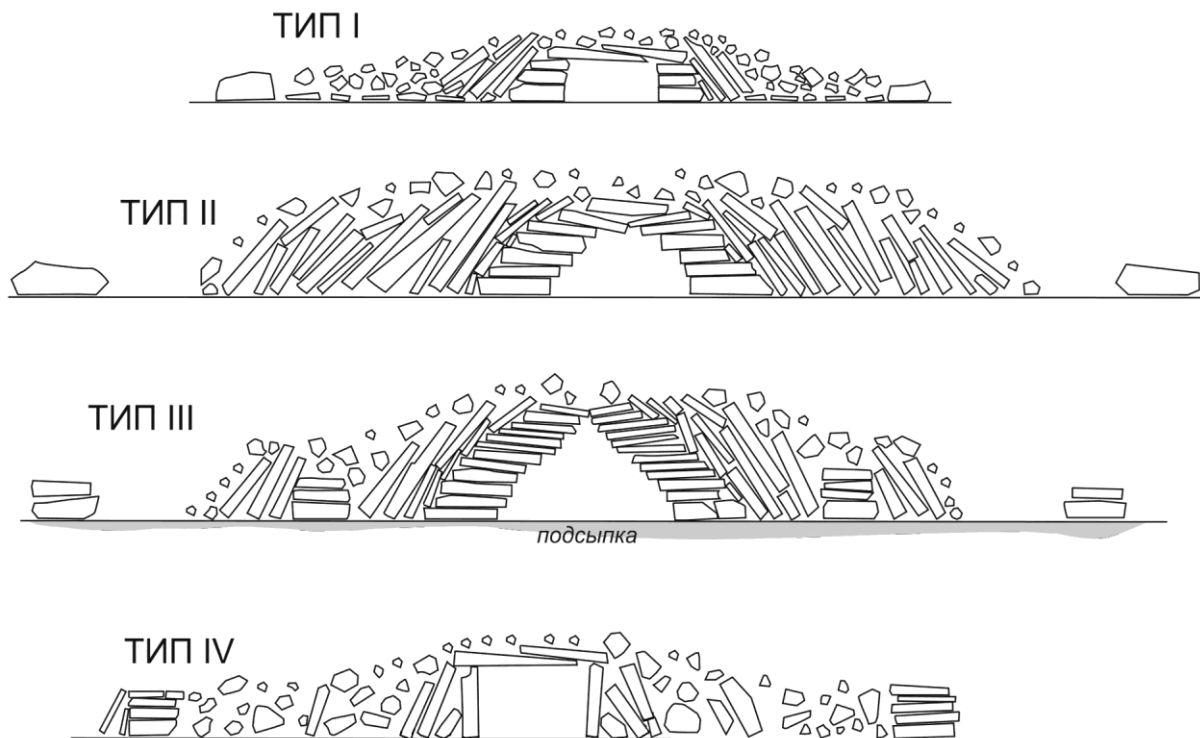

Рис. 7. Типы сооружений монгун-тайгинской культуры

Этот опыт приводит к появлению низкой цисты, сложенной в два-три слоя, стоящей на уровне древней дневной поверхности, и к отказу от погребения в ямах. Но встречаются цисты из плит, поставленных на ребро, для установки которых необходимо было вырыть неглубокую яму, и тогда усопший может оказаться немного ниже уровня древней дневной поверхности. Но циста является «саморазвивающимся объектом» (рис. 7). Они постепенно увеличиваются в размерах. Поставленную в центре кургана цисту перекрывают тяжелыми массивными плитами, уложенными в несколько слоев, ее стенки обкладывают горизонтально положенными в несколько рядов камнями. Уже эту обводную стенку зачастую подпирают контрфорсы или крепида из вертикально поставленных или просто очень крупных камней. В ряде случаев отмечено по две параллельные стенки вокруг цисты, сложенные горизонтально из плит. Каждая из этих стенок укреплена вертикальными камнями. Вокруг этого монументального сооружения на некотором расстоянии сооружается каменная ограда округлой или подквадратной формы. Захоронения в высоких цистах распространены в Туве на значительной территории. Курганов с такими цистами довольно много в Монгун-Тайге, Овюрском и Эрзинском районах Тувы. В последнем из них у горы Ямалык цисты помещались в центре оград с «лучами», то есть эти курганы подпадают под опреде-

ление керексуров. Высокие цисты раскопаны на могильниках Куйлуг-Хем, Демир-Сут, Чарга. В 2015 г. на могильниках Красная Горка 2 и 3 около пос. Усть-Элегест на левом берегу Енисея был раскопан целый комплекс таких захоронений.

Рис. 8. Могильник Аргалькты. Алды-бельский курган (1) перекрывает сооружение монгун-тайгинского типа (2); 3–10 — погребения в алды-бельской ограде; 11 — погребение в монгун-тайгинской ограде; 12 — бронзовое зеркало из алды-бельской ограды

На ранней стадии пространство между центральным сооружением и оградой закладывалось камнями в один-два слоя, и получалась платформа. Затем на пространстве между цистой и оградой появляются каменные выкладки или «лучи». Так появились херексуры. Число лучей может быть 4, 8, 12 и т. д., кратное четырем. В Улуг-Хоруме в долине р. Саглы их было 32. Сама собой возникла иллюзия солнечного колеса, храма Солнца. В результате выкристаллизовывалась идея построения кургана Аржан.

На предскифском этапе погребенные лежат в невысоких цистах в скорченном положении с сильно согнутыми в коленях ногами, как они затем лежат в курганах скифского времени. Этот тип памятников, вслед за Л. Р. Кызласовым и К. В. Чугуновым, можно назвать «шанчигским». Л. Р. Кызласов датировал его раннескифским временем на основании находки бронзового молота в кургане Шанчиг 15 (Кызласов, 1979). Можно предположить, что скорченная поза погребенного соотносилась с позой эмбриона, подготовленного для предстоящего перерождения. Тогда становится ясным назначение каменных треугольников, помещенных в сакральное поле кургана. В курганном сооружении сохраняется стенка, или две стенки, из горизонтальных уложенных камней, местами укрепленные контрфорсами (как в описанных выше курганах монгун-тайгинской культуры). Стенки эти имели назначение крепиды. Внешний фасад стенки сделан очень тщательно. Курганы приобретают форму цилиндра, а до этого были куполообразные сооружения. Подобной цилиндрической формы был обнесенный каменной стенкой-крепидой курган Аржан, который содержал погребения на древней дневной поверхности. В монгун-тайгинских курганах встречаются кости коней. В кургане Аржан, а затем в кургане Аржан-2 кони представлены как жертвы, по-видимому, для переноса душ умерших в потусторонний мир.

В Аржане-2 погребенные лежат в могиле на значительной глубине, что свидетельствует о кардинальной перемене мировоззрения, появлении нового социума создателей алды-бельской культуры. В алды-бельских курганах, как в элитных, так и в рядовых, бывает по нескольку погребений. Курганы очень часто пристраиваются один к другому. В ряде случаев они пристраивались к монгун-тайгинским курганам (рис. 8). В курганах «среднего сословия» вместо коней оставляли конское снаряжение, но тоже не в могилах, а под каменной выкладкой или под камнями окружающего курган кольца, по принципу часть вместо целого — то есть происходит символическое замещение коня его снаряжением — удилами и псалями. Основным типом погребальной конструкции был каменный ящик, в котором покоились останки одного погребенного в скорченной позе головой на запад-северо-запад. Иногда вместе со взрослым захоранивался ребенок (интересно, что очень часто дети помещались рядом с мужчинами). Также есть погребения в деревянных колодах, преимущественно детские, а также в могилах, обложенных внутри деревянными рамами. Центральные погребения иногда достигали значительной глубины — 2–3 м. В них так же по периметру укладывались бревна. На дне этих могил были остатки деревянного пола или подстилки из органического материала.

Алды-бельская культура в разных ее модификациях от одного кургана с одним погребением до значительных курганов-кладбищ (невысоких, уплощенной цилиндрической формы) просуществовала до V в. до н. э., когда постепенно на смену ей пришли носители уюкской культуры, названной так Л. Р. Кызласовым на том основании, что первые значительные раскопки в Туве проводились А. В. Адриановым и С. А. Теплоуховым в Уюкской котловине. Для уюкских курганов характерны высокие земляные насыпи куполообразной формы, часто облицованные камнем (полностью или частично), глубокие ямы, небольшие по площади, и невысокие срубы (один-два венца). Как и во всех таких случаях бывают исключения: ямы достигают глубины 5 м, а площадь срубов 14–15 кв. м и высота — до пяти венцов. Характерной особенностью уюкских срубов является параллельное расположение плах пола и перекрытия и отсутствие в погребальном инвентаре керамики. Именно это и отличает их от саглыньских срубов, в которых пол и перекрытие настланы в противоположных направлениях и в погребениях есть керамика. Курганы над саглыньскими срубам также сложены из камня, зачастую окружены кольцом-оградой. Для саглыньской культуры характерны и погребения в каменных ящиках или конструкциях типа склепов. От ящиков они отличаются размерами и числом погребенных. Они могут быть отмечены каменной наброской. Очень сложно провести четкую границу между уюкской и саглыньской культурами, поэтому предложен был термин уюкско-саглыньская культура. В уюкско-саглыньской культуре достаточ-

но много могильников без определенных наземных признаков (рис. 9, 10). Они фиксируются на уровне современной поверхности по еле заметным западинам, а после расчистки вокруг могилы проявляется валок выброса, иногда обложенный в один слой камнями.

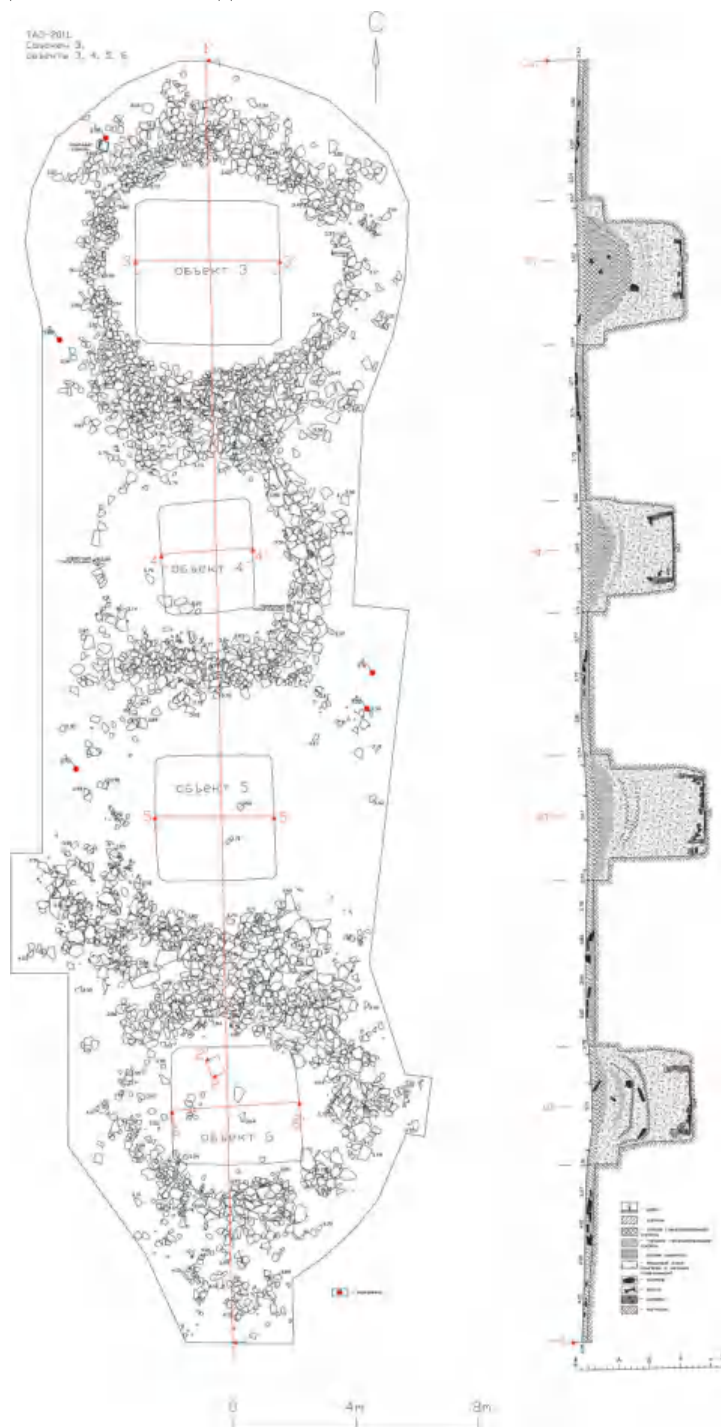

Рис. 9. Могильник Саускен 3. Объекты №№ 3–6. Уюкско-саглынская культура (VI–IV вв. до н. э.)

Носители саглынской культуры доживают и даже сосуществуют некоторое время с вторгнувшимися в бассейн Верхнего Енисея хунну. Несколько некрополей рядовых кочевников этого периода исследовано в устье реки Чаа-Холь — Аймырлыг, Терезин, Ала-Тей. Могилы здесь были иногда отмечены несколькими камнями, но большинство не имело надмогильного сооружения. Усопших хоронили в грунтовых ямах в деревянных гробах, рамах или в каменных ящиках или каменной обкладке. Для этого времени А. Д. Грачом была выделена пока не вполне понятная улуг-хемская культура, когда умерших хоронили по скифскому обряду в каменных ящиках (скорчено на боку), но в них встречается керамика

хунну с квадратным клеймом на днище, оставленным оттиском шипа от поворотного круга, а также ажурные бронзовые бляхи и пряжки. Элитные захоронения хунну, исследованные на территории города Шагонар на могильнике Бай-Даг, были совершены в глубоких, до 5–7 м, ямах с дромосами, над которыми насыпались невысокие плоские каменные курганы. Площадь наземного сооружения была значительной, оно перекрывало и дромос.

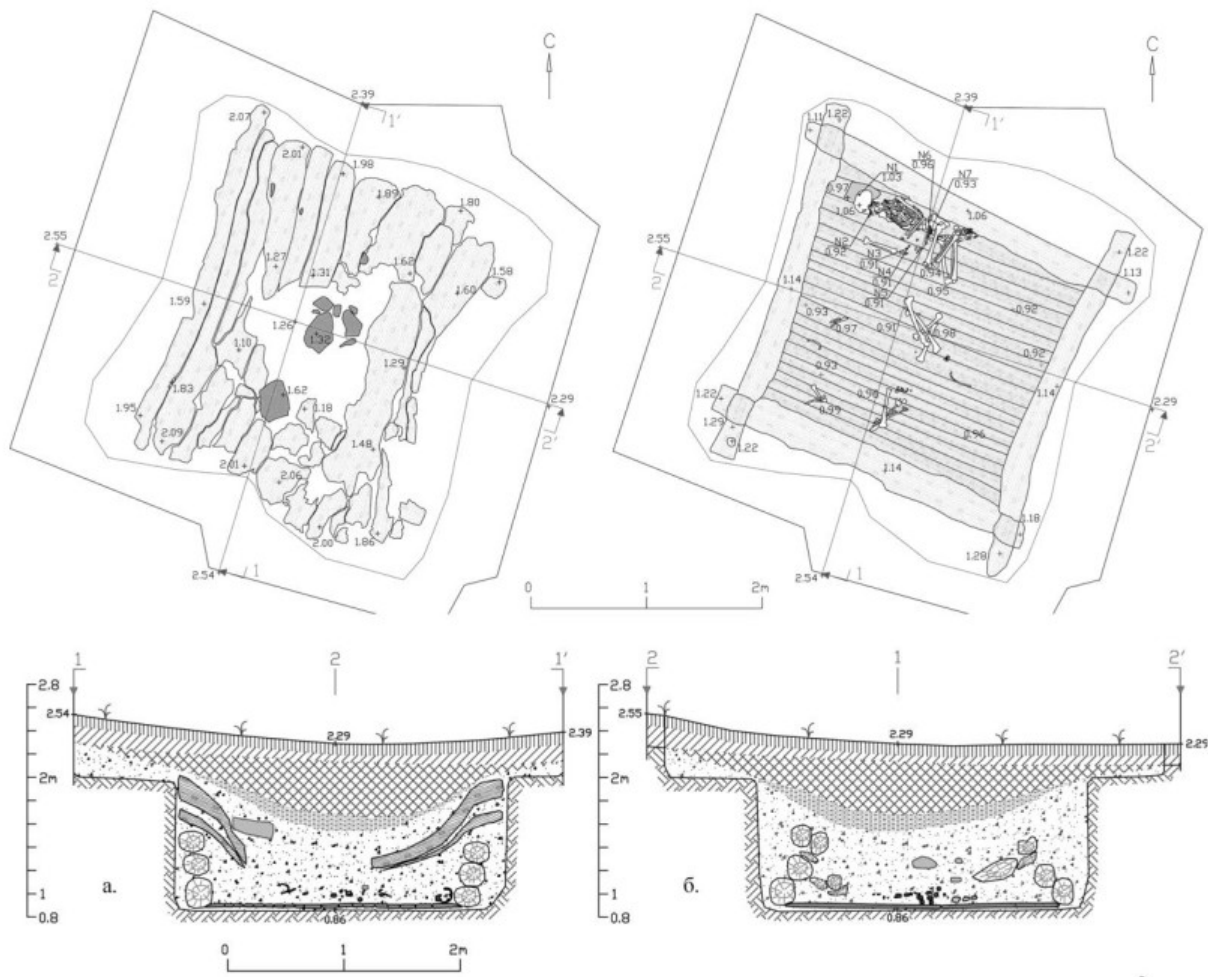

Рис. 10. Могильник Саускен 3. Объект № 7. Озен-ала-белгский этап уюкско-саглынской культуры (III–I вв. до н. э.)

На основании смешения местного населения с пришельцами-сюнну складывается кокзельская культура, эпонимный памятник которой — могильник Кокзель — был раскопан С. И. Вайнштейном и В. П. Дьяконовой. Он представлял собой единый каменный массив, состоящий из нескольких десятков погребений под каменной наброской, которые слились в единое надмогильное сооружение. У кокзельцев была своеобразная керамика — с налепным арочным орнаментом. Достаточно часто встречаются ритуальные сооружения, представляющие собой закопанные в неглубокой ямке сосуды, перекрытые небольшой каменной наброской. Погребенные в кокзельских могилах лежали вытянуто на спине с преимущественно северной ориентацией. Интересный кокзельский некрополь был раскопан в Саянском каньоне Г. В. Длужневской (рис. 11). Кокзельские впускные погребения часто встречаются в скифских курганах, и, вероятно, именно кокзельцы были основными разорителями скифских некрополей.

В Туве на смену им приходят тюрки с каменными курганами и захоронениями с конями, а затем кыргызы, у которых практиковалось трупосожжение на стороне. В тюркскую эпоху опять появляются высокие каменные насыпи, окруженные крепидой-оградой, глубокие захоронения с подбоем, в котором погребен человек. В эпоху же кыргызов исчезают погребения в ямах, все захоронения совершаются на горизонте, и возрождается практика возведения вокруг погребальной площадки стенки из уложенных горизонтально в несколько рядов камней.

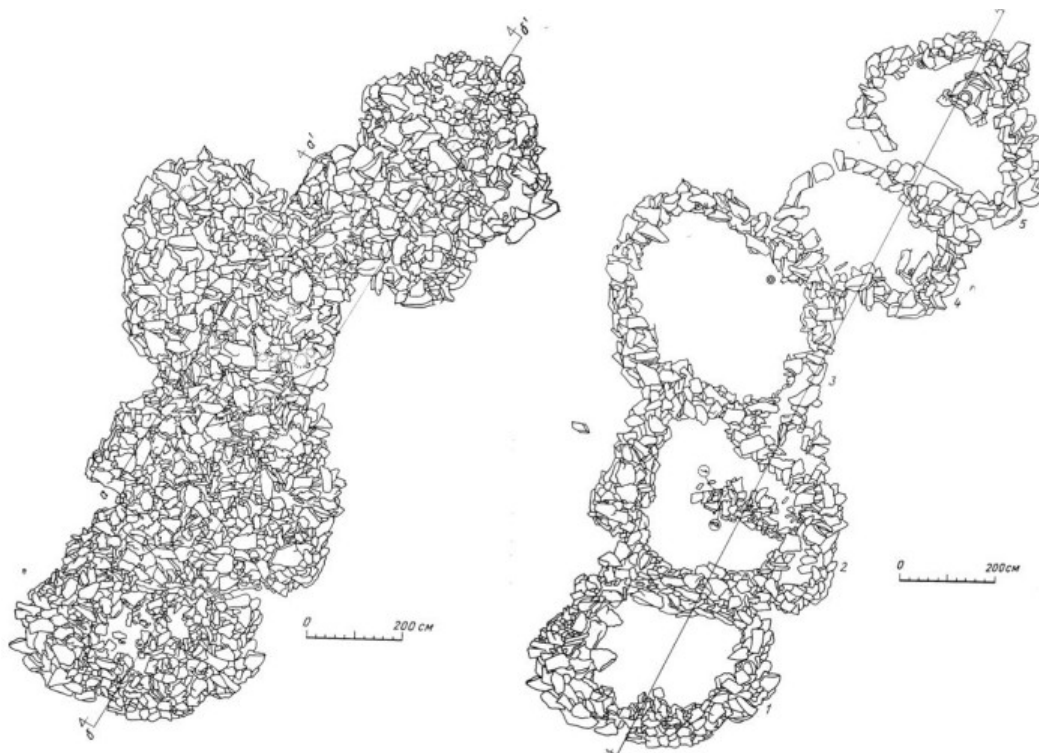

Рис. 11. Могильник Шугур (по Г. В. Длужневской). Кокэльская культура

В заключении надо отметить, что развитию погребального обряда на протяжении нескольких тысячелетий имеет определенную повторяющуюся закономерность: погребения на горизонте в курганах с четкой наземной конструкцией, затем глубокие могильные ямы с высокими наземными сооружениями, потом могилы становятся мельче, но остаются большими по площади со срубками на дне, и практически исчезают курганные насыпи, затем появляются грунтовые могильники. Такая динамика развития погребального обряда может свидетельствовать о сложении определенных представлений, связанных с социальными и демографическими процессами, а главное с изменениями религиозных представлений, формирующихся в кочевой среде.

Алексеев В. П., Гохман И. И., Тумэн А. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии // Археология. Этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987.

Вайнштейн С. И. Археологические раскопки в Туве в 1953 г. // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1954. Вып. 2.

Волков В. В. Курганы афанасьевского типа в Монголии // Археологийн судлал. Уланбатар, 1980. Т. 9.

Гохман И. И. Происхождение центрально-азиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // СМАЭ. Л., 1980. Вып. XXXVI.

Дэвлет М. А. Петроглифы Улут-Хема. М., 1976.

Кызласов А. Р. Древняя Тува. М., 1979.

Лазаретов П. П. Керамика поселения Торгажак // Древние поселения Хакасии. СПб., 1996.

Леонтьев Н. В. Каменные фигурные жезлы Сибири // Первобытная археология Сибири. Л., 1975.

Мандельштам А. М., Стамбульник Э. У. О некоторых проблемах истории ранних кочевников Тувы // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл, 1980.

Маннай-оол М. Х. Итоги археологических исследований ТНИИЯЛИ в 1961 г. // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1963. Вып. 10.

Окладникова Е. А. К вопросу о каменных выкладках в долине реки Елонгаш // Традиционная культура народов Центральной Азии. Новосибирск, 1986.

Рева А. И. Хайыракан 1 — могильник эпохи бронзы // Южная Сибирь в древности. СПб., 1995.

Савинов А. Г. Древние поселения Хакасии. Торгажак; СПб., 1996.

Савинов А. Г., Рева А. И. К вопросу о ритуальных памятниках эпохи бронзы Южной Сибири // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993.

Семенов Вл. А. Неолит и бронзовый век Тувы. СПб., 1992.

Семенов Вл. А. Монгун-Тайга (археологические исследования в Туве в 1994–1995 гг.). СПб., 1997.

Стамбульник Э. У., Чугунов К. В. Погребения эпохи бронзы на могильном поле Аймырлыг // Окуневский сборник. СПб., 2006. Вып. 2: Культура и ее окружение.

Суразаков А. С. Ирбисту 1 // Проблемы изучения культур населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988.

Трифонов Ю. И. Работы на могильнике Аргалыкты // АО 1965 г. М., 1966.

Чугунов К. В. Монгун-тайгинская культура эпохи поздней бронзы Тувы (типологическая классификация погребального обряда и относительная хронология) // ПАВ. СПб., 1994. Вып. 8.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ МОГИЛЬНИКА ДОГЭЭ-БААРЫ В ТУВЕ

Могильное поле Догээ-Баары размещается в 7–8 км к северу от столицы Республики Тыва — г. Кызыл. Оно включает разновременные погребальные и поминальные памятники. Среди них особый интерес вызывают курганы №№ 23–28, 31–33 могильника Догээ-Баары 2. Они отличаются каменными оградами, символическими воротами из плит, следами горения бревенчатых перекрытий могил и срубов, присутствием в захоронениях частей скелетов мелкого рогатого скота. Наличие в сопроводительном инвентаре вещей скифской, хуннской и китайской культур позволяет датировать курганы концом III–II вв. до н. э. Среди погребений выделяются нетипичные захоронения: скелет без правой руки и скелет, расчлененный в поясничной части. Очевидно, они являются жертвоприношениями. В первом случае обряд был совершен по скифской традиции, описанной Геродотом (Hdt. 4. 62. 3–4). Во втором случае, вероятно, прослеживается влияние культуры хунну. В хуннскую державу входили прототюркские племена, в среде которых практиковалась казнь с разрубанием человека пополам.

Ключевые слова: Тува, курганы, могильник Догээ-Баары, человеческие жертвоприношения, Геродот

Могильное поле Догээ-Баары размещается на правом берегу Бий-Хема (Большой Енисей) в 7–8 км к северу от столицы Республики Тыва — г. Кызыл. Оно включает погребальные и поминальные памятники, создававшиеся с эпохи бронзы по настоящее время. Среди разнообразных археологических объектов привлекает внимание группа курганов, расположенная в южной части могильника Догээ-Баары 2 (курганы №№ 23–28, 31–33) (рис. 1). Эти памятники составили две цепочки, вытянутые по оси северо-восток – юго-запад. В первую цепочку вошли курганы с № 23 по № 28, во вторую – с № 31 по № 33. Их отличительными чертами явились: каменные ограды вокруг курганных насыпей, символические ворота из плит, следы горения перекрытий центральных могильных ям и погребальных срубов, черепа и отдельные кости мелкого рогатого скота в могилах (Николаев, Хаерин, 2004. С. 32, 34; Кисель, 2006. С. 81–82).

Ограды курганов представляли собой стены высотой до 40 см в виде двух дуг или незамкнутого кольца. Они были сооружены из плит, уложенных друг на друга в несколько рядов. В западной и/или восточной части оград обычно имелись разрывы, заполненные валунами и крупной галькой. «Ворота», состоявшие из вкопанных вертикально крупных плит, располагались, как правило, на северо-восточном и юго-западном бортах центральной могилы, редко — в ограде. В углах сруба центрального погребения находились головы и части туш мелкого рогатого скота. Количество принесенных в жертву животных варьировалось от двух до пяти. Потолки срубов или бревенчатые перекрытия могил нередко были обуглены. Скорее всего, они поджигались сразу после совершения основного захоронения. Но, когда пламя разгоралось в полную силу, огонь тушился путем засыпки могильной ямы землей. При этом температура горения иногда успевала подняться выше 1000°C, о чем свидетельствовали шлаки и комки запекшегося грунта.

Особо стоит отметить погребальный инвентарь. В нем сочетались предметы скифской, хуннской и китайской культур. Скифские вещи доминировали. Такое смешение разнокультурных изделий, уже неоднократно фиксировавшееся в Туве, дает возможность отнести курганную группу к концу III–II вв. до н. э.

Указанные характерные признаки объектов позволяют выделить эти цепочки курганов могильника Догээ-Баары 2 из памятников позднего этапа саглынской культуры (по А. Д. Грачу) или озенала-белигского этапа кызылганской культуры (по С. И. Вайнштейну). Возможно, их своеобразие сформировалось благодаря переселению на территорию Тувы из Минусинской котловины представителей тесинской культуры, где фиксировались сходные особенности погребальных сооружений (Кисель, 2006. С. 82).

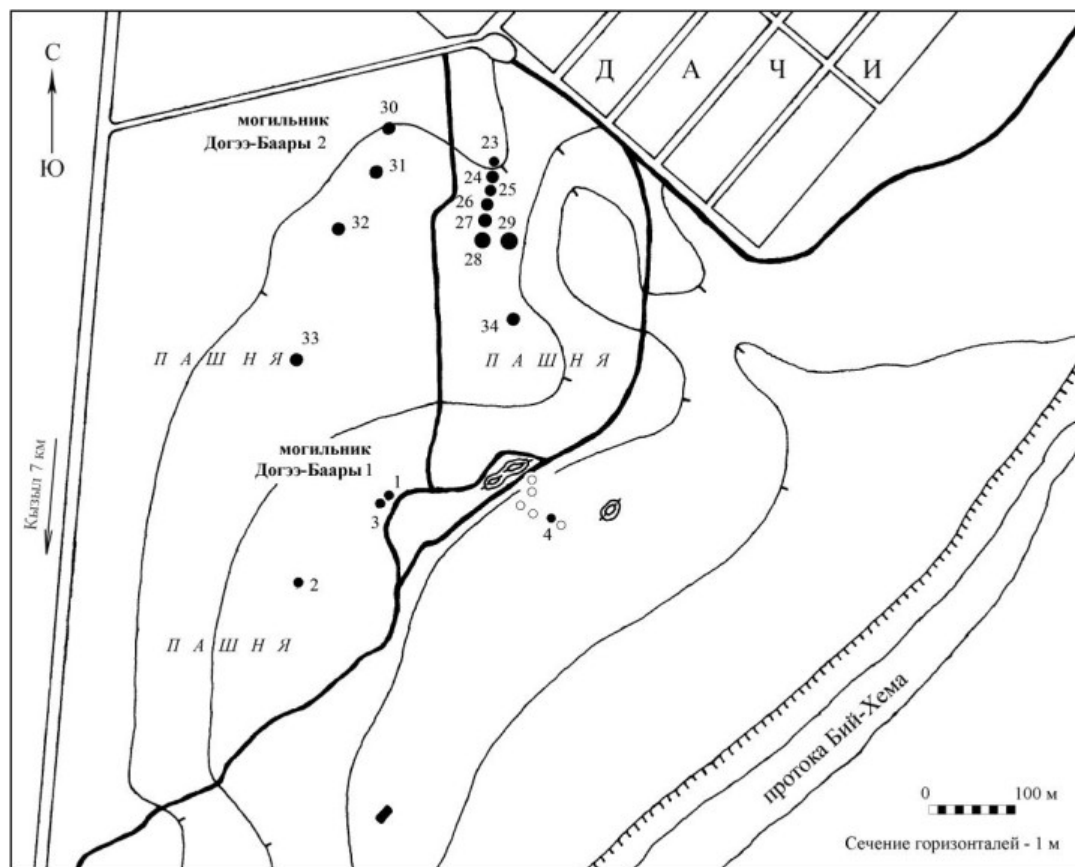

Рис. 1. План могильного поля Догээ-Баары

Впрочем, не только архитектура и сопроводительный инвентарь курганов вызывают интерес. Не менее любопытны совершенные в них нетипичные человеческие захоронения. Так, в кургане № 27 в северной части насыпи с внешней стороны стены-ограды располагалась подпрямоугольная яма (сверху $1,24 \times 0,85$, снизу $1,07 \times 0,60$, глубина $0,75$ м), перекрытая досками и плитами (могила № 2). На дне ямы находился непо потревоженный скелет мужчины около 20 лет, уложенный на правый бок головой на восток с сильно подогнутыми ногами. В то же время другие погребенные в кургане размещались на левом боку головами в северо-западном направлении. В районе пояса мужчины были обнаружены фрагменты красного лака, а на тазовой кости — костяная ажурная пряжка, являвшиеся остатками истлевшего пояса. У покойного отсутствовала правая рука вместе с лопаткой.

Эта патология не могла оказаться врожденной (монобрахия), поскольку тогда кости плечевого пояса были бы деформированы (Богданова, Пивченко, 2014. С. 11), чего не наблюдалось на найденном скелете. Нельзя усмотреть здесь и военную травму — отсечение конечности в бою, так как ни ключица, ни шейные позвонки не были повреждены. К тому же в арсенале населения Тувы скифского времени отсутствовали длинные мечи, сабли и широколезвийные топоры, с помощью которых можно было нанести подобное увечье. Следовательно, отсутствие руки погребенного произошло в результате экзартикуляции, то есть вычленения конечности. Проведение экзартикуляции не требует набора хирургических инструментов, как при ампутации. Ее можно сделать с помощью одного ножа. Однако операция все равно достаточно непростая. Поэтому человек, которому ее проводят, должен быть обездвижен — связан, усыплен, оглушен или убит. Утрата руки мужчины, погребенного в кургане № 27, несомненно, явилась травмой, несовместимой с жизнью.

Несмотря на редкость такой ситуации, она не уникальна. В качестве относительной параллели можно привести одно из погребений скифского времени могильника Аймырлыг в Туве. В нем находился костяк мужчины без левого предплечья, «которое, по-видимому, было ампутировано у дистально-

го конца плечевой кости» (Мерфи, 2001. С. 140)¹. Сходная травма отмечалась у одного из двух скелетов, найденных в камере № 3 кургана Чертомлык IV в. до н. э. на Правобережье Нижнего Днепра. У этого погребенного, снабженного драгоценными украшениями и набором вооружения, «отсутствовали локтевые кости и кисть левой руки» (Алексеев и др., 1991. С. 63). Целиком левой руки не имел воин, похороненный в кургане № 1 могильника Цаган-Усн VIII (погребение № 11) в Нижнем Поволжье (Дараган, 2016. С. 34, прим. 55). Сравнительно необычная картина наблюдалась в сарматском погребении № 7 кургана № 7 у пос. Китаевка в Ставрополе, где у молодой пары были удалены предплечья: у мужчины — правое, у женщины — левое (Пикалов, 2014. С. 150, рис. 2).

Более точные аналогии находке из кургана № 27 отыскиваются на территории Среднего Подонья и Прикубанья. В могильнике у д. Дуровка-Вербное в захоронении IV–III вв. до н. э. была обнаружена пара мужских скелетов с предметами вооружения (Пузикова, 2001. С. 196). У одного из костяков (непотревоженного грабителями) отсутствовала правая рука. Автор раскопок связала это с действиями грызунов, но вряд ли животные, утащив все кости конечности (даже фаланги), не тронули бы ребер и позвонков, как видно на опубликованном чертеже (Пузикова, 2001. Рис. 44, 2). Еще показательней погребение Уляпского кургана 1/1981 IV в. до н. э., где под насыпью на деревянно-земляной платформе размещались два (?) скелета молодых людей. У одного из них не было правой руки. Ее кости в сочленении располагались в отдалении на той же платформе (Балонов, 1987. С. 41). Присутствие в этом комплексе железного меча позволило Ф. Р. Балонову связать памятник с сообщением в «Истории» Геродота о ежегодных жертвоприношениях скифов воинскому божеству, названному Аресом. Согласно тексту, «сколько бы они (скифы. — В. К.) ни захватили в плен врагов, одного мужа из каждой сотни они приносят в жертву, но не так, как скот, а иначе. Полив головы [пленных] вином, они закалывают людей над сосудом и затем, подняв его вверх на кучу хвороста, выливают кровь на акинак. Кровь они несут наверх, а внизу у святилища делают следующее. Отрубая у всех убитых людей *правое плечо вместе с рукой*, бросают их в воздух, и затем, совершив остальные жертвоприношения, они удаляются. Рука лежит в том месте, куда упадет, а труп отдельно» (Hdt. 4. 62. 3–4) (курсив мой. — В. К.)².

Безусловно, не во всех случаях травмы погребенных из перечисленных археологических памятников должны были привести к летальному исходу. Поэтому связывать этих покойных с жертвоприношениями надо крайне осторожно. Однако люди, у которых целиком отсутствовали руки, скорее всего, являлись жертвами. Их останки служат свидетельством проведения кровавого скифского ритуала с соблюдением четкой последовательности: сначала убийство человека, а затем удаление конечности у трупа.

Вызывает интерес указание Геродота на отсечение именно правой руки. Из других эпизодов «Истории» следует, что у скифов разноименные руки наделялись различной символикой. Так, в разделе о скифских обычаях говорится: «Многие (скифы. — В. К.), обдирая у вражеских трупов кожу с *правых рук* вместе с ногтями, делают из нее обтяжку колчанов» (Hdt. 4. 64. 3)³. Далее в рассказе о похоронах «царя» отмечено: «Те же (представители скифских племен. — В. К.), когда получают доставленный труп, делают в точности то же, что и царские скифы: отрезают себе часть уха, волосы обстригают кругом, на руках делают надрезы, лоб и нос расцарапывают, *левую руку* прокалывают стрелами» (Hdt. 4. 71. 2) (курсив мой. — В. К.). Таким образом, налицо различие предпочтений: враги лишаются правой руки, себе же скифы калечат левую⁴. Не исключено, что некоторые погребения с однорукими трупами могли отразить это правило. Основу такого бинарного отношения к «своим» и «чужим» составляли, по выражению историков и филологов, «биологический дуализм» и «семантическая оппозиция»: правое — левое, по-

¹ Изучившая этот скелет А. Мерфи перечислила вероятные причины увечья: хирургическая помощь, наказание, кровавый ритуал, ранение в битве. Исследовательница склонилась к последнему варианту, почему-то решив, что доказательством служат наконечники стрел, входившие в погребальный инвентарь (Мерфи, 2001. С. 140).

² В статье использован перевод И. А. Шишовой (Доватур и др., 1982).

³ Это сообщение находит подтверждение среди археологических материалов Зауралья (Федоров, Горшкова, 2001).

⁴ Немаловажно и то, что раны наносятся стрелами. Как следует из «Истории», скифы видели в них символические олицетворения конкретных воинов (Кисель, 2014. С. 25). Возможно, прокалывание руки наконечником стрелы подчеркивало личностную составляющую участника погребального ритуала.

ложительное — отрицательное, мужское — женское, светлое — темное, нечетное — четное и т. д. (Подосинов, 1999. С. 502–507; Мелетинский, 2000. С. 230–233) ⁵.

Можно предположить, что в культуре скифов левая рука и ее увечье были прочно связаны с похоронным обрядом. Согласно анализу скифских погребений, левая сторона ассоциировалась с загробным миром. Это прослеживается в доминировании западного направления в ориентировке погребенных трупов людей и коней, в расположении тризн и перемычек ровиков вокруг курганных насыпей, а также в преобладании среди напутственной пищи левой передней конечности с лопаткой и грудной частью туши животного (Саенко, 2011. С. 78–79). На таком фоне травмирование левой руки в знак скорби на «царских» похоронах выглядит вполне уместным.

Наверное, к погребальной символике относятся и уздечные бляхи в виде лапы животного и кисти руки, встречающиеся в скифских курганах V–IV вв. до н. э. Те из блях, которые уверенно определяются как изображения человеческой конечности, в большинстве случаев представляют собой кисть левой руки (Бабенко, 2014–2015. С. 128–129; Махортых, 2015. С. 309).

Отношение скифов к правой руке, видимо, было сложнее. Если обратиться к нартскому эпосу народов Кавказа, что вполне правомерно благодаря имеющимся в нем многочисленным скифским реминисценциям, то выявляется неординарное смысловое значение этой конечности. Согласно «Нартиаде», правая рука воспринималась одной из главных частей тела. Она могла стать залогом клятвенного договора или же оказаться важным боевым трофеем, равным по ценности голове врага (Сказания..., 1978. С. 304, 307, 326, 328; Нарты..., 1989. С. 96, 135, 137–138, 140, 242–243, 285; Чибириков, 2012. С. 56–57; Таказов, 2014. С. 118–119). Очевидно, отчленение скифами правой руки у убитого или принесенного в жертву противника, в первую очередь, служило магическим средством. С его помощью предполагалось окончательно обезвредить врага, создать непреодолимое препятствие к его возрождению. Как писал М. Мосс, «при убийстве высвобождалась сила, имеющая двойственный характер или, скорее, слепая и опасная уже потому, что была силой. Поэтому надо было ограничить, направить и укротить ее» (Мосс, 2000. С. 44). Не исключено, что удаление правой руки служило также знаком особого унижения мужчины — лишения его чести и личного достоинства (Доватур и др., 1982. Комм. 404; Бессонова, 1983. С. 48; 1984. С. 7; Дюмезиль, 1990. С. 192).

Нет никаких оснований видеть в отрубленной руке жертвоприношение божеству, на чем настаивала С. С. Бессонова (1983. С. 48; 1984. С. 7). Эту роль играла кровь, собранная у заколотого пленника и вылитая на предмет поклонения — меч. Нельзя согласиться и с А. Ю. Алексеевым, трактовавшим манипуляции с конечностью как специфическое гадание, которое заключалось в том, какой стороной упадет брошенная рука (Алексеев, 2011. С. 64). Используемая исследователем параллель из культовой практики кетов не может быть принята, поскольку относится не к конечности человека, а к лапе медведя, причем только к ступне ⁶. Кроме того, культурные контексты разительно отличались. Гадание у кетов проводилось после удачной охоты на медведя. При этом животное воспринималось не смертельным врагом, а близким сородичем. Целью гадания, как правило, было установление, кто из умерших родственников в облике медведя «пришел в гости» и сколько времени собирается «гостить» (Алексеев, 1995. С. 60–61, 65–66, 71).

Экзотичное, но ничем не подтверждающееся предположение высказал Д. Г. Савинов, допустивший, что «разбрасываемые вокруг святилища Ареса отрубленные кисти (*sic!*) рук в местах своего падения, возможно, образовывали новые жертвенники (?)» (Савинов, 2012. С. 57) ⁷. Думается, Геродот не

⁵ Очевидно, данное противопоставление наиболее отчетливо было продемонстрировано в погребении № 7 кургана № 7 у пос. Китаевка.

⁶ Другие народы, знакомые с этим гаданием, например, селькупы и эвенки, тоже применяли исключительно ступню медведя (Василевич, 1971. С. 165; Степанова, 2014. С. 124).

⁷ Порой вызывает удивление, насколько вольно некоторые исследователи обращаются с текстом Геродота. Так, Ж. Шарашидзе утверждал, что скифский Арес «требовал от приносящих ему жертвы в качестве таковых человеческие руки, отрубленные у еще живых людей» (Шарашидзе, 2004. С. 17). А А. Н. Дзиговский и А. С. Островерхов писали «об отсечении правой руки у пленных, приносимых в жертву при погребении царя», видя в этом «действие, направленное на повышение плодovitости и возрождение в потустороннем мире» (Дзиговский, Островерхов, 2008. С. 168).

умолчал бы о такой неординарной черте обряда и не стал особо оговаривать небольшое и ограниченное число культовых сооружений в Скифии⁸. Кроме того, возведение самого святилища Ареса, согласно «Истории», требовало громадного количества хвороста⁹, что удивительно для безлесной степной Скифии и нуждается в аргументированном объяснении (Бессонова, 1984. С. 6–7).

На основании приведенных данных, можно заключить, что в кургане № 27 могильника Догээ-Баары 2 находилось захоронение человека, сыгравшего роль жертвы. Жертвоприношение было совершено в русле скифской традиции. Устройство погребения за оградой кургана, то есть вне сакральной территории, и размещение покойного в нестандартной позе, по-видимому, указывают на принадлежность жертвы к противникам племени, построившего курган.

Два других нетипичных захоронения происходят из курганов №№ 28 и 33. Оба кургана выделялись из всей группы необычными надмогильными памятниками, возведенными над центральной могилой. Монумены имели вид усеченной пирамиды (длина стороны основания около 3, длина стороны вершины около 2, высота 1,5 и 2,5 м) и были сложены из валунов и «рваных» камней, облицованных плитами. На верху монумента кургана № 28 находилось перекрытое плитами захоронение мужчины 30–40 лет (?) (могила № 1). Погребенный, расчлененный пополам в районе поясницы, размещался на левом боку. Обе половины тела с вытянутыми конечностями лежали параллельно друг другу по оси север-юг. Череп располагался рядом с тазом. Кисти и ступни отсутствовали, что могло быть связано с естественными разрушениями, например, деятельностью землеройных животных. Возле правого плеча покойного находился железный нож.

В кургане № 33 захоронение было совершено внутри надмогильного памятника (могила № 5). Оно принадлежало подростку. К моменту раскопок монумент успел просесть в могилу, и кости скелета оказались смещены. Это не позволило определить первоначальное расположение погребенного. Среди костей находились бронзовая ажурная котловидная подвеска, роговое резное навершие и стеклянная бусина.

Разумеется, наиболее интересным представляется погребение кургана № 28. Характер повреждения тела покойного убеждает в намеренных, сознательных действиях. То, что кости обеих частей скелета были в сочленениях, а на позвонках и ребрах не прослеживалось следов от рубящих ударов, указывает на расчленение или разрывание туловища. Но было ли это детрункацией — посмертным рассечением тела, или прижизненной травмой, повлекшей за собой смерть, осталось не ясным.

В скифское время непотревоженные грабителями костяки с явными анатомическими нарушениями встречаются сравнительно редко. Исследователи, как правило, видят в них перезахоронения или демембрацию — сознательное смещение костей скелета. Думается, что рассечение или разрывание туловища человека или животного не было характерно для скифской культуры. Данные археологии косвенно подтверждаются письменными источниками, которые молчат о подобном способе убийства у скифов.

Останки людей и животных, расчлененных в поясничной области, известны в более раннее время. Такие скелеты встречаются в могильниках эпохи бронзы на Среднем Дону, в Поволжье и Южном Зауралье (Гайдученко, 2009. С. 95, 97–98). Большинство исследователей считает подобные находки жертвами. Видимо, погребение кургана № 28 следует рассматривать с этой же точки зрения.

Непонятно, откуда в Туву проник новый жестокий обычай. Направление поиска может указать характер сопроводительного инвентаря из курганов могильника Догээ-Баары 2 — сочетание вещей скифской, хуннской и китайской культур. Как известно, в китайском царстве Чу в IV в. до н. э. действовал закон: «Тот, кто не донесет о преступнике, будет зарублен пополам» (История Китая..., 1974. С. 23). Аналогичную казнь практиковали и древние тюрки. Согласно китайской хронике Суй-шу, *тучюе* (тюр-

⁸ «У них (скифов. — В. К.) не принято воздвигать ни изображений, ни алтарей, ни храмов никому из богов, кроме Ареса» (Hdt. IV. 59).

⁹ «У всех у них (скифов. — В. К.) по округам их областей устраиваются святилища Ареса вот каким способом: нагромождают связки хвороста, приблизительно три стадия в длину и ширину, в высоту же меньше. Наверху сделана ровная четырехугольная площадка, три ее стороны обрывистые, с одной же стороны она имеет доступ» (Hdt. IV. 59, 62).

ки) «того, кто совершает изнасилование, кастрируют и затем его тело разрубает по пояснице на две части» (Бюллетень..., 2002. С. 20). Казнь применялась в торко-монгольской среде вплоть до Позднего Средневековья. При этом расчленение тел преступников со временем стало производиться не только рассечением, но и разрыванием между двух деревьев. Расширился и круг людей, подвергаемых подобному наказанию. Наряду с нарушителями сексуальных запретов в него попали обычные воры («кто украдет коня или что-либо другое, — тому за это смерть; мечом разрубает его...») (Ковалевский, 1956. С. 126, 138; Книга..., 1956. С. 91). Надо отметить, что в хуннскую державу входили различные прото-торкские племена (Кляшторный, Султанов, 2004. С. 53–54), у которых, подобно самим хунну, мог существовать этот обычай. Должно быть, именно из культуры хунну он был заимствован населением Тувы.

По всей видимости, в кургане № 28 был захоронен казненный преступник. Нечто подобное произошло и в кургане № 33. Несмотря на то, что оба погребенных могли преступить общественные законы, их казнь явилась жертвоприношением. Как показывают письменные источники и этнографические материалы, такой обычай был распространен в традиционных культурах (Фрэзер, 1983. С. 509, 542, 610; Мосс, 2000. С. 19; Ивик, 2010. С. 72, 124–125, 131, 134, 148–150, 160, 180, 182, 190).

Число аналогий нетипичным погребениям могильника Догээ-Баары 2 очень ограничено. К тому же среди них трудно отыскать покойных, размещенных в идентичных позах. Полной противоположностью этому выступают скелеты жертвенных животных из одновременных памятников. Они представлены значительным числом и имеют устойчивое расположение. Наиболее показательны сопроводительные захоронения лошадей, которые в подавляющем большинстве случаев уложены на живот с подогнутыми ногами (Грязнов, 1950. С. 24; Галанина, 1997. С. 70, 82, 84; Сигитов et al., 2010. С. 99, 102; Самашев, 2011. Рис. 13, 37; Федоров, 2016. С. 290). Безусловно, ситуация с жертвенными животными демонстрирует обряд, окончательно сложившийся, упорядоченный и устойчивый. Ритуал же человеческих жертвоприношений не отличался стабильностью. Очевидно, он проводился относительно редко. Свидетельство Геродота о массовости и регулярности жертвоприношений скифами врагов вызывает сомнения. Как отмечал А. М. Хазанов, «сотни военнопленных, о которых писал Геродот, были на поверку не такими уж многочисленными» (Хазанов, 1975. С. 138)¹⁰. Следует согласиться с С. А. Токаревым, предупреждавшим исследователей, что «не надо преувеличивать степень распространения обычая человеческих жертвоприношений в истории народов» (Токарев, 1999. С. 31). Наиболее часто подобные практики провоцировались исключительным стечением обстоятельств.

Согласно проведенному анализу, в курганах могильника Догээ-Баары 2 находились человеческие жертвоприношения. В одном случае (курган № 27) обряд был проведен по скифской традиции. В двух других (курганы №№ 28 и 33) можно предположить влияние культуры хунну. Принесенные в жертву люди вряд ли занимали самую низкую ступень в социальной иерархии, на что указывает наличие сопроводительного инвентаря. Особенно наглядно это проявляется в погребении с остатками пояса, покрытого лаком, — вещи явно дорогой, поскольку лак и лакированные изделия импортировались из Китая. Вместе с тем одна из жертв, скорее всего, не входила в местную родоплеменную группу из-за принадлежности к враждебному коллективу, а другие были исключены из нее по причине совершения тяжкого преступления.

Появление в конце III–II вв. до н. э. человеческих жертвоприношений на могильном поле Догээ-Баары, очевидно, отражает начало периода нестабильности, а также кардинальных изменений в жизни местного населения. В это время на территорию Тувы начинают проникать представители хуннских племен, завершается скифский этап истории, и закладываются предпосылки для формирования новой кокзальской культуры.

¹⁰ С. С. Бессонова объяснила это противоречие фольклорным мотивом, включенным в сочинение Геродота (Бессонова, 1984. С. 6).

- Алексеев А. Ю.* Гадания у алтарей скифского Ареса // Европейская Сарматия. СПб., 2011.
- Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ралле Р.* Чертомлык (Скифский царский курган IV в. до н. э.). Киев, 1991.
- Алексеев Е. А.* Культ медведя у кетов // Кунсткамера (МАЭ им. Петра Великого): Избранные статьи. СПб., 1995.
- Бабенко А. П.* Об атрибуции уздечных блях в виде лапы животного или кисти руки // Древности: Харьковский историко-археологический ежегодник, 2014–2015. Вып. 13.
- Балонов Ф. Р.* Святилища скифской эпохи в Адыгее (интерпретация курганов на р. Уль) // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск, 1987.
- Бессонова С. С.* Религиозные представления скифов. Киев, 1983.
- Бессонова С. С.* О культе оружия у скифов // Вооружение скифов и сарматов: Сб. науч. трудов. Киев, 1984.
- Богданова М. П., Пивченко П. Г.* Аномалии органов и систем органов человека: методические рекомендации. Минск, 2014.
- Бюллетень Общества востоковедов – Прил. 1: Лю Маоцай: Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках. М., 2002.
- Василевич Г. М.* О культе медведя у эвенков // Сборник МАЭ. Л., 1971. Т. 27.
- Гайдученко А. А.* Перекрученный зверь — в поисках истоков сюжета // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Сб. науч. трудов. Челябинск, 2009.
- Галанина А. К.* Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи // Степные народы Евразии. М., 1997. Т. I.
- Грязнов М. П.* Первый Пазырыкский курган. Л., 1950.
- Даргази М. Н.* Скифские междоусобицы // ВДИ. 2016. № 76/1.
- Дзиговский А. Н., Островерхов А. С.* Культ руки у сарматов // Краткие сообщения Одесского археологического общества. Одесса, 2008.
- Доватур А. П., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.
- Дюмезиль Ж.* Скифы и нарты. М., 1990.
- Пвик О.* История человеческих жертвоприношений. М., 2010.
- История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974.
- Кисель В. А.* Новые данные о возможной миграции представителей тагарской культуры в Туву // Современные проблемы археологии России: Сб. науч. трудов. Материалы Всерос. археологического съезда. Новосибирск, 2006. Т. II.
- Кисель В. А.* Дары скифов Дарию Гистаспу (новый взгляд на старую проблему) // Радловский сборник: Научные исследования и проекты МАЭ РАН в 2013 г. СПб., 2014.
- Клишторный С. Г., Султанов Т. П.* Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2004.
- Книга Марко Поло. М., 1956.
- Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.
- Махортых С. В.* Об одном типе уздечных блях V в. до н. э. из Причерноморской Скифии // Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы: Тр. Гос. Эрмитажа. СПб., 2015.
- Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. М., 2000.
- Мерфи А. М.* Обзор результатов палеопатологического анализа погребений скифского периода на могильнике Аймырлыг (Тува) // АВ. СПб., 2001. № 1.
- Мосс М.* Социальные функции священного. СПб., 2000.
- Нарты. Осетинский героический эпос в 3-х кн. М., 1989. Кн. 2.
- Николаев Н. Н., Хаврин С. В.* Некоторые итоги исследований 2001–2003 гг. на могильнике Догэ-Баары II // Археологические экспедиции Гос. Эрмитажа за 2003 год: Сб. докл. СПб., 2004.
- Пикалов А. В.* Близнечный культ и обычай отрубания руки у сармат // Тр. IV (XX) Всерос. археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. II.
- Подосинов А. В.* Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999.
- Пузикова А. П.* Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (Публикация комплексов). М., 2001.
- Савинов Д. Г.* Идея множественности как залог успешного жертвоприношения // Жертвоприношение в архаике: атрибуция, назначение, цель: Сб. науч. трудов семинара «Геория и методология архаики». СПб., 2012.
- Саянко В. Н.* Отражение представлений о пространстве и смерти в погребальной обрядности скифов // Восточноевропейские древности скифской эпохи: Сб. науч. трудов. Воронеж, 2011.
- Самашев З. С.* Некоторые результаты исследований Берельских курганов // Terra Scythica: Мат-лы Междунар. симпозиума. Новосибирск, 2011.
- Сказания о нартах. Осетинский эпос. М., 1978.
- Степанова О. Б.* Северные селькупы: система традиционных взглядов в зеркале одного интервью // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 2 (25).
- Такизов Ф. М.* Мифологические архетипы модели мира в осетинской космологии. Владикавказ, 2014.
- Токарев С. А.* О жертвоприношениях // ЭО. 1999. № 5.
- Федоров В. К.* О человеческих жертвоприношениях у ранних кочевников Южного Урала // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии: Материалы IX Междунар. науч. конф. Оренбург, 2016.
- Федоров В. К., Горшкова В. Е.* Колчан из человеческой кожи в погребении раннего кочевника из Башкирского Зауралья // Уфимский археологический вестник: Сб. науч. статей. Уфа, 2001. Вып. 3.
- Фрэзер Д. Д.* Золотая ветвь: Исследования магии и религии. М., 1983.
- Хазанов А. М.* Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М., 1975.
- Чибиров А. А.* Об индоевропейских истоках осетинских Нартовских сказаний // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации: Сб. науч. трудов. Владикавказ, 2012.
- Шарашидзе Ж.* Индоевропейская память Кавказа. Владикавказ, 2004.
- Šaginov K., Parzinger H., Nagler A.* Der skythenzeitliche Fürstengurgan Arhan 2 in Tuva // Archäologie in Eurasien. Mainz, 2010. Bd. 26.

Вл. А. Семенов

ПЛАНИГРАФИЯ МОГИЛЬНИКОВ СУГЛУГ-ХЕМ I И СУГЛУГ-ХЕМ II В ТУВЕ (III–II вв. до н. э.)

Могильники Суглуг-Хем I и II, раскопанные на территории Тувы, относятся к завершающему этапу уюкско-саглынской культуры скифского типа. В погребальной обрядности прослеживаются определенные нарушения некогда устойчивых признаков. В планиграфии могильников отчетливо читаются определенные закономерности — расположение захоронений группами/цепочками, что свидетельствует о существовании родоплеменных отношений. Особое место занимают захоронения детей в каменных ящиках, впущенных в могильные ямы, на перекрытиях срубов в колодах, внутри срубов.

Ключевые слова: Тува, могильники, озен-ала-белигский этап, уюкско-саглынская культура, захоронения в срубах, керамика, железо, усунь, саки

Могильники Суглуг-Хем I и II расположены на правом берегу Улуг-Хема на конусах выноса на южном склоне горы Хербис (Семенов, 2003) (рис. 1). Могильник Суглуг-Хем I приурочен к ровной площадке, сложенной мелким щебнем. Ее восточный и западный склоны довольно крутые, южный более отлогий. Курганы и культовые места расположены близко друг от друга, образуя мозаичную картину, которая складывалась здесь в течение длительного времени. Самые ранние из раскопанных здесь курганов относятся к монгун-тайгинской культуре, самые поздние — кокэальское погребение было впущено в алды-бельский курган. Безкурганные захоронения в срубах, датируемые III–II вв. до н. э., образуют две самостоятельные группы памятников.

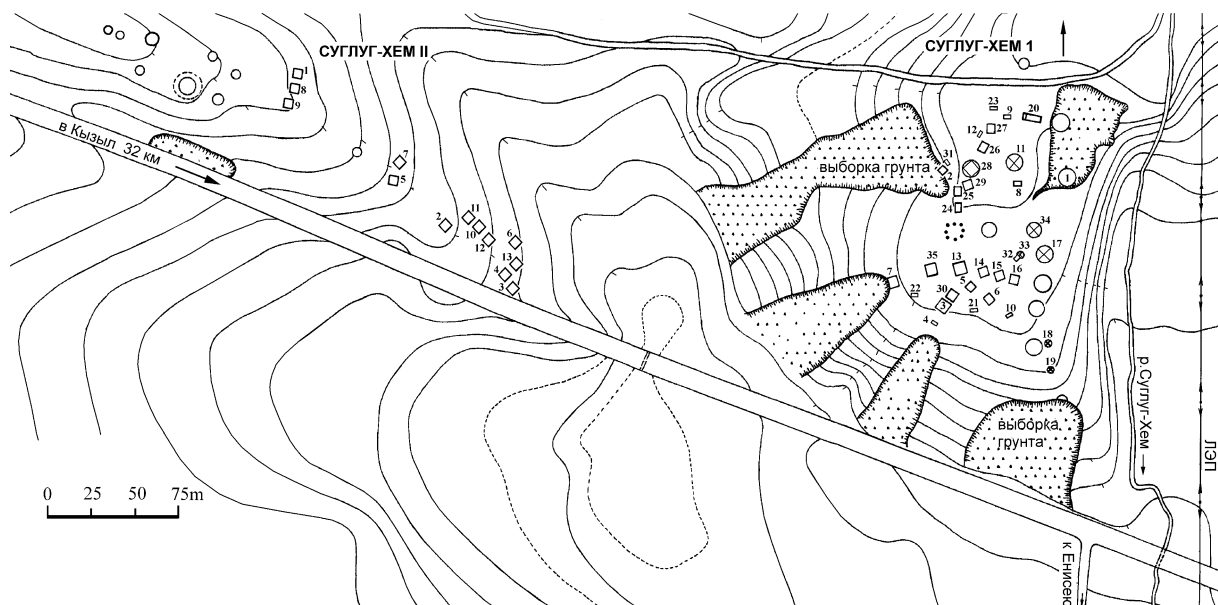

Рис. 1. План могильников Суглуг-Хем I и II

На могильнике Суглуг-Хем I раскопано семнадцать срубов, которые отличаются по своим конструктивным особенностям. К первой группе относятся одиннадцать срубов: десять из них расположены компактно, а один стоит в стороне (здесь необходимо уточнить, что памятник частично разрушен карьерами в процессе добычи гравия для автомобильной трассы) (рис. 2–4). Их основными отличиями от срубов второй группы является то, что пол и потолок настланы перпендикулярно друг другу. Ямы неглубокие, наземные сооружения (курганы, ограды, ровики) отсутствуют. Погребенные захоронены как

на левом, так и на правом боку. В головах находилась керамика и зеркала (в тех случаях, когда они обнаружены). Почти все срубы разграблены. Детские захоронения встречаются как на перекрытии сруба (редко), так и внутри него. Случаются отклонения от обычной ориентации погребенных и других норм погребальной обрядности. Ориентация погребенных во многих случаях зависит от ориентации сруба. В срубах, стоящих углами по странам света, погребенные обычно ориентированы головой на северо-запад, и редко на северо-восток, а в срубах с углами на промежуточные стороны погребенные укладывались либо головой на запад, либо на север. Все зависит от направления досок пола, так как костяки обязательно лежали вдоль пологового настила и поперек перекрытия. Но в двух случаях отмечено отклонение и от этой нормы. Всего в срубах первой группы было захоронено 47 взрослых и 12 детей.

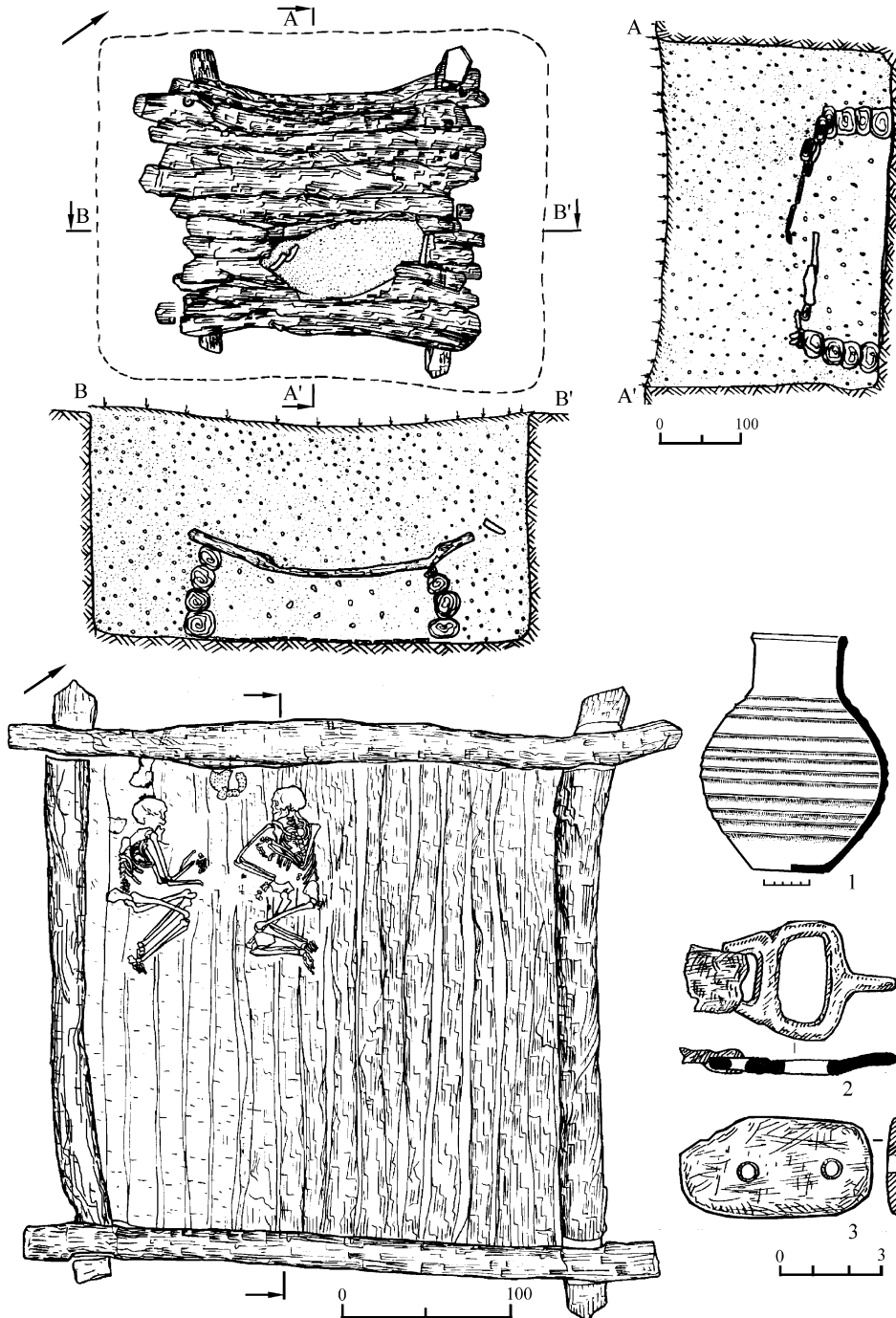

Рис. 2. Могильник Суглуг-Хем I. Объект № 3

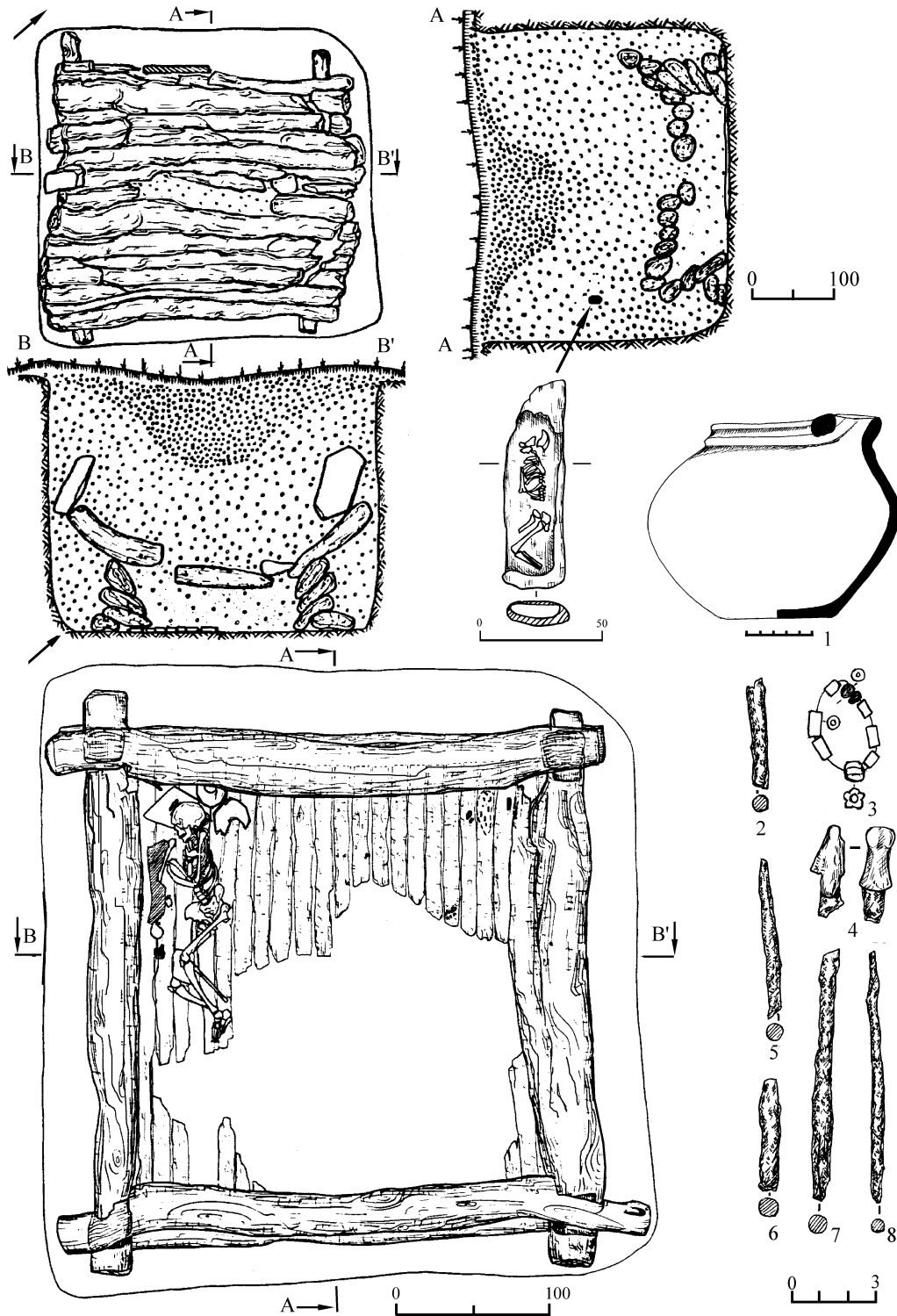

Рис. 3. Могильник Суглуг-Хем I. Объект № 5

Между срубам первой и второй группы находилось восьмикамненное кольцо. К северу от него и располагались срубы второй группы (рис.5-7). Они составляют единую цепочку, включающую шесть западин, одна из которых была окружена каменным кольцом. Как уже говорилось, их отличительной особенностью от срубов первой группы является то, что перекрытие в них настлано в том же направлении, что и доски пола. Такое изменение конструкции отразилось или было предусмотрено на нормах погребального обряда. Вообще такие срубы характерны для ранней фазы уюкско-саглынской культуры, и над ними возводились сравнительно большие курганные насыпи, под которыми были глубокие ямы, срубы, как правило, низкие — в два-три венца, а в погребальный инвентарь не входила керамика. Здесь

же срубы были сложены в четыре или пять венцов. Из шести срубов три оказались нетронутыми грабителями, два были ограблены лишь частично, а один сильно разграблен. На перекрытии двух срубов обнаружены каменные кладки, невидимые до раскопок. Между стенками ямы и сруба в объектах №№ 24, 25 и 26 были установлены деревянные столбы («коновязи») с целью обозначить юго-восточную половину сруба, через которую производились подхоронения.

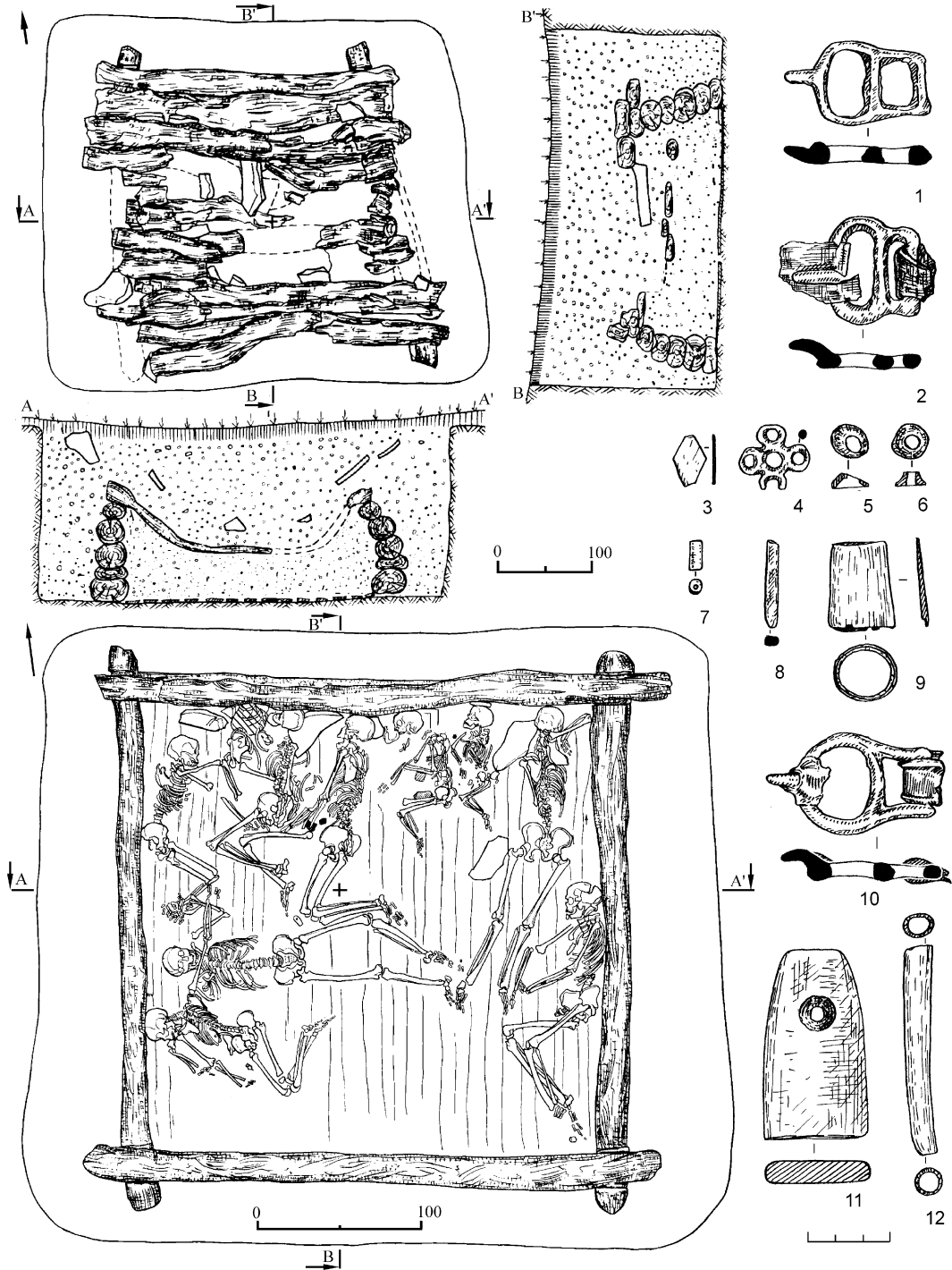

Рис. 4. Могильник Суглуг-Хем I. Объект № 16

На трех срубах юго-восточная стенка сруба была как бы «запечатана»: на нее опирались каменные ящики, в которых были захоронения детей (рис.7). Эти ящики развалились в процессе усадки сруба.

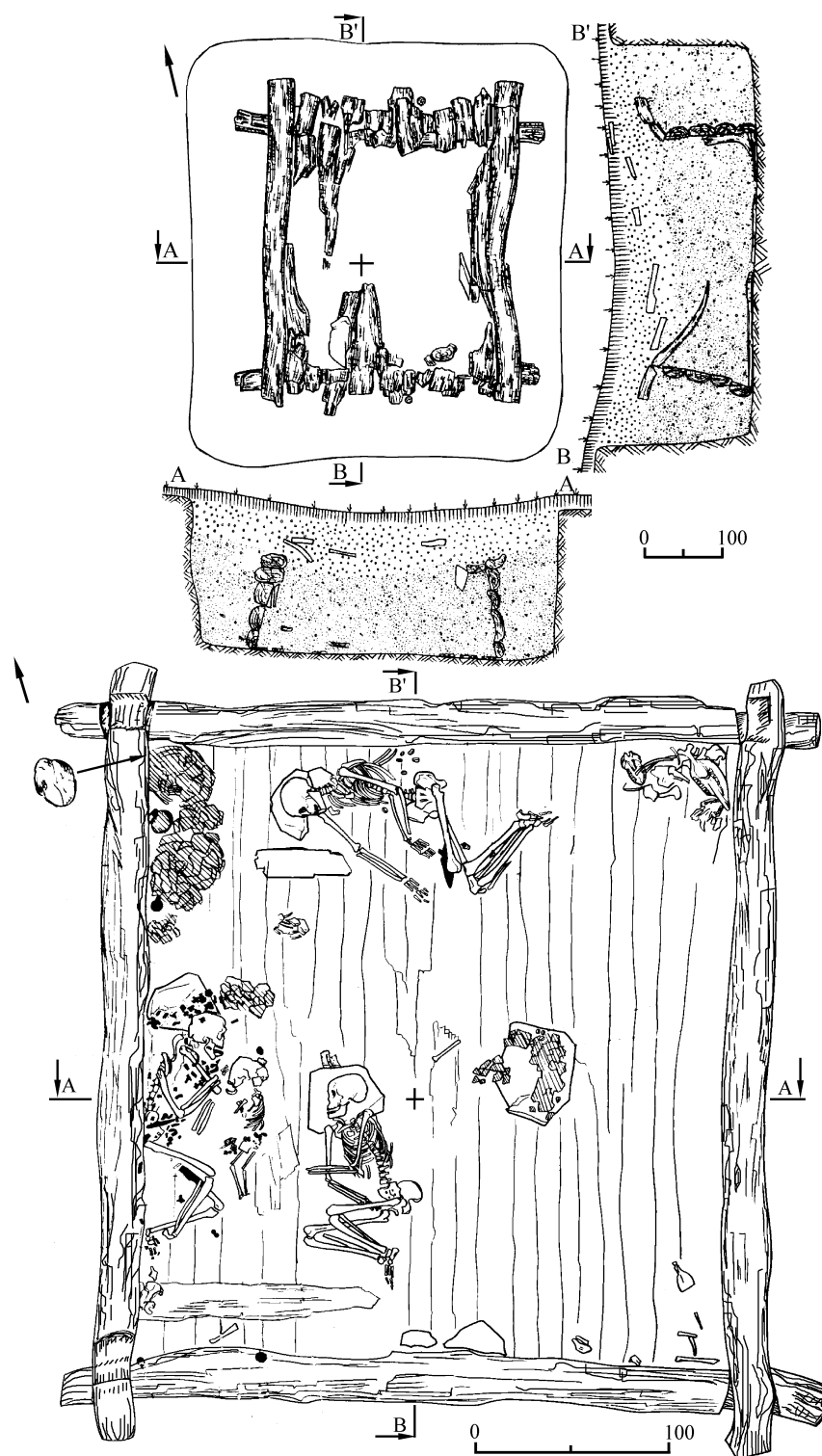

Рис. 5. Могильник Суглуг-Хем I. Объект № 26

Всего в срубках второй группы выявлено 34 костяка (из которых только четыре детских) с ориентацией на запад-северо-запад и восток-северо-восток. Один костяк уложен головой на юго-запад и один на юго-восток. Погребенные укладывались как вдоль, так и поперек плах пола. В одном случае погребенные были уложены на «полати», насланные поперек плах пола. На этом настиле лежало два костяка — мужчина и за его спиной женщина в высокой конической берестяной пашке. Во всех срубках второй группы обнаружена керамика.

Помимо срубов, на могильнике Суглуг-Хем I обнаружены погребения в каменных ящиках, склепах и грунтовые могилы с перекрытием из плит. Поза погребенных в этих могилах такая же, как и в срубках. Инвентарь идентичный комплексам, происходящим из срубов.

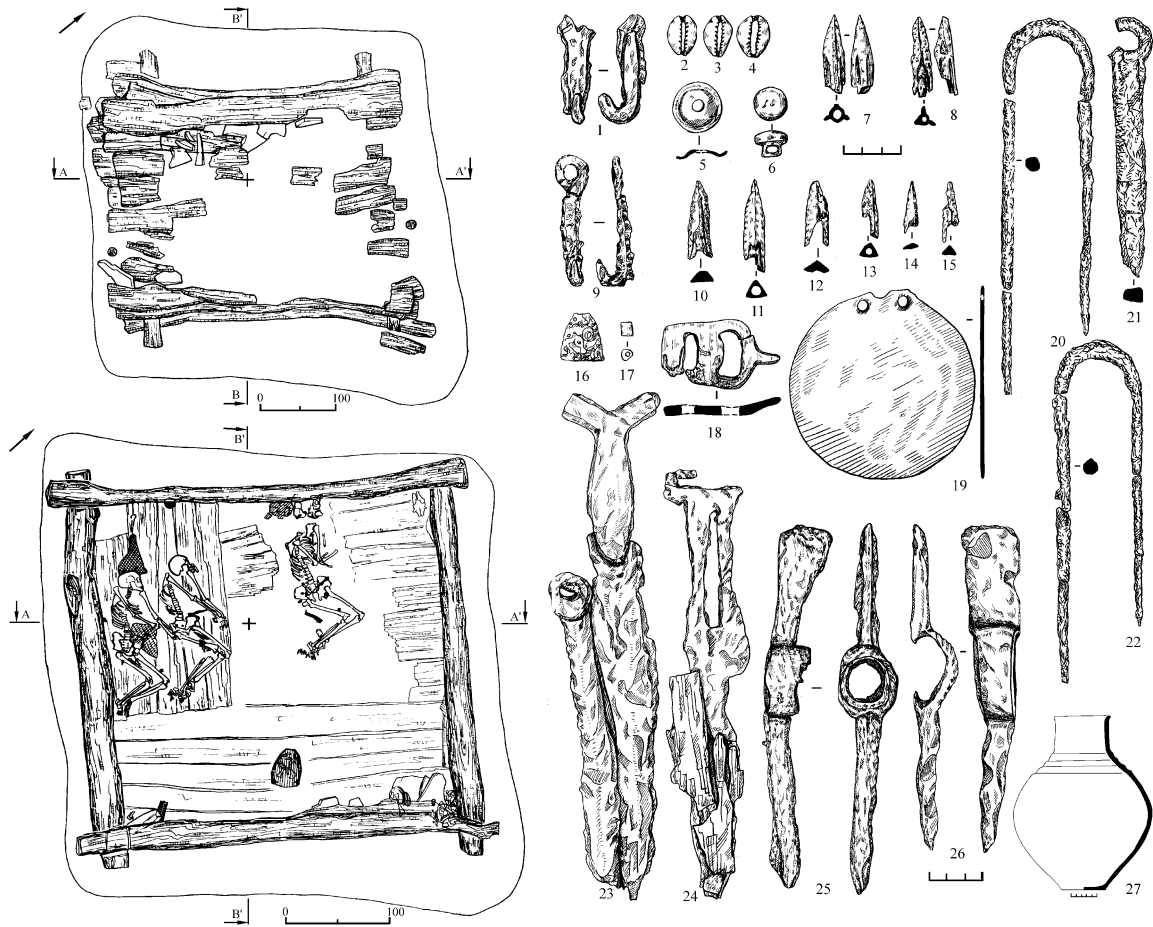

Рис. 6. Могильник Суглуг-Хем I. Объект № 28

В срубе № 26, нетронутом, было погребение знатного нобия, облачение которого расшито золотыми аппликациями (Семенов, 1998. С. 160–163) (рис. 6). При нем лежало оружие из железа — чекан и акинак. Лицом к нему была погребена женщина, а между ними ребенок. В головах у противоположной стенки находился мужчина с железным акинаком. В углу сруба за его головой стояла керамика — шесть сосудов разных типов, за спиной женщины железный котел. По углам сруба помещены кости животных, но в северо-восточном углу их было больше.

Приблизительно в 250 м к западу от могильника Суглуг-Хем I расположен могильник Суглуг-Хем II, на котором было исследовано тринадцать срубов также без каких-либо наземных признаков. Эти срубы выделялись на земной поверхности по четким западинам и цветом степной растительности. Могильник занимал отлогий, сравнительно ровный склон гряды, сложенной крупнозернистым песком. Между отдельными группами срубов сохранялось значительное расстояние. От первой группы из трех объектов, занимающей на могильнике доминирующее положение, до второй группы 75 м, а от второй до третьей — около 30 м. Третья группа включает восемь западин, расположенных хаотично. Срубы первой группы находятся в ямах глубиной до 3 м и площадью от 17 до 21 кв. м, сами же срубы имеют, как правило, стандартные размеры. В одном из них стояла коновязь, возле которой был положен конский череп. В двух других конские черепа лежали на перекрытии (рис. 8).

Ко второй группе относятся срубы №№ 5 и 7. Западина над срубом № 5 имела диаметр 4,5 м, а сруб, находившийся здесь, превосходил по размерам все остальные на Суглуг-Хеме — 3,7 × 3,8 м. Яма площадью 24 кв. м имела глубину 2,7 м. На перекрытии были установлены два каменных треугольника.

Сруб был разграблен, но в нем обнаружены кости семи погребенных. Из инвентаря сохранился уникальный расписной глиняный чайник, фрагмент костяной пряжки со спеной терзания и другие мелкие предметы, включая изделия из золота.

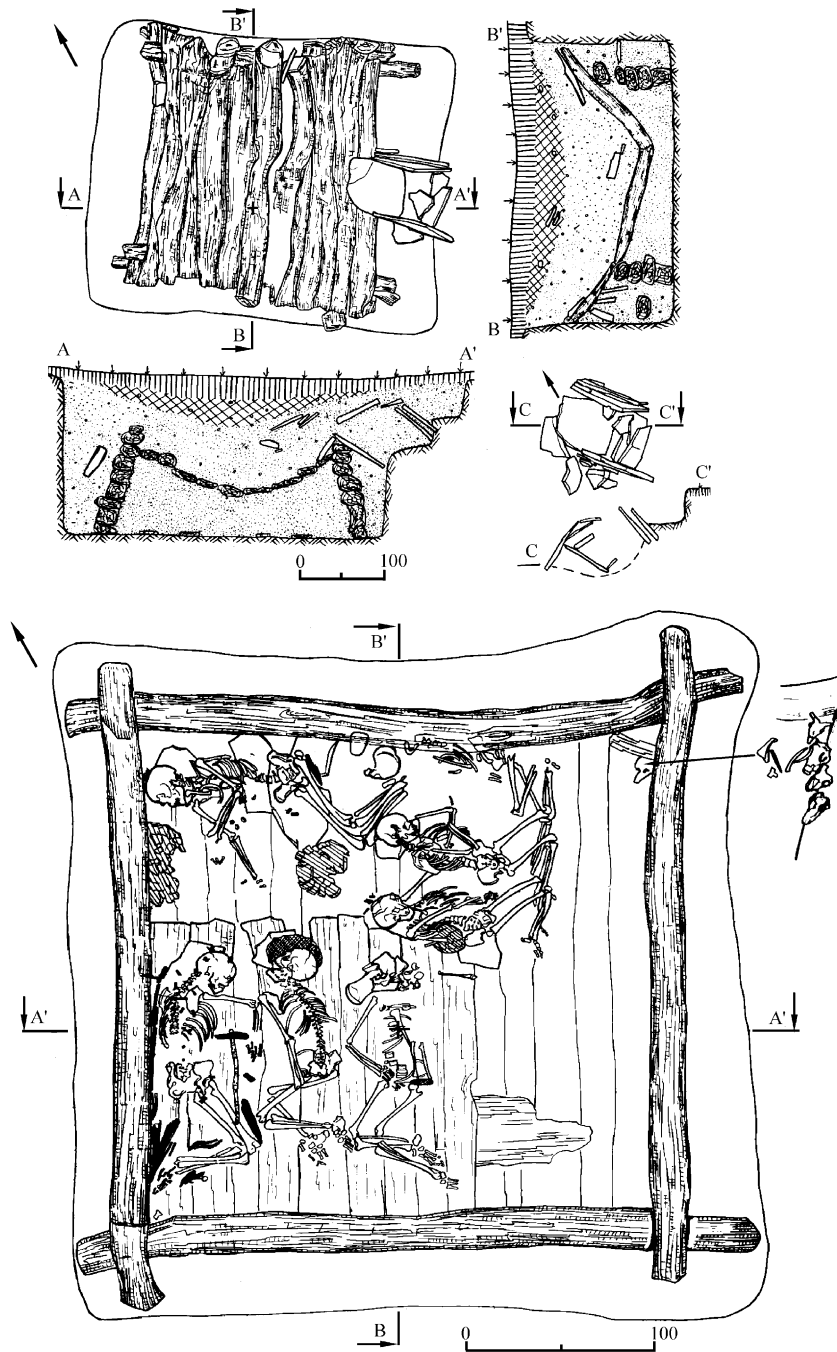

Рис. 7. Могильник Суглуг-Хем I. Объект № 29

Сруб № 7 поставлен в яме площадью 30,2 кв. м и глубиной 2,8 м, но размеры самого сруба несколько уступали срубам № 5 — 10,2 кв. м. Здесь выявлены останки трех погребенных. Они ориентированы головой на северо-запад. У северо-западной стенки стояло пять глиняных сосудов, и обнаружена бронзовая поясная накладка в виде фигуры яка.

Третью группу составляют восемь близко расположенных друг к другу западин. Они разграблены в меньшей мере, чем срубы первой и второй групп, и находятся в нижней части гряды, выбранной для некрополя позднескифского времени и возникшего, вероятно, раннее Суглуг-Хема I (рис. 9, 10).

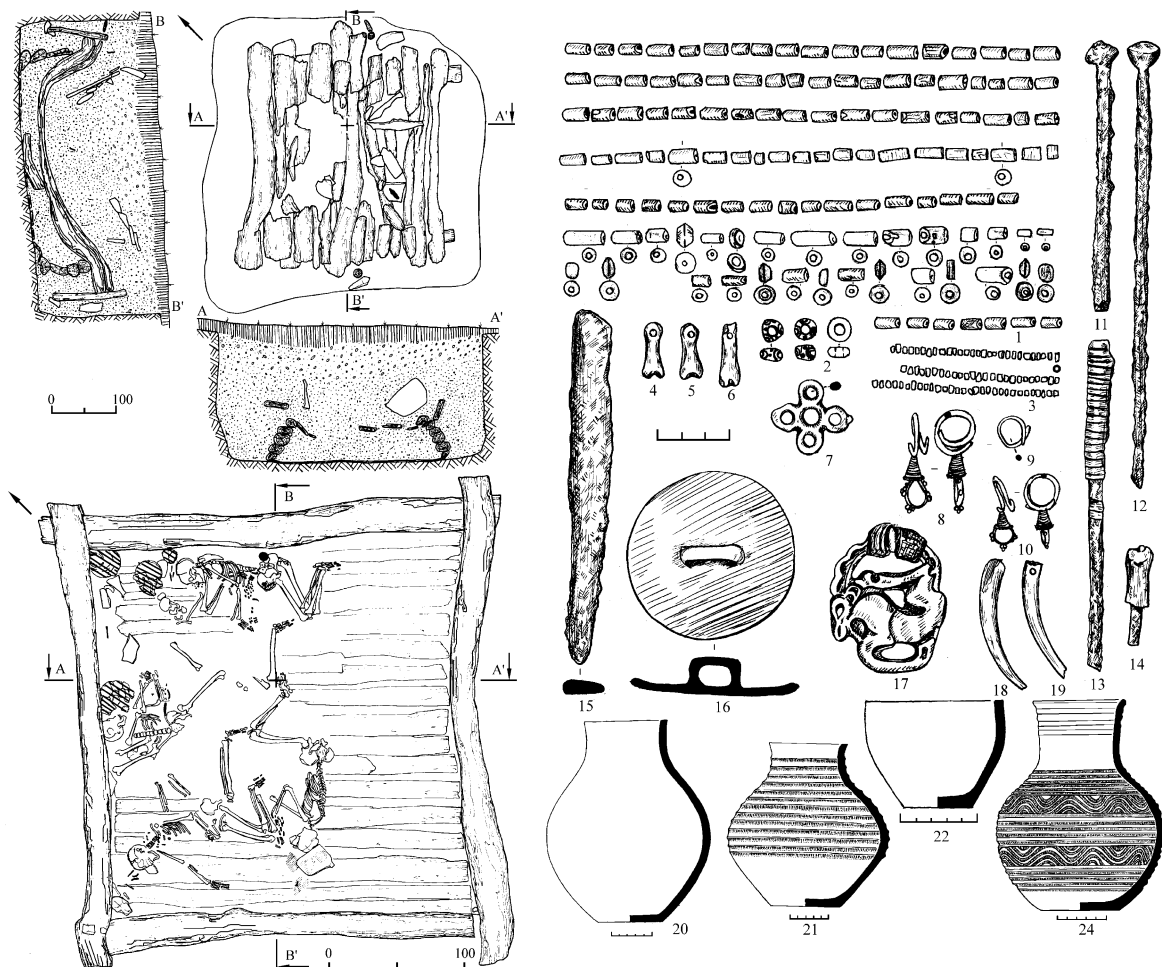

Рис. 8. Могильник Суглуг-Хем II. Объект № 6

В процессе раскопок могильника Суглуг-Хем II установлено, что в тринадцати срубках было захоронено как минимум 69 человек, из них 52 взрослых и 17 детей. Кроме того, в трех случаях зафиксированы погребения младенцев на перекрытии срубов или над ними. В двух случаях на перекрытии были обнаружены каменные треугольники. В некоторых срубках устанавливались коновязи, причем возле трех из них лежали конские черепа, а в одном — череп собаки. Эти коновязи, стелы и плиты, обнаруженные на перекрытии могил, могли быть маркерами двух разных зон внутримогильного пространства. Из 69 погребенных положение на левом боку установлено для 22, а на правом — 21. Более того, только в двух срубках (№ 4 и 5) все погребенные лежали на левом боку, а в срубке № 3 — на правом. В остальных могилах присутствуют обе позиции. В большинстве случаев ориентация северо-западная и западная. В трех срубках все погребенные ориентированы на юго-запад. В некоторых случаях ориентированные на юго-запад погребенные лежали поперек досок пола. В одном случае погребенный лежал в ногах основного ряда, в другом в головах. Нечто подобное встречается и на могильнике Суглуг-Хем I, но в целом там отклонений от условной нормы в погребальной обрядности больше.

Эти традиции и инновации могут быть объяснены смешением саков (уюкская культура) и усуней (саглынская культура) (Семенов, 2010. С. 99–110) и трансформацией уюкско-саглынской культуры в условиях нарастающего давления хунну, что привело к нарушению некогда устойчивых признаков погребального обряда.

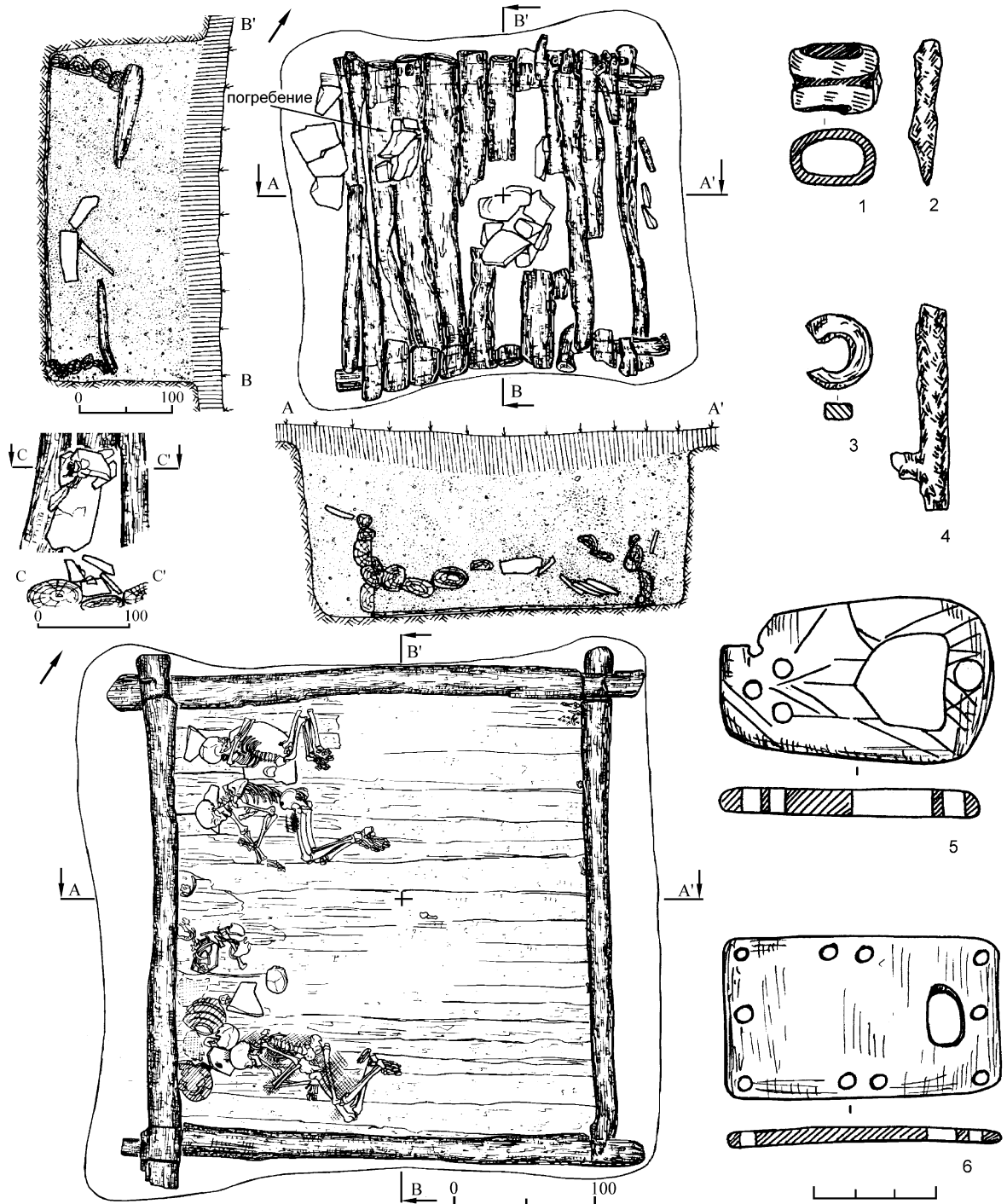

Рис. 9. Могильник Суглуг-Хем II. Объект № 10

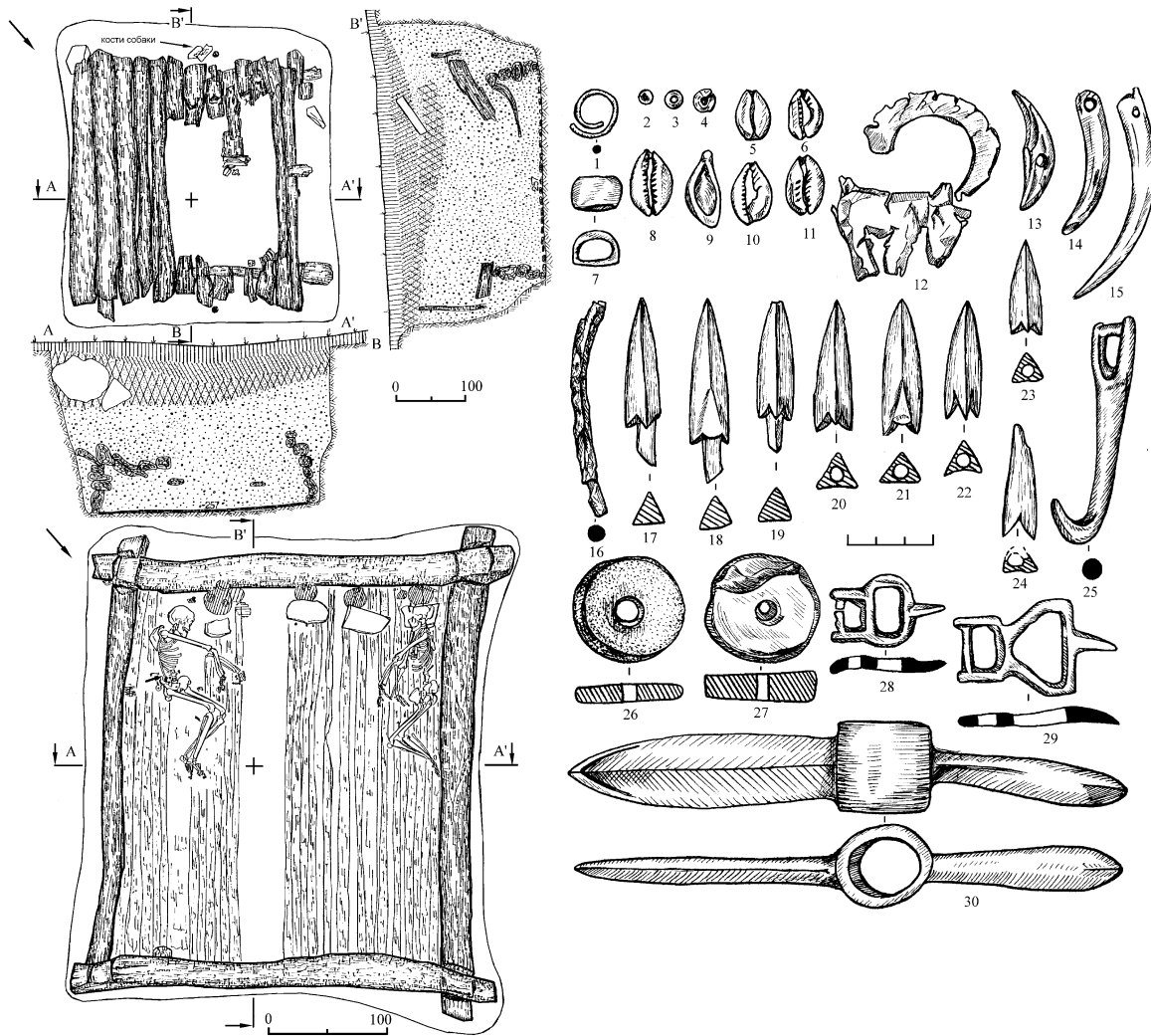

Рис. 10. Могильник Суглуг-Хем II. Объект № 11

Семенов Вл. А. Вооружение и воинский костюм скифов Тувы // Военная археология. СПб., 1998.

Семенов Вл. А. Суглуг-Хем и Хайыракан — могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПб., 2003.

Семенов Вл. А. Усуни на севере Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (43). Новосибирск, 2010.

А. П. Бородовский

ПОГРЕБАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО В КОНТЕКСТЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОСТИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ БЫСТРОВСКОГО НЕКРОПОЛЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА
НА ВЕРХНЕЙ ОБИ) ¹

Феномен поликультурности по данным археологии представлен с различной степенью достоверности на нескольких уровнях: территориальном, хронологическом, предметном, ритуальном и атрибутивном. Одним из них является материализация следов погребальных практик, проявляющаяся в особенностях надмогильных и внутримогильных конструкций, позы и ориентации погребенного, комплекта сопроводительного инвентаря и ритуалов. В эпоху раннего железа на территории лесостепного Приобья взаимодействие населения с различным происхождением наиболее отчетливо представлено в многомогильном курганном Быстровском некрополе (Быстровка-1, 2, 3)..

Ключевые слова: раннее железо, лесостепное Приобье, поликультурность, погребальная обрядность, ритуалы, предметный комплекс, дендрохронология, радиоуглеродное датирование.

Феномен поликультурности по данным археологии (*Савинов*, 2002. С. 155) представлен с различной степенью достоверности на нескольких уровнях: территориальном, хронологическом, предметном, ритуальном и атрибутивном. Одним из них является материализация следов погребальных практик, проявляющаяся в особенностях надмогильных и внутримогильных конструкций, позы и ориентации погребенного, комплекта сопроводительного инвентаря и ритуалов. Одним из отражений проявления феномена поликультурности эпохи раннего железа на юге Западной Сибири является масштабный Быстровский некрополь (Быстровка-1, 2, 3) Верхнего Приобья (*Бородовский*, 2002. С. 85–130) (рис. 1). Он включает целый ряд многомогильных курганов (от двух до пятидесяти захоронений), сформировавшихся на протяжении длительного временного периода (рис. 2).

При анализе поликультурности многомогильных курганов эпохи раннего железа особое значение имеет территориальный (планиграфический) контекст. Он может быть представлен как в рамках одного кургана, так и всего некрополя в целом. В частности, поликультурность захоронений может проявляться в освоении особых зон как самого кургана, так и всего некрополя в целом, сформировавшихся в один хронологический период. В известной степени именно сочетание временных и планиграфических контекстов и является одним из главных индикаторов поликультурности, в отличие от более протяженного и последовательного стратиграфического соотношения погребений различных культурных традиций с широкой хронологией их существования.

Территориальный уровень представлен не только фактами инокультурных погребальных практик в пределах пространства всего некрополя, но и сегментов отдельных многомогильных курганов. Особенности организации пространства являются одними из качественных характеристик любой культуры (*Быстрова*, 2004. С. 15). Осваивая территорию, любая культура имеет собственные уникальные пространственные измерения (Гам же, 2004. С. 28; *Замятин*, 2006. С. 7), которые находят отражение в погребальном пространстве. Благодаря четкой фиксации признаков традиционной культуры на изучаемой территории в течение длительного времени открываются широкие возможности детального исследования динамики историко-культурных процессов (Гам же, 2006. С. 260). На территории Евразии многомогильные курганы распространены в различные эпохи. Для Верхнего Приобья этот тип погребальных сооружений представлен с эпохи поздней бронзы (ирменская культура) и раннего железа.

---

¹ Исследования выполнены при финансовой поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО Алтайским государственным университетом, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии» (No. 2013-220-004-129).

Репрезентативность указанного археологического источника, длительность изучения его материалов, использование естественнонаучных методов (радиоуглеродного и дендрохронологического) при датировании и полное антропологическое изучение открывают особые перспективы для обсуждения вопросов формирования погребального пространства. К ним следует отнести основные направления в интерпретации этого явления, выделения основных этапов существования и хронологию феномена многомогильности кургана в эпоху раннего железа на Верхней Оби.

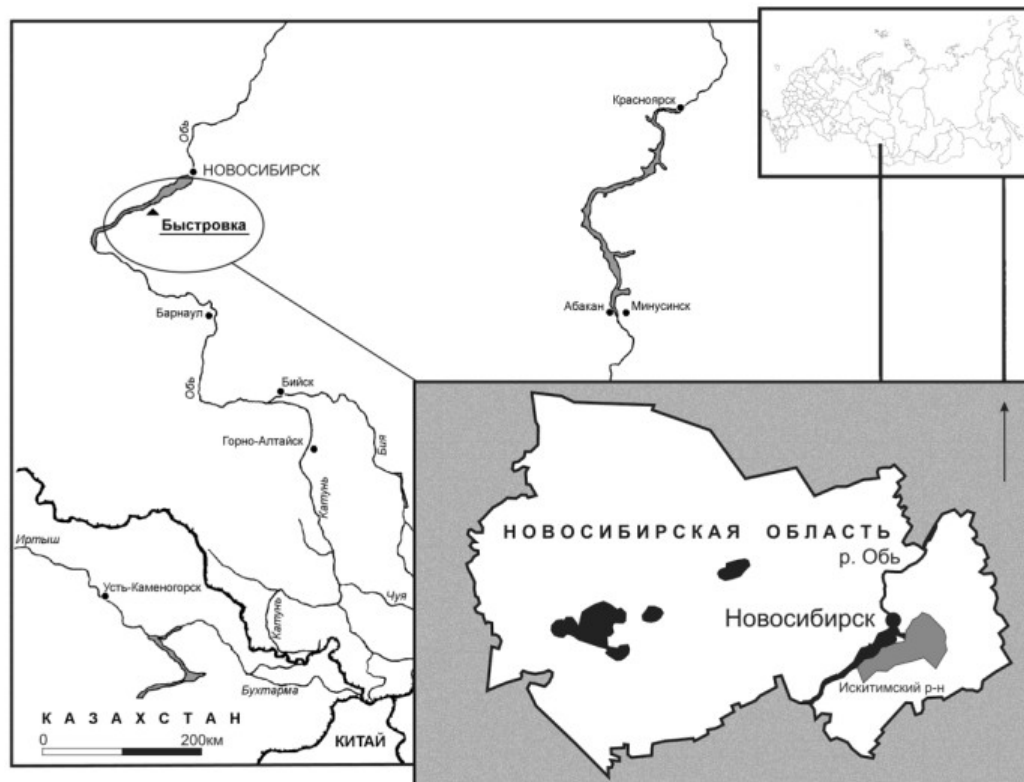

Рис. 1. Расположение Быстровского некрополя (Искитимский район Новосибирской области)

Одной из основных функций погребального сооружения является обособление (изоляция) погребального пространства от окружающей среды (Смирнов, 1997. С. 5, 30, 40), что невозможно без его особой организации. Пространственно структура погребального комплекса (тафосферы) развернута одновременно в горизонтальной и вертикальных плоскостях одновременно (Там же, 1997. С. 25, 34). В археологической литературе модель погребального комплекса представлена внешней и внутренней структурой, разделенной условным уровнем дневной поверхности (Там же, 1997. С. 29). По нашему мнению, содержание внешней структуры погребального комплекса в горизонтальной плоскости следует трактовать достаточно широко, включая все пространственное окружение вокруг погребальных сооружений. В рамках такого подхода следует учесть не только взаиморасположение отдельных погребальных объектов (курганов), но и ряда курганных групп, синхронно существующих на определенной территории, а также сооружения другого предназначения, составляющие часть культурной «инфраструктуры» своей эпохи.

Общим принципом внешней организации погребального пространства эпохи раннего железа верхнеобского региона, включая многомогильные курганы, является «зеркальность» их расположения на противоположных берегах магистральной реки (рис. 2, 1а). Таким образом, внешние границы погребального пространства этих археологических комплексов значительно шире, чем месторасположения отдельной или нескольких курганных групп. Для Быстровского некрополя, расположенного в настоящее время на существенно измененной антропогенной деятельностью территории (правый берег Новосибирского водохранилища), удалось установить совпадение основной ориентации погребального комплекса относительно ныне не существующего русла р. Оби (рис. 2, 1б). Наличие с севера и юга не-

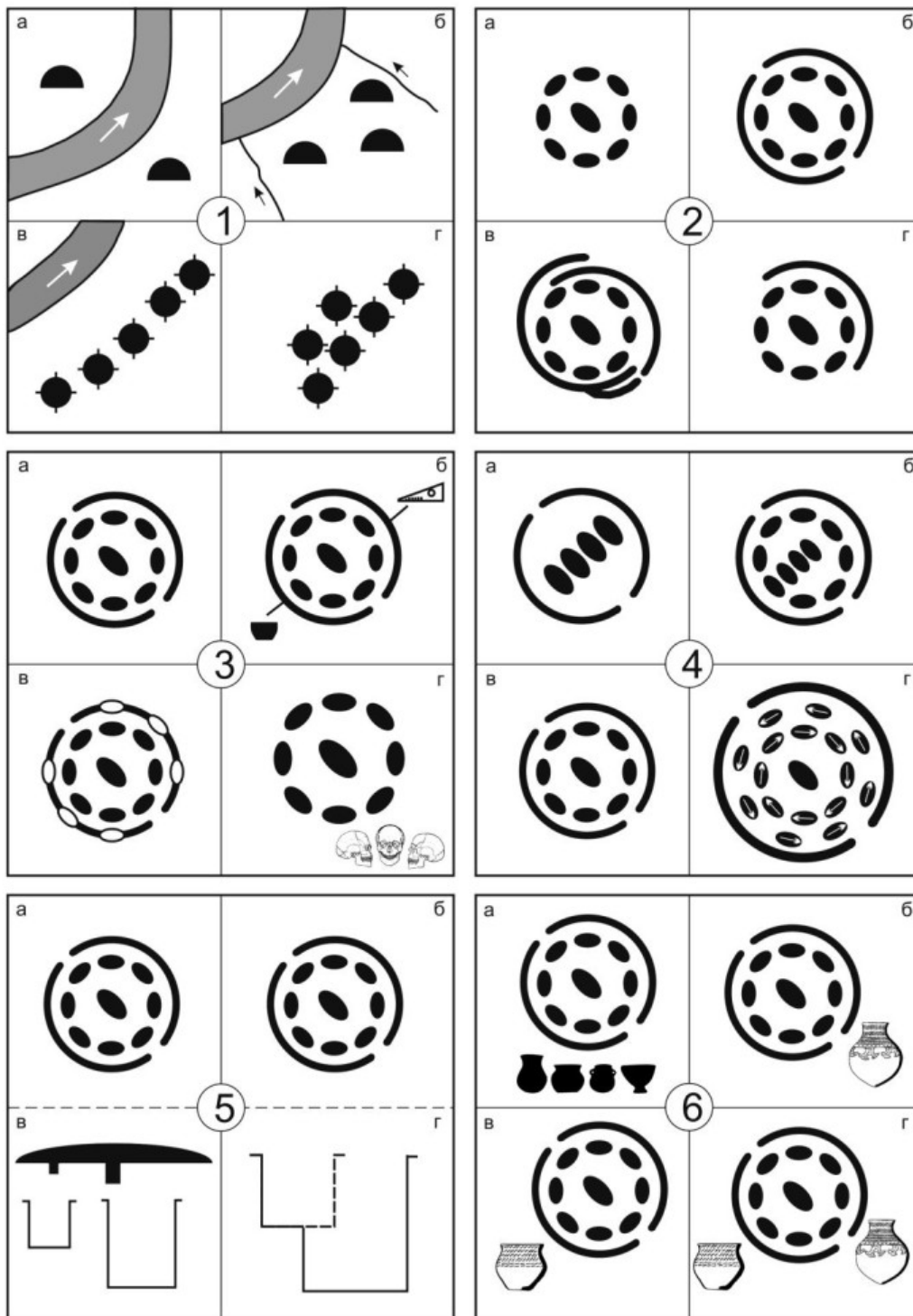

Рис. 2. Погребальное пространство многомогильного кургана эпохи раннего железа (по материалам Быстровского некрополя): 1 — расположение многомогильных некрополей; 2 — внешние границы многомогильных курганов; 3 — погребально-поминальная обрядность на периферии многомогильных курганов; 4 — планиграфия внутреннего погребального пространства многомогильных курганов; 5 — глубина и ярусность захоронений в многомогильных курганах; 6 — погребальное пространство многомогильных курганов и поликультурность

больших рек (Бороздихи и Атаманихи) естественным образом ограничивало этот участок от других прибрежных территорий (рис. 2, 2б). Любопытно, что на южной окраине этого пространства, достаточно далеко от основной территории некрополя, располагались единичные захоронения эпохи раннего железа в культурном слое не существующего к тому времени ирменского поселения Быстровка-4 (Троицкая, Бородавский, 1994. С. 23), с которого в сопроводительный инвентарь отдельных детских захо-

ронений многомогильной курганной группы Быстровка-2 попадали раритетные предметы (*Бородовский, 2004. С. 98–101*). Существенные разрушения естественной береговой кромки Новосибирским водохранилищем, в свою очередь, не позволяют для Быстровского некрополя решить вопрос о взаимном расположении погребального и жилого пространства, а также искажают принципы размещения некрополей эпохи раннего железа относительно р. Оби. В действительности, многомогильный Быстровский некрополь находился на расстоянии нескольких километров от основного русла магистральной реки.

Таким образом, внешнее пространство погребальных комплексов было достаточно обширно, особенно в западном направлении, тогда как к северу, востоку и югу оно имело явные естественные ограничения.

Особенности организации внешних границ погребального пространства являются одним из его основных принципов. Одним из элементов этого является взаиморасположение многомогильных курганов относительно друг друга. Несмотря на определенную ориентацию (рис. 2, 1*в*) курганных групп быстровского некрополя при размещении многомогильных курганов это направление не всегда точно выдерживалось. В целом для Быстровки-1, 2, 3 характерно отсутствие четкой планировки курганов «цепочками». Многомогильные курганы часто располагались в непосредственной близости друг от друга (рис. 2, 1*з*), что не позволяет в полной мере применять приемы вычисления определенных размерных модулей расстояния, на которых они находятся друг от друга (*Телегин, 2008. С. 37–46*). Причину компактного расположения ряда многомогильных курганов Быстровки-1, 2, 3 еще предстоит выяснить, однако очевидным является факт существования нескольких принципов в рамках общей планировки некрополя.

Любое ограждение погребальной конструкции можно рассматривать как одну из основ организации ее внутреннего пространства. К таким сооружениям по археологическим данным можно отнести рвы вокруг многомогильных курганов Быстровского некрополя (рис. 2, 2, 3). Однако такая черта далеко не всегда и не в полном объеме представлена на погребальном комплексе. Можно выделить несколько вариантов ее существования. Среди них: отсутствие рвов вокруг многомогильных курганов (рис. 2, 2*а*); наличие рва в материковой поверхности только с одной из сторон кургана (рис. 2, 2*б*); кольцевые рвы с одной или двумя перемычками «въездами» (рис. 2, 2*в*); кольцевые рвы, частично дублирующие те, которые находятся внутри погребальной конструкции (рис. 2, 2*в*). У некоторых курганов Быстровки-1 кольцевые рвы были сплошными.

Рвы «въезды» многомогильных курганов Быстровского некрополя ориентированы в направлении на восток и запад с определенными отклонениями от этих сторон света.

В отношении рвов, прослеженных в материковой поверхности, интересен вопрос об их использовании в качестве внешней границы погребального пространства многомогильных курганов Быстровского некрополя. Можно говорить также о нескольких вариантах такого использования (рис. 2, 3). Одним из них являются рвы, в заполнении которых не выявлено никаких артефактов (рис. 2, 3*а*), отражающих культурную деятельность. Наряду с этим следует отметить наличие целого ряда курганов с кольцевыми рвами, в заполнении которых зафиксированы конские черепа и керамические сосуды (рис. 2, 3*б*), что позволяет рассматривать эту территорию в качестве одной из активных зон отправления погребально-поминальной обрядности. Установить относительную хронологию этих разновидностей внешних сооружений курганов пока достаточно проблематично. Поскольку ранее высказанное предположение о том, что одномогильные курганы (у которых представлены рвы с «въездами» и без них) предшествуют появлению многомогильных погребальных комплексов, в настоящее время для эпохи раннего железа не является абсолютно достоверным. Многомогильность курганов, как черта погребальной обрядности на юге Западной Сибири, характерна как для раннескифского, так и гунно-сарматского времени.

Не меньший интерес представляют многомогильные курганы, рвы которых использовались для захоронений (рис. 2, 3*в*). При этом следует подчеркнуть, что такие случаи были представлены там, где во рвах находились конские черепа. Таким образом, рвы как внешняя «пограничная» территория многомогильного кургана активно могла использоваться и как основное погребальное пространство. Интерпретация этой черты часто сводится к признакам инокультурного саргатского влияния, охватившего

Верхнюю Обь во второй половине I тыс. до н. э. В Быстровском некрополе это находит подтверждение не только в керамическом комплексе (наличие типичных саргатских сосудов, аналогичных предметам из Барабы и Прииртышья), но и по результатам датирования традиционными и естественнонаучными методами погребений, расположенных в непосредственной близости от кольцевых рвов и захоронений в них (рис. 2, 6з). Существенное удревнение Быстровского некрополя, выполненное на основе методов естественно-научного (радиоуглеродного и дендрохронологического) датирования, не позволяет рассматривать многомогильность курганов как позднюю черту погребальной обрядности эпохи раннего железа Верхней Оби.

Наиболее репрезентативным объектом для прослеживания поликультурности являются ярусные захоронения, сформировавшиеся в относительно узкий временной период. Надежным средством, для определения хронологии этих сложных погребальных комплексов является привлечение данных естественнонаучных методов (радиоуглеродного датирования и дендрохронологии) (*Borodovskii et al.*, 2003. P. 79–92).

Хронологический уровень отражает динамику проникновения и взаимодействия местных и пришлых культурных традиций, получивших отражение в погребальной обрядности. Целая серия захоронений курганной группы Быстровка-2 имеет перекрестные радиоуглеродные и дендрохронологические даты (рис. 3). Достаточно показательны и ярусно-впускные погребения (рис. 2, 5б, 5з). Они считаются одной из локальных особенностей поздней саргатской культуры Барабы (Венгерово-1, 7, Абрамово-4) I в. до н. э. – I в. н. э. (*Палосьмак*, 1987. С. 95). Однако на территории Верхнего Приобья, судя по перекрестным данным радиоуглеродного датирования и дендрохронологии, этот элемент погребальной обрядности появляется значительно раньше. Например, ярусные захоронения № 5а и 5б кургана № 4 Быстровки-2 по дендрошкале датируются от 493 до 493 года до н. э. По результатам радиоуглеродного датирования деревянных конструкций для этих же погребений календарные интервалы составляют от 509–90 гг. до н. э. (АЕ-5432, 2250 ± 80 л. н.)² и 231–97 гг. до н. э. (АЕ-5431, 2150 ± 25 л. н.). Для ярусных захоронений соседнего кургана № 5 Быстровки-2 наблюдается аналогичная ситуация. Кости погребенного из могилы № 30 по радиоуглероду датируются 509–90 гг. до н. э. (СОАН-3962, 2250 ± 80 л. н.). Внутримогильная конструкция захоронения № 32 того же кургана по дендрошкале имеет дату 263 г. до н. э., а кости погребенного по радиоуглероду датируются 366–41 гг. до н. э. (АЕ-5433, 2140 ± 60 л. н.).

Предметный уровень наиболее отчетливо выражен в сочетании изделий, атрибутирующих различные культурные традиции (самодостаточном и гибридном), а также степени заимствования и адаптации инокультурных предметов в иную среду. Погребальные комплексы Быстровки-2 хорошо отражают ситуацию одномоментного присутствия как захоронений с кулайской керамикой различных типов, так и погребений с саргатскими сосудами в пределах одних и тех же многомогильных курганов, включая ярусные захоронения (курган № 4, погребения №№ 5а, 5б). Однако «интеграция» инокультурных элементов в составе Быстровки-2 представлена не только в погребениях, но и в ритуальных действиях с «иноплеменниками». Примером этого является помещение трех человеческих голов на краю насыпи кургана № 9, сопровождаемых кулайским и саргатским сосудами (рис. 2, 3з; 4, 8, 11, 14). Кроме захоронений с предметами саргатского происхождения среди погребений многомогильных курганов Быстровского некрополя встречаются могилы с кулайской керамикой (рис. 2, 6в). Присутствие этих инокультурных черт в элементах сопроводительного инвентаря многомогильных курганов Быстровского некрополя позволяет проследить интегративные возможности погребального пространства, как отражения поликультурности — одной из основных особенностей эпохи раннего железа. Включение этих захоронений в общую систему размещения погребений в многомогильных курганах на примере Быстровского некрополя не позволяет пока говорить о том, что они имели какое-то особое место. Единственно, что можно утверждать, что все захоронения с инокультурными элементами располагались во внешнем кольце захоронений. Судить об уровне престижности этого места пока не представля-

² Калибровка всех радиоуглеродных дат осуществлена при помощи программы OxCal. Использована калибровочная кривая JutCal13.

ется возможным. Правда, в центральной части кургана такие захоронения, как правило, не присутствуют. Однако даже для элитных курганов эпохи раннего железа расположение могилы в их центре не всегда соответствовало высокому статусу погребенного (*Саловьев, 2009. С. 385*).

Ритуальный уровень непосредственно связан со спецификой символических действий, результаты которых нашли отражение в следах обрядовых практик, связанных с захоронением человеческих голов, скальпирования, прижизненной и посмертной трепанации. Следует подчеркнуть, что некоторые ритуально-погребальные действия (захоронения отсеченных черепов с пробитыми глазницами) на периферии многомогильных курганов (рис. 2, 3з) сопровождались инокультурной керамикой саргатского и кулайского происхождения (рис. 2, 6з), что, возможно, связано с социальным статусом останков погребенных.

Горизонтальная плоскость является одной из главных составляющих, в рамках которой проявляются основные принципы планировки погребального пространства. Многомогильные курганы эпохи раннего железа Верхнего Приобья представляют пример совершения продолжительных последовательных погребений. В этом случае происходит явная переориентация организующей функции с останков погребенных на само погребальное сооружение, которое превращается в основное организующее начало (*Смирнов, 1997. С. 72*). Таким образом, не пространство организуется вокруг погребенного, а останки размещаются в зависимости от условий, «предъявляемых» пространством, заполняя его свободные «ячейки» (Там же, 1997. С. 35). В этом случае внутреннее пространство погребального сооружения приобретает ячеистую структуру, появляющуюся на территории Южной Сибири в раннескифскую эпоху (Там же, 1997. С. 51). Для некоторых многомогильных курганов Быстровки-2 по результатам радиуглеродного и дендрохронологического датирования погребений выявлено приоритетное заполнение северного внешнего края захоронений, относительно южного. В сравнении с общей планировкой Быстровского некрополя освоение погребального пространства шло с противоположной южной стороны.

Многомерность погребального пространства (его вертикальная и горизонтальная составляющие), является не только основой его структуры, но и принципами планировки при сооружении захоронений. Для многомогильных курганов Быстровского некрополя это проявляется в различной глубине могильных ям, величина которой постепенно уменьшалась от центра к периферии погребального комплекса (рис. 2, 5а, 5в). Другим проявлением этой особенности является значительное количество ярусных захоронений в многомогильных курганах Быстровки-2, 3 (рис. 2, 5б, 5г). Некоторые принципы организации внутреннего пространства многомогильных курганов Быстровского некрополя вступают в явное противоречие с предположением Т. Н. Троицкой о том, что центральное захоронение сооружалось одним из первых. По данным дендрохронологии и радиуглеродного датирования погребений целого ряда курганов (*Бордовский, 2002. С. 182, 184*) Быстровки-2 захоронения на периферии имели более ранние даты, чем погребения, расположенные в центре. Такие факты, в свою очередь, свидетельствуют об определенной упреждающей организации внутреннего погребального пространства многомогильного кургана, с заранее распределенными местами среди населения, оставившего этот некрополь. Для многомогильных курганов Быстровского некрополя представлено несколько вариантов размещения могильных ям относительно друг друга. Погребальные ямы могли располагаться рядами (рис. 2, 4а). Такая планиграфия захоронений часто сочеталась с круговым размещением могил (рис. 2, 4б). Однако наиболее распространенным способом размещения погребений в многомогильных курганах Быстровского некрополя является «кольцевая» планировка (рис. 2, 4в). Основная часть действий в рамках погребальной обрядности часто рассматривается, как попытка социума заново утвердить порядок, нарушенный смертью (*Смирнов, 1997. С. 4, 5*). С этой точки зрения достаточно интересен вопрос об интерпретации последовательности сооружения захоронений при их кольцевом расположении в многомогильных курганах Быстровки-2. По данным дендрохронологии все эти могилы сооружались (с учетом ориентации погребенных) по направлению движению солнца или против него. В целом ряде многомогильных курганов Быстровского некрополя встречаются два или несколько кольцевых «витков» захоронений, погребенные имеют различную ориентацию — по ходу движения солнца и против него (рис. 2, 4г). В некоторых случаях такая ориентация захороненных может меняться в пределах одного кольцевого витка захоронений. В обрядовой практике, включая погребальную обрядность, солярный

фактор, безусловно, имеет важное значение. Наряду с этим, круговое расположение индивидуумов является одной из социальной и обрядовой практики многих этносов, включая сибирских аборигенов. Не исключено, что аналогичная организация погребального пространства многомогильных курганов Быстровского некрополя вполне может быть связана с этими структурами. Детальное обоснование этого предположения, конечно, требует дополнительных исследований и аргументов, но вполне возможно, что каждый из погребенных в многомогильных курганах с кольцевым расположением могил имел в них свое определенное место («ячейку»). Если рассматривать многомогильные курганы Быстровского некрополя как погребальные комплексы определенных семейно-родственных или родовых групп, то кольцевая планировка захоронений вполне может быть связана с этими социальными структурами. Погребальное пространство многомогильных курганов эпохи раннего железа верхнего Приобья отличается высоким уровнем сочетания индивидуальной и общей структуры погребального комплекса. Эта черта проявляется как на примере отдельных захоронений (одиночные, парные, коллективные, ярусные), их культурной принадлежности, а также расположения их в определенных «ячейках» общей погребальной конструкции типа земляного многомогильного кургана.

Кольцевая, ячеистая структура погребального пространства многомогильного кургана эпохи раннего железа Южной Сибири, несомненно, связана с мировоззренческими представлениями населения, оставившего эти сооружения. Интерпретация реального идеологического смысла этих погребальных комплексов невозможна без тщательной фиксации и разносторонней характеристики. При этом, кроме взаиморасположения различных объектов относительно друг друга, крайне важна их общая структура, складывающаяся в определенный период. Для многомогильного кургана эпохи раннего железа Верхнего Приобья такое время может быть достаточно продолжительным (от нескольких десятилетий до столетия).

Длительность бытования такой погребальной традиции, широкая распространенность в верхнеобском регионе (Новый Шарап-2, Милованово-2, 8, Камень-II, Масляха-I, II; Новотроицкое-II), позволяют рассматривать ее в качестве особой культурной универсалии эпохи раннего железа, одной из главных составляющих которой является сложная структура организации пространства погребальной сферы.

При анализе сопроводительного инвентаря очевидна необходимость его градации на несколько групп. Одной из них являются подлинно инокультурные предметы, имеющие прямые аналогии в погребальных комплексах другой культурной традиции из сопредельных регионов. Например, керамический кулайский сосуд из погребения № 2 кургана № 9 Быстровки-2 аналогичен керамике I группы из Каменного Мыса. Радиоуглеродная дата (СОАН-3966, 2285 ± 60 л. н.) костей погребенного с таким сосудом соответствует периоду 509–192 гг. до н. э. К такой же группе керамики следует отнести и кулайский сосуд с «шипом» из кургана № 2 погребения № 4 Быстровки-2 (рис. 4, Б7). Другим ярким примером наличия инокультурной керамики является полное соответствие саргатского сосуда с рогообразным орнаментом с вдавлениями из Быстровки-2 (рис. 4, Б17) и Венгерова-7 в Барабе, а также с посудой из Коконовских курганов в Прииртышье (Полосмак, 1987. С. 40, рис. 34, 4). Погребальные комплексы Быстровки-2 хорошо отражают ситуацию одномоментного присутствия как захоронений с кулайской керамикой различных типов, так и погребений с саргатскими сосудами в пределах одних и тех же многомогильных курганов, включая ярусные захоронения (курган № 4, погребения №№ 5а, 5б). Такая особенность позволяет рассматривать Быстровский некрополь в формате изучения характера кулайско-саргатских связей, что крайне актуально для всей лесостепной зоны Западной Сибири (Татаурова, 1998. С. 39–46).

К другой группе относятся вещи из транскультурного предметного комплекса, особенно металлических изделий, получивших широкое территориальное распространение. Например, малые бронзовые обоймы (рис. 4, А1, Б1), связываемые с кулайским влиянием в формате брачных контактов (Могильников, 1995. С. 78), встречаются в погребениях на сопредельных территориях (Алтай), датирующихся не позднее рубежа V–IV вв. до н. э. (Бородовский, Бородовская, 2013. С. 156, рис. 63, Б). Такие изделия (рис. 4, Б1) были обнаружены в кургане № 2 Быстровки-2, материалы которого по радиоуглеродному датированию относятся от 810–540 гг. до н. э. (СОАН-3925, 2560 ± 40 л. н.) до 760–390 гг. до н. э. (СОАН-3926, 2380 ± 45 л. н.).

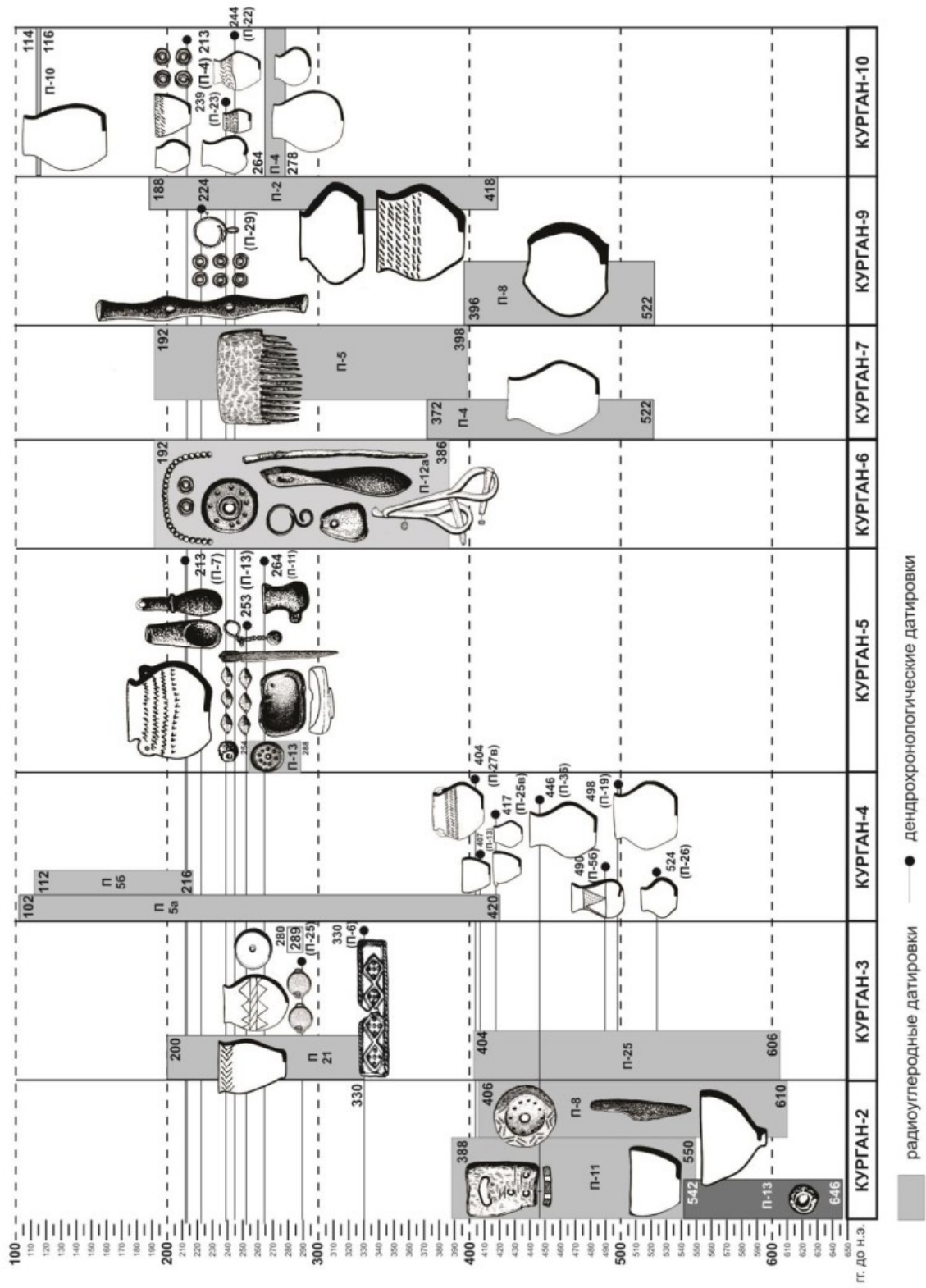

Рис. 3. Результаты естественно научного (радиоуглеродного, дендрохронологического) и археологического датирования погребений курганной группы Быстровка-2

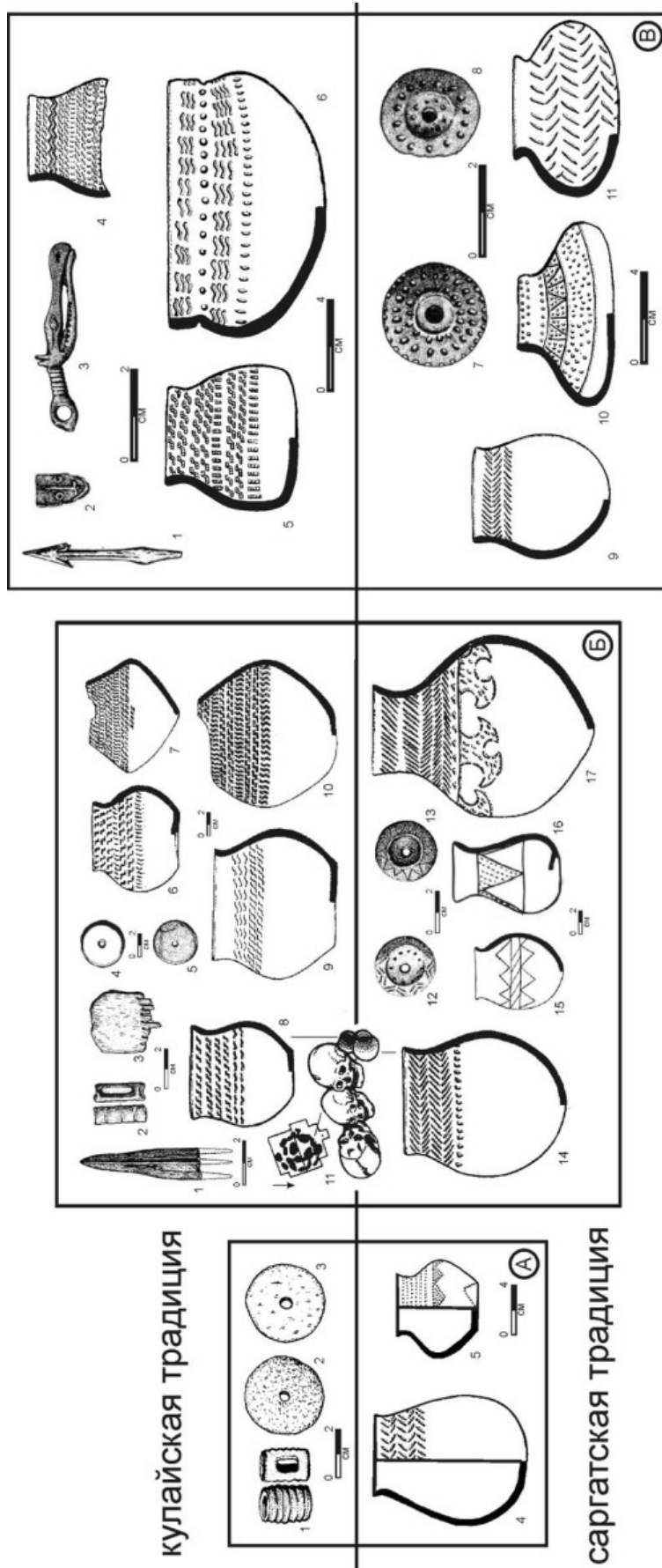

Рис. 4. Поликультурность предметного комплекса Быстровского некрополя:

A — предметный комплекс Быстровки-1 с признаками кулайского и саргатского влияния: 1 — бронзовая обойма; 2, 3 — каменные стрелы; 4, 5 — керамические сосуды;
B — предметный комплекс Быстровки-2 с признаками кулайского и саргатского влияния: 1 — бронзовый наконечник стрелы; 2 — бронзовая обойма; 3 — роговой гребень;
 4, 5 — каменные стрелы; 6–10 — кулайские керамические сосуды; 11 — планиграфия захоронения голов на краю насыпи кургана № 9; 12, 13 — керамические пряслища;

14–17 — керамика с признаками прямого и косвенного саргатского влияния;
B — предметный комплекс Быстровки-3 с признаками кулайского и саргатского влияния: 1 — костяной наконечник стрелы; 2 — металлургическая лгчица; 3 — бронзовая подвеска;
 4–6 — кулайская керамика; 7, 8 — керамические пряслища; 9–11 — керамика с признаками прямого и косвенного саргатского влияния

Другой категорией предметов с неоднозначной кулайской атрибуцией являются каменные неорнаментированные пряслица (рис. 4, *А2, А3, Б4, Б5*). Дендрохронологическая датировка «осевого» погребального комплекса Быстровки-2 (курган № 3, погребение № 25), где присутствует каменное дисковидное пряслице, надежно относится к 289 г. до н. э. В целом наличие пряслиц может являться надежным признаком распространения определенной культурной традиции (Там же, 2013. С. 198, рис. 105). В Быстровском некрополе это наиболее отчетливо представлено наличием типично саргатских керамических пряслиц (рис. 4, *Б12, Б13, В7, В8*).

Следующей группой важных предметов для «поликультурной диагностики» являются те, которые связаны не только с явным заимствованием, но и адаптацией их под «местные реалии». Один из самых показательных предметов — бронзовый наконечник кулайского типа из погребения № 7 кургана № 6 Быстровки-2 (рис. 4, *Б1*). Важно отметить, что инокультурная форма предмета вооружения была явно адаптирована к «местной среде» путем спиливания длинных шипов. Для костяных наконечников гарпунного типа (рис. 4, *В1*), представленных как в Каменном Мысе, так и Быстровке-3, следует отметить их эпихальную, хронологическую особенность (хуннскую), а не исключительно «северную» принадлежность.

Определенную «гибридность» можно констатировать и для отдельных образцов металлопластики Быстровского некрополя, связываемых с кулайской культурной традицией. Например, бронзовая подвеска с зубастым лосем на рифленом стержне из Быстровки-3 имеет явные связи с центральноазиатской металлопластикой (рис. 4, *В3*). Кроме того, выводы об абсолютном доминировании образа лоса в кулайском литье в целом являются не обоснованными (*Труфанов, Труфанова, 2015. С. 275–276*).

Особое значение для определения формата поликультурности имеют неординарные захоронения, снабженные разнокультурным сопроводительным инвентарём. В частности, на западном краю насыпи кургана № 9 Быстровки-2 зафиксировано отдельное захоронение трех черепов, рядом с инокультурными (кулайским и саргатским) керамическими сосудами (рис. 4, *Б8, Б11, Б14*). Отрубленная человеческая голова в Центральной Азии являлась одним из атрибутов ритуальной деятельности и политической культуры вплоть до эпохи развитого Средневековья (*Дмитриев, 1997. С. 212–219*). Явно выраженный военный травматизм, включая следы скальпирования (*Бордовский, Табарев, 2005. С. 87–96*), погребенных Быстровского некрополя также является одним из последствий поликультурности, связанной с повышенной конфликтностью. Судя по предметам вооружения, эти действия были явно связаны с южными соседями. В свою очередь, в керамическом комплексе Быстровского некрополя достаточно четко выражен сакский компонент, во многом обусловленный активными миграционными процессами из Центральной Азии и Синьцзяна (*Боталов, 2007. С. 62*).

Несмотря на то, что единичные радиоуглеродные даты из Быстровки-1, курган № 17 погребение № 1 (СОАН-3956, 2390 ± 75 л. н.) 774–361 гг. до н. э. и Быстровки-3 курган № 6, погребения №№ 4, 8 (СОАН-3972, 2345 ± 65 л. н.) 592–350 гг. до н. э., (СОАН-3963, 2410 ± 75 л. н.) 772–386 гг. до н. э. располагаются в рамках общей хронологии Быстровки-2, следует отметить различную степень присутствия кулайских материалов в этих памятниках. Все это позволяет усомниться в прежней периодизации «первой волны расселения» кулайцев на севере Верхнего Приобья, которая подразделялась на два этапа: III–II вв. до н. э. и II–I вв. до н. э. (*Троицкая, 1979. С. 46, 48, 49*). Учитывая последние данные комплексного датирования быстровского некрополя, хронологию миграционных процессов носителей кулайской культурной традиции на территорию Новосибирского Приобья можно удревить не менее чем на 100 лет. Более того, в условиях поликультурности факты совместных захоронений в одном погребальном пространстве могут соответствовать начальному этапу их интеграции (*Slater et al., 2014. P. 117–127*). Для IV–III вв. до н. э. на основании археологических данных из всего Быстровского некрополя и Каменного Мыса можно говорить о нескольких моделях поведения многокомпонентных групп населения, которые были представлены как консолидацией, так и интеграцией. В рамках этих процессов особенно выразительным является керамический комплекс. В полной мере это нашло отражение не только в делении Т. Н. Троицкой по материалам Каменного Мыса нескольких групп керамики, но и в сочетании посуды «северного» и «южного» облика в одних и тех же погребальных комплексах (*Троицкая, 1979. С. 16–19*).

В целом, обобщая археологические данные о поликультурности Быстровского некрополя, можно с полным основанием рассматривать этот репрезентативный погребальный комплекс как эталонный в рамках отражения сложных процессов культурогенеза древнего населения Верхней Оби.

- Бородовский А. П.* Археологические памятники Искитимского района Новосибирской области. Мат-лы «Свода памятников истории и культуры народов России». Новосибирск, 2002. Вып. 6.
- Бородовский А. П.* Хронологические парадоксы вещевого комплекса Быстровского некрополя эпохи раннего железа // Евразия. Культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск, 2004. Вып. 3.
- Бородовский А. П., Бородовская Е. А.* Археологические памятники горной долины нижней Катунь в эпоху палеометалла. Новосибирск, 2013.
- Бородовский А. П., Табаров А. В.* Скальпирование в Северной Америке и Западной Сибири по данным археологии // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2005. № 1 (21).
- Боталов С. Г.* Туркестан как единое геополитическое пространство в эпоху раннего железа // Алтае-Саянская горная страна и соседние территории в древности. Новосибирск, 2007.
- Быстрова А. Н.* Структура культурного пространства / Автореф. дис. на соиск. ... докт. ист. наук. Томск, 2004.
- Замятин Д. Н.* Культура и пространство. Моделирование географических образов. М., 2006.
- Дмитриев С. В.* Тема отрубленной головы и политическая культура народов Центральной Азии (общезиатский контекст) // Стратум: структуры и катастрофы. СПб., 1997.
- Могильников В. А.* О миграциях кулайского населения на юг // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1995. № 1.
- Полосьмак Н. В.* Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск, 1987.
- Савинов Д. Г.* Ранние кочевники Верхнего Енисея: археологические культуры и культурогенез. СПб., 2002.
- Смирнов Ю. А.* Лабиринт. Морфология преднамеренного погребения. М., 1997.
- Соловьев А. П.* Большие курганы: к вопросу о определении статуса погребенных // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Новосибирск, 2009. Т. XV.
- Татаурова Л. В.* К вопросу о северных связях саргатской культуры // Взаимодействие саргатских племен с внешним миром. Омск, 1998.
- Телегин А. Н.* Некоторые особенности планиграфии курганной группы Объездное-1 // Вопросы археологии и истории Сибири. Памяти профессора А. П. Уманского. Барнаул, 2008.
- Троицкая Т. Н.* Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979.
- Троицкая Т. Н., Бородовский А. П.* Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994.
- Труфанов А. Я., Труфанова Ж. Н.* К вопросу об «Образе лося» в западносибирской металлопластике раннего железного века // IV Северный археологический конгресс. Материалы. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2015.
- Borodovskii A. P., Slusarenko I. Yu., Kuzmin Y. V., Orlova L. A., Christen J. A., Garkusha Yu. N., Burr G. S., Jull A. J. T.* Chronology of Early Iron Age Burial Assemblages in the Upper Ob Area Based on the Tree-Ring and Radiocarbon Methods: Bystrovka-2 Burial Ground // Archaeology, Ethnology & Anthropology Eurasia. 2003. № 3 (15).
- Slater P., Hedman K. M., Emerson T. T.* Immigrants at the Mississippian polity of Cahokia: strontium isotope evidence for population movement // Journal of Archaeological Science. Vol. 44. April 2014.

А. С. Шишкин, П. В. Волков, А. В. Зубова, М. С. Кишкурно

ВЫСТАВЛЕНИЕ ГОЛОВ У НОСИТЕЛЕЙ КАМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ БЫСТРОВСКОГО НЕКРОПОЛЯ)

Обряд публичного выставления головы человека, насаженной на кол, пест или копьё, был широко распространён у населения Северной Евразии эпохи раннего железного века. Он неоднократно был описан в трудах античных авторов, его изображения присутствуют на некоторых ювелирных изделиях этого периода. Палеоантропологических свидетельств подобных манипуляций на материалах коллекций скифского времени до сих пор зафиксировано не было.

В краниологической коллекции из некрополя гунно-сарматского времени Быстровка-2 (Новосибирское Приобье, V–II вв. до н. э.) было обнаружено три черепа со следами преднамеренных повреждений, которые впервые можно однозначно интерпретировать как свидетельства насаживания на песты или колья. Их комплекс включает в себя следы декапитации, выполняемой без нарушения целостности позвоночного столба, и травмы мозгового отдела черепа тупым твердым предметом. Последние были нанесены по направлению изнутри наружу, и обеспечивали жесткую фиксацию головы на песте. В одном случае была зафиксирована травма от чекана.

Водружение голов, вероятно, было приурочено к завершающей стадии функционирования кургана (или могильника в целом — курган № 9 является одним из самых поздних в некрополе) в качестве места проведения погребальных ритуалов и носило апотропейное значение.

Ключевые слова: ранний железный век, каменная культура, Быстровский некрополь, декапитация, ритуальное выставление голов, преднамеренные манипуляции с черепом

Введение. Комплекс курганных могильников Быстровка-1, 2, 3 расположен на правом берегу Новосибирского водохранилища, к северо-востоку от с. Быстровка Искитимского района Новосибирской области. Он функционировал в пределах последней трети I тыс. до н. э. и относится к большереченской (каменной) культуре эпохи раннего железного века. К настоящему времени некрополь изучен практически полностью и считается наиболее значимым погребальным комплексом гунно-сарматского времени лесостепного Приобья (*Бородовский, 2002; Дураков и др., 1995; Дураков, Мжельская, 1995*). Могильник Быстровка-2 является самым поздним и самым масштабным (более 250 погребенных) из трех памятников в составе некрополя. Анализ предметного комплекса относит его к периоду от последней трети I тыс. до н. э. до рубежа эр.

При изучении погребальной обрядности и антропологических материалов Быстровского некрополя было выявлено многообразие прижизненных и посмертных манипуляций с головами и (или) черепами погребенных здесь людей. Е. Г. Шпаковой и А. П. Бородовским были выявлены и частично проинтерпретированы следы скальпирования, искусственной деформации, прижизненных и посмертных трепанаций, окраски голов минеральным красителем (*Бородовский, 1997; 1998; 2002; Бородовский и др., 2010*).

Данная работа посвящена интерпретации еще одного вида манипуляций с черепами, следы которых были выявлены на материалах кургана № 9, относящегося к финальному этапу функционирования могильника Быстровка-2.

В западной поле кургана, на уровне дневной поверхности было зафиксировано захоронение трех изолированных черепов с нижними челюстями, находящимися в анатомическом сочленении. Оно сопровождалось двумя керамическими сосудами, по форме и орнаментации отличающимися от каменных. Один из них типичен для кулайской культуры эпохи РЖВ Западной Сибири, второй — для саргатской (рис. 1).

Первоначальное обследование находок было выполнено А. П. Бородовским и Е. Г. Шпаковой, которые выявили на всех трех черепах два вида посмертных повреждений — посмертное расширение больших затылочных отверстий и повреждение свода, не связывая их в единый комплекс. А. П. Бородовский интерпретирует наблюдаемые повреждения как следы энцефалофагии — поедания

мозга, но допускает и иные варианты их интерпретации — как в качестве ритуальных, выполняемых с целью освободить душу погребенного, так и в качестве манипуляций медицинского характера (Бородовский, 2002. С. 103–104). Проведенное нами повторное палеоантропологическое и трасологическое обследование черепов из этого комплекса, основным результатам которого посвящена данная работа, позволило предложить иную интерпретацию выявленных повреждений и связать их с известным по письменным и материальным источникам обычаем выставления голов на кольях (шестах, копьях и т. п.).

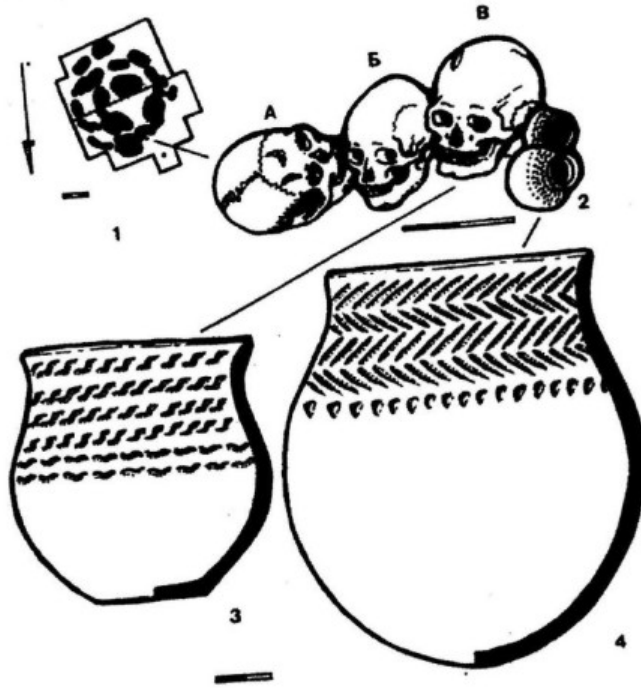

Рис. 1. План захоронения в насыпи кургана № 9 могильника Быстровка 2 (Бородовский, 2002. С. 101, рис. 83)

Методы и материалы. Основным материалом для исследования послужили три черепа (череп «А», череп «Б» и череп «В»), обнаруженные в насыпи кургана № 9 могильника Быстровка-2. Они были обследованы по комплексной палеоантропологической программе, включавшей в себя определение биологического пола и возраста смерти погребенных, характеристику их краниологического облика и морфологии зубной системы, анализ патологического статуса, а также детальный трасологический анализ выявленных повреждений.

Пол погребенных определялся на основании морфологических характеристик черепов в ключевых областях, возраст — по степени облитерации швов экзокрана и эндокрана и состоянию зубной системы. Краниологическое и одонтологическое обследование выполнялось по стандартным программам, принятым в отечественной и зарубежной антропологии (Алексеев, Дебец, 1964; Зубов, 1968; 2006).

При микроскопическом анализе поверхности черепов в местах локализации повреждений применялась трасологическая методика, разработанная С. А. Семеновым и Г. Ф. Коробковой (Семенов, 1957; Коробкова, 1999). Для сравнительного анализа использовались материалы Сибирской эталонной коллекции трасологических стандартов и опыт работы с материалами археологических коллекций Северной и Центральной Азии (Волков, 2013).

Особенностям биологических характеристик индивидов, чьи черепа были обнаружены в комплексе, будет посвящена специальная работа. Главная задача данной статьи — реконструкция манипуляций с головами, повлекших за собой появление повреждений на черепах, и характеристика их мифоритуального контекста.

Описание следов манипуляций.

Череп «А». Череп «А» принадлежал женщине в возрасте 20–25 лет. На нем было зафиксировано несколько повреждений, имеющих различный генезис.

Рис. 2. Череп «А». Травма затылочной кости

На правой теменной кости, практически на затылочном шве, на расстоянии примерно двух сантиметров от точки его соединения с сагиттальным швом, присутствует повреждение травматического происхождения (рис. 2). Оно имеет округлую форму, диаметр примерно 12 мм. Мезиальный край отверстия поврежден посмертно. Травму можно интерпретировать как след проникающего удара острым предметом, схожим с чеканом. Об этом свидетельствует характерная смятость костной ткани по краям отверстия и незначительные сколы компакты на поверхности эндокрана. По всей видимости, оружие, которым нанесли удар, было сразу извлечено из раны, на что указывает наличие смятости кости на внутреннем крае отверстия со стороны сагиттального шва.

Еще одно похожее повреждение фиксируется в левой половине затылочной кости, тремя с половиной сантиметрами ниже затылочного шва. Описать его подробно не дают возможности посмертные повреждения черепа и отсутствие фрагмента, ограничивающего одну из сторон травмы. Диаметр отверстия аналогичен наблюдаемому на теменной кости.

Рис. 3. Нижний ряд справа — череп «А», линия среза костного материала ножом, использованном в качестве долота. Слева — череп «А», следы длинной части клинка ножа. Верхний ряд слева — череп «Б», линия среза костного материала ножом. Справа — череп «В», совпадение линий деформации черепа в зоне неба на внутренней и внешней поверхности черепа

В районе затылочного синхондроза (шва, соединяющего затылочную и основную кость) и пирамид височных костей наблюдаются два повреждения, берущих начало в области так называемого рваного отверстия (*foramen lacerum*). Они представляют собой широкие, удлиненные плоскости, сформированные в результате применения режуще-рубящего орудия (рис. 3), локализованные симметрично с обеих сторон черепа и пересекающиеся в районе сфеноокципитального соединения. Кроме того, в нижней части затылочной кости, в районе анатомической локализации границ мягких тканей шеи, присутствуют следы преднамеренного удаления ее базального отдела, технология которого не вполне понятна из-за плохой сохранности костной ткани. Если на черепах «Б» и «В» присутствуют без-

условные следы орудия, при помощи которого выламывались и удалялись костные фрагменты (см., например, рис. 4), то здесь признаки преднамеренного воздействия фиксируются только на основании морфологических макропризнаков.

Рис. 4. Череп «Б». Следы использования рубящего орудия для разрушения затылочной кости

В результате зафиксированных манипуляций основание черепа было полностью удалено, и на его месте сформировано отверстие подтреугольной формы с расширением в области чешуи затылочной кости (рис. 5).

Рис. 5. Зоны деформации в основании черепов: а — череп «Б», б — череп «В», в — череп «А»

На нижней челюсти погребенной наблюдается повреждение левого угла, выполненное по свежей кости. К сожалению, посмертные разрушения не позволяют определить его генезис.

Череп «Б». Череп «Б» принадлежал юноше в возрасте 17–20 лет. На нем отсутствуют травмы от чекана, но также, как на черепе «А», наблюдаются явные следы преднамеренного разрушения основания черепа (рис. 3, 5). Разделение затылочной и основной костей в данном случае было в значительной мере облегчено неполной облитерацией затылочно-основного соединения. При помощи двух продольных разрезов (рис. 3), аналогичных наблюдаемым на черепе «А», было выполнено разделение базальной части затылочной кости и височных костей. Затем базальная часть была отсечена от чешуи затылочной кости несколькими ударами, и в данном случае в области выйных линий были зафиксиро-

ваны безусловные следы использования рубящего инструмента с относительно острым рабочим краем (рис. 4). Анализ кинематики рабочего перемещения орудия и специфика дислокации следов его воздействия на костный материал в основании черепа позволяют определить основную функцию использованного инструмента как долото (орудие с заостренным рабочим краем и предназначенное для выдалбливания отверстий в относительно твердых материалах, как правило, органического происхождения) (Волков, 2013. С. 110–111). Вполне вероятно, что в данном случае в качестве долота мог использоваться нож.

Также, как и на черепе «А», результатом манипуляций стало полное удаление основания черепа и формирование широкого отверстия подтреугольной или подтрапециевидной формы.

На чешуе затылочной кости, с правой стороны, в районе, прилежащем к середине затылочно-теменного шва, отмечена травма, представляющая собой следствие намеренного прободения черепной коробки с внутренней стороны (рис. 6). Характерные очертания «входных» отверстий с ровными краями и «выходных» со следами выкрашивания компакты по периметру свидетельствуют о применении в данном случае тупого твердого предмета.

Рис. 6. Входные (верхний ряд) и выходные (нижний ряд) участки пробивания черепов.
Слева — череп «Б», справа — череп «В»

Череп «В». Череп «В» принадлежал мужчине в возрасте 20–30 лет. Зафиксированные на нем повреждения по своему характеру аналогичны наблюдаемым на черепе «Б». Здесь также наблюдаются следы продольных разрезов, отделивших основание затылочной кости от височных костей (рис. 3), следы разрубов в области выйных линий (рис. 5), и присутствует травма черепа тупым твердым предметом, нанесенная изнутри.

Она локализована в центре правой половины венечного шва, имеет неправильные очертания, и также, как на черепе «Б», окружена широкими сколами компакты (рис. 6). Основное различие между двумя повреждениями заключается в том, что на черепе «В» при нанесении удара пластинка компакты отделилась не полностью, и с внешней стороны отверстия видны следы ее подрезания.

Обсуждение. На трех черепах, захороненных в насыпи кургана № 9, можно констатировать наличие трех видов преднамеренных манипуляций: пробивания головы чеканом, разрушения костей основания черепа, и пробивания черепной коробки твердым тупым предметом по направлению изнутри наружу.

Ни на одном из черепов не было обнаружено повреждений сосцевидных или шиловидных отростков, которые бы свидетельствовали об отсечении головы от тела, предвещающем разрушение костей основания, хотя в коллекции из Быстровского некрополя черепа с такими повреждениями имеются. Анатомически порезы и надрубы, фиксируемые на всех трех черепах, располагаются по границе мягких тканей шеи и головы, не заходя внутрь области, занимаемой позвоночным столбом и прилежащими органами. Их расположение позволяет говорить о том, что обсуждаемые манипуляции правильнее будет обозначить не как «удаление костей основания черепа», поскольку это не являлось самостоятельной целью выполняемых действий, а как один из видов декапитации, выполняемый без нарушения целостности позвоночного столба. Во всех трех случаях она выполнялась путем вонзания ножа под подбородок жертвы с последующим выполнением симметричных боковых надрезов, надрубанием и выламыванием части затылка, связанной с позвоночником. Возможно, что повреждение угла нижней челюсти, наблюдаемое на черепе «А», является случайным порезом, нанесенным в момент выполнения первоначального удара под подбородок.

Можно предполагать, что отделение головы жертвы от позвоночного столба выполнялось человеком (или людьми), в какой-то мере знакомым с особенностями ее анатомического строения. Первоначальное проникновение ножа в полость черепа выполнялось путем его вертикального введения в т. н. рваное отверстие. Дальнейшая траектория разрезов, выполняемых по направлению к яремному отверстию, была ориентирована на места расположения крупных сосудов, что уменьшало необходимость применения серьезных физических усилий. Поскольку на костях черепа в большинстве случаев отсутствуют дублирующие порезы, которые могли бы свидетельствовать о нескольких попытках интуитивного нахождения оптимальной траектории, можно предполагать, что человек, выполнявший манипуляцию, был знаком с внешними анатомическими ориентирами ключевых точек. Нужно отметить, однако, что строгого соответствия разрезов анатомическому строению черепа не наблюдается ни в одном случае, каждая из травм имеет индивидуальные особенности.

Разрушение костей основания являлось лишь первым этапом выполняемого действия, предназначенного для обеспечения возможности проникновения в полость черепной коробки. В двух случаях из трех за ним последовало нанесение травм свода черепа изнутри наружу тупым твердым предметом. Характер повреждений говорит о том, что они были вызваны насаживанием голов с сохранившимися мягкими тканями на твердое основание (шест, кол и т. п.). По всей вероятности, это делалось с целью их выставления для публичной демонстрации.

Отверстия в своде черепа имели важную функциональную нагрузку. Они фиксировали голову на конце шеста таким образом, что по мере разложения мягких тканей она не могла упасть на землю. Ориентация лица вывешенных голов при этом, по всей видимости, не имела большого значения. Шест проходил таким образом, что у черепа «Б» оно было обращено вниз, к земле, у черепа «В» — к горизонту. У черепа «А» фиксирующую роль могла выполнять травма от чекана, в этом случае его лицевой отдел тоже был обращен к земле.

До настоящего времени достоверных палеоантропологических свидетельств ритуального выставления голов на шестах было известно крайне мало. Единственная известная нам находка происходит с позднеолитического поселения на р. Модлоне. У одного из жилищ был обнаружен череп молодой женщины, насаженный на деревянный кол, причем последний частично сохранился внутри черепной коробки. По заключению М. М. Герасимова, освобожденный от мягких тканей череп с намеренно выломанными костями основания был насажен на тупой кол и в течение довольно долгого времени выставлялся вблизи жилища (Герасимов, 1955. С. 336–342).

Одним из главных аргументов в пользу этого предположения стало наличие на черепе характерных следов выветривания. Анализ структуры внешней поверхности черепов из насыпи кургана № 9 могильника Быстровка-2 показал, что они также подверглись сильной ветровой эрозии, которая привела к изменению цвета и структуры костной ткани. Особенно это заметно при сравнении с черепами, погребенными в закрытых могильных комплексах Быстровского некрополя. Черепа из обычных могил имеют желтоватую окраску костной ткани с гладкой и плотной поверхностью компакты. Че-

репа из комплекса в насыпи кургана № 9 характеризуются серо-коричневым цветом костей, поверхность которых шершавая и покрыта множеством мелких царапин. Изначальная окраска и нормальная структура компакты сохранились только в местах соединения отдельных костей, закрытых от воздействия ветра.

Таким образом, не только характер повреждений черепов, но и наличие специфических изменений окраски и структуры их внешней поверхности подтверждают гипотезу о том, что носители каменной культуры Новосибирского Приобья практиковали выставление голов людей на пестях в ритуальных целях. О том, что это были именно головы, а не черепа, помимо положения повреждений оснований свода по границам мягких тканей шеи, говорит отсутствие следов преднамеренного удаления мягких тканей на костях и наличие в ритуальном комплексе нижних челюстей от всех трех черепов, находящихся в анатомическом сочленении.

Точно определить место, где были выставлены головы, и время, на протяжении которого продолжалась их демонстрация, затруднительно. В публикации материалов ритуального комплекса отсутствуют сведения о стратиграфии и о том, были ли поблизости зафиксированы остатки кольев (*Бородовский, 2002*). Соответственно утверждать, что первоначально ритуал выполнялся именно там, где были захоронены черепа, мы не можем. Длительность экспонирования определить также весьма сложно, поскольку она определяется на основании степени разложения мягких тканей, сроки которого сильно зависят от температурного режима, в условиях которого протекает процесс. Присутствие следов выветривания на всех открытых поверхностях черепов «А», «Б» и «В» свидетельствует о полном разложении покровов к моменту захоронения. Сохранение целостности височно-нижнечелюстного сустава, однако, говорит о том, что разложение связок еще не завершилось. При благоприятных условиях, мягкие ткани трупа, находящегося на поверхности земли, могут полностью разложиться в течение трех-четырёх летних месяцев, хотя отмечается, что части расчлененных трупов разлагаются медленнее, в силу их обескровливания (*Судебная медицина...*, 1998. С. 341). Учитывая природно-климатические условия Западно-Сибирской лесостепи и высокую вероятность частичного расклеивания мягких тканей выставленных голов птицами, можно принять этот срок в качестве граничного.

Остановимся на смысловом содержании реконструированных действий. Археологические свидетельства посмертных манипуляций с головой или черепом умершего — нередкое явление. Следы таких действий в фиксируются уже в эпоху раннего палеолита. В последующие эпохи их число только растёт, а способы такого обращения становятся все более разнообразными.

Особое отношение людей традиционной культуры к голове (черепу) человека вполне понятно: голова, в частности, лицо человека, являются средоточием наиболее индивидуальных его черт; их особенности, включая причёску, мимику; черты лица определяют индивидуальный запоминаемый образ человека и служат для его идентификации. Соответственно, именно голова (или часть ее, в частности, волосы) воспринималась как вместилище жизненной силы, души, «мань» человека. Кроме того, характер ритуального обращения с головой человека после его смерти в значительной степени должен был определяться отношением лиц, исполнявших ритуал, к умершему. Череп — вместилище души, жизненной силы — сохранялся и использовался в качестве талисмана, оберега, в знак особого почитания покойного. С другой стороны, не менее древней традицией является сохранение и демонстрация головы или черепа поверженного врага — в этом случае он демонстрируется с целью манифестации свершившейся мести, казни, наказания, как военный трофей (как вариант, с аналогичной целью могут сохраняться отдельные кости, скальпы и т. п.). Наиболее распространенной практикой являлось выставление на всеобщее обозрение голов казненных преступников. Этот обычай устрашения был наиболее долгоживущим — например, в Японии он был официально отменен только в 1869 г. в ходе реформ Мэйдзи (*Мещеряков, 2009*. С. 215–216). Оба смысловых значения выставления черепов сближаются в значении апотропейной функции: голова героя, предка, павшего врага являлась, в первую очередь, вместилищем души, сущности покойного и, следовательно, источником силы, способной оградить от возможных негативных внешних воздействий. Частным случаем выставления головы можно считать выставление головы (черепа) на деревянном песте.

Бытование такого рода обрядовых действий у племен, населявших евразийские степи в эпоху раннего железного века, известны по упоминаниям в сочинениях античных авторов. Многообразие ритуального обращения с человеческими головами было характерно для народов Северного Причерноморья. Геродот, описывая обычаи скифов и их соседей, упоминает, в числе прочего, о скальпировании, сохранении голов в качестве трофеев, изготовлении ритуальных чаш из черепов предков (исседоны) или побежденных врагов (скифы). В частности, для тавров описано выставление отрубленных голов на столбе или на песте как элемент жертвоприношения богине-Деве и использование голов убитых врагов в качестве апотропея: «... приносят в жертву Деве потерпевших крушение мореходов и всех эллинов, кого захватят в открытом море, следующим образом. Сначала они поражают обреченных глубиной по голове. Затем тело жертвы, по словам одних, сбрасывают с утеса в море, ибо святилище стоит на крутом утесе, голову же прибывают к столбу... С захваченными в плен врагами тавры поступают так: отрубленные головы пленников относят в дом, а затем, воткнув их на длинный пест, выставляют высоко над домом, обычно над дымоходом. Эти висящие над домом головы являются, по их словам, стражами всего дома» (Геродот. Кн. 4: «Мельпомена», 103).

Известны изделия скифской эпохи, запечатлевшие мотив водружения отрубленной головы. Возможно, что именно такое действие мы видим на так называемом «колпачке» из кургана IV в. до н. э. Курджипс (*Галанина*, 1980. С. 93, рис. 51). На внешней поверхности «колпачка» дважды повторена сцена с двумя воинами, держащими копье, направленное наконечником вниз, к земле. В свободных руках один из воинов сжимает меч, второй держит за волосы отрубленную голову. Можно предположить, что в сцене передан момент, непосредственно предшествующий водружению головы на тупой конец копейного древка. Примечательно, что предметы такого рода, неоднократно обнаруженные в элитных погребениях скифских воинов, — «большие золотые колпачки», «ворворки», убедительно интерпретированы исследователями как церемониальные воинские принадлежности — своеобразные футляры для ношения скальпов, снятых с убитых врагов (*Рябова, Черняков*, 2002), то есть имеют непосредственное отношение к манипуляциям с головами. Сцена с насаживанием отрубленной головы запечатлена на золотой пластине из собрания Романовича: в правой части пластины изображено тело павшего воина и победитель, уносящий его голову, насаженную на острие меча (?). Пластина рассматривается исследователями как украшение налобной части головного убора и датируется IV в. до н. э. (*Пльинская*, 1978. С. 99–100).

Следует отметить, что обычай водружения головы на пест в раннем железном веке не ограничен в культурном отношении только кочевниками евразийских степей. Аналогичные манипуляции с головами убитых распространены довольно широко среди индоевропейцев. В качестве примера можно рассмотреть обычаи кельтских народов Европы. Такой выбор обусловлен близостью кельтов и степных кочевников в плане стадийного развития — зарождения военно-потестарных образований со значительной ролью в социуме мужчин-воинов. Кроме того, кельтская культура сохранила эпические предания, хотя и записанные в гораздо более позднее время. Последнее является существенным преимуществом для анализа ритуальной практики и связанных с ней представлений.

Обычаи континентальных кельтов сохранять головы побежденных врагов в качестве трофея и похваляться ими упомянуты в трудах Страбона и Диодора Сицилийского. В частности, Страбон упоминает о «варварском и экзотическом» обычае галлов «...возвращаясь после битвы, вешать головы врагов на шеи лошадям и, доставив эти трофеи домой, прибывать их гвоздями напоказ перед входом в дом... Головы знатных врагов галлы [сохраняли] в кедровом масле, показывали их чужеземцам и отказывались отдавать их [за выкуп] даже на вес золота». При этом Страбон ссылается на свидетельство Посидония, которому «самому пришлось наблюдать подобное зрелище во многих местах, хотя сначала он чувствовал отвращение, но потом, привыкнув, спокойно переносил его» (География. Кн. IV, IV, 5). По сообщению Тита Ливия, после гибели в бою консула Луция Постумия Альбина «Бойн с торжеством внесли его доспехи в храм, наиболее у них почитаемый: с отрубленной головы счистили все мясо и по обычаю своему обделали череп в золото: из него, как из священного сосуда, совершали по праздникам возлияния и пили, как из чаши, жрецы и предстоятели храма» (*Тит Ливий*, XXIII, 24).

Описания манипуляций с головами поверженных врагов характерны для ирландского героического эпоса. Сценами отсечения вражеских голов и упоминаниями их среди атрибутов героев переполнены саги уладского цикла: «Девять голов держал Кухулин в одной руке, да десять в другой и потрясал ими в знак своего бесстрашия и доблести» (Похищение быка..., 1985. С. 224). Голова была обязательной частью воинской добычи, причем, пожалуй, самой престижной — герои обязательно берут ее в качестве трофея, возят в колесницах, хранят в специально отведенных помещениях своих домов, демонстрируют на пирах, рассказывая о своей доблести. Характерно, что в знак победы голову поверженного противника нередко воздевали на копье, меч или иную опору — шест, сук дерева и т. п.: «Кухулин отрубил голову Орлама и воздел ее на виду у ирландцев»; «Будет воздета твоя голова на копье», — угрожает Кухулину Фер Диал.

Обычай сохранять голову врага и хранить ее при себе объясняется стремлением воспринять силу, свойства и могущество последнего. На последнее прямо указывает речь поверженного убийцы Кухулина, Лугайда, обращенной к мстителю Коналу: «Знаю я, что не уйдешь ты теперь без моей головы... Пусть же теперь будет моя голова при твоей голове, мое королевство при твоём королевстве, а мое оружие при твоём оружии» (Смерть Кухулина, 1985. С. 344). Более того, в своем исследовании ирландской мифологии Г. В. Бондаренко отмечает, что с головой победителю достается не только собственность врага, но и сама его личность, «победитель сам становится в какой-то мере своим побежденным врагом» (Бондаренко, 2015. С. 124). Не менее отчетливо в кельтской традиции прослеживается и апотропейная функция отсеченной головы. Наиболее яркий пример — уэльское предание о Бране Благословенном, изложенное во второй Ветви Мабиногиона. Король Бран был смертельно ранен в битве с ирландцами, после чего велел своим соратникам отрезать его голову и похоронить ее в Лондоне, «лицом к стране франков», чтобы беречь страну. Голова Брана охраняла Британию от нашествий саксов до тех пор, пока ее не выкопал король Артур, «...ибо не желал, чтобы чья-то сила защищала этот остров, кроме его собственной».

Среди кельтских древностей хорошо известны монументальные памятники, связанные с традицией сохранения голов. В частности, на святилище оппидума Антремон (Прованс) был найден фрагмент каменной притолоки с углублениями для размещения черепов побежденных и обезглавленных врагов, преподнесенные божеству в качестве трофеев. Кроме того, в самом святилище и на «священной дороге», которая туда вела, было найдено пятнадцать человеческих черепов. В некоторых из них проделаны отверстия, чтобы черепа можно было прибивать гвоздями или подвешивать. В одном черепе сохранился большой железный гвоздь (Широкова, 1985. С. 64–65). Широко известны аналогичные находки из оппидума Рокпертоз, также на юге Франции.

Таким образом, можно констатировать чрезвычайное сходство в способах посмертных манипуляций с головами (в том числе, и выставление на шесте или иной аналогичной опоре) у степных кочевников скифо-сибирского круга культур и материковых и островных кельтов. Этот факт объясняется, вероятно, не только стадильной и хронологической близостью данных культур, он подчеркивает всеобщность, архетипичность таких представлений и ритуалов. Смысловая нагрузка сохранения и публичной демонстрации голов умерших у населения эпохи раннего железного века в целом была связана представлениями о них как о вместилищах души, жизненной силы, индивидуальных качеств покойных. Они воспринимались как престижные трофеи и как могущественные магические предметы, ограждающие от разного рода опасностей.

Факт водружения голов на шестах на территории могильного поля курганов включает их в общий контекст погребально-поминальной обрядности. Следует отметить, что в материалах большереченских могильников лесостепного Приобья ранее уже были открыты следы аналогичных по содержанию ритуальных действий в виде одного-двух конских черепов, лежащих на дне рва, как правило, у перемычки — входа. Такие находки известны на могильниках Новый Шаран-2, курган № 1; Быстровка-1, курганы №№ 4, 5 и Быстровка-3, курган № 5 (Дураков, Мясельская, 1995. С. 48; Троицкая, Бородовский, 1994. С. 25). Т. Н. Троицкая предположила, что первоначально конские головы устанавливались на шестах у входа на погребальную площадку и трактовала эти находки как остатки тризны, во время которой съедались один или несколько коней, а голова сохранялась как вместилище жизненной силы, для воскрешения коня на том свете (Троицкая, 1983. С. 33). Позже А. П. Бородовский экспериментальным путем

доказал, что шесты с конскими черепами устанавливались после окончательного формирования насыпи кургана и имели отношение к поминально-охранительным действиям и ритуалам (Бородовский, 1996. С. 61). Представляется, что выставление человеческих голов можно рассматривать в аналогичном контексте, тем более, что в индоиранской и, шире — индоевропейской мифоритуальной традиции человек и конь занимают высшие места в иерархии жертв и могут быть взаимозаменяемы (Шишкин, 1999. С. 241–243). Защитные функции человеческой головы как своего рода оберега вполне соответствуют ее использованию при оформлении могильного поля или насыпи кургана.

Выводы. В результате палеоантропологического и трасологического изучения черепов, найденных в ритуальном комплексе насыпи кургана № 9 могильника Быстровка-2, впервые удалось зафиксировать на палеоантропологическом материале достоверные свидетельства ритуальной практики, подразумевающей выставление человеческих голов на шестах в течение длительного времени, и описать соответствующих комплекс повреждений.

Водружение голов, вероятно, было приурочено к завершающей стадии функционирования кургана (или могильника в целом — курган № 9 является одним из самых поздних в некрополе) и носило апотропейное значение.

- Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1964.
- Бондаренко Г. В. Мифы и общество древней Ирландии. М., 2015.
- Бородовский А. П. Экспериментальное моделирование варианта поминально-погребальной обрядности эпохи раннего железного века (большереченская культура Приобья) // Интеграция археологических и этнографических исследований: Ч. 1. Новосибирск; Омск, 1996.
- Бородовский А. П. Проблема исторических корней обычая скальпирования в Западной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1997. Т. III.
- Бородовский А. П. Раскраска тела погребенных в гунно-сарматское время на верхней Оби // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск, 1998. Т. 1.
- Бородовский А. П. Археологические памятники Искитимского района Новосибирской области. Новосибирск, 2002.
- Бородовский А. П., Зубова А. В., Поздняков А. В., Табарев А. В., Черемисин А. В. Археология насилия (интерпретация археологических, антропологических и образительных комплексов). Новосибирск, 2010.
- Валков П. В. Опыт эксперимента в археологии. СПб., 2013.
- Галанина А. К. Курджипский курган. Памятник культуры прикубанских племен IV века до н. э. Л., 1980.
- Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу. М., 1955.
- Геродот. История в девяти книгах. Л., 1979.
- Дураков И. А., Малиновский В. Б., Мжельская Т. В., Троицкая Т. Н. Работы Новосибирского педагогического университета // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. Новосибирск, 1995.
- Мжельская Т. В. Исследования могильника Быстровка-3 // 75 лет Новосибирскому областному краеведческому музею. Новосибирск, 1995.
- Зубов А. А. Одонтология. Методика антропологических исследований. М., 1968.
- Зубов А. А. Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. М., 2006.
- Ильинская В. А. Золотая пластина с изображениями скифов из коллекции Романовича // СА. 1978. № 3.
- Мабиногон. Волшебные легенды Уэльса. М., 1995.
- Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. М., 2009.
- Похищение быка из Куальнге // Похищение быка из Куальнге. М., 1985.
- Семенов С. А. Первобытная техника. М.; Л., 1957. (МИА; № 54).
- Смерть Кухулина // Похищение быка из Куальнге. М., 1985.
- Страбон. География. М., 1994.
- Судебная медицина: руководство для врачей / Под ред. А. А. Матышева. СПб., 1998.
- Тит Ливий. История Рима от основания города: Т. 1. М., 1989.
- Троицкая Т. Н. Могильник Быстровка-1 как исторический источник // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. Новосибирск, 1983.
- Троицкая Т. Н., Бородовский А. П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1995.
- Широкова Н. С. Oppida Южной Галлии // Страны Средиземноморья в античную и средневековую эпохи. Горький, 1985.
- Шишкин А. С. Животные в идеологии населения Новосибирского Приобья эпохи раннего железа // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999.
- Ярлова В. О., Черняков И. Т. Великі золоті ковпаки для скальпів у скіфів // Восточноевропейский археологический журнал. 2002. № 1 (14).
- Korobkova G. F. Narzedzia w pradziejach. Torin, 1999.

А. В. Субботин

КУРГАННЫЕ НЕКРОПОЛИ ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЮГЕ НАЗАРОВСКОЙ КОТЛОВИНЫ

Статья касается проблемы динамики тагарской культуры. Значительные изменения всех её характеристик за период жизни тагарцев в Минусинской и части Назаровской котловин рождают множество вариантов процесса этно- и культурогенеза этой культуры. Делается попытка обратиться к пока недостаточно освещенному по ряду причин вопросу связи планиграфии и топографии курганных могильников со временем их бытования. На примере северо-западной окраины расселения тагарских племен с весьма представительной источниковой базой (более 500 могильников) отмечаются особенности расположения разновременных тагарских памятников в ландшафте и планиграфии, как раннетагарских могильников, так и курганов, относящихся к развитому этапу культуры. В конце статьи приводятся последние антропологические данные относительно существенных различий между подгорновской и сарагашенской группами тагарской культуры.

Ключевые слова: тагарская культура, динамика, раннетагарские памятники, памятники развитого этапа культуры, планиграфия и топография могильников, антропологические данные

Осталось не так много времени до трехсотлетнего юбилея первого научного изучения памятников тагарской культуры, предпринятого Д. Г. Мессершмидтом в 1722 г. в окрестностях Минусинска (*Радлов*, 1888. С. 12, 13). Чуть дальше от сегодняшнего дня отстоит также весьма значимая 100-летняя дата обретения культурой (*Киселев*, 1928. С. 257–267) своего названия, ныне абсолютно признанного всеми археологами-сибиреоведами, более лаконичного и в конце концов вытеснившее прежнее — «минусинская курганная культура» (*Вадецкая*, 1986. С. 78). За это время в результате постоянных, начиная с XVIII в., широких раскопочных работ, получивших особенно массовый размах и «взрывообразный» рост во время функционирования ряда новостроечных экспедиций 60–90-х гг. прошлого века, наука получила колоссальный и вряд ли имеющий аналоги в других культурах по объему материал для освещения и анализа всех сторон культурогенеза и бытования тагарской культуры. Крупнейшие столичные музеи и музеи ряда городов Сибири пополнили свои фонды и экспозиции сотнями и тысячами предметов, поступивших в их коллекции из материалов раскопок, а также из частных собраний и случайных находок.

По весьма скромным и, надо отметить, очень приблизительным подсчетам лишь некоторых исследователей, оперирующих в своих работах большими массивами исходных данных (*Вадецкая*, 1986. С. 79–81; *Мартынов*, 1979. С. 11; *Членова*, 1992. С. 206), раскопкам подверглись не менее 1000 тагарских курганов. Если же привлечь сюда обширную серию публикаций, касающихся исследований памятников, насчитывающих в своем составе по несколько курганов, а также информацию, хорошо известную археологам, область научных интересов которых касается тагарской культуры, о раскопках конкретных тагарских могильников, к сожалению, по ряду объективных и субъективных причин так и не опубликованных, или опубликованных в весьма кушированном объеме, то количество раскопанных курганов можно смело увеличить вдвое.

Тезис о «яркой и самобытной» тагарской культуре уже стал весьма распространенным мемом, однако справедливости ради следует сказать, что весь имеющийся в распоряжении ученых богатый и разнообразный тагарский материал послужил достаточно крепкой базой для поистине огромного количества литературы по тагарской культуре. Опубликованы обобщающие работы авторитетных ученых, защищены десятки диссертаций, введены в научный оборот материалы раскопок новых, или, наконец-таки, ранее исследованных объектов. Утверждения, высказываемые специалистами, касаются всего спектра вопросов бытования культуры — от погребального обряда, хозяйственного уклада, до социальных отношений, оружия, керамики, искусства и далее. Имеются серьезные основания полагать, что пока не

существует темы, по которой археологи-тагароведы не «ломают копья», а имеют хотя бы временный, до поступления новых данных, консенсус. Наиболее дискуссионным вот уже не одно десятилетие продолжает оставаться проблема хронологии и динамики культуры, причем как в аспекте определения рубежей ее начала и завершения, так и в вопросах ее трансформации и эволюции. Полная внутреннего напряжения и интригующая история развития дискуссии неоднократно освещена исследователями. Последним трудом, где приводится исчерпывающий разбор и анализ существующих (включая совсем недавние мнения коллег) точек зрения на данную тему и подробно рассмотрены все обстоятельства: а) происхождения культуры; б) хронологии и периодизации; в) культурного районирования, является монография Д. Г. Савинова (2012. С. 27–44).

В настоящей работе рассматривается, на мой взгляд, пока не столь представительна и разносторонне освещенная тема — планиграфия тагарских могильников на разных этапах существования культуры. Причиной почти полного отсутствия исследований на эту тему в археологической литературе является, как это не парадоксально звучит, слабая источниковая база. Планов могильников нет, археологическая карта Хакасии, на территории которой и располагаются десятки тысяч тагарских курганов, не издана, в архиве Сектора сводов ИА РАН хранится всего 570 паспортов по Хакасии, из которых только 488 относятся к могильникам и курганам.

В большинстве научных работ лишь отмечается, что количество тагарских курганов очень велико, могильники, насчитывающие десятки и даже сотни курганов, занимают огромные степные площади всех котловин Минусинской впадины в бассейне Енисея и его притоков от Джойского хребта и отрогов Западного Саяна на юге до бассейна р. Чулым (бассейн р. Оби) и отрогов Восточного Саяна на севере. Кое-какие наблюдения относительно характера сооружения подгорновских и сарагашенских кладбищ и их планиграфии получили отражение в научной литературе. Так, М. П. Грязнов писал, что, по сравнению с подгорновскими могильниками, сарагашенские состоят из меньшего количества курганов — не более двадцати насыпей и «нередко рядом с могильником подгорновского этапа, а иногда вплотную примыкая к нему, находится могильник сарагашенского этапа. Иногда курганы обоих этапов располагаются вперемешку, составляя как бы единый могильник» (Грязнов, 1968. С. 190).

Непосильная, в силу своей трудоемкости и дороговизны задача учета и сдачи под охрану всех памятников археологии на данной территории, абсолютное большинство из которых составляют тагарские курганы и могильники, так и осталась по сей день не решенной. Объяснение сему печальному факту кроется в том, что перед археологами в их полевых работах всегда либо осуществлялось целенаправленное научное исследование (с более чем скудным финансированием) крайне незначительного количества объектов (один-два кургана), либо стояла, может быть, даже более актуальная проблема спасения хотя бы какой-то части уходящих под воду Красноярского водохранилища и разрушаемых широкими мелиоративными работами в Хакасии сотен и тысяч памятников. И в том и в другом случае на инструментальную съемку близлежащих могильников ни времени, ни денег не хватало.

Отдельного финансирования программ паспортизации и инвентаризации можно сказать никогда не было, кроме короткого — примерно в десять лет — периода, когда Министерством культуры РФ данные работы оплачивались по целевой программе «Культура России» примерно с середины 80-х по середину 90-х годов. Именно в эти годы в Южной Сибири (Хакасия, Тува, юг Красноярского края, Кемеровская область) была осуществлена паспортизация археологических памятников и сдано под охрану совокупно по всем упомянутым регионам чуть более 3000 паспортов, из которых 2346 относятся к курганам и могильникам. Большинство археологов, имевших и имеющих опыт полевых работ в Южной Сибири, безусловно согласится с утверждением, что это «капля в море», учитывая насыщенность памятниками этой «археологической Мекки».

Пожалуй, единственная территория, где наблюдается не столь печальная ситуация, это зона работ Сибирской экспедиции ИИМК РАН на самой юго-западной границе Красноярского края. Помимо раскопок памятников, попадающих под угрозу разрушения в связи со строительством первоочередных объектов Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса (КАТЭК), сотрудниками экспедиции

начиная с 1981 г. проводилась планомерная разведка. В итоге ко второй половине 90-х годов были составлены карты археологических памятников Шарыповского (300 памятников) и Ужурского (около 230 памятников) районов. Большую часть из них (более 400) составляют курганные тагарские могильники и отдельные курганы.

Выделение в результате многолетней археологической паспортизации на границе Назаровской и Чулымско-Енисейской котловин (в Шарыповском и Ужурском районах Красноярского края) множества тагарских памятников (более 400 объектов), в том числе весьма значительной группы раннетагарских могильников, дает возможность изложить ряд наблюдений и выводов, касающихся природного контекста, в котором были обнаружены эти курганы.

С точки зрения геоморфологии, Шарыповский и Ужурский районы, совокупно имеющие площадь чуть более 7000 квадратных километров, четко делится на две примерно равные части: северную — с холмисто-увалистым, уже лесостепным рельефом, и южную — с гористым-куэстовым рельефом, образованным невысокими горными грядами и межгрядовыми речными и озерными долинами. Территория насыщена небольшими реками с множеством притоков и богата озерами. Обилие водных источников и богатые черноземом земли явились базой для широкого освоения данной территории в древности. Однако, как показывают результаты археологического картографирования всех известных на сегодняшний день объектов, по территории этих двух районов памятники распределены достаточно неравномерно.

В южной половине Шарыповского и юго-западной половине Ужурского районов в результате картографирования курганных могильников четко обрисовалась система древнего расселения по нескольким межгрядовым речным или озерным долинам, своего рода микрорайонам. Практически все они до какой-то степени изолированы друг от друга. Каждая из этих долин отделена от соседней порой не очень явной, но, по-видимому, значимой в древности естественной преградой — системой невысоких холмов, гривой или даже пологим, но протяженным увалом. Таким образом, эти долины приобрели относительно замкнутый характер и могли восприниматься, при некотором допущении, небольшими по площади котловинами, приспособленными для жизни только одного древнего коллектива — рода, племени или иного образования. Величина и характер такого образования зависели от размеров площади для хозяйственной деятельности и уровня социального развития общества. Исходя из этого, можно допустить, что каждую из этих межгорных долин в какую-то единицу времени занимала всего одна группа населения, о максимальной численности которой можно судить по данным хорошо разработанных подсчетов биологической продуктивности тех или иных ландшафтов.

В северной части Шарыповского и северо-восточной части Ужурского районов наблюдается иная ситуация. Памятники встречаются гораздо реже, одиночные курганы, которых здесь относительно больше, чем на юге, и курганные группы располагаются на высоких коренных берегах, причем либо на самом их краю, либо уже достаточно далеко от воды, на вершинах увалов или близко от них. Могильники в основном состоят из меньшего количества насыпей, но сами насыпи крупнее, а угловые и простеночные камни оград либо вообще отсутствуют, либо имеют небольшую высоту. Позднетагарские курганы в этой зоне нередко располагаются практически поодиночке. Их насыпи отстоят друг от друга достаточно далеко, и воспринимаются каждая как своего рода доминанта окружающего их холмисто-увалистого лесостепного ландшафта.

Ситуация, при которой курганы находятся на самых высоких точках какого-либо ландшафтно ограниченного микрорайона, хорошо известна по всей степной полосе распространения этой категории археологических памятников. Несколько иная картина складывалась там, где народы, имевшие курганные погребальные традиции, жили в гористой местности. Возведение курганов на самых высоких местах, то есть, по сути, на вершинах гор, практически невозможно. Поэтому могильники здесь в основном располагаются у подножий куэстовых гряд, на относительно пологих участках склонов речных долин, на максимально возможном в каждой конкретной ситуации удалении от воды. Таким образом, получается, что и в этом случае курганы занимают самое высокое место на каком-то обжитом участке территории этих долин. Одним из важных обстоятельств в определении пригодности места для возве-

дения курганов являлась, вероятно, степень крутизны склона вблизи подножия. В процессе разведок неоднократно фиксировались ситуации, при которых склоны чуть большей крутизны, чем соседние участки (плотно «установленные» курганными насыпями), оставались не занятыми курганами.

Отмечены случаи — Можары I, Сарбаголь I и III, Озерка IV, Кулун II — когда курганы, по своему внешнему виду, скорее всего, относящиеся к развитому (сарагашенскому) этапу культуры, занимают весьма узкие участки седловин между долинами, как бы обозначая границы тех или иных территорий или угодий, являясь своего рода межевыми знаками. Подобное, весьма знаковое расположение курганных могильников позволяет предположить, что тагарцы могли воспринимать эти могильники, как своеобразные пограничные, «межевые» символы, как бы обозначающие границы территорий какой-либо группы населения.

Весьма часто фиксируются могильники, состоящие полностью только из ранних курганов, или только из насыпей, относящихся к более позднему времени. В одних случаях могильники, особенно ранние, находятся у самой воды (Кошколь, Сопки I, Малое Озеро II, Малое озеро III) или на ровной площадке поблизости от воды (памятники в окрестностях деревень Ашпан, Красное Озеро, Локшино).

Наиболее представительным примером является ситуация с расположением курганов под горой Кедровой (на которой А. В. Адриановым в 1909 г. были открыты петроглифы), где было зафиксировано три разновременных курганных группы. Около семидесяти достаточно кучно расположенных раннетагарских курганов занимают самый пологий северо-восточный склон горы. Более ста насыпей, которые по своей архитектуре относятся к развитому этапу культуры, вытянуты широкой полосой у юго-восточной подошвы горы. Наконец, шесть, явно познетагарских, крупных, высотой до 2 м земляных курганов, с невысокими и не везде сохранившимися угловыми и простеночными камнями стоят у юго-западного подножия горы.

Чаще всего ранние курганы занимают самый край первой террасы берега или самую низкую и ровную часть подошвы горы, а поздние курганы тянутся цепочками вверх по склону увала или горы (Саргожик, Мысы, Ожинский). Есть немало случаев, когда было зафиксировано наличие на одной площадке как подгорновских, так и сарагашенских курганов, однако ранние и поздние курганы, как правило, территориально никогда не смешивались, представляя на самом деле два разновременных памятника, стоящих очень близко друг от друга (Сопки I и II, Листвяжный II, Можары I и II, Корнилово IV и др.) или вплотную друг к другу практически на одной, удобной для кладбища территории. Тем самым опровергается вывод М. П. Грязнова о том, что курганы подгорновского и сарагашенского этапов могут находиться в одном могильнике «вперемешку».

Данные наблюдения по топографии расположения ранних и поздних тагарских могильников, их планиграфии, а также не раз отмеченные в процессе раскопок тагарских курганов факты использования подгорновских могил сарагашенским населением весьма любопытны с точки зрения переосмысления степени близости и даже «преемственности связи» (Грязнов, 1968. С. 194) погребальных традиций между подгорновским и сарагашенским этапами тагарской культуры. Так, на могильнике Саргожик (как, впрочем, и на готовящемся к изданию могильнике Ашпыл) в процессе раскопок были выявлены курганы с погребениями подгорновского времени, вторично использованные для сооружения склепов в конце сарагашенского этапа.

Такое явление, как использование могил предшествовавших насельников какой-либо территории для захоронения своих соплеменников, говорит о безусловном разрыве погребальных традиций. Более ранние погребальные комплексы перестают восприниматься людьми как неприкосновенные, сакральные могилы «своих» предков. Тем самым выражаются черты собственной идентичности каждой отдельной социальной группы и отсутствие таковой с «чужими» социумами, жившими на данной территории в прежнее время (Новоженев, 2016. С. 49).

Отмечаемые многими исследователями значительные изменения, произошедшие на сарагашенском этапе культуры (тип захоронения, набор сопроводительного инвентаря, форма погребального подкурганного сооружения) дополняются также и изменением на развитом этапе ее существования местоположения тагарских кладбищ, а также достаточно существенную, и являющуюся важным индикатором

тором иной погребальной традиции модификацию внешнего вида каменных и земляных надмогильных конструкций.

По мнению В. А. Алёшкина (2016. С. 174–175), «полная смена одного стандартного погребального обряда другим свидетельствует о полном исчезновении носителей конкретной археологической культуры. Частичная замена одного стандартного погребального обряда другим, то есть кардинальное изменение большинства элементов, составляющих прежний стандартный погребальный обряд, и трансформация его в новый стандартный погребальный обряд, говорит о проникновении в среду носителей конкретной археологической культуры носителей пришлое археологической культуры».

Задача определения принципиальности и степени кардинальности изменений всех составляющих тагарского погребального обряда на рубеже подгорновского и сарагашенского этапов является отдельным и весьма непростым вопросом и поэтому выходит за рамки настоящей работы.

Здесь же следует еще упомянуть о выводах, к которым пришли специалисты-антропологи (Учанева и др., 2017. С. 78–87) в статье «Население Минусинской котловины в раннем железном веке, к вопросу о внутригрупповой и межгрупповой изменчивости». Анализ значительной серии черепов из материалов двадцати пяти тагарских могильников¹ показал, что, несмотря на высокую внутригрупповую изменчивость краниологических серий тагарской культуры, установлены существенные различия между населением подгорновского и сарагашенского этапов. Разница между ранними и поздними тагарскими группами обсуждалась и ранее, причем в ряде исследований (Козинцев, 1977. С. 67) не прослеживалась, однако впервые, благодаря методам многомерной статистики, она убедительно подтверждается в разном сравнительном масштабе.

Все приведенные выше данные существенно увеличивают аргументацию противников плавных (пусть даже весьма динамичных), а главное, эволюционных изменений в развитии тагарской культуры и даже «преемственности связей» тагарцев на всех этапах ее существования.

Особенно это касается рубежа между подгорновским и сарагашенским временем.

Алексеев В. П. Палеоантропология Хакасии эпохи железа. Сб. МАЭ. 1961. Т. 20.

Алёшкин В. А. Информативные возможности археологических погребальных памятников // АВ. СПб., 2016. Вып. 22.

Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986.

Грязнов М. П. История Сибири. Л., 1968.

Киселев С. В. Тагарская культура // Труды секции РАНИОН. М., 1928. Т. 4.

Козинцев А. Г. Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. Л., 1977.

Мартынов А. П. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979.

Новоженков В. А. Разграбление могил как коммуникативное послание «своей–чужой» // Древние некрополи

и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. СПб., 2016. (Гр. ИИМК РАН; Т. 46).

Радлов В. В. Сибирские древности. СПб., 1888. (МАР. № 3; Т. 1. Вып. 1).

Савинов Д. Г. Памятники тагарской культуры могильной степи. СПб., 2012.

Учанева Е. Н., Казарницкий А. А., Громов А. В., Лазаретова Н. П. Население Минусинской котловины в раннем железном веке, к вопросу о внутригрупповой и межгрупповой изменчивости // Вестник антропологии, археологии и этнографии. Тюмень, 2017. Вып. 1.

Членова Н. А. Тагарская культура // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматскую эпоху. М. 1992.

¹ Подгорновский этап тагарской культуры: 1) Новая Черная I; 2) Черновая I, IV; 3) Кичик-Кюзюр; 4) Каменка I; 5) Туран I; 6) Гришкин Лог I; 7) Тенсей IX (Козинцев, 1977); 8) Тагарский остров; 9) Сыда; 10) Усть-Сыда; 11) Усть-Тесь; 12) Кочергино (Алексеев, 1961), 13) Усть-Чуль. Биджинский этап тагарской культуры: 14) суммарная серия, включающая могильники Улут-Кюзюр (Козинцев, 1977), Белое Озеро, Трошкино, Ай-Дай II. Сарагашенский этап тагарской культуры: 15) Барсучиха I, VI, VII; 16) Малые Копены III; 17) Туран I; 18) Туран II; 19) Туран III (Гам же, 1977); 20) Кызыл-Куль; 21) Сарагаш (Алексеев, 1961); 22) Узун-Хыр; 23) Катюшкино; 24) 72 км; 25) Ай-Дай I, III.

А. Г. Акулов

«ВРЕМЯ КОТОВ».

ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ ПОЛТОРА ВЕКА МЕМОРИАЛОВ ТАГАРСКИХ НОБИЛЕЙ

Работа посвящена развитию мемориальной архитектуры курганов нобилитета в тагарской культуре. Выделены основные тенденции и фазы развития, региональные варианты, локальные традиции. Показаны вероятные передвижения отдельных властных кланов.

Строительство кургана Аржан в Туве открывает эпоху сооружения масштабных мемориалов знати на всем Саяно-Алтае. В Минусинской котловине к этому времени в тагарской культуре уже существуют каноны строительства таких комплексов (восьми- и десятикаменный «престижный» курган) и принципы их расположения в ландшафте. С возрастанием масштаба этих мемориалов проявляются особенности, свойственные разным локальным вариантам этой архитектурной традиции: юго-западному, с высочайшими стелами и компактным архитектурным объемом (мемориалы Могильной степи и Сафронова); сахсарско-уйбатскому, создающему площадку с самостоятельными архитектурными вертикалями (Сорай, Узун-Оба) и северному, с широкими и невысокими стелами, где происходит переход к строительству подкурганых склепов (Узун-Хая, Туим). Носители северной традиции продвигаются затем в Уйбатскую степь, где во взаимодействии с местными кланами окончательно возникает новый, тигейский тип мемориалов с насыпью и подкурганым склепом и его высший ранг — многокаменные курганы Нижнего Уйбата (Каракурген). Подобные курганы, сохраняющие местные особенности, начинают возводиться для высшего нобилитета на севере и юге котловины (Кизлас, Озеро Шира). Наивысшего развития эти тенденции достигают на Салбыкском поле, где возникает новый тип курганов с высокой насыпью и модифицированным двенадцатикаменным канонем, который будет служить образцом для сооружения мемориалов нобилитета в поздне-тагарское время.

Ключевые слова: тагарская культура, мемориалы знати, курган Аржан, Большой Салбыкский курган, курганная архитектура, Минусинская котловина, курган Тигей

Бросая взгляд на культуры эпохи поздней бронзы евразийских степей, нельзя не обратить внимание на противоречивые тенденции в курганном строительстве. На западе, с одной стороны, практически сходит на нет строительство «слоеных пирогов» — мощных курганов с множественными насыпями и досыпками над впускными погребениями, все больше становится бескурганых могильников, с другой — в конце эпохи появляются отдельные крупные индивидуальные сооружения. На востоке, напротив, относительно небольшие, но ладные индивидуальные курганы сменяются огромными, площадью до нескольких гектар, погребально-поминальными комплексами в культуре херексурсов и оленных камней Монголии (*Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010а*), «архитектурность» которых, однако, при незначительной высоте сооружений сомнительна. Подобный разброд, очевидно, отражает глубокое преобразование насчитывающей к тому времени три тысячи лет курганно-мегалитической традиции. По всей Ойкумене уходит старая, вот-вот родится новая эпоха, эпоха верхового коня и железа, алфавита и героических эпосов, и, конечно, это влечет смену смыслов, вкладываемых создателями в «холмы, увенчанные коронами из зазубренных камней», приковывающие наш взгляд в степных ландшафтах от Дуная до Хуанхэ.

Новый смысл, до этого довольно робко пробивающий себе дорогу, на Саяно-Алтай приходит и получает свое блестящее воплощение в кургане Аржан, первом настоящем памятнике скифского времени и скифского мира (*Алексеев и др., 2005. С. 100–102*). Его дату можно считать твердо установленной, около 800 г. до н. э. (*Зайцева и др., 2007*). В Туранской котловине мы не наблюдаем никаких сопоставимых с ним по масштабу и сложности архитектурных комплексов предыдущих эпох, зато почти наверняка можем предполагать, что среди его строителей были пришельцы с юго-востока, так как периферические сооружения курганов Аржанского поля находят прямые аналогии в херексурах Цен-

тральной Монголии (*Ковалев и др.*, 2014). Однако масштаб и высота центральной насыпи здесь и там просто несопоставимы, так что мы имеем дело именно с появлением на основе синтеза различных центральноазиатских традиций совершенно нового типа памятника — «царского кургана», масштабного индивидуального мемориала¹ высшего нобилия, маркирующего создание крупных племенных объединений возникающего мира кочевников раннего железного века. Аржаном создается прецедент сооружения подобных мемориалов, на который начинают равняться все окружающие общества.

Тагарская культура Минусинской котловины встречает этот вызов с уже вполне состоявшейся традицией строительства «престижных курганов» — мемориалов постепенно возникающей социальной элиты. Процесс формирования этой традиции пока понятен только в общих чертах. Четырехугольные (прямоугольные или слегка трапециевидные) ограды и насыпи в эпоху поздней бронзы встречаются по всем евразийским степям, концентрируясь все же преимущественно на востоке, в Центральной Азии. Здесь же мы встречаем, начиная с окуневско-чумурчекского времени, крупные валуны или небольшие стелы в углах оград (*Ковалев, Эрдэнэбаатар*, 2010б).

В эпоху поздней бронзы четырехугольные ограды с вертикальными акцентами по углам распространяются в Центральной и Западной Монголии (*Ковалев, Эрдэнэбаатар*, 2010а). То же мы видим в каменноложских памятниках Минусы (*Азаретов*, 2006; *Азаретов, Поляков*, 2008). Аналоги дополнительных каменных сооружений престижных курганов — «ворот» («входа») и выносных камней — мы тоже наблюдаем: первые — в окуневской культуре, схожие структуры, выделяющие центр восточной стороны ограды, есть и в чумурчекских памятниках, и в гигантских центральномонгольских херексурах поздней бронзы; вторые — в вертикальных стелах, стоящих вблизи курганов и херексуров, и, прежде всего, конечно, в оленных камнях, точно так же, как и выносной камень, репрезентирующий умершего. Так что, с одной стороны, все эти формы и структуры можно охарактеризовать, как бродячие мотивы и сюжеты центральноазиатской мемориальной архитектуры на протяжении всей эпохи бронзы. С другой же — отмечается их внятная концентрация в финале этой эпохи в юго-восточных по отношению к Минусинской котловине регионах, и это, вместе с хорошо известными предметами металлокомплекса, маркирует продвижение отсюда групп населения еще в доаржанское время².

С этой точки зрения, инвариант тагарской мемориальной архитектуры, возникающий где-то на рубеже тысячелетий на основе четырехугольных оград предшествующих, карасукских и каменноложских памятников, — четырехугольная каменная ограда с вертикальными плитами или стелами по углам, ориентированная главной осью ЗЮЗ-ВСВ — не представляет собой ничего из ряда вон выходящего, просто одна из версий известного сюжета. Действительно новые и яркие особенности появляются здесь

¹ Мемориальная функция крупного кургана скифской эпохи как минимум не менее важна, чем погребальная. Эту функцию имеет любой надмогильный знак — небольшой курганчик, столбик, крест — однако современное употребление этого слова предполагает значимость сооружения для более крупной социальной единицы, нежели семья погребенного, далеко выходящую за пределы погребального обряда как такового. Мемориал есть визуализация в конкретном локусе реального мира памяти коллектива об исторических и культурных событиях, связанных с той личностью, которой он посвящен, своеобразный «порт связи» с силами, предопределившими эти события, и со смыслами, которые этим событиям приписываются, функционирующий как для коллектива в целом, так и для каждого его отдельного члена. «Будущее создается тобой, но не для тебя» — переосмысливая этот известный афоризм Стругацких, можно сказать, что мемориал создается по погребенному в нем «протагонисту», но не для него.

² В синхронных культурах Центральной и Западной Монголии также происходит ряд трансформаций, и логично предположить, что «генератор» этих движений находится южнее, на границе древних китайских царств с миром их северозападных соседей жунов и ди, постандроновских племен скотоводов и металлургов. Масштабные события здесь — формирование «полуварварского» клана Чжоу, войны смены династий, конфликты эпохи Западного Чжоу — фиксируются китайскими источниками начиная с XIV в. до н. э. (*Сыма Цянь*, 1972. С. 181, прим. 17, 19), времени формирования классической карасукской культуры. Появление каменноложских памятников подозрительно совпадает по времени с коллизиями смены династий, а строительство Аржана происходит через двадцать лет после первого масштабного поражения сюаньжунов от циньского Чжуан-гуна (*Сыма Цянь*, 1975. С. 18). Может быть, где-то между Хангаем, Вэйхэ и Ордосом найдется и прообраз высокой круглой платформы Старшего Аржана?

как раз к аржанскому времени, и они предвещают блестящее будущее самой «архитектурной» линии курганной традиции евразийских степей.

Тагарская мемориальная архитектура. Время Аржана (ок. 800 г до н. э.)

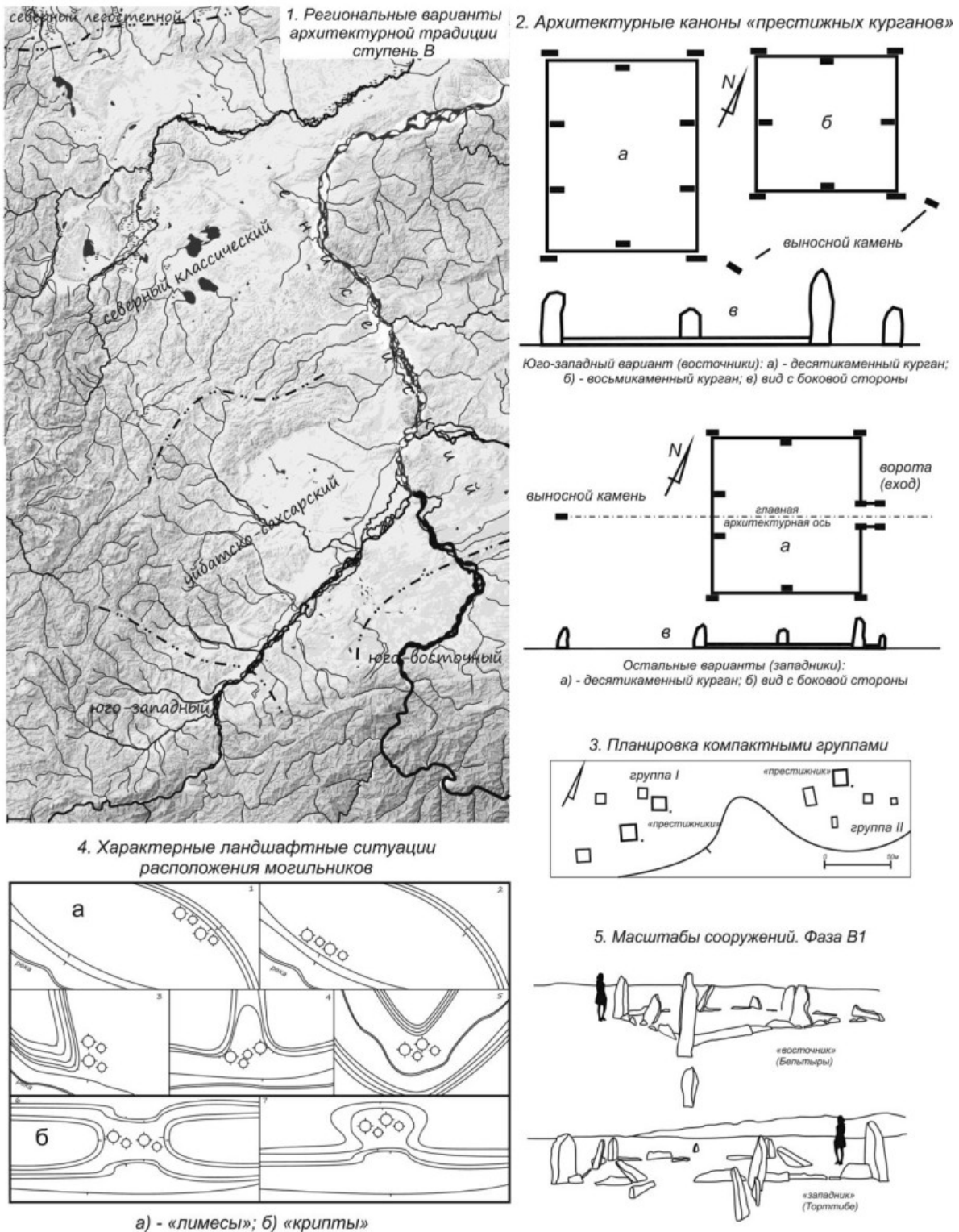

Рис. 1. Тагарская мемориальная архитектура в эпоху сооружения кургана Аржан (ок. 800 г. до н. э.)

Прежде всего, это формирование основных достаточно жестких архитектурных канонов престижных курганов: десятикаменный курган с воротами с востока и выносным камнем с запада («западники») или восьми-, иногда десятикаменный курган с выносным камнем у юго-восточного угла («восточники»)

(рис. 1, 2) (Акулов, Паульс, 2008); отклонения — типа престижных шестикаменников уходят в прошлое, единичные химеры, например, девятикаменные курганы или «косые» выносные камни — тоже. Появляются и становятся общепринятыми принципы объединения подобных мемориалов в единые архитектурно-планировочные комплексы (стоящие недалеко друг от друга компактные группы из одного-двух престижных курганов и нескольких сопутствующих рядовых — рис. 1, 3) и выбора соответствующих участков местности (лимесы — границы ландшафтных участков с их кроссингом тем визуального восприятия, крипты — небольшие понижения в мелкосопочниках, целиком превращаемые размещенными там курганами в мемориальные пространства-артефакты — рис. 1, 4). Стелы по углам курганов уже достигают в высоту 2–2,5 м, задавая масштаб, превосходящий обычный человеческий. Тысячелетняя архитектурная эпопея превращения большей части Минусинской котловины в подмостки для демонстрации искусства тагарских зодчих и амбиций властных кланов уже началась. Немного недостает только масштабности самих памятников: самые большие мемориалы этого времени едва превышают 10 метров по длинной, фронтальной стороне ограды (рис. 1, 5), но как раз это и восполняется после появления за хребтом Саян «Старшего» Аржана, создающего тот прецедент, который не может игнорировать набирающая силу элита.

Об общем хронологическом соответствии этих мемориалов аржанскому времени в Туве говорят как полученные в последние десятилетия серии радиоуглеродных дат, так и известные всем специалистам по археологии региона аналогии, прежде всего, в металлокомплексе (Членова, 1997. С. 10–26). Вообще на уточненных радиоуглеродных датах базируется общая привязка во времени описываемых процессов. Помимо «Старшего» Аржана, это, прежде всего, даты, полученные из самих мемориалов ранговой знати — Тигей (VIII в. до н. э.), Черемшино (последняя четверть VIII в. до н. э.), Большой Салбыкский курган (вторая четверть VII в. до н. э.) (Александров и др., 2014; Поляков, Святко, 2009; Седых, Марсадалов, 2009; Марсадалов, 2015. С. 107–115).

К сожалению, все они относятся к поздним горизонтам описываемого в этой работе периода, поэтому более ранние даты приходится реконструировать исходя из интегрированных в единую схему частных историй строительства мемориальных комплексов тагарских нобилей³.

Согласно новым тенденциям, воплощенным в Аржанском мемориале, здесь, за Саяном, резко ускоряется формирование ранговой знати, что создает социальный заказ на сооружение впечатляющих мемориальных комплексов. То, что дальше начинает происходить, начисто развеивает известный миф о некоей особой «консервативности» тагарской культуры.

Все начинается простым увеличением масштаба (ступень B2). Линейные размеры оград возрастают в два — два с половиной раза, высота стел — в полтора-два. Пока это не создает серьезных проблем при их сооружении, зато приводит к четкому проявлению стилистических особенностей, характерных для региональных вариантов и локальных традиций. И, кстати, к созданию первых архитектурных шедевров, поскольку масштаб мемориалов делает их по-настоящему величественными, ставя вопрос об их пространственном взаимодействии в рамках единого архитектурного ансамбля и побуждая создателей к нестандартным эффектным решениям.

«Когда двое делают одно и то же, это не одно и то же», мемориалы тагарской культуры похожи только на первый взгляд, и мы можем различить, как минимум, три-четыре классических и два периферийных варианта тагарской мемориальной архитектуры (рис. 1, 1). Юго-западный («восточники»), ограниченный горами Алатау и Западного Саяна и долинами Аскиза и Табата; уйбатский — на север от

³ Эти частные истории реконструируются исходя из представления о принадлежности престижных курганов людям, имевшим определенный статус (главы большой семьи или клана), следовательно, в каждом поколении в мемориальном комплексе таких курганов должно быть не больше одного-двух. В целом материал неплохо подтверждает эту версию, исключения касаются ситуаций захоронения на одном мемориальном поле/могильнике двух или нескольких линий тагарских нобилей, очевидно, связанных между собой родством. Престижные курганы разных могильников синхронизируются по схожим типологическим и стилистическим признакам. Полученная таким образом схема кажется вероятностной и умозрительной, но она «работает». Так, вывод о влиянии «Старшего» Аржана на строительство тагарских мемориалов был сделан не на основе общекультурных соображений, а потому, что первые по-настоящему крупные курганы «ушли», согласно выстраиваемой хронологии, в первую — вторую четверть VIII в. до н. э.

него по правобережью Абакана до Косинского хребта; северный классический — Ширинский озерный край, Июсы, Божьи Озера, вплоть до Верхнего Причулымья и северного подножья Солгона. Схож с северным енисейский вариант, вдоль долины реки от Думной горы до Куртака и Комы, однако, в отличие от северного классического, на нем слабо отражаются влияния иных традиций и «школ», и, в силу этого, он менее ярок. На периферии мы наблюдаем два «неархитектурных» варианта с сильно редуцированными каменными конструкциями — северный лесостепной в Назаровской котловине и Мариинской лесостепи и юго-восточный по обоим берегам Енисея от выхода из «трубы» до устья Кои. Их мы касаться далее не будем, равно, как и енисейского, именно в силу его относительной гомогенности и устойчивости. А вот первые три варианта дают возможность отследить\

ь как присущие именно и только им особенности и тенденции, так и влияния друг на друга, вплоть до физического передвижения групп их носителей.

Наиболее обособленным вариантом является юго-западный («восточники»). И важно не только расположение выносного камня и отсутствие «ворот». Высота стел и относительная компактность их расположения позволяют сформировать крупный, цельный, статичный архитектурный объем, безусловно доминирующий над неясной и противоречивой структурой планировочных осей и направлений. О том, как может выглядеть такой объем, дают прекрасное представление эффектные мемориалы Могильной степи, среди которых настоящим шедевром выглядит Большой Онхаков (рис. 2, 1).

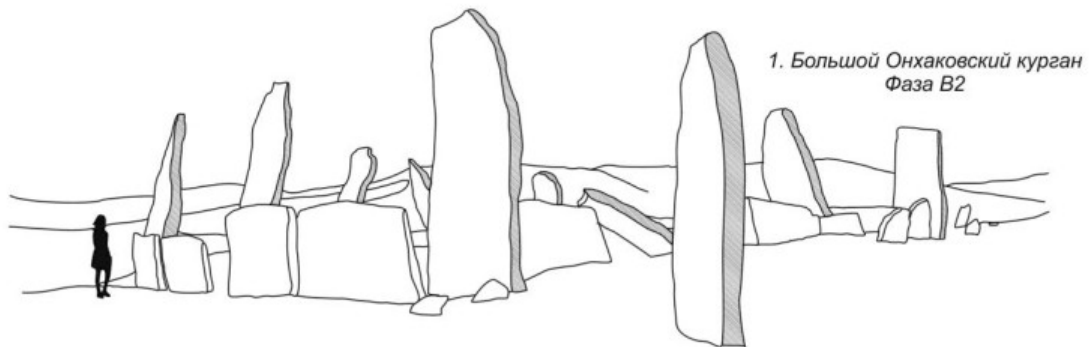
Другой великолепный памятник — Верхний Сафроновский могильник, демонстрирует абсолютно нетрадиционное решение планировки архитектурного ансамбля крупнейших для своего времени мемориалов (рис. 2, 2). Начинает строиться он еще в фазу В1 с двух компактных групп, в каждую из которых входит престижный курган со сторонами ограды 7–9 м и высотой стел 1,7–2,2 м и два–три небольших рядовых, стоящих вдоль края высокой террасы, господствующей над долиной, где размещены памятники рядового населения. Третий кластер продолжает эту планировочную схему, начинаясь также со стоящего вдоль бровки кургана. Однако этот курган — один из самых великолепных в Минусинской котловине раннетагарских мемориалов, десятикаменник размером 16 × 20 м с высотой стел до 5,5 м (юго-восточная стела, ближайшая к выносному камню). При продолжении строительства согласно применявшейся схеме, последующие «престижные» курганы уходили бы под склон невысокой сопки на краю террасы. И архитекторы клана решаются на необычный ход, выстраивая следующие, не уступающие по размерам мемориалы в шеренгу с небольшими промежутками — прием, применявшийся при строительстве рядовых могильников. Сопутствующие рядовые ограды строятся за тыловой, западной стороной престижных, а дальше, под склоном сопки возводится еще одно необычное для того времени сооружение — небольшая, чуть меньше 10 × 10 м, ограда, к которой сбоку пристроена аналогичная по размерам. Этот прием характерен для строительства на рядовых могильниках, но здесь обе ограды имеют выносные камни.

Получился потрясающий по эффектности комплекс. Высочайшие во всем раннем тагаре юго-восточные стелы причудливых форм, своей акцентированностью разрушающие и без того не слишком упорядоченную структуру мемориалов «восточников», расположение на краю ландшафтного участка, применение необычных планировочных приемов, — все это создало динамичный, вызывающе неуравновешенный, парадоксальный памятник и обусловило странные, «психоделические» свойства пространства на нем, судя по количеству и тематике петроглифов на каменных стелах оград, интенсивно использовавшиеся в дальнейшем для шаманских камланий и прочих ритуальных и магических процедур.

Несмотря на отдельные блестящие решения, в целом архитекторы «восточников» все же концентрируются на самом сооружении, не на пространстве, создаваемом им, что, на мой взгляд, говорит о большей значимости для них архитектурной идеи мемориала, как «дома» или «усадьбы» покойного. Альтернативная же концепция наиболее ярко выражена в мемориалах этого времени уйбатско-сахарского варианта, классического, предельного варианта «западников», где ясная и выразительная планировочная структура памятника безусловно доминирует над растянутым, разбросанным, визуально распадающимся архитектурным объемом. В историческом развитии этих комплексов отчетливо выражена тенденция к превращению их, прежде всего, в площадку, высокоупорядоченное пространство,

структурированное и оформленное достаточно самостоятельными архитектурными вертикалями стел и предназначенное для отправки в последний путь. Здесь идея «терминала», идея посмертного ухода навстречу восходящему солнцу, выражается наиболее последовательно.

Архитектура «восточников» (юго-западный вариант)

2. Мемориальный комплекс Верхний Сафронов

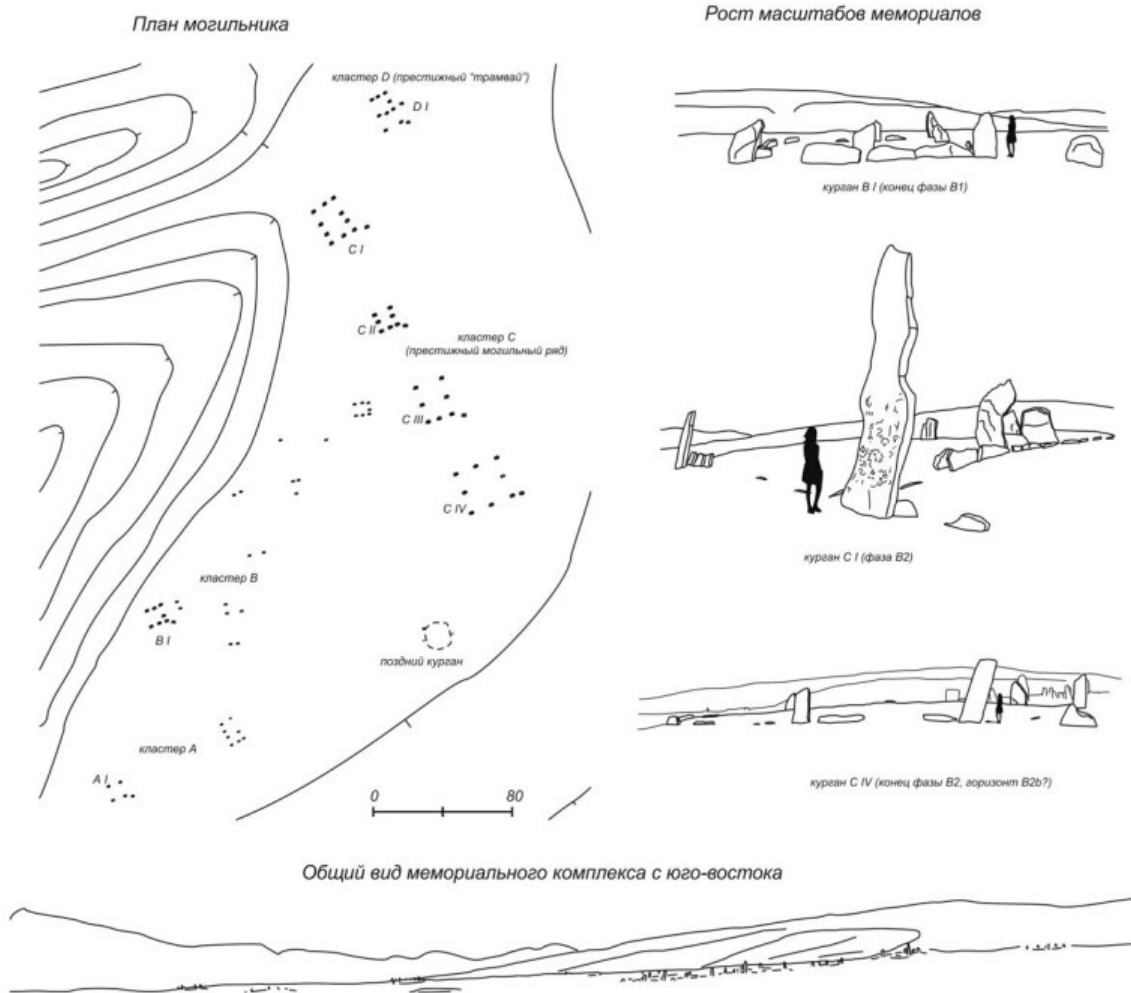

Рис. 2. Развитие мемориальной архитектуры юго-западного варианта в раннетагарское время

Особенно четко это видно в мемориалах Сыров, Сахсара и западной части Уйбатской степи, ближе к предгорьям Алатау. Здесь в финале классического раннего тагара происходит еще большее увеличение масштаба мемориалов (более 30 м в Сорае, Хамысхоле и Узун-Обе) и фиксируется четко диагностируемый сорайский горизонт В2b трапецевидных в плане курганов с «оттянутым» юго-восточным

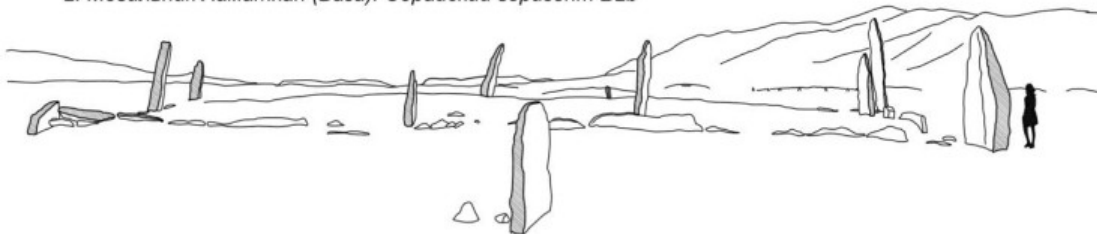
углом и очень маленьким, 0,5–0,7 м от боковой стороны, расстоянием до выносного камня (вероятное влияние «восточников»). Крупные стелы-обелиски, часто из бело-розового гранита, делают их очень эффектными (рис. 3, 1, 2, 4). И это вызывает определенный кризис. Ограда совершенно «отрывается» от конструктивных элементов могилы (выкид, перекрытие, панцирь), охватывая значительную площадь, которую приходится как-то заполнять камнями и грунтом. Стелы вырастают до своего предела в 3–6 метров, но это не компенсирует возросшее расстояние между ними, и архитектурный объем окончательно разваливается.

Архитектура Уйбата и Сахсаров. Финал раннетагарской эпохи.

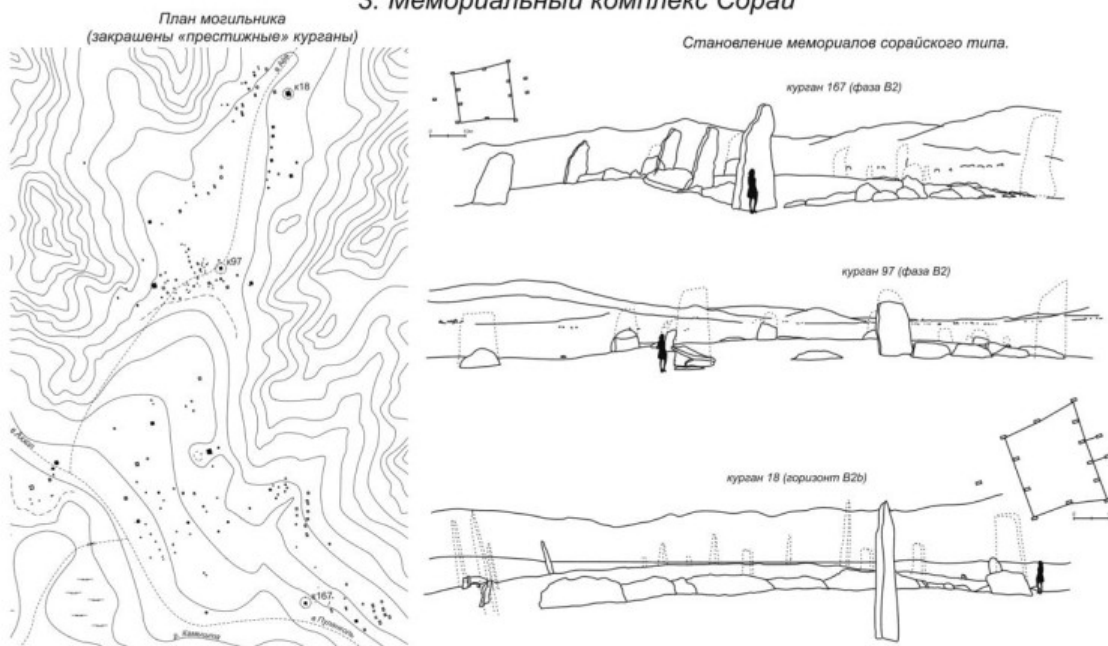
1. Могильник Амога (Кутень-Булук) «Гранитный курган». Сорайский горизонт B2b

2. Могильник Хаматхан (База). Сорайский горизонт B2b

3. Мемориальный комплекс Сорай

4. Мемориал Узун-Оба.

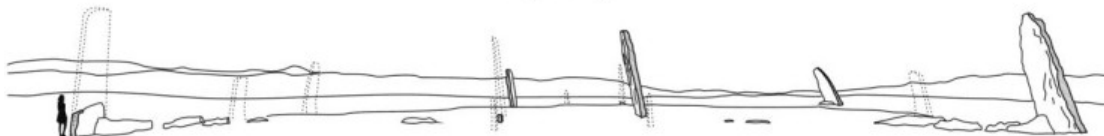

Рис. 3. Развитие мемориальной архитектуры уйбатско-сахсарского варианта. Сорайский горизонт

Одну из попыток справиться с этим мы видим в мемориалах эпонимного для горизонта могильника Сорай (рис. 3, 3). В прошлом, это, возможно, самый масштабный и впечатляющий раннетагарский мемориальный комплекс во всей котловине⁴, к сожалению, сохранившийся хуже из-за использования стел курганов этого времени при постройке сооружений более поздних эпох — поминальников при таптыкских склепах и вертикальных стел чаатасов. Здесь сыграла роль та же причина, что и в его возникновении — расположение в перворазрядном узле связности, перекрестке важнейших путей: с юга на север региона по долине Камышты и трансрегионального пути с Алтая к устью Абакана и далее вниз по Енисею или по Тубе к перевалам Восточного Саяна. В комплексе, существующем с самого начала тагарской культуры, свыше двухсот курганов, из них более двадцати пяти престижных, принадлежащих к разным, отличающимся архитектурными нюансами линиям (и, очевидно, разным кланам или линиджам). Наиболее яркие и масштабные мемориалы возводит здесь клан, появившийся в самом начале фазы В2 и практически сразу сооружающий трапезиевидные в плане ограды с «оттянутой» юго-восточной стелой увеличенной высоты и «сверхблизким» выносным камнем на расстоянии половины длины боковой стороны ограды, а то и меньше. Мемориалы этой линии располагаются на границах могильника и ключевых точках рельефа, игнорируя уже сложившиеся структуры, что, скорее, говорит об иммиграции сюда группы, их оставившей, а компактность и местонахождение первых из них на юго-восточной границе могильника, вниз по Камышты — что они, возможно, пришли из мест, граничащих с ареалом «восточников». Последний, самый крупный мемориал этой линии Сорай 18, будучи отнесен вглубь лога, вообще переформатирует все пространство мемориального комплекса, превращая уже существующий могильник на перевале из лога в долину Камышты и под ним в своеобразную аванплощадь перед собой. Это — второй по величине после Узун-Обы раннетагарский курган Минусинской котловины (31,5 м фронтальная, 24–25 м остальные стороны, высота сохранившихся двух стел 3,5–4 м) стал первым многокаменным курганом, где между угловыми и промежуточными камнями по фронтальной стороне, а, возможно, и по боковым, было поставлено по стеле, создавая впечатление их аномального количества и восстанавливая плотный архитектурный объем. Этот прием ждет большое будущее.

Другую попытку восполнить архитектурный объем фиксирует, вероятно, даже чуть более ранний раскопанный курган в Багульном — Уйбат-Хулгане (*Кизитин*, 1994), где внутри основной ограды устанавливается меньшая, состоящая из крупных валунов, и увеличивающая мощность заполняющего ее полностью каменного панциря. Это, безусловно, один из прообразов надмогильного сооружения, перекрытого насыпью, основного способа строительства позднейших курганов.

Могильники Сафронов, Онхаков, Сорай, Узун-Оба, Хамысхоль, Кутень-Булук — великолепный финал традиции раннего тагара в Южно-Минусинской котловине. Однако новая парадигма тагарской мемориальной архитектуры формируется все же не здесь.

К северу отсюда, за Косинским хребтом до Божьих Озер и Чульма, распространен внешне достаточно однородный северный вариант классической раннетагарской архитектуры. Радиоуглеродные даты вроде бы показывают синхронное с югом появление тагарских памятников, формативная ступень А, выделенная нами (*Акулов, Паульс*, 2008), здесь представлена не хуже. Все же создается впечатление, что памятники классического раннего тагара ступени В располагаются в местных ландшафтах не столь плотно, как на юге, и, таким образом, возможность существования их на севере Минусинской котловины менее продолжительное время не может быть исключена.

По планировке это обычные мемориалы «западников», на ступени В2 они здесь несколько меньше, чем на юге, достигая по длине стороны ограды 15 м лишь в исключительных случаях (рис. 4, 2). Тем не менее, в своем архитектурном оформлении они существенно отличаются, стелы здесь гораздо более приземистых пропорций и не превышают 2,5 м в высоту. Юго-восточная стела также часто выделяется

⁴ Наряду с Могильной степью, значительно большей по площади и количеству сооружений на ней. Однако в отличие от нее, состоящей из макрокластеров, разделенных незастроенными участками, Сорай представляет собой единое застроенное пространство площадью в сотни гектар, в котором выделяется несколько мемориальных ансамблей нобилитета.

большей мощностью и высотой. Однако ни одного мемориала, по своим признакам относящегося к горизонту B2b, с трапецевидностью, получаемой «оттяжкой» юго-восточного угла и «сверх близким» выносным камнем, мы не наблюдаем.

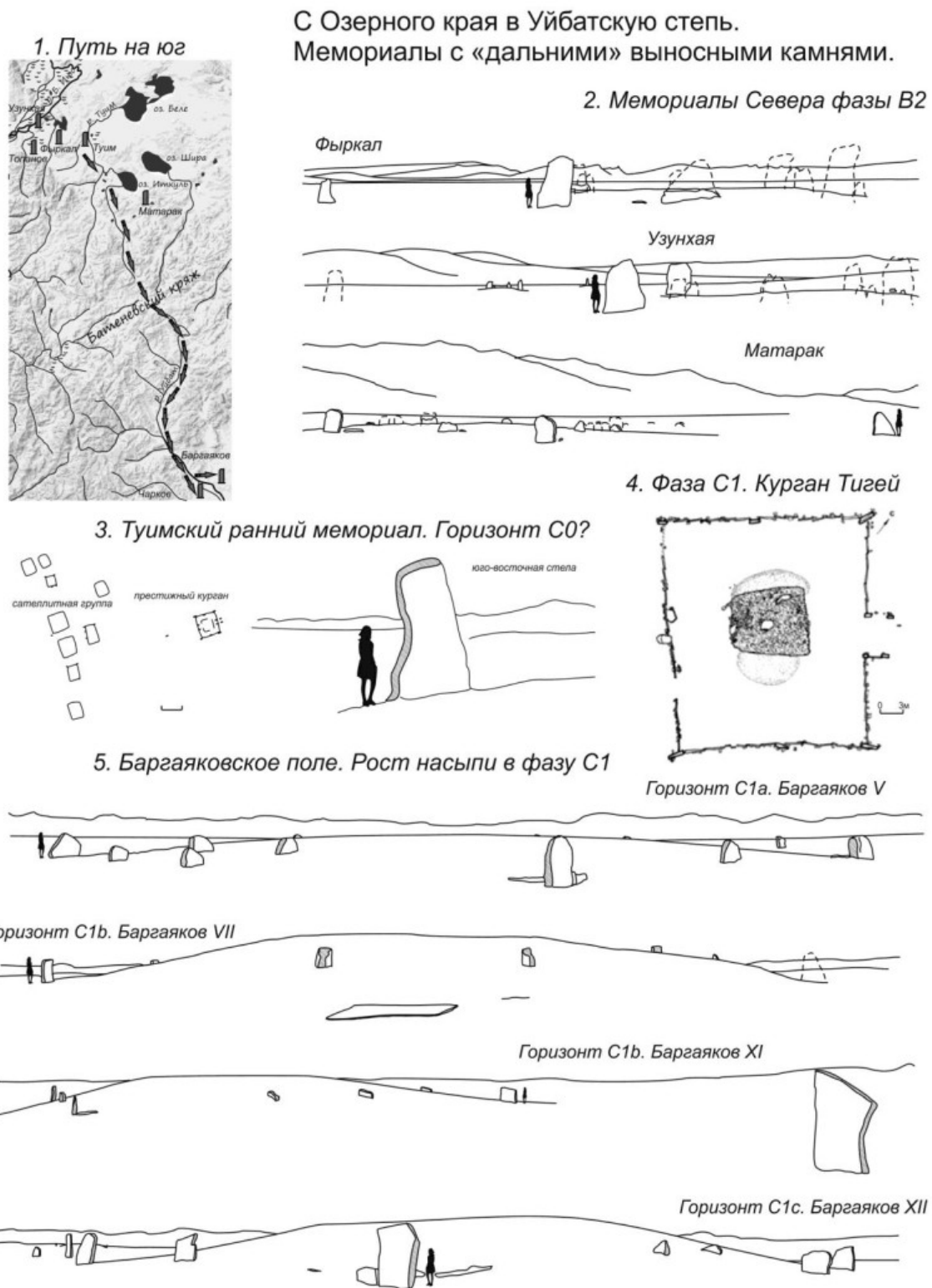

Рис. 4. Развитие мемориальной архитектуры северного варианта и предполагаемое движение на юг северных кланов. Тигейский тип престижных курганов и его развитие. (4 — Седых, Марсадалов, 2009)

Похоже, что новая мода просто не успевает сюда дойти, поскольку в это время здесь уже возникает новый архитектурный и конструктивный тип мемориалов: создание большой могилы с надмогильным сооружением и возможностью подзахоронений, по сути уже склепа, и финального перекрытия пространства внутри ограды грунтовой насыпью усеченно пирамидальной или куполообразной формы, создающей независимый от стел архитектурный объем. Этот переход — ключевой момент, соотносящийся так или иначе с трансформацией тагарской культуры вообще, поэтому он особенно интересен. Убедительно продемонстрировать мемориальный комплекс нобилитета, на котором этот переход происходил бы, без подкрепления наблюдаемых фактов материалами раскопок невозможно. Тем не менее, эти факты свидетельствуют о том, что подобная задача может быть поставлена и решена.

Во-первых, здесь все же есть мемориалы с крупными стелами относительно высоких пропорций около 2,5 м высотой и размерами сторон около 20 м, по наличию спутниковых групп и расположению в ландшафте явно принадлежащие нобиям. Однако насыпь у них уже имеет форму плоского купола высотой в метр или даже несколько больше, что может быть связано только с наличием внутреннего надмогильного сооружения. Такое сочетание новых конструктивных принципов и стилистики, пришедшей с юга, указывает на их вероятное соответствие по времени уже описанным классическим мемориалам конца фазы В2 уйбатского и юго-западного вариантов, построенным еще по старой раннетагарской «модели»⁵. Примером может служить хорошо заметный всем проезжающим по единственной сохранившейся стеле, обломанной на высоте 2,7 м, курган у железнодорожного переезда возле Целинного (рис. 4, 3).

Во-вторых, здесь довольно много могильников, на которых наблюдается переход к курганам, перекрытым насыпью. Такие есть везде, но на севере их больше. В основном это рядовые могильники, но кое-где на них встречаются и крупные престижные курганы. Примеров достаточно — от Ораков и Божьих Озер до Иткуля и долины Сола.

В-третьих, на ранний переход к строительству по новым принципам указывает единственный раскопанный здесь согласно современным методикам крупный мемориал следующей ступени С Черемшино (*Александров и др.*, 2014. С. 74–108), принадлежавший, несомненно, клану, входившему в ранговую знать, с показавшейся сначала неправдоподобной радиоуглеродной датой — последняя четверть VIII в. до н. э. Этот мемориал демонстрирует уже абсолютно сложившуюся, выверенную новую конструктивную модель, которая явно развивалась на протяжении минимум одного-двух поколений⁶.

Наконец, несколько забежав вперед, на следующей ступени С построенные согласно новым принципам мемориалы нобилитета по всей котловине так или иначе несут «родимые пятна», указывающее на генезис данной традиции именно на севере. Это приземистость стел, тенденция к изменению их пропорций на более низкие наблюдается повсюду не только у памятников, оставленных выходцами с севера котловины, но и у демонстрирующих явную связь с предшествующей элитой этих мест Большого Тигея и Каракургена на Уйбате, а также на юго-западе в Кизласе. Еще одна черта — четкая прямоугольность ограды, а иногда даже ее «обратная трапециевидность» (тыловая сторона длиннее фронтальной), в сочетании с заниженностью пропорций стел у ряда курганов ступени С в Уйбатской степи, похоже, маркирует мемориалы, строившиеся пришедшими сюда северными кланами, поскольку раньше такую особенность у крупных престижных курганов здесь мы не встречаем.

⁵ Если эти предположения подтвердятся дальнейшими исследованиями, подобные памятники будет логично объединить в «предтигийский» горизонт С0, поскольку принципы устройства самой могилы уже характерны именно для следующей ступени С.

⁶ Исходя из вещевого комплекса в центральной могиле, согласно традиционной схеме развития культуры Черемшино находится на самом рубеже позднеподгорновских/биджинских и раннесарагашенских памятников, ступень С1/С2, по предложенной нами с Е. Д. Паульсом «архитектурной периодизации» (*Акулов, Паульс*, 2008). В общем тренде изменений переходного времени это уже «вторая волна» метаморфоз культуры, идущих с севера котловины и, видимо, сопряженных с усилением культурных связей с Алтаем и Восточным Казахстаном. Насколько они отражают реальные миграции, непонятно, так как при всех изменениях, как в мемориальной архитектуре, так и в культурном комплексе в целом, мы не видим никаких погребальных памятников, могущих быть интерпретированных, как инокультурные.

И у этих мемориалов есть еще один важнейший признак. Это — дальше (1,2–1,4 м) и сверхдальнее (1,5–1,8 м от боковой стороны) расстояние до выносного камня. В подобной комбинации у мемориалов фазы В2 он встречается только в районе Широинских озер — Белого Июса. Иными словами, новая парадигма погребальной архитектуры, наверное, так или иначе формируется по всему северу зоны предгорий Кузнецкого Алатау, однако выходы именно из этих мест⁷, перевалив Батеневский кряж, спустились по Горному Уйбату в Южно-Минусинскую котловину, где в столкновении северных и южных кланов возникает новая смешанная правящая элита и, в конечном итоге, ее высший ранг — Салбыкский Дом (рис. 4, 1).

Здесь, в Уйбатской степи, мемориалы этой элиты образуют совершенно новый для Минусинской котловины тип памятников — династические курганные поля, где задача организации архитектурных ансамблей из мемориалов размерами в десятки метров решается их выносом в величественные пространства открытой степи с неограниченным обзором. Эталонное из них — Баргаяковское (рис. 4, 5), у выхода Уйбата из гор в открытую степь, наглядно демонстрирует нам процессы формирования архитектурного облика мемориальных комплексов нового типа (ступень С, фаза С1). Мощные, размером около 40 метров по сторонам престижные десятикаменники, двумя субшпротными цепочками заполняя пространство широкого плоского увала, постепенно, на протяжении, видимо, трех-четырех поколений растут в высоту от 1,7 до 4,6 м, завершая строительство курганами салбыкского типа около 6,5 м высотой.

Это позволяет примерно синхронизировать большие престижные десятикаменники с близкими пропорциями между высотой насыпи и размерами ограды как принадлежащие одному горизонту и получить картину быстрого, на протяжении двух-трех поколений, распространения мемориалов, строившихся северными кланами, на пространстве между Енисеем, Абаканом, Сахаром и Косинским хребтом (рис. 5, 1), проследить аналогичные движения кланов нобилитета местного происхождения и, в конечном итоге, синтез обеих традиций.

Исчерпывающее представление об устройстве подобных мемориалов дает раскопанный курган Тигей (*Паульс и др.*, 1985; *Седых, Марсаолов*, 2009), престижный десятикаменник с оградой 34 × 28 м, насыпью 2,8 м и стелами в 2,3 м высотой с индивидуальным склепом и лазом в него с западной стороны, прообразом будущего дромоса, с каменно-земляным надмогильным сооружением высотой около 1,8 м (рис. 4, 3). Мы видим памятник абсолютно нового типа, где архитектурный объем всецело создается не стелами, а насыпью, последние же со временем, чем дальше, тем больше, превращаются в элемент архитектурного декора. Подобные памятники еще в 2008 г. мы предложили называть курганами тигейского типа.

Тигей — мемориал нобилея «низшего ранга высшей элиты». Определение возможно, так как мы наблюдаем три ступени размерности таких памятников (30–40–50 м). По расстоянию до выносного камня и конфигурации ограды он возведен северными кланами, однако в пропорциях стел можно усмотреть и некоторое влияние местной традиции.

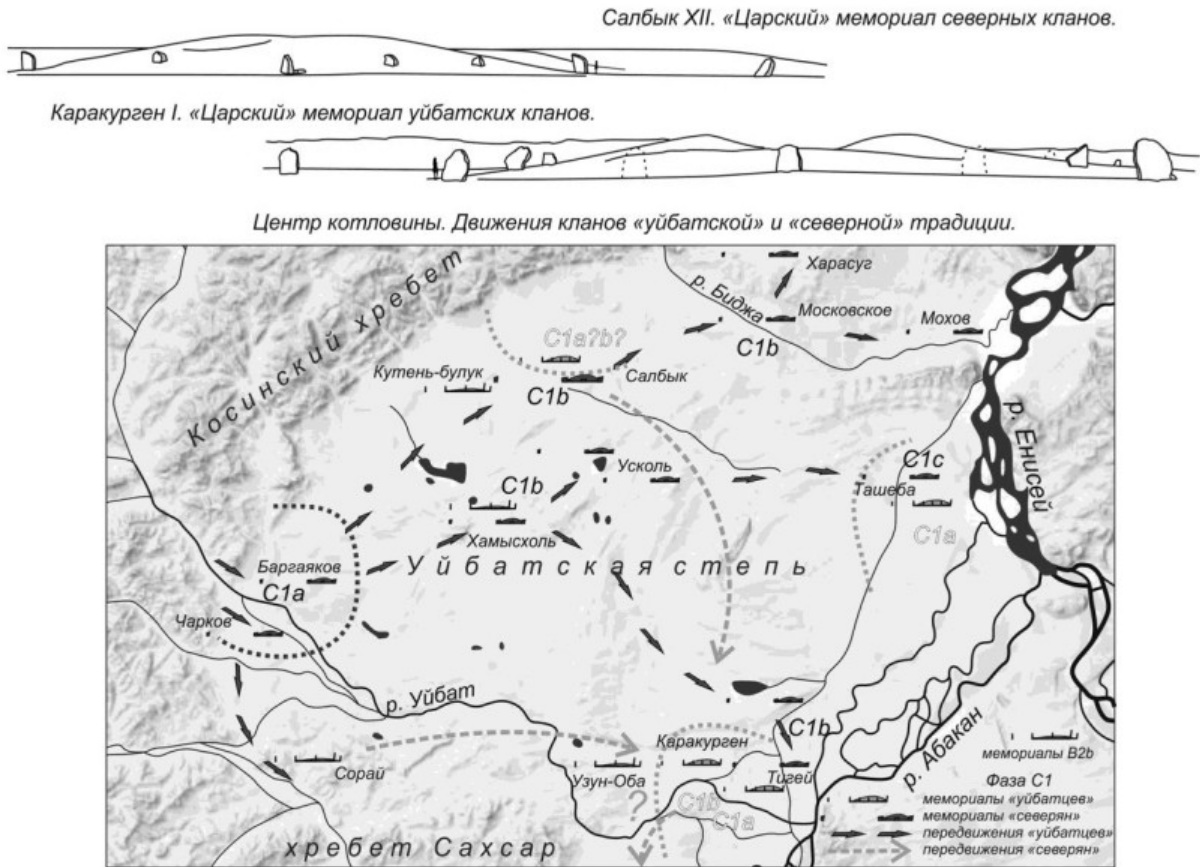
Вообще в это время соперничающие, но и взаимодействующие с северными пришельцами местные кланы и их архитекторы создают свою разновидность курганов тигейского типа, «постсарайскую», с надмогильным сооружением и насыпью, но наследующую их собственные «родовые признаки» — трапецевидность, «оттяжку» юго-восточного угла и короткое расстояние до выносного камня. Именно в их среде возникает тип многокаменного кургана высочайшего статуса, первые образцы которого мы видим на Уйбатском курганном поле (Тигей II, Каракурген), с 18 камнями в ограде (две стелы добавляются с каждой стороны) и увеличенной в высоту насыпью. Размер обоих по стороне близок к 50 м, что в это время является стандартом высшего ранга. «Северяне» отвечают строительством такого же по размерам, но классического престижного десятикаменника со всем

⁷ В связи с этим интересен металловедческий анализ втока из центрального погребения небольшого престижного мемориала фазы В2 в Топаново, который, по мнению С. В. Хаврина (2007), является импортным из более западных регионов степи — Алтая, Восточного Казахстана, что лишним раз указывает на интенсивные связи с этими регионами в период формирования новой конструктивной и архитектурной парадигмы в строительстве мемориалов.

набором соответствующих признаков на Салбыкском поле — вероятно, первого здесь «царского» мемориала. И это, видимо, апогей соперничества, поскольку в более поздних памятниках мы уже наблюдаем сближение традиций и их смешение.

Акме. Ступень С

1. Уйбатская коллизия. Фаза С1.

2. Мемориалы Севера и Юга. Фаза С1

Озеро Шира. Мемориалы с несколькими выносными камнями.

Кизлас. Мемориалы с воротами и выносным камнем с востока.

Тум. Совершенная эстетика нового типа.

3. Большой Салбык. Фаза С2. Венец эпохи.

Рис. 5. Ступень С. Акме тагарской мемориальной архитектуры. Многокаменные «царские» курганы

Из Уйбатской степи, несомненного центра развития архитектуры на этом этапе, новые веяния распространяются по всей котловине (рис. 5, 2). Комплексы мемориалов нобилей везде начинают возводиться в виде династических курганных полей с рассредоточенными отдельными престижными курганами. Многокаменные мемориалы несколько меньшего размерного ранга, около 40 м по стороне, мы встречаем на юго-западе (Кизлас) и на севере (озеро Шира). На юго-западе возникает вполне химерическая традиция соединения в одном памятнике ворот/входа и выносного камня у юго-восточного угла, причем стоящего не вблизи него, как в классическом их каноне, а отнесенного на расстояние, соответствующее принятому в «постсорайских» мемориалах Уйбатской степи, что может быть интерпретировано и как следствие адаптации к новым трендам, и как результат, например, династических браков.

На севере же, в области предполагаемого нами «исхода» северных кланов, помимо традиционно несколько уменьшенных по сравнению с югом курганов тигейского типа, распространенных во всем ареале классического северного варианта, мы обнаруживаем у отдельных мемориалов высокого статуса несколько выносных камней, от трех до пяти. Эта инновация явно представляет собой попытку совместить старый принцип установки выносных камней по покойному высокого ранга с нарастающей «коллективностью» как отдельных погребений, так и мемориалов в целом.

И здесь же, в Озерном крае, возводится абсолютный архитектурный шедевр этой эпохи — десятикаменный Туимского поля. С мощными, низких пропорций стелами, чуть врзлет, визуальными наклонными к востоку, с волнообразными краями основных из них, со сверхдальним, более 1,8 м от боковой стороны, расстоянием до выносного камня, слегка отклоненного в обратную сторону, к западу, и как бы удерживающего курган на месте, он идеально воплощает идею движения, своеобразного «взлета», изначально заложенную в традиции «западников».

Смена этапов тагарской культуры согласно классической периодизации (рубеж ее на «крайнем севере» котловины обозначен курганом Черемшино — 723±20 г. до н. э. (*Александров и др.*, 2014. С. 137–139), на юге должен быть, вероятно, на поколение — два позже, однако для демонстрации того, как именно эта «вторая волна» проявляется в мемориальной архитектуре, пока материал осмыслен недостаточно, есть только определенные наметки) сопровождается серьезными изменениями в вещевом комплексе и погребальном обряде, но не столь заметна в архитектуре мемориалов знати. Принципиальная схема планировки раннесарагашского кургана почти не меняется. Для наиболее крупных престижных курганов незначительно, до двенадцатикаменного, модифицируется канон (дополнительные промежуточные стелы по боковым сторонам). Несколько увеличивается масштаб и — резко — высота курганов (5–7, на Салбыкском поле свыше 10 м). И такой рост архитектурного объема задает мощнейший эффект. Решительно возрастает визуальное доминирование памятника на участке местности, а его образ все более соотносится с понятием «дом мертвых», создавая эффект незримого присутствия «протагониста» мемориала при его посещениях. Это — общая тенденция этого времени в культурах скифского мира, и, вероятно, возникающим «конфликтом версий» между идеями «терминала» и «дома мертвых» объясняется наблюдаемая в памятниках той поры «двухтактность», реализующаяся в каждой традиции в своих конкретных формах, в тагарской, в частности, в системе строительства первоначальной платформы внутри каменной ограды с последующим перекрытием ее высокой окончательной насыпью.

С этого момента в мемориальной архитектуре начинается фаза С2, непревзойденные образцы которой представлены в центральной группе мемориалов Салбыкского поля, синтезирующих в себе признаки мемориалов обоих предшествующих групп знати. Из местной традиции берется многокаменность и небольшая «оттяжка» юго-восточного угла, из северной — общий приземистый абрис стел и далее, 1,1–1,3 по отношению к боковой стороне ограды, расстояние до выносного камня. Вероятно, именно здесь возникают первые двенадцатикаменные ограды престижных курганов, что немедленно приводит к строительству «многокаменников» с двадцатью одной стелой в ограде. Предположительно первым в этой группе был сооружен восемнадцатикаменник на северном увале, последним же, видимо, все же Большой Салбыкский курган, во всяком случае, трудно предположить, чтобы такая блестящая находка архитекторов, как постепенное увеличение в высоту с запада на восток стел боковых

сторон, дублирующая на более обобщенном уровне собственный их абрис, не была бы использована впоследствии (рис. 5, 3). В их сооружении находят свое логическое завершение все вышеописанные процессы: увеличение размеров самого мемориала, поиск оптимальных соотношений между его компонентами, игра архитектурных объемов отдельных памятников в едином ансамбле, создание мемориального ландшафта династических курганных полей. Эти памятники торжественны и великолепны — воплощенная идея Скифского Царства Минусинской котловины.

И это «конец прекрасной эпохи». Нет ансамблю Салбыка равных ни на современных, ни на более поздних курганных полях — все подражатели, эшгоны. Да и в самих его мемориалах — мощных, фундаментальных, уверенных в своем превосходстве — уже нет ни рвущихся ввысь стел Сафронова и Сорая, ни пластающихся вширь по пространству насыпей раннего Баргаякова, ни химеричных камней Каракургена, ни «аэродинамики» Туума. Уходит тот нерв культуры и общества, что полтора века — от Аржана до Салбыка — заставлял строителей делать мемориал каждого нобия отличным от стоящих рядом соседей и предшественников. Наступает эпоха крепкого унифицированного массового дизайнера мемориальных комплексов — «сарагапенская ИКЕА». Почему мы не видим этого ни до ни после?

Поэтичная метафора духа времени и его судьбы открывается нам в самих находках из этих мемориалов. Со «Старшим» Аржаном в регионе появляются круглые бляхи с пантерами — свернувшимися, вроде бы статичными, но напряженными, готовыми развернуться и броситься на добычу кошками. Во времена Салбыка и Аржана 2, в первой половине — середине VII в. до н. э., ни в каких мемориалах знати их уже нет (Чузунов, 2011. С. 69–77), их сменяют лежащие и чинно шествующие, полные достоинства львы, леопарды, барсы. Зато в Восточную Европу и на Ближний Восток круглые «великолепные кошки» как приходят на рубеже веков, так и существуют там позднее (Ильинская, 1971), давая многочисленные дериваты — универсальный маркер и наследие Геродотовых скифов, пришедших из глубин Азии.

А тут, над упорядоченными социумами азиатских скифских царств, дух ищущих первенство возмутителей спокойствия, олицетворяемый «круглыми кошками» и воплощенный в мемориалах, более не витает. Свернувшихся пантер — беспокойных, ожидающих, готовых к действию — навсегда уносят на одежде и сбруе своих коней в Западный поход те, кому эти социумы не по мерке — младшие сыновья, неуживчивые соседи и прочие «молодые негодяи». Дерзкая вольница. Cat people.

Александров и др., 2014 – Александров С. В., Боковенко Н. А., Смирнов Ю. А. Археологические памятники долины Черного Июса на севере Хакасии // Археологические раскопки на дорогах Хакасии. СПб., 2014. Вып. 3.

Алексеев и др., 2005 – Алексеев А. Ю., Боковенко Н. А., Васильев С. С., Дергачев В. А., Зайцева Г. П., Ковалюх Н. Н., Кук Г., Ван дер Плихт Х., Поснерт Г., Семенов А. А., Скотт Е. М., Чузунов К. В. Евразия в скифскую эпоху // Радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб., 2005.

Акулов, Паульс, 2008 – Акулов А. Г., Паульс Е. Д. К изучению тагарской курганной архитектуры // Тр. II (XVIII) археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. II.

Зайцева и др., 2007 – Зайцева Г. П., Чузунов К. В., Алексеев А. Ю., Дергачев В. А., Васильев С. С., Семенов А. А., Кун Г. Т., Скотт Е. М., Ван дер Платт Х., Боковенко Н. А., Кулькова М. А., Бузова Н. Д., Лебедева А. М., Юнгер Х., Сониннен Э. История и результаты радиоуглеродного датирования кургана Аржан // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб., 2007.

Ильинская, 1971 – Ильинская В. А. Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве // СА. 1971. № 2.

Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010a – Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д. Поздний бронзовый век и начало раннего железного века Монголии в свете открытий Международной Центрально-Азиатской археологической экспедиции // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Материалы Междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 2010.

Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010b – Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д. Ранний и средний периоды бронзового века Монголии в свете открытий Международной Центрально-Азиатской археологической экспедиции // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы Междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 2010.

Ковалев и др., 2014 – Ковалев А. А., Рукавишников П. В., Эрдэнэбаатар Д. Оленные камни — это памятники-кеностафы // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии: Сб. ст. Барнаул, 2014.

Лазаретов, 2006 – Лазаретов П. П. Заключительный этап эпохи бронзы на Среднем Енисее / Автореф. дис. на соиск. ... канд. ист. наук. СПб., 2006.

Лазаретов, Поляков, 2008 – Лазаретов П. П., Поляков А. В. Хронология и периодизация комплексов эпохи поздней бронзы Южной Сибири // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул, 2008.

Марсадалов, 2015 – Марсадалов А. С. Отчет об исследовании Большого Салбыкского кургана и его окружения. СПб., 2015.

Паульс и др., 1985 – Паульс Е. Д., Подольский М. А., Седых В. Н. Большой тагарский курган около ст. Тигей в Хакасии // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск, 1985.

Поляков, Святко, 2009 – Поляков А. В., Святко С. В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита — начала железного века среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2009. Вып. 5.

- Седых, Марсадалов, 2009* – Седых В. Н., Марсадалов А. С. О возможных прототипах тагарских бронзовых нагрудных // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2009. Вып. 5.
- Сыма Цянь, 1972* – Сыма Цянь. Исторические записки. М., 1972. Т. I.
- Сыма Цянь, 1975* – Сыма Цянь. Исторические записки. М., 1975. Т. II.
- Хаврин, 2007* – Хаврин С. В. Тагарские бронзы Ширинского района Хакасии // Сб. науч. трудов в честь 60-летия А. В. Виноградова. СПб., 2007.
- Членова, 1997* – Членова Н. А. Центральная Азия и скифы. М., 1997.
- Чузунов, 2011* – Чузунов К. В. Синхронизация археологических культур раннесакского времени Казахстана и Тувы // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: Тез. докл. круглого стола. Караганды, 2011.
- Kuz'min, 1994* – Kuz'min N. Yu. Kuz'min Burial mounds of nobles of the early skythian period in the Minusinsk hollow, Siberia // New archeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia. SPb., 1994.

Э. Б. Вадецкая

ОТРАЖЕНИЕ В КОЛЛЕКТИВНЫХ МОГИЛАХ ЕНИСЕЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СМЕРТИ ИНДИВИДА И ВОЗРОЖДЕНИИ СОЦИУМА

В статье обосновываются причины коллективных могил, содержащих останки людей, умерших в разное время, но захороненных одновременно. Приводятся примеры коллективных могил разных эпох Присаянья и их обоснование. Особое внимание уделено характеристике разных типов мумий-кукол в тагарскую эпоху, а также отличиям изображений лиц «живых» покойников и тех, кого признавали мертвыми.

Ключевые слова: коллективные могилы, временные погребения, черепа, мумии, куклы, маски, глиняные обмазки, мировоззрение, окуневская культура, тагарская культура, таптыгские могилы.

Погребальная обрядность древнего населения зависела от множества факторов, среди которых основными были природные условия проживания, возможность строительства погребальных сооружений и проведения различных ритуалов, связанных с переходом мертвых в загробный мир и существующих по этому поводу представлений, то есть мировоззрения. Все сказанное объясняет как сходство, так и разнообразие похоронных ритуалов даже на одной и той же территории, в частности, на Среднем Енисее (Присаянье или Минусинские котловины), погребения которых положены в основу данной статьи.

Для территории, где основными археологическими источниками о древнем населении являются могилы, практически во всех их публикациях осуществляются попытки семантики конструкции погребений, поз покойников, отдельных похоронных ритуалов и даже вещей. В последние годы самые неожиданные открытия связаны с так называемыми «коллективными могилами», где похоронены одновременно люди, умершие в разные сроки.

Природные условия не позволяли зимой выкапывать в промерзшей земле ямы, а наземные могилы не практиковались у местного населения. Правда, среди могил двух археологических культур (андроновской и карасукской) встречаются на поверхности земли ящики, сложенные из плиток, которые некоторые ученые считают зимними могилами (*Максименков, 1978. С. 73; Вадецкая, 1986. С. 53*). Однако эти «цисты» малочисленны, расположены практически только в северных районах, поэтому в качестве зимних могил у некоторых других исследователей вызывают сомнение (*Грязнов и др., 2010. С. 46–47*)

Между тем, каменные ящики на поверхности земли могли быть предназначены для временных захоронений. Они разнообразны. Иногда мертвых клали в ямках, выкопанных в почве на глубину 20–30 см, прятали под камни развалившихся погребальных насыпей, клали прямо на земле поверх настилов, а чаще всего для них использовали погребальные ящики предыдущих поколений, которые частично были видны на поверхности земли. Чтобы отделить временные захоронения от окончательных, требуется либо специальный анализ, либо случайность. Так, оба обстоятельства соединились, когда в одной могиле афанасьевской культуры были кости людей, обгрызенные волком, а в другой среди человеческих костей оказались кости медведя (*Грязнов, 1999. С. 32, 40; Вадецкая, 2014. С. 301, 302*). Здесь нет сомнения о том, что те и другие были перезахоронены откуда-то. Это дало стимул изучению коллективных могил афанасьевской культуры, где одновременно уложены трупы, их части и кучки костей скелетов. Теперь для их характеристики определены следующие особенности (рис. 1, 1). В них останки людей и вещи размещаются на двух противоположных сторонах ямы. Судя по положению костей в кучках, они были плотно упакованы, и среди них многие мелкие кости отсутствуют. Черепа вторично погребенных людей либо отсутствуют, либо лежат отдельно, поскольку голову при временном захоронении особенно берегли: отделяли от тела и, предположительно, как-то консервировали, например, высушивали (*Вадецкая, 1980. Рис. 1, 2; 2014. С. 302*).

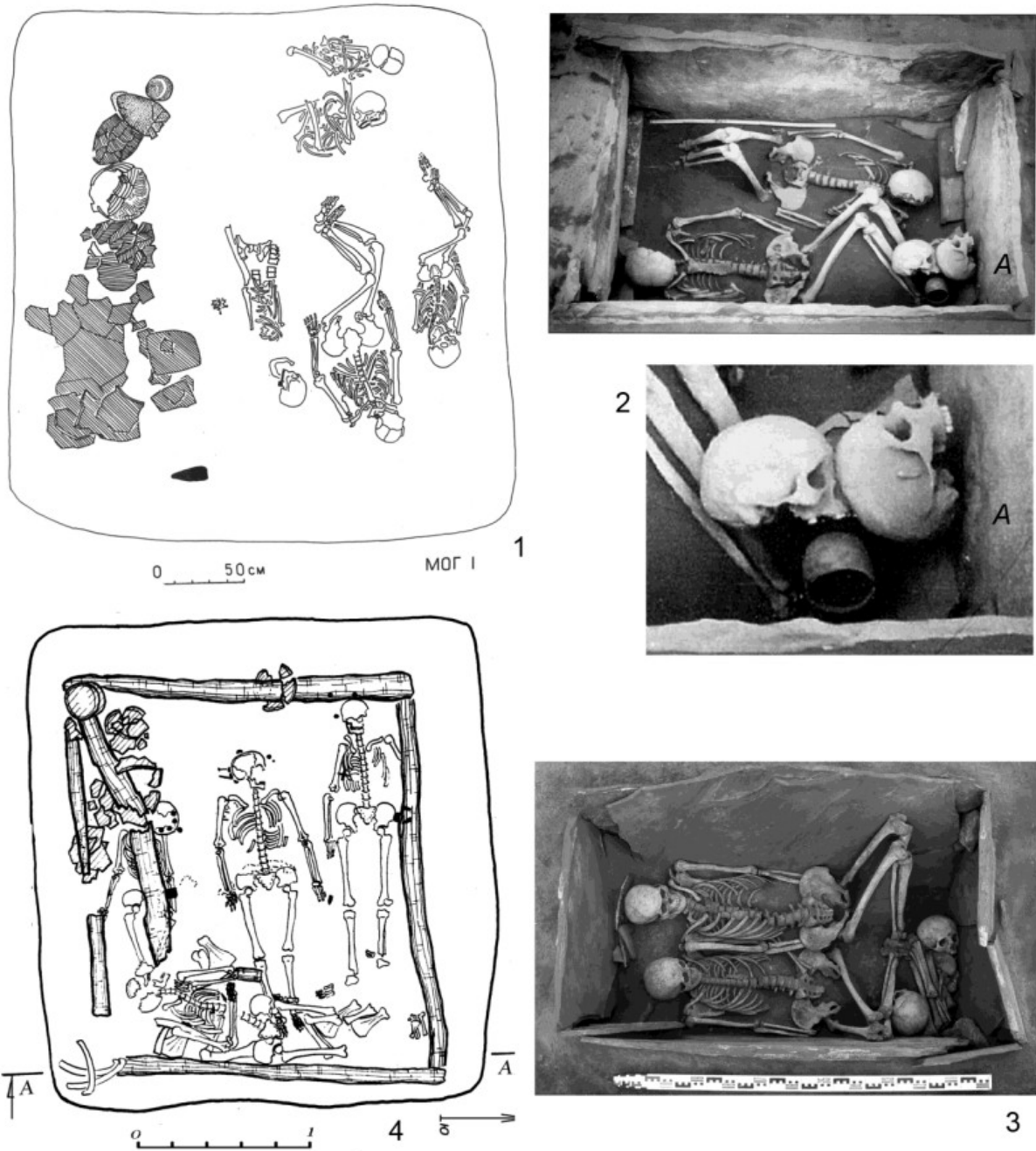

Рис. 1. Коллективные могилы: 1 — Карасук III, ограда № 2, могила № 1; 2 — Лебяжье, могила № 3; 3 — Итколь I, курган № 3, могила № 6; 4 — Лшпыл, курган № 8, могила № 3

Такие же операции с головами покойников совершали племена окуневской культуры, у которых у первых к тому же зафиксирована посмертная трепанация головы. О наличии временных захоронений окуневцев свидетельствуют их могилы, в которых зарыты груды черепов без костей скелетов, либо черепа подложены к трупам при захоронении последних (рис. 1, 2). Поскольку подложены черепа без нижней челюсти, то есть после разложения связок, этот обычай объяснялся культом головы или черепа (Вадецкая, 1980. Рис. 3–5). Но в 2007 г. в одной могиле обнаружено парное погребение, в которой поверх стоп женщины положен не только череп мужчины без нижней челюсти, но и целый череп подростка 13–14 лет с крупными костями (рис. 1, 3). Они сложены стопкой, в которой отсутствовали мелкие кости: позвонки, ребра, фаланги рук, стоп и т. д. По мнению авторов раскопки, кости находились в мешке (Лазаретов и др., 2017). Таким образом, расположение черепа подростка и состав костей в упаковке очень напоминает перенесенных покойников в афанасьевской могиле (Вадецкая, 2014. С. 303,

рис. 192, 1, 2). Очевидно, они были перенесены из временной могилы. Наличие последних подтверждают наблюдения еще двух могил раскопок последних лет. В одном ящике (Итколь II, курган № 21, могила № 7) вместе с целым скелетом женщины захоронены два женских черепа разной сохранности, как с нижней челюстью, так и без нее. Во втором ящике (Итколь I, курган № 1, могила № 3) костей скелета не было, но сохранились на местах вещи. Возможно, это было временное захоронение, из которого извлечен труп для окончательного перезахоронения (*Лазаретов и др.*, 2017).

В мировоззрении большинства народов родственники на том свете должны быть вместе. Это доказывается самим фактом существования древних родовых кладбищ, а иногда их планиграфией. Для совместных захоронений в одной могиле у населения должны были появиться навыки сохранения и реставрации мертвых тел, эксгумации, перезахоронения, сопровождавшихся специфическими стандартными ритуалами, что явилось бы одной из причин опознавания коллективных могил. К сожалению, общие признаки перезахоронения не выявлены.

Показательны могилы самой долгой культуры Енисея, тагарской, существовавшей в условных хронологических границах тысячу лет (VII в. до н. э. – III в. н. э.), где с IV–III вв. до н. э. преобладают коллективные могилы. Причем с каждым поколением по неизвестным причинам в могилах хоронят все большее количество людей (от пяти до десяти, несколько десятков и более ста) и, видимо, усложняются ритуалы, обеспечивающие переход на тот свет целым коллективам. Однако при их изучении постоянно дискутируется лишь вопрос, осуществлялось ли заполнение могилы мертвыми в один прием или в несколько. Аргументы и контраргументы одновременного или постепенного заполнения камер соответствуют времени каждого хронологического этапа культуры.

Среди сравнительно небольших камер (площадью 9–12 кв. м), содержавших пять–десять человек, встречаются такие, когда на дне ямы часть скелетов сдвинуты и на это место положены новые. Но таких могил очень мало. Причем размещение покойников, сосудов и кусков мяса строго регламентировано, а мест для следующих захоронений не оставлено. Значит, люди похоронены одновременно, но некоторые могли быть похоронены вторично. Отличаются вторичные погребения от первичных по отсутствию с ними вещей, наличию не всех костей скелетов, по неестественной позе. Показательна в этом отношении неграбленная могила (Ашпыл, курган № 8, могила № 3), в которой были уложены параллельно мужчина и две женщины, а поверх их стоп еще один мужчина (рис. 1, 4). Могила не была ограблена, но часть костей отсутствовала или находилась не на месте. У скелета кости левой ноги ниже колена отсутствовали, а позвоночник, руки и правая нога неестественно изогнуты: Левая рука лежит на левом плече, правая поперек живота, правая нога подогнута под себя, ее стопа под левым бедром. В отличие от других покойников ему не были поставлены ни сосуды, ни мясная пища, никаких вещей кроме ножа. Он, видимо, убит застрявшими в теле четырьмя костяными наконечниками стрел, которые остались в груди. Все в совокупности не оставляет сомнения в том, что труп был перенесен из другого места, где первоначально находился (*Вадецкая, Гультов*, 1986. С. 92–95).

В более поздних могилах, площадью 20–45 кв. м, условно датируемых III–II вв. до н. э., похоронены останки нескольких десятков человек. Одновременность погребения доказывается тем, что захоронены как полные, так и неполные трупы, даже одни головы или черепа. Поэтому в таких могилах черепов от скелетов больше, чем длинных костей. Это объясняет случаи, когда число покойников превышает размеры площади могильных ям. Например, в могиле площадью 12 кв. м похоронены 46 человек и 32 отдельных черепа, часто без нижней челюсти (*Курочкин*, 1988. С. 23). Нет сомнения, что люди не стали бы ради подхоронения головы или нескольких черепов открывать вход в камеры (которые не обнаружены) или разбирать массивные надмогильные сооружения. Вероятнее, вместе хоронили то, что оставалось от временных захоронений. Никакого пренебрежения частичным захоронениям не оказывалось. Напротив, иногда именно около отдельных черепов поставлено наибольшее число вещей (*Вадецкая*, 1980. С. 111).

Первая попытка реконструкции скелета обнаружена С. А. Теплоуховым, который был не только археологом, но, прежде всего, антропологом. В одной сильно разрушенной коллективной могиле (Афанасьева Гора, могила № 15) в нижней челюсти мужского скелета на месте выпавших обоих резцов,

в пустые альвеолы были крепко вставлены ложно коренные зубы (Грязнов, 1999. С. 16). О перезахоронении покойников свидетельствуют находящиеся здесь же отдельные кости косули, лисицы, бурундука. Принадлежность к афанасьевской культуре определяет черепок афанасьевского сосуда.

Спустя тысячелетия в курганах (II–I вв. до н. э. – II–III вв. н. э.) вновь обнаружены следы реконструкции мертвых людей. Эти курганы отличаются от предыдущих тагарских несколькими четкими признаками. Во-первых, они расположены поодиночке или на значительном расстоянии от других, поскольку каждый представляет собой отдельное родовое кладбище. Во-вторых, они наиболее крупные по погребальным камерам и надмогильным сооружениям. В-третьих, заполненные мертвыми камеры, согласно ритуалу, сжигали, благодаря чему и стало возможным распознавать детали реконструкции мертвых. Дело в том, что под рухнувшей крышей в сухом воздухе консервировались их органические остатки из скелетов, иногда с глиняными головами, травы, кожи, прутиков, бересты, с помощью которых можно попытаться моделировать реконструкции людей (Вадецкая, 2006; Вадецкая, Поселянин, 2011), которые я называю либо «енисейскими мумиями», либо тагарскими куклами, а не трупы или скелет.

В каждом родовом коллективе были свои особенности изготовления мумий-кукол с учетом локального сырья (глины, растительности) и навыков местных специалистов. Но общих стандартов больше. Скелеты укреплены палочками, черепа трепанированы и заполнены травой, кости обмотаны травой и обшивы. Однако обшивки разные. Отверстия в черепе вырезали как на одном, так и на двух висках. Черепа обтягивали травой или берестой, другие обмазывали глиной. Их крепили с позвоночником, протыкая прут сквозь позвоночник или прокладывая прутья с двух его сторон.

Курганы этого времени датируются либо по остаткам хуннских украшений, либо по импортным стеклянным бусам (Вадецкая, 1999. С. 131). Сопоставление условных могил с характером найденных в них мумий позволяет считать, что тип мумий-кукол был хронологическим признаком. Остатков мумий в могилах зафиксировано много, но среди них мало даже частично изученных. Поэтому выделенные мною типы мумий-кукол носят предварительный характер (Вадецкая, 2006).

Белоярские куклы. Самые ранние мумии-куклы были, видимо, в курганах II–I вв. до н. э., как содержащих по одной могиле в оградах, так и по две-три коллективные могилы. В более ранних из них (Толстый Мыс V, курган № 1, могила № 3; Медведка II, курган № 1, могила № 1) мумии определяются остатками берестяных обмоток шей и ног, наличием палочек для крепления костей скелетов, и берестяных кос (Курочкин, 1988. С. 2–22; Бокоренко, Красниченко, 1988. С. 25–35). В курганах с одиночными могилами (Степновка II, Сабинка III) у мумий трепанированы и заполнены растительной массой черепа, кости скелетов обмотаны жгутами травы и во что-то обернуты (Ефимов, Паульс, 1997. С. 67–69; Кузьмин, 1997. С. 113–114).

Детально мумии этого типа исследованы только в одиночном кургане Белый Яр VI, который по совокупности изделий датируется I в. до н. э. – I в. н. э. Способ изготовления около двухсот мумий взрослых людей и небольшого числа подростков был одинаков. Сквозь позвоночник, еще заполненным мозгом, протыкали прут. Верхний край входил в яремные отверстия черепа и крепился, видимо, на распорках. Нижняя часть прута крепилась на крестце, также на распорках. Бедрa, голени и руки прикреплялись к палочкам. Область груди и живота заполнялась смесью трав, сохранившихся слоем толщиной до 3–7 см. Кости рук, ног, включая кисти, стопы и шейные позвонки, а также ребра плотно обматывались жгутами из злаковых трав, часто со стеблями, и обшивались берестой. Для заполнения черепа травой вырезали одно отверстие: либо на затылке, либо на левом и реже на правом виске. Вырезанное отверстие затыкали куском бересты, реже дерева, а сам череп обматывали травой, предварительно забивая ее в носовой проход и глазницы. В нескольких местах травяную голову обвязывали прутьями и затем обшивали берестой. Предположительно, некоторые берестяные мумии раскрашивали в красный цвет, особенно лица, поскольку следы краски сохранились на переносице и в глазницах, либо на затылке или верхней челюсти. В куклу превращали скелетированный труп, у которого еще были сухожилия, связки, высохшие ткани в костных каналах. Это доказывается анатомическим порядком костей и прутиками, которые протыкались через отверстие в позвоночном стволе с мозгом (рис. 2, 1). А слуховые проходы черепа заполнены растительным гленом. Значит, они уже были расчищены насекомыми до эксгумации трупа.

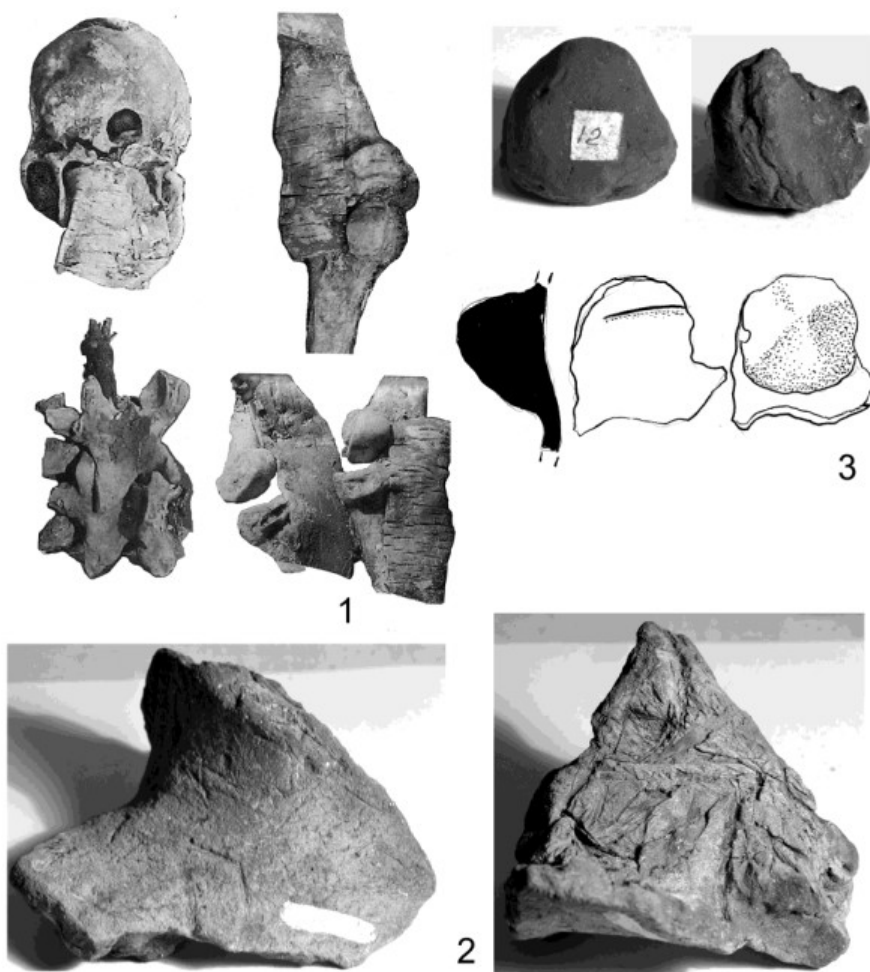

Рис. 2. Детали конструкций тагарских мумий: 1 — Белый Яр VI; 2, 3 — Тепсей XVI

За небольшими исключениями куклы-мумии изготовлены на месте, где сооружен курган. Привезенные для захоронения в нем покойники с других территорий единичные и различаются между собой по способу крепления черепа с позвоночником, заполнению черепа (войлоком, коноплей, глиной), по составу использованной травы (можжевельник, белый мох). *Иным словом, они сделаны в разных местах* (Вадецкая, 2006. С. 345; Вадецкая, Поселянин, 2011. С. 11–24).

Тепсейские куклы. К ним относятся куклы I–II вв. н. э. Они разнообразны, но для их конструкции всегда применялась глина разного качества, иногда плохо вымешанная. В одном кургане на скелетах сохранились обтяжки шей широкими полосами бересты, а на головах обмазки глины (Березовский курган № 21). Очевидно, куклы были берестяные, но с глиняными головами (Вадецкая, 1999. Рис. 68). Черепа из другого кургана (Черногорск) трепанированы, заполнены растительностью и обмазаны глиной. Возможно, первоначально мумии-куклы полностью были обмазаны слоем глины толщиной до 5 см, поскольку глина сохранилась на скелете, включая шею, грудь, по пояс и бедра, даже на кистях рук. Кроме глины, скелеты частично или полностью покрыты органикой бело-серого цвета, в которой визуальное предполагается либо войлок, либо береста. Видно, глина использовалась вместо травы, которой в других случаях обмотаны кости скелета. Среди костей мумий найдены палочки для скрепления костей. Глина использована серо-зеленая. Одна мумия, очевидно, привезенная с другого места, была обмазана красноватой глиной.

От всех черепов отличаются пять моделированных желтоватой глиной толщиной 1–1,5 см. Поверх глины на них вылеплены маски толщиной до 3–4 мм, выкрашенные в красный цвет (Вадецкая, Протасов, 2003. Рис. 1, 2). Они, очевидно, привезены с других мест и относятся к типу ниже изложенных берестяных кукол-мумий.

Очень грубые толстые обмазки черепов, шейных и грудных позвонков сохранились от мумий кургана Тепсей XVI. Сплошная обмазка глиной на одной мумии создавала грубое подобие человеческого лица, которое было окрашено охрой (*Вадецкая*, 2004. Рис. 1, 2). Глиняные обмазки тепсейских мумий стали доступны для подробного анализа как визуально, так с помощью химических методов. Определено, что толстым слоем стеблей травы обертывали кости скелета и череп, закрепляя траву ремешками и веревками. При горении склепа трава под глиной выгорала, поэтому куски глины, как правило, отделены от черепа. То и другое четко видно на внутренней стороне обмазок шей, а часто и груди (рис. 2, 2). В трепанационное отверстие черепа и глазницы вставляли куски глины разных форм (рис. 2, 3). Овальные толщиной в 1–2 см трепанационные отверстия с внутренней стороны имеют четкие следы травы и стеблей, которыми заполнены черепа. Один глаз по форме и размеру соответствует главному яблоку человека. Очевидно, кусочек глины был вставлен внутрь высохшего мешочка глазного яблока человека. Согласно химическому анализу, в отверстие черепа и рот вместо глины иногда вставляли кусок из суглинка или древесной золы с мелким песком. В глиняное тесто добавляли немножко травы или шерсти, а также известь для скрепления.

Несколько мумий были привезены из других мест, поскольку обмазка черепа была из серой и красной глины, а не коричневой, как местные. Кроме того, в серую обмазку был добавлен гипс, а не известь. Глина серого цвета с гипсом использовалась для ниже описанных берешских мумий, найденных в северной лесостепи (*Вадецкая*, 2004. С. 300–302).

Внешняя сторона тепсейских обмазок мумий передает изображение мертвых людей с закрытыми глиной глазами и сомкнутым ртом. Однако обмазки (отверстий черепа, глаз и шеи) имеют два слоя глины, верхние из которых лепили после высыхания нижних. Второй слой, очевидно, служил для превращения головы в имитацию мертвого человека. Доказательством этого являются отпавшие от глиняных глаз их верхние обмазки. А наглядным свидетельством — гипсовые покрытия глиняных голов поздних, лучше сохранившихся мумий.

Берешские куклы. Глиняные головы самых поздних мумий относятся к III–IV вв. Они хорошо вылеплены на черепе из лучшего, чем раньше, глиняного теста. Поэтому некоторые стали предметами изучения антропологов в конце XIX – начале XX в. (курганы Кызыл-Куль, Уйбат, Тесь). Вторая особенность этих голов, что они полностью облицованы тонкими слоями гипса, часто окрашенными. Эти несъемные облицовки, тем не менее, получили в литературе название «маски», и именно из-за них к этим скульптурам было привлечено большое внимание исследователей. В настоящее время они найдены в курганах как в степных (Барсучиха, Новые Мочаги), так и в лесостепных районах (Шестаково, Береш, Кадат).

Наиболее подробно исследованы черепа из кургана Новые Мочаги, которые не только сфотографированы и зарисованы, но для которых сделана серия разнообразных анализов: анатомических, судебно-медицинских, химических, ботанических. На этих материалах установлена процедура изготовления мумий. Сначала в местах временных захоронений людей происходило естественное разрушение мягких тканей в ходе гниения. Затем людей эксгумировали, и для изготовления мумии использовали скелет и остатки высохших тканей в естественных костных каналах черепа, связок, твердой мозговой оболочки головного и спинного мозга. Определена поэтапная конструкция глиняной головы по черепу. Заполняли глиной носовую полость и глазницы, внутри которых иногда вставляли голубовато-зеленые бусинки, имитирующие зрачки глаз. Позже глиной заполняли ротовую полость, в которую вставляли пруттик, соединяющий череп с позвоночником, и формировали глиной шею. Сохранившиеся позвонки обмазаны глиной (*Вадецкая, Протасов*, 2003. С. 41–44). Кости рук и ног обертывали травой, поэтому ее слой, толщиной до 1–1,5 см, лежал еще при раскопках под костями и поверх них. Практически все черепа трепанированы, и мозговая полость заполнена смесью из тростника, ивы, березы, травы со злаками. Обмазка глиной черепов толщиной всего в 1–1,5 см плотно примыкает к поверхности костей черепа. Глина в основном бежевого цвета с серым или розовым оттенками. Единичные обмазки из красно-коричневой глины, видимо, взяты из другого месторождения. В глиняное тесто добавляли траву, шерсть и известь.

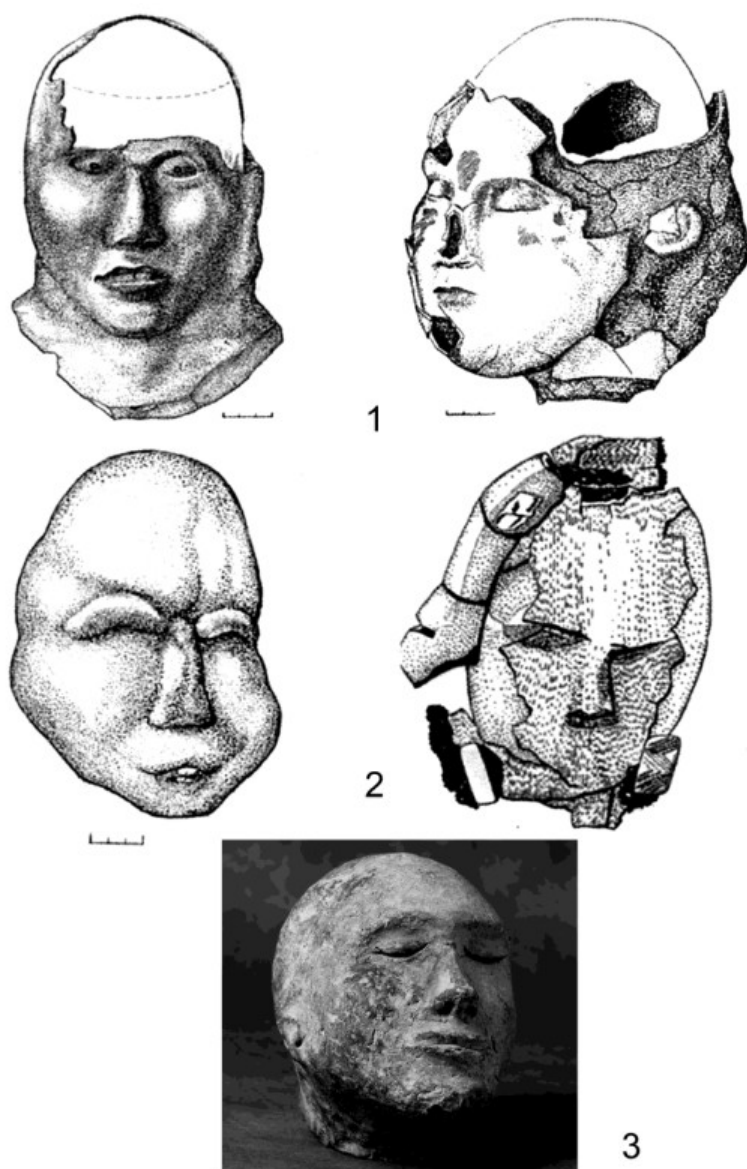

Рис. 3. Глиняные головы тагарских мумий: 1 — Новые Мочаги; 2 — Береш, курган № 2; 3 — Шестаково, курган № 6

На глиняных головах как живые вылеплены лица людей. Изображены прямые носы, скулы, выпуклости глаз с черточкой-ресницами, но самое выразительное это изгибы губ с видной полоской зубов (рис. 3, 1). Однако поверх глины головы облицованы несколькими слоями гипса общей толщиной 2–4 см. Гипс закрывает глаза и рот, превращает живое лицо в мертвое. За двумя изображениями лиц скрываются два ритуала, отражающие представления тагарского населения сначала как о живом покойнике, затем как о мертвом. Главными источниками этого утверждения являются отпечатки с тыльной стороны гипсовых обмазок. Согласно им, глиняную голову обшивали кожей или тканью, предварительно сшивая их из мелких кусочков, и окрашивали. На глаз и рот глиняного лица клали кусочки кожи или ткани. Их обмазывали гипсом, а поверх всей глиняной головы лепили гипсовую (Вадецкая, Гавриленко, 2006. С. 57–62). Но этого было недостаточно, чтобы хоронить покойника. Мумии накапливали, иногда настолько долго, что им дважды на лице обновляли роспись.

Вынужденную длительность коллективного захоронения подтверждает находка глиняной головы в одном из курганов у с. Шестаково. Скульптура лежала вместе с другими головами от нескольких мумий. Но в отличие от них, не была облицована гипсом, чтобы выглядеть мертвой, а сама изображала мертвое лицо с закрытыми глазами и сомкнутыми губами (рис. 3, 3). Она, видимо, ранее соединялась с шейей скелетированного трупа двумя стержнями, проложенными с двух сторон позвоночника. Отпечатки этих

стержней видны на внутренней стенке длинной шеи головы. Главное, что вышеописанная голова вылеплена на черепе барана. Очевидно череп человека к моменту реконструкции тела не сохранился (Вадецкая, 2004. С. 308, рис. 2, 4). Эта находка, а также неоднократное обновление росписи одних и тех же масок до их погребения являются ярким доказательством одноразового коллективного их захоронения.

Мочагинские мумии являются наиболее полными источниками для мировоззрения тагарцев. Однако я называю их тип «берешским», по мумии, дающей представление не только о головах мумий, а об их одежде и прическах. Мумия-кукла (с. Береш) много раз публиковалась, поэтому ограничусь основными сведениями. Скелеты были заполнены и обернуты травой, обшитой кожей. Позвоночники скреплены с черепами прутьями, проложенными с двух сторон позвоночника. На глиняном лице одной мумии вылеплены крупные брови и нос. У нее приоткрыт рот, где видны верхние части зубов (рис. 3, 2). Голова обшита кожей, в которой прорезаны глаза и к которой пришит нос. Кожаное лицо имеет следы гипсовой расписной маски. Мумия была в одеждах (две рубахи, две меховые шубы, нагрудник) и в глиняном головном уборе с подлинной косичкой (Вадецкая, 1995. С. 106–108; 1999. С. 146, рис. 74; 2004. С. 308, рис. 2, 3).

Современники поздних тагарцев (III–IV вв.) и их потомки, таптыкцы (V–VII вв.), разделяли мировоззрение, согласно которому истинная смерть человека наступала позже ее физического проявления.

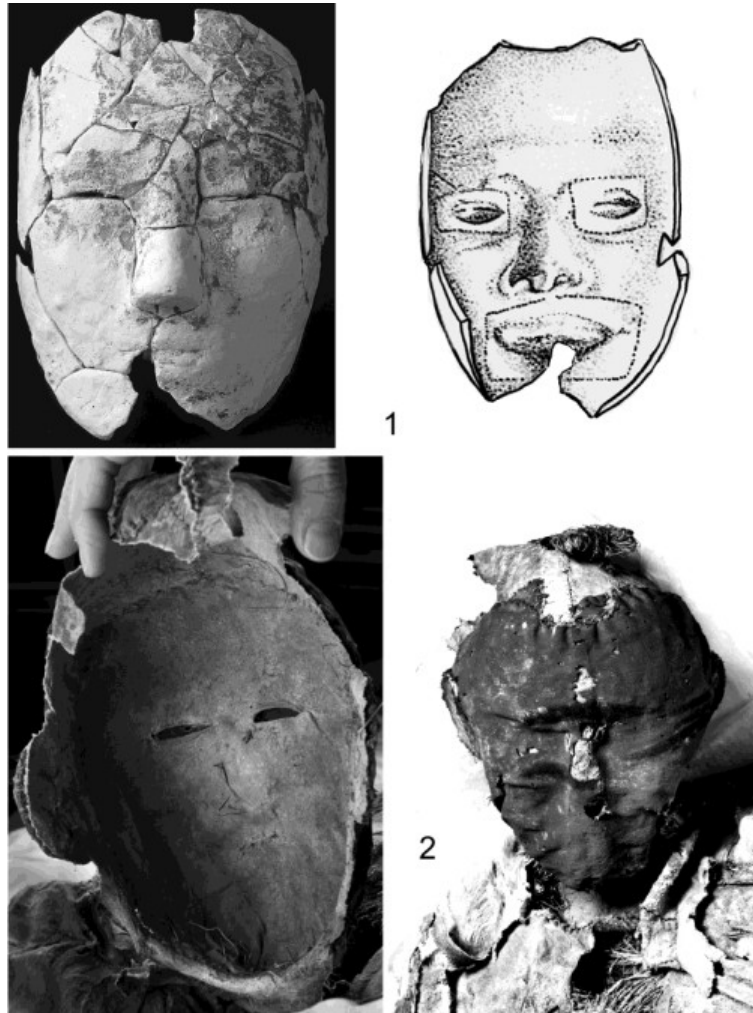

Рис. 4. Маски таптыкских грунтовых могильников: 1 — Терский, могила № 5 (гипс); 2 — Оглахты, 1969 г., могила № 4 (шелк)

Сказанное отражено в таптыкских грунтовых могильниках (II–IV вв.), где лица покойников и их изображений закрывали кусками ткани, по-разному имитирующих «живого и мертвого» человека. Так перед тем, как лепить на лице гипсовую маску мертвого человека, лицо всегда закрывали тканью или тонкой кожей (Вадецкая, 2009. С. 121, рис. 105, 106). А под ней на глаза и рот клали аккуратные кусочки

ткани с прорезями для глаз и рта (рис. 4, 1). Изображения покойников — куклы — на этих кладбищах были спиты из овчины и набиты травой. В них помещали пепел кремированного трупа. Лицевые покрывала и гипсовые маски для лиц кукол долго не были стандартными. Самые простые (Оглахты 1969, могила № 4) в виде двух лицевых покрывал: нижнее с прорезью глаз, верхнее глухое, с росписью, как на гипсовых масках (рис. 4, 2). Наиболее сложные маски копируют те, что на трупах. По отпечаткам на тыльной стороне одной из масок (Терский) она вылеплена поверх тонкой кожи, закрывающей шелковые «наглазники» и «наротники», которые прикрывали имитации глаз и рта куклы (рис. 5, 1) (Вадецкая, 2009. С. 121, рис. 107, 108). Таким образом, во всех случаях соединялись два ритуала: сначала оживление трупа, чтобы мог дышать и видеть, а затем фиксация его смерти.

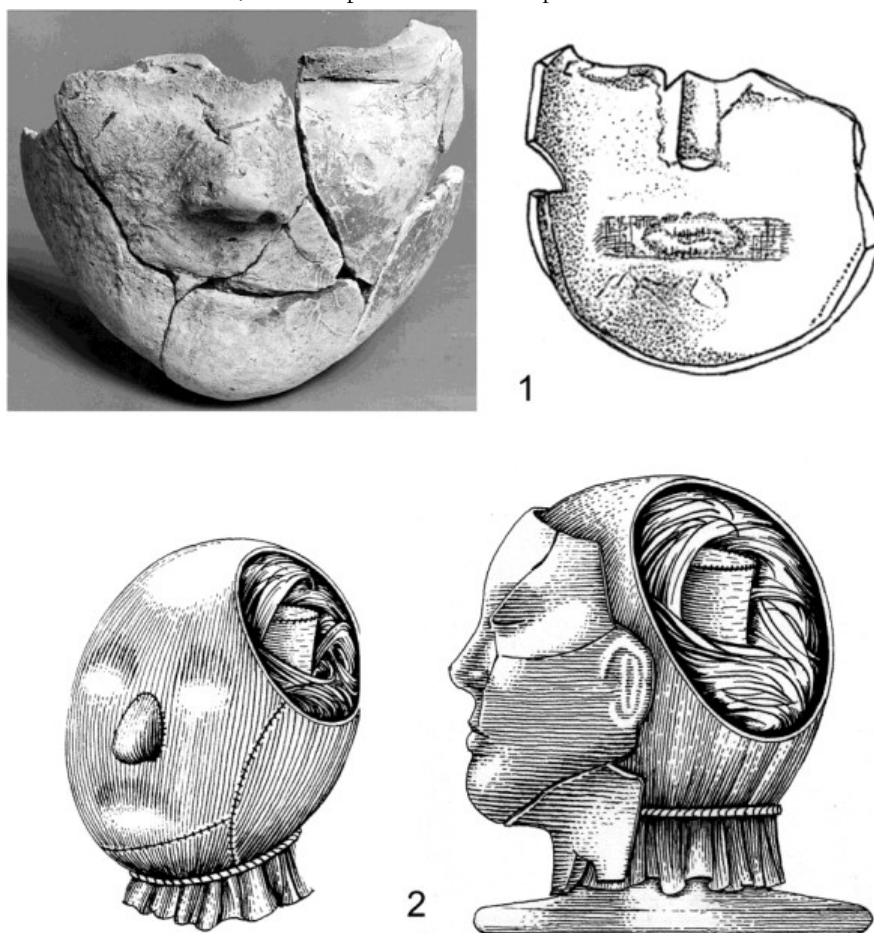

Рис. 5. Гипсовые маски на таштыкских куклах и бюстах: 1 — Терский, склеп № 4; 2 — Белый Яр III

Наибольшее число гипсовых масок найдено в таштыкских погребальных камерах V–VII вв., условно называемых «склепами». Их лепили на головах кукол, служивших часто бюстами, содержащими пепел кремированного конкретного покойника. Процедура подготовки мертвого к окончательному захоронению была схожа с тагарскими мумиями-куклами. Только не труп, а пепел кремированного человека временно куда-то прятали, а потом вытаскивали, ссыпали в кожаной мешочек или туюсок. То, либо другое обматывали травой, обшивали и как на болванке лепили маску (рис. 5, 2). Мягкая основа бюста (травы, кожи, береста) сгорала в камере, но гипсовая маска только покрывалась копотью. По ее отпечаткам с тыльной стороны (впадин от глаз и носа, обшивки кожи и швов) можно прочесть приблизительный вид лица куклы и из чего она спита. А в редких случаях видны отпечатки кусочков ткани на месте глаз и рта, таких же «наглазников» и «наротников», как на лице трупа и куклы. По-прежнему между реальной смертью человека, созданием его образа и окончательным признанием смерти проходило много времени. В результате обновлялась не только роспись масок. Их даже иногда реставрировали новыми кусками гипса (Вадецкая, Гавриленко, 2002. С. 224).

Подведем некоторые итоги. Желание древних людей после смерти оказаться со своими близкими, видимо, универсально. Среди различных обстоятельств, не позволяющих сразу после смерти произвести погребение на родовом кладбище, была сложность рыть могилы в зимние время. В Сибири это явилось причиной временных захоронений с последующими погребениями в коллективных могилах, для которых стремились сохранить, прежде всего, голову, в которую, по верованиям многих народов, была заключена душа покойника.

По одной из версий большие коллективные могилы в тагарскую эпоху возникли с целью расширения мест под пастбища (Вадецкая, 1986. С. 86–87). Их создание не противоречило мировоззрению, но требовались годы, чтобы собрать покойников для общего захоронения, и особые ритуалы, объясняющие временное «оживление» мертвого. Обычай закрывать чем-либо лицо покойника, включая маски, широко распространен. Так констатировали смерть, одновременно ограждая живых от вредного воздействия мертвых (Вадецкая, 1998). Более редкий обычай изготавливать изображение мертвого, которому оказывали несколько лет разные почести, а потом прятали или уничтожали, был особенностью народов Сибири, Китая, Средней Азии, Дальнего Востока. В этих так называемых «куклах мертвого» предполагалась душа умершего, которой, тем самым, продлевали жизнь (Вадецкая, 2005). У тагарского населения куклы означали не символ покойника, как воспринимали позже, а самого покойника. Их можно рассматривать как прототипы «кукол мертвого».

- Боковенко Н. А., Красищенко С. В. Могильник Медведка II // Памятники археологии в зонах мелiorации Южной Сибири. А., 1988.
- Вадецкая, 1980 – Вадецкая Э. Б. О культе головы по древним погребениям Минусинских степей // Духовная культура народов Сибири. Томск, 1980.
- Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. А., 1986.
- Вадецкая Э. Б. Исследование коллективных могил поздне-тагарского времени в верховьях реки Чулым (раскопки кургана 2 у деревни Береш) // АВ. СПб., 1995. № 4.
- Вадецкая Э. Б. Лицевые покрытия под таштыкскими масками // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб., 1998.
- Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999.
- Вадецкая Э. Б. Сибирские погребальные маски (предварительные итоги и задачи исследования) // АВ. СПб., 2004. № 11.
- Вадецкая Э. Б. Древние енисейские мумии и погребальные куклы в свете сибирской этнографии // Культурное наследие народов Сибири и Севера. СПб., 2005.
- Вадецкая Э. Б. Типы енисейских мумий (по мультидисциплинарным исследованиям) // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. Т. 2.
- Вадецкая Э. Б. Древние маски Енисея. Красноярск, 2009.
- Вадецкая Э. Б. Погребальный обряд афанасьевской культуры Енисея // Свод памятников афанасьевской культуры (совм. с А. В. Поляковым и Н. Ф. Степановой). Барнаул, 2014. Гл. 5.
- Вадецкая Э. Б., Гауриленко А. С. Технология масок из таштыкских склепов под горой Тепсей // Степи Евразии в древности и средневековье: К 100-летию рождения М. П. Грязнова. СПб., 2002. Кн. 2.
- Вадецкая Э. Б., Гауриленко А. С. Технология и роспись масок енисейских мумий // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2006. Вып. 3(27).
- Вадецкая Э. Б., Гультов С. Б. Исследования в Красноярском крае в 1982–1984 гг. // КСИА. 1986. Вып. 188: Археологические исследования на новостройках.
- Вадецкая Э. Б., Поселенин А. П. Реконструкция кукол-мумий из кургана Белый Яр VI под Абаканом // Научное обозрение Саяно-Алтая. Тюмень, 2011.
- Вадецкая Э. Б., Протасов В. А. Енисейские мумии (археологические источники и их анатомическая экспертиза) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2003. № 4.
- Грязнов М. П. Афанасьевская культура на Енисее. А., 1999.
- Грязнов М. П., Колмарова М. Н., Лазаретов И. П., Поляков А. В., Пишеницына М. Н. Могильник Кюргенер эпохи поздней бронзы Среднего Енисея. СПб., 2010.
- Ефимов В. Г., Паульс Е. А. К методике исследования поздне-тагарских склепов из работ среднеенисейской экспедиции на Означенской оросительной системе // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 1997.
- Кузьмин Н. Ю. К вопросу о формировании раннетисинских культурных традиций // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 1997.
- Курочкин Г. Н. Тагарские курганы в зоне Новоселовской оросительной системы // Памятники археологии в зонах мелiorации Южной Сибири. А., 1988.
- Лазаретов И. П., Морозов С. В., Поляков А. В. Новые данные о манипуляциях с черепами в погребальном обряде Окуневской культуры // Древние некрополи – погребально-поминальные обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей. Сб. ст. СПб., 2017. (Гр. ИИМК РАН; Т. 47).
- Максименков Г. А. Андроновская культура на Енисее. А., 1978.

Р. А. Козленко

ОБРЯД ОБЕЗВРЕЖИВАНИЯ ПОГРЕБЕННЫХ В НИЖНЕМ ПОБУЖЬЕ В АНТИЧНЫЙ ПЕРИОД

В статье собраны факты разрушения погребений на античных некрополях, расположенных в Нижнем Побужье. На разных примерах демонстрируется ритуальная направленность повторного вторжения в погребения с целью «обезвреживания» погребенных. Доказывается распространенность данного ритуала представителями среднесарматской культуры. Кроме этого, выдвигается предположение о вторжении отдельных групп населения региона римского времени в более ранние погребения расположенных рядом некрополей позднего классического–эллинистического времени.

Ключевые слова: погребение, ритуал, обряд обезвреживания, поздний классический период, эллинистический период, среднесарматская культура, черняховская культура, Нижнее Побужье

Ритуальная традиция погребальной обрядности является индикатором, отражающим религиозно-мировоззренческие восприятия загробного мира представителей общности, этноса, археологической культуры. Память о предках, отношение к останкам и месту их упокоения — один из существенных показателей степени духовного развития и цивилизованности, как древних людей, так и современного человека.

В ходе археологических исследований, совершенно разных в хронологическом пласте памятников Евразии, исследователями были выделены погребения с повторными вторжениями, явно не преследующими грабительские цели. До недавнего времени изучение некрополей в Нижнем Побужье не позволяло надежно определить подобный класс захоронений среди общего массива.

Проблема интерпретации разрушенных с ритуальной целью погребений на некрополях разных эпох на территории Евразии в последнее время стала актуальной. Ей был посвящен отдельный ряд исследовательских работ диссертационного и монографического характера (*Флефов*, 2000; *Зайцева*, 2005; *Осипова*, 2006). Среди отдельных территорий распространения обряда обезвреживания следует выделить и регион Нижнего Побужья, где в последнее время он был прослежен.

В 2011 г. в ходе открытия и частичного исследования могильников позднего классического–эллинистического (*Смирнов и др.*, 2012а. С. 343–345; *Смирнов*, 2012. С. 149–164) и римского времени (*Смирнов и др.*, 2012б. С. 348–349), на левом берегу р. Ингул, в г. Николаеве, у здания Областного краеведческого музея «Старофлотские казармы» было изучено тридцать пять захоронений, из которых двадцать пять датируются IV в. до н. э. (относящихся, вероятно, к расположенному рядом античному поселению Николаев-6 — *Снытко*, 1985. С. 77–78; *Крыжицкий и др.*, 1990. С. 64), и десять — I в. н. э., предварительно определенных к среднесарматской культуре. Западная и восточная границы древних некрополей примыкают друг к другу практически вплотную (рис. 1), где разделительным маркером стал невысокий курган, который был обнаружен на одной из архивных фотографий здания Старофлотских казарм в г. Николаеве (*Фест*, 2016. С. 31). Если это всхолмление — курган эпохи бронзы, то вполне объясняется и выбор места для закладки данного могильника рубежа – начала новой эры, что было характерно для сарматов — хоронить в небольших курганах или рядом с ними (см., например: *Зубар, Савеля*, 1989. С. 74–83; *Сергацков*, 2009. С. 62). Также возможно, что курган был насыпан самими сарматами (*Скрипкин*, 2006. С. 6–11; *Сергацков*, 2009. С. 44), или же их предшественниками, некрополь которых классическо-эллинистического периода известен на территории парка им. 61 коммунара (*Смирнов*, 2012. С. 149–164).

По результатам изучения погребений на некрополях, несмотря на временной разрыв, необходимо выделить в них нечто общее, а именно характер постпогребального обряда значительной части захоронений классическо-эллинистического и римского периодов. Главной задачей данной работы является-

ся выделение специфических черт обряда обезвреживания погребенных, которые относятся к ряду открытых погребений.

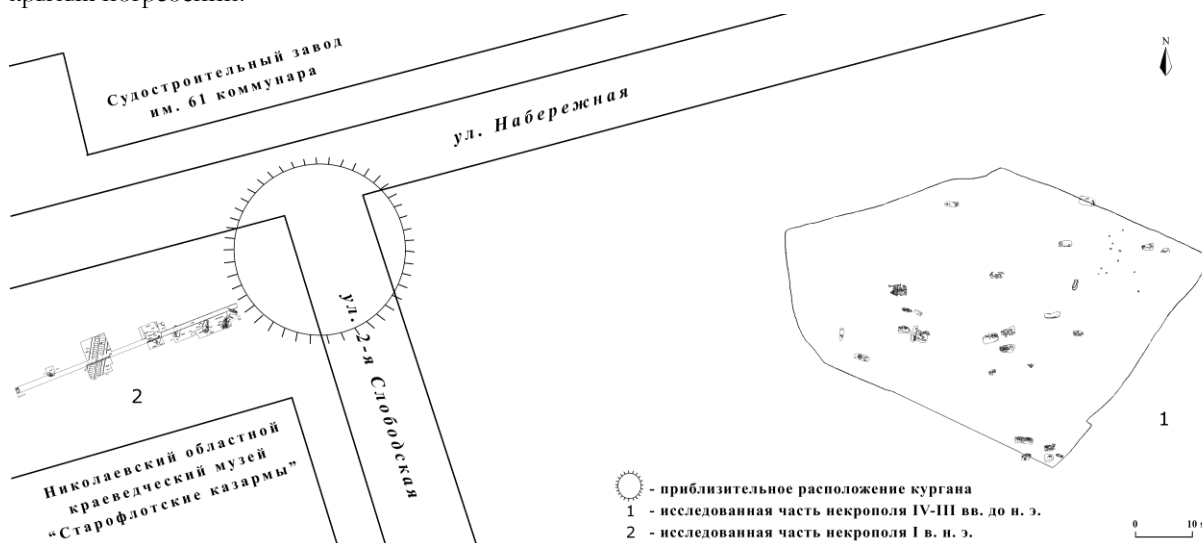

Рис. 1. План расположения некрополей

Могильник поселения Николаев-6 («Александровский»):

П–2, 3, 4, 7, 8, 13, 15–19, 21–23: потревоженные заклады, сложенные по углам и перемешанные в погребениях кости, частично разрушенные человеческие останки, черепа с отбитой лицевой частью, расположенные возле них железные ножи с костяной рукоятью.

Необходимо отметить, что во многих захоронениях, где прослеживается обряд обезвреживания погребенных, некоторые вещи из погребений не изъяты, что не позволяет связывать повторное вторжение в могилы с грабительской целью. А некоторые потревоженные погребения плотно забутованы камнями, что, вероятно, было связано с боязнью покойного.

Расположенные возле черепов и ориентированные по линии север – юг железные ножи, похоже, были направлены острием в сторону камеры. Очевидно, это связано с определенным ритуалом, связанным, возможно, с дополнительным препятствием на пути покойного к выходу из камеры, или окончательным очищением (?) погребения. Подобные примеры известны из раскопок Верхне-Салтовского катакомбного могильника (Аксенов, 2011. С. 7). Возможно, такое применение ножей обуславливалось их наличием в самой погребальной камере, и в данном случае они расположены именно возле черепов погребенных.

Могильник у НОКМ «Старофлотские казармы»:

П–2, 2а: подбойная могила с широкой ступенькой с запада (подбой — с восточной стороны). Глубина могилы от уровня выхода материка 0,4 м, глубина подбоя 0,2 м. Костяк сохранился не полностью. В северной, нетронутой части могилы зафиксированы кости ног, скрещенные в голенях (левая на правой) и ориентированные на север (рис. 2, 1). От остальной (южной) части ямы бедренные кости как бы заслоняет камень, поставленный на ребро во взвеси. С восточной стороны, под камнем, сохранились кости правой руки с бронзовым переплетенным браслетом.

Под камнем, заслоняющим бедренные кости, идет резкий спуск в яму округлой формы (глубиной 0,65 м), забутованную камнями (из заклада?). На дне ямы — большой камень (1×0,60×0,08 м), с тремя, похоже, неестественными углублениями (алтарь?), ориентированный по линии северо-восток – юго-запад. Под камнем — бусины, бронзовая серьга, скопление человеческих костей, среди которых нижняя челюсть. На дне этой конструкции, в южной стенке, обнаружена ниша со спуском под углом 45°, глубиной подбоя 0,60 м и длиной по линии север – юг 1 м. В данном погребении, в северной части, отдельно, на мешаном грунте, лежал череп, у которого практически отсутствовала левая часть лицевой стороны. Кроме черепа, в камере ничего не было. Вход в камеру был плотно затампован глиной (тол-

щина перегородки 0,15–0,2 м). Отдельно следует отметить — что в дальнейшем не раз еще будет встречаться — отсутствие коленных чашечек в сохранившейся северной части погребения.

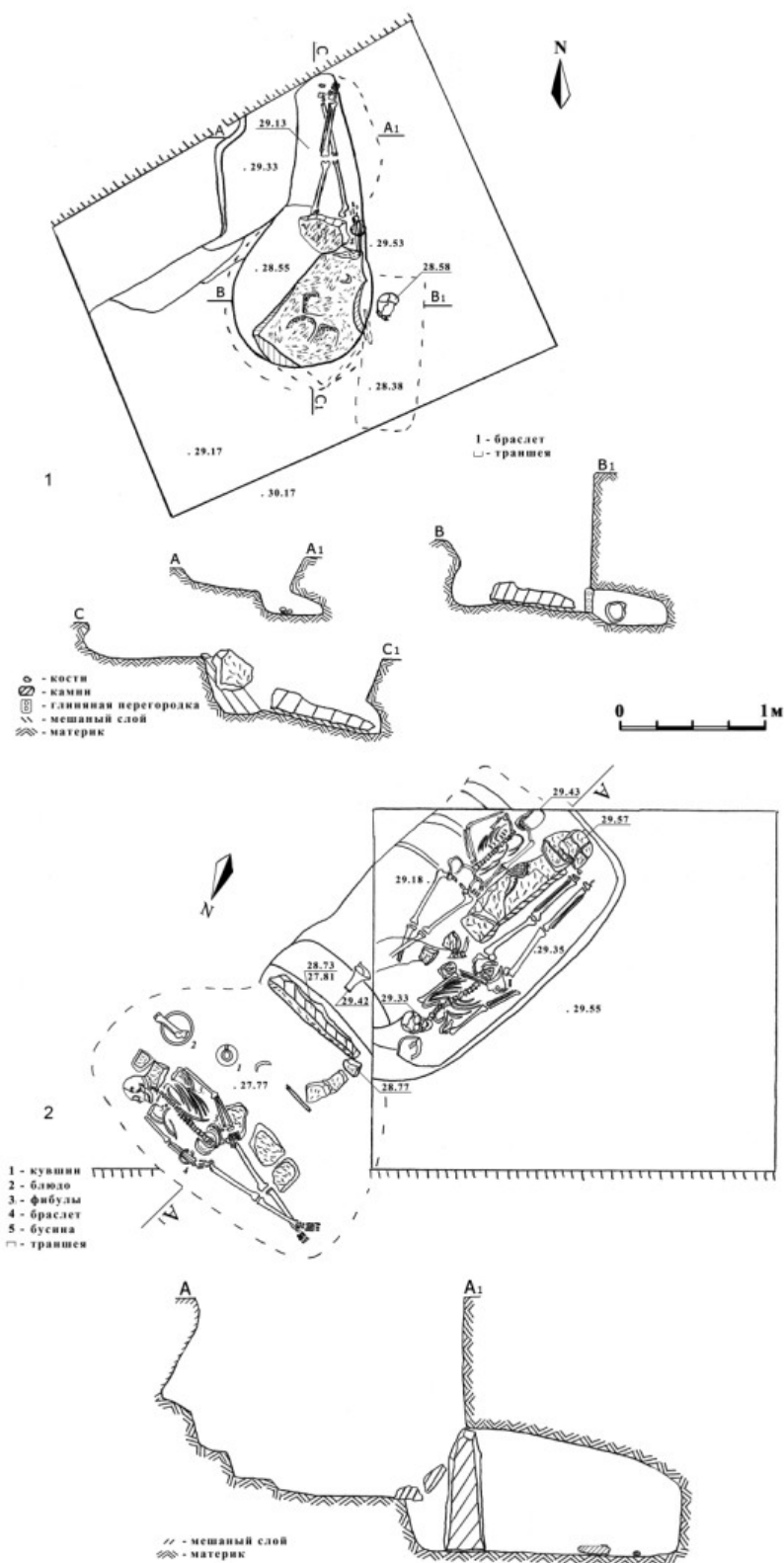

Рис. 2. 1 — погребение 2, 2а; 2 — погребение П-5, 5а, 5б, 5в

Исходя из конструкции и заполнения погребения, можно предположить следующую, наиболее вероятную последовательность действий. Изначально это была стандартная неглубокая подбойная могила, в которую, по прошествии определенного времени, было совершено повторное вторжение. В южной части был вырыт «колодец», на дне которого, в восточной части, была сооружена ниша по оси север – юг, в которую был положен череп без нижней челюсти, с преднамеренно отбитой левой стороной лицевой части. Показательно, что череп был положен лицевой частью на юг, в месте, где он и должен был бы находиться, будь весь остальной костяк в этой нише *in situ*. Затем перед спуском в нишу возвели вертикальную глиняную плотную перегородку. Кости туловища, перемешанные при сооружении «колодца», оставили в хаотичном порядке перед ее входом и накрыли мощной плитой с тремя неестественными углублениями (алтарь?). Остальную часть погребения, на теперь уже образовавшейся ступеньке, не тронули (кроме коленных чашечек?) и отделили от «колодца» небольшим камнем. Следует отметить, что при повторном вторжении в данное погребение контуры ямы проводившим обряд людям были известны, так как цель в данном случае состояла в том, чтобы обезглавить тело и разрушить его верхнюю часть, что и было достигнуто, в виду нетронутых ног.

Объект № 4: размеры ямы: 2,8×1,8 м, глубина 2,8 м. Яма трапециевидной формы с закругленными углами и вытянута по оси северо-запад – юго-восток. На дне обнаружен камень. В южном углу, на приступке зафиксирован раздавленный череп, рядом с ним — камень (0,35×0,18 м), который, возможно, был использован в качестве подручного материала для совершения этого обряда. Сверху по углам яма имеет «запечки», которые могли сформироваться в процессе закладки шурфов с целью поиска контуров ямы, что может свидетельствовать о незнании в данном случае точного расположения могилы вторгающимися спустя определенное время после процедуры захоронения.

П-4, 4а: расположено вплотную к объекту № 4. Форма ямы осталась пока неизвестной, так как упиралась в борт раскопа. Судя по глубине — 2,8 м — это был склеп. На дне ямы отдельно зафиксирован только череп. Вероятно, при совершении обряда он был извлечен и откинут в сторону.

П-5, 5а, 5б, 5в: вытянуто по оси север – юг. Размеры: 2,2×1,4 м. В П-5, 5а зафиксировано два костяка: мужской и женский, разделенные каменным закладом. Женский костяк ориентирован головой на север, правая рука вытянута, левая — под наклоном на тазу, ноги вытянуты. Мужской — ориентирован на юг, левая рука вытянута, правая — под наклоном на тазу, ноги скрещены в голених (левая на правой). Общая длина женского костяка 1,7 м, мужского — 1,75 м. Мужской костяк лежал ниже женского на 0,2 м, так как женский лежал на приступке могилы. Возле женского черепа был найден еще один отдельно лежащий череп, сохранившийся наполовину (рис. 2, 2). Перегородка между этими погребениями состояла из четырех камней, лежащих под наклоном в сторону П-5а (к западу), и нескольких небольших камней.

Эти захоронения перекрывали дромос склепа со ступеньками. Заполнение дромоса — мешаный суглинок. В заполнении зафиксированы бронзовая пряжка, фрагменты (горло и ручки) красноглиняной позднегераклейской амфоры и донце лепного сосуда. На глубине 2,5–2,6 м от уровня дневной поверхности был обнаружен развал камней средних размеров (0,4×0,3×0,15 м), под которыми был обнаружен вход в камеру, перекрытый стоящей на ребре массивной стелой (0,9×0,7×0,25 м).

Перед закладным камнем — скопление частично обожженных человеческих костей (ребенка?), которым для полного анатомического состава не хватало только черепа. Можно предположить, что именно он отдельно лежал в П-5а.

В самой камере был обнаружен мужской костяк, ориентированный на восток, правая рука вытянута (на ней — бронзовый браслет), левая — под наклоном у таза, ноги скрещены в голених (правая на левой). У запястья руки и в грудной клетке зафиксированы запчасти лучковых фибул. Под левой стороной погребенного зафиксирован ряд из пяти камней (0,2×0,15×0,05 м). Рядом с костяком, *in situ*, в 0,25 м к югу от черепа, найдено чернолощенное блюдо с костью МРС, чуть ниже от него, в 0,15 м на

запад — кувшин сарматского типа. Общая длина костяка 1,7 м. В грудной части была найдена сердоликовая бусина. Череп лежал на правом боку. У погребенного отсутствовали надколенники. В ходе расчистки были обнаружены остатки деревянного гробовища, в котором и размещался скелет. Датировка погребения по фибулам и браслету — I в. н. э.

Достоверно определить последовательность действий при совершении обряда (обрядов?) в данном склепе затруднительно. Однако похоже, что в П-5в незначительное вторжение было (отсутствие коленных чашечек и нарушение порядка расположения костей в грудной клетке). Видимо, затем над дромосом склепа было совершено парное мужское и женское (на приступке) захоронение, где рядом с женским костяком был отдельно положен детский (?) череп с отбитой лицевой частью (остальные детские кости были хаотично сложены перед закладной плитой камеры). Кости ног мужского захоронения просели под насыпанной в дромос землей. Снова необходимо отметить отсутствие коленных чашечек у обоих костяков, а у женского, вдобавок, и фаланг стоп, что позволяет предположить еще одно вторичное вторжение, но уже в захоронения, совершенные над дромосом склепа. Аналогии отсутствия именно коленных чашечек у погребенных известны (Кузьмин, 1991. С. 153–154). Вероятно, в представлениях группы людей, совершавших обряд, умерший с намеренно поврежденными конечностями уже не мог вернуться обратно и навредить живым (Мингалев, 2006. С. 417–424).

Особенно на некрополях выделяются черепа с отбитыми лицевыми сторонами: П-21 на могильнике поселения Николаев-6, П-2а, П-5б и раздавленный череп на ступеньке могилы объекта № 4 на могильнике у НОКМ «Старофлотские казармы».

Согласно верованиям многих народов, лицевая часть — вместилище человеческой души, а сам череп — божественное хранилище половой возрождающей силы (Иванов, 1994. С. 131). Определенно утверждать, какой смысл вкладывали в ритуал с намеренным повреждением черепа, — затруднительно. Возможно, подобными действиями душу хотели окончательно освободить от останков бренного тела. Из источников и исследований известно об особом отношении сарматов к черепакам (Перефва, Лукьяшко, 2011. С. 380–392), а непосредственное разрушение черепа — не редкость в обрядовой погребальной традиции разных народов (Медникова, 2010. С. 98). Традиции формирования отдельных камер-отсеков для черепов в погребениях и ритуальные действия с ними известны у финно-угорских племен (Амтриев, 1997. С. 214).

Об извлечении человеческих останков из склепов «на гибель живущим» и особом отношении колдунов к лицевой части покойных имеются упоминания в римской литературе (Arul. Met. II. 20, 21), о превращении усопших в существа наделенные сверхъестественной силой сообщает греческая письменная традиция (Белюсов, 2008. С. 26–27).

Нехарактерный для греческого населения региона обряд обезвреживания погребенных, безусловно, присутствует на могильнике поселения Николаев-6. Следовательно, на основании изложенного можно предположить, пожалуй, уникальный для Нижнего Побужья случай: обезвреживание двух граничащих друг с другом, разделенных почти полтысячелетием некрополей, одной группой населения, вероятнее всего, оставившей могильник римского времени — сарматами. Обезвреживание соседнего могильника, вероятно, было направлено на предохранение новых хозяев территории от бывшего населения. Похожая ситуация прослежена в Поднепровье (Воронятов, 2011. С. 48–49), а потревоженные погребения сарматов I в. н. э. известны на Северном Кавказе (Абрамова, 1968. С. 114–119), и на среднем Пруте (Vornic et al., 2016. P. 20–48).

Предлагая такую «имитативную модель» (Флеров, 2000. С. 87), необходимо отметить, что в Поднепровье это не первый засвидетельствованный случай обряда обезвреживания погребенных у сарматского населения (Махно, 1960. С. 37–38; Рикман, 1975. С. 49). Вероятно, в Днепро-Днестровском междуречье в первые века н. э. он не был редким явлением.

Ритуально разрушенные погребения выделены в катакомбной (Мельник, 1991), срубной (Усачук и др., 2009. С. 300–303), черняховской (Сымонович, 1963. С. 49–60; Магомедов, 1979. С. 112–113; Елташев, 1997.

С. 194–199; *Кияшко*, 2011. С. 65–69; *Петраускас*, 2014. С. 125–152), вельбарской (*Могильников*, 1974. С. 158–159) и салтово-маяцкой (*Плетнева*, 1967. С. 80–88; *Аксенов*, 1999. С. 62; *Флеров*, 2000. С. 10; *Аксенов*, 2002. С. 98–114; *Калмар*, 2008. С. 45–46) культурах, у аланов Предкавказья (*Флеров*, 2000), германцев (*Мончинска*, 1997. С. 207–213), монголов (*Дробышев*, 2005. С. 119–121, 129), населения восточноевропейской лесостепи скифского времени (*Гречко*, 2015. С. 181–200) и Армянского нагорья (*Худавердян и др.*, 2013. С. 80–93), населения средневекового времени Окско-Сурьского междуречья (*Осипова*, 2006) и Прикамья (*Коренюк и др.*, 2011. С. 65–80), в юхновской культуре (*Каравайко*, 2012. С. 66–67), Нетайловском (*Жиронкина и др.*, 1995. С. 178–179), Моложском (*Малюкевич*, 2008. С. 175, 181) могильниках и т. д.

Отдельно для Нижнего Побужья следует выделить ольвийский некрополь, где за более чем сто лет исследований известно значительное количество потревоженных захоронений¹, среди которых, безусловно, имеются разрушенные с ритуальной целью.

Трудности понимания современным человеком восприятия предками загробной жизни и поиск значения отдельных деталей погребальной обрядности через «кривое зеркало» археологических фактов, учитывая сложность ритуальных аспектов у разных народов (см., например, *Косарев*, 2010. С. 33–51), дает широкий простор для домыслов в реконструкциях мифологических представлений населения определенной территории. Однако факт повторных вторжений в погребения и, как результат, частичное или полное разрушение человеческих останков без изымания сопровождающих вещей, безусловно, свидетельствуют о ритуальной направленности таких действий. В то же время необходимо с осторожностью относиться к любым незначительным разрушениям в погребениях, поскольку не следует исключать природный фактор их образования.

Учитывая ареал фиксации данного обряда и временной диапазон существования, истоки его массового распространения, вероятно, следует искать у кочевых племен территории Евразии рубежа эр, что, в частности, прослеживается у сарматского и черняховского населения Приднепровья.

Таким образом, обряд обезвреживания погребенных характерен для определенных групп населения северопричерноморского региона рубежа эр и первых столетий нашей эры, что впрямь, при тщательном подходе к изучению захоронений (*Кузьмин*, 1991. С. 146–155; *Зайцева*, 2005), позволит выделять его из массы потревоженных погребений разновременного хронологического отрезка и в Нижнебугском регионе.

Абрамова С. А. Новые погребения сарматского времени из Кабардино-Балкарии // СЛ. 1968. № 3.

Аксенов В. С. К вопросу об обряде обезвреживания погребенных у аланского населения салтовской культуры // Проблемы истории и археологии Украины: Тез. докл. науч. конф. Харьков, 1999.

Аксенов В. С. Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры // РА. 2002. № 3.

Аксенов В. С. Новые материалы к постпогребальной обрядности аланского населения Подонцовья (по материалам Верхне-Салтовского IV катакомбного могильника) // Салтово-маяцка археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині. Харків, 2011.

Белюсов А. В. Почему Протесилай? Геронка Флавия Филострата и воскресший герой // Индоевропейское языкознание и классическая филология. СПб., 2008. Вып. XII.

Воронятов С. В. Погребения сарматской знати в междуречье Южного Буга и Днестра (вторая половина I – начало II в. н. э.) // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии юга России. Ростов на-Д., 2011. Вып. III.

Гречко А. С. Об особых видах погребений у населения восточноевропейской Лесостепи VII–IV вв. до н. э. // Древности 2014–2015. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2015. Вып. 13.

Амитриев С. В. Тема отрубленной головы и политическая культура народов центральной Азии (общезиатский контекст) // Стратум: структуры и катастрофы. Сб. символической индоевропейской истории. СПб., 1997.

Дробышев Ю. П. Похоронно-поминальная обрядность средневековых монголов и ее мировоззренческие основы // ЭО. М., 2005. № 1.

Елшаев С. В. Разрушенные погребения черняховской культуры // Stratum + ПАВ. СПб.; Кишинев, 1997.

¹ Благодарю за эти сведения руководителя археологических исследований ольвийского некрополя А. В. Ивченко.

- Жиронкина О. Ю., Крыганов А. В., Цитковская Ю. П.* О погребениях Нетайловского могильника со следами повторного проникновения (по раскопкам 1994 г.) // *Древности*. Харьков, 1995.
- Зайцева О. В.* Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005.
- Зубарь В. М., Савелья О. Я.* Новый сарматский могильник второй половины I – началу II ст. н. э. в Південно-Західному Криму // *Археологія*. Київ, 1989. № 2.
- Иванов В.* Дионис и прадионисийство. СПб., 1994.
- Каравайко Д. В.* Памятники юхновской культуры Новгород-Северского Полесья. Киев, 2012.
- Кияшко А. Г.* «Пограбовані» поховання черняхівської культури // *Магістеріум*. Київ, 2011. Вип. 45. Археологічні студії.
- Камарь А. В.* К вопросу о процедуре обряда «обезвреживания покойников» в Нетайловском могильнике // *Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южно-русских степей в эпоху раннего средневековья*. Воронеж, 2008.
- Коренко С. Н., Мельничук А. Ф., Перескоков М. А.* Погребальный обряд поздней части Мокшинского могильника в Среднем Прикамье (по материалам раскопок 1994 г.) // *Вестник Пермского университета*. Пермь, 2011. № 1 (15).
- Косарев М. Ф.* Мироззренческие аспекты традиционной погребальной обрядности (по сибирским материалам) // *КСИА*. 2010. Вып. 224.
- Крыжицкий С. А., Буйских С. Б., Отрешко В. М.* Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). Киев, 1990.
- Кузьмин Н. Ю.* Ограбление или обряд? // *Реконструкция древних верований: источники, метод, цель*. СПб., 1991.
- Магомедов Б. В.* Могильник у городища Городок на Южном Буге // *Памятники древних культур Северного Причерноморья*. Киев, 1979.
- Малюкевич А. Е.* Обряд захоронения детей на памятнике римского времени Молога II // *КСОАО*. Одесса, 2008.
- Мажно С. В.* Раскопки памятников эпохи бронзы та сарматського часу в с. Усть-Кам'янці // *АП*. Київ, 1960. Т. IX.
- Медникова М. Б.* Обращение с головой умершего: погребальная практика древности по данным палеоантропологии // *КСИА*. 2010. Вып. 224.
- Мельник В. П.* Особые виды погребений катакомбной общности. М., 1991.
- Мингалев В. В.* Некрофобия как транскультурное явление в эпоху великого переселения народов // *Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов*. Ижевск, 2006.
- Могильников В. А.* Погребальный обряд культур III в. до н. э. – III в. н. э. в западной части Балтийского региона // *Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.*, 1974.
- Мончинска М.* Страх перед умершими и культ мертвых у германцев в IV–VII вв. н. э. (на основании так называемых погребений специфического обряда) // *Stratum + ПАВ*. СПб.; Кишинев, 1997.
- Осипова Т. В.* Погребения с разрушенными костяками в средневековых могильниках Окско-Сурского междуречья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2006.
- Перерва Е. В., Лукьяшко С. П.* О семантике обряда скальпирования у ранних сарматов // *Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии юга России*. Ростов на-Д., 2011. Вып. III.
- Петраускас О. В.* Разрушенные погребения на могильниках черняховской культуры Поднепровья: анализ археологической культуры // *Від венедів до Русі*. Київ, 2014.
- Плетнева С. А.* От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура). М., 1967. (МИА; № 142).
- Рикман Э. А.* Этническая история населения Приднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1975.
- Сергацков П. В.* Погребальный обряд среднесарматской культуры Нижнего Поволжья // *Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем*. СПб., 2009.
- Скрипкин А. С.* К проблеме соотношения ранне- и среднесарматской культур // *Раннесарматская и среднесарматская культуры: проблемы соотношения: Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов*. Волгоград, 2006. Вып. I.
- Смирнов А. П.* Александровский – новый могильник хоры Ольвии в г. Николаев // *Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э.* Тирасполь, 2012.
- Смирнов А. П., Пивченко А. В., Горбенко К. В.* Исследования на могильнике позднеклассического времени в г. Николаев // *АДУ* 2011 р. Київ, 2012а.
- Смирнов А. П., Козленко Р. А., Пивченко А. В.* Новый некрополь римского времени в г. Николаев // *АДУ* 2011 р. Київ, 2012б.
- Сытко П. А.* Новый античный памятник в Нижнем Побужье // *ПИО*. Парутино, 1985.
- Сымонович Э. А.* Магия и обряд в черняховскую эпоху // *СА*. 1963. № 1.
- Усачук А. Н., Подобед В. А., Полидович Ю. Б., Цимиданов В. В.* Раскопки кургана на территории аэропорта города Донецк // *АДУ* 2008 р. Київ, 2009.
- Фест В.* Николаев: последний форпост немецких войск на Черном море. Николаев, 2016.
- Флеров В. С.* Ланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. М., 2000.
- Худавердян А. Ю., Деведжан С. Г., Еганиян А. Г.* Способы обращения с телами умерших в памятниках Ширакван и Лори Берд (Армения) (по данным палеоантропологии) // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. Тюмень, 2013. № 4 (23).
- Vornic V., Bubulici V., Popovici S.* Sarmatian necropolis from Medeleni (com. Petrechi, Ungheni district, Republic of Moldova) // *Journal of Ancient History and Archaeology*. Cluj-Napoca, 2016. № 3.3.

В. К. Федоров

ВТОРЖЕНИЯ В МОГИЛЫ ЕДИНОПЛЕМЕННИКОВ ПРИ СОВЕРШЕНИИ НОВЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ У РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА VI–I ВВ. ДО Н. Э.¹

В статье рассматриваются случаи вторжений в ранее произведенные захоронения у ранних кочевников Южного Урала. Наиболее разнообразны вариации подобных действий в период конца VI–V вв. до н. э.: 1) разрушение предшествующего погребения с уничтожением самой могильной ямы; 2) разрушение погребения без уничтожения могильной ямы, фактически — захоронение в «старой» могиле; 3) захоронение в «старой» могиле без разрушения предшествующего погребения (подхоранивание). В конце V–IV в. до н. э. — только подхоранивание в дромосных могилах и, изредка, в простых могильных ямах. В III–I вв. до н. э. случаев вторжения в могилы единоплеменников нет, но имеются случаи разрушений погребений предшествующего времени (V–IV вв. до н. э.).

Ключевые слова: ранние кочевники, Южный Урал, погребальный обряд, вторжения в погребения, разрушение погребений, подхоранивание.

Вторжения в могилы единоплеменников у ранних кочевников Южного Урала — явление достаточно распространенное. Цели таких вторжений могли быть различны: ограбления, ритуальные действия, а также вторжения при совершении новых захоронений, ненамеренные и намеренные. Последние могли совершаться также с разными целями и при разных обстоятельствах. Можно выделить две основные разновидности подобных намеренных вторжений — «конструктивные» и «деструктивные».

К первым относятся последовательные захоронения в одной могиле нескольких человек, без цели нарушения предшествующих погребений, а имеющие задачу создания погребального комплекса, в котором захороненные связаны друг с другом какими-то узлами, которые нежелательно расторгать в случае смерти. Результатом этих действий являются коллективные и отчасти парные, не одновременные захоронения.

«Деструктивными» вторжениями нужно признать те, в результате которых предшествующее погребение полностью уничтожается. Здесь мы можем выделить две основные разновидности: 1) с разрушением самой могильной ямы предшествующего погребения, и 2) использование старой могильной ямы с уничтожением останков ранее погребенных там людей. Имеется два способа обращения с останками: 1) полное избавление от них, когда кости и вещи выбрасываются из могилы, и 2) сдвигание останков и вещей к стенкам могилы, чтоб освободить место для новых погребенных.

Представляется несомненным, что у каждой из выделенных разновидностей вторжений была своя мотивация. На некоторых примерах мы постараемся рассмотреть все разновидности вторжений и попытаемся установить мотивы, по которым они совершались. Оговоримся, что наше исследование является предварительным, для которого использована лишь сравнительно небольшая выборка материалов.

«Деструктивные» вторжения более всего характерны для периода конца VI–V в. до н. э.

В кургане № 2 Яковлевского могильника (Хайбуллинский р-н Республики Башкортостан) захоронение пожилого мужчины прорезало ранее совершенное погребение женщины. Ее подквадратная могила глубиной 0,5 м была в центральной части полностью разрушена сравнительно узкой могильной ямой погребения, достигавшей глубины 1,25 м. Кости погребенной и сопровождавшие ее вещи были при этом сдвинуты к сохранившимся стенкам ее могилы (Федоров, Васильев, 1998. С. 65–66. Рис. 7) (рис. 1, 1).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 16–11–02008/16 «Курганы Южного Зауралья»).

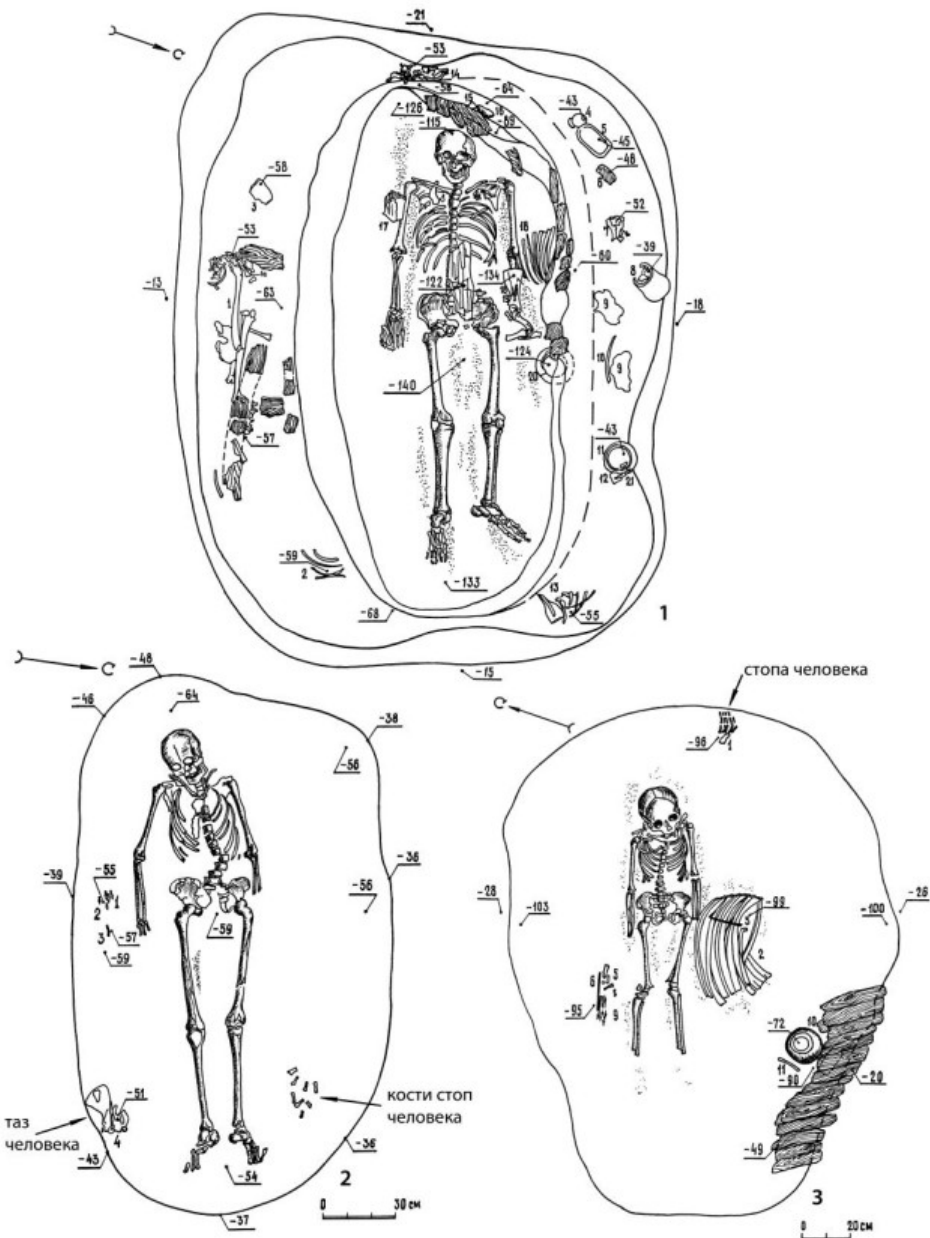

Рис. 1. «Деструктивные» вторжения в погребения ранних кочевников конца VI — V вв. до н.э.:
 1 — Яковлевский могильник, курган № 2; 2 — Яковлевский одиночный курган, погребение № 2;
 3 — могильник Казачий Мар (Уртазым), курган № 1

В непосредственной близости от Яковлевского могильника были исследованы погребения, в которых могильная яма разрушена не была, но кости погребенных и их инвентарь были практически полностью выброшены, а на их место был помещен новый покойник.

В погребении № 2 Яковлевского одиночного кургана, расположенном в 1,5 км к юго-западу от Яковлевского могильника, был захоронен молодой мужчина, но его погребение не было в этой могиле первоначальным. В районе его голени обнаружили кости ранее захороненного в данной могиле взрослого человека — таз и россыпь пальцевых фаланг стоп (Федоров, Васильев, 1998. С. 69. Рис. 17) (рис. 1, 2). В насыпи кургана был найден череп этого погребенного и некоторые принадлежавшие ему вещи.

В кургане № 1 могильника Казачий Мар (Уртазым) (Кваркенский р-н Оренбургской области), в центральном погребении обнаружено нетронутое захоронение ребенка, в головах которого найдены кости анатомически целой стопы взрослого человека (раскопки В. К. Федорова и В. Н. Васильева

1994 г., материал не опубликован). При этом многочисленные кости этого взрослого индивида и некоторые принадлежавшие ему вещи были найдены в насыпи кургана, то есть они были выброшены из могилы, в которой после «вычистки» и захоронили ребенка (рис. 1, 3).

Как разрушенные погребения, так и разрушившие их захоронения принадлежат одной культуре ранних кочевников Южного Урала и датируются примерно одним временем в пределах конца VI–V в. до н. э. Хронологический отрезок между первоначальным захоронением и тем погребением, что его уничтожило, невелик. Какие же причины вызвали столь деструктивные действия по отношению к этим погребениям со стороны, казалось бы близкородственного населения? Разгадка, думается, в следующем.

Конец VI–V в. до н. э. для ранних кочевников Южного Урала — это период «обретения родины». В том, что они не были здесь автохтонами², сходятся практически все исследователи. В качестве исходных территорий, с которых происходили миграции кочевников на Южный Урал, назывались Южное Приаралье (А. Х. Пшеничнюк), Северный Китай (А. Д. Таиров), не исключалось и проникновение отдельных групп населения из европейской Скифии (С. Ю. Гуцалов). Откуда бы ни исходила миграция, несомненно, что это было время активного продвижения на Южный Урал отдельных групп (родов, племен), сопровождавшееся вытеснениями, оттеснениями, может быть, даже истреблениями «конкурирующих» групп. Эти группы периодически теряют контроль над территориями, на которых начали формировать свои «родовые кладбища», в результате чего последние оказываются захваченными, а произведенные там захоронения намеренно разрушаются и заменяются погребениями «новых хозяев». В случае с Яковлевкой и Казачьим Маром стремление непременно захватить данные территории и «переоформить» начавшие функционировать там некрополи конкурирующих групп может объясняться каким-то особым статусом этих территорий, которые в глазах ранних кочевников были особенно привлекательны. Не случайно и в Уртызыме, и в Яковлевке в ближайшем соседстве с рассмотренными могильниками позднее были возведены большие курганы, относящиеся к крупнейшим в Южном Зауралье (*Сиротин*, 2010).

Случаи, когда при погребении новых покойников в старых могилах останки захороненных в них людей и их инвентарь просто отодвигались к стенке могилы, хорошо известны в самых разных культурах, в том числе и у ранних кочевников. Например, в Присарькамышской дельте в Сакар-Чагинских могильниках много подобных захоронений было исследовано А. Т. Яблонским, который посвятил им специальную статью. «В камерах, содержащих большое количество погребенных, новые захоронения сопровождалось разрушением предыдущих. Сдвигались как полуразложившиеся останки людей, так и предметы сопровождающего инвентаря» (*Яблонский*, 1998. С. 10).

На Южном Урале такие случаи тоже известны, например, в могильнике Новый Кумак (Орский р-н Оренбургской области), курган № 11, погребение № 2. Здесь для погребения в широкой могиле семьи из трех человек (мужчины, женщины и ребенка) останки прежде погребенных людей были сдвинуты к восточной стенке вместе с инвентарем (*Смирнов*, 1977. Рис. 6, б) (рис. 2, 1). Здесь мы уже не видим той деструкции, что наблюдалась в рассмотренных выше случаях — с уничтожением самой могильной ямы или «выскребанием» могилы, так чтобы в ней и следа не осталось от предыдущих захоронений. Нужно полагать, что это уже примитивный способ многоактного захоронения единоплеменников, не содержащий какой-либо враждебности к тем, чьи останки нарушались.

Очевидно, что к середине V в. до н. э. территория Южного Урала была уже плотно заселена и все сколько-нибудь удобные пастбища, водонои, места для летовок контролировались группами кочевников, которые к этому времени уже решили все территориальные споры и сформировали на своих территориях постоянно действующие герросы. С созданием последних неизбежно встала проблема с погребением родственников в «отне гробе». До массового появления впускных погребений и, тем паче, до появления нового типа погребального сооружения — «кургана-кладбища» такую возможность давал только традиционный курган с единственной центральной могилой, путем новых захоронений в этой

² Мы не затрагиваем здесь захоронения раннесакского времени (VII–VI вв. до н. э.), которых на Южном Урале относительно немного.

могиле. В результате возникает новый тип вторжения в могилу — подхоронение. Этот способ также может быть (отчасти) деструктивным и конструктивным — с разрушением предшествующего захоронения и без оногo.

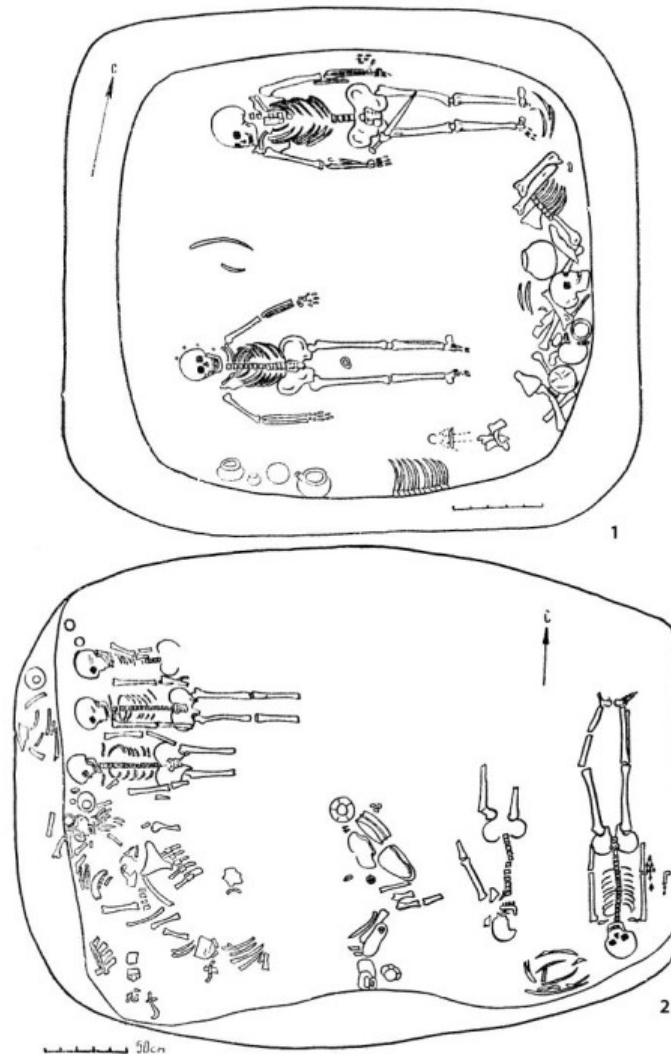

Рис. 2. «Конструктивные» вторжения в погребения ранних кочевников конца VI — V вв. до н. э.:
 1 — могильник Новый Кумак, курган № 11, погребение № 2;
 2 — могильник Новый Кумак, курган № 18, центральное погребение

В Новом Кумаке зафиксированы оба способа; пример деструктивного мы разобрали, к конструктивным же можно отнести неоднократные подхоронения в центральных могилах курганов №№ 17 и 18: здесь совершены последовательные захоронения шести и девяти человек (рис. 2, 2). Подхоронение осуществлялось через верх — раскапыванием могил и помещением в них новых покойников, при этом старались не тревожить прах ранее захороненных (хотя это не всегда получалось). Покойные ориентированы в разные стороны, находятся в могилах на разных уровнях, самые ранние частично потревожены, все это говорит о не выработанности еще строгих правил для актов подхоронивания (Смирнов, 1977. Рис. 8, 1, 10).

Такие правила были выработаны к IV в. до н. э., когда получили массовое распространение дромосные могилы. Эти погребения находятся преимущественно в крупных курганах больших могильников, таких, как Филипповка и Переволочан I (Пшеничнюк, 1995; 2012). Попутно отметим, что курганы конца VI–V в. до н. э. в это время остаются нетронутыми, в них не вторгаются, новых захоронений в них не совершают. Некоторые могильники конца V–IV в. до н. э. прямо продолжают предшествующие могильники путем пристраивания к ним своих курганов. Классическую картину такого могильника,

непрерывно существующего с конца VI до начала III в. до н. э. представляет собой Переволочан I (Хайбуллинский р-н Республики Башкортостан). Его материалы дают яркий пример постепенной трансформации погребального обряда, завершающейся окончательным утверждением дромосных погребений (Сиротин, 2016). Собственно, курганы превращаются в настоящие родовые склепы. В качестве примера приведем курган № 7 Филипповского могильника (Илекский р-н Оренбургской области). В отличие от большинства дромосных погребений захоронение в нем не подверглось тотальному разрушению грабителями (Пшеничниук, 2012. Рис. 88–91). Северная и западная части крестообразного в плане склепа сохранили останки шести погребенных, которые, по всей видимости, были захоронены не одновременно, а последовательно, собственно для этой цели и служил дромос (рис. 3, 1–3).

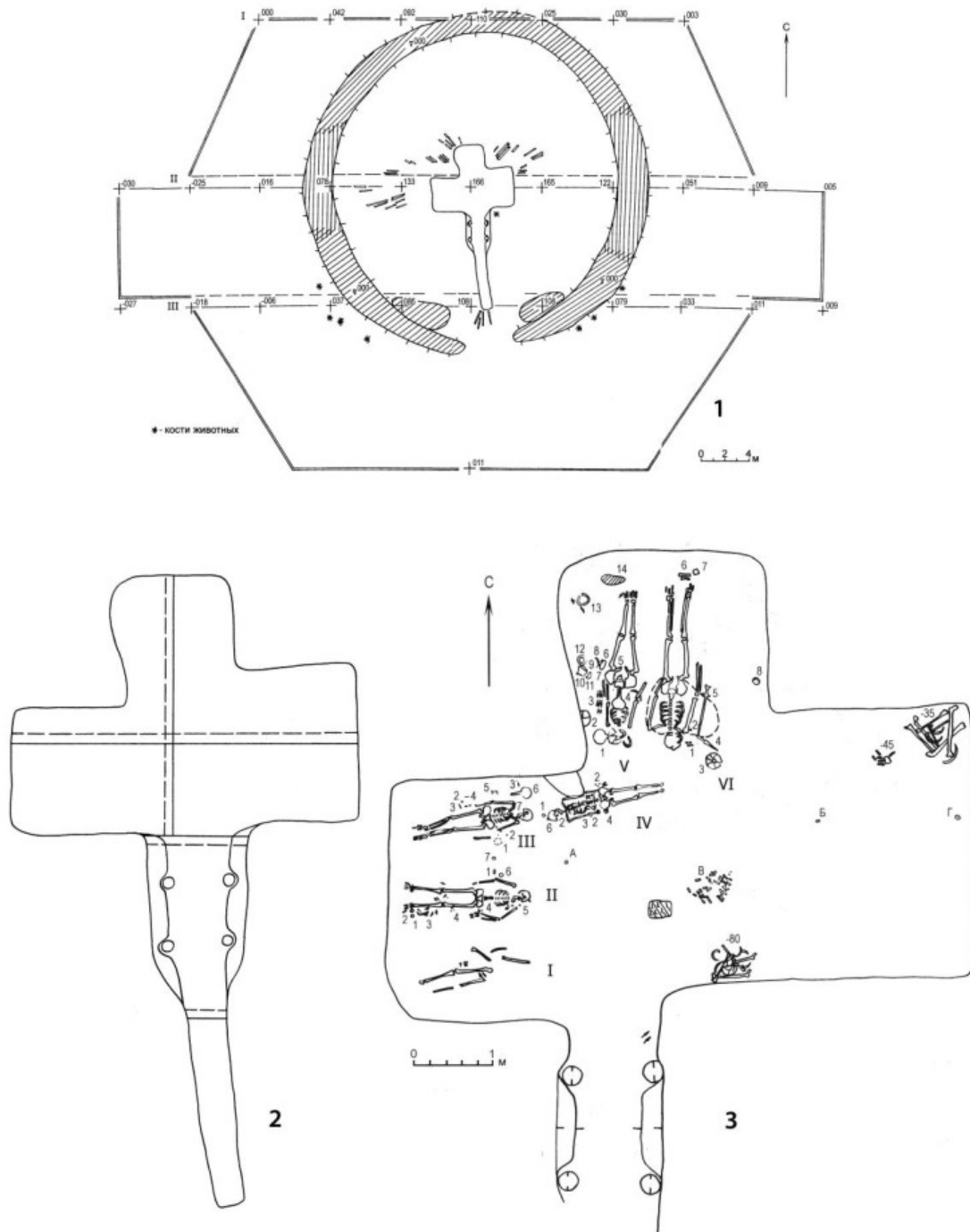

Рис. 3. Дромосное погребение IV в. до н. э. с многоактными захоронениями в камере: Могильник Филипповка, курган № 7: 1 — план кургана; 2 — план могилы; 3 — план погребения

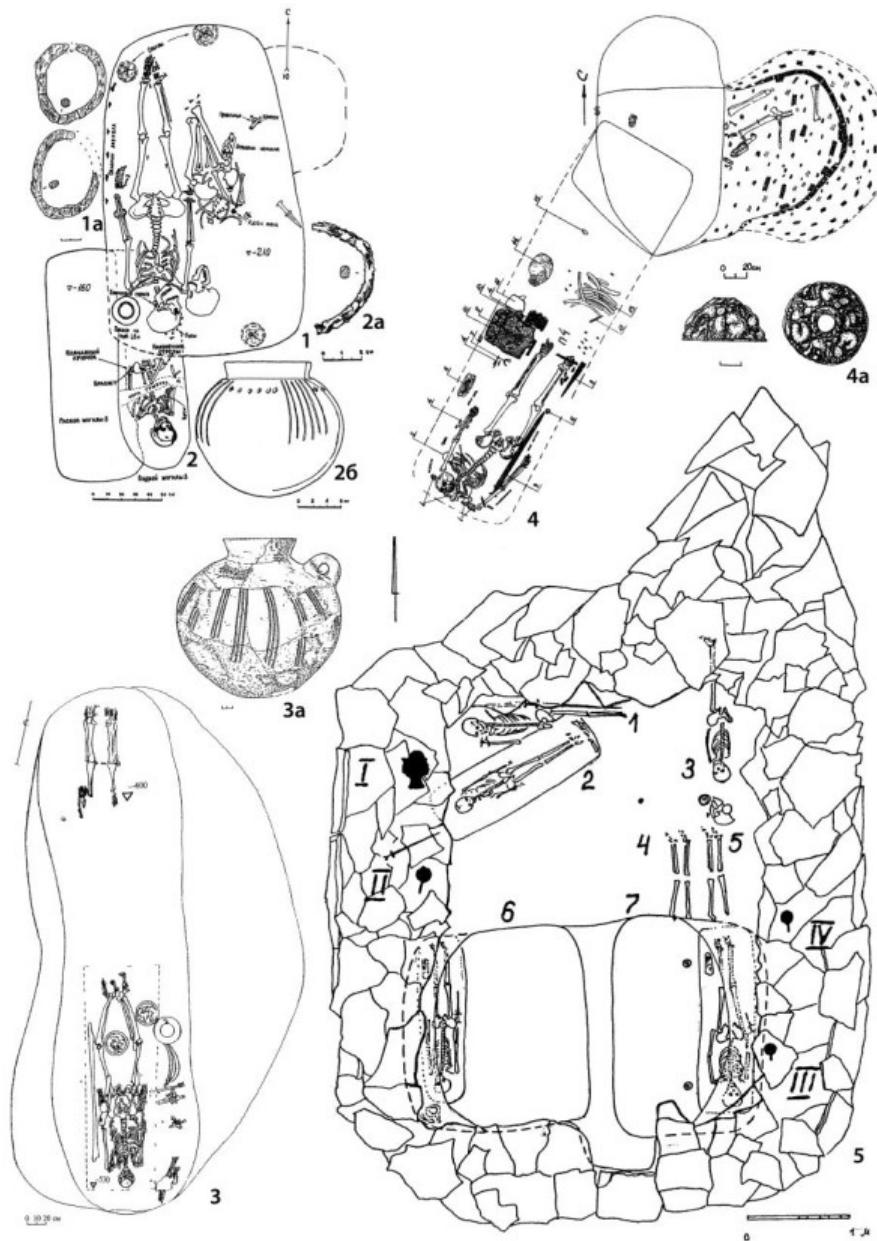

Рис. 4. Вторжения в более ранние погребения у ранних кочевников IV и III — I вв. до н. э.: 1 — могильник Имангазы-Карасу, курган № 3 погребение № 2; 1а — браслеты костяка 2; 2 — могильник Имангазы-Карасу, курган 3 погребение 3; 2а — фрагмент браслета; 2б — сосуд; 3 — могильник Володарка I, курган 4; 3а — сосуд; 4 — могильник Бердянка V, курган № 4, погребения №№ 3 и 4; 4а — ворворка; 5 — курган Тулубай (Исянгильдино-1), погребальное сооружение. 1а, 2а — железо, 2б, 3а — керамика, 4а — бронза

В небольших курганах, где погребения совершались в простых могильных ямах, акты подхоранивания также иногда происходили. В качестве примера приведем погребение № 2 кургана № 3 могильника Имангазы-Карасу (Актюбинская область Республики Казахстан). В западной части могилы лежали останки взрослого человека (скелет № 1), от которых *in situ* сохранились череп, кости таза и бедренные. Остальные кости были сдвинуты со своих мест и перемешаны в момент помещения в могилу нового покойника (скелет № 2), уложенного бок о бок с первым. Антропологических определений в публикации нет, но по инвентарю скелет № 1 — мужской, скелет № 2 — женский (Родионов, Гуцалов, 2000. Рис. 4). Здесь мы имеем классическую ситуацию подхоронения тела, видимо, супруги к останкам ранее умершего мужа (рис. 4, 1). Проблема подобных разновременных разнополюх парных погребений у ранних кочевников остается, к сожалению, пока не изученной. Для нас здесь важно лишь отметить еще одну «конструктивную» причину для вторжения — подхоронение женщины к ранее захороненному мужчине.

В конце IV – начале III в. до н. э. культура ранних кочевников Южного Урала претерпевает серьезные изменения. Они касаются как погребального обряда, так и материальной культуры. Несомненно, что они связаны с уходом большей части населения на запад и с продвижением на эту территорию новых групп кочевников. Исчезает традиция возведения больших курганов с дромосной могилой-склепом в центре. На смену им приходит «курган-кладбище» с множеством индивидуальных захоронений, ни одно из которых не нарушает другое. Причем курганы-кладбища возникают не только на пустом ранее месте, но и на основе ранее возведенных курганов, в том числе непосредственными предшественниками. При этом их погребения нередко нарушаются. «Вторжениями» эти нарушения можно назвать лишь условно, поскольку не всегда ясно, имела ли цель именно вторгнуться в более раннее погребение. Изучение случаев такого «вторжения» показывает, что эти ранние погребения разрушались лишь частично, а судьба ненарушенной части строителей новых захоронений не волновала, и они оставляли ее нетронутой. Если в конце VI–V в. до н. э. разрушители погребений руководствовались, вероятнее всего, враждебностью к тем людям, чьи погребения они разрушали, то в III–I вв. до н. э. отношение к разрушаемым погребениям скорее равнодушное. К ним не испытывают пиетета, но и откровенной враждебности не демонстрируют.

Если рассмотреть наиболее богатые захоронения этого времени на Южном Урале, окажется, что многие из них устраивались в курганах предшествующего времени и при этом разрушали ранее существовавшие там погребения. Приведем несколько примеров.

Известное погребение в кургане № 4 могильника Володарка I (Уральская область Республики Казахстан), в котором найдены серебряные фалары с изображениями борьбы Беллерофонта с Химерой и китайский меч, совершено в очень глубокой могильной яме — 5,3 м от уровня погребенной почвы. Оно разрушило другое погребение, совершенное также в глубокой (4 м) яме так, что от погребенного остались только кости ног (Гуцалов, Марьякин, 2011. Рис. 4–5). К сожалению, не найдено никаких предметов инвентаря этого разрушенного погребения, поэтому его точная датировка затруднительна. Но это, несомненно, погребение эпохи РЖВ, вероятно, IV в. до н. э., на что указывает южная ориентировка погребенного (рис. 4, 3).

Курган № 4 могильника Бердянка V (окрестности г. Оренбурга) был возведен над единственным центральным погребением № 3 в конце V–IV в. до н. э. В более поздний период он был превращен в «курган-кладбище», при этом центральное погребение частично разрушено впускной катакомбной могилой № 4 (рис. 4, 4). Судя по богатому набору инвентаря, включавшему железную кирасу, это погребение не рядового воина (Морзунова, Мещеряков, 1999. Рис. 3). находка в полуразрушенном погребении № 3 бронзовой ворворки, украшенной рельефным шествием животных (рис. 4, 4a), позволяет синхронизировать его с захоронениями Филиповки (Пшеничник, 2012. Рис. 23, 2).

Погребение воина с кинжалом, ножны которого украшены золотой обкладкой, в Красногорском кургане (Беляевский р-н Оренбургской области) было впущено в курган конца V–IV вв. до н. э., в котором ранее было совершено захоронение на древнем горизонте под большой деревянной конструкцией. Оно не разрушило, видимо, ни одного костяка, но входная яма его пробилла остатки деревянной конструкции (Зув, 2012. Рис. 11). Не приходится сомневаться, что попади яма на останки погребенного — и они были бы пробиты.

Налицо некоторая тенденция: останки лидеров, коими, несомненно являлись погребенные из Володарки I, Бердянки V, Красногорского кургана, кочевники III–I вв. до н. э. старались захоронить в курганах предшествующего времени и, если «на пути» попадались костяки ранее захороненных в них людей, с ними особо не церемонились.

В Зауралье погребения III–I вв. до н. э. сравнительно редки, а богатых нет совсем. Тем не менее, имеется замечательный комплекс, хорошо иллюстрирующий отношение кочевников этого времени к захоронениям своих предшественников. Речь идет об одиночном кургане Тулубай (Исянгильдино-1) в Хайбуллинском р-не Республики Башкортостан. В прямоугольной камере, образованной невысокой каменной стенкой, покоилось семь погребенных, из которых первый, третий, четвертый и пятый лежали прямо на полу камеры, костяк 2 — в неглубокой могиле, разрушившей левые руку и ногу пер-

вого покойника. Для захоронения шестого и седьмого погребенных в полу камеры были вырыты глубокие подбойные могилы, разрушившие четвертый и пятый костяки, так, что остались нетронутыми только ноги (*Исмагил, Сунгатов, 2013. Рис. 38, 4*) (рис. 4, 5). Характерный погребальный инвентарь покойных, располагавшихся на древнем горизонте, позволят датировать их захоронение IV – началом III в. до н. э., а нарушившие их, заглубленные в грунт захоронения — III–I вв. до н. э. Здесь мы вновь наблюдаем картину безразличного отношения к погребениям своих непосредственных предшественников.

Однако есть и другие примеры. Еще раз обратимся к уже рассмотренному нами погребению № 2 в кургане № 3 могильника Имангазы-Карасу. К нему с югу примыкает разрушенное наполовину погребение № 3. При взгляде на план может создаться впечатление, что его северную часть разрушило погребение № 2. На самом деле ситуация другая. Погребение № 2 — более раннее, а подбойное погребение № 3 было устроено следующим образом. Копая яму для него, устроители дошли до погребения № 2, но не стали его нарушать и положили ноги покойного прямо над предшествующим погребением, заполнение которого, вероятно, было еще рыхлым. Расстояние между ними по вертикали около 50 см. Затем заполнение просело, и ноги подростка из погребения № 3 провалились в погребение № 2 (рис. 4, 2).

Нужно сказать, что оба погребения совершены на периферии кургана (кроме них в кургане было еще только одно центральное погребение), и элемент случайности при попадании одного погребения прямо на другое, можно, видимо, исключить. Это явно намеренное действие — совершить погребения в теснейшей близости друг к другу. О близости захороненных в погребениях №№ 2 и 3 людей говорит и погребальный инвентарь. В обоих погребениях найдены бронзовые наконечники стрел, на руках женщины из погребения № 2 и подростка из погребения № 3 — одинаковые железные браслеты (рис. 4, 1а, 2а). По этому инвентарю оба погребения можно было бы датировать IV в. до н. э. Однако сосуд, найденный в погребении № 3 — круглодонный с раструбообразным горлом и украшенный по тулову «полотенцами», принадлежит другой эпохе (рис. 4, 2б). Это сосуд III–I вв. до н. э. Такой же сосуд найден в упоминавшемся выше погребении с фаларами из Володарки I (рис. 4, 3а).

К иной эпохе принадлежит и обычай делать «теснящиеся» друг к другу захоронения. В могильниках III–I вв. до н. э., сформированных на «чистых» площадках (то есть тех, на которых нет курганов предшествующего времени), такие захоронения встречены неоднократно. Если умирал человек, состоящий в родственной близости к ранее умершему, его тело не впускали в могилу последнего (как это мы видим в погребении № 2 кургана № 3 Имангазы-Карасу), но делали захоронение в могиле, которую старались «присоединить» к ранее совершенному захоронению. Такую картину мы наблюдаем, например, в нескольких курганах могильника Старые Кишки (Кармаскалинский р-н Республики Башкортостан), в кургане № 11 такие сдвоенные захоронения — №№ 9 и 10, в кургане № 14 — №№ 4 и 7, 5 и 9, 10 и 11, в кургане № 18 — №№ 2 и 31, 7 и 10 (*Садыкова, 1962. Табл. I, 1; рис. 2; Садыкова, Васильев, 2001. Рис. 9*). Так, в последних двух случаях могилы погребенных устроены таким образом, что имеют фактически общую стенку, но не нарушают друг друга ни в малой степени. Картина даже еще сложнее — есть и строенные и счетверенные погребения, которые также, однако, не нарушают друг друга. В том же кургане № 18 могильника Старые Кишки к погребению взрослого человека (№ 18) пристроены два детских погребения (№№ 17 и 20) (рис. 5)³. По полу и возрасту таких погребенных можно предполагать, что речь идет о супругах или родителях и их детях. Надо полагать, вторжение в могилу единоплеменников в этих случаях представлялось нежелательным, или даже недопустимым. В погребениях №№ 2 и 3 могильника кургана № 3 Имангазы-Карасу, на первый взгляд, не были захоронены единоплеменники, но близость между погребенными определенно наблюдается как в инвентаре, так и в нежелании разрушать могилу предшественников. Это совсем не похоже на ту картину обращения с останками ранее погребенных, которую мы наблюдаем в Володарке I, Бердянке V и Тулубае.

³ К сожалению, планы этих погребений не опубликованы, и мы можем лишь сделать выноски из общего плана кургана, чтобы дать представление о характере их взаимного расположения.

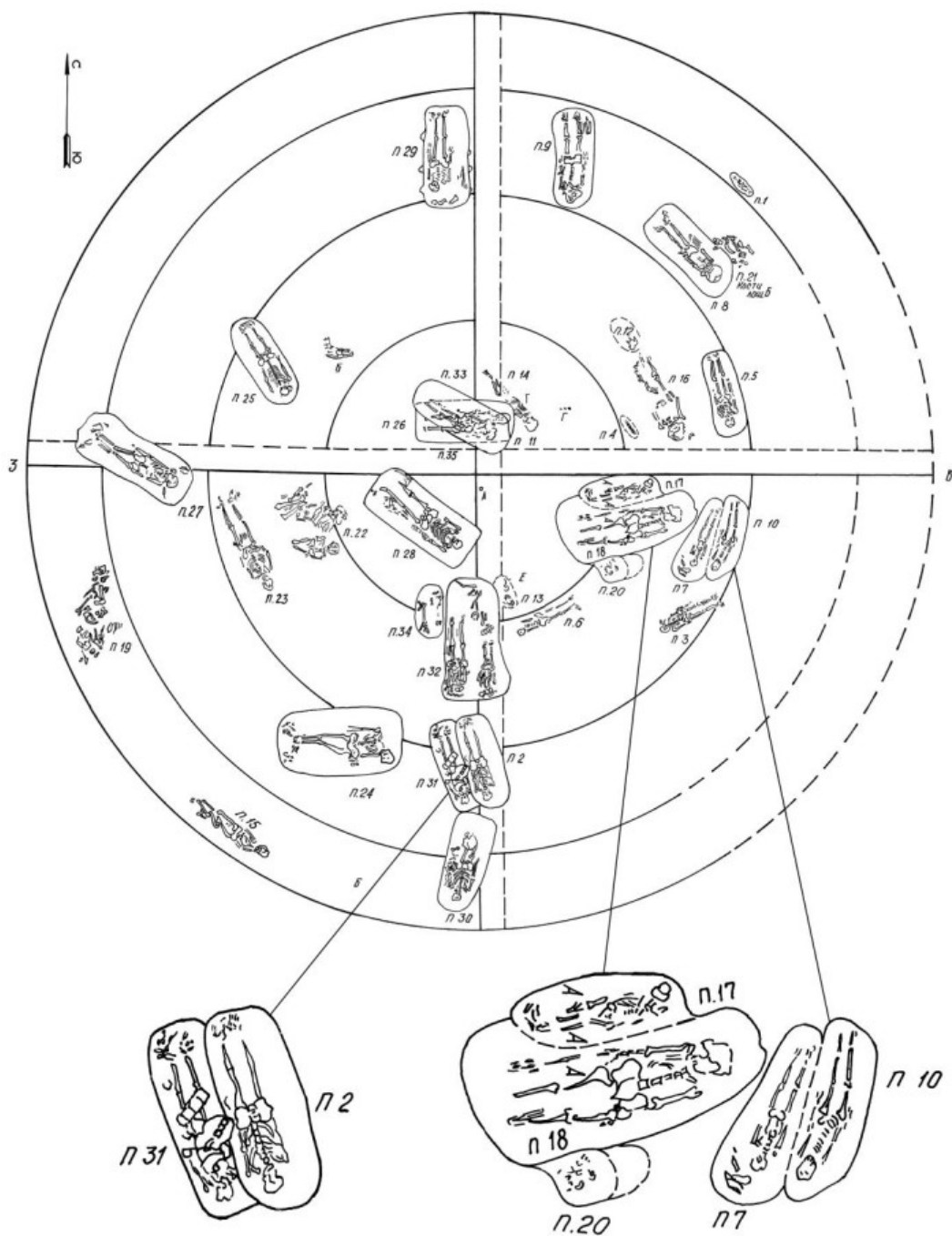

Рис. 5. «Пиететное» отношение к могилам единоплеменников у ранних кочевников III–I вв. до н.э.: Могильник Старые Кншшки, курган № 18; на выносках — не нарушающие друг друга свдоенные (№№ 2 и 31, 7 и 10) и строенное (№№ 17, 18 и 20) погребения

Объяснение здесь, вероятно, следующее. Миграции III–I вв. до н. э. происходили, вероятно, не одновременно. Самые ранние мигранты встретили на Южном Урале остатки позднеавроматского населения, с которым вступили в контакт, вероятно, вполне мирный, образуя при этом и совместные семьи (может быть захоронение такой семьи мы имеем в Имангазы-Карасу). Пришельцы привнеся новые элементы материальной культуры — круглодонные горшки, украшенные «полотенцами», костяные гребни, бронзовые прямоугольные литые пряжки с изображениями людей и животных и т. п., в то же время переняли от предшествующего населения не типичные для себя элементы материальной культуры — деревянные сосуды, украшенные по краям драгоценными металлическими обкладками, костяные ложечки, костяные «трубочки-вилочки», блюда из рога лося и т. д., а также выработали «совместными

усилиям» новые формы клинкового оружия и сформировали таким образом новую культуру ранних кочевников Южного Урала — прохоровскую.

Последующие волны мигрантов вливались в среду уже смешанного населения, которое воспринималось ими как родственное, но предшествующее позднеавроматское население таковым уже не воспринималось. И при погребении своих лидеров в ранее существовавших насыпях захоронения кочевников VI–IV вв. до н. э. могли ими разрушаться, так как строители новых захоронений не ощущали с ними генетической связи.

Итак, практика вторжений в могилы единоплеменников при совершении новых захоронений у ранних кочевников Южного Урала претерпевала в конце VI–I в. до н. э. следующие метаморфозы.

1. Для периода конца VI–V в. до н. э. сначала характерны случаи деструктивных вторжений, выражающихся либо в разрушении погребения вместе с могильной ямой, либо в разрушении и выбрасывании из могилы останков покойного. Это следствие не установившихся еще границ земельных участков, занимаемых пришлым населением. Определение границ происходило в обстановке конкуренции и столкновений между отдельными родами, некоторые из которых начинали формировать свои герросы, но оказывались в итоге вытесненными, и их погребения подвергались разрушению при формировании на их месте могильников победителей в этой конкурентной борьбе.

После того, как территории оказались поделены и закреплены, обстановка в степи стабилизировалась, герросы уже не подвергались риску быть уничтоженными. В это время происходит формирование обряда подхоранивания умерших сородичей в уже существующие курганы. Способы подхоранивания в это время еще сравнительно грубы, проникновение в могилу осуществлялось через верх. При этом останки ранее захороненных могли либо аккуратно сдвигаться, чтобы освободить место для вновь захороненных, либо захоронения совершались на разных уровнях, с тем, чтоб останки ранее захороненных подвергались лишь минимальной потревоженности. В конце этого периода возникает наиболее «цивилизованный» обряд неоднократных подхораниваний — в обширных склепах, в которые ведут коридоры-дромосы.

2. Конец V–IV в. до н. э. — это время стабильности, когда формируются огромные могильники с самыми крупными курганами, которые когда-либо существовали в степях Южного Урала. В это время происходит окончательное оформление обряда дромосных погребений, который становится господствующим. Вторжения в могилы соплеменников в это время — устоявшееся регламентированное правило. Останки ранее захороненных при этом не разрушаются. Очевидно, что подхоронения выступают как маркеры сохранения и неизменности статусов «родовых некрополей». В это же время получают массовое распространение впускные погребения в периферийных частях кургана (формально они не имеют касательства к рассматриваемой нами теме, так как никогда не нарушают друг друга). Очевидно, это одна из переходных стадий к появлению так называемых «курганов-кладбищ». В это же время встречаются случаи подхоронения новых покойников в простых (не дромосных) могилах. При этом старые погребения также не разрушаются. На этот период приходится формирование «шкетного» отношения к телам погребенных единоплеменников.

3. В III–I вв. до н. э. формируется новая культура ранних кочевников Южного Урала — прохоровская. Основой ее явилось позднеавроматское население, к этому времени, вероятно, уже немногочисленное, в среду которого влились мигранты с востока. В целом это время «шкетного» отношения к погребенным соплеменникам, в их могилы не вторгаются, не разрушают, не тревожат, но иногда совершают погребения в теснейшей близости от сделанных ранее захоронений. Вторжения происходят в погребения предшествующего позднеавроматского населения, при этом их могилы не подвергаются целенаправленному тотальному разрушению, но разрушаются лишь в той степени, в какой они мешают совершению нового захоронения. Вероятно, эти акты нарушений предшествующих погребений так же, как и в конце VI–V в. до н. э., знаменуют утверждение права на территорию, прежде занятую генетически не родственными населением. В то же время имеются и факты «шкетного» отношения к могилам этого населения, очевидно объясняющиеся вливанием в его среду отдельных групп мигрантов, и появлением смешанного населения, связанного уже родственными узами.

-
- Гуцалов С. Ю., Марыкшин А. В. Погребения из Западного Казахстана: К вопросу о связях древних кочевников Южного Приуралья с населением Центральной Азии // ВДИ. 2011. № 3.
- Зуев В. Ю. Красногорский курган // Золото, конь и человек: Сб. статей к 60-летию А. В. Симоненко. Киев. 2012.
- Исмагил Р., Сунгатов Ф. А. Памятники янцкой культуры последней четверти V–IV в. до н. э. на Южном Урале. Уфа, 2013.
- Морзунова Н. А., Мецераков А. В. «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 1999. Вып. III.
- Пшеничнюк А. Х. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа, 1995.
- Пшеничнюк А. Х. Филипповка: Некрополь кочевой знати IV века до н. э. на Южном Урале. Уфа, 2012.
- Родионов В. В., Гуцалов С. Ю. Материалы погребений и случайных находок савромато-сарматского времени из фондов Актюбинского краеведческого музея // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2000. Вып. 2.
- Садыкова М. Х. Сарматский курганный могильник у дер Старые Кишки // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1962. Вып. I.
- Садыкова М. Х., Васильев В. Н. Поздние прохоровцы в Центральной Башкирии // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2001. Вып. 3.
- Сиротин С. В. Комплексы эпохи ранних кочевников одиночного кургана Яковлевка II из Зауральской Башкирии // XVIII Уральское археологическое совещание: Культурные области, археологические культуры, хронология. Уфа, 2010.
- Сиротин С. В. Об относительной хронологии и датировке могильника Переволочан I // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии: Материалы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова. Оренбург, 2016.
- Смирнов К. Ф. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977.
- Федоров В. К., Васильев В. Н. Яковлевские курганы раннего железного века в Башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник. Уфа, 1998. Вып. 1.
- Яблонский А. Т. Многоактные захоронения в подземных склепах Присарыкамышья эпохи железа // Уфимский археологический вестник. Уфа, 1998. Вып. 1.

С. В. Сиротин

ПЛАНИГРАФИЧЕСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ ОСНОВНЫХ ЭТАПОВ СООРУЖЕНИЯ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ПЕРЕВОЛОЧАН I В ЗАУРАЛЬСКОЙ БАШКИРИИ

Статья посвящена анализу планиграфии курганного могильника Переволочан I, расположенного в юго-восточной (Зауральской) Башкирии. Могильник характеризуется как памятник переходного типа, материалы которого иллюстрируют процесс трансформации культуры ранних кочевников Южного Урала во второй половине V–IV в. до н. э. Анализ погребального обряда, вещевых комплексов позволил выделить три культурно-хронологические группы в составе могильника. Данные группы хорошо выделяются планиграфически и отражают хронологические этапы сооружения могильника.

Ключевые слова: Южный Урал; ранние кочевники; планиграфия курганного могильника; памятники переходного типа

Курганные некрополи являются основными и наиболее значимыми объектами для исследования культур древнего населения степей Евразии. Вопросы, связанные с причинами появления данного вида погребальных сооружений, их смысловое назначение, конструктивные особенности, связь с религиозно-идеологическими представлениями традиционно относятся к числу дискуссионных.

Курганные сооружения рассматриваются в тесной взаимосвязи древних культур со степной средой обитания (*Мерперт*, 1974. С. 131–132) и воспринимаются в качестве архитектурного памятника, явления сакрального порядка, архитектурного микрокосма (*Болтрик*, 2000. С. 129). А. И. Мартынов и П. В. Герман определяют курган как «архитектурное сооружение, несущее в себе дополнительную, весьма обширную строительную, технологическую и идеологическую информацию» (*Мартынов, Герман*, 2001. С. 92).

Особым разнообразием различных форм, архитектурных деталей, многообразием погребальных сооружений отличаются курганы номадов скифо-сарматского времени. Исследователи также отмечают сложную организацию надмогильного пространства применительно к комплексам ранних кочевников (*Оцир-Горьева*, 2011. С. 179).

Вместе с тем, наряду с изучением собственно курганного комплекса, их конструктивных особенностей, хронологии, культурной атрибуции, пристальное внимание следует обратить и на вопросы, связанные с планиграфией курганного некрополя. Как представляется, строительство курганного некрополя вряд ли носило стихийный характер. Процесс сооружения погребальных комплексов, их планиграфическое размещение на площадке могильника были связаны с определенной логикой и системой. В этой связи признаки вполне определенной планиграфической системы прослеживаются на примере одного из опорных памятников ранних кочевников Южного Урала могильника Переволочан I, расположенного в юго-восточной или Зауральской Башкирии (рис. 1, 1)

В физико-географическом отношении могильник располагается в Сакмарско-Таналыкском районе Бузавальско-Таналыкском южно-степном мелкопочвенно-равнинном округе степной провинции области Зауральского пенеппена. Данная часть пенеппена является степной, отличается засушливым климатом, обедненными ковыльно-разнотравными степными пространствами. Территория Сакмарско-Таналыкского района характеризуется наличием пологоувалистого рельефа с высотами 350–500 м. К настоящему времени большая часть территории данного района распаханна (*Физико-географическое районирование...*, 1964. С. 177–178; 184).

Курганный некрополь Переволочан I исследовался в 1974 г., в 1991 г. А. Х. Пшеничником (курганы №№ 1–10) и в 2007 г. С. В. Сиротиным (курганы №№ 11, 12) (*Пшеничник*, 1983, 1995; *Сиротин*, 2008).

Курганы расположены на вершине высокого плоского распаханного сырта. Всего в группе насчитывалось двенадцать земляных насыпей, вытянутых неправильной цепочкой по линии юго-запад — северо-восток (рис. 1, 2). Курганы имели округлые и овальные в плане полусферические насыпи. Раз-

меры насыпей от 14 м до 50 м в диаметре и от 0,4 м до 5 м высотой. Следует отметить, что могильник Переволочан I относится к категории полностью исследованных памятников, которых к настоящему времени среди южноуральских раннекочевнических комплексов немного. В этой связи мы располагаем полной картиной о характере памятника, его культурно-хронологической атрибуции.

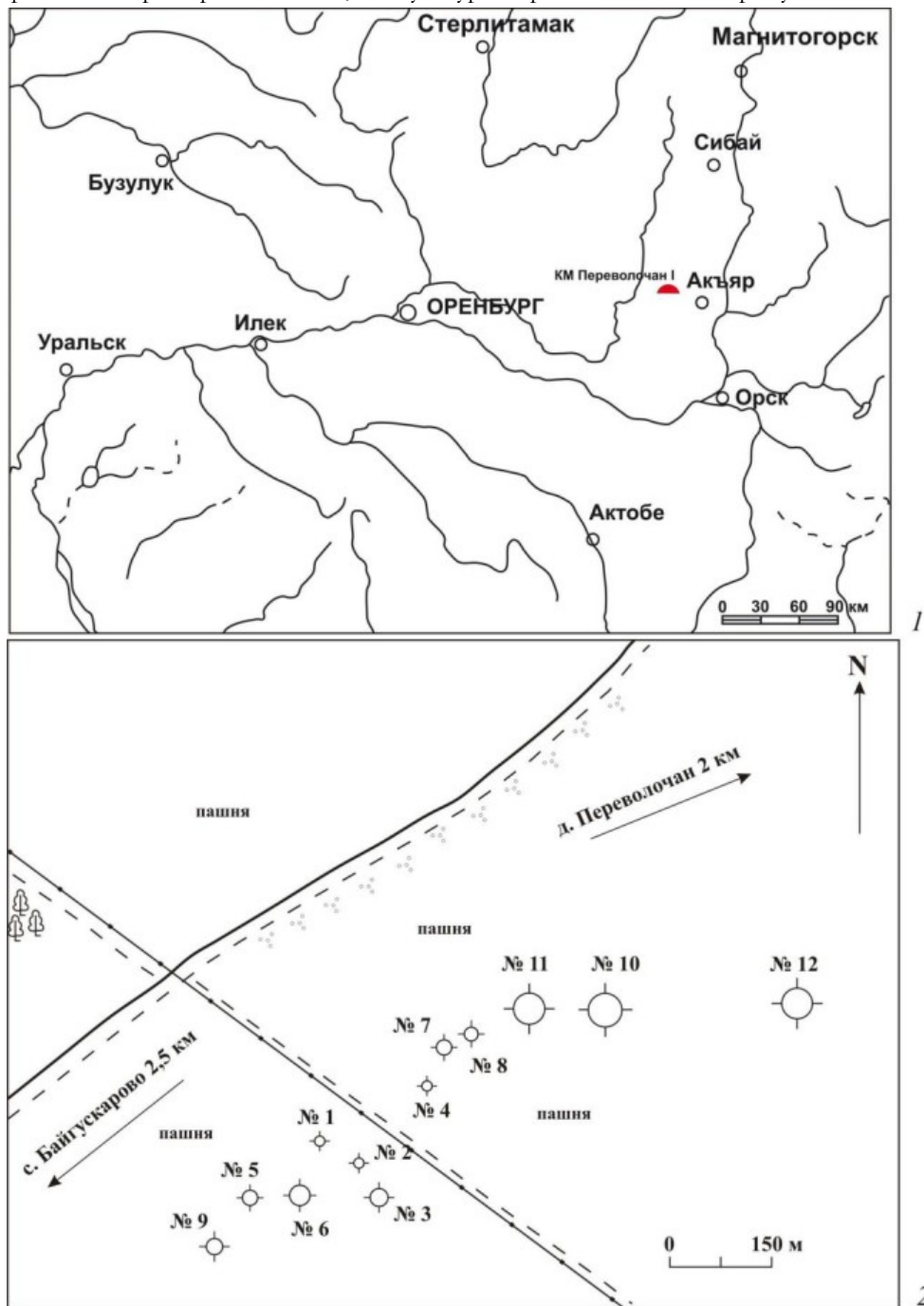

Рис. 1. 1 — месторасположение курганного могильника Переволочан I; 2 — план могильника Переволочан I

В исследованных курганах отмечаются сложные погребальные сооружения, богатый сопроводительный инвентарь, а также сочетание различных черт погребального обряда, как в отдельных курганах, так и в целом в курганной группе.

Переволочанские курганы А. Х. Пшеничнюком датировались в целом IV в. до н. э. (Пшеничнюк, 1995. С. 93). Однако анализ погребального обряда и инвентаря позволяет существенно расширить временные рамки функционирования данного некрополя с середины V в. до н. э. до последней четверти IV в. до н. э. — рубежа IV–III вв. до н. э. (Сиротин, 2016).

Характеризуя могильник Переволочан I, А. Х. Пшеничнюк определял его как памятник переходного типа от савроматской к раннесарматской культуре, как в культурном, так и в хронологическом отношении (*Пшеничнюк*, 1995. С. 95). Л. Т. Яблонский относил данный памятник, вместе с Филипповкой I, к памятникам переходного периода от савроматского к раннесарматскому культурно-хронологическому горизонту (КХГ) (*Яблонский*, 2012. С. 385).

Общим признаком, характерным для всех курганов могильника, является наличие во всех курганах над центральным погребением деревянных конструкций. В составе могильника выделяются курганы с захоронениями на древней поверхности или на уровне материка (курганы №№ 1, 2, 4, 6, 7, 8) и курганы, имеющие в основе погребальной конструкции могильные ямы (курганы №№ 3, 5, 9, 10, 11, 12) (*Пшеничнюк*, 1983, 1995; *Сиротин*, 2008, 2010, 2014, 2015а). В курганах, где выявлены захоронения на древнем горизонте, отмечаются как коллективные (курганы №№ 7, 8), так и индивидуальные погребения (курганы №№ 1, 2, 4).

В семи курганах (курганы №№ 1, 4, 5, 7, 8, 9, 11) деревянные конструкции имели признаки горения. Все они горели, вероятнее всего, без доступа воздуха. Примечательно, что сгоревшие конструкции были отмечены во всех малых и средних курганах. В больших курганах сгоревшая конструкция выявлена только лишь в одном случае (курган № 11). Обращает на себя внимание то, что в больших курганах с коллективными дромосными погребениями (курганы № 3, 10, 12) и в кургане с погребением на древнем горизонте (курган № 6) признаков горения деревянной конструкции не наблюдалось.

По характеру погребального обряда, вещевого инвентаря, планиграфическому расположению насыпей, курганы могильника можно разделить на несколько культурно-хронологических групп, которые наглядно демонстрируют процесс трансформации погребальной обрядности и вещевых наборов у ранних кочевников Южного Урала на протяжении V–IV вв. до н. э.

Первую группу составили курганы №№ 1, 4, 7, 8 (диаметр 14–22 м, высота 0,48–0,6 м). Объединяющим признаком для этих курганов является наличие сгоревших деревянных конструкций с захоронениями на древней поверхности.

Погребения на древнем горизонте, широко представленные полные или частичные трупосожжения, как единичные, так и коллективные, по наблюдениям А. Д. Таирова, в большей степени характерны для второй половины VI — середины V в. до н. э. (древнепрохоровский этап или стадия В) (*Таиров*, 2004. С. 5). Другие исследователи также отмечают, что наличие большого числа коллективных захоронений на уровне древней поверхности, а также строительство разнообразных деревянных подкурганых конструкций характерно для конца VI–V в. до н. э. (*Гуцалов*, 2004. С. 94; *Мышкин*, 2014. С. 140).

Выявленный инвентарь в курганах этой группы хронологически относится к V в. до н. э., вероятнее всего, к его второй половине. Для кургана № 8, где на древней поверхности было найдено не менее десяти обгорелых человеческих костяков (*Пшеничнюк*, 1995. С. 74, рис. 7), хроноиндикаторами выступают каменные жертвенники (Там же, 1995. С. 76, рис. 8, 4, 7; *Васильев*, 1998. С. 28), клювовидные распределители ремней (*Пшеничнюк*, 1995. С. 76, рис. 8, 6, 9, 10; *Оцир-Горяева*, 2012. С. 271–273), бронзовое зеркало без ручки с закраиной по диску (V тип, по К. Ф. Смирнову, или тип 3.0 по классификации А. С. Скрипкина) (*Пшеничнюк*, 1995. С. 76, рис. 8, 8; *Смирнов*, 1964. С. 156; *Скрипкин*, 1990. С. 94). Керамический комплекс, представлен фрагментированными горшками с примесью песка и шамота (*Пшеничнюк*, 1995. С. 76, рис. 8, 11, 13, 14). Данные сосуды относятся к категории ранних круглодонных горшков, появляющиеся в погребениях V в. до н. э. (*Мошкова*, 1974. С. 35) и резко отличаются от лепной круглодонной шаровидной, богато орнаментированной посуды с примесью талька в тесте, получивших особое распространение с IV в. до н. э. (Там же, 1974. С. 22).

Не противоречит дате второй половины V — рубежа V–IV вв. до н. э. погребальный обряд и инвентарь курганов №№ 1 и 7 (*Пшеничнюк*, 1983. С. 65, 180, табл. XLVII, 12; 1995. С. 72, рис. 6, 1–5). В кургане № 4 человеческих костей и каких-либо категорий инвентаря не обнаружено, однако небольшие размеры кургана, сгоревшая деревянная конструкция и отсутствие могильных ям позволяет, на мой взгляд, отнести данный курган к этой же хронологической группе.

Данная группа курганов может отображать ранний или начальный этап функционирования могильника в середине — второй половине V в. до н. э.

Иная картина фиксируется в курганах №№ 3, 10, 11, 12. Прежде всего, эти курганы выделяются из общего массива курганных сооружений могильника своими размерами. Они имеют относительно большие насыпи 26–50 м в диаметре и 2,2–5 м высотой. Погребения из этой группы курганов определяют, на мой взгляд, верхнюю хронологическую границу памятника. По погребальному обряду и вещевым комплексам эти курганы серьезным образом отличаются от курганов с погребениями на древнем горизонте. Объединяющими признаками погребальной обрядности для курганов №№ 3, 10, 12 являются относительно большие размеры насыпей, наличие коллективных, вероятно, многоактных дромосных погребений в центре, наличие кругового расположения периферийных погребений, наличие здесь катакомбных и подбойных погребений, преимущественно с ориентировками в южный сектор. Как уже отмечалось выше, обращает на себя внимание то обстоятельство, что в больших курганах с коллективными дромосными погребениями (курганы №№ 3, 10, 12) деревянные конструкции не имеют признаков горения. Данное обстоятельство согласуется с тем, что традиции разведения мощных кострищ исчезают в IV в. до н. э. (Гуцалов, 2004. С. 105) и не встречаются в классическую прохоровскую эпоху.

В больших курганах сторевшая конструкция выявлена только лишь в одном случае (курган № 11), при этом надо отметить, что коллективное погребение было совершено в широкой подпрямоугольной могиле со столбовыми ямами, расположенными вдоль стенок. Вероятнее всего, здесь находит отражение своеобразный пережиток погребальной обрядности, поскольку выявленный вещевой материал имеет относительно более поздний облик.

Если обратиться к конструктивным особенностям могильных ям, выявленных в данной группе курганов, и времени их появления в погребальной практике ранних кочевников Южного Урала, то следует отметить, что большая часть известных к настоящему времени дромосных погребений на Южном Урале датируется в пределах конца V–IV вв. до н. э. (Мошкова и др., 2011. С. 162–165). Л. Т. Яблонский связывал появление таких могил с приходом элитарных групп кочевых объединений с территории лесостепного и степного Зауралья и территории Средней Азии (Яблонский, 2011. С. 238). По мнению Р. Б. Исмагилова, данный вид погребальных конструкций был привнесен на Южный Урал с территории Южного и Юго-Восточного Казахстана (Исмагилов, 1996. С. 44). Вне зависимости от версий происхождения данного вида могильных ям все исследователи отмечают, что дромосные погребения принадлежат кочевой элите и являются признаком высокого социального статуса погребенных (Мошкова и др., 2011. С. 162–166; Мышкин, 2011. С. 168–169; Гаифов, Гаврилюк, 1988. С. 145; Яблонский, 2011. С. 238–239).

Катакомбные погребения, выявленные в курганах №№ 10 и 11, относятся к I типу. Данный тип катакомб на Южном Урале в большинстве своем имеет датировку IV — начало III в. до н. э. (Мошкова и др., 2011. С. 166). Массовое распространение подбойных могил (выявлены в курганах №№ 10 и 12) с погребениями, ориентированными преимущественно в южный сектор, является отличительной чертой IV в. до н. э. (Мошкова, 1974. С. 17; Гуцалов, 2004. С. 105).

Вещевые комплексы, найденные в курганах №№ 10, 11, 12 (Пишеничнюк, 1995; Сиротин, 2008, 2010, 2016), позволяют датировать их второй половиной IV — не позднее рубежа IV–III в. до н. э.

Из инвентаря, найденного в погребениях этих курганов и уточняющего датировку комплексов в пределах второй половины IV в. до н. э., следует отметить следующие категории.

Железные двудырчатые стержневидные псалли с восьмеркообразным утолщением по центру и концами, оформленными пишечками или утолщениями (курган № 10, набор из насыпи; курган № 11, погребение № 1) (Пишеничнюк, 1995. С. 82, рис. 11, 7, 8; Сиротин, 2010. С. 327, рис. 3, 9; 2015б. С. 252; Савельев, 2007; Смирнов, 1961. С. 86; Васильев, 2004. С. 157).

Бронзовые псалли с гофрированным стержнем (на одном экземпляре имелись шляпки на концах) из кургана № 10 (погребение № 2) (Пишеничнюк, 1995. С. 87, рис. 14, 16; Васильев, 2004. С. 155; Савельев, 2007. С. 333, 339, рис. 1, 3).

Железные налобники (наносники) с загнутым в петлю навершием с шишечкой на окончании (курганы № 10, набор из насыпи, погребение № 2; курган № 11, погребение № 5) (*Пшеничнюк*, 1995. С. 82, 87, рис. 11, 11, 12; 14, 20; *Сиротин*, 2010. С. 332, 333, рис. 6, 5; 2016. С. 258, рис. 4, 12, 13, 16, 17; *Пшеничнюк*, 1976. С. 19, 46, 47, рис. 9, 1, 2; *Смирнов*, 1964. С. 332, рис. 38, 6, 7; *Савельев*, 2007. С. 339, рис. 1, 8–10; *Яблонский*, 2008. С. 176, рис. 3, 6, 7; 2013. С. 226, № 3144; *Сиротин*, 2015. С. 249, 251, рис. 2, 6, рис. 3, 7; *Савченко*, 2009. С. 258–260; *Васильев*, 2004. С. 157).

Железные дуговидные предметы с загнутыми в петли окончаниями (курган № 10, погребение № 1; курган № 12, погребение № 5) (*Пшеничнюк*, 1995. С. 84, рис. 12, 11; *Сиротин*, 2016. С. 258, рис. 4, 14, 15), относящиеся к элементам узды, так же можно рассматривать в качестве хроноиндикатора второй половины IV в. до н. э. (*Сиротин*, *Трейстер*, 2014. С. 209; *Смирнов*, 1984. С. 136, 139, рис. 62, 6; *Васильев*, 2004. С. 158; *Гуляев*, *Савченко*, 2004. С. 43, рис. 5, 18; *Савченко*, 2009. С. 243–244).

Меч с прямым перекрестьем и прямым навершием, найденный в погребении № 1 кургана № 10 (*Пшеничнюк*, 1995. С. 84, рис. 12, 15), датируется последними десятилетиями IV в. до н. э. (*Васильев*, 2001б. С. 171; *Клепиков*, 2002. С. 28; *Федоров*, 2001; *Яблонский*, 2010. С. 76).

Мечи переходного типа (курган № 10, погребения №№ 2, 4; курган № 11, погребение № 1; курган № 12, погребения №№ 3, 4) (*Пшеничнюк*, 1995. С. 86, 91, рис. 13, 6; 16, 9; *Сиротин*, 2010. С. 327, рис. 3, 3; 2016. С. 258, рис. 4, 19, 21–23) исследователи относят к IV в. до н. э. (*Смирнов*, 1961. С. 30; *Мошкова*, 1963. С. 33; *Клепиков*, 2002. С. 27). Наиболее представительную серию комплексов, содержащих такие мечи с характерным набором раннепрохоровского инвентаря, В. Н. Васильев относит к последней четверти IV в. до н. э. (*Васильев*, 2004. С. 153).

К рубежу IV–III вв. до н. э. относятся лепные керамические сосуды из кургана № 11 (погребения №№ 2, 4, 6) (*Сиротин*, 2016. С. 258, рис. 4, 26, 31, 32) с примесью талька в тесте (*Мошкова*, 1963. С. 28, табл. 9, 10).

Набор бус, включающий в себя мелкие шаровидные сердоликовые бусы, а также сложносоставные глазчатые бусы (курган № 11, погребение № 2) (*Сиротин*, 2016. С. 258, рис. 4, 28, 29) (См. аналогии: *Аникеева*, *Сиротин*, 2014. С. 8). Такие бусы распространяются в раннекочевнических комплексах ориентировочно ко второй половине IV в. до н. э. (*Аникеева*, *Сиротин*, 2014. С. 18).

Бусы из черного непрозрачного стекла, орнаментированные зигзагом из желтой пастовой массы и глазчатые стеклянные бусы (курган № 12, погребения №№ 1, 4) (*Сиротин*, 2016. С. 258, рис. 4, 24, 25, 30). Особого внимания заслуживают бусы из черного стекла биконической формы с растрембами на концах, орнаментированные в технике навивки желтой пастовой массой (Там же. С. 258, рис. 4, 25), уточняющие дату погребения № 1 временем не ранее второй половины IV в. до н. э. (*Равич и др.*, 2012. С. 74–76).

Фрагменты бронзового зеркала (кургана № 12, погребение № 5) (*Сиротин*, 2016. С. 258, рис. 4, 6) типа 5.3, по классификации А. С. Скрипкина (*Скрипкин*, 1990. С. 95). Время бытования таких зеркал А. С. Скрипкин определяет в целом IV в. до н. э., а В. Н. Васильев относит их ко второй половине IV — рубежу IV–III вв. до н. э. (*Васильев*, 2004. С. 158).

Погребальные конструкции курганов №№ 2, 5, 6, 9 сочетают в себе признаки как ранней, так более поздней погребальной традиции.

Инвентарь, найденный в этих курганах (*Пшеничнюк*, 1995. С. 70, рис. 5, 8), датируется широко в пределах конца V–IV в. до н. э. (*Аглова*, 2001. С. 128–129; *Клепиков*, 2002; *Смирнов*, 1977. С. 31; *Мышкин*, 2010. С. 267; *Аникеева*, *Сиротин*, 2014. С. 18). Более узкой датой в пределах нескольких десятилетий рубежа V–IV вв. до н. э. может быть датирован меч из кургана № 6 (*Пшеничнюк*, 1995. С. 70, рис. 5, 8; *Васильев*, 2001а. С. 41–42).

В кургане № 2 были выявлены остатки деревянной конструкции и одно центральное погребение на материковой поверхности, что сближает его с курганами ранней группы могильника. Вместе с тем, признаков горения конструкции, отмеченных для курганов ранней группы, здесь не зафиксировано. Отсутствие вещей затрудняет определение его датировки. Не исключено, что курган может занимать промежуточную хронологическую позицию между ранней (курганы №№ 1, 4, 7, 8) и поздней группой (курганы №№ 10, 11, 12).

Курган № 5 также сочетает в себе признаки разных погребальных традиций. К числу ранних признаков можно отнести сторевшую радиальную конструкцию над центральным погребением, вероятнее всего, коллективный характер захоронения в обширной подпрямоугольной яме. Однако, в отличие от других курганов ранней группы, здесь отсутствует погребение на древней поверхности, и имеется периферийное погребение с южной ориентировкой, совершенное в подбойной камере (Пшеничнюк, 1995. С. 66, рис. 3, 1, 2). Такое сочетание (или наложение) ранних и поздних признаков дает основания отнести курган к категории переходных и может иллюстрировать процесс трансформации погребальной обрядности в рамках могильника.

К этой же группе курганов, вероятно, относится курган № 9, где выявлено одно центральное погребение (Там же, 1995. С. 79, рис. 9, 1). В центре кургана выявлена сторевшая деревянная конструкция, что может свидетельствовать об относительно ранней принадлежности кургана. Здесь найдено только лишь одно подбойное погребение в центральной части кургана, что является признаком, характерным для более поздней группы курганов. А. Х. Пшеничнюк допускал, что подбойное погребение вполне могло быть совершено в кургане позднее, разрушив при этом центральное погребение на древней поверхности (Там же, 1995. С. 78). В этом случае строительство кургана № 9 может быть соотнесено с ранним этапом образования могильника.

Интересная погребальная конструкция выявлена в кургане № 6 (Там же, 1995. С. 68, рис. 4). Центральное погребение выявлено на древней поверхности внутри деревянного ящика или сруба, перекрытого радиально уложенными бревнами. А. Х. Пшеничнюк относит данное погребение к коллективным захоронениям (Там же, 1995. С. 69, 94). Признаков горения деревянной конструкции в этом кургане не наблюдалось, что говорит о несколько иной (более поздней?) погребальной традиции. Впускные погребения кургана № 6 были совершены в подбойных камерах, что как будто бы сближает курган с комплексами более позднего времени. Однако найденный здесь инвентарь (Там же, 1995. С. 70, рис. 5), а также топографическое расположение кургана все же, как представляется, позволяет отнести его к более раннему времени, нежели большие курганы с дромосами №№ 10, 12 и курган № 11 с катакомбами I типа. Но вместе с тем, данный курган, вероятно, мог строиться несколько позднее, чем курганы ранней группы.

Топографически курганы №№ 5, 6, 9 составляют компактную группу в юго-западной части могильника и вполне могли отражать один из хронологических этапов (промежуточный?) сооружения могильника.

Таким образом, в курганах могильника находят свое выражение различные формы погребальной обрядности. Выделяются группы курганов с абсолютно разными погребальными традициями и курганы, имеющие смешанные черты погребальной обрядности. Если рассмотреть топографическое расположение данных курганов в могильнике, то можно увидеть, что каждая группа занимает определенное месторасположение и, на мой взгляд, планиграфически отражает определенные этапы сооружения некрополя. Курганы, имеющие ярко выраженные архаические черты (курганы №№ 1, 4, 7, 8) как в погребальном обряде, так и в инвентаре, составляют достаточно компактную группу в центре могильника, своеобразное ядро могильника (центральная группа). С этими курганами, вероятнее всего, следует связывать начальный этап функционирования могильника не позднее второй половины V в. до н. э. В этнокультурном отношении эти курганы могли быть оставлены потомками выходцев из Приаралья, входящих в состав формирующихся объединений ранних кочевников Южного Урала с конца VI — начала V в. до н. э. (Гауров, 2006. С. 77) и принесших новые черты погребальной обрядности и инвентаря.

Особую группу (юго-западную) составляют курганы смешанного типа (№№ 5, 6, 9), где сочетаются и ранние и поздние традиции (можно сказать, происходит их механическое наложение) и где сложно выделить вещевые комплексы с относительно более узкими датами. Как представляется, они могут занимать промежуточную хронологическую позицию, компактно располагаясь в юго-западной части могильника. К этой же группе, вероятнее всего, примыкает и курган № 2. Сложно определить относительную хронологическую позицию кургана № 3. Исходя из наличия дромосного погребения в центре, можно лишь предполагать (?) его относительную культурно-хронологическую близость к курганам №№ 10, 12.

Позднюю хронологическую группу (вторая половина IV — рубеж IV–III вв. до н. э.) определенно составляют курганы №№ 10, 11, 12, занимающие северо-восточный участок могильника. Причем более близкое расположение кургана № 11 к центру и некоторые его отличительные особенности (обгоревшая деревянная конструкция, центральная могильная яма со столбовыми ямками) от конструкции курганов №№ 10 и 12 объясняется, вероятно, его относительно более ранним строительством.

Эволюция погребальной обрядности и инвентаря свидетельствует о развитии новых традиций, окончательное утверждение которых находит свое выражение в материалах курганов северо-восточной группы, особенно курганов №№ 10, 12. Инновации в погребальной обрядности и инвентаре следует связывать с распространением и утверждением традиций филипповского круга на обширной территории Южного Урала, и развитие погребального обряда связывается уже не с внешними миграциями, а с этноэволюционными процессами (Яблонский, 2012. С. 385). В археологическом отношении это выразилось в стандартизации погребального обряда и инвентаря (курганы №№ 10, 11, 12).

В середине IV в. до н. э. начинается процесс миграции ранних кочевников Южного Зауралья в юго-западном направлении, что приводит прекращению функционирования к концу IV в. до н. э. всех известных могильников юго-восточной Башкирии (Таиров, 2000. С. 21). Кочевое население, оставившее курганный некрополь Переволочан I, было вовлечено в начавшийся процесс новой миграции. В связи с этим могильник также прекращает свое существование не позднее конца IV — рубежа IV–III вв. до н. э. С уходом данной группы кочевников исчезает ряд форм погребальной обрядности и определенные категории инвентаря (Таиров, 2006. С. 89–90; Яблонский, 2012. С. 382).

- Аникеева О. В., Сиротин С. В. Происхождение и распределение каменных бус из могильника Переволочан и кургана Яковлева II по (данным минералогического анализа) // Сарматы и внешний мир: Материалы VIII Всерос. (с Междунар. участием) науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 12–15 мая 2014 г. / Уфимский археологический вестник. 2014. Вып. 14.
- Болтрик Ю. В. Скифский курган как единый ансамбль // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология. Сб. ст. / Под ред. В. И. Гуляева, В. С. Ольховского. М., 2000.
- Васильев В. Н. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. Уфа, 1998. Вып. 1.
- Васильев В. Н. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI–II вв. до нашей эры. Уфа, 2001а.
- Васильев В. Н. К хронологии раннепрохоровского клинкового оружия // Материалы по археологии Волго-Донских степей / Под ред. И. В. Сергацкова. Волгоград, 2001б. Вып. 1.
- Васильев В. Н. К хронологии раннепрохоровского комплекса // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2004. Вып. 5.
- Гуляев В. П., Савченко Е. П. Новый памятник скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М., 2004.
- Гуцалов С. Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н. э. Уральск, 2004.
- Исмагилов Р. Б. Сарматское окно в Европу // Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала. Сб. ст. / Под ред. Н. А. Мажитова, М. Ф. Обыденнова. Уфа, 1996.
- Клепиков В. М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н. э. Волгоград, 2002.
- Ювелирные украшения из раннекочевнических погребений Южного Приуралья VI–IV вв. до н. э. // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2001. Вып. V.
- Мартынов А. П., Герман П. В. Сакральная архитектура кургана (проектное моделирование в древности) // Историко-культурное наследие Северной Азии / Под ред. А. А. Тишкина. Барнаул, 2001.
- Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.
- Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. М., 1963. САИ. Д1–10.
- Мошкова, 1974 – Мошкова М. Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.
- Мошкова М. Г., Малашев В. Ю., Мещеряков Д. В. Дромосные и катакомбные погребения Южного Приуралья в савроматское и раннесарматское время // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии юга России / Под ред. А. Т. Яблонского, С. И. Лукьяшко. Ростов на-Д., 2011. Вып. III.
- Мышкин В. Н. Колчаные крючки кочевников Самаро-Уральского региона VII–I вв. до н. э. // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / Под ред. М. М. Герасимовой, В. Ю. Малашева, М. Г. Мошковой. М., 2010. (МИАР. № 13).
- Мышкин В. Н. Погребальная обрядность социальной элиты кочевников Самаро-Уральского региона в VI–V вв. до н. э. (к проблеме формирования прохоровской культуры) // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии юга России / Под ред. А. Т. Яблонского, С. И. Лукьяшко. Ростов на-Д., 2011. Вып. III.
- Мышкин В. Н. Курганы скифского времени с погребениями на древнем горизонте в степях Южного Урала // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани / Под ред. А. Г. Ситдикова, Н. А. Макарова, А. П. Деревянко. Казань, 2014. Т. II.
- Оцир-Горляева М. А. О планиграфии курганов Южного Приуралья позднескифской эпохи // Погребаль-

- ный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии юга России / Под ред. А. Т. Яблонского, С. И. Лукьянко. Ростов на-Д., 2011. Вып. III.
- Оцир-Горяева М. А.* Древние всадники степей Евразии. М., 2012.
- Пшеничнико А. Х.* Шиповский комплекс памятников (IV–III вв. до н. э.) // Древности Южного Урала / Под ред. Р. Г. Кузеева, Н. А. Мажитова, А. Х. Пшеничнико. Уфа, 1976.
- Пшеничнико А. Х.* Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983.
- Пшеничнико А. Х.* Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала / Под ред. Б. Б. Агеева. Уфа, 1995.
- Равич И. Г., Сиротин С. В., Трейстер М. Ю.* Индийское (?) бронзовое зеркало из кочевнического погребения IV в. до н. э. в Южном Приуралье // ВДИ. 2012. № 4.
- Савельев Н. С.* Конская узда IV–III вв. до н. э. из Шиповских курганов в лесостепи Южного Приуралья // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Чтения памяти К. В. Сальникова (1900–1966). Материалы Междунар. конф. 20–22 апреля 2007 г., г. Уфа) / Под ред. В. С. Горбунова, В. А. Иванова, Г. Т. Обыденновой, И. А. Шутелевой, Н. Б. Щербакова. Уфа, 2007.
- Савченко Е. И.* снаряжение коня скифского времени на Среднем Дону как археологический источник // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху / Под ред. В. И. Гуляева. М., 2009.
- Сиротин С. В.* Исследования на курганном могильнике Переволочан в Зауральской Башкирии в 2007 г. (предварительное сообщение) // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Материалы Междунар. науч. конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий». Оренбург, 21–25 апреля 2008 г. / Под ред. А. Т. Яблонского. Оренбург, 2008.
- Сиротин, 2010 – Сиротин С. В.* Курган № 11 курганного могильника Переволочан в Зауральской Башкирии // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / Под ред. М. М. Герасимовой, В. Ю. Малашева, М. Г. Мошковой. М., 2010. (МИАР; № 13).
- Сиротин С. В.* Погребальные конструкции кургана № 12 могильника Переволочан I // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 9. Ч. 1.
- Сиротин С. В.* Погребальные конструкции некрополя ранних кочевников Переволочан I на Южном Урале // Материалы III Междунар. науч. конф. «Археологические источники и культурогенез» «Ранний железный век Евразии от арханки до рубежа эр. Центры, периферия и модели культурных взаимодействий». Санкт-Петербург, 23–27 ноября 2015 г. СПб., 2015а.
- Сиротин С. В.* Предметы конской сбруи из насыпей курганов ранних кочевников Южного Урала (по материалам раскопок 2008–2013 годов) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы VI Всерос. науч. конф. / Под ред. А. Д. Таирова. Челябинск, 2015.
- Сиротин С. В.* Об относительной хронологии и датировке могильника Переволочан I // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова: сб. ст. / Под ред. А. Т. Яблонского, А. А. Краевой. Оренбург, 2016.
- Сиротин С. В., Трейстер М. Ю.* Погребение с ближневосточными (?) и центрально-азиатскими импортами из кургана Яковлевка II // Сарматы и внешний мир: Материалы VIII Всерос. (с Междунар. участием) науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 12–15 мая 2014 г. / Уфимский археологический вестник. Уфа, 2014. Вып. 14.
- Скрипкин А. С.* Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990.
- Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов. М., 1961. МИА. № 101.
- Смирнов К. Ф.* Савроматы (ранняя история и культура сарматов). М., 1964.
- Смирнов К. Ф.* Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала / Под ред. Р. Г. Кузеева. Уфа, 1977.
- Смирнов К. Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
- Таиров А. Д.* Прохоровская культура Южного Урала: генезис и эволюция // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Материалы IV Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / Под ред. В. Н. Мышкина. Самара, 2000. Вып. 1.
- Таиров А. Д.* Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья VII–II вв. до н. э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Докл. к 5-й Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / Под ред. Б. А. Раева. Краснодар, 2004.
- Таиров А. Д.* Саки Приуралья в степях Южного Зауралья (по материалам могильника Маровый шлях) // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: К 70-летию А. Х. Пшеничнико / Под ред. Г. Т. Обыденновой, Н. С. Савельева. Уфа, 2006.
- Таиров А. Д., Гафрлюк А. Г.* К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей / Под ред. Г. Б. Здановича. Челябинск, 1988.
- Федоров В. К.* Клинковое оружие и колчаные наборы IV–III вв. до н. э. (о времени появления на Южном Урале мечей и кинжалов прохоровского типа) // Материалы по археологии Волго-Донских степей / Под ред. И. В. Сергацкова. Волгоград, 2001. Вып. 1.
- Физико-географическое районирование Башкирской АССР. Сб. науч. ст. // Ученые записки БашГУ / Под ред. И. П. Кадильникова. Уфа, 1964. Т. 16.
- Яблонский А. Т.* Новые раскопки Филипповского могильника и проблема формирования раннесарматской культуры Южного Приуралья // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Материалы Междунар. науч. конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий». Оренбург, 21–25 апреля 2008 г. / Под ред. А. Т. Яблонского. Оренбург, 2008.
- Яблонский А. Т.* Прохоровка: у истоков сарматской археологии. М., 2010. МИАР. № 12.

Яблонский, 2011 – Яблонский А. Т. Погребальный обряд ранних кочевников Приуралья переходного времени и вопросы археологической периодизации паямнятников // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии юга России / Под ред. А. Т. Яблонского, С. И. Лукьяшко. Ростов на-Д., 2011. Вып. III.

Яблонский А. Т. Культурно-хронологический горизонт Южно-Уральской культурно-исторической области

в эпоху формирования раннесарматской культуры // Средневековая городская культура и кочевая цивилизация бассейна реки Урал. Уральск, 2012.

Яблонский А. Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.): Каталог коллекции. М., 2013. Кн. 1.

А. В. Ивченко

ПОСТПОГРЕБАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ НА НЕКРОПОЛЕ ОЛЬВИИ

Некрополь Ольвии — обширная территория, отдельные участки которой за все время существования полиса и города использовались исключительно в целях, связанных с погребальными и постпогребальными обрядами. К этим понятиям относится и пространственная организация могильника. В историографии данные вопросы уже поднимались (Папанова, 2006; Козуб, 1974). Исследования последних лет позволяют уточнить и проиллюстрировать выводы предыдущих авторов. В научный оборот вводятся три объекта, связанные с разными типами ритуальных действий, совершенных на одном, относительно небольшом, участке. Хронологически использование этого участка соответствует практически всему времени существования Ольвии (закрытые комплексы можно уверенно датировать последней четвертью VI–V в. до н. э. — серединой – концом II в. н. э. без каких-либо значительных лагун).

Представляемые объекты соответствуют трем разным вариантам ритуальных действий, следы которых можно археологически зафиксировать: 1 — поминальные ритуалы, совершаемые непосредственно после захоронения покойного (связанные с конкретными погребениями), 2 — поминальные действия, которые связать с определенными погребениями невозможно, 3 — магические действия, направленные на живых, но совершаемые на территории некрополя.

Вводимые в научный оборот материалы раскопок последних лет хорошо иллюстрируют археологически фиксируемые следы постпогребальных обрядов, которые совершались на территории некрополя.

Ключевые слова: некрополь Ольвии, постпогребальные обряды, тризна, поминальные ритуальные действия, магические действия, пространственная организация некрополя.

Некрополь Ольвии, исследования которого продолжаются уже более полутора столетий, не перестает в ходе каждого очередного раскопочного сезона предоставлять новые материалы, которые, безусловно, заслуживают внимания исследователей. В том числе это касается данных, прямо не связанных с погребальными действиями, а имеющих отношение к событиям, происходившим после собственно захоронения. Конечно, в первую очередь имеются в виду поминальные обряды, но также и другие ритуальные действия. Исходя из этого, я хотел бы представить несколько новых находок, сделанных в последнее время на данном памятнике.

Чтобы четко определить значение, которое придается данным объектам, в первую очередь необходимо обратиться к месту их обнаружения. Большая часть участков некрополя Ольвии, которые за последние десятилетия раскапывались профессиональными археологами и были так или иначе отражены в археологической литературе, приходится на места, которые в то или иное время, предшествующее, как правило, появлению здесь погребальных памятников, использовались в повседневной хозяйственно-бытовой деятельности как жилые площадки. Раскоп «Ориент» (название дано по наименованию близ лежащего репера), на котором были обнаружены представляемые объекты, характеризуется тем, что на нем не было ничего, что могло бы быть отнесено к поселенческой деятельности или каким-либо производственным процессам (также не было зафиксировано какого-либо связанного с ними культурного слоя). Поэтому любые находки, происходящие отсюда, можно в первую очередь интерпретировать как свидетельства погребально-поминальных ритуалов. Необходимо обратить внимание, что захоронения или другие сопутствующие им действия здесь производились на протяжении практически всего существования Ольвии, а именно от последней четверти VI–V в. до н. э., до, как минимум, конца II в. н. э. Причем какие-либо значительные хронологические лагуны здесь не прослеживаются. Даже вторая половина I в. до н. э., когда, по письменным источникам, жизнь на городище прекращается, номинально представлена детскими погребениями, которые по амфорному материалу датируются второй половиной I в. до н. э. — началом I в. н. э.

Исходя из этого, интересными представляются три разные группы находок, соответствующие разным типам ритуальных действий, следы которых можно археологически зафиксировать на данной территории.

Находки первой группы являются следствием поминальных ритуалов, которые исполнялись непосредственно после совершения захоронения. Как правило, лучше всего объекты этой группы фиксируются в подбойных могилах. Хорошим примером в данном случае является подбойное захоронение № 8 2012 г (Ивченко, 2012).

Рис. 1. Погребение № 8/2012 Ольвийского некрополя, канфары во входной яме

Входная яма прямоугольной формы была ориентирована с юга на север. Стенки и дно были выполнены неаккуратно. Заполнение составлял светло-серый слабо гумусированный суглинок, практически не отличающийся от окружающего грунта. В верхней трети заполнения входной ямы рядом лежали два чернолаковых канфара (рис. 1). У каждого было отбито по одной ручке. Фрагменты этих ручек лежали между сосудами. Кроме данных находок, в заполнении входной ямы было зафиксировано только пять мелких фрагментов амфорных стенок.

В восточной стенке входной ямы был сделан подбой. Вход в него закрывал сырцово-амфорный заклад, провалившийся внутрь камеры (рис. 2). Основная часть состояла из четырех сырцовых кирпичей, а с юга его замыкала гераклеяская амфора без ножки. Обращает внимание, что пространство, оставленное между кирпичами и южной стенкой, изначально соответствовало габаритам амфоры.

В погребальной камере на спине лежал взрослый человек, ориентированный головой на юг, с вытянутыми вдоль туловища руками. Ноги были слегка согнуты в коленях и завалились к востоку. Судя по положению черепа и позвонков шейного отдела, под головой погребенного располагалась достаточно высокая подушка. Сверху костяк был накрыт покрывалом, содержащим органику растительного происхождения. С западной стороны были найдены лежавшие или стоявшие вертикально в ряд бронзовые гвозди, расположение которых соответствовало краю органического тлена фиолетово-пепельного цвета. Очевидно, эти гвозди крепили покрывало ко дну подбоя.

Рис. 2. Погребение № 8/2012 Ольвийского некрополя, заклад

Погребение сохранилось *in situ*. Сопровождавший покойного инвентарь, найденный непосредственно в подбое (краснофигурный лекиф с пальметтами, чернолаковый килик со штампованным орнаментом на внутренней части дна, бронзовая монета, зафиксированная в правой руке костяка), дает основание датировать данное захоронение последней четвертью IV — началом II вв. до н. э. (краснофигурный лекиф с пальметтами, относящийся ко второй половине IV в. до н. э., является самой ранней находкой из встреченного здесь материала).

Сосуды, обнаруженные во входной яме и в закладе, в целом соответствуют данной датировке. Самым ранним из них является использованная при сооружении заклада поврежденная (без ножки) гераклейская амфора со следами органической оплетки на одной из ручек, относящаяся к 60–30-м гг. IV в. до н. э. Канфары же датируются последней четвертью IV в. до н. э.

Обращает на себя внимание использование сосудов. В погребальную камеру были поставлены целые сосуды (лекиф и килик). В закладе использовалась амфора, которая, возможно, уже была повреждена в ходе ее предыдущей эксплуатации. Канфары, найденные в заполнении входной ямы, вполне вероятно, были повреждены сознательно (об этом может свидетельствовать взаимное расположение сосудов и отбитых у них ручек).

К этой же группе можно отнести и подбойное погребение № 1 2015 г (Буйских, Ивченко, 2015). Входная яма подпрямоугольной формы была ориентирована с запада на восток. Она имела отвесные, почти вертикальные стенки и плоское дно, слегка покатое в сторону подбоя. Ее заполнение составляла темная пестрая гумусированная супесь с примесью суглинка и «белоглазки». В нем было встречено незначительное количество материала. В основном это были фрагменты чернофигурного килика с многочисленными следами ремонта, а кроме них — донце небольшого чернолакового лекифа с восьмибуквенным граффито и три дельфинчика. Фрагменты килика были найдены преимущественно в западной части входной ямы по всей ее глубине (около семидесяти сантиметров). При этом основная масса стенок была сосредоточена в верхней трети заполнения, а донце лежало практически на дне. После реставрации килик оказался археологически целым, и лишь часть его требовала догипсовки.

В подбое, за закладом, сделанным из крупных фрагментов большого толстостенного широкогорлого сосуда, на правом боку головой на восток лежал костяк взрослого мужчины. Его сопровождали поставленные в изголовье небольшой одноручный кувшинчик, а также сетчатый и сероглиняный лекифы. На основании сосудов, найденных в подбое, это погребение можно датировать серединой — второй половиной IV в. до н. э.

Данное захоронение также было найдено полностью непо потревоженным. При его рассмотрении на себя обращают внимание два момента. Во-первых, размещение фрагментов килика только в западной части входной ямы, но при этом по всей глубине ее заполнения. Во-вторых, несоответствие даты килика (а он относится к концу VI — первой половине V в. до н. э.) дате самого захоронения, которое благодаря наличию сетчатого лекифа, не может датироваться ранее, чем первой третью IV в. до н. э. Учитывая многочисленные следы ремонта на килике, можно предположить использование в поминальном ритуале долго и тщательно хранившейся, но полностью утратившей свое утилитарное значение посуды.

Рис. 3. Ольвия, раскоп «Ориент», скопление керамики

Ко второй группе можно отнести не связанные с определенными захоронениями скопления различного материала, которые, тем не менее, можно интерпретировать как тризны или остатки иных ритуальных действий (Папанова, 1993; Папанова, 2006). Примером этой группы может служить обнаруженное в восточной части раскопа практически на уровне материка скопление керамики и костей животных (рис. 3). Мелкие фрагменты стенок керамических сосудов (в основном, амфорных стенок) лежали на площади $1,8 \times 1,1$ м в один, реже, в два слоя. Плотность расположения фрагментов уменьшалась по длинной оси от одного края к другому. Среди керамики были зафиксированы отдельные колотые и ломаные фрагменты костей животных, в том числе и нижние челюсти мелкого рогатого скота (Буйских, Ивченко, 2015).

Судя по наличию в скоплении фрагментов светлоглиняных узкогорлых амфор и краснолаковых сосудов, его можно отнести к римскому времени. При этом ближайший погребальный объект, относящийся к данному периоду, расположен более, чем в 10 м от него. Взаимное расположение керамических фрагментов, наличие костей животных (в том числе, нижних челюстей мелкого рогатого скота) и локализация самого скопления позволяют не рассматривать его как выброс из грабительских раскопок. Можно предположить, что это остатки каких-либо поминальных действий, устроенных через определенный срок после совершения какого-либо погребения неподалеку, но не в непосредственной близости от него.

И, наконец, третью группу составляют находки, связанные с совершаемыми на территории ритуальными действиями, которые при этом не связаны с погребальным обрядом. Ее хорошо характеризует чернолаковая чаша с наговором (рис. 4). Она была обнаружена в 2013 г. Это небольшая аттическая чернолаковая чаша на невысоком поддоне со слегка загнутым внутрь краем. На внутренней стороне ее стенок было начертано двустрочное многозначное граффито. Еще в древности чаша была разбита или раздавлена на восемь частей, но все они лежали компактно *in situ* поблизости друг от друга. В настоя-

щее время она полностью реставрирована. По форме, приблизительным размерам и качеству лака чаша относится, соответственно классификации чернолаковой столовой посуды с афинской агоры, к типу *bowl incurving rim* и датируется, предположительно, в пределах второй — третьей четвертью IV в. до н. э. Состояние поверхности сосуда позволяет предположить, что он был отнесен на некрополь после неоднократного использования в быту (Ивченко, 2013; Русьева, Ивченко, 2014).

Граффито было процарапано по окружности внутри чаши ниже венчика на сравнительно неплохо сохранившейся чернолаковой поверхности без видимых следов разметки в два ряда. А. С. Русьева в данном граффито прочитала десять разных антропонимов в именительном падеже без патронимиков: восемь — мужских и, судя по предположительно, два — женских. Имена в основном были композитные аристократические, половина из них — теофорные. Исследователь обращает внимание, что данная чаша была специально разбита и закопана на территории некрополя.

В данном граффито отсутствует какое-либо объяснение причины написания целого списка имен. «В этом аспекте оно является пока единственным граффито именно на внутренней части небольшой чернолаковой изношенной чашки с разными, в большинстве аристократическими именами, среди которых имеются как редкие, так и впервые зафиксированные в данном эпиграфическом источнике без отчеств и соответствующего глагола» (Русьева, Ивченко, 2014). Необходимо отметить, что недалеко от него была обнаружена сломанная пополам, сложенная вавое и свернутая свинцовая пластина с прочерченными знаками с одной стороны, до сих пор, к сожалению, не прочитанная.

По мнению С. Р. Тохтасьева, подобные пластины, на которых были начертаны имена в номинативе без глаголов, связаны с проклятиями и обычны для некрополя Ольвии.

Таким образом, приведенные выше примеры могут продемонстрировать некоторые варианты постпогребальных обрядов, которые можно проследить на материалах некрополя Ольвии. Среди многообразия данных можно выделить свидетельства как поминальных действий, совершавшихся непосредственно после захоронения или позже, так и каких-либо иных магических ритуалов.

Буйских А. В., Ивченко А. В. Отчет о раскопках на территории некрополя Ольвии в 2015 г. // Архив ИА НАНУ. 2015. Б/н.

Ивченко А. В. Отчет о раскопках на территории некрополя и предместья Ольвии в 2012 г. // Архив ИА НАНУ. 2012. № 116.

Ивченко А. В. Отчет о раскопках на территории некрополя и предместья Ольвии в 2013 г. // Архив ИА НАНУ. 2013. Б/н.

Козуб Ю. И. Некрополь Ольвии V–IV ст. до н. э. Київ, 1974.

Папанова В. А. Некрополь Ольвии (история исследования, итоги раскопок). Бердянск, 1993.

Папанова В. А. Урочище ста могил. Киев, 2006.

Русьева А. С. Ивченко А. В. Новое граффито из некрополя Ольвии // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2014. Вып. XXX.

Рис. 4. Ольвия, раскоп «Ориент», чаша с граффито

ОБ ОГРАБЛЕНИИ СКИФСКИХ КУРГАНОВ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Подавляющее большинство скифских курганов Северного Причерноморья ограблено. Кто, когда и с какой целью грабил скифские курганы в Северном Причерноморье? Скифские курганы Северного Причерноморья грабились на протяжении всего периода их существования, прежде всего их современниками, возможно непосредственными свидетелями и участниками погребальных церемоний или их ближайшими потомками, располагавшими точной информацией по топографии погребений и наличия в них драгоценных вещей. Весьма интенсивно ограбление скифских курганов происходит в наши дни. Курганы в Северном Причерноморье начали грабить с тех пор, как среди вещей, сопровождавших погребенных в потусторонний мир, начали помещать изделия из драгоценных металлов в достаточно ощутимых количествах. Главными, если не единственными, являются корыстные мотивы ограбления скифских курганов во все времена. В курганах скифов Северного Причерноморья мы видим изобилие золота, несопоставимое по количеству и качеству ни с одним другим народом, когда-либо обитавшим в этом регионе. Для целого ряда культур степного и лесостепного пояса Евразии различные нарушения захоронений, как-то: частичное или полное разрушение скелета, частичное изъятие костей скелета или значимых категорий сопровождающих вещей, — рассматривается как проявления обряда обезвреживания покойников. Все это предполагается и для скифских курганов Северного Причерноморья. Однако в силу объективных причин достоверно установить такой обряд при раскопках скифских курганов практически невозможно.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, скифы, обезвреживание покойников, ограбление курганов, черняховская культура, катакомбы, Александропольский курган, Мамай-гора

С начала раскопок скифских курганов в Северном Причерноморье археологи столкнулись с фактом ограбления подавляющего большинства скифских могил. По подсчетам А. М. Хазанова и Е. В. Черненко по шести могильникам степной Скифии ограбленность курганов в них составила от 70 до 100%. Причем нетронутыми остались наиболее бедные захоронения (Хазанов, Черненко, 1979. С. 18). И в целом такая ситуация подтверждалась раскопками степных курганных могильников Нижнего Поднепровья 1960–1990-х гг. Однако в огромном курганном могильнике Мамай-гора в исследованных на протяжении 1988–2008 гг. 171 скифском кургане с 355 погребениями не ограбленными оказались 187 погребений или 53% их общего числа (Андрух, Тощев, 1999. С. 173–179; 2004. С. 114, 138–140; 2009. С. 52–116, 183–198; Андрух, 2001. С. 225–239), что существенно образом не соответствует привычным представлениям. Для лесостепи имеются подсчеты только по междуречью Ворсклы и Сулы, где ограблено почти 100% скифских курганов VII–IV вв. до н. э. за исключением нескольких беднейших (Супруненко, 2000).

Попробуем проанализировать, кто, когда, как и с какой целью грабил скифские курганы в Северном Причерноморье.

1. **Кто и когда?** По заключению А. Ашика, в Керчи курганы без внешних признаков ограбления, когда курган сохранял внешне целостную форму и грабительская воронка давно заплыла грунтом, были ограблены во времена древних греков — современников захоронений, а имевшие видимые воронки на поверхности — были ограблены в позднее время гунезцами и турками (Ашик, 1848. С. 32–33).

Участие современников, возможно, непосредственных свидетелей и участников погребальных церемоний или их ближайших потомков, в ограблении скифских курганов предполагается многими исследователями и часто подтверждается в процессе раскопок. Устройство многих грабительских ходов предполагает точное знание местонахождения гробниц в курганах, их глубин, наличия в них драгоценных изделий (Герц, 1876. С. 4; Забелин, 1908. С. 286; Самоквасов, 1908. С. 141; Спицын, 1901. С. 69; Бобринский, 1910б. С. 63; Артамонов, 1935. С. 142; Руденко, 1960. С. 103–104; Березовец, 1960. С. 88;

Граков, 1971. С. 71). Особенно это справедливо для боковых впускных гробниц в больших скифских курганах, которые без знания точного их расположения невозможно обнаружить с поверхности кургана. Не вызывает сомнений ограбление боковых гробниц Гаймановой Могилы, Мелитопольского кургана, Соболевой Могилы и Огуза современниками (Хазанов, Черненко, 1979. С. 19; Мозолевский, Полин, 2005. С. 152; Бидзиля, Полин, 2010. С.78–100).

Высокий процент скифских курганов, ограбленных современниками, квалифицированность проделанной работы при ее весьма большой трудоемкости позволяют предполагать существование в скифское время групп профессиональных грабителей (Хазанов, Черненко, 1979. С. 22).

А. М. Хазанов и Е. В. Черненко по находкам костей животных, пропитанных бронзовыми оксидами в результате пребывания в бронзовом котле, а также позеленевших костей ног человека в результате бывшего наличия на погребенном бронзовых поножей, предполагали значительный промежуток между временем совершения захоронений и их ограбления в Страшной и Толстой могилах и относили эти ограбления к сарматскому времени 1 (Хазанов, Черненко, 1979. С. 23). Оба ограбления осуществлены первым способом, наиболее характерным для скифского времени. Насколько длительным мог быть промежуток времени, достаточный для позеленения костей животных в результате пропитывания оксидами при пребывании в бронзовом котле или человека при наличии на его ногах бронзовых поножей, дает ответ ограбление впускной Северной гробницы № 1 Гаймановой Могилы. Здесь в заполнении грабительского хода, помимо различных вещей, также были найдены кости животных зеленого цвета, пропитанные бронзовыми оксидами, выброшенные грабителями из котла. Северная гробница Гаймановой Могилы была ограблена, когда потолок катакомбы еще стоял целым и грабители имели возможность внимательно, без помех очистить от драгоценностей захоронения основных покойников №№ 2, 3, 4, 5, не тратя времени на захоронения слуг и лошадей, а также хозяйственную нишу 2 (Бидзиля, Полин, 2010. С. 79, рис. 100; 113). Потолок весьма значительной по площади камеры Северной гробницы, превышавшей 15 кв. м, подрезанный со всех сторон двумя входными ямами и двумя нишами, не мог оставаться целым длительное время. Хотя и сложно точно рассчитать этот промежуток до полного обвала, но в любом случае он не превышал 5–10 лет. Что, как выясняется, оказывается вполне достаточным для пропитывания костей животных оксидами в котле. Еще одно косвенное соображение указывает на краткость этого промежутка: пропитывание костей оксидами в котле происходило в результате пребывания костей в жидкости (в мясном бульоне), для высыхания которого также не нужно слишком много времени, даже в условиях пониженной температуры изолированного подземелья. Также и пропитывание костей ног человека бронзовыми оксидами поножей наиболее интенсивно могло происходить только пока сохранялась влажная мякоть мяса, окислявшая металл. По данным судебной медицины разложение мягких тканей с сохранением связок и хрящей длится от 3–6 месяцев до одного года, полное скелетирование — от года до пяти и более лет (Нелин, 2001. С. 317–321). Можно полагать, что в пустых, свободных от грунта камерах процессы разложения под воздействием воздуха шли достаточно быстро. И процесс пропитывания оксидами костей человека успешно завершился в эти пять лет, а возможно, и ранее, и, соответственно, вторжение грабителей произошло в этот же промежуток времени.

Таким образом, и захоронения с пропитанными оксидами костями были ограблены вскоре после их совершения, буквально через несколько лет. То обстоятельство, что в Северной гробнице № 1 Гаймановой Могилы сохранился тайник, видимо, указывает на неполную информированность грабителей о погребении. Да и вряд ли закладка вещей в тайник совершалась публично или хоть со скольким-нибудь с широкой оглаской.

¹ Неоднократно высказывавшееся предположение о том, что грабителями скифских курганов могли быть сарматы, согласно легенде разгромившие и изгнавшие скифов в Северном Причерноморье, реальных доказательств не имеет (Граков, 1971. С. 71; Хазанов, Черненко, 1979. С. 20), как и сам разгром (Полин, 1992).

² Конечно, с современных позиций содержимое хозяйственной Северной ниши № 1 Северной Гробницы № 1 Гаймановой Могилы (Бидзиля, Полин, 2010. С. 87–94, 324–376, рис. 117–121, 458–498, цв. вкладка, рис. 116) представляет неопценное сокровище. Однако скифские грабители думали иначе, что лишнее раз указывает на истинные мотивы ограбления.

Для средневековья известно несколько случаев размещения впускных половецких погребений в скифских курганах, непосредственно в катакомбах скифских погребений (курган № 1 у пгт. Новотроицкое, курган № 1 у с. Богдановка, курган № 5 у с. Новокаменка и др. на Херсонщине — раскопки А. И. Кубышева в 1974–1976 гг.), на Николаевщине (Кубышев, Орлов, 1982. С. 241), возле Большого Токмака на р. Молочной (Смирнов, 1960. С. 177), в районе Скадовска (Ковпаненко, Яковенко, 1973. С. 253) и на Керченском полуострове (Хазанов, Черненко, 1979. С. 20). Во всех этих случаях половцы впускали захоронения в центр курганов и случайно попадали на входные ямы скифских центральных захоронений. При том, что погребения половцев даже высокого статуса в этих районах не отличаются значительной глубиной (не более 2 м), в этих случаях прокапывались скифские входные ямы на всю их глубину (толща насыпи кургана и до 5 м глубины в материке), и половецкие покойники размещались в опустошенных камерах скифских катакомб. Возможно участие половцев в грабеже этих скифских могил, если только они не были опустошены до них ранее, еще в скифское время.

Венецианские купцы, проживавшие в Танаисе (средневековой Танае), в 1437–1438 гг. в поисках мифического аланского сокровища с помощью 120–150 землекопов предприняли безрезультатные раскопки, как они полагали, большого кургана Контобе в районе Кобякова городища. По весьма характерным деталям, сохранным в описании этой операции Иосафато Барбаро, сейчас считается, что незадачливые кладоискатели копали культурный слой Кобякова городища (Барбаро..., 1971. С. 137–140, 166; Косяненко, 2008. С. 10–11; Каменецкий, 2011. С. 12–13). Тем не менее, как уже отмечалось выше, А. Ашик подозревал венецианцев в ограблении части керченских курганов.

Вероятно, для периода позднего средневековья, когда причерноморско-приазовские степи входили в состав Дикого Поля, можно предполагать спад грабительской деятельности. В приднепровской лесостепи этот процесс, по всей видимости, не затихал практически никогда. В междуречье Ворсклы и Сулы ограблено почти 100% скифских курганов VII–IV вв. до н. э. Единичные могилы, избежавшие ограбления, являются бедными, практически безынвентарными захоронениями. Первые ограбления здесь, как и везде, произошли еще в скифское время. Следующий период активного грабежа, по мнению А. Б. Супруненко, относится ко второй половине XVI–XVII вв., когда польские гарнизоны, нередко остававшиеся без жалованья, занимались грабежом курганов³. Наибольшего размаха ограбление курганов достигло в XVII в., когда многочисленные магнаты-промышленники (Бартоломей Обалковский, Иеремия Вишневецкий и др.) на окраинных землях Левобережья вели активную добычу селитры, прежде всего из грунта курганов. Огромные курганы Скоробора, Саранчевого поля, Осняг, валы Бельского городища, многочисленные курганы в Среднем Поворсклье стали объектами разработки при добыче селитры именно в это время (Супруненко, 2000). В необъятных имениях Вишневецких существовала так называемая «селитренная держава» (Андриченко, 1971. С. 75–76). Добыча селитры во времена непрерывных войн в Польше и России, вплоть до новейшего времени осуществлялась в государственных масштабах. Даже в XVIII в. так называемые «буды» по добыче селитры имелись в каждом левобережном козацком полку (Бакай, 1885. С. 734). Можно предполагать, что в это время в лесостепи исчезло с лица земли значительное число крупных курганов. Несомненно, при этом разрушались и курганные захоронения. Имеется сыскное дело 1626 г. о находке селитренным мастером Романом Гавриловым в кургане возле Путивля значительного количества золотых «прутков», «персней», «пуговиц» и «иных мелких статей» (Оглоблин, 1893. С. 118–119).

После присоединения в результате русско-турецких войн степей Северного Причерноморья и Приазовья, в XIX в. происходило хозяйственное освоение новых территорий, в процессе которого курганы, и прежде всего скифские, привлекали новое население наличием большого количества дефицитного в степях строительного материала — огромного количества камня. Так, в 1830 г. при добыче камня

³ В описании Каневского замка 1552 г. содержится следующее: «Переказа от копачевъ. А еще переказуют уходом иным таковымъ же обычаем копачи з драбов, которые по городищам и селищам оным ходячи, могилы роскопывають, ищущи там оброчей и перстней, мощи погребенных выкидывають, на помьсту за то живымъ и невиннымъ». По контексту драбы были людьми служивыми, составлявшими гарнизон Каневского замка (Архив..., 1886. С. 103, 105; 1890. С. 45–46).

была открыта царская гробница Куль-Обы, а в 1851 г. сделаны замечательные находки в крепиде Александропольского кургана. В керченских курганах гробницы находились на уровне горизонта, их устройство было вполне понятным, как и вероятные способы их обнаружения. Это привело к появлению в Керчи так называемых «счастливчиков» — профессиональных грабителей курганов, кормившихся этим ремеслом (подробнее: Мозолевский, Полин, 2005. С. 439–441).

В степях Северного Причерноморья скифские курганы устроены иначе — гробницы в них находятся глубоко в материке. И знакомство местного населения с устройством скифских курганов и возможностями обогащения в них происходило при официальных раскопках, так сказать «наглядно». Так, после раскопок Александропольского кургана в 1852–1856 гг., Чертомлыка в 1862–1863 гг., Огуза в 1891–1894 гг. на окрестных территориях происходило массовое возникновение и бурное развитие грабительской деятельности местных селян, ранее и не подозревавших о таких возможностях. Особенно прославился в этом отношении Н. И. Веселовский, после раскопок которого в недокопанных курганах (Огуз, Деев курган) при обвалах открывались найденные им неграбленные погребения, становившиеся добычей местного населения. После завершения официальных раскопок и в особенности благодаря таким находкам в этих местах вспыхивала «золотая лихорадка», при которой перекапывались сотни окрестных курганов (Мозолевский, Полин, 2005 С. 435–438 — здесь история и литература вопроса).

Для советского периода в силу ряда причин, в том числе и полицейского свойства, ограбления курганов были сравнительно редким явлением. После развала Советского Союза и обретения Украиной независимости грабеж курганов и всех прочих видов археологических памятников повсеместно приобрел грандиозные абсолютно неконтролируемые размеры. В стране сложился черный рынок древностей, добытых грабительскими раскопками, вполне легально действуют интернет-аукционы, часть вещей контрабандой вывозится за рубеж и сбывается на различных антикварных аукционах. На современном этапе грабеж ведется на высоком организационном уровне с помощью современной поисковой аппаратуры. Среди представителей финансовой и политической элиты стало модным коллекционирование древностей. Появились и частные музеи древностей, состоящие из вещей, скупленных у грабителей.

2. Как? В степном Причерноморье известны *два типа* ограбления крупных скифских курганов.

Первый: копался вертикальный колодец у края кургана, чаще всего, с северной стороны, и после его углубления в материк пробивалась наклонная штольня, направленная в центральное захоронение кургана. Как правило, ориентация грабительского хода по направлению и глубине бывает весьма точной. Иногда входной колодец грабительского хода точно «садится» сверху на входную яму или камеру впускного бокового захоронения, которое сверху, с поверхности насыпи кургана, без знания точных координат обнаружить невозможно. Полностью вероятно не случайность таких сверхточных «попаданий». Известны случаи, когда грабительская штольня, направленная в центр, попутно «пронизывает» и другие впускные захоронения, что также нельзя считать случайностью. Все эти факты указывают на точное знание грабителями подкурганной планировки. Все обстоятельства указывают на то, что первый тип ограбления совершался в основном еще в скифское время. Так были ограблены Александропольский курган, Чертомлык, Огуз (Мозолевский, Полин, 2005. С. 431–433), 1-й Мордвиновский курган (Макаренко, 1916. С. 271), центральные гробницы Солохи (ОАК 1912. С. 40–41), Гаймановой (Бидзиля, Полин, 2010. С. 139–141, рис. 27) и Толстой могил, Желтокаменная Толстая (Мозолевский, 1979. С. 49–51, рис. 2; 1982. С. 201–203, рис. 29), Водяна, Бабина и Соболева могилы (Мозолевский, Полин, 2005. С. 84, 108–113, 152, рис. 4; 27; 77), курганы №№ 13, 15 и 22 в Золотобалковском могильнике (Полин, 2014. С. 65, 115–116, 172–173, рис. 23; 35; 51; 64; 92; 98; 99).

Ограбления первого типа датируются преимущественно скифским временем. Однако есть и исключения. Через наклонную штольню из полы кургана был ограблен двухметровый курган № CDLXXXI у с. Капитановка. Кроме лошадиных и человеческих костей, в заполнении грабительского хода были найдены «кирпичи и предметы новейшего времени» (Бобринский, 1910а. С. 59). Несомненно датировка ограбления XIX в.

Есть и пример повторного использования древнего грабительского хода в новейшее время. В Чертомлыкe, входящем в четверку крупнейших курганов Скифии, ограбление было произведено в скифское время через боковую штольню, бравшую начало в северной поле кургана, в Северной впускной гробнице. В период первоначального заселения земель Новороссии, вероятно, в XVIII — начале XIX в., грабители повторно воспользовались тем же ходом (Мозолевский, Полин, 2005. С. 432–433).

Второй тип ограбления — вертикальный колодец копался непосредственно на вершине кургана. В Северном Причерноморье вершина кургана в подавляющем большинстве случаев находится точно над центральным захоронением, и такой способ ограбления, даже при незнании местонахождения погребений под курганом, точно приводит к цели. Такие ограбления чаще всего являются повторными, произведенными уже после древних ограблений первого типа, как правило, в новейшее время. Они же являются и наиболее сокрушительными, когда разрушаются погребальные сооружения, а содержимое, иногда вплоть до последней косточки, выбрасывается наверх, на поверхность кургана, для тщательной переборки. В целом такие ограбления принято считать поздними, что часто вполне справедливо. Поздние ограбления иногда имеют твердую датировку XIX в. по вещам, утерянным грабителями (Мозолевский, Полин, 2005. С. 435). В восьмом Пятибратнем кургане на Нижнем Дону в заполнении грабительской воронки на вершине кургана найдены захоронения середины XIX в., на основании чего его ограбление датировано XVII–XVIII вв. На позднюю дату ограбления указывает также неточность попадания грабительского колодца в цель. Грабители обнаружили лишь одно крайнее помещение большого погребального сооружения, по-видимому, не подозревая об остальных (Шилов, 1961. С. 153–156, рис. 2).

Но правил без исключения нет. Имеются свидетельства ограбления вторым способом еще в древности. В Соболевой Могиле и в кургане № 4 у с. Первомаевка грабительские колодцы в центре курганов перекрыты половецкими святилищами (Свдoкoвoв, Куприй, 1991. С. 264; Евдокимов, Фридман, 1991. С. 75), что указывает на совершение этих ограблений ранее XII в. Курган Верхний Рогачик высотой 11 м ограблен дважды — наклонным ходом из северо-западной полы и колодцем сверху. По мнению Н. И. Веселовского, удачливее был грабитель, шедший сверху, что, по-видимому, свидетельствует о несколько большей древности верхнего ограбления в сравнении с боковым (ОАК 1913–1915. С. 133–134). Раскопки Александропольского и Краснокутского курганов, Слоновской и Томаковской Близниц, Каменной Могилы были первыми раскопками скифских курганов в причерноморских степях, производившимися вскоре после заселения края, когда еще ничего не было известно об устройстве и содержимом здешних курганов. По этому и ряду других признаков можно считать, что ограбления вертикальным колодцем сверху, зафиксированные в этих курганах, были совершены еще в древности.

В больших курганах нередко двойные ограбления, осуществленные обоими способами, и ограбления второго типа в них стратиграфически являются более поздними (Александропольский курган 4, Огуз 5,

⁴ В Александропольском кургане, кроме ограблений вертикальным колодцем с вершины насыпи и из северо-восточной полы кургана боковой штольней, имеются и некие загадочные штольни в северо-западном секторе. Из северо-западной полы кургана в центр были направлены две почти параллельные наклонные штольни, заканчивавшиеся, несколько не доходя до центральной могилы кургана, значительно глубже нее, на уровне почвенных вод (ДГС I, 1866. Атлас: Табл. I, мины №№ XIV, XV). Эти ходы традиционно считаются грабительскими. И. Е. Забелин полагал, что мины эти, направленные к центральной гробнице чрезвычайно верно, не удались потому, что шлаи в материке слишком глубоко, значительно ниже подземных сооружений кургана и врезались в водоносные слои (ДГС I, 1866. С. 25). Однако такие ошибки просто невозможны для грабителей скифского времени, и, по-видимому, данные штольни к ограблению не имеют отношения. В больших сакских курганах Казахстана в кургане № 3 могильника Ушгтобе и Беспатырских курганах №№ 3 и 6 обнаружены подобные ходы-штольни высотой до 2 м, синхронные захоронениям в курганах. Они не связаны с погребениями, имеют сложную планировку и очень тщательно отделаны: входы оформлены бревенчатými окладами, тщательно оформлены своды, устроены специальные ниши для светильников. По мысли Р. Б. Исмагилова, эти ходы служили местом проведения брачных действий, отражая концепцию кругооборота жизни и смерти, символа единства жизни и смерти (Исмагилов, 1992. С. 34–35; Акишев, Кушаев, 1963. С. 62). Трудно сказать, какие церемонии совершались в загадочных штольнях Александропольского кургана, но то, что какие-то действия там производились, свидетельствуют находки костей животных (Мозолевский, Полин, 2005. С. 431).

⁵ В 20-метровом Огузе Центральный склеп кургана грабился трижды: дважды грабители проникали в склеп по подземному дромосу сбоку кургана и один раз вырыли вертикальный колодец с вершины кургана. О его существовании также

Желтокаменная Толстая Могила, Бабина и Соболева могилы, курган № 13 Золотобалковского могильника, Башмачка 6 и др.). Мелкие курганы и в скифское время, и позднее грабились вторым способом.

3. С какой целью? Курганы в Северном Причерноморье начали грабить с тех пор, как среди вещей, сопровождавших погребенных в потусторонний мир, начали помещать изделия из драгоценных металлов в достаточно ощутимых количествах (Мозолевский, Полин, 2005. С. 427). Хотя единичные золотые и серебряные изделия в нашем регионе впервые появляются в погребениях ямной и катакомбной культур эпохи энеолита и средней бронзы, однако, практика ограбления курганов возникает в более позднее время. Погребения ямной и катакомбной ⁷ культур ограблению не подвергались. Мне известен единственный факт ограбления погребения ямной культуры в кургане у с. Ново-Алексеевка (Лазурное) Скадовского р-на Херсонской обл. (раскопки Е. В. Черненко в 1975 г.). Однако это ограбление позднее и случайное ⁸. Грабители новейшего времени, введенные в заблуждение солидными размерами кургана (высота 5 м), по-видимому, посчитали курган скифским, прокопали вертикальный колодец на вершине и таким образом попали на первичное захоронение ямной культуры в центре кургана. Ограбления погребений катакомбной и срубной культуры эпохи средней и поздней бронзы в Северном Причерноморье неизвестны.

Однако курганы единственного в своем роде могильника XIV–X вв. до н. э. у с. Гордеевка в Побужье, видимо связанного по происхождению с Подунавьем, насыщенного ценными импортными изделиями, безусловно были ограблены современниками похорон (Березанська, Лобай, 1994. С. 150). Ограбленными в древности оказались и все богатые захоронения в курганном могильнике белозерской культуры у с. Степное в Запорожской обл. XI–X вв. до н. э., в то время как остались непотревоженными все бедные захоронения, что недвусмысленно указывает на причастность к этому современников (Отрощенко, 1975. С. 193). Аналогичные факты известны и для киммерийского времени (Черняков, 1977. С. 33).

Таким образом, изначально являются прежде всего корыстные мотивы ограбления. По-видимому, именно корысть была главным мотивом грабителей скифских курганов во все времена — и в древности в скифское время, и в средневековье, и в новое, и в особенности в нынешние времена. В курганах скифов Северного Причерноморья мы видим изобилие золота, несопоставимое по количеству и качеству ни с одним другим народом, когда-либо обитавшим в этом регионе. Необходимо учесть, что сохранившееся в музеях огромное количество скифского золота ⁹ является лишь самой незначительной частью, случайно уцелевшей от грабителей, настойчиво опустошающих скифские гробницы на про-

свидетельствовала впадина на вершине (ОАК 1891. С. 72; 1894. С. 9–10). Не избежали ограбления и впускные захоронения кургана (*Болтрик, Фіалко*, 1991), что, безусловно свидетельствует о совершении ограбления современниками, знавшими расположение впускных погребений в огромном кургане.

⁶ Курган Башмачка ограблен дважды — наклонным ходом из полы кургана и колодцем с вершины (*Слицын*, 1901. С. 78), по-видимому, в скифское и в новое время.

⁷ В катакомбной культуре известно немало погребений с захоронениями расчлененных скелетов, где захоронены разделенные кости человека, сложенные в относительном порядке. Возможно, это перенос костей умершего «на родину», возможно, захоронение скелета человека, по каким-то экстраординарным причинам оставшегося незахороненным и совершенное впоследствии.

⁸ Известно еще одно ограбление крупного кургана эпохи энеолита — бронзы высотой 6 м, частично исследованного на территории стадиона в г. Никополе в 1964 г. (раскопки Е. В. Максимова, Е. А. Петровской и Е. В. Черненко). Здесь был открыт грабительский ход, вырытый из северной полы кургана в толще материка на глубине около 2 м и направленный в его центр. К сожалению, исследование не было завершено, поскольку ход уходил под уже существовавшую трибуну стадиона. Однако находки в его заполнении — кости животных, ручка амфоры и обломок лепного горшка, — вероятно, указывают на существование в центре кургана эпохи бронзы глубокого впускного скифского захоронения, оставшегося не выявленным при доисследовании (*Петровская и др.*, 1964. С. 4–5; *Хазанов, Черненко*, 1979. С. 23).

⁹ Прежде всего, в Золотой кладовой Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге, где хранится богатейшая коллекция скифского золота из курганов Северного Причерноморья, раскопанных на протяжении XVIII — начала XX в., не менее богатой коллекции в Музее исторических драгоценностей в Киеве, где хранятся находки из раскопок курганов на Украине с 1954 до середины 1980-х гг. и немного из старых раскопок XIX — начала XX в. из коллекции Ханенко, а также в Фондах Института археологии НАН Украины, где хранятся находки из раскопок начала 1980-х гг. — 2009 г., а также еще в нескольких музеях Украины и мира в неизмеримо меньших количествах.

тяжении почти 2500 лет. Совершенно очевидно, что в скифское время в живом обороте и попадало в скифские курганы в виде различных изделий фантастическое количество благородного металла 10. Что полностью соответствует легендарным представлениям древних греков о Причерноморье и далеких северных странах, всегда ассоциировавшимся с изобилием золота. Миф об аргонавтах, совершивших отважное путешествие в Колхиду за золотым руном, является наиболее ранним свидетельством добычи золота на Кавказе. Сюжет о грифонах в далеких Рипейских горах, стерегущих золото от падких до него людей, отражен в творчестве ряда греческих и римских авторов. В горах предполагается Урал, Кавказ, Алтай или даже Карпаты. Как полагал Л. Стефани, далекая северо-восточная Скифия (в широком смысле) была вторым главным источником золота для греков (Стефани, 1864. С. 51–54; Доватур и др., 1982. С. 220, 257, прим. 181, 250).

Для целого ряда культур степного и лесостепного пояса Евразии различные нарушения захоронений: частичное или полное разрушение скелета, частичное изъятие костей скелета или значимых категорий сопровождающих вещей, — рассматривается как проявления обряда обезвреживания покойников. О существовании такого обряда у некоторых народов известно по данным этнографии. Так, по представлениям алеутов, пока тело погребенного оставалось неповрежденным, оно продолжало быть членом родной общины и являлось потенциально опасным для человека, убившего его. Расчлененные тела теряли силу, заключенную в теле (Лафлин, 1981. С. 33–44).

В могильниках черняховской культуры Северного Причерноморья и раннесредневековых кочевников на Волге, Каме, Дону, Северном Кавказе и в Нижнем Подунавье как будто прослежен ритуал обезвреживания покойников, заключающийся в проникновении в могилы с целью нарушения или уничтожения скелета и (или) изъятия части вещей (Сымонович, 1963. С. 57–59; Флеров, 1989. С. 177–186; 1992. С. 29–32; 1998. С. 138). То же предполагается для синташтинской, петровской и алакульской культур эпохи бронзы Южного Урала, где ограбленные и потревоженные (в том числе и норными животными) погребения составляют 47% (Нелин, 2001. С. 317–321). Сходные объяснения предполагаются и для захоронений раннего железного века в Горном Алтае, где помимо банального грабежа, имевшего место во все времена, предполагаются и другие мотивы, такие как осквернение захоронений, месть ушедшему в иной мир человеку, или какому-либо конкретному клану, или «обычай приобщения», когда новые мигранты сооружали рядом свои курганы, либо погребали своих покойников выпускными в более ранние курганы, при этом, однако, не тревожа более ранние захоронения; или «обычай замещения», когда в более ранние курганы на место предшественников укладывали своих покойников и при этом более древнее захоронение разрушалось частично или полностью (Суразаков, 1999. С. 171–173). Предполагается также объяснение массовости ограблений курганов в скифское время в результате длительного процесса периодического активного физического общения живых и мертвых, или как это называется в северных мифологиях, «путешествия к обитателям курганов» (Жук, 1990. С. 62; Савинов, 1992. С. 109; Курочкин, 1993. С. 30).

Все это предполагается и для скифских курганов Северного Причерноморья (Хазанов, Черненко, 1979. С. 24–26). Однако достоверно установить такой обряд при раскопках практически невозможно. Мой собственный многолетний опыт раскопок говорит о том, что погребения всех времен и народов активно подвергались воздействию различных видов землероев, сами погребения нередко использовались для устройства нор как мелкими, так и более крупными животными (лисы и т. п.), что приводит к частичному или полному разрушению скелета или (и) исчезновению отдельных костей или вещей ¹¹.

¹⁰ Даже в весьма небогатых скифских захоронениях, избежавших ограбления, нередко присутствует минимальный набор золотых вещей из пары перстней, сережек и ожерелья или бус, либо что-то одно из перечисленного.

¹¹ В кургане № 5 у с. Владимировка в Приазовье в погребении ямной культуры № 2 у скелета отсутствовали череп и кости рук, малая берцовая кость правой ноги была смещена. Все погребение изрыто норами землероя. При этом бронзовый нож, крайне редкая находка в погребениях ямной культуры Северного Причерноморья — Приазовья, был найден в стенке погребения в одной из нор на расстоянии примерно 0,3 м от погребения (Полин, Черных, 2009. С. 39, рис. 1, 3–4). Безусловно, все это является результатом активной деятельности грызунов и ни о каком ограблении или обряде обезвреживания не может быть и речи. И другой пример. На территории лесостепной Черкасской обл. в Золотоношском р-не практически все погребения ямной культуры, как первичные, так и выпускные, имеют незначительную глубину — проре-

Поэтому считать, что разрушение скелета, или смещение отдельных костей, и даже их отсутствие, являются результатом обряда обезвреживания, а не работы животных, нет ни малейших оснований. Вероятность такого объяснения в Северном Причерноморье возможна лишь теоретически.

Яркое косвенное свидетельство дает курган № 13 у с. Золотая Балка на Херсонщине, в насыпи которого, в крепи и в закладе одного из погребений, найдены скифская антропоморфная стела с изображением воина со всеми атрибутами, разбитая надвое, и часть ее постамента. Безусловно, данные находки свидетельствуют о свержении этой стелы с более раннего скифского кургана и использовании ее в разбитом виде в кургане новых владельцев данной территории с целью унижения прежних хозяев, их дезавуирования и утверждения собственного господства (Полин, 2014. С. 51–53, 59, 61, 188, кат. 39, рис. 33, 10). Вполне можно предполагать, что свержение стелы с этого кургана сопровождалось и осквернением погребений в соседних курганах, принадлежавших предшественникам.

Однако достоверно выделить эпизоды, связанные именно с такими действиями, абсолютно невозможно, поскольку все нарушения скифских гробниц в Северном Причерноморье, совершенные в скифское время¹², сопровождались сокрушительным ограблением погребения, изъятием из него максимального количества драгоценных изделий, за малым исключением случайно незамеченных или утерянных в процессе ограбления, и частичным или полным разрушением скелета. Встречающиеся случаи слабых ограблений скифских гробниц объясняются тем, что такие ограбления производились уже после обвалов катакомб, когда грабителям в поисках добычи с риском для жизни приходилось перекапывать горы обвалившегося грунта, когда физически невозможно было сколько-нибудь полное извлечение драгоценных вещей, в том числе и относительно крупных. Самый яркий пример — находки в центральной гробнице Толстой Могилы, где пектораль, меч в золотых ножнах, нагайка с золотой обмоткой и некоторые другие ценные вещи были сложены в очень необычном месте — в стороне от скелета, ближе ко входу, в дромосе — и, будучи скрытыми обвалом потолка, остались незамеченными грабителями, которые не могли предположить подобное расположение вещей и не искали в этом районе (Мозолевский, 1979. С. 53–54, рис. 31, 6–12). В огромной обвалившейся катакомбе впускной женской гробницы Мелитопольского кургана при раскопках из грунта завалов извлечено 3904 ед. мелких золотых изделий общим весом 1595,915 г при отсутствии крупных изделий, которые грабителям, видимо, все же удалось изъять (Гереножкин, Мозолевский, 1988. С. 342). В Александропольском кургане после ограблений¹³ не осталось крупных изделий, однако, в заполненных обвалами погребальных сооружениях кургана было найдено более 5000 единиц мелких золотых изделий общим весом более 3,5 кг, не считая множества предметов из иных металлов с золотым покрытием (Полин, 2016).

И с другой стороны, в огромном курганном могильнике Мамай-гора в Запорожской обл. в исследованных на протяжении 1988–2008 гг. 171 скифском кургане неграбленными оказались 187 погребений из обнаруженных 355, или 53% общего числа скифских погребений¹⁴ (Андрух, Тоцев, 1999. С. 173–179; 2004. С. 114, 138–140; 2009. С. 52–116, 183–198; Андрух, 2001. С. 225–239), что существенно образом не соответствует привычным представлениям. В чем же здесь секрет? Дело в том, что могильник Мамай-гора оставлен беднейшим скифским населением, сосредотачивавшемся в V–IV вв. до н. э. в окрестностях Каменского городища на краю днепровского Великого луга. Данные по Мамай-горе свидетельствуют, что основным мотивом ограбления скифских курганов в скифское время (а именно к

зают лишь толщу погребенного чернозема и углубляются в материк всего на 0,1–0,3 м. Практически все они в большей или меньшей степени разрушены норами землероев, нередко многие кости отсутствуют, особенно в детских погребениях (раскопки С. А. Беяева в 1983 г.). Такие же особенности погребений ямной культуры в Золотоношском и соседнем Чернобаевском р-не на левом берегу и в Монастырищенском на правом отмечены и работами других экспедиций (раскопки Е. В. Черненко, А. В. Симоненко, С. Я. Ольговского, С. В. Полина).

¹² Все поздние ограбления совершались исключительно с корыстными целями и нередко сопровождались полным уничтожением погребения, вплоть до удаления всего и вся до последней косточки и гвоздя, что называется под метлу.

¹³ Хотя картина ограбления Александропольского кургана далека от ясности, его неоднократность сомнений не вызывает.

¹⁴ По состоянию на 2009 г. Последняя опубликованная цифра — 175 скифских курганов, содержащих 358 погребений (Андрух, Тоцев, 2012. С. 486). Раскопки могильника продолжаются по сегодняшний день.

этому времени относятся ограбления курганов на Мамай-горе — Андрух, 2000. С. 114) все же была корысть. Все остальные, вполне вероятные предполагаемые мотивы полностью скрываются возможностью элементарной поживы.

- Акишев К. А., Кушаев Г. А. 1963. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963.
- Андрієнко, 1971 — Андрієнко В. П. Майдани і майдановидні споруди України // Вісник Харківського Університету. Харків, 1971. Т. 62. (Історія; Вип. 5).
- Андрух, 2000 — Андрух С. П. Могильник Мамай-гора в Нижнем Поднепровье // Скифы и сарматы в VII—III вв. до н. э. Палеоэкология, антропология и археология. М., 2000.
- Андрух, 2001 — Андрух С. П. Могильник Мамай-гора. Запорожье, 2001. Кн. 2.
- Андрух, Тоцев, 1999 — Андрух С. П., Тоцев Г. Н. Могильник Мамай-гора. Запорожье, 1999. Кн. 1.
- Андрух, Тоцев, 2004 — Андрух С. П., Тоцев Г. Н. Могильник Мамай-гора. Запорожье, 2004. Кн. 3.
- Андрух, Тоцев, 2009 — Андрух С. П., Тоцев Г. Н. Могильник Мамай-гора. Запорожье, 2009. Кн. 4.
- Андрух, Тоцев, 2012 — Андрух С. П., Тоцев Г. Н. Могильник скифского времени Мамай-Гора // Wojciech Blajer (ред.), Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa Joanni Swochorowski dedicati. Krakow, 2012.
- Артамонов, 1935 — Артамонов М. П. Из истории методики археологических раскопок // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.; Л., 1935. № 1—2.
- Архив..., 1886 — Архив Юго-западной России, издаваемый Комиссией для разбора древних актов. Киев, 1886. Ч. 7. Т. 1.
- Архив..., 1890 — Архив Юго-западной России, издаваемый Комиссией для разбора древних актов. Киев, 1890. Ч. 7. Т. 2.
- Ашик, 1848 — Ашик А. Боспорское царство с его палеогеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Одесса, 1848. Ч. 2.
- Бакай, 1885 — Бакай Н. Южно-русский дворянин XVIII века // Киевская старина. 1885. Т. XI.
- Барбаро..., 1971 — Барбаро и Контарини о России. А., 1971.
- Безезанська, Лобай, 1994 — Безезанська С. С., Лобай В. І. Курганний могильник бронзової доби поблизу С. Гордійка на Південному Бузі // Археологія. Київ, 1994. № 4.
- Березовець, 1960 — Березовець Д. Т. Розкопки курганного могильника епохи бронзи та скіфського часу в С. Кут // АП УРСР. Київ, 1960. Т. 9.
- Бидзиля, Полин, 2010 — Бидзиля В. П., Полин С. В. Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев, 2010.
- Бобринский, 1910a — Бобринский А. А. Исследования в Чигиринском у. Киевской губ. в 1907 г. // ИАК. СПб., 1910. Вып. 35.
- Бобринский, 1910b — Бобринский А. А. Отчет о раскопках в Чигиринском у. Киевской губ. в 1908 г. // Известия ИАК. СПб., 1910. Вып. 35.
- Болтрик, Фіалко, 1991 — Болтрик Ю. В., Фіалко О. Є. Огуз — курган скіфського царя кінця IV ст. до н. е. // Золото степу. Археологія України. Київ; Шлезвіг, 1991.
- Герц, 1876 — Герц К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г. М., 1876.
- Граков, 1971 — Граков Б. Н. Скифы. М., 1971.
- ДССІ — Древности Геродотовой Скифии. Сборник описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях. СПб., 1866. Вып. I.
- Доватур и др., 1982 — Доватур А. П., Каллистов Д. П., Шишова П. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.
- Евдокимов, Фридман, 1991 — Евдокимов Г. А., Фридман М. П. Курганы скифского времени у с. Первомаевка на Херсонщине // Курганы степной Скифии. Киев, 1991.
- Евдокимов, Купрій, 1991 — Евдокимов Г. А., Купрій Н. М. Нові половецькі святилища Північного Причорномор'я // Золото степу. Археологія України. Київ; Шлезвіг, 1991.
- Жук, 1990 — Жук А. В. Курганные жители и путешествия к ним. (По отчетам графа А. А. Бобринского 1901—1912 гг.) // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. А., 1990.
- Забелин, 1908 — Забелин П. История русской жизни с древнейших времен. М., 1908. Ч. 1.
- Псмагилов, 1992 — Псмагилов Р. Б. Об одном сакском обряде // Киммерийцы и скифы: Тез. докл. Междунар. науч. конф., посвящ. памяти А. П. Тереножкина. Мелитополь, 1992.
- Каменецкий, 2011 — Каменецкий П. С. История изучения меоты. М., 2011.
- Ковпаненко, Яковенко, 1973 — Ковпаненко Г. Т., Яковенко Э. В. Скифские курганы на юге Херсонщины // Скифские древности. Киев, 1973.
- Косяненко, 2008 — Косяненко В. М. Некрополь Кобыкова городища (по материалам раскопок 1956—1962 гг.) // Донские древности. Азов, 2008. Вып. 9.
- Кубышев, Орлов, 1982 — Кубышев А. П., Орлов Р. С. Уздечный набор XI в. из Ново-Каменки // СА. 1982. № 1.
- Курочкин, 1993 — Курочкин Г. Н. Путешествие в преисподнюю: шаманские мистерии в глубинах скифского кургана // ПАВ. СПб., 1993. Вып. 6.
- Лафлин, 1981 — Лафлин У. С. Алеутские мумии: их значение для исследования продолжительности жизни и изучения культуры // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М., 1981.
- Макаренко, 1916 — Макаренко Н. Е. Первый Мордвиновский курган // Гермес. 1916. № 12.
- Мозалевский, 1979 — Мозалевский Б. М. Товста Могила. Київ, 1979.
- Мозалевский, 1982 — Мозалевский Б. Н. Скифский «царский» курган Желтокаменка // Древности степной Скифии. Киев, 1982.
- Мозалевский, Полин, 2005 — Мозалевский Б. Н., Полин С. В. Курганы скифского Герроса I V в. до н. э. (Водяна, Бабина и Соболева могилы). Киев, 2005.
- Самоквасов, 1908 — Самоквасов Д. Могилы русской земли. М., 1908.
- Нелин, 2001 — Нелин Д. В. «Ограбление» погребений эпохи бронзы: проблема интерпретации // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы Междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара, 2001.
- ОАК 1891 — ОАК за 1891 г. СПб., 1893.
- ОАК 1894 — ОАК за 1894 г. СПб., 1896.
- ОАК 1912 — ОАК за 1912 г. СПб., 1916.
- ОАК 1913—1915 — ОАК за 1913—1915 г. Пг., 1918.
- Оглоблин, 1893 — Оглоблин Н. Н. «Сыскные дела» окладах в XVII в. // Чтения в историческом обществе Нестора летописца. Киев, 1893. Кн. 7.
- Отроценко, 1975 — Отроценко В. В. Новый курганный могильник белозерского времени // Скифский мир. Киев, 1975.

- Петровская и др., 1964 – Петровская Е. А., Максимов Е. В., Черненко Е. В. Отчет о раскопках кургана в г. Никополе в 1964 г. // НАЦІОНАЛНУ. № 1964/17.
- Полин, 1992 – Полин С. В. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992.
- Полин, 2014 – Полин С. В. Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н. э. на Херсонщине. Киев, 2014.
- Полин, 2016 – Полин С. В. Александропольский дракон // Археологія та етнологія півдня Східної Європи. Дніпро: Ліра, 2016.
- Полин, Черных, 2009 – Полин С. В., Черных А. А. Конструктивные особенности первичных насыпей ямных курганов у с. Владимировка и у г. Орджоникидзе // Проблеми археології Подніпров'я. Дніпропетровськ, 2009. Вип. 9.
- Руденко, 1960 – Руденко С. П. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.: А., 1960.
- Савинов, 1992 – Савинов А. Г. Реконструкция погребального комплекса кургана Аржан и церемониальный центр кочевников Тувы // Северная Евразия от древности до средневековья: Тез. конф. к 90-летию со дня рождения М. П. Грязнова. СПб., 1992.
- Смирнов, 1960 – Смирнов К. Ф. Курганы біля м. Великого Токмака // АП УРСР. Київ, 1960. Т. 8.
- Спицын, 1901 – Спицын А. А. Раскопки, произведенные в 1897 г. близ д. Башмачки Екатеринославского уезда // Известия ИАК. СПб., 1901. Вып. 1.
- Стефани, 1864 – Стефани А. Описание некоторых вещей, найденных в 1863 г. в Южной России // ОАК за 1864. СПб., 1865.
- Сутруненко, 2000 – Сутруненко О. До питання про пограбування курганів на Полтавщині за козацької доби // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. Київ, 2000. Вип. 9.
- Суразаков, 1999 – Суразаков А. С. О традициях нарушения древних погребальных сооружений // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999.
- Сымонович, 1963 – Сымонович Э. А. Магия и обряд погребения в черняховскую эпоху // СА. 1963. № 1.
- Тереножкин, Мозолевский, 1988 – Тереножкин А. П., Мозолевский Б. Н. Мелитопольский курган. Киев, 1988.
- Флеров, 1989 – Флеров В. С. Обряд обезвреживания погребенных у праболгар // Проблеми на прабългарската история и култура. София, 1989.
- Флеров, 1992 – Флеров В. С. О методике раскопок могильников с обрядом обезвреживания погребенных // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Липецк, 1992.
- Флеров, 1998 – Флеров В. С. Обезвреживание погребенных в Северном Предкавказье и на Дону в I–VIII вв. // Проблемы археологии Юго-восточной Европы. VII Донская археологическая конф. Ростов на-Д., 1998.
- Хазанов, Черненко, 1979 – Хазанов А. М., Черненко С. В. Час і мотиви пограбування скифських курганів // Археологія. Київ, 1979. № 30.
- Черняков, 1977 – Черняков П. Т. Киммерийские курганы близ устья Дуная // Скифы и сарматы. Киев, 1977.
- Шилов, 1961 – Шилов В. П. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. // СА. 1961. № 1.

А. Е. Симонян, Е. А. Атоянц

НЕКРОПОЛЬ ТЕЙШЕБАИНИ

В 2013–2016 гг. экспедиция Научно-исследовательского Центра историко-культурного наследия при Министерстве культуры Республики Армения (начальник экспедиции А. Е. Симонян) под двух-трехметровым слоем строительного мусора обнаружила и исследовала участок некрополя города Тейшебаини (Кармир блур), по южной окраине которого будет проходить обходная дорога Ширак — Аргаванд. Южнее этой местности находится современное кладбище Шенгавитского района г. Еревана. Казалось, что здесь вряд ли могли сохраниться нетронутые археологические объекты. Раскопки проводились в течение четырех сезонов (2013–2016 гг.). Было исследовано 281 погребение, которые в основном ровесники урартскому городу.

Ключевые слова: Кармир блур, Тейшебаини, некрополь, погребальный обряд, жертвоприношения, традиционная культура, инновации в представлениях о загробном мире

Расположение. Группа памятников Кармир блура находится в юго-западном районе г. Еревана, на левобережном плато реки Раздан (по клинописным источникам VII в. до Р. Х., река Илдаруни). Городище Урартского царства с северной, западной и северо-восточной сторон окаймлено рекой. На северном краю плоского плато, у обрыва каньона реки Раздан возвышается холм, на котором в древности возвышалась цитадель урартского города Тейшебаини.

Южнее цитадели простирался древний город с прямолинейными улицами, по обеим сторонам которых были построены прямоугольные в плане жилища и общественные сооружения. К югу, вне недостроенных городских стен, на территории, занятой современными зданиями и действующим кладбищем, находился обширный некрополь (Рис. 1).

Рис. 1. Общий вид памятника Тейшебаини

История исследования. В советское время на южной окраине охранной зоны с помощью техники выравнивали рельеф, проложили дороги, вырыли траншеи для магистрального водопровода и электрических кабелей, заложили сад. В первые годы независимости РА южная часть охранной зоны памятника

Кармир блур превратилась в свалку, и некрополь был покрыт 2–3-метровым слоем строительного мусора. По решению мэрии г. Еревана, именно эта территория была выбрана местом для строительства обьездной дороги Ширак — Аргаванд. Несмотря на то, что видимых признаков наличия каких-либо историко-культурных памятников не было, мэрия, идя навстречу требованиям ученых, объявила тендер для выяснения истины до начала строительных работ.

В 2013 году под контролем археологов и с помощью техники был убран огромный объем строймусора, в том числе включающего бетонные конструкции. Работы проводились таким образом, чтобы над предполагаемым культурным горизонтом оставался слой мусора толщиной в 10–15 см для последующей расчистки вручную. После расчистки на участке длиной 3,5 км были заложены двадцать пробных раскопов площадью 10×20 м каждый. В процессе работы в южной стороне секционного дома, выявленного еще в 1956 году, обнаружилась прямоугольная в плане пристройка с вымощенным базальтовыми плитами полом. По нашему предположению, это была конюшня.

В двух раскопах выявились группы захоронений. Для обоснования присутствия на этой территории культурных слоев в 2013 году были раскопаны погребения № 1 и № 2.

В 2014 г. была поставлена цель: определить границы находящейся под угрозой дорожных работ территории некрополя и предварительное число захоронений. Только после этого мог быть подписан договор на проведение масштабных раскопок. Вскоре силами экспедиции был убран 10–20-сантиметровый слой строймусора на участке площадью 400×20 м и произведены картографические работы с обозначением обнаруженных артефактов и погребений.

Масштабные раскопки проводились в 2015–2016 гг. В сложной и напряженной ситуации, при дефиците времени — всего два сезона, на академическом уровне были раскопано 279 захоронений.

Еще до наших изысканий экспедицией Б. Б. Пиотровского на Кармир блуре было вскрыто около десятка гробниц, которые датировались или ранним железным веком, или эллинистическим периодом (Пиотровский, 1950. С. 19–20; Мартиросян, 1961. С. 137–150; 1965. С. 167; Вайман, Тицацян, 1974. С. 60–70). Тем не менее, могильник города Тейшебаини до наших раскопок оставался неизвестным, также не было известно, где были захоронены тысячи жителей северной столицы Ванского царства.

Рис. 2. Участок некрополя после раскопок

Наши раскопки выявили некрополь урартского города с чрезвычайно плотным расположением могил (одна могила на 6 м²) (Рис. 2). На территории найдены также некоторые доурартские погребения.

Конструкция гробниц. Гробницы в основном земляные, в нижней части некоторых из них устроены ниши. Также были обнаружены гробницы со стенами, выложенными в нижней части из речных глышей или колотого туфа и базальта, и просторные погребальные залы знати. Большая часть погребальных камер ограничена своеобразными, до того нам неизвестными конструкциями кромехов — «магическими» кругами. Кромехи устраивались следующим образом: вокруг могил в глинистом

грунте рыли кольцевые ровики, которые заполняли речной галькой на глиняном растворе. Так образовались ленточные круги. Отдельные гробницы имели традиционные кромлехи, сложенные из крупных речных окатышей. В этих немногих захоронениях сохранилась традиция обустройства кромлехов, характерная для периода поздней бронзы — раннего железа.

Рис. 3. Защитный слой из мелкой гальки на глиняном растворе на поверхности могил

Рис. 4. Туфовый идол с двумя углублениями-глазами

Своеобразен и способ перекрытия гробниц. Как правило, после захоронения могилы засыпались землей, а потом сооружался защитный слой из мелкой гальки на глиняном растворе (Рис. 3). Имелись также могилы с перекрытием из туфовых плит. В этих случаях могильные ямы не засыпались после захоронения.

Рядом с почти двадцатью гробницами были установлены изваянные из туфа изображения неких идолов с двумя углублениями-глазами, обращенными к небу (Рис. 4). Эта традиция погребального обряда впервые зафиксирована в Тейшебаини, однако, по всей вероятности, она имеет глубокие корни. Так, традиция изготовления идолов с подобными «глазами» на Армянском нагорье отмечена в раннем бронзовом веке. В городище Шенгавит было обнаружено более десятка туфовых идолов с просверленными «глаза-

мид» (Симоныи, 2013. С. 14–15). Примечателен и камень из западной стены гробницы 1-А из Верин Навер, на котором выдолблены две ямки, напоминающие «глаза» (Симоныи, 2014. С. 222–226).

В могильнике Тейшебаини погребальные обряды представляются как очень оригинальное и примечательное явление чисто технологически: весь могильник сплошь покрыт слоем галечника, что особенно заметно на западном отрезке некрополя. Это, без сомнения, результат продуманных действий, осуществление которых требовало большого труда: поиск в русле р. Раздан соответствующих камней, их погрузка и транспортировка, наконец покрытие ими погребений. Можно предположить, что галечный слой предохранял могилы от разрушения и сооружения новых гробниц.

Время. Находящиеся в гробницах керамические изделия — местные (традиционные) черные и серые и урартские, так называемые, «дворцовые» — красноощенные; статуи, характерные для урартской культуры; украшения из металла, бусы, инсигнии власти, печати и другие являются предметами единовременного производства и захоронения. Это дает основание предположить, что подавляющая часть раскопанных гробниц относится к VII в. до Р. Х. и современна урартскому городу.

Архитектоника некрополя. В отдельных случаях мы имеем пять-шесть пересекающихся могильных колец, частично разрушенных при сооружении новых. Явление, обусловленное ограниченной территорией могильника и множеством захоронений. Принимая во внимание, что Тейшебаини основал Руса II (685–645), и то, что город предположительно пал в начале VI в. до Р. Х., можно сделать вывод, что город и некрополь просуществовали максимум 70–80 лет. Есть предположения, что город был разрушен еще в 640 г. до Р. Х. (Ayaniş 1, 2001. P. 24; Sabini, 2017. P. 427–447), что еще более сужает время существования некрополя. Фиксация частичного разрушения старых кромлехов доказывает, что в «городе мертвых» захоронения хронологически разделены промежутками в одно, максимум два десятилетия. Фактически мы имеем своеобразную горизонтальную стратиграфию, что дает уникальную возможность для определения последовательности сооружения могил, составляющих группу захоронений с точностью до одного десятилетия.

Рис. 5. Погребение 150. Совместное захоронение женщины и мужчины

Погребальный обряд. Некрополь Тейшебаини обустроен чрезвычайно плотно. Как отмечено выше, в среднем одно захоронение на 6 кв. м свидетельствует о перенаселенности города. В наше время в мегаполисах по нормам на одну могилу отводится такая же площадь. В «городе мертвых» Тейшебаини выявлены гробницы как женщин и мужчин, так и детей, в том числе младенцев. Женщин хоронили лежащими на левом боку, мужчин — на правом (Рис. 5). Редко зафиксированы вытянутые, лежащие на

спине захоронения. Также был распространен обряд расчленения (декарнация) и обезглавливания (декапитация) (Рис. 6) трупов, в основном жертвенных рабов и слуг. В некоторых захоронениях их число, похороненных с хозяином, достигает трех десятков. Прослеживается ритуал, когда трупы наложниц были уложены друг над другом в несколько рядов, а в центре лежал хозяин.

Четко прослеживается обряд «обезвреживания» покойников: им отрубали кисти, стопы и головы, которые затем хоронили отдельно, теменной частью вниз. Изредка над телом убитых жертв сооружали каменную стену. Есть скелеты, лежащие на животе, с явными следами насилия, как будто их убили и бросили в могилу в момент захоронения (Рис. 7).

Рис. 6. Погребение 147 с обрядом декарнации

Трогательна обряд захоронения знатного молодого придворного. О его высоком положении свидетельствует личная печать, изготовленная с большим мастерством. В центре гробницы на правом боку, чуть свернувшись, как во сне, лежал его скелет. По обе стороны от него, спиной прислоненные к стене гробницы, усажены 18-20-летние наложницы с богатыми украшениями. Они, кажется, охраняют спящего хозяина. Также с не меньшей тщательностью и большой любовью погребены дети.

Согласно представлениям тех времен, человек после смерти вместе со своим имуществом, рабами и гаремом переносился в мир мертвых. Насколько был богат покойный, настолько роскошны были вещи, опускаемые в могилу. Рабы воспринимались как имущество и в качестве собственности должны были сопровождать хозяину и продолжать служить ему в загробном мире. Явно, что при этом жрецы, обслуживающие похороны, твердо придерживались четко сформулированных канонов погребального обряда.

На Древнем Востоке высоко ценились верблюды как универсальное животное. Однако до сих пор в Армении лишь однажды в гробнице властного лица, может быть, предводителя-царя, были найдены останки верблюда. В 1896 г. А. Ивановский, исследуя гробницу, обнаружил скелеты двух верблюдов с золотыми украшениями, двумя жертвенными рабами и т. д. (Ивановский, 1911. С. 164). В 2016 г. в некрополе Тейшебани при раскопках гробницы придворного, вероятно, заместника, среди впряженных в повозку жертвенных быков, лошадей и других животных открылись два полных скелета верблюдов. Как было принято в погребальных обрядах представителей урартской высшей власти, труп хозяина в этой гробнице был сожжен. Здесь также были останки двух пожертвованных слуг, прекрасный стальной меч, сотни единиц бронзового оружия. Кроме того, детали конской упряжи, колокольчики, жезл с навершием в виде головы быка, роскошные бусы из сердолика и стекла и многое другое.

Рис. 7. Могила 155. Скелет лежащий на животе, с явными следами насилия

Сардур II сообщает, что из страны Этиуни среди прочих животных он угнал 155 верблюдов (*Ар-утюнян*, 2001. N241E, строка 31). Таким образом, свидетельство Сардура II и жертвенные верблюды, захороненные вместе с наместником в стране Ваза (Этиуни), говорят о том, что в древности в Араратской долине занимались разведением этих экзотических животных.

Историческая реконструкция. Наличие в гробницах останков множества жертвенных рабов — еще одно свидетельство того, каким могущественным и богатым городом являлся Тейшебаини. Антропологические исследования позволили сделать вывод, что каждый зажиточный горожанин имел рабов, часть которых вместе с хозяином отправлялась в загробный мир.

Б. Б. Пиотровский был убежден, что в административном центре Тейшебаини происходил сбор налогов и что в просторных мастерских рабы обрабатывали большое количество зерна и фруктов, готовили вино, изготавливали оружие и инструменты из железа и бронзы, деревянную мебель, шерстяные и льняные ткани и богатую одежду. Для подобных масштабных производств была необходима огромная армия рабочих и ремесленников, значительную часть которых составляли рабы (*Пиотровский*, 1959. С. 22). Раскопки некрополя подтвердили точку зрения Б. Б. Пиотровского.

В гробницах были найдены скульптура (туф) головы воина со шлемом; десятки идолов (туф), обращенных к небу, с углублениями наподобие глаз и скульптуры фаллосов, сотни глиняных сосудов — красных («дворцовых») и черных (местных), бронзовые браслеты и ожерелья из огромного разнообразия бус, изготовленных с большим мастерством из сердолика, агата, гагата, цветного стекла и морских

раковин, которые носили и женщины, и мужчины. Кроме этого, урартские печати, железное и бронзовое оружие: наконечники стрел, копья, дротики, кинжалы и ножи.

Этнокультурные обоснования. Естественно возникает вопрос: представители какого народа проживали в городе грозного бога войны и стихии Тейшебы, кто погребен в некрополе. Примечательна гипотеза Г. Карагезяна и А. Петросяна о том, что топонимы Эребуни-Ереван имеют индоевропейское происхождение. Согласно академику Г. Джаукяну, болезнь растений, название которой на армянском — *ефевил* (в народной лексике «жанг»), которая окрашивает листья в красный цвет, происходит от индоевропейского слова *erebh*, то есть темно-красный, кровавой (Джаукян, 1991. С. 38). Любопытно, что на необрабатываемых территориях Еревана были распространены полупустынные колючие растения с мясистыми листьями и польнь, которые, заболевая, приобретали ярко-красную окраску (Акопян, 1969. С. 66). До строительства урартами каналов и окультуривания этих земель территория современного Еревана, очевидно, была покрыта упомянутыми полупустынными растениями.

Развивая мысль Г. Джаукяна, А. Петросян приходит к выводу, что топоним Ереван скорее всего возник от армянского «*ефев*», обозначающего цвет, ибо холм Эребуни народ издавна называет *Аринберд* («Красная крепость»). Следовательно, в основе топонимов *Эребуни-Ереван*, по А. Петросяну, лежит слово «*кармир*» (красный), используемое доурартским армяноязычным населением страны Ваза (Петросян, 2006. С. 169–170). По нашему мнению, в пользу этой версии говорит не только широко распространенная на территории Еревана болезнь растений «*ефевил*», но также и другие, кроме Аринберда, доурартские названия: *Кармир блур* (Красный холм), *Кармир берд* (Красная крепость) и т. д.¹ Топонимы с компонентом цвета в мире широко распространены: «цветные» названия имеют моря, озера, горы и прочие географические объекты.

Как указано выше, по мнению А. Петросяна, жители Этиуны, говорили по-армянски. В этом аспекте также важны археологические исследования, в частности, результаты полномасштабных раскопок в некрополе. Определенно, что погребальный инвентарь, найденный в единовременных захоронениях, содержал многочисленные образцы как «дворцовой» краснолощеной керамики из центральных областей Ванского царства, так и черной и серой керамики местного происхождения. Последние составляют большую часть предметов, обнаруженных в захоронениях. Они по своей форме, декору, технологии производства и другим важным признакам почти не отличаются от доурартских образцов культуры раннего железа страны Айрарат. Следовательно, можно сделать вывод, что в отличие от крепости Эребуни, где Аргишти I (786–764) поселил воинов с их семьями из стран Хате и Цупа, граждане Тейшебаини в подавляющем большинстве являлись аборигенами, продолжавшими традицию местной культуры. О непрерывном обитании армянского этноса в этом регионе также свидетельствуют результаты анализа ДНК (Margaryan and al., 2017).

Заключение. В Кармир блуре обнаружен некрополь, современный урартскому городу Тейшебаини. Обряд захоронения чрезвычайно богат и разнообразен, однако при этом канонизированный. В конструкции могил прослеживаются как традиционные, так и инновационные явления: ленточные кромлехи, вырытые в грунте и заполненные галькой на глиняном растворе, глиняная обмазка-панцирь над насыпью могильной ямы, положение рядом с кромлехами идолов в виде туфовых плит с углублёнными ямками в виде глаз, положение в могилу изображений фаллосов и т. п. Явно прослеживается ритуал жертвоприношения слуг и наложниц. При том, что это не привилегия знати, зафиксированная в гробницах аристократии эпохи бронзы, а обиходное явление, доступное и для простых горожан. Это указывает на избыточность военнопленных города Тейшебаини, которые заполняли число слуг горожан урартского населения.

Совместное расположение в могилах экземпляров массового производства — бытовой и культовой керамики, в которых явно доминируют признаки местной, традиционной культуры (черная и серая), даёт пищу для вывода, что население города Тейшебаини, вопреки крепости Эребуни, были местные

¹ По Б. Б. Пиотровскому, это место народ называл «Кармир блур» из-за красноватого грунта цитадели (Пиотровский, 1950. С. 13).

жители, которое после завоевания Аргишти I, за прошедшие сто лет стали верными подданными Урартского царства. Это население, сохраняя традиционные черты местной культуры, в то же время воспринимало ряд элементов имперского мышления, в синтезе которых образовался сложный ритуал погребального обряда города Тейшебани.

-
- Акопян Т.* История Еревана, с древнейших времен до 1500 г. Т. 1. Ереван, 1969 (на арм. яз.).
- Арутюнян Н. В.*, Корпус урартских клинообразных надписей. Ереван, 2001.
- Вайман А. А., Тиранян Г. А.*, Кармир-блурский некрополь эллинистического времени // Вестник общественных наук. № 8. Ереван, 1974. С. 60–70.
- Джаукян Г.* Этимология // Историко-Филологический журнал, 2. Ереван, 1991. С. 38 (на арм. яз.).
- Ивановский А. А.* По Закавказью. Археологические наблюдения и исследования 1893, 1894 и 1896 гг. // Материалы по археологии Кавказа. Вып. VI. 1911.
- Мартirosян А. А.* Город Тейшебани (по раскопкам 1947–1955 гг.). Ереван, 1961.
- Мартirosян А. А.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа, Ереван, 1964.
- Петросян А.* Об этимологии топонима Ереван // Ереван. Сб. научных трудов, посвященных истории города Ереван. Ереван, 2006. С. 169–170 (на арм. яз.).
- Пиотровский Б. Б.* Кармир-блур. Результаты раскопок 1939–1949 гг. Ереван, 1950.
- Пиотровский Б. Б.*, Ванское царство (Урарту). М., 1959.
- Симонян А. Е.* Шенгавит: поселение или ранний город // Ежегодник «Ушардазан». Т. 8. Ереван, 2013. С. 5–53 (на арм. яз.).
- Симонян А. Е.* Царские гробницы бронзового века в Арагацотне. Арменоведение и современные проблемы. Сборник докладов II Международной конференции по арменоведению. Ереван, 2014. С. 222–226 (на арм. яз.).
- Ayanis 1. Edition I. Altan Chiligioglu and Mirio Salvini. Roma. 2001.
- Margaryan Ashot, Derenko Miroslava, Hovhannisyann Hrant, Mahyarchuk Boris, Heller Rasmus, Khachatryan Zarubi, Arutisyan Pavel, Badalyan Ruben, Bobokhyan Arsen, Melikyan Vardubi, Sargyan Gagik, Piliposyan Ashot, Simonyan Hakob, Mkrtchyan Ruzan, Denisova Galina, Yepisheposyan Levon, Willerslev Eske, and Allentof Morten E.* Eight Millennia of Matrilineal Genetic Continuity in the South Caucasus. *Current Biology*, 27, 1–6 July 10, 2017. <http://dx.doi.org/10.1016/j.cub.2017.05.087>.
- Salvini M.* «Aufstieg und Fall des Reiches Urartu» // At the Northern Frontier of Near Eastern Archaeology: Recent Research on Caucasia and Anatolia in the Bronze Age/An der Nordgrenze der vorderasiatischen Archäologie: Neue Forschung über Kaukasien und Anatolien in der Bronzezeit (Publications of the Georgian-Italian Shida-Kartli Archaeological Project 2, Subartu XXXVIII). E. Rova and M. Tonussi (eds) Turnhout and Brussels, 2017. P. 427–447.

ВОЗМОЖНОСТИ АНАЛИЗА ПЛАНИГРАФИИ МАЛЫХ САРМАТСКИХ НЕКРОПОЛЕЙ

Впервые изучаются закономерности планиграфии малых некрополей кочевых сарматов, составляющих подавляющее большинство таких памятников. Учитывались половозрастные особенности, вероятные маркеры социального статуса, размеры и формы могильных сооружений, размещение поминальных конструкций. Выявлены пять принципов их планировки, в которых преобладают симметричные композиции разных типов: центрические (с ядром в виде могил влиятельных супругов или умерших мужского пола), концевые (для лица определенного пола и более высокого статуса), в виде дуги (вокруг мини-святилища или делящей пополам две группы могил разных типов). Это позволяет уточнить представления о сакральной и социальной модели некрополя, критериях его завершенности.

Ключевые слова: малые курганные некрополи сарматов, планиграфия, основные принципы композиции, критерии наполнения

Малые некрополи сарматов (от 2–3 до 10–15 курганов с основными или впускными могилами одной культуры или ее конкретной фазы, чаще всего — в составе разновременных могильников), представляют не меньший интерес для изучения восприятия социального и сакрального пространства кладбища небольшими коллективами, чем кладбища крупных и средних размеров (ср.: Яценко, 2016а; 2016б; 2016в). Для анализа сарматского общества римского времени малые некрополи имеют принципиальное значение: именно они составляют подавляющее большинство сарматских кладбищ, являют собой типичную их картину. Они соседствовали с местами сезонных стоянок небольших кочевых коллективов — групп из нескольких (чаще всего, видимо, родственных) семей, ставивших свои жилища у общего водоема (родника или небольшого озера), у речной переправы, а еще чаще — просто у подножья высокого края речной террасы.

Судя по ничтожно малому для нескольких поколений числу погребенных в них, такой чести удостоивались далеко не все члены даже этого малого коллектива (в том числе — лишь часть взрослых мужчин). *Критерии отбора* умерших для погребения в таком типичном могильнике и сегодня, надо признать, во многом остаются загадкой. Поэтому делать далеко идущие выводы на основе анализа антропологии только тех умерших сарматов, которые удостоились чести быть похороненными в курганах, было бы весьма опрометчиво. Между тем, именно такого типа обобщения, без следов малейших сомнений мы и наблюдаем в обобщающих публикациях. Часто «предельная наполняемость» малых некрополей могла определяться, например, благопожелательным, *священным числом* курганов или помещенных в них умерших: 3, 5, 7, 10, 12 (ср. для элитарных некрополей и элитарных участков у ранних кочевников в целом: Яценко, 2016а). Если для распаханных и разрушенных строителями курганных кладбищ европейских степей это в конкретных случаях может вызвать сомнения, то это ясно видно по неплохо документированному и хорошо сохранившимся на местности (из-за низкой современной хозяйственной активности, каменной наброски насыпи и обычно скудной растительности) малым некрополям кочевников античной эпохи Южного Казахстана (Свод, 1994; Свод, 2002). Так, в Жамбыльской области наиболее распространенное число курганов в чисто сакских некрополях было 3, 5 и 7. Очень хорошо прослеживается в южноказахстанских материалах также характер курганных цепочек и сопровождающих их поминальных конструкций. Материалы Южного Казахстана ценны и тем, что с ним и соседними территориями сегодня во многом связывают оформление средне- и позднесарматской культур (однако при этом часто надо делать поправку на горный и предгорный характер местностей и пустынный облик пастбищ у ряда некрополей).

Здесь рассматриваются десять могильников короткого времени накопления, в рамках *только какой-либо одной из сарматских культур* (среднесарматской рубежа н. э. — середина II в. н. э. и позднесарматской

середина II — конец IV в. н. э. (в основном — ее ранней фазы до середины III в.)), раскопанные компактным большим участком или практически полностью. *Условные обозначения* к аналитическим чертежам здесь унифицированы и имеют единую нумерацию¹.

Обычно малые некрополи вытянуты в цепочку на водоразделе между балками, вдоль края речной террасы или вдоль холмов у небольшого озера (нестройную цепочку образовывали лишь курганы в Васильевке), и они чаще своеобразно вписаны в более ранние могильники эпохи бронзы и скифской (только сарматские и, при этом лишь одной позднесарматской культуры, ее раннего этапа — Кичкинский I (рис. 2, 2) и Хаджидер II (рис. 5, 1); могилы II–III вв. у Виловатого дополнили уже существовавший ранне- и среднесарматский некрополи (рис. 3, 2; курганы №№ 1, 4, 17, 18). По отношению к более ранним курганным цепочкам отмечены следующие варианты расположения: поперечное размещение сарматских определенного этапа: Никольское (рис. 3, 1), Кубей (рис. 5, 2); на краю их: Скосырская (рис. 2, 1), Царский (рис. 1, 1), Васильевка (рис. 4, 2); равномерно среди основной цепочки: Валовый I (рис. 1, 2), Белолесье-Михайловка (рис. 4, 1).

Иногда единая цепочка некрополя разбита на две неравные по числу группы курганов из двух-пяти и четырех-восьми курганов вдоль высокого плато (Белолесье), края надпойменной террасы (Виловатое) или на мысу, на стыке двух балок (Царский). Такое деление не случайно и отражает внутреннюю двойную микроструктуру коллектива (судя по наличному материалу, не связанную напрямую со знатностью или богатством одной из двух групп умерших). Мною специально выбраны для сопоставления могильники малых сообществ с очень разными материальными ресурсами и политическим влиянием (от крайне редких для сарматов полностью аристократических некрополей Царский и Валовый I в непосредственной близости от г. Танаис (Яценко, 2016г) и, вероятно, Никольское в низовьях Волги) до бедных периферийных Васильевки и Виловатого. В пяти других могильниках выделяется одна или несколько могил богатых или заслуженных, влиятельных благодаря своему характеру и т. п. лиц на фоне более скромных (часто, видимо, родственников) членов группы.

В изучаемой серии господствуют одиночные сарматские погребения в кургане (изредка с одним-двумя детьми); лишь в некрополе II–III вв. Васильевка (у устья Дуная, перед стеной Троянова вала) в трех курганах часто захоронено по семейству со взрослыми и несколькими детьми (рис. 4, 2). Высокая доля основательных ограблений или сохранность костей часто крайне осложняет определение пола, да и в целом степень изученности антропологами очень многочисленных малых курганных кладбищ сарматов² сегодня весьма скромная (из анализируемых ниже могильников антропологические определения сделаны для погребений Царского, Кичкинского I и Валового I в бассейне Нижнего Дона). Но здесь я привлекаю такие памятники, в которых на практике подавляющее большинство могил, в том числе ограбленных, имеет выраженную гендерную специфику по набору сохранившегося инвентаря, которая давно выявлена сарматологами для конкретных сарматских культур и их этапов и особых сомнений не вызывает (см., например, Яценко, 2016а. С. 71, прим. 3).

Есть основания предполагать, что заполнение могильного поля этих миниатюрных курганных кладбищ происходило отнюдь не хаотично, а в соответствии с определенными принципами. В изучаемой серии из десяти могильников вполне ясно представлены *пять различных подходов к планировке формирующегося «заполнения» некрополя*. Представляется, что эти подходы осуществлялись в конкретных малых сообществах вполне сознательно. **(1).** *Центром некрополя становится захоронение пары значимых вероятных супругов (?), по сторонам которых симметрично размещаются могилы разных половозрастных групп и социального статуса*. Один из вариантов такого подхода — захоронение вероятных супругов в центральном высоком

¹ *Фигурные условные обозначения*: 1 — мужская могила; 2 — женская могила; 3 — пол неясен; 4 — кенотаф, мини-святилище; 5 — знатные лица; 6 — ранним курган с впускными сарматскими могилами; 7 — несарматские курганы; 8 — дети; 9 — предполагаемые супруги; 10 — женщина-воительница; 11 — воин-копейщик. *Текстовые условные обозначения*: гр. — группа; дет. — детские могилы; ж. — женщина; к. — курган; м. — мужчина; огр./ограбл. — ограбленное погребение; семейн. — курган с предполагаемыми захоронениями разновозрастных членов семьи.

² Учтем, что именно сарматские погребения на сегодняшний день по общему количеству и размерам изученной территории известны нам неизмеримо лучше, чем остальные группировки ранних кочевников Степи.

кургане, окруженное двумя женскими курганами и по краям — двумя мужскими (Валовый I, пять курганов) (рис. 1, 2). Другой вариант этого подхода — с. Никольское в низовьях Волги: центральный курган — вероятных супругов, крайние — мужские, между ними — женский; четыре кургана (рис. 3, 1). Третий вариант: в центре — два соседних кургана вероятных супругов, по краям — по два–три женских (Вилватое, семь курганов) (рис. 3, 2). В Царском (12 курганов) (рис. 1, 1) этот подход осложнен тем, что некрополь состоит из двух довольно протяженных цепочек с расстоянием около 1 км между ними. В центре основной, южной выделяются два сложной конструкции кургана вероятных супругов, имеется наиболее значимый курган № 64, и в северной части; по краям некрополя — один с детскими могилами и «курган»-ритуальная площадка для тризн³.

(2). Женские могилы размещаются с одного края линии, а мужские — с другого: у ст. Скосырская — не менее шести курганов (рис. 2, 1); видимо, то же — у сел Белолесье-Михайловка в Буджаке, семь курганов (рис. 4, 1). Один из вариантов этого подхода: размещение по линии с востока на запад вначале женщин, затем мужчин все более старшего возраста (Кичкинский I, пять курганов) (рис. 2, 2).

(3). Мужские погребения в центре скопления, женские с детьми — по краям (Васильевка) (рис. 4, 2).

(4). Размещение курганов дугой, вогнутой к западу с двумя типами синхронных могил. В северной части дуги размещены пять подбоев, в южной — пять в среднем более богатых инвентарем катакомб (Кубей, 10 курганов) (рис. 5, 2).

(5). Размещение курганов дугой вокруг подкурганного мини-святилища (курган № 10) с установленным в яме жертвенным «чашечным камнем» (Хаджидер II, пять погребальных курганов) (рис. 5, 1). Первые два варианта «планирования» некрополей, как представляется, могли быть довольно массовым явлением. В целом мы наблюдаем склонность к определенной симметрии различных типов.

Наиболее социально выделенные умершие (с золотыми аксессуарами, металлической посудой, парадным или редким оружием и т. п.) могли размещаться не только в центре некрополя, но и *на его краю*. Так, в Белолесье наиболее богатый (женский) курган № 3 группы I находился на дальнем северном конце сарматского могильника, изолированный в узком сплошном кольце из более ранних курганов (рис. 4, 1). В Скосырской курган № 4 с импортной римской посудой находился на западной оконечности цепочки (рис. 2, 1)⁴. Замечу, что оба эти варианта (в центре или на одном из краев) характерны для размещения не только для одиночного кургана значимого лица в таких малых сарматских могильниках, но и для планиграфии элитарных участков на более крупных некрополях в разных культурах евразийских ранних кочевников (Яценко, 2016а).

В позднесарматское время в Буджаке немаловажную роль в оформлении облика некрополя играли *единичные крупные курганы* — как собственные, так и более древние. Так, в Кубее компактный могильник визуально ограничивался с юга высоким курганом № 20 военного лидера, а с противоположной северной стороны — высоким же более древним курганом № 21 (рис. 5, 2). В Васильевке большой ранний курган в южной группе обширного могильника (в три-восемь раз больше диаметром, чем сарматские) был, видимо, естественной северной границей сооружения других курганов разных эпох (рис. 4, 2). Подчас немаловажную роль в планировке курганного кладбища играли особые *поминальные сооружения*. В среднесарматском сегменте некрополя Высочино V с четырнадцатью компактными курганами (Яценко, 2016б. Рис. 3) плотное скопление в самом центре пяти особых «поминальных» курганов без могил разделяло «обычные» курганы на две части: восточнее концентрировались все аристократические (курганы №№ 26, 28, 31), а также «царский» курган № 1, западнее — куда более скромные комплексы. В поздне-

³ Композиция могильника на деле была намного сложнее: в южной цепочке крайним к р. Дон и г. Танаис был «детский» курган, далее — семь курганов взрослых (в том числе два уникальных по форме и самым высоким курганы №№ 41 и 38 предполагаемых супругов, окруженных с двух сторон женскими курганы №№ 34 и 46); севернее — линия из трех курганов мужчин 25–35 лет. Северная цепочка (по два женских и мужских кургана) включала подкурганное святилище с керамикой семи типов, окруженное двумя курганами юношей; замыкали некрополь на севере два женских кургана (Яценко, 2016г).

⁴ В Южном Казахстане мы также довольно часто видим, что самый крупный, или один из наиболее крупных курганов отстоит от прочих на большее расстояние и при этом может быть несколько удален от линии основной цепочки.

сарматском Кировском I, III шесть «обычных» курганов также разделялись посередине четырьмя поминальными (Яценко, 2016а. Рис. 3) ⁵. В Васильевке группка из трех поминальных конструкций в виде квадратных рвов (№№ II–IV) находилась в окружении обычных курганов. Западнее (и также в окружении обычных курганов) размещалось другое мини-скопление — также трех курганов со рвами, но погребальных, в форме вытянутого прямоугольника (курганы №№ 14, 26 и 20) (рис. 4, 2).

Могут ли уточнить что-то в наших знаниях о планировке малого некрополя данные о древних ограблениях? (обычно они фиксируются без особых проблем самими руководителями раскопок). Иногда да, поскольку избирательные ограбления могил на определенном участке обычно свидетельствуют о более высоком социальном статусе этих умерших (от инвентаря которых иногда не оставалось почти ничего). На буджакских курганных кладбищах Хаджидер II и Кубей все курганы были разграблены, причем во многих случаях явно в древности (хотя оба объекта находятся неподалеку, в 3 км от современных сел) (рис. 5, 1–2); в Кубее не было явных следов ограбления лишь в подкурганном мини-святилище (курган № 10). В Царском ограблены все курганы взрослых, не трогали лишь находившиеся по краям и заведомо «не интересные» святилище в кургане № 62 и «детский» курган № 33 (рис. 1, 1). В Валовом I не тронули ни одной женщины и грабили только мужчин, явно интересуясь парадным оружием и уздой (даже в самом крупном и значимом кургане № 4 супругу (?) хозяина не тронули) (рис. 1, 2). В Белолесье аккуратно разграбили в древности все единичные сарматские могилы в индивидуальных курганах, но не тронули ни одного впускной (рис. 4, 1), хотя последние у сарматов тоже наверняка обозначались на поверхности (Яценко, 2016е. С. 35). В Никольском ограблены два кургана в центре среднесарматского могильника (курганы №№ 2 и 10) (рис. 3, 1). В Виловатом ограблению подвергся лишь курган № 6, находившийся ниже прочих на склоне террасы у старой поймы р. Самара (рис. 3, 2). При всем кажущемся разнообразии действий грабителей они ясно демонстрируют их представления об уровне привлекательности «могильной» добычи в тех или иных местностях и могильниках.

Возможно, иногда размещение в некрополе умерших с артефактами, содержащими *родовой/семейный знак* тамга / осетин. gakk, также поможет в уточнении планиграфии (рис. 1, 1–2; 4, 2; 5, 2) ⁶. В наших случаях у мужчин у устья Дона такой знак видим на уздечке коня (Царский, Валовый I), у женщин в Буджаке — на зеркалах (Васильевка, Кубей). Могила с тамгой почти всегда — единственная в малом некрополе ⁷, и соответствующий артефакт обычно наглядно демонстрирует нам визуальный символ небольшой группы, оставившей его ⁸. Такая могила локализуется обычно на краю некрополя, а в Царском — в центре северной цепочки.

В целом мне представляется, что системный анализ планиграфии малых некрополей ранних кочевников (особенно — при его дополнении разносторонней работой антропологов и более тщательной полевой фиксацией содержимого насыпей, размещения остатков в заполнении разграбленных могил) может дать нам много новых полезных сведений как о данной культуре в целом, так и об особенностях жизни локальных малых скотоводческих сообществ, а в частности — о сакральной и социальной модели некрополей и критериях их «завершенности», об отражении в их композиции статуса лиц конкретного пола и возраста и с разной репутацией.

⁵ То же относится и к ряду крупных могильников, в частности — Львовскому Первому 4 в Северном Дагестане (Яценко, 2016а. Рис. 6).

⁶ На планах таких некрополей показаны типы клановых тамг напротив соответствующих курганов.

⁷ Исключением является упомянутый Кировский I, III, где в каждом из двух мужским погребений на конской дарственной (?) упряжи размещались по два-четыре разнотипных знака. Но такая ситуация объясняется уникальным характером этого мини-кладбища как мемориала трех пар старых и влиятельных мужчин и женщин — жертв некоего военного конфликта (Яценко, 2016а. С. 75–76, рис. 3).

⁸ Исходя из результатов нашего анализа ряда некрополей с большим количеством *зеркал* со знаками, тамги на них демонстрируют символ не местного клана, а чужого — того, из которого происходила невеста / жена, подчас весьма отдаленного (см., например, Яценко, 2001. С. 37–43).

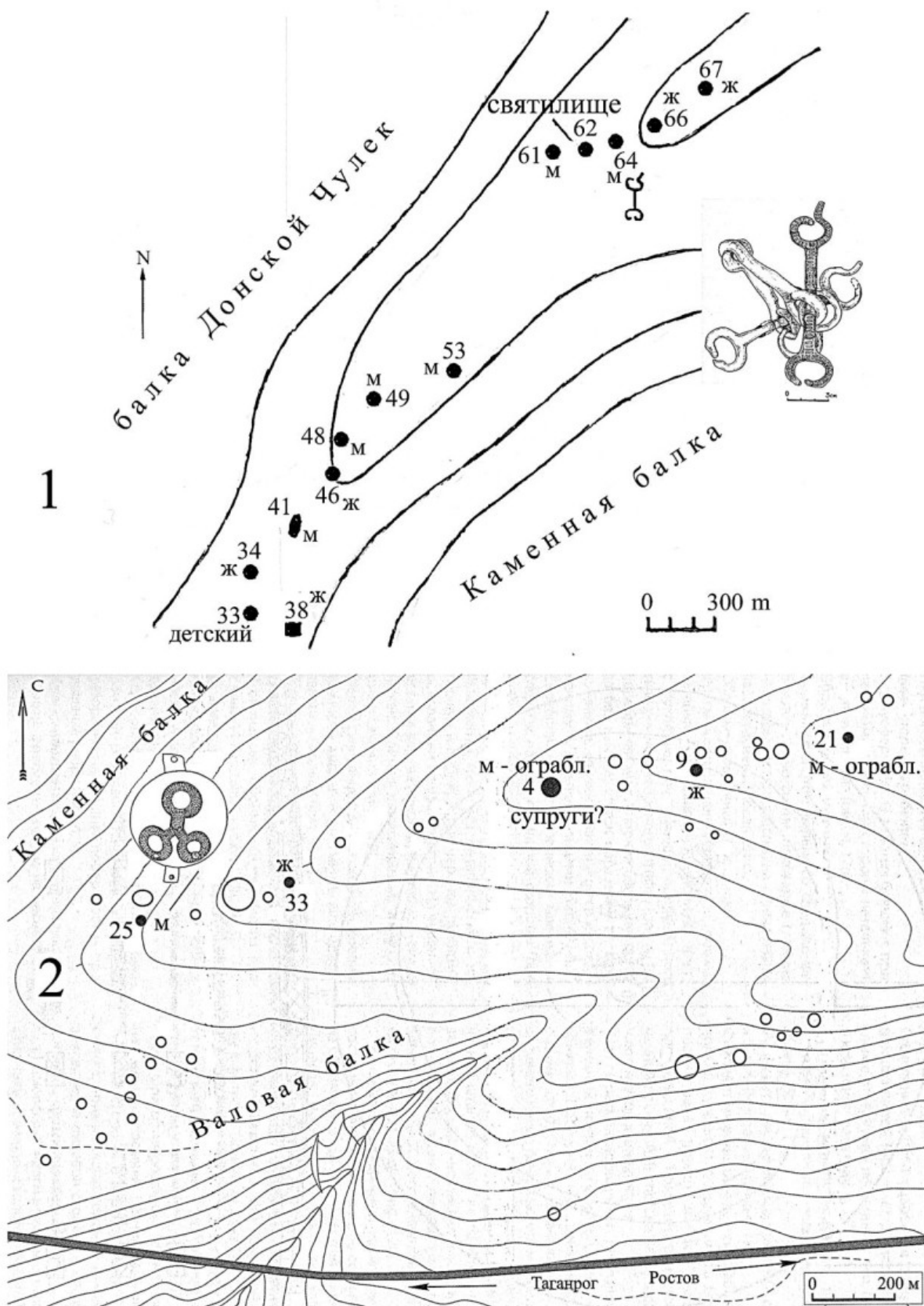

Рис. 1. Сарматские сегменты (элитарные некрополи) у восточной окраины боспорского г. Танаис в устье Дона: 1 — некрополь Царский, I — середина II в. н. э.; 2 — некрополь Валовый I, середина II — середина III в. н. э.

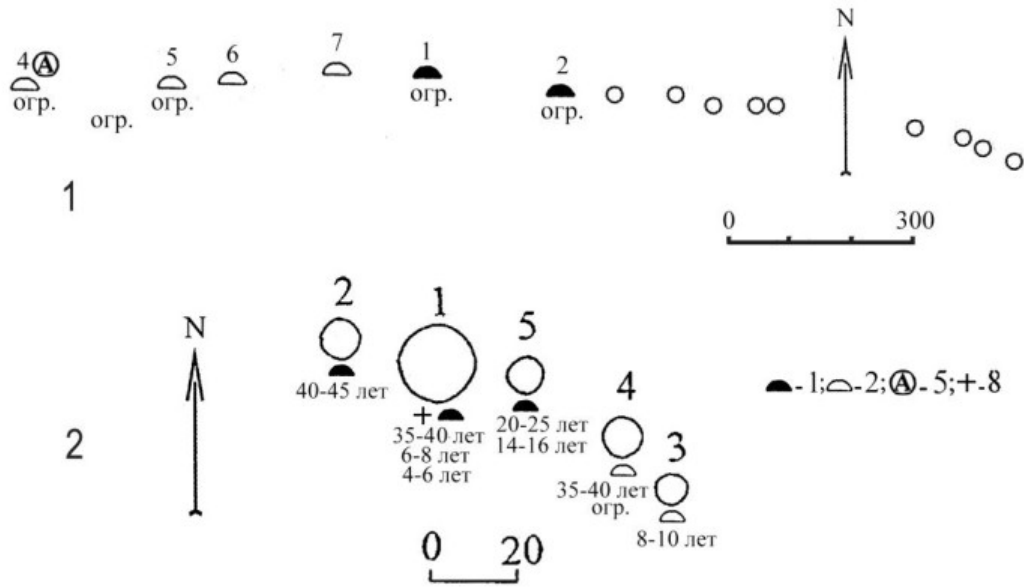

Рис. 2. Сарматский некрополи в бассейне Нижнего Дона (Ростовская обл.):
 1 — сарматский сегмент некрополя у ст. Скоырская, у р. Быстрая, I — середина II в. н. э.;
 2 — сарматский некрополь Кичкинский I, у р. Амта, середина II — середина III в. н. э.

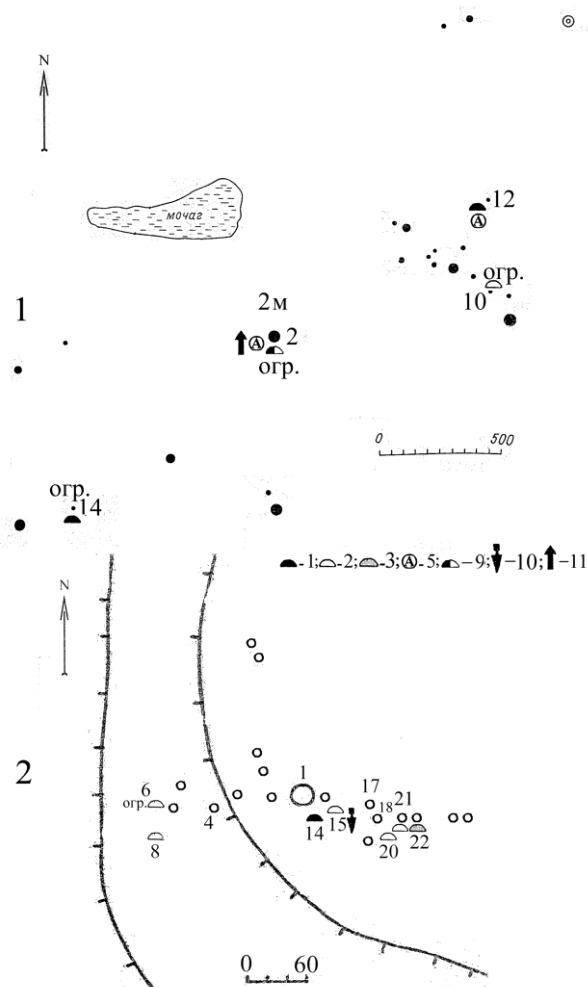

Рис. 3. Сарматские сегменты некрополей бассейна Нижней и Средней Волги:
 1 — некрополь у с. Никольское (Астраханская обл.), I — середина II в. н. э.;
 2 — некрополь у с. Виловатое, у р. Самара (Самарская обл.), середина II — середина III в. н. э.

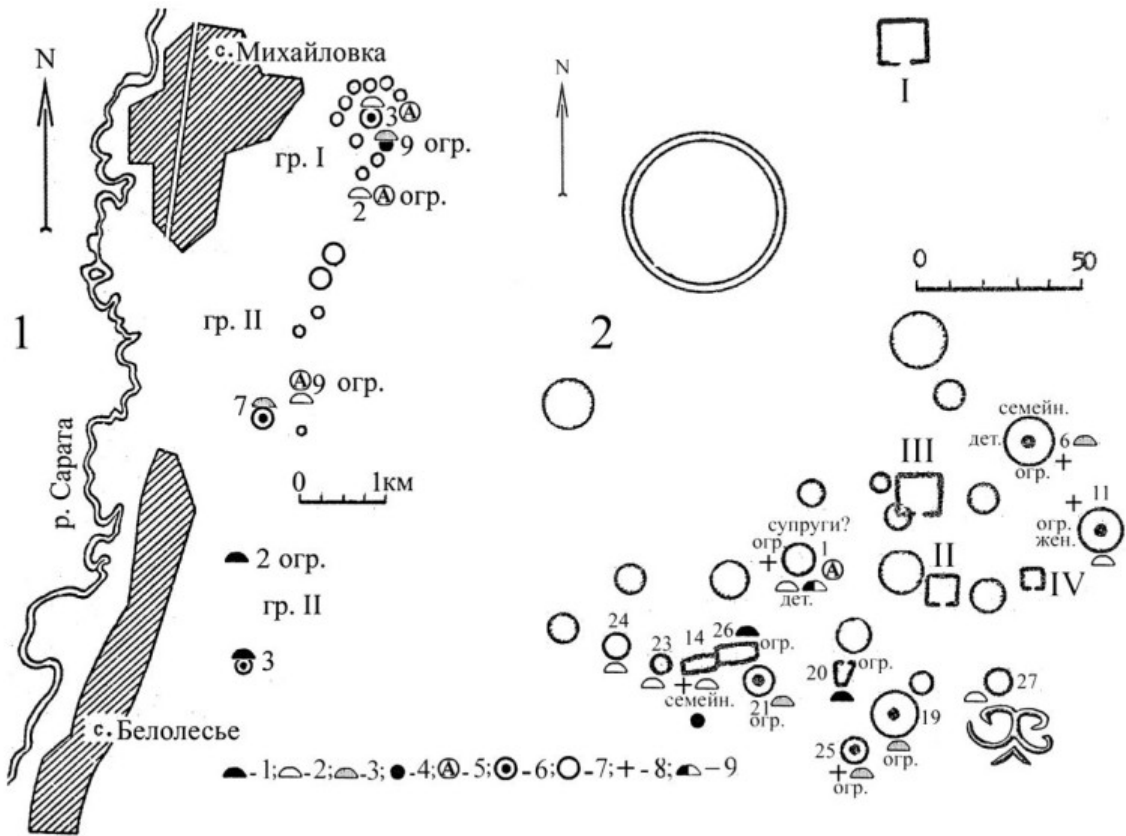

Рис. 4. Сарматские сегменты некрополей степей Буджака (Одесская обл.):
 1 — некрополь у сел Белолесье-Михайловка, у р. Сарата, I — середина II в. н. э.;
 2 — некрополь у с. Васильевка, у р. Большой Катлабух, середина II — середина III в. н. э.

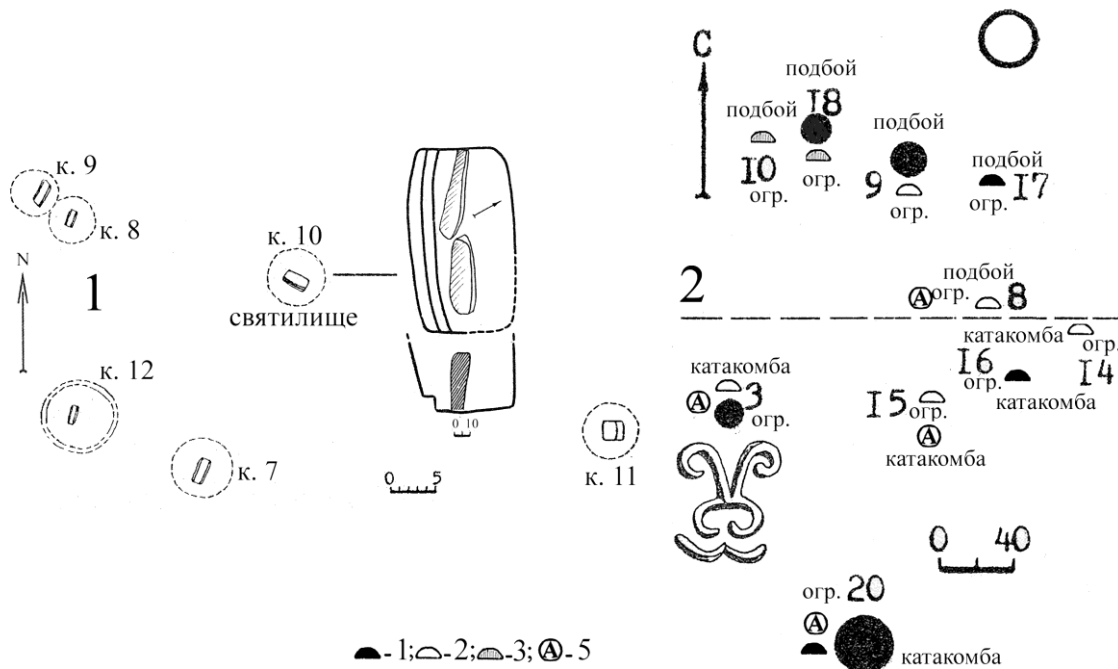

Рис. 5. Позднесарматские некрополи степей Буджака (Одесская обл.):
 1 — некрополь Хаджидер II, у р. Хаджидер, середина II — середина III в. н. э.;
 2 — сарматский сегмент некрополя Кубей, у р. Карасулак, середина III — середина IV в. н. э.

- Безуглов, Захаров, 1992 — Безуглов С. П., Захаров А. В. Новые данные к хронологии среднесарматских погребений Донского Правобережья // Проблемы хронологии сарматской культуры / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Саратов, 1992.
- Безуглов и др., 2009 — Безуглов С. П., Глебов В. П., Парусимов П. Н. Позднесарматские погребения в устье Дона (курганный могильник Валовый I). Ростов на-Д., 2009.
- Глебов, Парусимов, 2001 — Глебов В. П., Парусимов П. Н. Позднесарматский могильник Кичкинский I // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону. Азов, 2001. Вып. 17.
- Дьяченко и др., 1999 — Дьяченко А. Н., Мэйб Э., Скрипкин А. С., Клепиков В. М. Археологические исследования в Волго-Донском междуречье // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 1999. № 2.
- Засецкая, 1979 — Засецкая П. П. Савроматские и сарматские погребения Никольского могильника в Нижнем Поволжье // Тр. Государственного Эрмитажа. Л., 1979. Вып. XX.
- Ильюков, 2004 — Ильюков А. С. Сарматские курганы окрестностей Танаиса (могильник «Царский») // Вестник Танаиса. Ростов на-Д., 2004. Вып. 1.
- Мышкин, 1992 — Мышкин В. Н. Сарматские погребения Вилатовского курганного могильника в Куйбышевской области // Проблемы хронологии сарматской культуры. / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Саратов, 1992.
- Свод памятников..., 1994 — Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. / Отв. ред. Р. Н. Нургаалиев. Алматы, 1994.
- Свод памятников..., 2002 — Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Жамбыльская область / Отв. ред. К. М. Байпаков. Алматы, 2002.
- Субботин, Дзиговский, 1990а — Субботин А. В., Дзиговский А. Н. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. Киев, 1990. Вып. I: Курганные могильники Алкалия и Хаджидер II.
- Субботин, Дзиговский, 1990б — Субботин А. В., Дзиговский А. Н. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. Киев, 1990. Вып. II: Курганные могильники Дивизийский и Белоалесский.
- Субботин, Дзиговский, 1990в — Субботин А. В., Дзиговский А. Н. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. Киев, 1990. Вып. III: Курганные могильники Васильевский и Кубей.
- Яценко, 2001 — Яценко С. А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001.
- Яценко, 2016а — Яценко С. А. К изучению планиграфии курганных могильников позднесарматского времени // Stratum plus. Кишинев, 2016. № 4: «Круг земной». Рим и варвары.
- Яценко, 2016б — Яценко С. А. К изучению планиграфии крупных сарматских некрополей // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии: Материалы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. Л. Т. Яблонский, Л. А. Краева. Оренбург, 2016.
- Яценко, 2016в — Яценко С. А. Сарматский могильник второй половины I — начала II вв. н. э. у с. Усть-Каменка: особенности планиграфии // Старожитности степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 2016. Т. XIX.
- Яценко, 2016г — Яценко С. А. Сарматская элита у границ Боспора I–III вв. н. э. // Элита Боспора и боспорская элитарная культура: Материалы Международного круглого стола / Отв. ред. В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб., 2016.
- Яценко, 2016д — Яценко С. А. О планировке элитарных некрополей и элитарных участков в некрополях ранних кочевников Степи // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Севастополь; Тюмень, 2016. Вып. 8.
- Яценко, 2016е — Яценко С. А. Некоторые проблемы археологического изучения погребальной обрядности // Новое прошлое. Ростов на-Д., 2016. № 4.

С. И. Андрух, Г. Н. Тощев

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В ФОКУСЕ МАМАЙ-ГОРЫ

В статье приводится характеристика одновременных археологических памятников, представленных на могильнике Мамай-Гора у с. В. Знаменка в Запорожской области. Рассматривается возможность их использования для всесторонней реконструкции исторических процессов, характерных для Северного Причерноморья в целом, на протяжении нескольких тысячелетий. В частности — направления и цикличность миграционных потоков, степень освоения региона в различные исторические периоды, эволюция хозяйственной деятельности, конструктивные черты погребально-поминальной обрядности и выделение ее локальных особенностей.

Ключевые слова: могильник Мамай-Гора, погребения, археологические культуры, скифы, инвентарь

Большие одновременные могильники позволяют проследить этапы освоения территории, степень заселенности, осветить разные вопросы погребального обряда, эволюцию хозяйственной деятельности, выделить локальные особенности в развитии определенных культур и пр. Одним из таких памятников выступает могильник Мамай-Гора. По занимаемой площади и количеству захоронений могильник не имеет себе равных в Причерноморье и является одним из крупнейших в Евразийском степном поясе.

Возвышенность Мамай-Гора расположена вблизи с. В. Знаменка Каменско-Днепровского района Запорожской области, на правом берегу Каховского водохранилища (рис. 1). До его создания у подножия господствующей высоты протекала р. Конка, периодически смыкающаяся с расположенной севернее р. Днепр.

Рис. 1. Местонахождение могильника Мамай-Гора (с. В. Знаменка Каменско-Днепровского р-на Запорожской области). Фрагмент карты Запорожской области. 1949 год. Масштаб 1:300 000

Памятник обозначен на картах XVIII–XX вв., где именуется Мамаева, Мамайская могила.

Впервые план могильника составлен экспедицией Б. Н. Гракова в 1946–1947 гг., позже он был уточнен топосъемкой сотрудников ИА НАНУ в 1976 г.

Рис. 2. Вид Мамай-Горы с северо-запада

Ядро могильника образовывали пять больших курганов, вытянутых по линии запад-восток, среди них три длинных и два округлых (рис. 2, 3). Они, как и пространство между ними, никогда не подвергались распашке. По известным планам, видимые в рельефе насыпи концентрировались преимущественно к югу от ядра.

Рис. 3. Общий вид Мамай-Горы с востока

В 1988 г. к исследованиям приступила археологическая экспедиция Запорожского национального университета. В первые годы раскопок изучались небольшие рельефные насыпи. В начале 90-х гг. произведены аэрофотосъемка (черно-белый вариант) и дополнительное топографическое обследование. Итогом явилась фиксация сотен как отдельных «пятен», так и слившихся между собой, а также установление примерных границ могильника, площадь которого ориентировочно достигает 30 га. Возможно, площадь памятника была значительно больше и существенно уменьшилась в связи с катастрофическим

обрушением (более 300 м) береговой линии после создания Каховского моря. Подтверждение тому — находки разрушенных погребений непосредственно у воды и в ней.

На протяжении 1990–1994 гг. территория могильника к востоку и югу от курганного ядра снималась скреперами сплошной площадью (Тощев, 1996). С середины 90-х гг. по настоящее время работы ведутся вручную. В общей сложности исследовано около 10 га.

Всего выявлено около 700 погребальных комплексов, сконцентрированных в курганах и грунтовых могильниках, или отдельные погребения.

Установлено, что высокий береговой выступ стал использоваться как могильник с эпохи неолита. Ряд захоронений (26) этого времени (рис. 4, *литера Б*), расположенный перпендикулярно речной долине, выявлен в 200 м к востоку от ядра.

Рис. 4. Могильник Мамай-Гора (нанесены исследованные грунтовые могильники и рельефные курганы различных эпох)

Из 26 исследованных комплексов инвентарем сопровождались 23 погребения. Материал представлен кремнем (восемь погребений — 11 единиц), кольцевидными бусами (3117), подвесками из зубов оленя (589), фрагментом керамики (1). В одном погребении встречены створки раковин *Uplio*, они же выявлены и в заполнении отдельных погребений, а в погребении № 28 отмечены древесные угольки. Кольцевидные бусы изготовлены из раковины, по величине и форме выделяется несколько их разновидностей. Лишь в погребении № 36 выявлены бусы из камня (пять экз.) и кости (три). Охра отмечена в тринадцати захоронениях. Она применялась перед укладкой погребенного в яму (ею посыпалось дно — семь случаев), в двух из них и в заполнении ею покрыты отдельные кости погребенного — четыре.

Между погребениями выявлены два пункта скопления охры и два пункта, в которых найдены 24 подвески, 31 бусина из раковин, 22 из кости, одна из камня, два кремня и фрагмент черепа.

Кремневый инвентарь представлен крупными и средними пластинами или их обломками, отщепами.

Серия радиоуглеродных дат из погребений могильника (по костям) дает основание датировать комплексы VI тыс. до н. э. и относить к памятникам Азово-Днепровской культуры (Тольев, 2005).

Первые курганы (№№ 162, 163, 185) высотой до 1 м, исследованные в центральной части памятника, появились в эпоху энеолита, они же использовались для захоронений и в последующие времена. Всего обнаружено четыре погребения этого времени и четырнадцать — ямной культуры. Носители последней также возвели несколько насыпей.

Костяки лежали скорченно на спине или на боку, сопровождающие вещи — керамика, изделия из бронзы, кости, камня, кремня.

Более интенсивное функционирование могильника отмечается в эпоху средней бронзы. Катакомбные захоронения отмечены как в названных насыпях (№№ 161, 162, 163, 185), так и расположенном к югу кургане № 4. К северу от ядра выявлена концентрация катакомбных погребений — грунтовый могильник (*Андрух, Тоцев, 2009*), или разрушенный оползнями курган. Основное количество комплексов относится к поздней ингульской культуре. Известны как индивидуальные, так и парные захоронения. В наборе инвентаря разнообразная керамика, в том числе орнаментированный сосуд подпрямоугольной формы, поделки из кремня и камня. Среди последних отметим шлифованный орнаментированный топор (*Тоцев, 2009*). Один комплекс характеризует захоронение мастера-стрелочника.

Впускные погребения бабинской (многоваликовой керамики) культуры единичны: курган № 161, расположенный к северу от ядра, курган № 26 — к северо-востоку и др. (всего девять).

Костяки лежали скорченно на боку, в наборе инвентаря преобладают костяные пряжки.

Раскопан и вновь воссоздан крайний с востока в центральной группе курган № I. Основное погребение разрушено, несколько досыпок связаны с захоронениями срубной культуры. Захоронения этой культуры выявлены и в названных выше насыпях, всего 24 комплекса.

Костяки лежали в овальных или прямоугольных ямах скорченно на боку. В одном случае зафиксирована кремация. Погребения сопровождали, как правило, банковидные сосуды (*Тоцев, 2012*).

Грунтовый могильник белозерского времени выявлен к северо-западу от ядра (пять захоронений).

Из пяти погребений три потревожено в древности. В двух костяки лежали на левом боку, головой к югу. Инвентарь отмечен в четырех захоронениях. Он представлен подвесками из клешни краба (в четырех), ракушкой с отверстием (в одном), керамикой (один сосуд и обломки, тризна), бусами (в двух), подвесками-топориками из смолоподобного вещества (в одном), бронзовыми подвесками (четыре в двух погребениях). Материал типичный для погребений этого времени (*Тоцев, 2007*).

Гипотетически, по данным сопредельных памятников, эпохой бронзы датируем неисследованные длинные курганы (три) и большой округлый в центральной части могильника.

Рубеж эпохи бронзы — раннего железного века на данном памятнике фиксируется двумя захоронениями новочеркасской культуры. Одно выявлено в кургане № 161, в центральной части памятника (рис. 4), второе (объект № 221) рассматривается как бескурганное, расположено в 500 м к северо-западу-западу, на склоне оврага (*Тоцев, 2011*).

Как место для массовых захоронений возвышенность стала использоваться в скифское время. Древнейшее захоронение (конец VII—VI вв. н. э.) найдено к западу от ядра в кургане № 212. Остальные комплексы датируются в целом концом V—IV вв. до н. э. Наиболее сохранившиеся насыпи имели высоту до 1,5 м.

Собственно к скифской эпохе относятся 371 погребение в 184 курганах (несколько захоронений впущены в три кургана эпохи бронзы).

Скифские насыпи располагались вокруг курганного ядра. Основная концентрация комплексов зафиксирована к югу и востоку от него, иногда расстояние между рвами отдельных курганов достигало 0,2–0,3 м. Здесь же прослежены случаи перекрытия насыпей друг другом, что свидетельствует как о максимальном использовании площади памятника, так и о незначительных первоначальных размерах насыпей и их быстрой нивелировке.

В северном и северо-западном секторах могильника количество комплексов незначительно, но именно здесь выявлены культовые ямы, связанные с погребально-поминальной обрядностью. К западу от курганного ядра исследован один наиболее ранний комплекс, с которого, видимо, и началось зарождение скифского могильника.

Подавляющее большинство насыпей сnivelировано. Диаметр курганов варьировал в пределах 5–12 м и только в пяти случаях превышал 20–30 м. Рвы зафиксированы для 45 комплексов. Больше их число предполагается по круговому расположению развалов амфор и др. В одном случае насыпь была укреплена каменной кренидой. Вблизи насыпи кургана № 4 обнаружено изваяние первой половины V в. до н. э.

Погребальный обряд подавляющего большинства комплексов типичен для скифских памятников конца V–IV вв. до н. э. Захоронения совершены преимущественно в катакомбах различных типов (Ольховский, 1991. С. 215, табл. II); преобладают катакомбы I типа (около 60%), катакомбы III и V типов и простые грунтовые ямы количественно практически равны (около 30% в совокупности). Другие типы катакомб редки.

Размеры погребальных сооружений всех типов незначительны. Параметры камер варьировали в основном в пределах $1,8 \times 0,8$ – $2,7 \times 1,4$ м, при глубине 1,2–2,5 м. Только около десятка комплексов превышали эти величины.

Под насыпью сооружались, как правило, однотипные погребальные конструкции, но зафиксирована и взаимовстречаемость типов I и V, I и III, I и VIII, III и V и т. д. Прослежены случаи прямой стратиграфии — перекрытия или перерезания погребальных ям более поздними, что дает новые данные для исследования эволюции погребальных конструкций. Наиболее ранними выступают грунтовые ямы, далее катакомбы I типа, которые долгое время сосуществуют с катакомбами II, III и V типов. Позднейшими в катакомбах III типа выступают захоронения с южной ориентацией погребенных, наложившихся на аналогичные конструкции с северной ориентацией костяков.

Большая часть погребений не ограблена, или нарушена в ходе ограбления частично, что дает данные для реконструкции положения умершего и состава инвентаря более чем в 70% комплексов.

Погребенные уложены вытянуто на спине. В катакомбах I типа преобладает ориентация погребенных головой на запад. В катакомбах III и V типов доминирует ориентация север–юг. Отмечен один случай трупосожжения. Выделяется незначительная группа детских захоронений в позе «лягушки».

На могильнике преобладают одиночные погребения, реже отмечены парные и коллективные, многочисленны случаи дозахоронений (соответственно 7, 3 и 1,5%). В ряде случаев можно проследить временной промежуток, прошедший между первичным захоронением и дозахоронением: кости раннего погребенного нетронуты, но частично перекрыты, незначительно смещены, сложены в анатомическом порядке, разбросаны.

Реконструкция погребально-поминальной и ритуальной практики дополняется также находками панцирей черепах, костяков собак и лошадей.

Особо следует отметить комплексы ритуальных (жертвенных?) ям, компактно располагающихся на северной периферии могильника, в которых найдены фрагменты лепной керамики и амфорной тары, кости животных, панцири черепах. Здесь же прослежены участки рвов, не связанных с конкретными комплексами, в заполнении которых найдены фрагменты керамики, камни, кости животных и разрозненные человеческие кости. Фрагменты или целые человеческие кости также сопровождают некоторые захоронения данного участка могильника (Андрух, 2000б).

Практически все погребения сопровождалось инвентарем, в составе которого представлены украшения, предметы вооружения, посуда, орудия труда, предметы туалета, конская узда и др.

Наиболее многочисленной категорией находок являются украшения, встреченные как в женских и детских, так и в мужских захоронениях. Преобладают ожерелья из стеклопастовых бус различной формы и бисера (более 150 погребений). В состав ожерелий входили в немногих случаях подвески из камня, раковин, клешней краба, бронзовые колечки. Обычно ожерелье состояло из 10–40 бусин, в ряде случаев их количество превышало сотню. В одном из захоронений найдено два ожерелья, второе было помещено в бронзовую шкатулочку.

Серьги различных типов из бронзы, реже серебра, в единичных случаях из золота найдены в 71 погребении. Они характерны для всех половозрастных групп населения, оставившего могильник, преимущественно встречаются в женских захоронениях.

Браслеты бронзовые, железные и из бус отмечены в 67 погребениях. В большинстве случаев находились на запястье правой руки. При сочетании металлических браслетов с браслетами из бус, первые, как правило, размещались на запястье правой руки, вторые — на запястье левой. В нескольких случаях прослежено сочетание на запястьях одной или обеих рук браслетов из бус и металлических.

Кольца, перстни, нашивные бляшки, пронизи и другие изделия из металла редки и встречены немногим более чем в 1% захоронений.

Особо выделим находки трех гривен. Две изготовлены из железного прута, причем одна украшена бронзовыми колечками, с продетыми в них подвесками-бусами и зубом животного. Уникально третье изделие, условно названное гривной. Представляет собой свернутый в 1,5 оборота серебряный прут с припаянным к нему серебряным кольцом, украшенным в свою очередь золотой подвеской и стеклянной бусиной.

Украшения из погребений могильника значительно пополняют классификационные схемы и своды, и в сопоставлении с памятниками сопредельных и периферийных регионов Скифии дают возможность для выявления общих черт и локальных особенностей в использовании определенных типов этой категории инвентаря. Благодаря антропологическим определениям имеются данные для реконструкции убранства всех половозрастных групп (*Андрух, 1999б*).

В одиннадцати женских захоронениях найдены зеркала. Уникально полихромное изображение льва, украшавшее футляр из растительной ткани.

Вооружение отмечено в 134 комплексах (около 38%). Оно представлено оружием дальнего, среднего и ближнего боя (стрелы, копья, мечи, топоры, пращевые камни), фрагментами защитного доспеха. Преобладают бронзовые наконечники стрел V–IV вв. до н. э. — они встречены более чем в ста погребениях. Количество их варьирует от 1 до 90. В одном комплексе зафиксированы три колчаных набора.

Наконечники копий и фрагменты зафиксированы в семнадцати погребениях. Преобладают наконечники остролистной формы без ребра IV в. до н. э.

Мечи, кинжалы и их фрагменты найдены в семи захоронениях.

Единичны находки боевого топора, железных панцирных пластинок, бронзовых бляшек от наборного пояса.

Выделяются мужские и женские захоронения, а также захоронения детей с оружием, что дает дополнительные материалы как для реконструкции системы вооружения рядовых скифов, так и для понимания места половозрастных групп в военном деле. Исходя из половозрастной статистики и учитывая редкую потревоженность захоронений, можно полагать, что в военных действиях принимало участие более 37% населения, оставившего памятник (65% мужчин, 19% женщин). Наличие оружия в 10% детских (подростковых) захоронений (наконечники стрел, меч, копье) свидетельствует или о раннем привлечении детей к войне или об их сравнительно ранних сроках обучения обращению с оружием (*Андрух, 2004*).

Сравнительный анализ статистических данных находок оружия в погребальных памятниках Скифии (*Буянтян, 1985. С. 46–47; Ольховский, 1991. С. 102, 109, 167–168*) и могильника Мамай-Гора показывает их значительные различия с тенденцией к резкому уменьшению на рассматриваемом памятнике абсолютно всех категорий вооружения.

Конская узда зафиксирована в пяти погребениях. Реконструируемые экземпляры представлены двухчленными удилами и S-овидными псалиями.

Лепная посуда зафиксирована всего в 14 погребениях. Также целые экземпляры, реконструируемые формы и мелкие фрагменты сосудов обнаружены во рвах и насыпях курганов, культовых ямах. Все сосуды (24 экземпляра) разделяются на пять категорий: горшки (11 экз.), корчаги (6 экз.), гутус (1 экз.), чаши (6 экз.), одноручный и двуручный кувшины (2 экз.). Особого внимания заслуживают корчага с ручками упорами фракийского или лесостепного типа, датируемая рубежом VII – началом VI в. до н. э., гутус и кувшины, формы которых, вероятно, заимствованы из греческой среды (*Андрух, 2009*).

Представительна серия деревянных сосудов, среди которых подносы для мяса (84 погребения) и чаши (девять погребений). Чаши овальной или округлой формы из дерева и бересты встречены, в основном, в женских захоронениях. В ряде случаев прослежено крепление бронзовыми скобочками, накладки из серебряной фольги, пурпурная окраска. В них помещались орудия труда (шпилья, пряслица) или лопатка крупного рогатого скота, кусочки серы. Последние предположительно можно трактовать как культовые (*Андрух, 1999а*).

Выделяется немногочисленная группа привозной керамики: серо-, реже красноглиняные кувшины, канфары, килик, лекиф, амфориск (?) и др. Примечательна находка чернолакового блюда, на дне которого процарапаны буквы «TRG». Более многочисленна амфорная тара. Выделены амфоры Гераклеи Понтийской, Фасоса, Менды, Хиоса, Синопы, Эритрии (?), Херсонеса, типа Солоха I и II. Амфоры конца V – первой половины IV в. до н. э. происходят из курганов, с катакомбами I типа, реже III или VIII типа. Амфоры второй половины IV в. до н. э. отмечены в курганах с катакомбами V, VIII и IX типов, что свидетельствует о синхронности в существовании определенных типов погребальных конструкций.

Металлическая посуда представлена бронзовым котлом V–IV вв. до н. э. Отметим также находку бронзовой рельефной бляхи с изображением человеческого лица, ранее украшавшей ручку ситулы.

Орудия труда представлены ножами (155 погребений), пряслицами (84), шильями (46). Оселки, терочники, иглы немногочисленны. Необычной для погребального памятника является находка в одном из захоронений серпа.

Уникальна находка керамической пластинки, прикрывавшей трепанационное отверстие. В немногих погребениях встречены реалгар, смола, куски мела.

Более 90% всех погребений сопровождалась напутственной пищей. Преобладали кости крупного рогатого скота, меньшим числом представлены кости овец, третье место среди остеологического материала занимали лошади (*Андрух, Секерська, 1999. С. 112–118*). На основании значительной серии остеологического материала возможны выводы о полуседлом характере хозяйства с преимущественным разведением крупного рогатого скота, его эволюции в пределах одного коллектива на протяжении более столетия и сопоставление с хозяйственно-экономическими структурами других регионов.

По антропологическим определениям половозрастной состав населения, оставившего могильник, представлен следующим образом: дети — 27%, 1,2% особи юношеского возраста, пол которых не удалось определить, мужчины — 32,2%, женщины — 39,6% (*Литвинова, 2002. С. 39–45; 2004. С. 48–51*). Окончательная обработка материалов представит неоценимые данные о демографической ситуации в регионе, об антропологическом типе населения, его сходстве и отличиях с населением других зон Причерноморской Скифии и т. д.

Исследования памятника не завершены, поэтому выводы о хронологических рамках скифского могильника Мамай-Гора носят предварительный характер. Начало его зарождения относится к концу VII – началу VI в. до н. э. и связано с сооружением к западу от «ядра» кургана со рвом, прожогами во рву и в насыпи, в разрушенном погребении которого найдены обломки корчаги раннего типа. Следующий этап развития могильника увязывается с сооружением к югу и востоку от центра двух курганов, которые на основании фрагментов хиосских пухлогорлых амфор датируются началом V в. до н. э. Наиболее активное функционирование могильника приходится на конец V–IV в. до н. э. На это указывают амфорные клейма, чернолаковая и гончарная посуда, а также весь вещевой комплекс памятника в целом. Заключительный этап относится, вероятно, к первой трети III в. до н. э., о чем свидетельствует находка ручки херсонесской амфоры с клеймом астинома Батилла.

Пик существования могильника соответствует периоду расцвета степной Скифии, времени, когда в непосредственной близости от Мамай-Горы и в Нижнем Поднепровье в целом возводятся многочисленные крупные насыпи и курганные поля, когда переживает расцвет Каменское городище (*Андрух, Тощев, 2012*).

В совокупности параметры погребальных конструкций, состав и количество инвентаря характерны для рядового населения Скифии. Статистический и корреляционный анализ материалов могильника даст возможность вычленения различных социально-имущественных групп в едином «родоплеменном» или территориальном коллективе. В этом направлении уже сделаны определенные шаги (*Андрух, Тощев, 2003*). Во многих захоронениях, по разработкам Е. Е. Филалко, погребены амазонки (*Филалко, 2010*).

Захоронений лиц более высокого социального статуса на памятнике пока не обнаружено. Тем не менее, есть все основания предполагать открытие в будущем одного или даже нескольких захоронений высшей скифской аристократии, впущенных в курганы эпохи бронзы, вокруг которых и сформировался могильник рядового населения.

Таким образом, по площади и количеству захоронений могильник на сегодняшний день не имеет себе равных в Причерноморье и является одним из крупнейших в Евразийском степном поясе, наиболее репрезентативным и перспективным для детального и полновесного изучения скифской культуры.

Планируемый в дальнейшем детальный анализ памятников рядового скифского населения, в основе которого будут лежать материалы Мамай-Горы, позволит получить максимально полную реконструкцию социально-экономической, политической, материальной, духовной и иных сфер жизни скифского населения данного региона и сопредельных территорий.

Завершает эпоху раннего железа единственное сарматское погребение, впущенное в курган скифского времени.

Могильник стал увеличиваться спустя несколько сот лет в половецкий период. Два грунтовых могильника — I и II (рис. 4, А) располагались севернее курганного ядра, отдельные захоронения впущены в более ранние насыпи, или образуют самостоятельные комплексы в восточном и южном секторах памятника (25 погребений). Погребения сопровождалось оружием, украшениями, бытовыми изделиями. В двух засвидетельствованы бокки. Два грунтовых могильника с рядовой планировкой, по линии запад–восток, могут датироваться первой половиной – серединой XIV в. К более раннему периоду относятся курганные захоронения, в двух из которых отмечены деревянные решетчатые гробовища.

Отметим также, что в 700 м к востоку от могильника Мамай-Гора исследован грунтовый могильник Мамай-Сурка (рис. 4, Б) конца XIII – начала XV в., где исследовано 1162 захоронения (Ельников, 2001; 2006).

Новый всплеск активного использования местности как кладбища относится к XV–XVI вв. и связывается с ногайцами (рис. 4, В). На 2016 г. вскрыто 137 захоронений этого времени, образующих грунтовый могильник западнее курганного ядра (Тоцев, 2013). В расположении погребений не отмечается закономерности, вытянутые на спине костяки ориентированы на запад, иногда с отклонением. Уникальным для погребений данного населения являются находки монет крымского чекана, которые дают основание для датирования памятника и реконструкции возможных политических и экономических контактов населения, оставившего данный памятник с Крымским ханством.

Этим временем функционирование могильника завершается.

Таким образом, в могильнике Мамай-Гора как бы «сфокусировался» весь набор известных в степном Причерноморье археологических культур — от неолита до позднего средневековья. Имеющиеся на сегодня материалы в определенной мере отражают динамику расселения племен, время проживания в различные периоды в этом районе. Можно полагать о достаточно долгом обитании вблизи могильника населения в эпоху неолита, железном веке и средневековье.

Таблица I. Раскладка погребальных комплексов по периодам и культурам

Неолит	Энеолит	Эпоха бронзы	Белозерские	Новочеркасские	Скифы	Сарматы	Половецкие	Ногайские
26	4	ЯК – 14 КК – 33 БК (КМК) – 9 СК – 24	5	2	371	1	25	137

Изученные в 1988–2008 гг. комплексы изданы в полном объеме (Андрух, Тоцев, 1998; Андрух, 2000а; Андрух, Тоцев, 2004; Андрух, Тоцев, 2009). Разработки последних лет готовятся к публикации. Материалы всесторонне изучаются специалистами различных научных направлений (Косиков, 2001; 2004; Крупа, 2009; Петрунь, 1999; Смекалова, Чудин, 2009; Литвинова, 2004; Андрух, Секерська, 1999; Секерская, 2001).

По количеству и концентрации одновременных погребальных комплексов на достаточно локальном участке в Северном Причерноморье выделяются два крупнейших могильника — Мамай-Гора в

Нижнем Поднепровье — около 700 погребений и Каргал в Нижнем Подунавье (Одесская обл.) — более 500 разновременных погребений (информация автора раскопок И. В. Бруяко). Всесторонняя обработка материалов этих памятников позволяет рассматривать их как эталонные в хронологической шкале культур степного Причерноморья.

- Андрух С. П., 1999а.* Деревянная посуда из захоронений скифского могильника Мамай-Гора // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М. В. Ломоносова. Тез. докл. юбилейной конф., посвящ. 60-летию кафедры исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. М., 1999.
- Андрух С. П., 1999б.* Металлические украшения в убранстве рядовых скифов (по материалам могильника Мамай-Гора) // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: К столетию Б. Н. Гракова. Запорожье, 1999.
- Андрух С. П., 2000а.* Могильник Мамай-Гора. Запорожье, 2000. Кн. II.
- Андрух С. П., 2000б.* О некоторых особенностях погребально-поминальной практики на скифском могильнике Мамай-Гора // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Запоріжжя, 2000. Вип. IX.
- Андрух С. П., 2004.* Оружие скифских захоронений могильника Мамай-Гора // ДСПК. Запоріжжя, 2004. Т. XI.
- Андрух С. П., 2009.* Лепная керамика скифского могильника Мамай-гора // Наукові праці історичного факультету ЗНУ. Запоріжжя, 2009. Вип. 25.
- Андрух С. П., Секерська О. П., 1999.* Нові археозоологічні матеріали зі скіфських поховань // Археологія. Київ, 1999. № 3.
- Андрух С. П., Тощев Г. Н., 1998.* Могильник Мамай-Гора. Запорожье, 1988. Кн. 1.
- Андрух С. П., Тощев Г. Н., 2004.* Могильник Мамай-Гора. Запорожье, 2004. Кн. III.
- Андрух С. П., Тощев Г. Н., 2009.* Могильник Мамай-Гора. Запорожье, 2009. Кн. IV.
- Андрух С. П., Тощев Г. Н., 2012.* Могильник скифского времени Мамай-Гора // Wojciech Blajer (red.), Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae, Wydawnictwo Profil-Archeo / Uniwersytet Jagielloński Instytut Archeologii. Krakow, 2012.
- Бунятян Е. П., 1985.* Методика социальных реконструкций в археологии (на материале скифских могильников IV–III вв. до н. э.). Киев, 1985.
- Ельников М. В., 2001.* Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1989–1992 гг.). Запорожье, 2001. Т. I.
- Ельников М. В., 2006.* Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1993–1994 гг.). Запорожье, 2006. Т. II.
- Косицко В. А., 2001.* Спектроаналитические исследования бронзовых наконечников стрел из колчаных наборов некрополя раннего железного века Мамай-Гора // ССПК. Запоріжжя, 2001. Т. IX.
- Косицко В. А., 2004 — Косицков В. А.* Бронзовые украшения из некрополя скифского времени Мамай-Гора (К вопросу о сырьевой базе бронзолитейщиков степной зоны юга Восточной Европы) // С. И. Андрух, Г. Н. Тощев. Могильник Мамай-Гора. Запорожье, 2004. Кн. III.
- Крупа Т. Н., 2009.* Текстиль из погребений могильника Мамай-Гора // С. И. Андрух, Г. Н. Тощев. Могильник Мамай-Гора. Запорожье, 2009. Кн. IV.
- Литвинова А. В., 2002.* О населении Европейской Скифии (по антропологическим материалам могильника Мамай-Гора) // РА. 2002. № 4.
- Литвинова А. В., 2004.* Палеодемография населения скифской культуры (по материалам могильника Мамай-Гора) // Від Кіммерії до Сарматії. Київ, 2004.
- Ольховский В. С., 1991.* Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М., 1991.
- Петрунь В. Ф., 1999.* Результаты петрографических анализов материалов Мамай-Горы // С. И. Андрух, Г. Н. Тощев. Могильник Мамай-Гора. Запорожье, 1999. Кн. I.
- Секерская Е. П., 2001.* Археозоологические материалы скифского могильника Мамай-Гора // С. И. Андрух. Могильник Мамай-Гора. Запорожье, 2001. Кн. II.
- Смекалова Т. Н., Чудин А. В., 2009.* Магнитная разведка и некоторые натурные наблюдения на курганной группе Мамай Гора в Запорожской области // С. И. Андрух, Г. Н. Тощев. Могильник Мамай-Гора. Запорожье, 2009. Кн. IV.
- Тощев А. Г., 2013.* Новые археологические сведения по истории степных кочевников на юге Украины // Древнее Причерноморье. Одесса, 2013. Вып. X.
- Тощев Г. Н., 1996.* О методике раскопок крупных могильников степной зоны // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит — бронзовый век): Материалы Междунар. конф. Донецк, 1996. Ч. 2.
- Тощев Г. Н., 2007.* Белозерский могильник на Мамай-Горе // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ, 2007. № 7.
- Тощев Г. Н., 2009.* Курган 185 эпохи бронзы на Мамай-Горе // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 2009.
- Тощев Г. Н., 2011.* Памятники предскифского времени на Мамай-Горе // Древнее Причерноморье. Одесса, 2011. Вып. IX.
- Тощев Г. Н., 2012.* Памятники эпохи бронзы Мамай-Горы // Культурологічний вісник. Науково-теоретичний щорічник Нижньої Наддніпрянищини. Запоріжжя, 2012. № 31.
- Фиалко Е. Е., 2010.* Погребения амазонок из могильника Мамай-Гора // Stratum plus. СПб.; Кипшинев; Одесса; Бухарест, 2010. № 3: Люди и вещи железного века.
- Andrub S., Toshev G., 2003.* Social Stratification of Scythian Graves from Burial Croud Mamay-Gora // The 5 th International Colloquium of Funerary Archaeology. The Grave as an Expression of the dead social Status (5th c. B. C. — 5 th c. A. D.) Braila-Tulcea, 2003.
- Toshev G. N., 2005.* Die neolithische Nekropole Mamaj-Gora im unteren Dneprgebiet // Godisnjak. Centar za balkanoloska ispitivanja. Sarajevo, 2005. Кн. XXXIV.

Е. А. Смагулов

МЕСТО НАЗЕМНЫХ СКЛЕПОВ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

В статье предлагается альтернативная трактовка погребальных артефактов, распространенных в северо-восточных оазисах Средней Азии в позднеантичное и раннесредневековое время. Развивается точка зрения на наземные склепы/наусы, захоронения очищенных костей в хумах/оссуариях как на следы одного погребального обряда. Обряд этот — следствие единого в целом представления о загробном бытии, для которого необходимы сохраненные кости скелетов. Ритуальные манипуляции с останками предков растянуты во времени на годы, до тех пор, пока костные останки не находят упокоение в укромных местах в грунтовых погребениях. Наземные склепы и целые храмы предков (Кайрагач, Сидак), в которых проводились обряды поминовения и хранились оссуарии, являются в этом обряде важным, но промежуточным звеном археологических следов этого обряда.

Ключевые слова: склепы, погребальный обряд, культ предков, храм предков, хумы, ритуальные комплексы, оссуарии.

В Средней Азии античной и раннесредневековой эпохи практиковалось множество погребальных обрядов, оставивших еще большее количество форм погребальных сооружений. Некоторые из них вполне убедительно «вписаны» в реконструируемые погребальные обряды, установлено время их возникновения, ареал распространения, семантика и место в погребальном обряде. Относительно других продолжают существовать противоречивые мнения. Бывает и так, что противоречия ширятся пропорционально количеству обнаруженных артефактов.

Со времен Н. П. Остроумова и К. А. Иностранцева наибольшие вопросы в среднеазиатской археологии вызывают наземные склепы, или «наусы». В трактовке их места в погребальном обряде наблюдаются, казалось бы, непреодолимые противоречия. Преодоление проблемной ситуации возможно, совершив переход от «археологии артефакта» к «археологии ритуала», в терминологии Д. Г. Савинова (Савинов, 2013. С. 42–45).

Ниже мы рассмотрим возможный вариант реконструкции раннесредневекового погребального обряда, в ходе которого наземные склепы обретают свое место, а некоторые вопросы, связанные с их изучением, получают непротиворечивые ответы. Базовыми объектами, материалами которых мы будем оперировать, является ряд некрополей средней Сырдарьи. Среди них Борижарский могильник — наиболее крупный и наиболее изученный некрополь Южного Казахстана. Общая его площадь 2100 га, он включает 2286 «курганов» (Байтаков и др., 2008. С. 239–247). Из них не менее 233 курганов имеют следы недавних раскопок¹.

Здесь выявлены два основных вида погребальных сооружений: *подкурганные катакомбы* и *наземные склепы*. Катакомбы локализуются исключительно на поверхности верхней террасы и в верхней части ее склона. Склепы же расположены ниже по склону, обращенному к городищу Жуантобе, холм которого возвышается на площадке нижней террасы р. Арысь. Склон с холмиками простирается вверх и вниз от городища (по течению реки) не более чем на 500–600 м. Эту часть могильника предложено именовать «некрополем Жуантобе». По предварительным подсчетам к некрополю Жуантобе может быть отнесено примерно до семисот холмов, под которыми, по нашему мнению, могут скрываться руины наземных

---

¹ В обобщающем издании 2005 г. нам удалось выявить в архивных и опубликованных источниках сведения лишь о десятке катакомб и восьми десятках наземных склепов, исследованных к тому времени (Байтаков и др., 2005. С. 89–96, 98–129).

склепов (рис. 1)². Погребения в катакомбах относятся к расположенному выше и протянувшемуся на 13 км Борижарскому могильнику³. Они датируются первыми веками до и после нашей эры и относятся к иной историко-культурной эпохе.

Рис. 1. Общий вид части некрополя Жуантобе

Впервые раскопки здесь были проведены в 1893 г. по инициативе Н. П. Остроумова, являвшегося представителем Российской Императорской археологической комиссии в Туркестанском крае. Эти работы выявили погребения в «огороженном сырцовым кирпичом четырехугольнике» (Остроумов, 1899. С. 125–126). Очевидно, что здесь исследователи столкнулись с остатками наземных склепов, которые вследствие обрушения перекрытия и многовековой деструкции и дефляции, имеют вид курганообразных холмиков, а после расчистки предстают в виде сырцовой «оградь».

Такие же «оградки» были расчищены здесь в 1949, 1951 г. Южно-Казахстанской экспедицией (ЮКАЭ, рук. А. Н. Бернштам). Исследователи датировали склепы в рамках VIII–X вв., а тип вскрытых сооружений определили как «площадки на уровне горизонта с прямоугольными оградками» (Агеева, Пацевич, 1956. С. 33–60).

В 1967 г. исследования могильника были продолжены Семиреченской археологической экспедицией (САЭ, рук. К. А. Акишев). Раскапывались десятки «курганов», а итоги были обобщены так: «Общее для всех вскрытых курганов то, что захоронения в них совершены не в обычных могильных ямах, а на специально приготовленных для этих целей *могильных площадках*... Делались они всегда из битой глины с примесью мелкой речной гальки. Толщина слоя площадок от 5 до 10 см. Внешние очертания их рисуются в самых различных линиях.

Вместе с тем в обрядах погребений прослеживаются и отличные в деталях разновидности. Выражаются они в следующем: могильные площадки открыты со всех сторон (курганы №№ 5, 6, 17, 21); могильные площадки огорожены четырехугольными, близкими к квадрату оградками из пахсы (курган № 27); на могильных площадках построены архитектурные наземные погребальные сооружения (курганы №№ 29 и 33)». Первоначально полагалось, что постройки были «открытыми надмогильными сооружениями. Холм образовался позднее, вследствие разрушения стен сооружения» (Нурмуханбетов, 1969.

² Для сравнения отметим, что на некрополе известного города Пенджикент в Согде зафиксировано всего около 150 холмов, под которыми подозревают руины наземных склепов (Мейтарция, 2001. С. 74).

³ Для удобства далее будем обозначать «Борижарский могильник» — БМ; «некрополь Жуантобе» — НЖ.

С. 173). То есть ни о какой «курганной насыпи» в реконструкции формы погребального сооружения речи не шло. Но позже вновь тип погребений в «погребальных постройках» был определен как «*труположение под курганной насыпью внутри наземных погребальных построек*» (Нурмуханбетов, 1970. С. 117).

Как видим, в описании результатов исследования описываемой серии «курганов» использована не-систематизированная терминология, порождающая много неясностей (Байпаков и др., 2005. С. 139–140). Но все эти недоразумения с разнообразием «наземных погребений на площадках» снимаются, если признать, что со времен Н. П. Остроумова на НЖ раскапывались *разной степени сохранности остатки сводчатых (или купольных) погребальных сооружений для временных многократных труположений в виде сырцово-пахтовых наземных склепов для временных многократных труположений*⁴.

Более адекватная исследовательская методика позволила практически в те же годы вскрыть у аула Шага на южных предгорьях Каратау наземные погребальные склепы (Максимова, 1974. С. 95 и сл.). И хотя вскрытые постройки А. Г. Максимовой правильно были интерпретированы как *открытые наземные постройки, перекрытые коробовыми сводами*, в публикации они по традиции называются «курганами» (№№ 67–68, 75–76, 108) (Там же. С. 96). Использование названий «курган», «курганная насыпь» невольно создает ложное представление о характере погребального сооружения под внешне обманчивым обликом. Вследствие этого появляются «подкурганные склепы (наусы) Борижарского и других могильников Южного Казахстана» (Левина, 1996. С. 89).

Рис. 2. Керамическая дверная заслонка склепа

трех собак. Скелет одной из них *in situ* расчищен во входном коридоре. Помимо этого, имеется репрезентативная коллекция находок, среди которых одна согдийская монета конца VII – первой половины VIII в. с квадратным отверстием. Эта находка, а также аналогии другим вещам (керамика, железные

Склепы имеют подквадратную в плане форму с размерами по наружному контуру близкими 4–5 × 4–5 м. Ориентированы углами по сторонам света. Вход во внутреннюю камеру в виде длинного (3–3,5 м) узкого (0,7–0,9 м) сводчатого коридорчика устраивался посередине юго-восточной стены. С наружной стороны входы в камеры после каждого очередного подзахоронения тщательно закладывались пахсой или сырцовым кирпичом, использовались и каменные плиты или специальные керамические дверки/заслонки (рис. 2). В подквадратной погребальной камере вдоль двух-трех стен располагались невысокие (0,15 м) суфы-лежанки. Внутренние поверхности стен, суфы и пол тщательно покрывались глиняной штукатуркой. Отмечен и случай побелки.

Останки погребенных зафиксированы внутри камеры и в коридоре в виде перемешанных кучек костей. В разных склепах отмечено разное количество погребенных, от трех до двадцати пяти. Среди человеческих костей в склепе № 68 обнаружены черепа

⁴ В исследовании погребальных сооружений в психологическом плане здесь пришлось преодолевать давление «курганного стереотипа мышления». Похожая в общих чертах ситуация недавно преодолена в золотоордынской археологии при интерпретации раскопок «подкурганных сырцовых оградок» (Зиливинская, 2014).

наконечники стрел и пр.) позволили А. Г. Максимовой датировать склепы концом VII — первой половиной VIII в. Эту датировку она распространила и на Борижарские склепы (Максимова, 1974. С. 115).

Таким образом, после исследований Шагинского некрополя стало окончательно ясно, что вскрывавшиеся на Борижарах так называемые «погребения на площадках» и «погребения в пахсово-сырцовых оградках» и т. п. есть различной степени сохранности остатки «гробниц типа наусов» или «наземных склепов».

При этом в соседних областях Средней Азии к тому времени археологические исследования наземных погребальных склепов шли довольно интенсивно (Ставиский и др., 1953; Агзамходжаев, 1962; Бураков, 1968). Помимо археологических публикаций, эти постройки вошли в обобщающие историко-архитектурные работы, а Г. А. Пугаченкова увидела в так называемых «наусах» раннего средневековья архитектурный зародыш «исламских мавзолеев» (Пугаченкова, 1983. С. 23–24).

Интересные данные были получены при исследовании некрополя Краснореченского городища в Семиречье. Здесь небольшие купольные склепы (внутренняя площадь 1,5–2 кв. м) образовывали плотную застройку части некрополя второй половины VIII – середины X в. (Горячева, 1989. С. 85–95). Яркая картина, вскрытая раскопками, говорит о том, что обычный ход жизни здесь был нарушен, погребальный процесс прерван и поэтому в склепах мы видим кучки костей, скелеты в той или иной степени сохранности, поспешно засунутые в склеп поверх лежащих на полу костей, хумы и оссуарии (Там же, 1989. С. 85–95). Такая ситуация наблюдается в большинстве склепов, документирована она и внутри пнанджикентских склепов (Ставиский и др., 1953. С. 64–98).

В меньшей степени разгром содержимого наблюдается внутри склепов джетыясарской культуры в низовьях Сырдарьи (II в. до н. э. – VIII в. н. э.) (Левина, 1996. С. 68–69). Здесь было раскопано около 700 курганов, из которых под ста двумя оказались сырцовые сводчато-купольные постройки трех типов: 1 тип — подземные; 2 тип — полуподземные; 3 тип — наземные. Л. М. Левиной они называются «склепами», а их появление датируются сер. I тыс. до н. э.⁵ В джетыясарских склепах завернутые в камышовые циновки погребенные укладывались на суфы в вытянутом положении на спине с вытянутыми ногами и руками. Иногда под головой лежала войлочная подушка. Рядом размещали погребальный инвентарь: керамические сосуды с заупокойной пищей, орудия труда, оружие, туалетные наборы в женских погребениях. По предположению Л. М. Левиной, по мере заполнения склепа все ранние погребения убирались, склеп ремонтировался, заново обмазывался штукатуркой, при необходимости слегка перестраивался (Там же, 1996. С. 71, 85). То есть можно сделать вывод, что склепы служили не для окончательного упокоения останков, а лишь для того, чтобы произошло разложение плоти. После этого кости собирались и окончательно хоронились на стороне. Последние («оссуарные некрополи») обычно описываются и воспринимаются как свидетельства отдельного своеобразного «оссуарного или хумного» обряда погребения, но мы предлагаем рассматривать склепы и «оссуарные некрополи» как археологически фиксируемые материальные следы *разных стадий одного погребального обряда*.

Вывод о массовости и типичности наземных склепов как погребальных построек раннесредневекового времени в южно-казахстанском регионе, естественно, предполагал их наличие на некрополях других поселений и городов. Туркестанской археологической экспедицией (ТАЭ, рук. Е. А. Смагулов) на некрополе городища Сидак были расчищены руины шести сырцово-пахсовых склепов (Ержигитова, Смагулов, 2004. С. 81–89). Здесь во многом повторяются результаты расчисток склепов шагинского и борижарского некрополей. Во всех случаях фиксировались хаотично разбросанные по полу и суфам

⁵ Столь раннюю датировку нижней границы бытования склепов, опирающуюся на находки бронзовых наконечников стрел, на наш взгляд, вполне обоснованно ставит под сомнение Б. И. Вайнберг, считая возможным датировать появление склепов II в. до н. э. (Левина, 1996. С. 68–69; Вайнберг, 1999. С. 191). Б. А. Литвинский, обнаружив бронзовый втульчатый наконечник IV в. до н. э. в одном из североферганских курумов, отказался признать его датирующим артефактом, осторожно трактуя эту находку: «...более вероятно, что старый наконечник имел характер амулета и был включен в погребальный инвентарь в I–II вв. н. э.» (Литвинский, 1972. С. 195). Аналогично и А. Г. Максимова, обнаружив в одном из шагинских склепов бронзовый черешковый наконечник, не придавала ему датирующего значения (Максимова, 1974. С. 114, рис. 19, 3).

склепа кости и отдельные мелкие находки. Лишь в одном случае скелеты лежали почти в анатомическом порядке (склеп № 4). Из отдельных интересных находок нужно отметить бронзовое зеркало, фрагмент керамической курильницы «ладьевидной» формы, серебряную пряжку с инкрустацией гранатами и пластинки от поясного ремня (рис. 3). Этот пояс с пряжкой имеет ближайшие аналогии среди джетыясарских материалов III–IV вв. (Левина, 1996. Рис. 133).

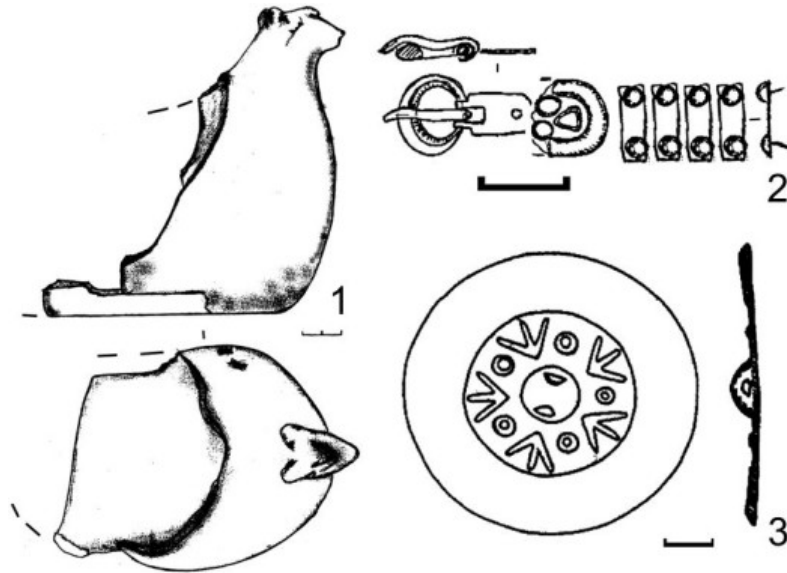

Рис. 3. Находки из склепа 4 некрополя Сидак. 1 — фрагмент керамической фигурной курильницы; 2 — пояс с серебряными накладками и пряжка с гранатовыми вставками; 3 — бронзовое зеркало

Рис. 4. Один из двухкамерных склепов некрополя Жуантобе

На новом этапе изучения БМ накапливаются материалы по различным типам погребений, но в большинстве случаев вскрываются остатки наземных погребальных построек (Ержигитова, 2005). Более адекватная методика раскопок позволяет исследователям во всех без исключения случаях четко фиксировать стены и детали интерьеров построек. Из интересных новых данных можно отметить открытие двухкамерных склепов (рис. 4). Авторы новых раскопок принимают датировку, предложенную А. Г. Максимовой для Борижарских склепов VII–VIII вв., которая, надо отметить, не противоречит датировкам, предложенным на основе анализа разного рода находок В. И. Распоповой и Л. М. Левиной.

Установлено, что на БМ склепам хронологически предшествуют погребения в подкурганых катакомбах и в простых подкурганых могильных ямах. Но никаких «переходных форм» между этими двумя видами погребальных сооружений пока не обнаружено. Имеется и несколько вариантов реконструкций архитектурного облика наземных склепов (рис. 5).

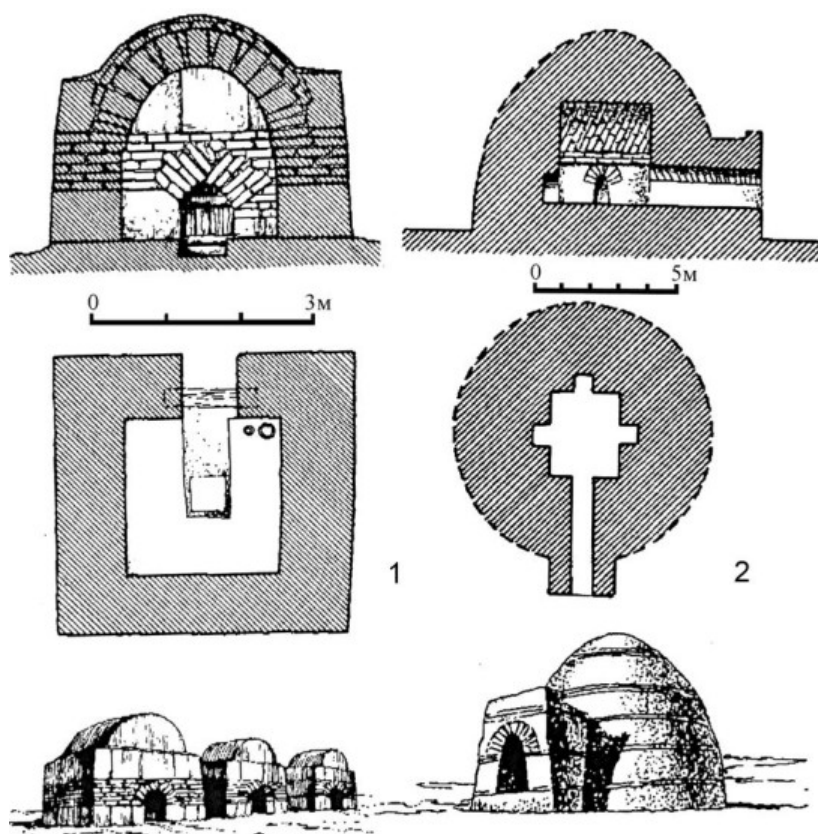

Рис. 5. Реконструкция наземных склепов (по В.А. Нильсену)

Обобщая доступные данные из отчетов и публикаций за вторую половину XX в. и начало нашего века, можно установить, что из 80 раскопанных здесь «курганов» в 64 случаях были расчищены остатки наземных погребальных сооружений (склепов), которые описаны в отдельных случаях как «наусы», «оградки», «площадки». Кроме того, вскрыто десять катакомб, в остальных случаях под курганами никаких конструкций проследить не удалось, и они отнесены к кенотафам.

В склепах зафиксированы ситуации, когда:

— костные остатки полностью отсутствуют (например, 28, 75/1953; 20/1989; 18, 19/1999; 2, 3/2001; 1, 2/2003 и т. д.), таковых 38%⁶

— отдельные кости скелетов, разбросанные по полу камеры вперемешку с вещами (55, 98/1953; 2, 4, 5, 7, 11, 14, 17/1969; 26, 32, 33/1970; 25, 14, 26/1998; 13/1999; 1, 4, 5/2001; 1, 3/2002), скелеты не полные; таковых около 23%;

⁶ Первые цифры обозначают номера «курганов» по публикации (или отчету), вторая — год публикации. Выражаю благодарность А. А. Ержигитовой за помощь в статистической обработке данных.

- зафиксированы лежавшие на спине скелеты (36, 59, 57, 35/1953; 19, 22, 3/1969; 17/1999); 4%;
- кости скелетов были собраны в кучки (38/1953; 13/1969; 36/1989; 7/1999; 6/2001; 2/2002); 16%;
- в остальных случаях наблюдается совмещение в одном склепе разных видов состояния костей.

А. Г. Максимова определила шагинские склепы как «гробницы типа наусов» (Максимова, 1974). Тем самым как бы подчеркнув формальное сходство их внешнего вида с хорошо известными к тому времени среднеазиатскими наусами, но отличие формы и сути погребального обряда. Это же обстоятельство было подмечено и Б. Нурмуханбетовым: «...борижарские погребальные сооружения, имея много общего во внешнем строении с наусами, не являются ими по назначению» (Нурмуханбетов, 1969. С. 120). Оценив ситуацию, наблюдаемую в отдельных склепах Краснореченского некрополя, В. Д. Горячева приходит к заключению, что «сначала в наусе истлевал труп», а «весь материал свидетельствует о выставлении трупов с последующим погребением очищенных костей» (Горячева, 1989. С. 90, 95). То же самое предполагает частично реконструируемый погребальный обряд джетыясарской культуры низовьев Сырдарьи (Левина, 1996. С. 71, 85).

В истории культуры Центральной Азии наусами принято именовать погребальные постройки, свойственные маздеистскому (или зороастрийскому?) погребальному канону, хотя о степени влияния/распространения зороастризма в Средней Азии среди специалистов нет единого мнения. Одни готовы видеть проявление зороастризма в каждом факте особого отношения к огню, или в любом погребении очищенных костей. Но ведь не только последователи Заратуштры приобрели от богов монополию на почитание огня и очищение костей своих предков. Другие отрицают распространение и влияние зороастризма, государственной религии сасанидского Ирана, в оазисах Средней Азии и Семиречья в эпоху древности и в раннем средневековье. Каждый из этих подходов имеет свои слабые и сильные основания. Детальное их рассмотрение не входит в задачу нашего доклада. Нам следует лишь отметить, что продвинуться в понимании религиозной жизни населения присырдарьинских и среднеазиатских оазисов при отсутствии однозначно трактуемых письменных источников можно на основании систематического анализа результатов раскопок погребальных памятников.

Замечу, что наземные склепы были известны и в древнем Парсе/Персиде, но здесь древняя зороастрийская традиция порицала этот вид погребальных сооружений, не признавала его зороастрийским и предписывала их уничтожать (Хисматулин, Крюкова, 1997. С. 211).

Нами предлагается в целом непротиворечивая реконструкция погребального обряда (естественно, археологизированной его части), распространенного в раннесредневековых поселениях и городках Присырдарьинского региона, как протяженного во времени цикла обрядовых действий, в котором наземные склепы занимают промежуточное место. При этом обряде наземные склепы служат местом выставления трупа до его полной естественной скелетизации. После чего очистившиеся кости в определенное традицией время собираются в бытовой или специально изготовленный сосуд, или в специальную урну/оссуарий, или просто заворачиваются в ткань/кошму и хранятся в домах наследников, или помещаются в специальные родовые храмы предков и только потом погребаются окончательно в укромном, не попираемом людьми и скотом месте, опять же в определенное традицией время, или в условиях внешней угрозы (Смагулов, 2004а. С. 252–256; 2004б. С. 40–55). При этом склепы являются местом не погребения, а лишь выставления. Случаи же обнаружения в склепе совместно лежащих скелетов, кучек костей, хумов и урн с костями можно трактовать как следствие *незавершенного погребального обряда*, когда некрополь внезапно забрасывался. Такие явления, надо полагать, происходили в массовом порядке в эпоху утверждения и распространения ислама среди оседлого населения региона (VIII–IX вв.)⁷. Разнообразие в состоянии костей — это разные стадии, которые проходят человеческие останки внутри склепа. На следующем этапе кости выносятся и, возможно, хранятся некое время в доме потомков или, как вариант, в родовых/общинных храмах предков, и только по истечению определенного времени они хоронятся в укромном месте: так появляются погребения по «оссуарному» или «хумному обряду».

⁷ Поэтому наиболее представительные комплексы находок из склепов обычно датируются именно этим временем.

Такая реконструкция действительно объясняет многие до сих пор непонятные, но часто отмечаемые при вскрытии наземных склепов моменты. То есть концепция имеет эвристическую составляющую. Например, становится ясным, почему большинство более-менее представительных комплексов находок (с монетами и др.) в склепах Средней Азии датируются VII–VIII вв., то есть временем арабского завоевания и утверждения ислама: именно в это время, вероятно, происходил массовый переход к иному погребальному обряду, при этом прежние погребальные сооружения разрушались и забрасывались. Понятно, почему в склепах редки закрытые комплексы находок более раннего времени: они там и не могли массово откладываться, потому что склепы регулярно чистились, подновлялись и служили семье многие годы или века. При этом мы акцентируем внимание на тех сторонах этого обряда, которые никак не могут быть обусловлены зороастрийскими представлениями.

На несоответствие среднеазиатских погребений в наусах, оссуариях и пр. зороастрийской догматике, как она известна по письменным и этнографическим данным, указывают многие авторы, но при этом почему-то продолжают именовать эти обряды зороастрийскими (*Мейтарчиан*, 2001. С. 71).

Нужно отметить, что протяженный во времени погребальный ритуал (он мог длиться годами) вообще был характерен для различных этносов Евразии — «кочевых» и «оседлых». Относительно тюркских племен и народов Д. Г. Савинов отмечает: «Данная особенность проведения поэтапной церемонии проводов умершего у раннесредневековых кочевников Центральной Азии и Южной Сибири была настолько выразительной, что, как непрменный атрибут их культурной характеристики, была отмечена свидетельствами китайских письменных источников» (*Савинов*, 2013. С. 44–45).

Противоположная точка зрения в последние годы представлена в концепции Г. И. Богомолова, который все расчлененные погребения Средней Азии готов объяснить следствием распространения зороастризма (*Богомолов*, 2005. С. 187–196; 2006. С. 183–193; 2007. С. 77–82). Автор исходит из того, что «в эпоху раннего средневековья... для всего Согда, ведущим типом погребальной обрядности становится обряд, состоявший из двух этапов: предварительное выставление трупов и затем захоронение очищенных от мягких тканей костей. Нередко кости помещались в специальные сосуды-оссуарии или однокамерные наземные сооружения — склепы-наусы, реже в грунтовые могилы» (*Богомолов*, 2007. С. 77). По логике рассуждений Г. И. Богомолова, наусы служили для окончательного помещения в них оссуариев — керамических урн (или просто сосудов) с очищенными от плоти костями покойного или же для хранения просто кучек очищенных костей. Они являлись как бы завершающими в ряду канонических погребальных сооружений. При такой трактовке остается непонятным, почему более чем треть наусов при расчистке оказываются практически пустыми.

В историографии проблемы традиционно почему-то считается, что оссуарии являются единственным и безусловным признаком (свидетельством) только зороастрийского погребального обряда. При этом как бы забывая существование, например, древней еврейской погребальной традиции, так же связанной с оссуариями. В обзоре подобных взглядов Э. В. Ртвеладзе отмечает: специалистами установлено, «что широко распространенная на раннесредневековых оссуариях Согда схема декора в виде двух или четырех многолепестковых розеток, помещенных между стилизованными колонками, совпадает с традиционным декором еврейских оссуариев.

На этом основании они считают, что оссуарии с таким декором могли принадлежать еврейским общинам в Согде во время становления здесь оссуарного обряда захоронения (IV–V вв.), но подчеркивают, тем не менее, что таких оссуариев единицы и что пока нет полной уверенности в их еврейской атрибутике. Между тем, находки оссуариев с древнееврейскими надписями из Старого Мерва убедительно свидетельствуют о том, что еврей, по крайней мере, в Маргиане, использовали оссуарии для захоронения» (*Ртвеладзе*, 2004. С. 11).

М. И. Филанович, вслед за Ф. Гренэ, считает что оссуарный обряд появился в Ташкентском регионе не ранее VI в., как и в Семиречье, из Согда. Но при этом формы и оссуариев, и самих наземные построек, в которые их помещали, трансформировались под влиянием форм традиционных местных надмогильных сооружений (*Филанович*, 1990. С. 85–96). А. А. Грицина датирует захоронения костей в хумах в Уструшане (Джизакская и Сырдарьинская обл. Узбекистана) с III–IV вв. (*Грицина*, 1997. С. 27–28;

1999. С. 223–225). То есть мы можем предполагать, что с этого времени получают распространение и места для выставления трупов, возможно в виде наземных склепов. Г. А. Богомоллов обосновывает более раннее появление оссуариев в Чаче и видит их генезис в керамических гробах парфянского времени (Богомоллов, 2006. С. 183–193).

Реконструируемый нами погребальный обряд предполагает, что после очистки костей в наземных склепах, останки представителей определенных социальных категорий собирались в хумы и, как вариант, помещались на хранение в стационарные «храмы предков». Там были специальные комнаты-хранилища, определенная инфраструктура обеспечивала доступ к костным останкам. Такие хранилища (хумхона) расчищены на городище Сидак на уровне верхнего горизонта (VII–VIII вв.) и на уровне горизонта с пятиугольным культовым двором (IV–VI вв.) (Смагулов, 2008. С. 292–296). При расчистке помещений этих горизонтов найдено до сотни археологически целых хумов, зачастую вкопанных в суфы или под пол помещений и закрытых крышками, но совершенно пустых. Лишь в редких случаях в них находились некоторые мелкие артефакты (костяная пряжка, костяной «пенал», медная игольница, шило бронзовое, игральная кость и т. п.). На многих из них еще по сырой глине были прочерчены крупные знаки/тамги (Смагулов, Яценко, 2010. С. 190–221).

В одном случае рядом с хумом найден зарытый в суфу кувшин с костюмным комплектом и личными атрибутами. Если предположить, что в хумах, обнаруженных пустыми, хранились очищенные естественным образом в склепах костные останки усопших членов данной общины, то тогда этот комплекс украшений и амулетов из кувшина можно истолковать как комплект личных вещей и не истлевших деталей костюма, захороненный вместе (рядом) с останками его хозяйки (Смагулов, 2013. С. 117). При такой интерпретации находят объяснение и отмеченные выше находки в некоторых хумах отдельных мелких вещичек, и находки отдельных костей скелетов в развалах этих сосудов, и абсолютное отсутствие во множестве расчищенных целых хумов малейших признаков пищевых продуктов...

В ферганской части присырдарьинского региона известен другой храм предков. Мы имеем в виду так называемую «усадьбу Кайрагач», исследованную Г. А. Брыкиной в 60-х годах прошлого века (Брыкина, 1982. С. 29 и сл.). Автор исследования видит здесь «храм предков» лишь в трех–четыре помещениях, в которых обнаружены знаменитые керамические идолы. Остальные помещения вскрытого комплекса, судя по публикациям и отчетам, были буквально забиты развалами хумов и хумчей. Считать эти помещения при храме предков неким общественным амбаром не позволяет отсутствие в отчетах упоминаний о случайно сохранившейся горсти-другой пищевых припасов. Но ничто не мешает предположить здесь хранилища костей предков в крупных керамических сосудах-хумах. Правда, нет сведений и о найденных в связи с этими сосудами отдельных мелких атрибутах или человеческих костях. Но, похоже, на такие «мелочи» в ходе раскопок этого памятника внимания вовсе не обращалось. Пока единственным, хотя и не абсолютным, аргументом в пользу нашего предположения могут служить многочисленные тамги/знаки на плечиках хумов, обнаруженных в этих помещениях.

Полученные материалы из Борижарского могильника и погребальных памятников присырдарьинского региона эпохи древности и раннего средневековья, на наш взгляд, достаточно наглядно демонстрируют общие дозороастрийские, языческие по сути свойства и признаки. Нет никаких оснований говорить об участии в их формировании адептов религии сасанидского Ирана, так же как подозревать древнее население берегов Сырдарьи в чтении Авесты. При этом «мазденстские» верования оставались традиционными верованиями местных среднеазиатских племен и народов. Влияние на них зороастризма или буддизма с манихейством, увы, не находит однозначно трактуемого отражения в «археологии ритуала» присырдарьинских культур поздней древности и раннего средневековья.

Агеева Г. П., Пацевич Е. П. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года // Труды ИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1956. Т. 1.

Агзамходжаев Т. Туябугузские наусы // ИМКУ. Ташкент, 1962. Вып. 3.

Байпаков К. М., Смагулов Е. А., Ержигитова А. А. Ранне-средневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы, 2005.

Байпаков К. М., Воякин Д. А., Антонов М. А., Акылбек С. Ш., Сорокин Д. В. Создание геоинформационной системы Борижарского могильника // Известия НАН РК, Сер. обществ. наук. Алматы, 2008. № 1

- Богомалов Г. П. Развитие погребальных сооружений раннесредневекового Чача // История Узбекистана в археологических и письменных источниках. Ташкент, 2005.
- Богомалов Г. П. К изучению оссуарного обряда Чача // ИМКУ. Ташкент, 2006. Вып. 35.
- Богомалов Г. П. Из истории зороастрийского погребального обряда // Самаркан шахрининг умумбаширий маданий тараккиёт тарихида туттан урни. Тошкент; Самарканд, 2007.
- Буряков Ю. Ф. Пскентские наусы // СА. 1968. № 3.
- Брыкина Г. А. Юго-западная Фергана в первой половине I тыс. нашей эры. М., 1982.
- Вайнберг Б. П. Этногеография Турана в древности. VII в. до н.э. - VIII в. н.э. М., 1999.
- Грицина А. А. Об оссуарном обряде в Уструшане // Верования и культуры Средней Азии: Гос. музей Востока. Тез. конф. М., 1997.
- Грицина А. А. О погребениях в хумах в Зааминском тумане // ИМКУ. Ташкент, 1999. Вып. 30.
- Горячева В. Д. Наусы некрополя Краснореченского городища // Красная речка и Бурана. Фрунзе, 1989.
- Ержигитова А. А. Исследования могильника Борижары // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие-2004». Алматы, 2005.
- Ержигитова А. А., Смагулов Е. А. Погребальные сооружения некрополя городища Сидак // Известия МОН НАН РК, Сер. общест. наук., 2004. № 1
- Зилвинская Э. Д. Подкурганные сырцовые оградки (об одном археологическом мифе) // Восхождение к вершинам археологии: Сб. мат-лов Междунар. науч. конф. «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвящ. 90-летию со дня рождения К. А. Акишова. Алматы, 2014.
- Левина Л. М. Этнокультурная история восточного Приаралья. М., 1996.
- Литвинский Б. А. Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972.
- Максимова А. Г. Гробницы типа науса у с. Чага (Шага) // В глубь веков. Алма-Ата, 1974.
- Мейтартчиан М. Б. Погребальные обряды зороастрийцев. М.; СПб., 2001.
- Нильсен В. А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V-VIII вв.). Ташкент, 1966.
- Нурмуханбетов Б. Новые данные по археологии тюркского времени Южного Казахстана // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата. 1969.
- Нурмуханбетов Б. Некоторые итоги раскопок Борижарского могильника // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата. 1970.
- Остроумов Н. П. Археологическая поездка в с. Мамаевку Чимкентского уезда // Протоколы ТКЛА, год IV. Ташкент, 1899.
- Пугаченкова Г. А. Хорасанские мавзолеи // Художественная культура Средней Азии IX-XIII вв. Ташкент, 1983.
- Ртвеладзе Э. В. Еврей-иудансты в доисламской Средней Азии // Еврей в Средней Азии: вопросы истории и культуры. Ташкент, 2004.
- Савинов А. Г. О «скрытой» стороне южносибирской археологии // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2013.
- Смагулов Е. А. К реконструкции погребального обряда Южного Казахстана раннесредневековой эпохи // Новые исследования по археологии Казахстана: Тр. науч.-практич. конф. «Маргулановские чтения-15». Алматы, 2004а.
- Смагулов Е. А. Арабское нашествие в Южный Казахстан: данные письменных и археологических источников // Мобилизованный археологий. Астана, 2004б.
- Смагулов Е. А. Раннесредневековый храмовый комплекс на цитадели Сидака (Средняя Сырдарья) // Труды II (XVIII) всероссийского археологического съезда в Суздале 2008 г. М., 2008. Т. II.
- Смагулов Е. А. Культурные постройки храмового комплекса на городище Сидак (Южный Казахстан) // Согдийцы и их предшественники, современники и наследники. Труды Государственного Эрмитажа, СПб., 2013. Т. LXII.
- Смагулов Е. А., Яценко С. А. Знаки – нишан и сюжетные граффити V-VIII вв. на керамике городища Сидак на средней Сырдарье // Отзвуки Великого Хорезма: К 100-летию со дня рождения С. П. Толстова / Отв. ред. Э. Д. Зилвинская. М., 2010.
- Ставиский Б. Я., Большаков О. Г., Мончадская Е. А. Пянджикентский некрополь // Тр. Таджикской археологической экспедиции. Т. 2. М.; Л., 1953.
- Филанович М. П. По поводу оссуарного обряда погребения в Ташкенте // Древняя и средневековая археология Средней Азии. Ташкент, 1990.
- Хисматуллин А. А., Крюкова В. Ю. Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. СПб., 1997.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ	—	Археологические вести. СПб.
АДУ	—	Археологічні дослідження в Україні, Київ
АО	—	Археологические открытия. М.
АП	—	Археологічні пам'ятки УРСР, Київ
БашГУ	—	Башкирский государственный университет
БМАК	—	Бактрийско-Маргианский археологический комплекс
ВДИ	—	Вестник древней истории
ГБУК	—	Государственное бюджетное учреждение культуры
ДСПК/ ССПК	—	Древности степного Причерноморья и Крыма (1990–1997 рр.), Старожитності степового Причорномор'я і Криму (1999–2009 рр.) Запоріжжя
ЗНУ	—	Запорізький національний університет
ИАК	—	Императорская археологическая комиссия. СПб.
ИАЭТ СО РАН	—	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск
ИИАЭ АН КазССР	—	Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата
ИИМК	—	Институт истории материальной культуры. СПб.
ИИЯЛ УНЦ РАН	—	Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук. Уфа
ИМКУ	—	Институт материальной культуры Узбекистана. Ташкент
КАТЭК	—	Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс. Красноярский край
КНИИ ИФЭ	—	Калмыцкий научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики (в настоящее время
КИГИ	—	Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН). Элиста
КСИА	—	Краткие сообщения Института археологии. М.
КСОАО	—	Краткие сообщения Одесского археологического общества. Одесса
МАР	—	Материалы по археологии России. СПб., 1866–1918
МАЭ	—	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Л.; СПб
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИАР	—	Материалы и исследования по археологии России. М.
МНАИМ	—	Национальный Музей Археологии и Истории Молдовы (Кишинев)
МОН	—	Министерство образования и науки
МРС	—	мелкий рогатый скот
НА ИА РАН	—	Научный архив Института археологии РАН. М.
НАН РК	—	Национальная Академия наук Республики Казахстан
НАНУ	—	Национальная академия наук Украины. Киев
НОКМ	—	Новосибирский областной краеведческий музей

ОАК	—	Отчеты Императорской Археологической комиссии. СПб., Пг.
ПАВ	—	Петербургский археологический вестник. СПб.
ПИО	—	Проблемы исследования Ольвии. Тезисы докладов. Парутино, 1985
РА	—	Российская археология. М.
РАН	—	Российская Академия наук
РАНИОН	—	Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. М.
СА	—	Советская археология. М.
САИПИ	—	Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства
СМАЭ	—	Сборник Музея антропологии и этнографии. СПб., Пг., Л.
ССПК	—	Старожности Степового Причорномор'я і Криму, Запоріжжя
ТКЛА	—	Туркестанский кружок любителей археологии. Ташкент
ТНИИЯЛИ	—	Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Кызыл
ЭО	—	Этнографическое обозрение. М.
SN	—	Serie Nouă

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Агульников Сергей Михайлович** — научный сотрудник Центра Археологии, Институт Кишинев, Молдова
Культурного Наследия АН Молдовы
- Акулов Алексей Григорьевич** — независимый исследователь,
Санкт-Петербург, Россия
- Андрух Светлана Ивановна** — кандидат исторических наук, доцент, кафедра
Запорожье, Украина
всемирной истории и международных отношений,
Запорожский национальный университет
- Атоянц Елена Левандовна** — «Научно-исследовательский Центр историко-
Ереван, Республика Армения
культурного наследия» при Министерстве культуры
Армении
- Боковенко Николай
Анатольевич** — кандидат исторических наук, старший научный
Санкт-Петербург, Россия
сотрудник Отдела археологии Центральной Азии и
Кавказа, Институт истории материальной культуры
РАН
- Бородовский Андрей Павлович** — доктор исторических наук, доцент, Институт
Новосибирск, Украина
археологии и этнографии СО РАН
- Вадецкая Эльга Борисовна** — доктор исторических наук, ведущий научный
Санкт-Петербург, Россия
сотрудник-консультант Отдела археологии
Центральной Азии и Кавказа, Институт истории
материальной культуры РАН
- Волков Павел Владимирович** — доктор исторических наук, ведущий научный
Новосибирск, Россия
сотрудник, Институт археологии и этнографии СО
РАН; Новосибирский государственный университет
- Зубова Алиса Владимировна** — кандидат исторических наук, старший научный
Санкт-Петербург, Новосибирск,
Россия
сотрудник, Музей антропологии и этнографии им.
Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург;
старший научный сотрудник, Институт археологии и
этнографии СО РАН, г. Новосибирск
- Ивченко Андрей Валерьевич** — младший научный сотрудник, отдел античной
Киев, Украина
археологии, Институт археологии НАН Украины
- Килуновская Марина
Евгеньевна** — кандидат исторических наук, старший научный
Санкт-Петербург, Россия
сотрудник Отдела археологии Центральной Азии и
Кавказа, Институт истории материальной культуры
РАН
- Кириллов Андрей Кузьмич** — кандидат физико-математических наук, зав.
Днепропетровск, Украина
Лабораторией прогноза газовых ресурсов, Институт
физики горных процессов Национальной академии наук
Украины

- Кисель Владимир Антониевич** — кандидат исторических наук, старший хранитель фонда Санкт-Петербург, Россия «Сибирь», Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
- Кишкурно Мария Святославовна** — младший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН Новосибирск, Россия
- Ковалев Алексей Анатольевич** — научный сотрудник, Институт археологии РАН (Москва, Россия)
- Козленко Роман Александрович** — Младший научный сотрудник, Отдел археологии Николаев, Украина Нижнего Побужья, Национальный историко-археологический заповедник «Ольвия»
- Куприянова Елена Владиславовна** — кандидат исторических наук, директор Учебно-научного Челябинск, Россия центра изучения проблем природы и человека, Челябинский государственный университет
- Лазаретов Игорь Павлович** — кандидат исторических наук, старший научный Санкт-Петербург, Россия сотрудник Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа, Институт истории материальной культуры РАН
- Малюкевич Александр Евгеньевич** — научный сотрудник, Одесский Государственный Одесса, Украина Археологический Музей НАН
- Морозов Сергей Владимирович** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела Санкт-Петербург, Россия археологии Восточной Европы и Сибири, Государственный Эрмитаж
- Перцева Марина Александровна** — специалист, ГБУК «Музей-институт семьи Рерихов» Санкт-Петербург, Россия
- Полин Сергей Васильевич** — кандидат исторических наук, старший научный Киев, Украина сотрудник, Институт археологии НАН Украины, г.
- Поляков Андрей Владимирович** — кандидат исторических наук, старший научный Санкт-Петербург, Россия сотрудник Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа, Институт истории материальной культуры РАН
- Рафикова Янина Валерьевна,** — кандидат исторических наук, старший научный Уфа, Россия сотрудник Отдела археологических исследований Института истории, языка и литературы, Уфимский научный центр РАН
- Семенов Владимир Анатольевич** — кандидат исторических наук, доцент, старший научный Санкт-Петербург, Россия сотрудник Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа, Институт истории материальной культуры РАН

- Симонян Акоп Ервандович** — кандидат исторических наук, зам. директора, Научно-исследовательский Центр историко-культурного наследия Министерства культуры Армении
Ереван, Республика Армения
- Сиротин Сергей Викторович** — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН
Москва, Россия
- Смагулов Ербулат Акижанович** — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии МОН Казахстана
Алматы, Казахстан
- Субботин Андрей Викторович** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа Институт истории материальной культуры РАН
Санкт-Петербург, Россия
- Ташбаева Кадича Искандеровна** — кандидат исторических наук, Зав. отделом археологии, Институт истории и культурного наследия НАН Кыргызской Республики
Бишкек, Кыргызстан
- Тощев Геннадий Николаевич** — кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории Украины, Запорожский национальный университет
- Фёдоров Виталий Кимович** — кандидат исторических наук, доцент, кафедра общенаучных дисциплин, Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия (Академия ВЭГУ)
Уфа, Россия
- Усманова Эмма Радиковна** — научный сотрудник, Сарыаркинский археологический институт, Карагандинский государственный университет им. Е. А. Букетова
Караганда, Казахстан
- Шишкин Алексей Сергеевич** — кандидат исторических наук, специалист, ООО «КАМИС»
Санкт-Петербург, Россия
- Яценко Сергей Александрович** — доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия

Научное издание

**Древние некрополи — погребально-поминальная обрядность,
погребальная архитектура и планировка некрополей.**

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (отв. ред.), М. Е. Килуновская, Н. А. Лазаревская, С. А. Яценко
Корректор Т. С. Дорофеева
Макет Н. А. Лазаревская
Дизайн обложки К. Белая

Подписано в печать 17.09.2018. Формат 60 × 90/8.
Уч.-изд. л. 28,3 л., усл.-печ. л. 32,0. Тираж 300 экз. Заказ 75

Отпечатано в типографии Государственного Эрмитажа

Предлагаемый читателю сборник является публикацией материалов представительного международного Круглого стола «Древние некрополи: погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планиграфия некрополей», проведенного в Петербурге в ноябре 2016 г. Он является второй из задуманной серии подобных встреч, посвященных малоисследованным аспектам погребальной обрядности, отражению в материалах археологии ментальности и субкультурной специфики. В публикуемых текстах особое внимание уделяется закономерностям внутренней планировки некрополей и святилищ, междисциплинарному исследованию памятников такого рода, редким формам погребальных и надмогильных сооружений, обрядам обезвреживания умерших, в т. ч. с их черепами, человеческих жертвоприношений, реконструкции средневековых наземных склепов (выглядающих сейчас как курганы) и т. п. Тексты размещены в хронологической последовательности от неолита к позднему средневековью. Сборник будет полезен археологам, религиоведам, этнографам, историкам и всем интересующимся древней религией и культурными корнями ряда современных традиций.

